ISSN 0130-2620

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

278

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
278

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ИА РАН

МОСКВА 2025

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 278. 2025

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК РФ.
Специальность 5.6.3. Археология

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. М. Вагнер, д. и. н. М. С. Гаджиев, проф. О. Далли,
проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
акад. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина,
д-р Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.278

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2025
© Авторы статей, 2025

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Гаврилов К. Н., Хлопачев Г. А. Типы персональных украшений и структура погребального комплекса Сунгирской стоянки: хронологические аналогии 7
Шмидт И. В., Рогачев Е. А., Малий В. Ю. Бусина из бивня мамонта: следы продолжительного износа (отдельные тезисы по результатам эксперимента) 24

ОТ КАМНЯ К БРОНЗЕ

Щелинский В. Е. Открытие первых местонахождений среднего палеолита в Западном Предкавказье 43
Ожерельев Д. В., Жилин М. Г. Результаты трасологического анализа микролитов из слоя 9 верхнепалеолитической стоянки Рахат, Казахстан 61
Еськова Д. К., Долбунова Е. В., Мазуркевич А. Н. Каменный инвентарь раннего неолита Днепро-Двинского междуречья (по материалам комплекса стоянки «Одиночный курган у дер. Сертея») 77
Моргунова Н. Л., Салугина Н. П. К вопросу о технологии гончарства абашевской культуры (по данным погребальных комплексов Оренбургского Приуралья) 99
Гак Е. И., Кайзер Э. Радиоуглеродная хронология и археологические материалы поселения Ксизово-1 на Верхнем Дону 118
Сотникова С. В. Игральные кости срубно-андроновского мира: к вопросу об интерпретации знаков 136
Кузьминых С. В., Сыроватко А. С. Находки кельтов позднего бронзового века в низовьях Москвы-реки 150

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И АНТИЧНОСТЬ

Кадиева А. А., Демиденко С. В. Два неординарных воинских погребения скифской эпохи на могильнике Заюково-3 157
Ляхов С. В., Маслов В. Е., Половинкина Ю. С. Воинское погребение у с. Китаевское 176
Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. Цитадель городища Мелек по результатам исследований 2024 года 196
Васильева О. А. Памятники позднеантичной резной кости в ГМИИ им. А. С. Пушкина: к вопросу о происхождении и составе коллекции 205
Чебышев Г. С. Новые находки глиняных светильников из южного пригорода Херсонеса 219
Ковальчук А. В., Финогенова С. И. Клеймо с изображением петуха 232

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ

Казанский М. М. Постгуннский Танаис и оногуры 243
Коробов Д. С. Курганный могильник Левоподкумский 1 близ Кисловодска: предварительные итоги комплексного исследования 2024 г. 261
Родинкова В. Е. Раннеславянские материалы поселения Бондаревка 2 в бассейне Верхнего Псла 275
Кренке Н. А., Ершов И. Н. Древнерусские подковообразные фибулы с личинами 294

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Баранов Н. А. Гребни и расчески из археологических исследований в Суздале 308
Колоколов А. М. Находка сабли X–XI вв. в пригороде г. Тулы 328

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ МЕТОДЫ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Казарницкий А. А. О разных масштабах миграций носителей ямной культуры (по краниологическим данным). 342
Пантелеев С. А., Балабанова М. А., Перерва Е. В. Погребение гуннского времени из могильника «Посольский»: археология и антропология 358
Юдина А. М., Бадеев Д. Ю. Биритуальные погребения курганно-грунтового могильника Новенькое-1. Палеодемографические аспекты исследования 382
Бачура О. П., Лобанова Т. В., Григорьева Н. В., Лапшин В. А. Археозоологические материалы XI–XVII веков из раскопок Земляного городища в Старой Ладоге. 396
Селин Д. В., Чиндина Л. А. Технико-технологический анализ керамики кулайской культурно-исторической общности с поселения Малгет 6. 413
Халимуллина Л. Р. Сравнительный анализ морфометрических показателей ресурсных зон памятников именьковской культуры V–VII вв. в бассейне р. Свияга и памятников киевского типа в бассейне р. Большой Черемшан III–IV вв. 429

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ. 444
ОТ РЕДАКЦИИ. 447

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

CONTENTS

PROBLEMS AND MATERIALS

Gavrilov K. N., Khlopachev G. A. Types of Personal Jewelry and the Structure of the Mortuary Construction at Sungir: Chronological Analogies 7
Shmidt I. V., Rogachev E. A., Maliy V. Yu. The Mammoth Tusk Bead: Wear Marks Caused by a Long Period of Use (some statements based on the experimentation) 24

FROM STONE TO BRONZE

Shchelinsky V. E. The Discovery of the First Middle Paleolithic Locations in the Western Ciscaucasia 43
Ozherelyev D. V., Zhilin M. G. The Use-wear Analysis of the Microliths from Layer 9 at the Upper Paleolithic Site of Rakhat in Kazakhstan 61
Eskova D. K., Dolbunova E. V., Mazurkevich A. N. The Lithic Items of the Early Neolithic from the Dnieper-Dvina Interfluve (case study of the lithic assemblage at the Single Kurgan site near the Serteya village) 77
Morgunova N. L., Salugina N. P. Revisiting the Issue of Pottery Technology of the Abashevo Culture (based on the data from the funerary assemblages in the Orenburg Urals region) 99
Gak E. I., Kaiser E. Radiocarbon Chronology and Archaeological Materials from the Ksizovo-1 Settlement in the Upper Don Region 118
Sotnikova S. V. The Dice of the Srubnaya-Andronovo World: the Issue of the Symbol Interpretation Revisited 136
Kuzminykh S. V., Syrovatko A. S. The Finds of the Late Bronze Age Celts in the Lower Reaches of the Moskva-river 150

IRON AGE AND ANTIQUITY

Kadieva A. A., Demidenko S. V. Two Unusual Warrior Graves from the Scythian Period at the Zayukovo-3 Cemetery 157
Lyakhov S. V., Maslov V. E., Polovinkina Yu. S. The Warrior Grave near the Kitaevskoe Village 176
Zaytsev Yu. P., Shkriblyak I. I. The Citadel of the Melek Hillfort Based on the 2024 Investigation 196
Vasilyeva O. A. Carved Bone Objects from the Late Antiquity in the Pushkin State Museum of Fine Arts: the Issue of the Collection Origin and Composition Revisited 205
Chebyshev G. S. New Finds of Clay Oil Lamps from the Southern Suburb of Chersoneses 219
Kovalchuk A. V., Finogenova S. I. The Stamp Featuring a Rooster 232

MEDIEVAL ANTIQUITIES

Kazanskiy M. M. Post-Hun Tanais and the Onoghurs 243
Korobov D. S. The Levopodkumsky 1 Kurgan Cemetery near Kislovodsk: Preliminary Results of the 2025 Comprehensive Research 261
Rodinkova V. E. Early Slavic Materials from the Bondarevka 2 Settlement in the Upper Psel Basin 275

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Krenke N. A., Ershov I. N. Medieval Russia Horseshoe-shaped Fibulae Featuring Masks 294
Baranov N. A. Double-sided Combs and One-sided Combs from Archaeological Research in Suzdal 308
Kolokolov A. M. The Find of the Saber in the Suburb of Tula 328

METHODS OF NATURAL SCIENCES
IN ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

Kazarnitskiy A. A. The Scale of Yamnaya Population Migrations (based on craniological data) . . . 342
Panteleev S. A., Balabanova M. A., Pererva E. V. The Dune Grave of the Hun Period from the «Posolsky» Cemetery: Archaeology and Anthropology 358
Iudina A. M., Badeev D. Yu. Biritual Burials at the Noven'koe-1 Kurgan/In-ground Cemetery: Paleodemographic Aspects of the Study 382
Bachura O. P., Lobanova T. V., Grigoryeva N. V., Lapshin V. A. Archaeozoological Materials of the 11th–17th Centuries from the Excavations of the Zemlyanoe Hillfort in Staraya Ladoga 396
Selin D. V., Chindina L. A. The Technical and Technological Analysis of the Kulaika Ceramics from the Malget 6 Settlement 413
Khalimullina L. R. The Analysis of the Morphometric Characteristics of the Sites from the Second Quarter of the I Millennium AD in the Bolshoi Cheremshan River Basin . . . 429

ABBREVIATIONS 444
SUBMISSION GUIDE 447

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

К. Н. Гаврилов, Г. А. Хлопачев

ТИПЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ УКРАШЕНИЙ И СТРУКТУРА ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СУНГИРСКОЙ СТОЯНКИ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ[1]

Резюме. В статье рассматривается вопрос об отражении культурно-исторической специфики сунгирского погребального комплекса в его пространственной структуре и типах наборных украшений погребального инвентаря. С этой целью авторами был проведен сравнительный анализ сунгирских погребений с близкими по времени ранневерхнепалеолитическими погребальными комплексами Европы. Отмечено, что сунгирские погребения являются частями пространственно сложноорганизованного комплекса и могут быть сопоставлены с немногочисленными захоронениями раннего верхнего палеолита Европы, для которых характерно наличие нескольких погребений людей, одиночных и коллективных, в некоторых случаях дополненных парциальными, которые также были пространственно взаимосвязаны. Активное использование охры для посыпки умерших и присутствие в захоронениях личных наборных украшений из бивня мамонта, составленных из бусин разных типов, одни из которых отражают локальную/региональную специфики памятника, а другие – соответствуют формам, присущим развитому ориньяку на всей территории Европы, находят соответствие Сунгирю в материалах памятников верхнего палеолита, существовавших на территории Европы около 29–27 тыс. л. н.

Ключевые слова: ранний верхний палеолит, Сунгирская стоянка, структура погребального комплекса, бусины из бивня мамонта, типология, хронология.

[1] Статья подготовлена в рамках исследования по гранту РНФ № 24-28-00436 «Составные личные украшения из бивня мамонта в инвентаре погребений на верхнепалеолитической стоянке Сунгирь: формы и техники изготовления бусин, способы формирования низок, культурно-хронологические аналогии» (https://rscf.ru/project/24-28-00436).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.7-23

Введение

Открытие уникальных сунгирских погребений стало одним из самых ярких событий в истории не только отечественной, но и мировой археологии палеолита второй половины XX в. В 1964 г. была открыта могила № 1 с захоронением мужчины, а в 1969 г. – могила № 2 с парным погребением мальчиков. Хорошая сохранность могил позволила максимально точно для методического уровня полевых исследований середины XX столетия зафиксировать археологический контекст костных останков погребенных, персональных украшений и иного сопроводительного инвентаря (*Бадер*, 1998).

Сунгирский погребальный комплекс имел сложную структуру. Помимо «основных погребений» – одиночного погребение мужчины (Сунгирь 1) (рис. 1) и двойного погребения мальчиков-подростков (Сунгирь 2 и 3) (рис. 2) в могилах зафиксированы и парциальные погребения: женский череп (Сунгирь 5) (*Бадер*, 1967. С. 151; 1998. С. 34–37) над захоронением мужчины, посткраниальный скелет (Сунгирь 6) (*Бадер*, 1998. С. 51–64) над погребениями подростков, диафиз бедренной кости человека, вероятно, мужчины (Сунгирь 4), который был положен рядом со старшим мальчиком. Тела мужчины и мальчиков были уложены в могилы вытянутыми на спине, подростки – по одной линии голова к голове. Положение тела человека, погребенного над детской могилой, не подлежит точному определению по причине плохой сохранности костей посткраниального скелета.

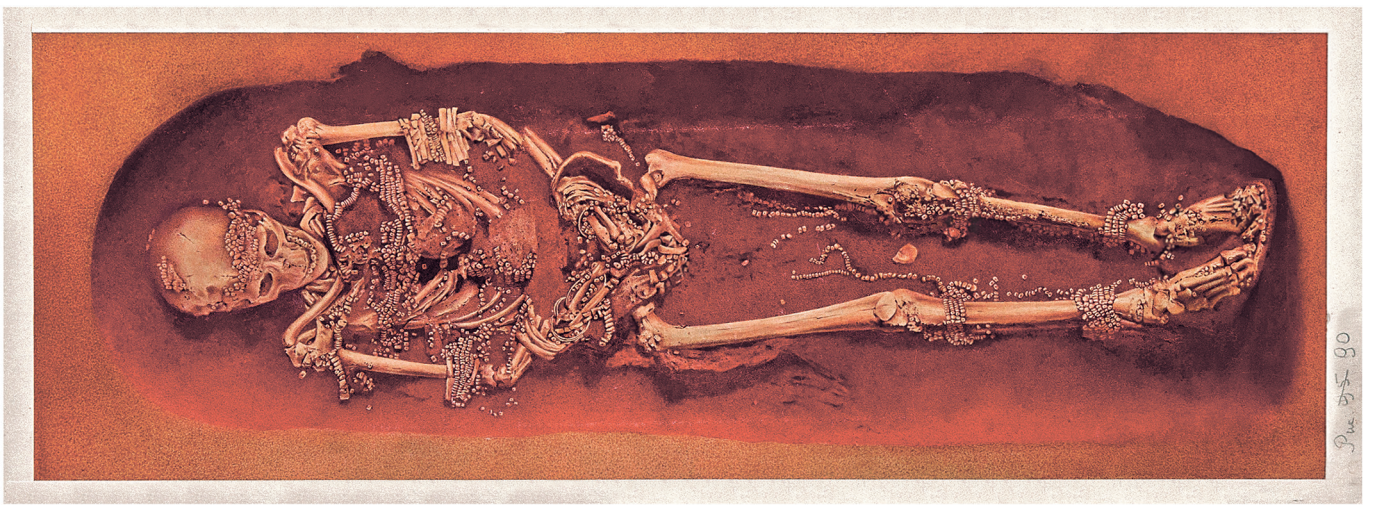
Дно сунгирских могил было посыпано углем, поверх него – охрой. Тела погребенных также обильно были посыпаны охрой. О. Н. Бадер зафиксировал не менее двух таких горизонтов охры помимо охристой подсыпки на дне могилы. Это могло свидетельствовать о том, что люди были не только в одежде, но и поверх них было уложено специальное покрывало. И охра, и уголь простирались по всей площади могильной ямы.

По количеству обнаруженных украшений из бивня мамонта основные погребения Сунгирской стоянки не имеют аналогов в археологии палеолита Европы. В захоронении мужчины было найдено около 3500 бивневых бусин, а в погребении мальчиков — около 10 000 подобных украшений (Там же. С. 85). При этом бусины находились в определенном порядке, образуя на голове, руках, ногах и туловищах умерших наборные составные украшения, многие из которых сохранили свое положение *in situ* (*Хлопачев, Базилевич*, 2024). В погребении мальчиков в определенном порядке были размещены древковое оружие и другие предметы охотничьего вооружения (*Хлопачев, Базилевич*, 2023; *Базилевич*, 2023).

Анализ археологической стратиграфии культурного слоя Сунгиря на участке расположения погребального комплекса позволяет сделать предположение о более позднем времени захоронения женского черепа (Сунгирь 5) и останков человека (Сунгирь 6) по сравнению с периодом погребений мужчины и подростков соответственно (*Гаврилов и др.*, 2024). Основные погребения относятся ко времени 28–29 тыс. л. н. (некал.), тогда как женский череп имеет дату около 26 тыс. л. н. (некал.). Таким образом, сунгирский погребальный комплекс имеет не только сложную пространственную организацию, но, вероятно, и протяженную историю формирования.

1

2

Рис. 1. Сунгирский погребальный комплекс, могила № 1

1 – верхний ярус, вид сбоку на череп Сунгирь 5 в культурном слое; *2* – нижний ярус, погребение мужчины (Сунгирь 1). Рисунок К. Н. Никахристо (архив О. Н. Бадера)

Рис. 2. Сунгирский погребальный комплекс. Могила № 2, нижний ярус (дети Сунгирь 2 и 3). Рисунок К. Н. Никахристо (архив О. Н. Бадера)

До настоящего времени погребальный комплекс стоянки Сунгирь традиционно рассматривался как уникальный и самобытный. О. Н. Бадер не видел прямых аналогий как специфичным для Сунгирской стоянки формам бивневых бусин, так и самому погребальному обряду в известных ему материалах европейского палеолита (*Бадер*, 1998. С. 127). При этом одной из «характернейших особенностей» погребального ритуала как на Сунгирской стоянке, так в палеолите в целом он считал помещение умершего «на красную землю, красную краску или густо посыпать его красной охрой сверху». Исследователь допускал, что «красная краска могла символизировать огонь». При этом О. Н. Бадер, опираясь на археологические и этнографические данные, считал, с некоторыми оговорками, что особенности погребального ритуала не могут являться надежным этнокультурным или хронологическим признаком (*Бадер*, 1967. С. 146).

В настоящее время данное утверждение может быть скорректировано. Сунгирские погребения, при всей очевидной уникальности этого комплекса, не должны рассматриваться без отрыва от общего культурного контекста раннего верхнего палеолита Европы. Кроме того, с момента открытия сунгирских погребений существенно расширились инструментальные возможности для оценки и уточнения их абсолютного возраста и длительности функционирования (*Kuzmin et al.*, 2022). Был накоплен огромный массив археологических материалов, характеризующих в том числе пространственную организацию и погребальный инвентарь погребений (*Riel-Salvatore, Gravel-Miguel*, 2012). Новые данные, в частности, заставили исследователей по-новому взглянуть на бивневые бусины как на массовый археологический источник для решения проблем верхнего палеолита Европы (*Hanh*, 1995; *Conard*, 2003; *Sheer*, 1985; 1995; и др.).

Место Сунгирской стоянки в структуре палеолита Европы

Сунгирская стоянка – это памятник ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы. Анализ имеющегося массива радиоуглеродных дат позволил ограничить его диапазоном от 30 до 26 тыс. л. н. (некал.) (*Kuzmin et al.*, 2022; *Гаврилов и др.*, 2024). На территории Восточной Европы это время конца ранней поры верхнего палеолита, когда здесь были представлены такие культурные традиции, как ориньякская, ранний граветт, а также городцовская и стрелецкая археологические культуры.

По времени Сунгирская стоянка относительно синхронна стоянкам финального ориньяка в Западной и Центральной Европе, памятникам финального селета Центральной Европы и раннему граветту Центральной и Южной Европы.

Сунгирь традиционно относится к стрелецкой археологической культуре. Однако существует точка зрения, впервые сформулированная Г. П. Григорьевым, о том, что Сунгирь – ориньякский памятник (*Grigoriev*, 1990). Ее поддержали Р. Уайт (*White*, 1993), а также А. Е. Матюхин (*Матюхин*, 2006) и, с некоторыми оговорками, М. В. Аникович (*Аникович и др.*, 2007). Недавно Р. Диннис и соавторы также выступили с критикой отнесения Сунгирской стоянки к стрелецкой культуре, однако ими не было сформулировано четкое определение ее культурной принадлежности (*Dinnis et al.*, 2021). По нашему мнению, культурная атрибуция Сунгиря как памятника стрелецкой археологической культуры

остается верной, но нуждается в двух существенных дополнениях, а именно: 1) сунгирская материальная культура – это проявление позднего (второго) этапа стрелецкой культурной традиции, имеющая точки соприкосновения с городцовской археологической культурой; 2) стрелецкая культура может рассматриваться в качестве восточноевропейского аналога т. н. финального селета Центральной Европы (*Gavrilov*, 2017)[2].

Такая культурно-хронологическая оценка материалов Сунгирской стоянки хорошо согласуется с современными представлениями о том, что 29–28 л. н. (некал.) является временем, когда на территории Европы появляются одиночные и коллективные погребения, при совершении которых в большом количестве использовалась минеральная краска (охра), персональные украшения, а в некоторых случаях – орудия и предметы вооружения (*Henry-Gambier*, 2013; *Pettitt*, 2011; и др.).

Таким образом, сунгирский погребальный комплекс с богатым набором бусин из бивня мамонта следует рассматривать прежде всего в контексте материалов конца ранней поры верхнего палеолита Европы.

Формы бусин и структура погребального комплекса Сунгиря

Бусины из бивня мамонта в погребальном комплексе Сунгирской стоянки, согласно О. Н. Бадеру, делятся на две категории: бусины-подвески и бусины-нашивки, которые представлены несколькими близкими друг к другу вариантами (рис. 3): тип 1 – подпрямоугольные в плане, с округленными краями изделия с симметричными вырезами с обеих сторон и двусторонним отверстием посередине; тип 2 – изделия, представлявшие разновидности типа 1, с более скругленными формами и миниатюрностью, с отверстием по центру, но без поперечного надрезания в средней части изделия; тип 3 – короткие, плоские, иногда достаточно массивные бусины-подвески овальной или подпрямоугольной формы, но непременно с одним закругленным, уплощенным концом, на котором находится маленькое круглое отверстие (*Бадер*, 1978. С. 169). «Специфичными» для Сунгирской стоянки он считал бусины-нашивки типа 1 и 3. Другие формы украшений рассматривались им как широко представленные на палеолитических памятниках Европы и Сибири, входящих «в состав разнородных культурных комплексов» и нигде не составляющих их специфической особенности (Там же. С. 207). Среди бивневых бусин-подвесок исследователь выделял изделия в виде «атрофированного зуба оленя» (Там же. С. 168, 207. Рис. 113: *30*) и украшения с изогнутым краем и прямо обрезанным концом. Последние О. Н. Бадер также рассматривал в качестве специфических сунгирских типов (Там же. Рис. 113: *28, 29*).

Проведенный недавно технико-морфологический анализ бусин из погребений Сунгирской стоянки показал, что описанные О. Н. Бадером формы являются самостоятельными типами изделий, которые входили в состав низок – составных, наборных украшений, в которых они использовались в качестве элементов

[2] В рамках данной статьи нет возможности развернуть подробную аргументацию этих тезисов, здесь мы лишь ограничиваемся их констатацией для обозначения нашей позиции.

для построения ритмических композиций (*Хлопачев*, 2024). Помимо них в конструкции наборных украшений в низках использовались тонкие, плоские, прямоугольные в плане бусины с небольшим отверстием в центре, а также бусины, обладавшие свойственной только им индивидуальной формой.

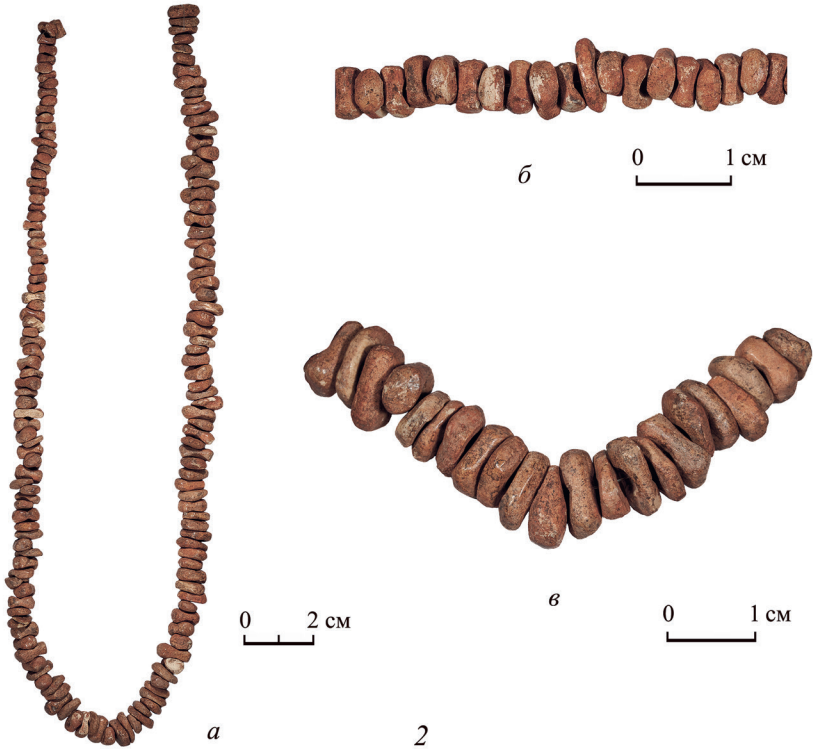
Хронологически значимой формой украшений, указывающей на «ориньякское» время существования Сунгирской стоянки, справедливо считаются бусины типа 3 (рис. 3: *1б*), которые по своим морфометрическим параметрам и технике изготовления в целом соответствуют «корзиновидным» украшениям – форме бусин-подвесок, широко представленной на стоянках развитого (позднего) ориньяка на всей территории Европы (*White*, 1993). Наличие в материалах погребений Сунгирской стоянки не классических, а «переходных» форм бусин между «корзиновидными» и «каплевидными», является скорее хронологическим признаком этих украшений, поскольку их датировка в погребениях Сунгиря соответствует возрасту культурных слоев «ориньяк/ранний граветт» (28–27 тыс. л. н.) в стратифицированных пещерных памятниках Южной Германии (*Conard*, 2003). Определенное сходство между украшениями раннего верхнего палеолита Германии и Сунгирской стоянкой, по нашему мнению, проявляется и в особенностях структуры наборных украшений из бивня мамонта. В материалах из стратифицированных слоев развитого ориньяка на стоянках Южной Германии «корзиновидные» бусины сопровождаются представительными сериями бусин стандартизованной, специфичной формы, с двумя отверстиями на концах – форме украшений, отражающих региональную специфику Южной Германии (Ibid. P. 21). На Сунгирской стоянке состав бусин, входящих в наборные украшения, аналогичен общей структуре предметов данной категории из ориньякских памятников Южной Германии (рис. 4). В данном случае, речь идет о сочетании бусин типа 3 и бусин с вырезами со стороны широких поверхностей (тип 1) – столь же морфологически сложной, специфичной и массовой (представленной многими тысячами находок) (*Бадер*, 1978. С. 206) формой украшений, что и бусины с отверстиями на концах на немецких памятниках. Наличие в материалах Сунгиря уплощенных бусин округлой и подпрямоугольной формы без вырезов, с отверстием в центре еще более усиливает это сходство в структурах наборных украшений. Аналогичные по форме бусины (рис. 4) рассматриваются как характерная черта материалов ранней поры верхнего палеолита той же Южной Германии (*Conard*, 2003; *Scheer*, 1995). Следует отметить, что известны они и на ориньякских памятниках Восточной Европы, в частности – на стоянке Костёнки 1, слой III (Верхний палеолит: образы, символы, знаки…, 2016. С. 157). Общим является и использование в составных украшениях из бивневых бусин зубов хищников с отверстиями на конце. Причем в случае с Сунгирской стоянкой подобная структура наборных украшений обнаруживается как в материалах из культурного слоя, так и в погребениях – в контексте единых составных украшений.

К проявлению определенной региональной специфики можно отнести присутствие в наборе отдельных составных украшений сунгирских погребений подростков тонких прямоугольных бусин с отверстием в центре. Подобные бусины позднее представляли собой массовый вид украшений на стоянках поздней поры верхнего палеолита на территории Восточной Европы (*Хлопачев*,

1

2

2006. С. 133–234), но не получили распространения на памятниках Западной Европы – ни в раннюю и среднюю поры верхнего палеолита, ни в мадленское время (*Scheer*, 1995).

Использование в качестве личных украшений зубов животных и бусин из бивня мамонта является отличительной чертой погребений раннего верхнего палеолита Восточной Европы. По этому признаку они сближаются с центральноевропейскими, известными на моравских памятниках раннего граветта. В Центральной Европе – это стоянки т. н. павловьена: Пшедмости, Дольни Вестонице I и II, Павлов. К периоду позднего граветта относится парциальное погребение останков взрослого мужчины из стоянки Брно 2 (*Oliva*, 2017. P. 104).

Особенности структуры сунгирского погребального комплекса и в этом отношении следует рассматривать в общем контексте подобных погребений ранней поры верхнего палеолита Европы. И в Центральной, и в Западной Европе они связаны с памятниками раннего граветта (*Riel-Salvatore, Gravel-Miguel*, 2012. P. 325).

Целая серия погребений граветтийского времени была открыта на территории Юго-Западной Франции (Кро-Маньон, Ложери-Бас, Дурути, Сен-Жермен-ла-Ривьер) и Лигурийского побережья Италии (пещеры Гримальди, Арене Кандиде), при совершении которых в качестве элементов составных украшений использовались раковины моллюсков и зубы животных (*May*, 1962; *Kölbl*, 2003). Структурно раковины моллюсков в составе украшений в данном случае играли ту же роль, что и бивневые бусины в украшениях обитателей стоянок Центральной и Восточной Европы.

В Восточной Европе, на территории современной России, в раннем верхнем палеолите погребения помимо Сунгиря известны в Костёнках на стоянках городцовской археологической культуры – Костёнки 14 и 15. Культурная принадлежность всех этих памятников – не граветтская, что сразу отличает их в этом отношении от верхнепалеолитических погребальных памятников зарубежной Европы.

Для оценки контекста персональных украшений погребенных на Сунгире людей необходимо учитывать несколько принципиальных моментов. Во-первых, известные нам ранневерхнепалеолитические погребальные комплексы Европы, в которых содержатся останки не одного, а нескольких умерших людей, можно рассматривать в качестве композиций, состоящих из отдельных погребений и подчиненных определенной логике, которая выражается в их

Рис. 3 (с. 14). Личные украшения из бивня мамонта Сунгирской стоянки

1 – серийные стандартизованные формы бусин (*а* – тонкие прямоугольные с отверстием в центре (тип 4), ГВСМЗ–В-33898/4745; *б* – «корзиновидные» (тип 3), ГВСМЗ–33898/6537; *в* – округлые с уплощенные с отверстием в центре без выреза (тип 2), ГВСМЗ–33897/2089; *г* – подпрямоугольные с симметричными вырезами с обеих сторон и двустороннним отверстием посредине (тип 1), ГВСМЗ–33897/1439); *2* – низка из бивневых бусин типа 1 с включением разделительных бусин типов 2 и 3 из погребения младшего мальчика (*а* – общий вид; *б* – участок низки с «перекрещивающимся» рельефом и включением округлой плоской бусины; *в* – участок низки из бусин типа 1 с включением «корзиновидной» бусины-подвески. ГВСМЗ–В-33898/8123)

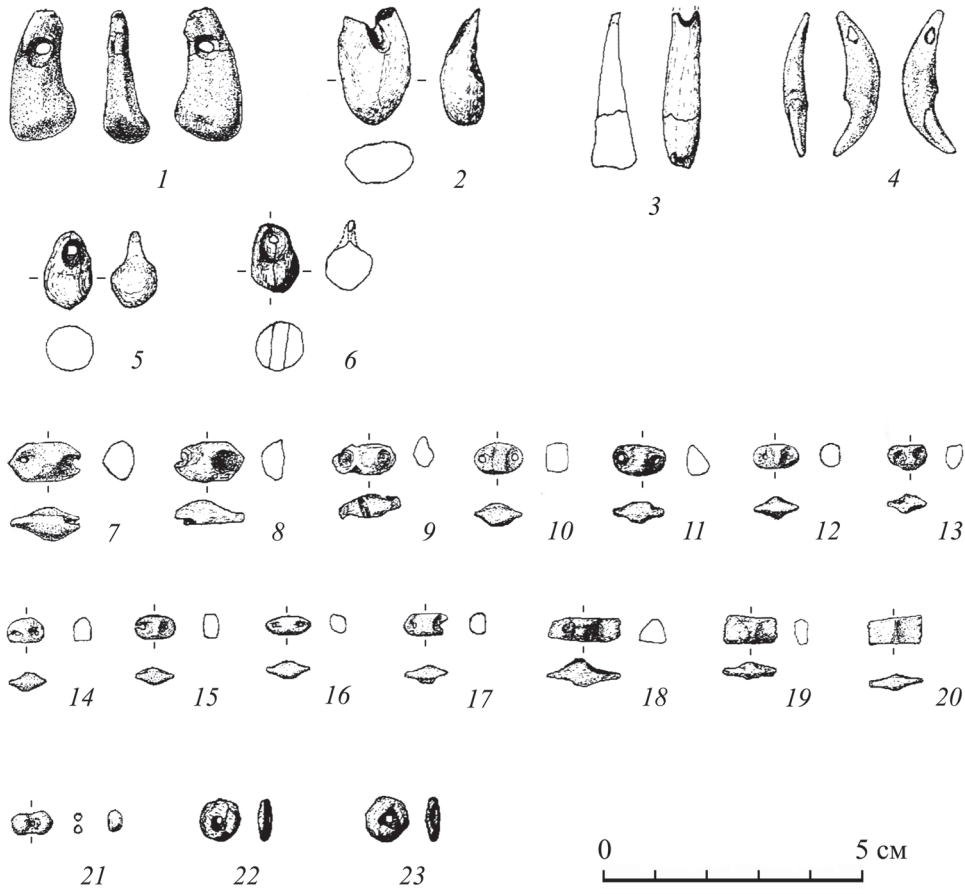

Рис. 4. Личные украшения из зубов животных (*1–4*) и бивня мамонта (*5–23*) ориньякской стоянки Холе-Фельс (Германия)

1–4 – зубы животных с отверстием на конце; *5, 6* – «корзиновидные» бусины; *7–20* – бусины с двумя отверстиями на концах; *21* – подпрямоугольная бусина с отверстием в центре; *22, 23* – бусины округлой формы с отверстием в центре (по: *Conard*, 2003. P. 39. Taf. 2.3: *7–29*)

пространственном расположении, в позах самих погребенных, а также в наличии или отсутствии захоронений части/частей костного скелета. Сунгирские погребения в данном случае – наиболее яркое проявления этой закономерности, однако погребения из Кремс-Вахтберг или из Барма Гранде также подчинены ей, подробнее это обстоятельство рассмотрено ниже. Во-вторых, каждый погребальный комплекс уникален, однако эта уникальность проявляется в оригинальном сочетании его элементов, которые, взятые сами по себе, могут повторяться как в отдельных погребениях, так и в некоторых археологических объектах поселений. В-третьих, необходимым методическим условием изучения археологического контекста персональных украшений на уровне конкретного погребения является установление корреляции типов украшений, а также их пространственного

расположения в могиле с такими признаками, как возраст и пол погребенного, поза, в которой он был похоронен, ориентировка и т. п. данные, которые традиционно учитываются при изучении погребальных комплексов.

В настоящее время, по данным П. Петита, в Европе известно около 50 погребений, относящихся к средней поре верхнего палеолита (*Pettitt*, 2011. P. 150). Комплексов, включающих захоронения полных останков нескольких умерших людей, – значительно меньше. К ним можно отнести: 1) тройное погребение из стоянки Дольни Вестонице II; 2) погребальный комплекс стоянки Кремс-Вахтберг; 3) погребальный комплекс стоянки Барма Гранде (Бальци Росси, Гримальди), включающий тройное погребение; 4) двойное погребение из стоянки Грот Фанчиулли (Бальци Росси, Гримальди); 5) сунгирский погребальный комплекс. Одиночные погребения – более многочисленны, их количество достигает полутора десятков (Ibid. Tab. 6.2). Более всего представлены парциальные погребения, не считая разрозненных находок отдельных костей и зубов человека в культурном слое стоянок.

Сунгирский погребальный комплекс объединяет в себе все перечисленные виды погребений в качестве своих составных элементов.

По сложности пространственной организации сунгирскому комплексу ближе всего погребальный комплекс из пещеры Барма Гранде. Как и в Сунгире, в Барма Гранде были открыты одиночные и коллективное погребение, а также захоронение части человеческих останков. Однако конкретное расположение отдельных могил, как и половозрастной состав погребенных, отлично от сунгирских. Погребальный комплекс Барма Гранде, так же как и в Сунгире, уникален и по-своему примечателен.

Во время раскопок в Барма Гранде было открыто шесть захоронений: три одиночных и одно тройное. Одиночные захоронения были представлены двумя полными и одним парциальным (*Formicola*, 1989). В полных захоронениях были обнаружены костные останки взрослых мужчины (BG1) и женщины (BG5). Парциальное захоронение включало в себя только нижние конечности взрослого мужчины (BG6). По образцам кости из этого последнего была получена дата OxA-10093: 24 800 ± 800 л. н. (*Formicola et al.*, 2004). В тройном захоронении были зафиксированы костные останки трех человек – одного взрослого мужчины (BG2) и двух подростков, предположительно, мужского (BG4) и женского (BG3) пола. По мнению М. Мусси, все погребения были сделаны примерно в одно время (*Mussi*, 1986). На это указывают: одинаковая ориентация одиночных захоронений вдоль длинной оси пещеры; положение всех похороненных в тройной могиле людей головами в одну сторону, близко к одной из стен пещеры, а именно – восточной; сходство погребального инвентаря из всех могил; непосредственная близость погребений женщины BG5 и нижних конечностей мужчины BG6.

Интересно взаимное расположение могил и погребенных останков людей из Барма Гранде. Мужчина BG1 и женщина BG5 были похоронены при входе в пещеру и в ее тыловой части соответственно. Несмотря на неровности общего контура пещерной полости, их тела были положены практически на одной линии, примерно совпадающей с направлением север – восток, и, что представляется очень интересным, были ориентированы головами навстречу друг другу. Мужчина лежал вытянуто на спине, женщина – на левом боку, с разворотом

туловища вправо, с положенной правой рукой, согнутой в локте, под головой. Тройное же погребение располагалось почти посередине между этими могилами, и его ориентировка была прямо перпендикулярна линии, вдоль которой были расположены указанные одиночные погребения. Люди, захороненные в тройном погребении, были уложены головами на восток.

Костные останки людей из тройного погребения были окрашены охрой. Мужчина BG2 лежал на спине справа от группы подростков (BG3 и 4), которые, в свою очередь, были уложены на левый бок в согнутом положении, лицом к мужчине. Голова мужчины была повернута влево от лежащих справа от него подростков.

В непосредственной близости от захоронения женщины BG5 располагалось, как уже указывалось выше, парциальное погребение нижних конечностей мужчины BG6. Кости находились в анатомической связи и лежали на поверхности, интенсивно окрашенной древесным углем. Пятно угля имело овальную форму в плане и довольно крупные размеры, в поперечнике достигавшие и даже превышавшие 1 м. Следов воздействия огня на костях не зафиксировано (*Formicola*, 1989). Это погребение примыкало к нижней части могилы, куда были помещены ноги женщины BG5. Взаимное расположение погребений BG5 и 6 свидетельствует о весьма вероятной пространственной связности между ними.

Ближайшим аналогом тройного погребения из Барма Гранде следует считать тройное же погребение из стоянки Дольни Вестонице II. По образцам угля, из заполнения могилы были получены три радиоуглеродные даты в диапазоне от 25 до 27 тыс. л. н. (*Svoboda et al.*, 2002). Все похороненные в ней люди были молодыми мужчинами. Их тела обитатели стоянки уложили бок о бок, в центре, как предполагалось ранее, была положена женщина[3]. Левое (DV13) и центральное (DV15) тела были уложены на спину, а правое (DV14) – на живот. При этом голова правого мужчины была повернута вправо от остальных погребенных – черта, сближающая могилу из Дольни Вестонице II с могилой из Барма Гранде. Правая рука DV13 была протянута к центральному телу и касалась лобковой области DV15. Эта поза также отделяла людей DV13 и 15 от DV14, подобно тому, как положение на боку центрального и левого индивидуумов, погребенных в Барма Гранде, отделяло их от правого похороненного мужчины. Интересно, что и в Барма Гранде, и в Дольни Вестонице II первыми в могилу были положены центральные тела.

В отличие от тройного погребения из Барма Гранде, а также от сунгирского погребального комплекса, тройная могила из Дольни Вестонице II не отмечена сплошной окраской дна и костяков охрой. Минеральным красителем были отмечены только зоны головы и таза. Эта же черта характерна для всех известных погребений павловьена, в которых содержались полные костные останки людей. В Восточной Европе, напротив, охра распространялась по всей площади дна могильной ямы, как в Сунгире, так и на уже упоминавшихся выше памятниках городцовской археологической культуры.

Могильный комплекс стоянки Кремс-Вахтберг не столь сложен в пространственном отношении, как в Сунгире или Барма Гранде. Кроме того, в двух

[3] Пол центрального погребенного индивидуума DV15 был определен в результате палеогенетических исследований (*Mittnik et al.*, 2016).

могилах, обнаруженных при раскопках этого поселения, были зафиксированы костные останки младенцев, что резко выделяет Кремс-Вахтберг на фоне остальных памятников раннего верхнего палеолита. Здесь были открыты две могилы. В первой лежали два полных скелета новорожденных детей, буквально погруженных в охру. Оба тела были положены в могилу в сильно скорченном положении, бок о бок, головами на север. Скелеты были перекрыты лопаткой мамонта, имевшей следы воздействия огня и частично преднамеренно фрагментированной. Под лопаткой был зафиксирован также фрагмент бивня. Перекрытие могилы лопаткой мамонта имеет прямую аналогию с женским погребением на стоянке Дольни Вестонице I (*Oliva*, 2017. P. 104). Могила 2 находилась в 1 м к северу от могилы 1. В ней был обнаружен костяк новорожденного младенца, также в сильно скорченной позе, в охре, головой на юг. Обе могилы располагались на одном и том же стратиграфическом уровне, поэтому можно предполагать их относительную синхронность. Культурный слой, к которому относятся могильные ямы, имеет радиоуглеродный возраст в пределах 27–26 тыс. л. н. (*Einwögerer et al.*, 2006; 2008). Очень показательна ориентировка погребенных головами навстречу друг другу, что напоминает взаимную ориентировку погребенных детей в Сунгире, а также мужчины и женщины в пещере Барма Гранде.

Интерес представляет также и тот факт, что большинство людей, похороненных в рассмотренных погребальных комплексах, были уложены с ориентировкой вдоль линии север – юг, с большим или меньшим отклонением от нее. Исключение представлено только тройным погребением из Барма Гранде, которое было создано с явным расположением поперек линии одиночных погребений.

Заключение

Сунгирский погребальный комплекс в настоящее время входит в ряд немногочисленных захоронений раннего верхнего палеолита Европы, для которых характерно наличие нескольких погребений людей, одиночных и коллективных, в некоторых случаях дополненных парциальными, которые были пространственно взаимосвязаны.

Преднамеренный (своеобразный) порядок взаимного расположения умерших позволяет рассматривать погребальный комплекс Сунгирской стоянки в качестве особого сакрального объекта, отличного от могильников более поздних эпох.

Такие черты погребального обряда на Сунгирской стоянке, как активное использование охры для посыпки умерших и присутствие в захоронениях личных наборных украшений из бивня мамонта, составленных из бусин разных типов, одни из которых отражают локальную/региональную специфики памятника, а другие – соответствуют формам, присущим развитому ориньяку на всей территории Европы (рис. 3; 4), находят соответствие в материалах памятников верхнего палеолита, существовавших на территории Европы около 29–27 тыс. л. н.

Имеющиеся в настоящее время данные о радиоуглеродном возрасте сунгирских погребений позволяют рассматривать их как наиболее древние (хотя и незначительно) по сравнению с известными захоронениями раннего граветта Западной и Центральной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б., 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-история, 2007. 335 с. (Тр. Костёнковско-Борщевской археолог. экспедиции ИИМК РАН; вып. 5.)

Бадер О. Н., 1967. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь // СА. № 3. С. 142–159.

Бадер О. Н., 1978. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука. 272 с.

Бадер О. Н., 1998. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда) / Отв. ред. Н. О. Бадер; ред. Ю. А. Лаврушин. М.: Научный мир. С. 5–164.

Базилевич Л. О., 2023. Коллекция материалов из раскопок верхнепалеолитической стоянки Сунгирь в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника: история формирования и изучения // СР. № 1 (10). С. 84–106.

Верхний палеолит: образы, символы, знаки: каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016. 384 с.

Гаврилов К. Н., Кузьмин Я. В., Чечушкова Д. И., 2024. Радиоуглеродный возраст погребений стоянки Сунгирь: археологический контекст и проблема верификации данных // РА. № 4. С. 17–33.

Матюхин А. Е., 2006. Многослойные палеолитические памятники в устье Северского Донца // Ранняя пора позднего палеолита Евразии: общее и локальное: материалы Междунар. конф. к 125-летию открытия палеолита в Костёнках (23–26 августа 2004 г.). СПб.: Нестор-история. С. 87–104. (Тр. Костёнковско-Борщевской археолог. экспедиции ИИМК РАН; вып. 4.)

Хлопачев Г. А., 2006. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука. 262 с.

Хлопачев Г. А., 2024. Комплекс метательного вооружения из погребения подростков на верхнепалеолитической стоянке Сунгирь // РА. № 4. С. 34–49.

Хлопачев Г. А., Базилевич Л. О., 2023. Кольца на пальцах из двойного захоронения подростков на Сунгирской верхнепалеолитической стоянке // SP. № 1. С. 49–64.

Хлопачев Г. А., Базилевич Л. О., 2024. Бусины из бивня мамонта Сунгирской палеолитической стоянки: формы и особенности их чередования в наборных украшениях // СР. № 1 (12). С. 24–47.

Conard N., 2003. Eiszeitlicher Schmusk auf der Schwäbischen Alb // Eiseitschmusk Status und Schönheit. Blaubeuren: Urrgeschichtliches Museum. P. 15–50. (Museumsheft; 6.)

Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Devièse T., Dudin A., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T., 2021. Eastern Europe's «Transitional Industry»? Deconstructing the Early Streletskian // Journal of Paleolithic Archaeology. Vol. 4. Article number 6. 46 p. DOI: 10.1007/s41982-021-00076-7.

Einwögerer T., Friesinger H., Händel M., Neugebauer-Maresch C., Simon U., Teschler-Nicola M., 2006. Upper Palaeolithic infant burials // Nature. Vol. 444. P. 285.

Einwögerer T., Händel M., Neugebauer-Maresch C., Simon U., Teschler-Nicola M., 2008. The Gravettian infant burials from Krems-Wachtberg, Austria // Babies Reborn: Infant/Child Burials in Pre- and Protohistory / Ed. K. Bacvarov. Oxford. P. 15–19. (BAR. International series; 1832.)

Formicola V., 1989. The Upper Palaeolithic burials of Barma Grande, Grimaldi, Italy // Hominidae: Proceedings of the 2nd International Congress of Human Paleontology / Ed. G. Giocobini. Milan: Jaca. P. 483–486.

Formicola V., Pettitt P. B., del Lucchese A., 2004. A direct AMS radiocarbon date on the Barma Grande 6 Upper Paleolithic skeleton // Current Anthropology. Vol. 45. No. 1. P. 114–118.

Gavrilov K. N., 2017. Sungir: the choice between Szeletian and Aurignacian // Le Sungirien. Saint-Pétersbourg; Liège: l'Université de Liège. P. 107–117. (Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège; vol. 147.)

Grigoriev G. P., 1990. Sungir // Feuilles de pierre. Les industries à pointes foliacées du Paleolithique supérieur Européen. Liège. P. 137–139. (ERAUL; no. 42.)

Hanh J., 1995. Gold der Eiszeit. Experimente zur Elfenbeinbearbeitung // Eiszeitwerkstatt. Blaubeuren: Urgeschichtliches Museum. P. 29–37. (Museumsheft; 4.)
Henry-Gambier D., 2013. Les populations gravettiennes. Biologie et comportements funéraires // Civilisations et cultures. Les Gravettiens. Paris: Éditions Errance. P. 307–330.
Kölbl S., 2003. Im Tode festgehalten – jungpaläolithische Bestattungen mit Schmuckbeigaben // Eiszeitschmusk Status und Schönheit. Blaubeuren: Urrgeschichtliches Museum. P. 79–92. (Museumsheft; 6.)
Kuzmin Y., Boudin M., Wojcieszak M., Zazzo A., Van der Sluis L., Stulova D., Gavrilov K., Veselovskaya E., Vasilyev S., 2022. Sungir revisited: new data on chronology and stratigraphy of the key Upper Paaleolithic site, Central Russian Plain // Radiocarbon. Vol. 64. No. 5. P. 949–968.
May A. F., 1962. Der Schmuck aus jungpaläolithischen Bestattungen in Frankreich und Ligurien. Bern: Fritz Marti. 122 S.
Mittnik A., Wang Ch.-Ch., Svoboda J., Krause J., 2016. A Molecular Approach to the Sexing of the Triple Burial at the Upper Paleolithic Site of Dolní Věstonice // PLOS ONE. Bd. 11. e0163019.
Mussi M., 1986. On the chronology of the burials found in the Grimaldi caves // Antropologia Contemporanea. Vol. 9. No. 2. P. 95–104.
Oliva M., 2017. Palaeolithic and Mesolithic of the Czech Lands (Moravia and Bohemia) in the European context. Brno: Moravian Museum. 193 p.
Pettitt P., 2011. The Palaeolithic origins of human burial. London; New York: Routledge. 307 p.
Riel-Salvatore J., Gravel-Miguel C., 2012. Upper Palaeolithic Mortuary Practices in Eurasia. A critical Look at the Burial Record // The Oxford Handbook of the Archaeology of Death and Burial / Eds.: S. Tarlow, L. Nilsson Stutz. Oxford: Oxford University Press. P. 303–346.
Scheer A., 1985. Elfenbeinanhänger des Gravettien in Süddeutschland // Archäologisches Korrespondenzblatt. Vol. 15. P. 269–285.
Sheer A., 1995. Pendeloques en ivoire durant le gravettien en Allemagne du sud un indice chronologique et social? // Le Travail et l'Usage de l'Ivoire au Paléolithigue Supérieur / Ed. J. Hahnet. Ravello: Centre Universitaire Européenpour les Biens Culturels. P. 137–172.
Svoboda J. A., van der Plicht J., Kuželka V., 2002. Upper Palaeolithic and Mesolithic human fossils from Moravia and Bohemia (Czech Republic): some new ^{14}C dates // Antiquity. Vol. 76. P. 957–962.
White R., 1993. Technological and social dimensions of «Aurignacian-age» body ornaments across Europe // Before Lascaux: The complex record of the early Upper Paleolithic. Boca Raton: CRC Press. P. 277–299.

Сведения об авторах

Гаврилов Константин Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru;

Хлопачев Геннадий Адольфович, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: gakmae@yandex.ru

K. N. Gavrilov, G. A. Khlopachev

TYPES OF PERSONAL JEWELRY AND THE STRUCTURE OF THE MORTUARY CONSTRUCTION AT SUNGIR: CHRONOLOGICAL ANALOGIES

Abstract. The paper explores how the cultural and historical traits of the Sungir mortuary construction were reflected in its spatial structure and types of composite jewelry in the funerary offerings. To answer this question, the authors compared the Sungir burials

and the early Upper Paleolithic mortuary constructions in Europe dating to chronologically close periods. The paper highlights that the Sungir burials are elements of a complex and elaborate spatial structure and that these burials can be compared with a small number of burials dating to the early Upper Paleolithic in Europe. Such mortuary constructions are characterized by presence of several burials of humans, both single burials and multiple ones, and, in some cases, with partial skeletons which also were spatially connected. Our analysis of the Sungir mortuary construction has identified active use of ocher sprinkled over the dead bodies as well as presence of personal composite jewelry made of mammoth ivory. They consisted of various types of beads some of which reflect local/regional traits of the site while others exhibit forms typical of the developed Aurignacian throughout entire Europe. These Sungir characteristics are consistent with those identified for the materials from the Upper Paleolithic sites that existed in Europe around 29.000–27.000 years ago.

Keywords: early Upper Paleolithic, structure of the mortuary construction, beads made of mammoth ivory, typology, chronology.

REFERENCES

Anikovich M. V., Anisyutkin N. K., Vishnyatskiy L. B., 2007. Uzlovye problemy perekhoda k verkhnemu paleolitu v Evrazii [Topical problems of transition to Upper Paleolithic in Eurasia]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 335 p. (Trudy Kostenkovsko-Borshchevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK RAN, 5.)

Bader O. N., 1967. Pogrebeniya v verkhnem paleolite i mogila na stoyanke Sungir [Burials in Upper Paleolithic and a grave at Sungir site]. *SA*, 3, pp. 142–159.

Bader O. N., 1978. Sungir. Verkhnepaleoliticheskaya stoyanka [Sungir. Upper Paleolithic site]. Moscow: Nauka. 272 p.

Bader O. N., 1998. Sungir. Paleoliticheskie pogrebeniya [Sungir. Upper Paleolithic burials]. *Pozdnepaleoliticheskoe poselenie Sungir' (pogrebeniya i okruzhayushchaya sreda) [Late Paleolithic settlement of Sungir (burials and environment)]*. N. O. Bader, Yu. A. Lavrushin, eds. Moscow: Nauchnyy mir, pp. 5–164.

Bazilevich L. O., 2023. Kollektsiya materialov iz raskopok verkhnepaleoliticheskoy stoyanki Sungir v sobranii Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdalskogo muzeya-zapovednika: istoriya formirovaniya i izucheniya [Collection of materials from excavations of Upper Paleolithic site of Sungir in collection of State Vladimir-Suzdal Museum-reserve: history of formation and study]. *CP*, 1 (10), pp. 84–106.

Gavrilov K. N., Kuz'min Ya. V., Chechushkova D. I., 2024. Radiouglerodnyy vozrast pogrebeniy stoyanki Sungir: arkheologicheskiy kontekst i problema verifikatsii dannykh [Radiocarbon age of Sungir site burials: archaeological context and issue of data verification]. *RA*, 4, pp. 17–33.

Khlopachev G. A., 2006. Bivnevye industrii verkhnego paleolita Vostochnoy Evropy [Tusk industries of Upper Paleolithic of Eastern Europe]. St. Petersburg: Nauka. 262 p.

Khlopachev G. A., 2024. Kompleks metatelnogo vooruzheniya iz pogrebeniya podrostkov na verkhnepaleoliticheskoy stoyanke Sungir [Complex of throwing weapons from teenagers' burial in Upper Palaeolithic site of Sungir]. *RA*, 4, pp. 34–49.

Khlopachev G. A., Bazilevich L. O., 2023. Kol'tsa na pal'tsakh iz dvoynogo zakhoroneniya podrostkov na Sungirskoy verkhnepaleoliticheskoy stoyanke [Rings on the fingers from double burial of teenagers at Sungir Upper Paleolithic site]. *SP*, 1, pp. 49–64.

Khlopachev G. A., Bazilevich L. O., 2024. Businy iz bivnya mamonta Sungirskoy paleoliticheskoy stoyanki: formy i osobennosti ikh cheredovaniya v nabornykh ukrasheniyakh [Mammoth tusk beads from Sungir Paleolithic site: shapes and features of their alternation in set jewelry]. *CP*, 1 (12), pp. 24–47.

Matyukhin A. E., 2006. Mnogosloynye paleoliticheskie pamyatniki v ust'e Severskogo Dontsa [Multilayered Paleolithic sites at the estuary of Seversky Donets]. *Rannyaya pora pozdnego paleolita*

Evrazii: obshchee i lokal'noe (konferentsiya 2004 g.) [Early period of Late Paleolithic of Eurasia: general and local (conference 2004)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 87–104. (Trudy Kostenkovsko-Borshchevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK RAN, 4.)

Verkhniy paleolit: obrazy, simvoly, znaki: katalog predmetov iskusstva malykh form i unikal'nykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkheologicheskogo sobraniya Muzeya antropologii i etnografii [Upper Paleolithic: images, symbols, signs: catalog of portable art objects and unique finds of Upper Paleolithic from archaeological collection of Museum of Anthropology and Ethnography of RAS]. G. A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: Ekstraprint, 2016. 384 p.

About the authors

Gavrilov Konstantin N.., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: k_gavrilov.68@mail.ru;

Khlopachev Gennady A., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: gakmae@yandex.ru

И. В. Шмидт, Е. А. Рогачев, В. Ю. Малий

БУСИНА ИЗ БИВНЯ МАМОНТА: СЛЕДЫ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО ИЗНОСА (ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕЗИСЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТА)

Резюме. В научный оборот вводятся результаты двухлетнего экспериментального износа бусины, выполненной из бивня мамонта. Цель сообщения – комплексный взгляд на «биографические» данные бусины, процесс ее изготовления, ношения, анализ сформированных следов в ходе продолжительной утилизации, что является редкостью в контролируемой экспериментальной практике. Не оспаривая тезис об историко-культурной, социальной значимости подобных изделий, авторами ставится вопрос о временных пределах существования столь важного в социокультурной презентации предмета, о его утилизационных метаморфозах, признаковом поле продолжительного износа. Для проведения наблюдений был собран наручный браслет, разработан и обоснован регламент носки, ремонта, фиксации промежуточного состояния его комплектующих. Наиболее яркие пороговые состояния изделия (фаза 0 – доутилизационная, фаза 1 – один фактический год носки, фаза 2 – два полных года утилизации) фиксировались в трех режимах: невооруженный визуальный анализ, макрофото и SEM-регистрация. Полученные результаты разделены и проанализированы по трем категориям: технологические, утилизационные и «антропологические». К наиболее важным выводам исследования относятся замечания о необходимости выбора оптимальных зон композитного сырья для выкройки изделия, ярких морфологических и минеральных метаморфозах активных контактных зон, разрушении плоскостей минимально активных зон. В условиях щадящего режима двухлетнего использования бусина, выполненная из биоминерального сырья, приобрела признаки сильного разрушения. Это ставит вопрос о продолжительности культурного цикла подобных изделий (он относительно невелик) и связанной с ним их репрезентативной функции и специфике.

Ключевые слова: экспериментальная археология, бусина из бивня мамонта, следы продолжительного износа.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.24-42

Введение

Бусины – категория вещей, которую сложно оставить без внимания. На протяжении последних четырех десятков лет западными специалистами проделана значительная работа, раскрывающая эвристический потенциал этих миниатюрных предметов. И отдельно взятые изделия, и их собрания на данный момент представлены универсальными инструментами кодировки и трансляции социальной, историко-культурной, экономической, лингвистической, антропологической информации. Тому способствуют их основные свойства/характеристики, выделяющие их из ряда подходящих для той же роли «инструментов»: долговечность, стандартизация, индивидуальная и количественная презентабельность, «себестоимость», мобильность, рекомбинируемость и т. п. (*Kuhn, Stiner*, 2007; *Stiner*, 2014).

В отечественной археологии интерес к данным предметам представлен пока слабо. Отечественные специалисты, как правило, обращают внимание на презентацию типологического разнообразия, технологическую специфику получения бусин, реже на рассмотрение практики их утилизации, реконструируемой по следам износа (*Питулько и др.*, 2014; *Степанова и др.*, 2022; *Шуньков и др.*, 2023; *Лбова*, 2023; *Хлопачев, Базилевич*, 2024). Совсем редко наглядному обсуждению подвергается перечень признаков износа бусины, аргументация степени его интенсивности, что во многом объясняется техническими проблемами наблюдений в контексте музейного пространства (часто оригинальные артефакты не имеют возможности покинуть пределы музеев), доступностью техники и программного обеспечения, позволяющих подобные исследования. Между тем ясность представлений по данным позициям – «использовалась ли бусина или нет» и «как долго она использовалась» – открывает рассмотрение перечня перспективных тем («постоянные и переменные в самопрезентации личности», «предметная привязанность человека», «знаковый статус конкретного изделия» и др.).

Использование бусины – каркас ее биографии, следы износа – факты, подтверждающие ее (биографии) подлинность. Их наблюдение и рефлексия сложны для исследования. Они относительно «неустойчивы», их природа порой слабо верифицируема (к примеру, заполировка поверхности кости от соприкосновения с кожей слабо отличима от аналогичных следов, сформированных трением о меховую основу). По фрагменту бусины можно восстановить ее форму и сырье, технологию получения; определить возраст, принадлежность ее автора и потребителя культурной традиции, но следы утилизации часто не выдерживают «физического давления» реальности (в ходе использования может быть утрачен именно тот участок предмета, где концентрировались искомые следы) и агрессии тафономических контекстов (они могут быть стерты, сильно изменены физически и химически седиментом, в котором изделия находились тысячелетия постутилизации). Безусловно, в данной ситуации особое значение приобретают попытки реконструкций отдельных аспектов ее биографии: обстоятельств ношения, подвешивания, пришивания бусин; изменений, получаемых в ходе этих практик (*Osipowicza et al.*, 2020). Данные эксперименты часто кратковременны хотя бы потому, что убедительные следы износа на кости

формируются в течение первого контактного часа (*D'Errico*, 1993), но «жизнь/актив» бусины часом-двумя не исчерпывается, может растянуться на десятки тысяч лет. Такие промежутки времени нам никогда не удастся воспроизвести экспериментально. Несколько лет использования – вполне. Целью исследования, результаты которого озвучены в данном сообщении, являлось наблюдение за изменением параметров бивневой бусины, включенной в набор наручного браслета, находившегося в контексте ношения два года.

Проблемы и методы исследования

«Аппарат рефлексии» износа костяных изделий начал свое формирование в 1970-х гг. и по мере развития технической базы наблюдений приходит в перманентное движение; новые методы и их нюансы требуют введения особой терминологии, отдельных критериев количественной и качественной оценки результатов наблюдений (*Marreiros et al.*, 2015). Все это привело к сложению индивидуальных систем описания наблюдаемой макро- и микрореальности, большого количества информационных полей, переданных в редких монографиях, большом количестве статей, собраниях цифровых снимков.

Обсуждаемое исследование реализовано в трех фокусах наблюдений: визуальный невооруженный анализ, в режиме макросъемки и SEM-регистрации. У каждого из них есть свои преимущества и недостатки. Два первых хорошо себя зарекомендовали и знакомы отечественной практике. Третий применим при анализе каменной индустрии, но пока слабо себя проявил в анализе костяных изделий. Тому есть несколько простых объяснений.

SEM-аппарат (сканирующий/растровый электронный микроскоп) – это высокочувствительное лабораторное оборудование, массивное и нетранспортабельное, требующее специальных навыков работы на нем. Процесс получения снимков реализуем с учетом ряда особенностей. Первое –предмет должен «прийти» к аппарату, и никак не наоборот (о проблемах «собственности» музеев на экспонаты и единицы хранения большинству специалистов известно; их невозможно вынести за пределы музея). Второй момент – анализу могут быть подвергнуты изделия малых/экстремально малых по археологическим меркам размеров, т. е. редкие изделия и их фрагменты. Третий – съемка ведется отдельным специалистом, получение одного снимка с учетом меняющихся настроек и поиска оптимальных параметров кадров занимает определенное количество времени, это ресурсоемкий и небыстрый процесс.

Сканирующую/растровую электронную микроскопию называют неразрушающим методом анализа. Правильно подобранные настройки аппарата не наносят физического и химического вреда образцам. Обсуждаемый в сообщении образец исследован методом растровой электронной микроскопии (РЭМ/SEM) на микроскопе JCM-5700 (JEOL, Япония)[1], оснащенном энергодисперсионным анализатором JED-2300 в режиме высокого вакуума. Данный метод подразумевает использование в качестве источника сигнала поток электронов,

[1] Аппарат находится в НОРЦ «Нанотехнологии» ОмГТУ (г. Омск).

формирующий так называемый электронный зонд. Электроны проходят через колонну микроскопа, в которой создается ускоряющее напряжение до 20 кВ. При взаимодействии ускоренных электронов с веществом образуется ряд эффектов, а именно замещение электронов вещества ускоренными электронами. В результате формируется сигнал вторичных электронов (SEI). Сигнал вторичных электронов чувствителен к рельефу поверхности образца, поэтому SE-детектор используют тогда, когда изучают морфологию и топографию поверхности. Сопровождающее рентгеновское излучение используют для получения данных об элементном составе (что нас в конкретном случае не интересовало). Однако применение данного метода для диэлектрических образцов, к которым относится и кость, затруднено в связи с вероятностью частичной их деструкции, а также образования эффекта засветки, при котором невозможно получение качественного изображения при высоких увеличениях. В связи с этим исследование образцов производилось при ускоряющем напряжении 10 кВ в режиме вторичных электронов, позволяющем получить изображение с высоким пространственным разрешением без разрушения образца.

Как отмечено выше, сама камера обладает небольшими габаритами и позволяет работу с образцами до 30 мм в плоскости и высотой до 20 мм. Образцы в камере SEM должны быть закреплены, их нельзя просто положить на платформу, они могут упасть при ее перемещениях. Для фиксации образцов использован двусторонний проводящий скотч.

Получаемые снимки анализируемой поверхности при помощи сканирующего электронного микроскопа обладают большей глубиной резкости по сравнению со снимками с оптического микроскопа. Каждый снимок обладает индивидуальным протоколом съемки.

SEM-фотографии по обозначенным выше причинам остаются относительной редкостью. Чаще встречаются макрофото, высокое качество которых позволяет решить ряд задач изучения следов износа предмета. Используемые в данном сообщении снимки получены цифровой камерой Canon EOS 850D с макрообъективом Canon EF-S 100 mm f/2.8 Macro USM. Для облегчения наблюдений следов износа, повышения их визуальной контрастности поверхность фотографируемых объектов в отдельных случаях напылялась магнием (МГ-95). Обработка полученных снимков проведена в программах Canon EOS Utility и Helicon Focus, что обеспечило равномерно глубокую резкость снимков.

Использованное в эксперименте изделие принадлежит эталонной коллекции предметов из кости и бивневых материалов лаборатории археологических исследований ОмГУ им Ф. М. Достоевского (могут без особого труда быть вынесены за пределы учреждения и подвергнуты любому неразрушающему исследованию).

Инспирацией данного исследования стали иллюстрации к статье Франческо д'Эррико (*D'Errico*, 1993), где, пожалуй, впервые массово были использованы SEM-снимки, подтверждающие износ экспериментальных костяных артефактов и кадры, фиксирующие следы утилизации как и их отсутствие на бивневых бусинах из публикаций Элизабет С. Велликиа и др. (*Velliky et al.*, 2021), Таис Р. Панзани и др. (*Pansani et al*., 2023), Гжегожа Осиповича и др. (*Osipowicza et al.*, 2020). Статья Жустин Брэдфилд, посвященная анализу яркости блеска

полировки и текстурных изменений поверхности костяных изделий, вселила некоторую надежду на возможность методически корректного описания «популярных» признаков износа (*Bradfeld*, 2020). Познакомившись с этими (и многими другими) трудами, открытым остался вопрос о потенциальной продолжительности использования аналогичных предметов и специфике следов утилизации в этом случае.

Основная часть

Характеристика сырья. Анализируемая бусина выполнена из фрагмента бивня мамонта. Данный материал относится к биоминералам, обладает прочным внешним чехлом (цементом, 5 баллов по шкале Мооса) и внутренней композитной частью – дентином (около 3 баллов по шкале Мооса) (*Steguweit*, 2015. P. 314). Формирование бивня у хоботных происходит путем ежегодного конусообразного прирастания дентина, образующегося в пульпарной части. Его разрастание ритмично, в поперечном срезе фиксируется в пресечениях линий Шрегера. В строении бивня принимают участие три группы элементов: основные (Ca, P), второстепенные (Mg) и микроэлементы (Na, Cl, K, S, Fe и Sr) (*Albéric et al.*, 2017. P. 5). Бивень состоит из органической части – коллагена (20–30 мас. %), минеральной части – гидроксиапатита (ГАП) (60–70 мас. %) и воды (10 мас. %) (*Solovev et al.*, 2021). Органическая субстанция, называемая репаративным дентином, циркулирует по тонким канальцам, пронизывающим всю толщу дентина (*Fagan et al.*, 2001). Распространение канальцев не прямолинейно, а спиралеобразно с непрерывным сдвигом фазы π между канальцами каждый 1 мм в тангенциальном направлении (*Albéric et al.*, 2017. P. 2, 17. Fig. 7). После смерти животного происходит их постепенное пересыхание, бивень становится «сухим», «мертвым», «микропористым» (*Бирштейн*, 1975. С. 68–69).

В «живом» состоянии бивень внешне гомогенен, но структурно неоднороден – различные «по старшинству» конусы роста обладают слегка измененным химическим составом и едва уловимой разницей физических характеристик (*Fisher et al.*, 2014; *Albéric et al.*, 2017. P. 21).

После потери естественного источника питания (организма-спонсора минеральных веществ) начинается высыхание минерального цемента, скрепляющего конусы, что ведет к естественному расщеплению. Оно выражается в кольцевом/аксиальном (по линиям Шрегера) и продольном/тангенциальном разделении конусов (*Хлопачев*, 2006. С. 19–20). При высыхании и древний, и современный бивни вступают в продолжительный процесс перекристаллизации минеральных составляющих (*Freund et al.*, 2002), что сказывается на свойствах материала. Некоторые изменения необратимы, но некоторые свойства можно восстановить путем пропитки пересушенного образца.

Свежеизвлеченный ископаемый бивень (как правило, пролежавший в почве десятки тысяч лет) равномерно пропитан влагой на всю глубину, вне зависимости от массивности фрагмента. Возвращение «к жизни» массивного куска высохшего бивня требует длительного вымачивания (*Хлопачев, Гиря*, 2010. С. 40–41), мелкие фрагменты накапливают влагу значительно быстрее. Гигроскопичность

субфоссильного бивня обеспечивается обилием упомянутых полостей/«микротрубочек»/сетью пустых канальцев (шириной ~ 2 мкм), пронизывающих его пластины. Они способны выступать каналами – проводниками влаги, которая возвращает некоторую пластичность плотно упакованным минерализованным волокнам коллагена. Это позволяет рассматривать древний бивень «микропористой губкой», которая способна даже в безвакуумном режиме как наполняться жидкостью, так и достаточно быстро высыхать, что моментально сказывается на физических показателях при его обработке (*Исакова и др.*, 2022).

Характеристика изделия (рис. 2). Бусина обладает подчетырехугольной формой с сильно скругленными углами и сквозным биконическим отверстием в центре изделия. Параметры: длина 11,67 мм, ширина 8,72 мм, толщина 3,21 мм, внешний диаметр отверстия 5,65 мм, внутренний диаметр отверстия 3,8 мм. Масса изделия колеблется от 2 до 3 г. (в зависимости от увлажненности материала). Выполнена из фрагмента бивня, происходящего с Новосибирских островов 20-летней просушки. Выкройка бусины произведена с тангенциальной его плоскости, что фиксируется в продольном узоре границ нескольких сопрягающихся конусов (рис. 2: *1, 2*). Один из торцов изделия в зоне облома сохраняет специфичную аксиальную шероховатость материала.

Технологический алгоритм получения бусины представленной формы описан в большом количестве работ, вариации в котором минимальны (если вообще возможны): уплощение щепы оструганием до формы бруска, перпендикулярный распил на мелкие части с обломом мелкого/отделяемого фрагмента, получение сквозного биконического отверстия сверлением, скругление внешних углов пришлифовкой на абразивной поверхности. Весь процесс производства бусины занял не более часа при условии предварительного трехдневного размягчения заготовки в воде и постоянном смачивании ее во время обработки. Укрепление/стабилизация поверхности изделия, окрашивание, иные процедуры не производились.

Протокол наблюдений. Протокол наблюдения включал в себя регистрацию начального состояния образца, в дальнейшем полную фиксацию состояния каждый полный год носки. Подробной фиксации подвергались зоны активного износа – центральное отверстие (рис. 5) и внешний контур (рис. 6).

Наблюдение за состоянием бусины производилось с учетом трех временных фаз ее использования: фаза 0 – фиксация состояния на момент окончания производства, до подвеса ее на шнур (рис. 2), фаза 1 – год использования (рис. 3), фаза 2 – 2 года использования (рис. 4). Регистрация с использованием SEM-микроскопа – начальная и конечная фазы.

Бусина была подготовлена к исследованию в апреле 2021 г. Использовалась в наборе с другими аналогичными изделиями (различных материалов и форм) для ношения на кожаном шнурке в качестве браслета на запястье (рис. 1). Каждый элемент браслета был закреплен таким образом, что контакт между ними происходил в исключительных случаях, в моментах надевания и снятия браслета; в остальное время они были разделены узлами-ограничителями. Тонкий (до 3 мм шириной и до 2 мм толщиной) кожаный шнурок, как выяснилось, – материал недолговечный и непрочный, через полгода ежедневного употребления растягивается, вне прилегания к телу начинает пересыхать и легко разрушается. Поэтому замена шнура – обязательное условие. Тип подвеса бусины никогда

Рис. 1. Фрагмент браслета и крепление бусины на нем

не менялся – свободное вращение и короткое передвижение вдоль участка ремешка. Контактные материалы – кожа тела, периодически – текстиль рукавов и варежек в холодные периоды года.

Браслет использовался только в режиме «безопасной сухой носки». Несколько браслетов было потеряно в ходе попыток включения их в контекст «агрессивных практик»: экспедиций, тренировок, путешествий. Таким образом, необходимо было продумать условия ношения браслета, для достижения поставленной цели. Браслет надевался только в тех случаях, когда незаметная его потеря была исключена и состояние предметов на теле легко контролировать – с сентября/октября по июнь (период учебного процесса для преподавателя). Браслет снимался в моменты потенциального химического воздействия (мытье посуды, принятие ванны/душа, любого вида деятельности с химическими агрегатами), т. е. он находился на теле не полные сутки и только на сухой поверхности кожи. Поэтому, будучи изготовленным в 2021 г., лишь к весне 2024 г. появилась возможность заявить о результатах износа изделия протяженностью в два года.

Обсуждение результатов и выводы

Результаты эксперимента можно разделить на несколько групп: технологические, утилизационные, «антропологические».

Технологические результаты. Как было отмечено выше, производство бусины не является процессом сложным. В ходе подготовки браслета формы бусин

были выбраны спонтанно и каждой из них постфактум можно найти аналогии в материалах палеолитических комплексов. Производство выбранной формы не требует ни отдельной подготовки, ни сложной орудийной базы, т. е. ее изготовлением мог заниматься любой человек, умеющий держать в руках каменную пластину.

Этапы производства, значимые для дальнейшей эксплуатации изделия, обращают на себя отдельное внимание. Важна подготовка сырья для работы. Раскрой и резка сухого фрагмента бивня – занятие утомительное и неоправданно трудоемкое. Мацерация сырья в специфических (кислотных) растворах (к прим.: *Matienzo, Snow*, 1986) необязательна. Незначительная по продолжительности выдержка в воде позволяет добиться необходимой пластичности материала, что подтверждено результатами многочисленных экспериментов (*Steguweit*, 2015). Комфортное состояние для обработки – увлажненное, не допускающее скольжения в пальцах.

При раскрое, по возможности, необходимо избегать мест сопряжения конусов бивня. Постепенная деградация скрепляющего их минерального цемента способствует разрушению изделия. Даже при минимальном напряжении (на бусину не оказывалось никакого изгибающего давления) растрескивание бусины стало заметно после года носки (рис. 3). Если есть необходимость в продолжительном использовании подобных изделий, проще и «правильнее» работать с расщепленными цельными пластинами конусов. В избытке и без лишних напряжений их можно было получить/собрать спустя десятилетие после гибели животного (*Steguweit*, 2015. P. 314), что, судя по материалам некоторых памятников, древнему человеку было известно. Композитные фрагменты бивня (включающие несколько пластин) использовались для получения бусин объемных моделей (*Lázničková-Galetová*, 2014), и в этом случае проведенный эксперимент помогает сделать заключение о продолжительности и условиях их носки с опорой на анализ состояния естественной трещиноватости сырья, дополняя перечень диагностических признаков.

Яркость технологических следов, выраженная большим количеством «заусениц», не отделившихся до конца от поверхности стружек (рис. 2: *2Б–Б1*), слоя размятой минеральной крошки, впрессованной в поверхность (рис. 2: *2В*), ребристой/шероховатой фактуры поверхности (рис. 2: *2А, В*) типична для состояния «фазы 0». Эти фактурные особенности фиксируются невооруженным глазом и при тактильном контакте. Простой качественной фотографии ключевых зон изделия для их наблюдения достаточно. SEM-микроскопия, безусловно, повышает качество наблюдений. Отметим следующее: высыхая, упомянутые мелкие частицы приобретают прочность, достаточную для сохранения в контексте тафономической агрессии на протяжении десятков тысяч лет (*Wolf et al.*, 2013. Abb. 9; *Kaudela*, 2024. Fig. 7; 9). Отличить бусину использованную от неиспользовавшейся на основании этих признаков очень просто. И это замечание справедливо не только для зоны сквозного отверстия, но и для других зон изделия, «активных» и «пассивных» (рис. 3).

Утилизационные результаты. Согласно существующим исследованиям, первые признаки износа, такие как залощенность, сглаженность технологического рельефа и линейные микроследы (размерами в < 1мкм), формируются

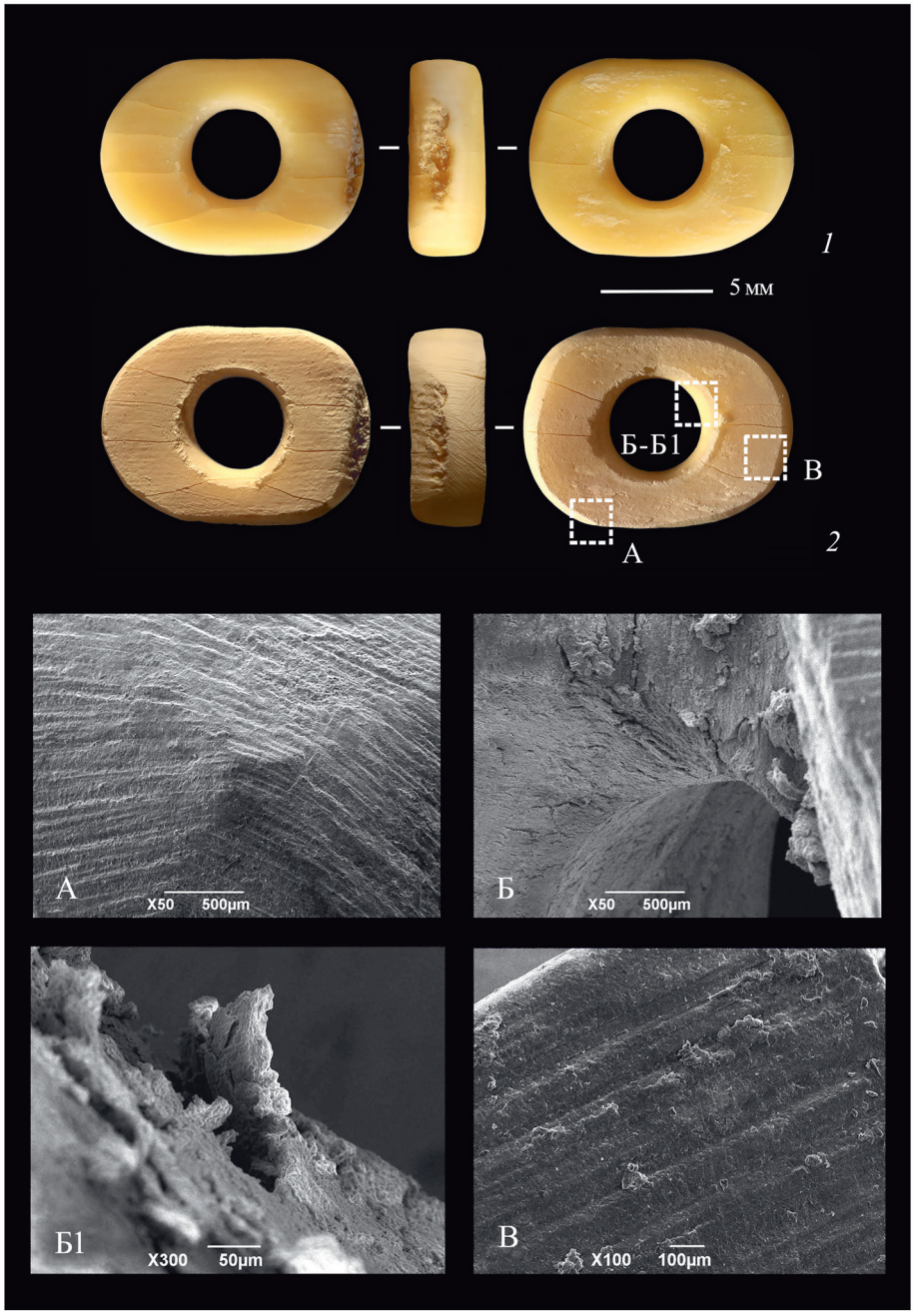

Рис. 2. Иллюстрация состояния бусины в «фазе 0»

1 – макрофото; *2* – макрофото с магниевым напылением. Макрофото с магниевым напылением и микрофото отдельных зон изделия (А–В)

Рис. 3. Иллюстрация состояния бусины в «фазе 1», макрофото с магниевым напылением

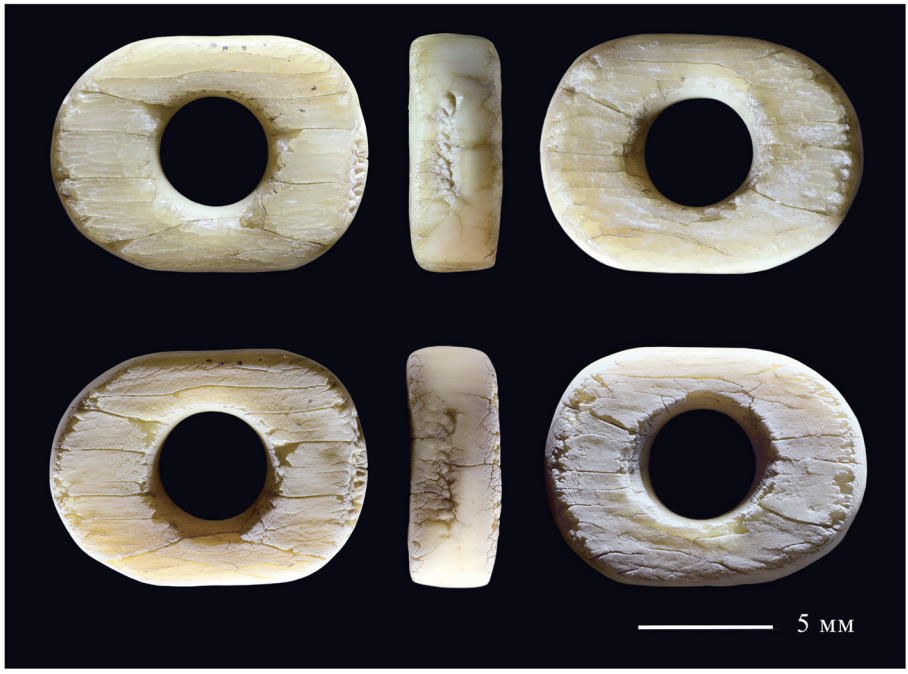

Рис. 4. Иллюстрация состояния бусины в «фазе 2», макрофото без напыления и с магниевым напылением

на поверхности кости в течение первой минуты простого контакта с кожей (*D'Errico*, 1993. P. 167). Их наблюдение без специальной техники невозможно. Мы предлагаем наблюдение признаков износа лишь двух фаз (фазы 0 и фазы 2), обладающих «контрастными» результатами. Невооруженное наблюдение может зафиксировать макронарушения поверхности (рис. 2; 3), ее «пузырение», отслаивание, отшелушивание по периметру, в зонах рассечения продольно ориентированных волокон пластины (рис. 3). «Усталость» поверхности у данного материала накапливается достаточно быстро. Уже через год носки она настолько ослабла, что из нее начали выпадать микроблоки, обособленные каналами микротрещин (рис. 5; 6). Критическая глубина трещины для интенсивного разрушения оказывается неожиданно минимальной, десятые доли миллиметра. Накапливающийся «осадок» из микрочастиц бивня и ремешка (микрошелушение поверхности – это непрекращающейся процесс, см. рис. 6: *Г*) и внешних загрязнителей работает как распор для трещины, поддерживая ее развитие.

Податливость растрескиванию зависит от многих факторов: прижизненных особенностей минерального формирования бивня, его общего возраста, когда с течением времени химический состав основных и второстепенных микроэлементов меняется, минимизируя его пластичность/эластичность, скорости данных процессов в конкретной его зоне, тафономических контекстов депонирования… (*Tranchant et al.*, 2023). Но механический результат нескольких лет интенсивной носки бусины, фиксирующий, по сути, разрушение ее поверхности, был несколько неожиданным. Стремительное развитие трещин фиксируется в наименее контактных зонах – широкая плоскость поверхности; консервация данного процесса – в зонах активного износа, канале отверстия и торцах изделия. Из чего можно сделать несколько выводов: поверхности активного износа быстро приобретают блокирующие разрушение «корки» и… бусина – вещь недолговечная при любом способе ношения.

Названная «коркой» износостойкая зона поверхности бусины описывается в категориях «залощенность» и «заполировка». Они часто используются в качестве синонимов в определениях изменения поверхностей, количественная и качественная фиксация которых остаются субъективными. Полировка обычно является результатом абразивной обработки поверхности предмета мягкими материалами (кожей, мехом), хотя эффект гладкой поверхности может быть приобретен и через «налипание» и «уплотнение» внешнего по отношению к основному материалу вещества. Визуальными признаками заполировки являются блеск поверхности и его интенсивность, тактильным признаком – гладкость. Измерение блеска проводится специальными аппаратами – блескомерами, единица измерения – Gu, в археологии данная практика редка. Измерение шероховатости проводится профилометрами (по спектрам значений Ra, Rq и Rz), единица измерения показателей шероховатости – мкм, в археологии данная практика известна и при наличии технических возможностей реализуема. Параметры блеска и шероховатости кости во многом взаимосвязаны: чем ровнее поверхность, тем ярче ее блеск; с увеличением шероховатости поверхности уменьшается показатель ее блеска (*Vashisht, Radhakrishnan*, 1974). Но обозначенные исследования, несмотря на историю своего развития в контексте археологических практик, предоставляют дискуссионные результаты, что обусловлено условиями проведения

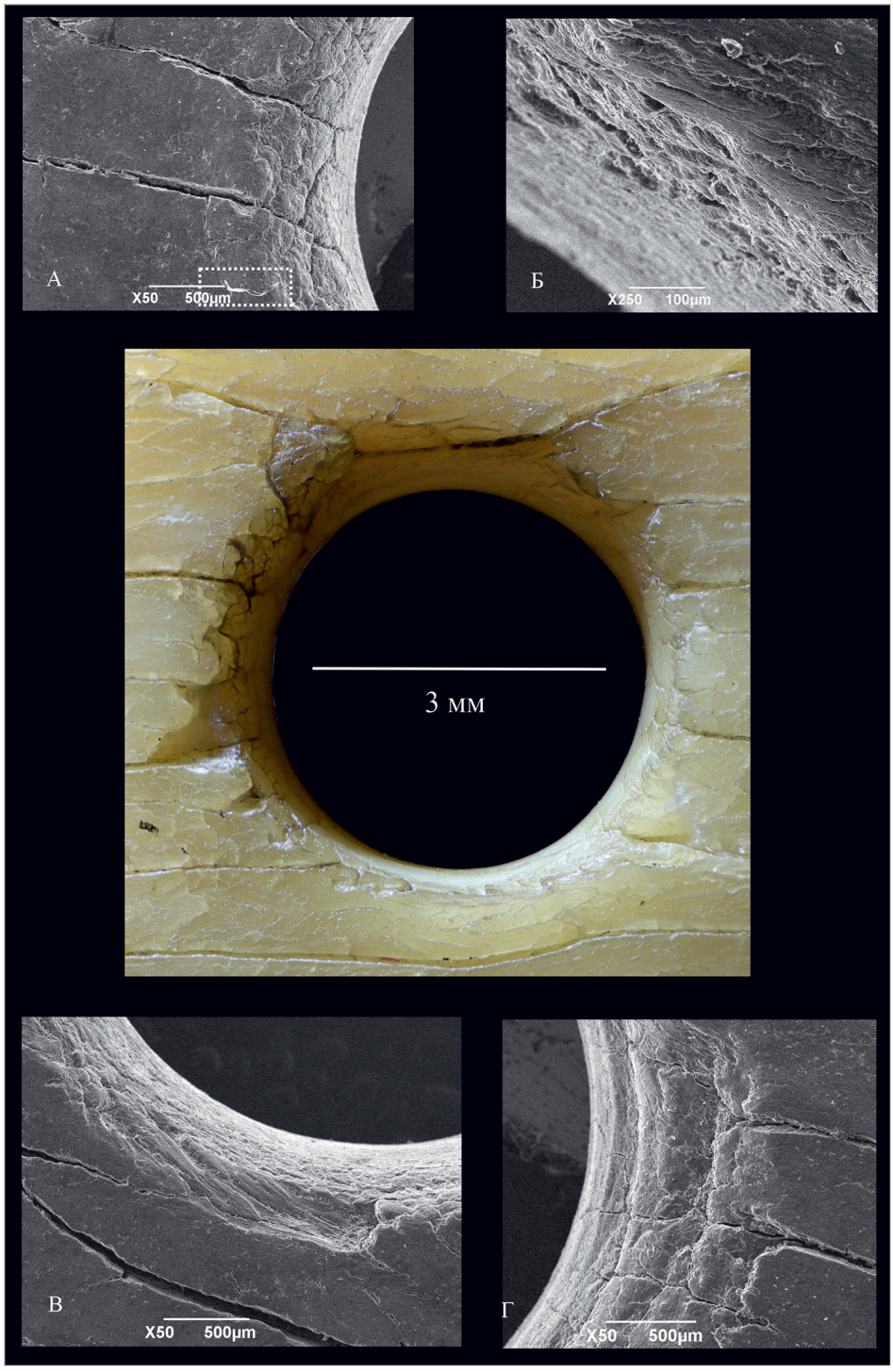

Рис. 5. Иллюстрация состояния сквозного отверстия изделия в «фазе 2» и микрофото отдельных его участков

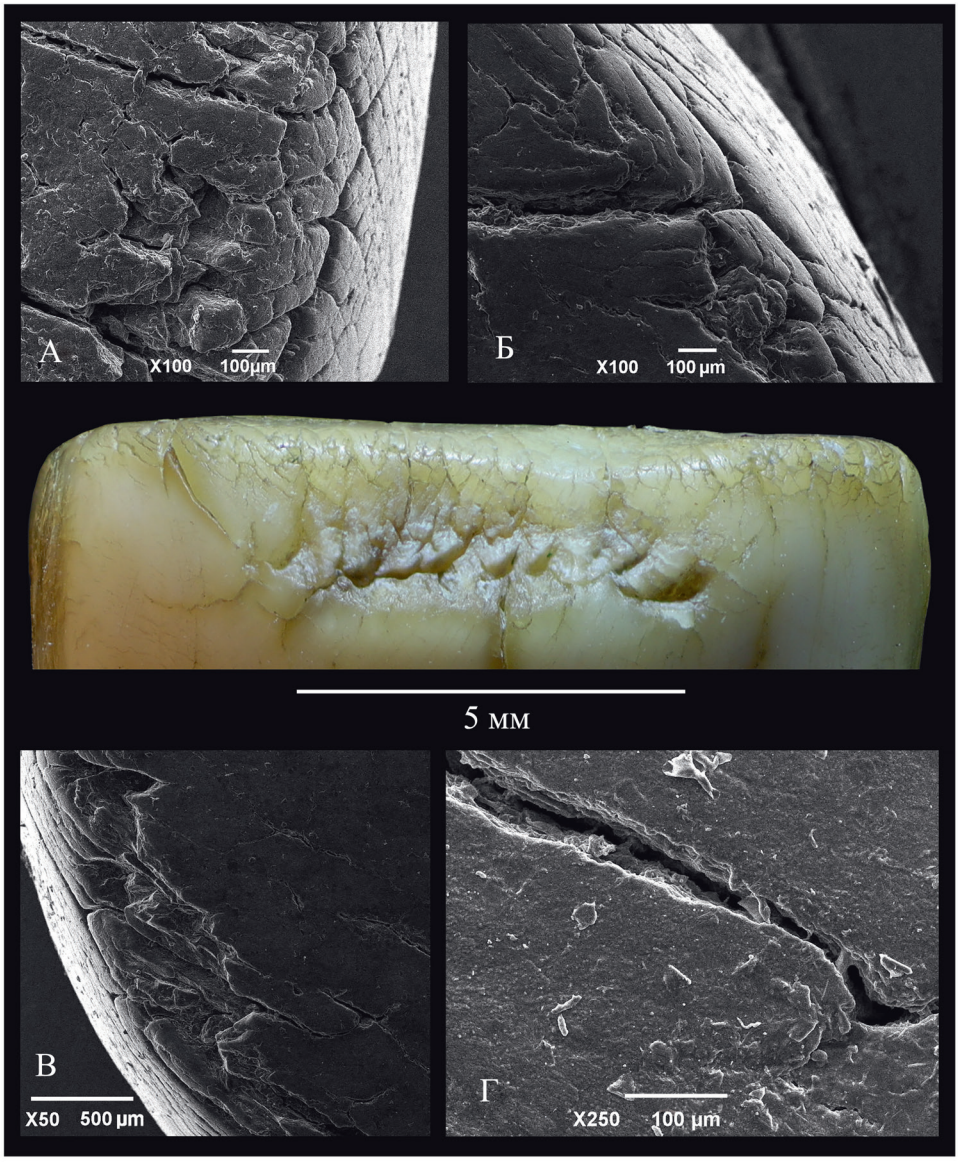

Рис. 6. Иллюстрация состояния торца изделия со следами облома в «фазе 2» и микрофото прилегающих плоскостей

исследований, большим количеством необходимых к учету переменных. Форма, текстура и цвет объекта могут отрицательно влиять на отражающие свойства поверхности, как и любая пленка или остатки, прилипшие к поверхности (*Chadwick, Kentridge*, 2015; *Bradfeld*, 2020). По этим причинам за показателями зеркальности закрепилась характеристика «удобных, но необязательно эмпирически обоснованных» (*Bradfeld*, 2020). В рамках конкретного исследования эти измерения не проводились, и характеристика залощенности/заполированности отдельных зон бусины может быть передана лишь на уровне субъективных суждений.

Блеск поверхности бусины стал отчетливо заметен спустя неделю ее использования, многие технологические детали (заусеницы, чешуйки, стружки) были убраны контактом со шнуром либо кожей тела. Яркость технологического рельефа поверхности сохранялась в наименее контактных областях бусины даже спустя год носки – по дальнему периметру сквозного отверстия (ср. рис. 2: *2* и рис. 3). К истечению второго года этот узор уже терялся среди перекрывающих его глубоких трещин, густая сеть которых мешает и оценке яркости блеска поверхности (ср. рис. 3 и рис. 4). Но утилизационный лак – минерально измененный слой – визуально отличается окрасом и степенью прозрачности от основного материала, контактными параметрами хрупкости.

Топография износа подобных изделий, как уже отмечено, локализуется и контролируется по зонам сквозного отверстия и торцов. Их заполировку можно оценить как сильную, переданную ярким блеском поверхности (рис. 5; 6). Обращает на себя внимание общая трибологическая закономерность – интенсивность трения, сопровождающаяся обменом микроэлементами контактирующих материалов (естественные жиры кожи, кожаного шнура, экзогенные микроэлементы) способствует формированию «минеральной корки», устойчивой к пассивному/механически неагрессивному разрушению. Визуально данный защитный слой отмечен минимальной шероховатостью эндогенного рельефа (рис. 5; 6). Неустойчивый гомогенный слой, уплотненный в технологический рельеф сквозного отверстия, «заусенцы», присутствие которых еще можно было зафиксировать к окончанию первого года носки, к окончанию второго полностью исчезают (рис. 5). Тип носки бусины сказывается на равномерности развития корки, продолжительность – на интенсивности ее выражения. По истечении двух лет у свободно вращавшейся бусины внутренняя зона ее отверстия равномерно заглажена по всему периметру до «зеркального состояния» (рис. 5: *А, В*). Линия границы внешнего диаметра отверстия сильно сглажена (даже в зонах поверхностных нарушений); переход между плоскостями пологий, внешний кант отверстия отсутствует (рис. 5: *А, Б*). Граница внутреннего диаметра отверстия сильно сглажена, зона сопряжения конусов сверления преобразована до цилиндрического профиля.

Угол перехода между плоскостями внешних торцевых зон изделия также сильно сглажен (рис. 6: *А–В*), следы абразивной обработки поверхности изделия полностью уничтожены, покрыты обволакивающей заполировкой; переходы между блоками ячеистой текстуры материала плавные (рис. 2: *А*; 6: *А–В*). Морфометрия трещин в зоне сквозного отверстия и торцах значительно меньше по сравнению с показателями трещин, перекрывающих пассивные зоны поверхности изделия (рис. 5; 6).

В последнее время обсуждаемым становится вопрос о разнице морфологических признаков износа отверстия бусины, формируемых кожаным шнуром, сухожилием, и шнуром растительного происхождения. Обилие переменных в этих экспериментах и, часто, неполнота регистрации процессов ношения оставляют данный вопрос открытым для дальнейших исследований. Относительно результатов анализируемого эксперимента можно заявить о сохранении микрочастиц кожаного шнура в трещиноватом рельефе поверхности изделия (проиллюстрировано положение микроэлемента в зоне границы внешнего диаметра отверстия (рис. 5: *A*)). В археологическом материале подобные частицы могут быть зафиксированы как в трещинах субстратов изделий, так и в консервирующем их седименте (*Cristiani, Borić*, 2012; *Borić, Cristiani*, 2019).

Антропологические наблюдения, как правило, редко выделяемы в качестве результатов экспериментов, что объяснимо незначительным интервалом взаимодействия экспериментатора и изделия. Продолжительное ношение бусины – практика очень ответственная. Как уже отмечено, их легко потерять: были потери бусин по причине их разрушения (бусина из белемнита), разрыва шнурка (бусины из бивня), потери в процессе замены шнурка между фазами носки. С учетом простоты их производства и легкости утраты в ходе процессов повседневной активности обостряется интерес к причинам их отсутствия на любом памятнике, где бы ни обитал человек (а такие комплексы известны). Вероятно, это была специфичная категория вещей, не рассчитанная на повседневную практику и постоянную носку.

Бусины «работают» визуально, аудиально, тактильно. Эти параметры контролируются спецификой наборов: можно собрать более звучащие или яркой расцветки, по формальному признаку бусин, рассчитанных на тактильную активность и игнорирующих ее. Двухлетнее бережное ношение браслета, собранного в основном из костяных бусин, приучило к аудиальному сопровождению движения руки. Тональность звука приятная, успокаивающая. Постоянное перебирание бусин пальцами (браслет носился на левой руке, оставляя свободу манипуляции для правой), их ощупывание можно назвать вариантом физического релакса.

Заключение

Продолжительные наблюдения за использованием бусины, выполненной из бивня мамонта, и формируемыми в ходе данной практики следами износа – в определенном смысле новое предложение в экспериментальной практике. Первичные следы кратковременного износа формируются быстро, их анализу посвящен основной объем научной литературы. Но такая семантически важная вещь, как бусина (*Kılıç*, 2017), теоретически создавалась для максимально продолжительного и, учитывая придаваемую ей значимость, интенсивного использования. Признаковое поле данной практики пока еще слабо сформировано и практически не исследовано. Эксперимент продемонстрировал морфологическое преображение основных контактных зон и разрушение остальных (ожидаем был обратный порядок). Второй аспект дополняет признаковый перечень износа бусин из органических материалов – о разрушении поверхности малоконтактных зон в ходе утилизации бусины пока не сообщалось. Оно упоминается

на уровне теоретического допущения в рассуждениях о тафономическом воздействии на изделие в ходе его депонирования. Согласно результатам эксперимента мы можем заявить, что это не всегда так: разрушение может быть принято «прижизненным» эффектом износа.

Результаты двухлетней носки бусины из бивня мамонта показали ее относительную недолговечность. Еще несколько лет использования в аналогичном режиме могут прекратить ее существование. Таким образом, «период жизни» бусины из бивня относительно невелик – около 4–5 лет беспрерывной носки, а с учетом регламента использования, очевидно, только по особым событиям – около 10 лет[2]. Но ее эстетическое состояние в этом случае оставляло бы желать лучшего. Признаки «усталости» изделия тафономически устойчивы, но даже характерные для двухлетнего использования в археологических материалах автору сообщения не известны. Тогда справедлив вопрос о репрезентативной нагрузке бусин из биоминерального сырья – они недолговечны даже по меркам палеолита, а их использование, сохранившее им их эстетическую привлекательность (судя по иллюстрациям ряда известных сообщений), сложно вписывается в регламент теоретически предполагаемых социокультурных практик живущего активной жизнью коллектива/индивида. Для этого они слишком хорошо сохранились…

ЛИТЕРАТУРА

Бирштейн В. Я., 1975. О строении и химическом составе поделочной кости, слоновых бивней и клыков моржей // Художественное наследие. Хранение. Исследование. Реставрация. № 1 (31). С. 63–73.

Исакова Т. А., Петухова Е. С., Павлова В. В., Соловьев Т. М., Ботвин Г. В., Чириков А. А., 2022. Зависимость физико-механических свойств бивней мамонта от способов обработки и изоляции // Новые материалы и технологии в условиях Арктики: материалы V Междунар. конф. с элементами науч. школы. Якутск: Изд. дом Сев.-Вост. федерал. ун-та. С. 89–91.

Лбова Л. В., 2023. Художественные формы ледниковой эпохи Сибири как способ самоидентификации человека и общества: предметы персональной орнаментации // Искусство Евразии. № 3 (30). С. 22–33.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Иванова В. В., 2014. Искусство верхнего палеолита арктической Сибири: личные украшения из раскопок янской стоянки // Уральский исторический вестник. № 2 (43). С. 6–17.

Степанова К. Н., Малютина А. А., Бессуднов А. А., Гиря Е. Ю., 2022. Украшения II слоя Костенок 17: особенности производства, использования и контекст в рамках начальной поры верхнего палеолита Восточной Европы // SP. № 1. С. 193–219.

Хлопачев Г. А., 2006. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука. 262 с.

Хлопачев Г. А., Базилевич Л. О., 2024. Бусины из бивня мамонта Сунгирской палеолитической стоянки: формы и особенности их чередования в наборных украшениях // Camera praehistorica. № 1 (12). С. 24–47.

Хлопачев Г. А., Гиря Е. Ю., 2010. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб.: Наука. 144 с.

[2] Отметим, что аналогичные результаты по износу получены в отношении еще нескольких бусин, в сообщении подробно представлена лишь одна из них. Вторую бусину из бивня можно видеть на рис. 1 (справа от основной, представленной в сообщении). Другая форма, другая посадка на шнур, другая динамика/способ перемещения по нему, но результат тот же.

Шуньков М. В., Федорченко А. Ю., Козликин М. Б., 2023. Костяные пронизки ранней стадии верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры // АЭАЕ. Т. 51. № 4. С. 3–14.

Albéric M., Dean M. N., Gourrier A., Wagermaier W., Dunlop J. W. C., Staude A., Fratzl P., Reiche I., 2017. Relation between the Macroscopic Pattern of Elephant Ivory and Its Three-Dimensional Micro-Tubular Network // PLoS One. 12, 1. e0166671.

Borić D., Cristiani E., 2019. Taking Beads Seriously: Prehistoric Forager Ornamental Traditions in Southeastern Europe // PaleoAnthropology. Special Issue: Personal Ornaments in Early Prehistory. P. 208−239.

Bradfeld J., 2020. The perception of gloss: A comparison of three methods for studying intentionally polished bone tools // JAS: Reports. Vol. 32. Article 102425.

Chadwick A. C., Kentridge R. W., 2015. The perception of gloss: A review // Vision Research. Vol. 109. Part B. P. 221–235.

Cristiani E., Borić D., 2012. 8500-year-old Late Mesolithic garment embroidery from Vlasac (Serbia): Technological, use-wear and residue analyses // JAS. Vol. 39. P. 3450–3469.

D'Errico F., 1993. La vie sociale de L'Art mobilier paléolithique. Manipulation, transport, suspension der objets on os, bon de cervidés, ivoire // Oxford Journal of Archaeology. Vol. 12. № 2. P. 145–174.

Fagan D. A., Oosterhuis J. E., Roocroft A., 2001. Captivity disorders in elephants impacted molars and broken tusks // Der Zoologische Garten. Neue Folge. Vol. 71. P. 281–303.

Fisher D. C., Cherney M. D., Newton C., Rountrey A. N., Calamari Z. T., Stucky R. K., Lucking C., Petrie L., 2014. Taxonomic overview and tusk growth analyses of Ziegler Reservoir proboscideans // Quaternary Research. Vol. 82. Iss. 3. P. 518–532.

Freund A., Eggert G., Kutzke H., Barbier B., 2002. On the Occurrence of Magnesium Phosphates on Ivory // Studies in Conservation. Vol. 47. Iss. 3. P. 155–160.

Kaudela V., 2024. The adornments of the Gravettian site Krems-Wachtberg in chronological and technocultural context // Přehled výzkumů. № 65/1. P. 57–83.

Kılıç S., 2017. A new Interpretation of Beads in their Archaeological and Cultural Context // Questions, Approaches, and Dialogues in Eastern Mediterranean Archaeology: Studies in Honor of Marie-Henriette and Charles Gates. Münster: Ugarit-Verlag. P. 849–856.

Kuhn S., Stiner M., 2007. Body ornamentation as information technology: towards an understanding of the significance of early beads // Rethinking the Human Revolution: New Behavioural and Biological Perspectives on the Origin and Dispersal of Modern Humans / Ed. P. Mellars et al. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research. P. 45–54.

Lázničková-Galetová M., 2014. The phenomenon of Gravettian necklaces e Mammoth ivory necklaces from Dolní Věstonice I (Moravia, Czech Republic) // QI. Vol. 359–360. P. 229–239.

Marreiros J., Mazzucco N., Gibaja J. F., Bicho N., 2015. Macro and Micro Evidences from the Past: The State of the Art of Archaeological Use-Wear Studies // Use-Wear and Residue Analysis in Archaeology. Manuals in Archaeological Method, Theory and Technique. Cham; London: Springer. P. 5–26.

Matienzo L. J., Snow C. E., 1986. The Chemical Effects of Hydrochloric Acid and Organic Solvents on the Surface of Ivory // Studies in Conservation. Vol. 31. № 3. P. 133–139.

Osipowicza G., Piličiauskienėb G., Orłowskaa J., Piličiauskasc G., 2020. An occasional ornament, part of clothes or just a gift for ancestors? The results of traceological studies of teeth pendants from the Subneolithic sites in Šventoji, Lithuania // JAS: Reports. Vol. 29. Article 102130.

Pansani T. R., Pobiner B., Gueriau P., Thoury M., Tafforeau P., Baranger E., Vialou Á. V., Vialou D., McSparron C., de Castro M. C., Dantas M. A. T., Bertrand L., Pacheco M. L. A. F., 2023. Evidence of artefacts made of giant sloth bones in central Brazil around the last glacial maximum // Proceedings of the Royal Society. B. № 290. rspb.20230316.

Solovev T. M., Petukhova E. S., Botvin G. V., Isakova T. A., Pavlova V. V., 2021. Investigation of mammothus tusk Mammuthus Primigenius by thermogravimetry and X-ray diffraction analysis // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Vol. 1079. Article 042011.

Steguweit L., 2015. Rotten ivory as raw material source in European Upper Palaeolithic // QI. Vol. 361. P. 313–318.

Stiner M., 2014. Finding a common bandwidth: causes of convergence and diversity in Paleolithic beads // Biological Theory. Vol. 9. P. 51–64.

Tranchant L., Müller K., Lemasson Q., Pichon L., Schoder S., Conard N. J., Reiche I., 2023. Performance comparison of external IBA and SR-XRF imaging for the study of ivory // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms. Vol. 545, December. Article 165146.

Vashisht S. K., Radhakrishnan V., 1974. Surface studies with a gloss meter // Tribology. Vol. 7. Iss. 2. P. 70–76.

Velliky E. C., Schmidt P., Bellot-Gurlet L., Wolf S., Conard N. J., 2021. Early anthropogenic use of hematite on Aurignacian ivory personal ornaments from Hohle Fels and Vogelherd caves, Germany // Journal of Human Evolution. Vol. 150. Article 102900.

Wolf S., Kind C.-J., Conard N. J., 2013. Schmuck aus dem Aurignacien von der schwäbischen Alb im vergleich mit Inventaren aus dem Lahntal und dem Rheinland // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 43. № 3. S. 295–313.

Сведения об авторах

Шмидт Ирина Викторовна, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, пр. Мира, 55а, Омск, 644077; Россия; e-mail: rebew@rambler.ru;

Рогачев Евгений Анатольевич, Омский государственный технический университет, пр. Мира, 11, Омск, 644050; Россия; e-mail: earogachev@omgtu.ru;

Малий Владимир Юрьевич, Омский государственный технический университет, пр. Мира, 11, Омск, 644050; Россия; e-mail: volodya.maliy@mail.ru

I. V. Shmidt, E. A. Rogachev, V. Yu. Maliy

THE MAMMOTH TUSK BEAD: WEAR MARKS CAUSED BY A LONG PERIOD OF USE (SOME STATEMENTS BASED ON THE EXPERIMENTATION)

Abstract. This paper introduces into scientific discourse results of a two-year experimentation relating to wear marks on a bead made from mammoth tusk. Its aim is to provide a comprehensive view of the bead 'bio', its '*chaîne opératoire*' and use as well as perform analysis of the marks left during a long period of use. This type of analysis is a rare scientific endeavor in controlled experiment practice. Without challenging the statement on historical, cultural and social importance of such items, the authors raise an issue of time limit regarding the existence of this important item in the social and cultural contexts, metamorphoses of its use as well as wear marks left during a long period of use. For observation purposes, we made a wrist bracelet, developed and substantiated the rules of its wear, repair as well as rules for documenting any changes in the intermediate state of its components. We recorded the most salient threshold conditions of the item (phase 0: baseline before use; phase 1: one year of regular wear; phase 2: two full years of regular wear) using three modes: visual analysis using naked eye; macrophotography; and SEM-image recording. The results produced were divided into three categories, namely, technological, use and anthropological, and then analyzed. The most important conclusions of the study are as follows: a need to select optimal areas in the composite material for cutting out the item; intense morphological and mineral metamorphoses of active contact areas; and degradation of the planes of the lowest activity areas. Given the 'sparing' use, the bead made of biomineral materials showed the signs of serious degradation. The questions that are asked based on this information is how long the cultural cycle

of such items (which is relatively short) can last, and what relevant representative function and distinctive traits characterize such items.

Keywords: experimental archaeology, mammoth tusk bead, wear marks caused by a long period of use.

REFERENCES

Birshteyn V. Ya., 1975. O stroenii i khimicheskom sostave podelochnoy kosti, slonovykh bivney i klykov morzhey [On structure and chemical composition of ornamental bone, ivory tusks and walrus tusks]. *Khudozhestvennoe nasledie. Khranenie. Issledovanie. Restavratsiya [Artistic heritage. Keeping. Research. Restoration]*, 1 (31), pp. 63–73.

Isakova T. A., Petukhova E. S., Pavlova V. V., Solov'ev T. M., Botvin G. V., Chirikov A. A., 2022. Zavisimost' fiziko-mekhanicheskikh svoystv bivney mamonta ot sposobov obrabotki i izolyatsii [Dependence of physico-mechanical properties of mammoth tusks on processing and insulation methods]. *Novye materialy i tekhnologii v usloviyakh Arktiki (V konferentsiya) [New materials and technologies in Arctic (V Conference)]*. Yakutsk: Izdatelskiy dom Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta, pp. 89–91.

Khlopachev G. A., 2006. Bivnevye industrii verkhnego paleolita Vostochnoy Evropy [Tusk industries of Eastern Europe]. St. Petersburg: Nauka, 262 p.

Khlopachev G. A., Bazilevich L. O., 2024. Businy iz bivnya mamonta Sungirskoy paleoliticheskoy stoyanki: formy i osobennosti ikh cheredovaniya v nabornykh ukrasheniyakh [Mammoth tusk beads from Sungir Paleolithic site: shapes and features of their alternation in set jewelry]. *Camera praehistorica*, 1 (12), pp. 24–47.

Khlopachev G. A., Girya E. Yu., 2010. Sekrety drevnikh kostorezov Vostochnoy Evropy i Sibiri: priemy obrabotki bivnya mamonta i roga severnogo olenya v kamennom veke (po arkheologicheskim i eksperimental'nym dannym) [Secrets of ancient bone cutters of Eastern Europe and Siberia: techniques for processing mammoth tusks and reindeer antlers in Stone Age (according to archaeological and experimental data)]. St. Petersburg: Nauka. 144 p.

Lbova L. V., 2023. Khudozhestvennye formy lednikovoy epokhi Sibiri kak sposob samoidentifikatsii cheloveka i obshchestva: predmety personalnoy ornamentatsii [Artistic forms of Glacial epoch of Siberia as a way of self-identification of man and society: objects of personal ornamentation]. *Iskusstvo Evrazii [Eurasia art]*, 3 (30), pp. 22–33.

Pitulko V. V., Pavlova E. Yu., Ivanova V. V., 2014. Iskusstvo verkhnego paleolita arkticheskoy Sibiri: lichnye ukrasheniya iz raskopok yanskoy stoyanki [Art of Upper Paleolithic of Arctic Siberia: personal jewelry from excavations of the Yana site]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik [Ural historical bulletin]*, 2 (43), pp. 6–17.

Shunkov M. V., Fedorchenko A. Yu., Kozlikin M. B., 2023. Kostyanye pronizki ranney stadii verkhnego paleolita iz tsentralnogo zala Denisovoy peshchery [Bone tubular beads of early stage of Upper Paleolithic from central hall of Denisova cave]. *AEAE*, vol. 51, no. 4, pp. 3–14.

Stepanova K. N., Malyutina A. A., Bessudnov A. A., Girya E. Yu., 2022. Ukrasheniya II sloya Kostenok 17: osobennosti proizvodstva, ispolzovaniya i kontekst v ramkakh nachalnoy pory verkhnego paleolita Vostochnoy Evropy [Decorations of layer II of Kostenki 17: features of production, use and context within framework of initial period of Upper Paleolithic of Eastern Europe]. *SP*, 1, pp. 193–219.

About the authors

Shmidt Irina V., Dostoevsky Omsk State University, pr. Mira, 55a, Omsk, 644077, Russian Federation; e-mail: rebew@rambler.ru;

Rogachev Evgeniy A., Omsk State Technical University, pr. Mira, 11, Omsk, 644050, Russian Federation; e-mail: earogachev@omgtu.ru;

Maliy Vladimir Yu. Omsk State Technical University, pr. Mira, 11, Omsk, 644050, Russian Federation; e-mail: volodya.maliy@mail.ru

В. Е. Щелинский

ОТКРЫТИЕ ПЕРВЫХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЗАПАДНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ[1]

Резюме. В статье приводятся и предварительно интерпретируются данные о двух новых стратифицированных среднепалеолитических местонахождениях – Протока 1 и Протока 2, недавно открытых на Таманском полуострове на берегу Азовского моря у пос. За Родину. Культуросодержащие слои местонахождений связаны с аллювиально-дельтовыми отложениями 20-метровой террасы. С учетом высокого гипсометрического уровня местонахождений они соотносятся с максимальной стадией карангатской трансгрессии Черного моря, коррелируемой с МИС 5е и микулинским межледниковьем на Русской равнине (~ 130–115 тыс. л. н.). Фауна местонахождений представлена *Mammuthus intermedius*, *Equus latipes*, *Equus hydruntinus*, *Bison priscus*, относящимися к хазарскому фаунистическому комплексу второй половины среднего – начала позднего плейстоцена, и подтверждает предполагаемый микулинский возраст местонахождений. Пока малочисленные каменные изделия местонахождений выглядят как два разных технико-типологических комплекса. Изделия местонахождения Протока 1 показывают слабое развитие леваллуазской технологии и наличие практики изготовления двусторонне обработанных орудий (возможная принадлежность к микоку). Изделия местонахождения Протока 2, напротив, свидетельствуют о хорошо развитой леваллуазской технологии. При этом двусторонне обработанные орудия среди них отсутствуют (леваллуа-мустьерская традиция). Близкими в культурном отношении комплексам изделий местонахождений Протока 1 и Протока 2 являются каменные индустрии микулинских слоев среднепалеолитических стоянок Ильская 1 (нижний культурный слой) и Ильская 2 (культурные слои 5–7) в Закубанских предгорьях Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: средний палеолит, МИС 5е, местонахождения Протока 1 и Протока 2, Таманский полуостров, Западное Предкавказье, Россия.

[1] Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.43-60

Введение

Изучение палеолита Западного Предкавказья началось сравнительно недавно. В настоящее время в этом регионе исследованы многочисленные стоянки нижнего палеолита, датируемые ранним и ранним средним плейстоценом (*Щелинский*, 2021; 2023). Однако более поздние палеолитические стоянки неизвестны. Это едва ли можно объяснить неблагоприятными природными условиями для жизни людей на этой территории во второй половине среднего плейстоцена и в позднем плейстоцене. Такие палеогеографические данные отсутствуют. Западное Предкавказье располагается между Кавказом и Русской равниной, на пути миграций древнего населения, и, как и эти регионы, наверняка было заселено людьми на протяжении почти всего плейстоцена. Поэтому новые разновременные палеолитические стоянки здесь, несомненно, будут обнаружены.

В этой связи заслуживают внимания два новых среднепалеолитических местонахождения – Протока 1 и Протока 2, недавно открытые мной в Южном Приазовье на Таманском полуострове. Оба местонахождения пока лишь зафиксированы, и информация о них незначительная. Однако уже ясно, что они стратифицированные и их культуросодержащие слои содержат каменные изделия, залегающие совместно с костными остатками плейстоценовых млекопитающих.

В статье приводятся и предварительно интерпретируются геологические, палеонтологические и археологические данные об этих местонахождениях.

Геоморфологические и геологические условия района местонахождений

Таманский полуостров, как и все Южное Приазовье, является частью Западного Предкавказья. Располагается он в пределах Керченско-Таманского поперечного прогиба, служащего своего рода соединительным звеном между складчатыми сооружениями Большого Кавказа и горного Крыма (*Милановский, Хайн*, 1963). Рельеф полуострова предопределен неотектоникой и представляет собой чередование антиклинальных гряд и синклинальных низин, часто занятых лиманными акваториями (*Измайлов*, 2005). В районе новых палеолитических местонахождений выделяется Тиздарская гряда с максимальной отметкой 74,7 м (гора Тиздар). Ее пологие склоны к югу постепенно переходят в плоскую и широкую синклинальную низменность, примыкающую на западе к Таманскому заливу, а к востоку – к Пересыпскому гирлу Кубани. Эта синклинальная депрессия примерно в полукилометре восточнее горы Тиздар смыкается с берегом Азовского моря плоским понижением – эрозионно-тектонической долиной Синей балки (рис. 1: *А*). Высотные отметки днища этой ложбины порядка 10 м, ширина плоского днища – до 400 м. Вполне вероятно, что к этому небольшому прогибу было приурочено ныне отмершее древнее гирло Кубани. Тектонические поднятия антиклинальной гряды прервали ее существование (*Измайлов, Щелинский*, 2013).

В геологическом строении в районе местонахождений на основании структурно-геологических, биостратиграфических и палеомагнитных данных выделяются три разновременные толщи отложений (*Тесаков и др*., 2019).

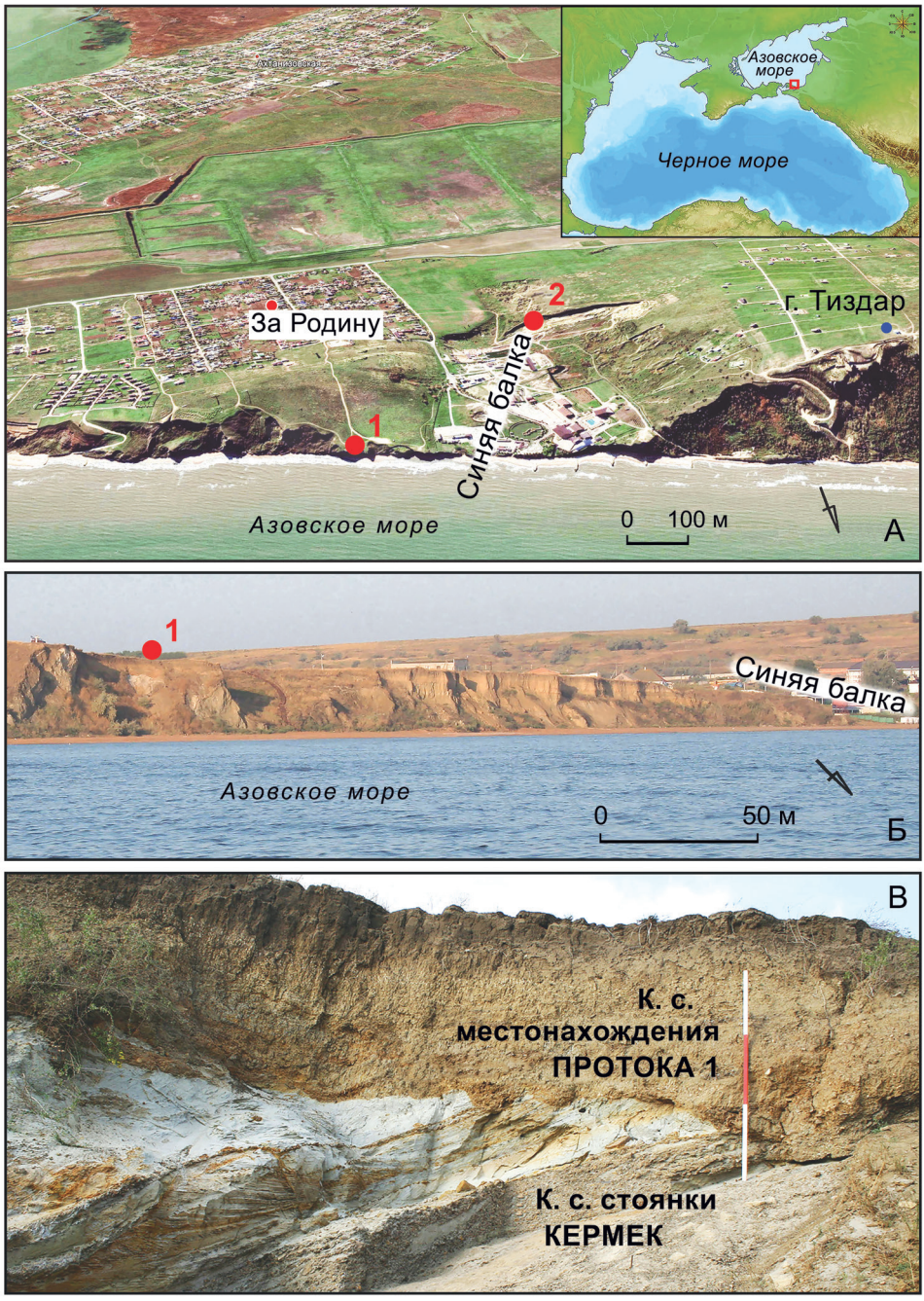

Рис. 1. Местонахождения среднего палеолита Протока 1 и Протока 2 на Азовском побережье Таманского полуострова

А – расположение местонахождений Протока 1 (отмечено красным кружком 1) и Протока 2 (отмечено красным кружком 2); *Б* – расположение местонахождения Протока 1 на 20-метровой террасе (отмечено красным кружком 1); *В* – расположение культуросодержащего слоя местонахождения Протока 1 в отложениях 20-метровой террасы

Нижняя из них сложена преимущественно морскими мелководными глинами, песками и пляжевыми отложениями верхнего куяльника (гелазий и нижний калабрий международной хроностратиграфической шкалы). Эта толща сильно деформирована неотектоникой, слои наклонены под углом до 70° и нарушены разломами. Возраст этой толщи определяется в интервале 2,1–1,7 млн л. н. Она содержит нормально намагниченные слои, соответствующие эпизоду Олдувей. С этой толщей отложений связана одна из древнейших на территории России нижнепалеолитическая стоянка Кермек.

Средняя толща отложений, датируемая средним и верхним калабрием, состоит из прибрежных песков с пляжевыми галечниками в основании. Она сформировалась на частично эродированной поверхности нижней пачки и, местами, на грязевулканической брекчии и менее дислоцирована. Возраст этой толщи определяется в интервале 1,0–0,78 млн л. н. В ней залегают культуросодержащие слои раннеашельских стоянок Родники 1–4, Богатыри/Синяя Балка и Пересыпь.

Верхнюю толщу составляют практически не дислоцированные аллювиально-дельтовые отложения и покровные суглинки среднего и позднего плейстоцена (*Щелинский*, 2021; *Щелинский, Гайдаленок*, 2022; *Тесаков и др.*, 2019). Культуросодержащие слои выявленных среднепалеолитических местонахождений Протока 1 и Протока 2 связаны с отложениями именно этой толщи.

Оба местонахождения находятся у пос. За Родину (Темрюкский район, Краснодарский край) в долине Синей балки (рис. 1: *А*).

Местонахождение Протока 1

Местонахождение Протока 1 расположено на берегу Азовского моря в 350 м к северу от пос. За Родину в устьевой части на правом берегу Синей балки (рис. 1: *А*).

Геология. Культуросодержащий слой местонахождения связан с отложениями древней террасы высотой у тылового шва около 20 м (рис. 1: *Б*). Эти отложения надстраивают сверху хорошо известную и детально изученную толщу раннеплейстоценовых отложений, в которой залегает культуросодержащий слой нижнепалеолитической стоянки Кермек.

Последовательность отложений террасы и подстилающих их более древних литологических слоев была прослежена при раскопках стоянки Кермек (*Щелинский*, 2021) и выглядит следующим образом (снизу вверх) (рис. 1: *В*; 2: *А*):

1. Глина коричневато-темно-серая, плотная, тугопластичная, бесструктурная, с включением неокатанного щебня и крупных кусков доломита. Верхний контакт четкий. Видимая мощность > 1 м.

2. Пачка переслаивающихся щебнисто-галечных прослоев и прослоев песка с раковинами пресноводных и слабосолоноватоводных моллюсков. Щебнисто-галечные прослои с нечеткими контурами, рыжвато-коричневые, буроватые, с песчаным светло-серым заполнителем. В заполнителе песок кварцево-полимиктовый, с содержанием ильменита. Размеры обломочного материала – от 2–3 мм до 20 см, неокатанный материал преобладает над слабоокатанным и окатанным. По составу материал из разных осадочных пород: окварцованный

доломит, мергель, песчаник, сидерит, алевролит. Много крупных и мелких окатышей коричневато-серой глины. Прослои и прослойки песка также с нечеткими контурами, прерывистые, с разным уклоном, толщиной от 10–15 см до 25–30 см, песок светло-серый, кварцево-полимиктовый, слюдистый с небольшим содержанием гравия и окатышами коричневато-серой глины. Верхний контакт довольно четкий. Мощность 1,0 м.

3. Песок пестроцветный рыжевато-белесый, с прослойками и по трещинам ржаво-бурый, горизонтально- и косослоистый, сравнительно однородный, с тонкими прослойками желвачков железистых конкреций и окатанных обломков доломита диаметром до 3–5 см. Прослеживаются отдельные тонкие прослойки желтого цвета, напоминающие серу. Верхний контакт четкий с эрозионными карманами. Мощность 1,7 м (к востоку мощность увеличивается до нескольких метров).

Слои 1–3 дислоцированы и наклонены на восток под углом 50°.

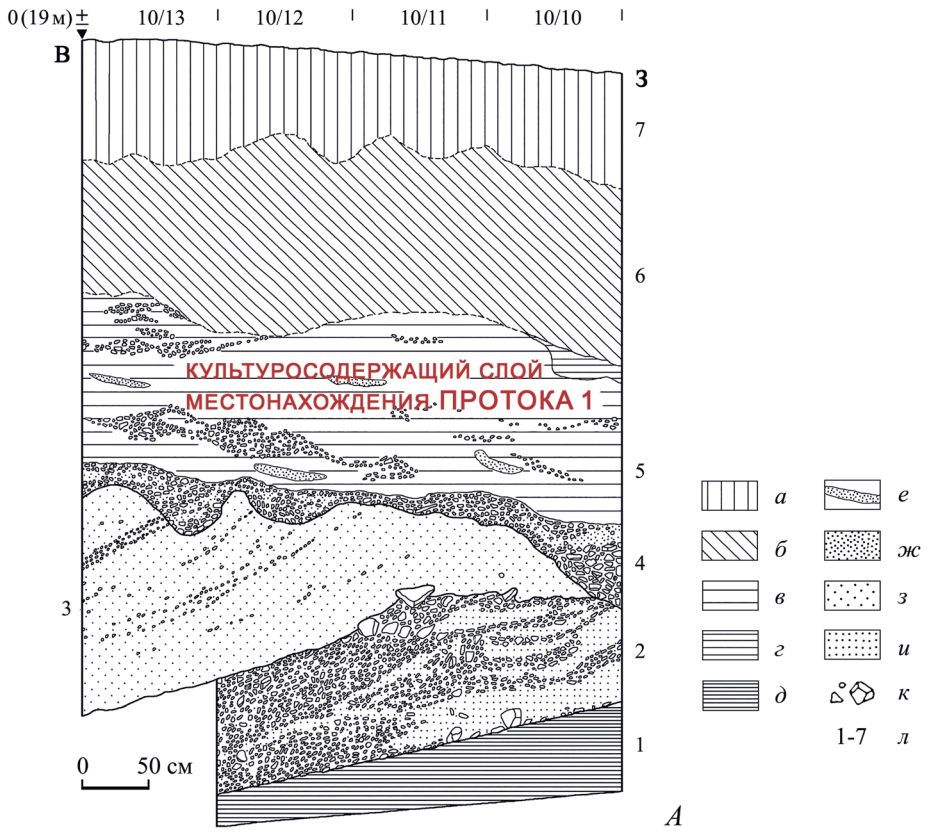
4. Галечник плотный, слоистый, с бурым и желтовато-коричневым дресвяно-суглинистым заполнителем, содержит включения тонких прослоев дресвы и желтоватого песка с неясными контурами. Обломочный материал в основном плохо окатанный, размеры обломков от 1–2 см до 20 см, представлен преимущественно доломитами и сидеритами; отмечены редкие мелкие гальки кварца и окатыши глинистого материала голубовато-серого цвета. Контакт с вышележащим слоем постепенный. Мощность 0,5 м.

5. Глина плотная, пестроцветная, в основном сизовато-коричневая, слоистая, по трещинам прослеживается ожелезнение, с включениями линз и прерывистых прослоев слабо окатанных обломков известковистых пород размером от 2–3 см до 10–15 см, дресвы, серого песка и плотной коричневато-серой глины. Внизу объем обломочного материала увеличивается. Состав обломков тот же, что в нижележащем слое. Контакт с вышележащим слоем постепенный. Мощность 1,4 м.

6. Суглинок палево-бурый, с редкой дресвой известковистых пород и большим количеством карбонатных стяжений типа «белоглазки», стяжения преимущественно мелкие, диаметром до 1,5 см, реже до 5–8 см, суглинок нечетко слоистый, к подошве отмечены отдельные линзы брекчированного темно-серого суглинка. Переход к вышележащему слою постепенный, фиксируется по изменению цвета породы. Мощность 1,5 м.

7. Почвенно-растительный слой – суглинок темно-серый, образует вертикальные отдельности, с редкими включениями дресвы из известковистых пород, а также мелких карбонатных стяжений. Мощность 0,9 м.

Описанный разрез четко разделяется на две разновозрастные части. Нижнюю часть образуют дислоцированные раннеплейстоценовые слои грязевулканического (слой 1), пляжевого (слой 2) и прибрежно-морского генезиса (слой 3). При этом слой 2 является культуросодержащим слоем упоминавшейся нижнепалеолитической стоянки Кермек, датируемой по совокупности биостратиграфических, палеомагнитных и палинологических данных концом гелазия в пределах интервала 2,0–2,1 млн л. н. (по времени он несколько предшествует палеомагнитному субхрону Олдувей, нижняя граница которого зафиксирована в интервале 1,93–1,95 млн л. н.) (*Тесаков и др*., 2019; *Щелинский*, 2021).

0(19м)±
10/13
10/12
10/11
10/10
В
З
7
6
5
4
3
2
1
КУЛЬТУРОСОДЕРЖАЩИЙ СЛОЙ
МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПРОТОКА 1
0
50 см
а
б
в
г
д
е
ж
з
и
к
1-7
л

А

Б

В

Эта нижняя пачка слоев служит цоколем верхней части отложений разреза, включающей в себя слои 4–7, имеющие, по-видимому, аллювиально-дельтовое происхождение (за исключением слоя современной почвы). Обращает на себя внимание, что залегают эти слои на эродированной поверхности нижней пачки с резким несогласием и почти горизонтально. Культуросодержащим слоем местонахождения является литологический слой 5, представленный плотной слоистой пестроцветной глиной с линзами обломочного материала и песка.

Возраст культуросодержащего слоя местонахождения, как и всей включающей его верхней пачки отложений, пока точно не установлен. В общем плане эта пачка отложений относится к III осадочной толще недавно предложенной стратиграфической схемы плейстоцена северо-восточной части Таманского полуострова, датируемой средним – поздним плейстоценом (*Тесаков и др*., 2019). Сузить этот широкий хронологический диапазон датировки культуросодержащего слоя местонахождения позволяют оценка его геоморфологической позиции и найденные в нем остатки фауны крупных млекопитающих.

Как было отмечено, пачка отложений с культуросодержащим слоем имеет субаквальный генезис и располагается довольно высоко над современным уровнем моря. Учитывая это, можно предполагать, что она синхронна с максимальной стадией последней обширной позднеплейстоценовой карангатской трансгрессии Черного моря (Понта), коррелируемой с МИС 5e и микулинским межледниковьем на Русской равнине. Не исключен также и более ранний возраст этой пачки отложений – позднесреднеплейстоценовый, соответствующий времени ашейской трансгрессии Черного моря и МИС 7. Фауна млекопитающих из культуросодержащего слоя местонахождения не противоречит этому предположению.

Фауна[2]**.** Наличие в верхней пачке отложений на местонахождении костных остатков крупных млекопитающих впервые было установлено В. И. Жегалло. В ней он нашел кости *Mammuthus primigenius* (ранняя форма), *Equus* sp. и *Canis* sp. Находки были отнесены к хазарскому фаунистическому комплексу и датированы средним плейстоценом (*Несмеянов*, 1999. С. 58). Нами в культуросодержащем слое местонахождения также были найдены костные остатки представителей хазарского фаунистического комплекса – нижняя челюсть широкопалой лошади (*Equus latipes*) (рис. 2: *Б, В*) и на осыпи под культуросодержащим

Рис. 2 (с. 48). Среднепалеолитическое местонахождение Протока 1

А – разрез отложений с культуросодержащим слоем (*а* – современная почва; *б* – суглинок палево-бурый; *в* – глина коричневато-серая с линзами и прослоями песка и обломочного материала; *г* – глина коричневато-серая; *д* – глина грязевулканическая, коричневато-темно-серая с обломочным материалом коричневато-бурая; *е* – линзы желто-серого песка; *ж* – песок серый; *з* – песок белый; *и* – песок светло-серый; *к* – щебень, гальки и глыбы доломита; *л* – литологические слои); *Б* – извлечение из культуросодержащего слоя челюсти лошади (*Equus latipes*); *В* – челюсть лошади (*Equus latipes*) в культуросодержащем слое

[2] Фауна местонахождений определена и интерпретирована В. В. Титовым.

слоем фаланги бизона (*Bison* sp.). Следует отметить, что время существования хазарской териофауны охватывает конец среднего плейстоцена (МИС 7–6) и начало позднего плейстоцена (МИС 5) (*Застрожнов и др.*, 2018).

Каменные изделия. На местонахождении найдено всего 12 каменных изделий (рис. 3: *1–9*; 4: *1–3*). Девять из них были извлечены из культуросодержащего слоя, три других изделия найдены на осыпи непосредственно под обнажением культуросодержащего слоя.

В составе находок шесть отщепов, два нуклеуса и четыре орудия. Все они изготовлены из местного доломита, первичные отдельности которого имели форму угловатых обломков. Изделия в основном не окатанные, хотя происходят из слоя субаквального происхождения. Поверхность их в разной степени выветрелая, иногда с прочно прикипевшими твердыми карбонатными натеками, покрытыми серовато-коричневой патиной.

Отщепы. Пять отщепов, длиной 4,4–8,2 см, бесформенные с разнонаправленной (4 экз.) и однонаправленной продольной (1 экз.) огранкой, с корковой (3 экз.), гладкой (1 экз.) и двугранной (1 экз.) ударной площадкой (рис. 3: *1, 2, 4, 5, 7*). Один отщеп, длиной 9,0 см, леваллуазский, удлиненной формы и со встречной продольной огранкой (рис. 3: *6*). Концы его отломаны.

Нуклеусы. Оба нуклеуса (размеры: 5,0 × 5,2 × 2,5 см и 8,0 × 6,0 × 3,8 см) довольно сильно сработанные. Они не леваллуазские, плоскостного ортогонального расщепления и с минимально обработанными ударными площадками (рис. 3: *3, 9*).

Орудия. Обращают на себя внимание прежде всего три хорошо выраженные орудия, изготовленные из обломков доломита и оформленные двусторонней обработкой.

Одно из них можно определить как мелкое рубило или рубильце (рис. 4: *1*). Размеры орудия – 5,6 × 4,0 × 2,0 см. Оно правильной овальной формы, симметричное, со сплошной оббивкой сколами с обеих сторон. Его поперечное сечение плоско-выпуклое за счет уплощенной нижней стороны. Максимальная ширина орудия приходится на его середину. Дистальный конец заостренный, пятка несколько более толстая и закругленная. Боковые края, сходящиеся к острию, лезвийные, выпуклые, извилистые и частично подработаны разреженной ретушью. Учитывая небольшой размер, структуру и отделку орудия, можно предполагать, что оно предназначалось для работы в качестве ножа.

Второе орудие определяется как двусторонне обработанный двухлезвийный нож со скошенной пяткой (рис. 4: *2*). Размеры орудия – 8,2 × 5,8 × 3,5 см. Оно овально-подсердцевидной формы и довольно симметричное. Максимальная ширина приходится на середину орудия. Его нижняя сторона сплошь оббита сколами, тогда как верхняя сторона обработана менее чем наполовину и более выпуклая с выраженным продольным ребром. Поперечное сечение ромбовидное. Дистальный конец приостренный и довольно тонкий. Оба лезвия, одно протягивается по всей длине орудия, другое короче, выпуклые, немного зазубренные и подработаны ретушью. Пятка скошена по отношению к продольной оси орудия. Она толстая, прямая и оформлена крупным вертикальным сколом и ретушью. Структурные признаки орудия указывает на то, что оно было изготовлено в качестве ножа.

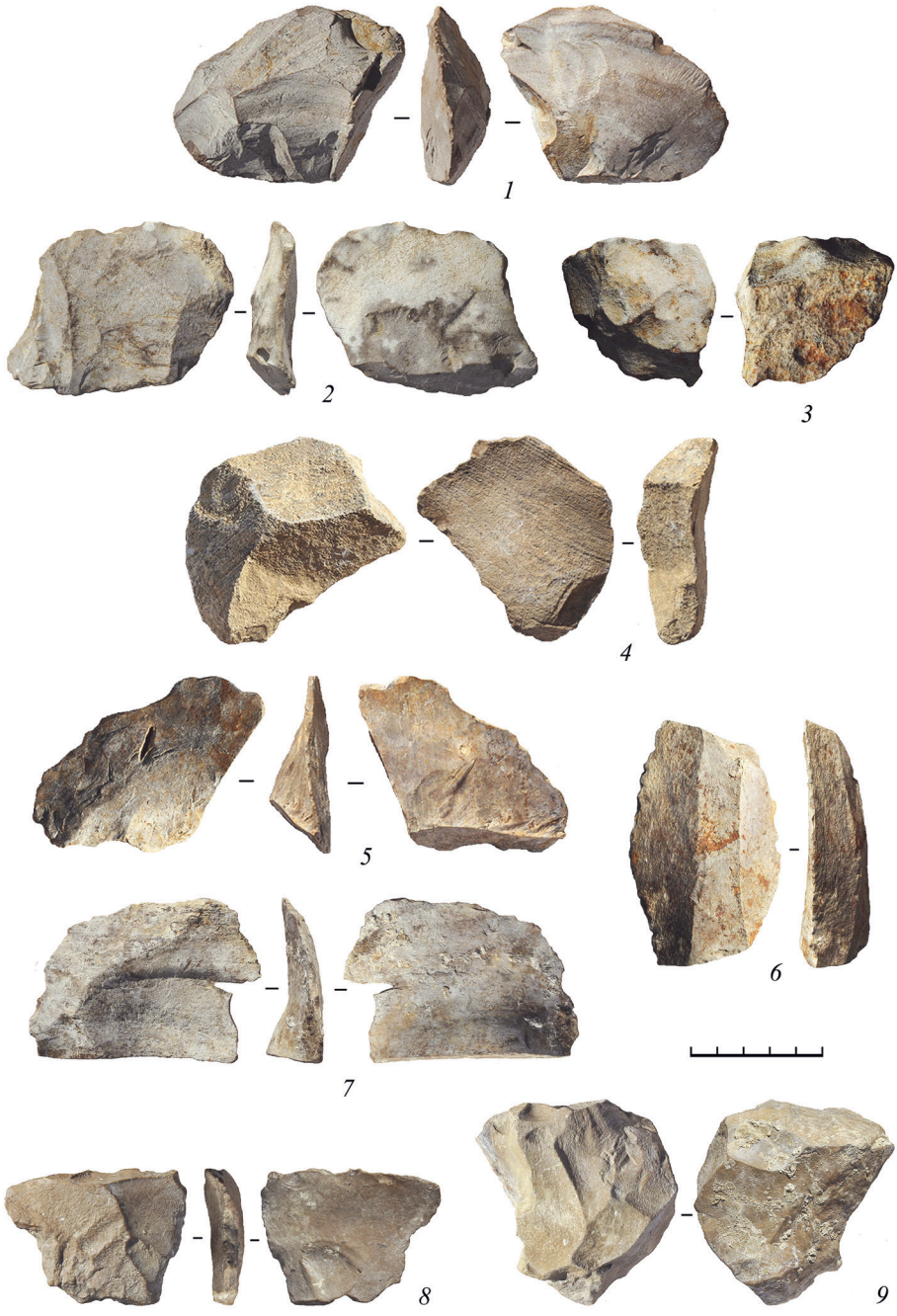

Рис. 3. Среднепалеолитическое местонахождение Протока 1. Изделия из доломита
1, 2, 4–7 – отщепы; *3, 9* – нуклеусы; *8* – зубчатое орудие из отщепа

Рис. 4. Среднепалеолитическое местонахождение Протока 1. Орудия из доломита

1 – рубильце; *2* – двусторонне обработанный двухлезвийный нож со скошенной пяткой; *3* – обушковый двусторонне обработанный нож

Третье орудие является обушковым двусторонне обработанным ножом (рис. 4: *3*). Размеры его – 8,0 × 4,8 × 0,8 см. Нож полуторалезвийный, овально-трапециевидной формы, с плоско-выпуклым поперечным сечением. Его верхняя сторона обработана краевыми снятиями; нижняя сторона сплошь оббита уплощающими сколами. Основное лезвие орудия выпуклое, обработано краевыми сколами с заломами на концах, короткое лезвие на скосе обушка вогнутое, оформлено одним снятием. Дистальный конец на месте схождения лезвий не острийный, узкий с закругленной кромкой (возможно, поврежден в древности). Обушок почти прямой и обработан отвесными снятиями. Пятка слегка выпуклая, обработанная и плавно смыкается с обушком.

Орудия из отщепов представлены одним зубчатым орудием (рис. 3: *8*).

Малочисленность находок затрудняет их интерпретацию. Однако не вызывает сомнений, что они относятся к среднепалеолитической каменной индустрии, характеризующейся слабовыраженной леваллуазской технологией первичного расщепления и наличием двусторонне обработанных орудий.

Местонахождение Протока 2

Местонахождение Протока 2 расположено в 500 м к юго-западу от местонахождения Протока 1 на левом берегу Синей балки, в 400 м от ее устья (рис. 1: *А*).

Геология. Местонахождение было открыто в результате обследования песчаного карьера. В южной стенке его и был обнаружен слой, содержащий кости крупных млекопитающих и каменные изделия.

Карьером вскрыты отложения, образующие нижнюю часть пологого левобережного склона (террасы) Синей балки высотой около 20 м над ее днищем.

На месте находок фауны млекопитающих и каменных изделий была сделана расчистка, позволившая выяснить стратиграфию включающих их отложений.

В расчистке наблюдались следующие отложения (снизу вверх) (рис. 5: *А*, *Б*):

1. Белесые и желтоватые однородные пески киммерийского яруса среднего плиоцена. Верхний контакт резкий с эрозионными карманами. Мощность > 8 м. Эти пески разрабатываются карьером.

2. Пачка переслаивающихся желтовато-коричневых, палевых и светло-серых глин, супесей, песка и мелкого обломочного материала. Прослои в основном горизонтальные, толщиной до 10–20 см, в основании до 30–35 см; границы между ними не всегда отчетливые. Обломочный материал представлен преимущественно дресвой и слабоокатанным мелким щебнем главным образом доломитов, редко встречаются мелкие хорошо окатанные гальки других пород. В прослоях обломочного материала обильны железисто-карбонатные конкреции и раковины (целые и фрагменты) моллюсков киммерийского яруса среднего плиоцена. Мощность > 3 м.

Культуросодержащий слой местонахождения связан с этой пачкой отложений. Культурные остатки обнаружены в самом нижнем прослое мелкого щебня с желтовато-коричневым песчано-гравийным заполнителем, залегающим на размытой поверхности киммерийских песков. Толщина его неравномерная и колеблется от 10 до 30–35 см (рис. 5: *А, Б*).

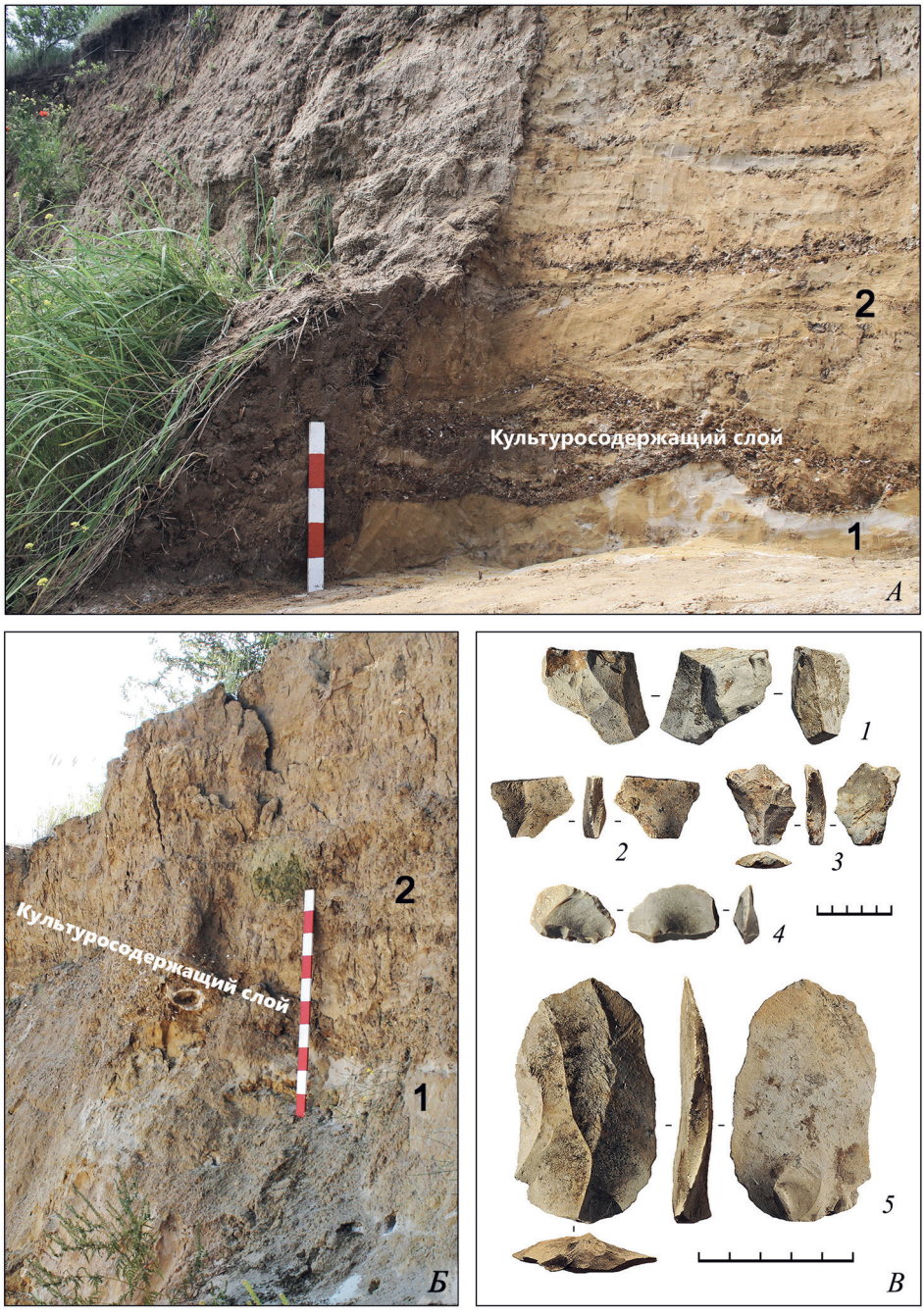

Рис. 5. Среднепалеолитическое местонахождение Протока 2

А, Б – расположение культуросодержащего слоя в толще отложений (*1* – белесые и желтые пески киммерийского яруса среднего плиоцена; *2* – пачка переслаивающихся желтовато-коричневых, палевых и светло-серых глин, супесей, песка и мелкого обломочного материала); *В* – каменные изделия (*1* – нуклеус; *2, 3, 5* – леваллуазские отщепы; *4* – диагональное скребло. *1–3, 5* – доломит; *4* – кремень)

Отложения, включающие в себя культуросодержащий слой местонахождения, несомненно, являются аллювиально-дельтовыми. Структура этих отложений ясно указывает на существование во время их накопления на месте нынешней Синей балки крупной реки (вероятно, протоки пра-Кубани). При этом выраженный песчаный характер отложений с ритмичным чередование песчано-супесчаных прослоев и прослоев мелкообломочного материала свидетельствует о близости обширного водного бассейна, в который впадала река, и периодических изменениях уровня этого бассейна.

Возраст этих отложений и залегающего в них культуросодержащего слоя местонахождения Протока 2 пока точно не установлен. Однако, учитывая их довольно высокое гипсометрическое положение, можно предполагать, что они, как и сходные с ними по расположению аллювиально-дельтовые культуросодержащие отложения местонахождения Протока 1, не моложе максимальной стадии карангатской трансгрессии Черного моря (МИС 5e).

Фауна. Непосредственно из культуросодержащего слоя местонахождения были извлечены костные остатки, включая зубы, раннего мамонта (*Mammuthus intermedius*), плейстоценового осла (*Equus hydruntinus*) и степного бизона (*Bison priscus*). Это типичные представители хазарского фаунистического комплекса Восточной Европы конца среднего – начала позднего плейстоцена, обитавшие в условиях степи и байрочных лесов. Показательно присутствие *Equus hydruntinus*. По мнению палеонтолога В. В. Титова, этот вид наиболее широко был распространен в начале позднего плейстоцена. Таким образом, фауна местонахождения также указывает на то, что оно не моложе начала позднего плейстоцена.

Каменные изделия. Археологический материал местонахождения состоит из пяти каменных изделий (рис. 5: *В, 1–5*). Два из них были обнаружены в культуросодержащем слое. Три других изделия найдены на осыпи под его обнажением. Все изделия не окатанные и хорошей сохранности. Четыре изделия изготовлены из доломита, одно изделие – из светло-серого просвечивающего кремня. Изделия из доломита имеют желтовато-светло-коричневую патину. Кремневое изделие почти не патинизированное.

Состав находок: три отщепа, нуклеус и орудие.

Отщепы все леваллуазские, т. е. были сколоты с подготовленных к расщеплению нуклеусов. Два отщепа целые. Один из них длиной 7,7 см, симметричный, удлиненно-овальной формы, огранка его встречная продольная, ударная площадка фасетированная (рис. 5: *В*, *5*). Второй отщеп длиной 5,2 см, подовальной формы, с фасетированной ударной площадкой и разнонаправленной огранкой (рис. 5: *В, 3*). Сломанный отщеп также имеет фасетированную ударную площадку и разнонаправленную огранку (рис. 5: *В*, *2*).

Нуклеус (рис. 5: *В, 1*) длиной 6,0 см, плоскостного однонаправленного расщепления.

Орудие представляет собой маленькое диагональное скребло (размеры его 1,7 × 2,7 × 0,5 см), изготовленное из простого отщепа кремня (рис. 5: *В*, *4*).

Описанные изделия, несомненно, относятся к каменной индустрии среднего палеолита. Однако что это за индустрия – пока неясно из-за малочисленности археологического материала. Вместе с тем хорошо видно, что одной

из отличительных черт этой индустрии является выраженная леваллуазская технология первичного расщепления камня.

Выводы и заключение

Местонахождения Протока 1 и Протока 2 являются самыми северными и внегорными памятниками среднего палеолита Кавказского региона. В этом отношении они имеют исключительно важное значение для изучения особенностей развития культуры и культурной динамики в среднем палеолите как этого региона, так и граничащих с ним Русской равнины и Крыма.

Имеющиеся фактические данные об этих местонахождениях позволяют сделать следующие предварительные выводы.

1. Оба местонахождения располагаются на берегах балки (вероятно, протоки пра-Кубани), выходящей к морю, и представляют собой остатки кратковременных пляжево-пойменных стоянок.

2. Геоморфологические и геостратиграфические условия местонахождений во многом сходны, что может указывать на их близкий возраст.

3. Учитывая сравнительно высокое гипсометрическое положение местонахождений в рельефе их можно коррелировать с позднесреднеплейстоценовой ашейской или раннепозднеплейстоценовой карангатской трансгрессией Черного моря. Более вероятной в настоящее время представляется синхронность обоих местонахождений с максимальной стадией карангатской трансгрессии Черного моря и микулинским межледниковьем Русской равнины (МИС 5e, ~ 130–115 тыс. л. н.).

4. Костные остатки млекопитающих, представленные на этих местонахождениях, принадлежат *Mammuthus intermedius*, *Equus latipes*, *Equus hydruntinus*, *Bison priscus* и относятся к хазарскому фаунистическому комплексу, существовавшему во второй половине среднего – начале позднего плейстоцена. Присутствие среди костных остатков *Equus hydruntinus*, возможно, ограничивает возраст местонахождений началом позднего плейстоцена.

5. Каменные изделия местонахождений в нынешних их объемах и составах заметно различаются и выглядят как два разных технико-типологических комплекса. Так, изделия местонахождения Протока 1 показывают слабое развитие леваллуазской технологии в первичной обработке камня и наличие практики изготовления двусторонне обработанных орудий разных технико-морфологических категорий (возможная принадлежность к микоку). Изделия местонахождения Протока 2, напротив, свидетельствуют о хорошо развитой леваллуазской технологии. При этом двусторонне обработанные орудия среди них отсутствуют (по-видимому, леваллуа-мустьерская традиция).

6. Близкими в культурном отношении комплексам изделий местонахождений Протока 1 и Протока 2, в особенности местонахождения Протока 1, являются каменные индустрии микулинских слоев среднепалеолитических стоянок Ильская 1 (нижний культурный слой) и Ильская 2 (культурные слои 5–7) в Закубанских предгорьях Северо-Западного Кавказа.

7. Среднепалеолитические местонахождения Протока 1 и Протока 2, по-видимому, древнее известных в настоящее время среднепалеолитических

памятников сопредельных территорий Крыма и Юго-Востока Русской равнины. Так, в Крыму среди многочисленных среднепалеолитических стоянок самой ранней является стоянка Кабази II. Возраст ее приблизительно соответствует МИС 5d (*Chabai*, 2005). На Русской равнине среднепалеолитические стоянки еще моложе. Лучше изученная здесь стоянка Сухая Мечетка на Нижней Волге, по последним данным, датируется МИС 5c (*Янина и др*., 2023а). Правда, в последнее время появились сведения о трех, предположительно, более ранних среднепалеолитических местонахождениях в этом регионе. Одно из них – местонахождение Николаево-Отрадное III, расположенное в северном Приазовье на правом берегу Миусского лимана. Кремневые изделия этого местонахождения обнаружены в переотложенных в палеооврaг отложениях салынской (микулинской) палеопочвы. Предполагается, что переотложение археологического материала произошло вскоре после завершения формирования этой палеопочвы (*Колесник и др*., 2024). Два других местонахождения – Челюскинец II и Заикино Пепелище – находятся в Нижнем Поволжье примерно в 30 км к северо-востоку от стоянки Сухая Мечетка. Эти памятники производят впечатление довольно ранних в рамках среднего палеолита. Однако у них нет более или менее ясной геоморфологической позиции, и археологический материал, по-видимому, переотложен (История Самарского Поволжья, 2000; *Очередной и др.*, 2023).

8. Имеющиеся данные позволяют высказать предположение, что развитие культур позднего среднего палеолита в Западном Предкавказье и на Северо-Западном Кавказе, с одной стороны, и на территории Крыма и Юго-Востока Русской равнины, с другой стороны, происходило по-разному. Причиной этому был, прежде всего, палеогеографический фактор, а именно наличие мощной водной преграды между Кавказским регионом и Русской равниной, а также Крымом, в виде обширных и продолжительных карангатской и гирканской трансгрессий Черного и Каспийского морей и Манычского пролива, существовавших на протяжении почти всего этапа МИС 5, в интервале 130–75 тыс. л. н. (*Курбанов и др*., 2019; *Yanina*, 2014; *Янина и др*., 2023б). Вполне очевидно, что в этот весьма длительный период времени культурные связи между этими обособленными регионами отсутствовали, и местные каменные индустрии среднего палеолита развивались независимо на основе более ранних региональных традиций. Культурные связи между Кавказским регионом, Крымом и Русской равниной могли восстановиться в полной мере лишь после карангатской и гирканской трансгрессий Черного и Каспийского морей в начале калининской стадии (МИС 4) последней ледниковой эпохи.

9. Для твердого обоснования этих предварительных выводов необходимы полноценные раскопки и дальнейшие комплексные исследования памятников среднего палеолита Западного Предкавказья и их сравнительный анализ с памятниками этого периода на сопредельных территориях.

ЛИТЕРАТУРА

Застрожнов А. С., Данукалова Г. А., Головачев М. В. и др., 2018. Сингильские отложения в схеме квартера Нижневолжского региона: новые данные // Стратиграфия. Геологическая корреляция. Т. 26. Вып. 6. С. 80–120.

Измайлов Я. А., 2005. Эволюционная география побережий Азовского и Черного морей. Кн. 1. Анапская пересыпь. Сочи: Лазаревская полиграфия. 174 с.

Измайлов Я. А., Щелинский В. Е., 2013. Геологическая ситуация раннепалеолитических местонахождений в Южном Приазовье на Таманском полуострове // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии. СПб.: ИИМК РАН. С. 20–39.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2000. 312 с.

Колесник А. В., Данильченко А. Ю., Гаврилов К. Н., Зоров Ю. Н., Титов В. В., Константинов Е. А., Панин П. Г., Фролов П. Д., Сычев Н. В., 2024. Николаево-Отрадное-III – местонахождение среднего палеолита на берегу Миусского лимана (северное побережье Азовского моря) // КСИА. Вып. 275. С. 7–22.

Курбанов Р. Н., Янина Т. А., Мюррей Э. С. и др., 2019. Возраст карангатской трансгрессии (поздний плейстоцен) Черного моря // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 6. С. 29–40.

Милановский Е. Е., Хайн В. Е., 1963. Геологическое строение Кавказа. М.: Изд-во МГУ. 358 с.

Несмеянов С. А., 1999. Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита (на примере Западного Кавказа). М.: Научный мир. 392 с.

Очередной А. К., Иванов Я. Д., Кривошеев М. В., Ремизов С. О., 2023. Разведочные исследования на среднепалеолитических памятниках Нижней Волги в 2023 году // НАВ. Т. 22. № 2. С. 333–341.

Тесаков А. С., Гайдаленок О. В., Соколов С. А. и др., 2019. Тектоника плейстоценовых отложений северо-восточной части Таманского полуострова, Южное Приазовье // Геотектоника. № 5. С. 12–35.

Щелинский В. Е., 2023. Ашельское местонахождение Мыс Каменный на Таманском полуострове в контексте изучения нижнего палеолита Кавказского региона // Записки ИИМК РАН. № 28. С. 102–118.

Щелинский В. Е., Гайдаленок О. В., 2022. Пересыпь. Новая раннеашельская стоянка в Западном Предкавказье на Таманском полуострове (предварительные данные) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. № 1. С. 5–27.

Щелинский В. Е., 2021. Ранний ашель Западного Предкавказья. СПб.: Петербургское востоковедение. 132 с.

Янина Т. А., Курбанов Р. Н., Таратунина Н. А., Романис Т. В., Ельцов М. В., Лаврентьев Н. В., Глушанкова Н. И., Ремизов С. О., Иванов Я. Д., Куприянова М. Д., Очередной А. К., 2023а. Палеолитическая стоянка Сухая Мечетка (Волгоград) в контексте стратиграфии и палеогеографии Нижнего Поволжья // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 2. С. 113–128.

Янина Т. А., Сорокин В. М., Бердникова А. А., 2023б. Гирканский этап в позднеплейстоценовой истории Понто-Каспия // Био- и геособытия в истории Земли. Этапность эволюции и стратиграфическая корреляция: материалы LXIX сессии Палеонтологического общества при РАН. СПб.: Картфабрика ВСЕГЕИ. С. 187–188.

Chabai V. P., 2005. Kabazi II: stratigraphy and archaeological sequence // Kabazi II: Last Interglacial occupation, environment and subsistence / Ed. V. P. Chabai. Simferopol; Cologne: Shlyakh. P. 1–24.

Yanina T. A., 2014. The Ponto-Caspian region: Environmental consequences of climate change during the late Pleistocene // QI. Vol. 345. P. 88–99.

Сведения об авторе

Щелинский Вячеслав Евгеньевич, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: shchelinsky@yandex.ru

V. E. Shchelinsky

THE DISCOVERY OF THE FIRST MIDDLE PALEOLITHIC LOCATIONS IN THE WESTERN CISCAUCASIA

Abstract. The paper provides data on two new stratified Middle Paleolithic locations, namely, Protoka 1 and Protoka 2, that recently have been discovered on the Taman Peninsula on the coast of the Sea of Azov near the Za Rodinu village, and offers their preliminary interpretation. The artifact-bearing layers of these locations are linked to the alluvial-deltaic deposits of a 20 m high terrace. Given a high hypsometric level of the locations, they are associated with the maximum stage of the Karangatian transgression of the Black Sea correlated with MIS 5e and the Mikulino Interglacial on the Russian plain (~ 130,000–115,000 years ago). The fauna of the location is represented by *Mammuthus intermedius*, *Equus latipes*, *Equus hydruntinus* and *Bison priscus* referred to the Khasar faunal complex of the second half of the Middle Pleistocene – the early period of the Late Pleistocene confirming, therefore, the presumable Mikulino period of the locations. The lithic artifacts from the locations that are, so far, few in number appear to represent two different technical and technological complexes. The lithic artifacts from Protoka 1 reveal a low development level of Levallois technology as well as a practice of making bifacially backed knives (possibly, attributed to the Micoquian). On the contrary, the lithic artifacts from Protoka 2 is an evidence of well-developed Levallois technology. At the same time, no bifacially backed tools (Levallois-Mousterian tradition) have been found among the Protoka 2 artifacts. The lithic industries of the Mikulino Interglacial layers at Ilyinskaya 1 (the lower occupation layer) and Ilyinskaya 2 (occupation layers 5–7), which are Middle Paleolithic sites in the Trans-Kuban foothills of the northwestern Caucasus, are culturally close to the assemblages from Protoka 1 and Protoka 2.

Keywords: Middle Paleolithic, MIS 5e, Protoka 1 and Protoka 2 locations, Taman Peninsula, western Ciscaucasia, Russia.

REFERENCES

Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Kamennyy vek [History of Samara Volga region from ancient times to the present day. Stone Age]. Samara: Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, 2000. 312 p.

Izmaylov Ya. A., 2005. Evolyutsionnaya geografiya poberezhiy Azovskogo i Chernogo morey [Evolutionary geography of Azov and Black Seas coasts], 1. Anapskaya peresyp' [Anapa peresyp']. Sochi: Lazarevskaya poligrafiya. 174 p.

Izmaylov Ya. A., Shchelinsky V. E., 2013. Geologicheskaya situatsiya rannepaleoliticheskikh mestonakhozhdeniy v Yuzhnom Priazov'e na Tamanskom poluostrove [Geological situation of Early Paleolithic sites in Southern Azov region on Taman Peninsula]. *Drevneyshiy Kavkaz: perekrestok Evropy i Azii [The earliest Caucasus: crossroads of Europe and Asia]*. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 20–39.

Kolesnik A. V., Danilchenko A. Yu., Gavrilov K. N., Zorov Yu. N., Titov V. V., Konstantinov E. A., Panin P. G., Frolov P. D., Sychev N. V., 2024. Nikolaevo-Otradnoe-III – mestonakhozhdenie srednego paleolita na beregu Miusskogo limana (severnoe poberezh'e Azovskogo morya) [Nikolaevo-Otradnoe-III – site of Middle Paleolithic on the shore of Miussky estuary (northern coast of Azov Sea)]. *KSIA*, 275, pp. 7–22.

Kurbanov R. N., Yanina T. A., Myurrey E. S. et al., 2019. Vozrast karangatskoy transgressii (pozdniy pleystotsen) Chernogo morya [Age of Karangat transgression (Late Pleistocene) of Black Sea]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya [Bulletin of Moscow university. Series 5: Geography]*, 6, pp. 29–40.

Milanovskiy E. E., Khayn V. E., 1963. Geologicheskoe stroenie Kavkaza [Geological structure of the Caucasus]. Moscow: MGU. 358 p.

Nesmeyanov S. A., 1999. Geomorfologicheskie aspekty paleoekologii gornogo paleolita (na primere Zapadnogo Kavkaza) [Geomorphological aspects of paleoecology of mountainous Paleolithic (example of Western Caucasus)]. Moscow: Nauchnyy mir. 392 p.

Ocherednoy A. K., Ivanov Ya. D., Krivosheev M. V., Remizov S. O., 2023. Razvedochnye issledovaniya na srednepaleoliticheskikh pamyatnikakh Nizhney Volgi v 2023 godu [Exploration studies on Middle Paleolithic sites of Lower Volga in 2023]. *NAV*, vol. 22, no. 2, pp. 333–341.

Shchelinsky V. E., 2021. Ranniy ashel Zapadnogo Predkavkaz'ya [Early Acheulean of Western Fore Caucasus]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 132 p.

Shchelinsky V. E., 2023. Ashelskoe mestonakhozhdenie Mys Kamennyy na Tamanskom poluostrove v kontekste izucheniya nizhnego paleolita Kavkazskogo regiona [Acheulean site of Kamennyy Mys on Taman Peninsula in context of study of Lower Paleolithic in Caucasian region]. *Zapiski IIMK RAN [Notes of IIMK RAS]*, 28, pp. 102–118.

Shchelinsky V. E., Gaydalenok O. V., 2022. Peresyp'. Novaya ranneashelskaya stoyanka v Zapadnom Predkavkazye na Tamanskom poluostrove (predvaritelnye dannye) [Peresyp'. New Early Ashelian site in Western Fore Caucasus on Taman Peninsula (preliminary data)]. *Pervobytnaya arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Prehistoric archaeology. Journal of interdisciplinary research]*, 1, pp. 5–27.

Tesakov A. S., Gaydalenok O. V., Sokolov S. A. et al., 2019. Tektonika pleystotsenovykh otlozheniy severo-vostochnoy chasti Tamanskogo poluostrova, Yuzhnoe Priazov'e [Tectonics of Pleistocene deposits in northeastern part of Taman Peninsula, Southern Azov region]. *Geotektonika [Geotectonics]*, 5, pp. 12–35.

Yanina T. A., Kurbanov R. N., Taratunina N. A., Romanis T. V., El'tsov M. V., Lavrent'ev N. V., Glushankova N. I., Remizov S. O., Ivanov Ya. D., Kupriyanova M. D., Ocherednoy A. K., 2023a. Paleoliticheskaya stoyanka Sukhaya Mechetka (Volgograd) v kontekste stratigrafii i paleogeografii Nizhnego Povolzh'ya [Sukhaya Mechetka Paleolithic site (Volgograd) in context of stratigraphy and paleogeography of Lower Volga region]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya [Bulletin of Moscow university. Series 5: Geography]*, 2, pp. 113–128.

Yanina T. A., Sorokin V. M., Berdnikova A. A., 2023b. Girkanskiy etap v pozdnepleystotsenovoy istorii Ponto-Kaspiya [Hyrcanus stage in Late Pleistocene history of the Ponto-Caspian]. *Bio- i geosobytiya v istorii Zemli. Etapnost' evolyutsii i stratigraficheskaya korrelyatsiya: materialy LXIX sessii Paleontologicheskogo obshchestva pri RAN [Bio- and geo-events in history of the Earth. Stages of evolution and stratigraphic correlation: proceedings of LXIX session of Paleontological Society at RAS]*. St. Petersburg: Kartfabrika VSEGEI, pp. 187–188.

Zastrozhnov A. S., Danukalova G. A., Golovachev M. V. et al., 2018. Singilskie otlozheniya v skheme kvartera Nizhnevolzhskogo regiona: novye dannye [Singil deposits in Lower Volga region in Quarter scheme: new data]. *Stratigrafiya. Geologicheskaya korrelyatsiya [Stratigraphy. Geological correlation]*, vol. 26, iss. 6, pp. 80–120.

About the author

Shchelinsky Vyacheslav E., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: shchelinsky@yandex.ru

Д. В. Ожерельев, М. Г. Жилин

РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МИКРОЛИТОВ ИЗ СЛОЯ 9 ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ РАХАТ, КАЗАХСТАН[1]

Резюме. Стоянка Рахат находится в Алматинской области Республики Казахстан в предгорьях хребта Заилийский Алатау – одного из северных хребтов Центрального Тянь-Шаня. Культурный слой 9 стоянки Рахат имеет дату AMS C^{14} 24645 ± 70 некал. л. н. Трасологическое изучение микролитов из этого слоя выявило серию пластинок и микропластин с притупленным краем, которые использовались в качестве боковых режущих элементов («вкладышей») метательного вооружения. Отсутствие каменных острий, которые могли бы использоваться в качестве колющих наконечников метательного вооружения, указывает на то, что «вкладыши» устанавливались на заостренное древко. Только одно острие на пластинке с притупленным краем сначала использовалось в качестве косолезвийного наконечника метательного оружия, а затем повторно в качестве бокового режущего элемента. Составное метательное вооружение с каменными «вкладышами» было основным оружием позднепалеолитических охотников из слоя 9 стоянки Рахат.

Ключевые слова: трасологический анализ, микролиты, метательное оружие, верхний палеолит, Центральная Азия, Казахстан.

Введение

В результате раскопок стоянок верхнего палеолита в Европе были обнаружены серии предметов разнообразного охотничьего вооружения из камня, кости и рога, в том числе составные наконечники метательного вооружения и кремневые вкладыши и накладные режущие элементы (*Pétillon et al.*, 2011).

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00329, https://rscf.ru/project/23-18-00329/. Авторы благодарят А. М. Кулькова (СПбГУ, Россия) и Т. М. Шрёдтера (Кильский университет, Германия) за определение пород древесины углей из стоянок Рахат и Узынагаш.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.61-76

Копьеметалки и/или их детали были широко распространены в Западной и Центральной Европе (*Cattelain*, 1997), тогда как самые ранние находки стрел датируются финальным палеолитом (*Rust*, 1943), а достоверные находки луков датируются мезолитом (*Paulsen*, 2013). На стоянках верхнего палеолита открытого типа Центральной Азии, расположенных на минеральных грунтах, органические материалы часто не сохраняются. Обычно на таких стоянках обнаруживаются только каменные острия и/или микролиты и пластинки, которые могли быть использованы в качестве наконечников метательного вооружения или боковых элементов составного метательного оружия. Анализ износа и эксперименты помогают определить их функцию. Цель настоящей статьи – проанализировать следы износа микролитов из культурного слоя 9 многослойной стоянки Рахат в северных предгорьях Тянь-Шаня и предложить варианты реконструкций их использования.

Материалы и методы

Раскопки и находки. Стоянка Рахат расположена в Алматинской области Казахстан в предгорьях хребта Заилийский Алатау – одного из северных хребтов Центрального Тянь-Шаня (рис. 1). Стоянка Рахат впервые была обнаружена в 2006 г. С 2018 г. памятник изучается совместной экспедицией Института археологии РАН (Россия), Института археологии им. А. Х. Маргулана и Государственного музея-заповедника «Иссык» (Казахстан). В 2019–2023 гг. на стоянке была вскрыта площадь 60 кв. м. В результате было обнаружено 16 культурных слоев, датированных примерно 28 000–19 000 некал. л. н. На памятнике представлены индустрия конца раннего верхнего палеолита с ориньякоидными

Рис. 1. Расположение стоянки Рахат (черная точка)

характеристиками (слой 12), каменные индустрии среднего верхнего палеолита с характерными формами микролитов с притупленным краем на пластинках и микропластинках (слои 6–11), а также культура начала позднего верхнего палеолита с асимметричными треугольниками со скошенным основанием (слои 1–5) (*Ожерельев и др.*, 2023; *Ожерельев, Мамиров*, 2023; *Ozherelyev*, 2024).

В культурных слоях стоянки Рахат присутствуют очаги, кострища, пятна прокала, каменные выкладки, а иногда и небольшие хозяйственные ямы. На этом же уровне здесь залегают находки каменных орудий, встречаются и кости травоядных млекопитающих. Мощность культурных слоев почти всегда не превышает 10–15 см. Из-за агрессивной химической среды лёсса органические остатки (кость, рог и другие) на стоянке Рахат сохраняются плохо.

Культурный слой 9 был обнаружен в слое коричневатого лёсса на глубине -11,22/-11,30 м от условного нулевого репера (рис. 2: *1*). В слое обнаружен большой слегка углубленный очаг (объект 2) с древесным углем и красным прокалом. Основная группа каменных находок располагалась вокруг очага (рис. 2: *2А*). Три из шести исследованных микролитов (№ 4256, 4257, 4258) были обнаружены на этом же уровне в 1 м западнее очага на расстоянии 15–25 см друг от друга (рис. 2: *2Б*). Два других (№ 4348, 4383) также были обнаружены на том же уровне у западной границы очага.

Радиоуглеродная дата для слоя 9 получена по древесному углю из этого очага (объект 2). Значение даты – 24 645 ± 70 uncal BP (IGANAMS-9931), калиброванные значения – 29 026–28 776 cal BP (68,3 %, 1σ) и 29 128–28 710 cal BP (95,4 %, 2σ).

Практически все культурные слои стоянки Рахат, включая слой 9, представляют собой остатки сравнительно кратковременных стоянок, вероятно, сезонных. Некоторые из них могут быть охотничьими лагерями. Стоянка имела удобное расположение на возвышенности у выхода из горного ущелья. Обитатели поселения могли следовать за циклическими миграциями животных и останавливаться на этой возвышенности, контролируя перемещение стад травоядных животных с равнины в горы и обратно.

Каменная коллекция слоя 9 содержит 1441 находку (табл. 1).

Таблица 1. Стоянка Рахат. Каменные находки из слоя 9

Наименование изделия	Слой 9
ПЕРВИЧНОЕ РАСЩЕПЛЕНИЕ, ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА	
Нуклеусы	6
Пренуклеусы	2
Нуклевидные обломки	1
Сколы оживления нуклеусов	3
Сколы ребристые и их фрагменты	2
Отщепы	156
Обломки отщепов	108

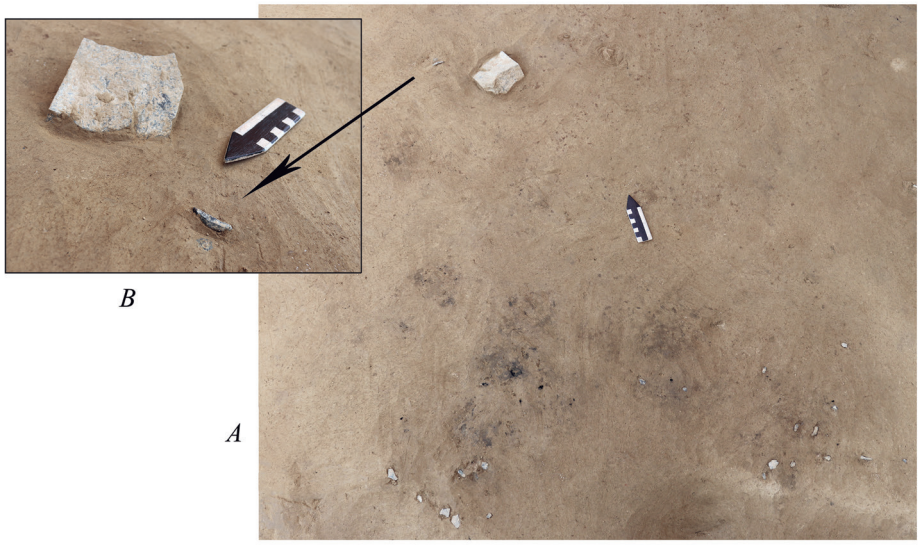
Окончание табл. 1

Наименование изделия	Слой 9
ПЕРВИЧНОЕ РАСЩЕПЛЕНИЕ, ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА	
Пластины (ширина > 12 мм)	4
Обломки пластин	4
Пластинки (ширина 7–12 мм)	18
Обломки пластинок	81
Микропластины (ширина < 7 мм)	11
Обломки микропластин	84
Обломки, осколки	95
Чешуйки	779
Гальки, плитки, валуны	3
ОРУДИЯ	
Орудие с выемкой	1
Пластина с ретушью	1
Отщепы и обломки отщепов с ретушью	3
Острия и фрагменты острий	34
Пластинки и обломки пластинок с притупленным краем	6
Микропластины и обломки микропластин с притупленным краем	39
ИТОГО ПЕРВИЧНОЕ РАСЩЕПЛЕНИЕ И ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА	1357
ИТОГО ОРУДИЯ	84
ИТОГО	1441

В качестве сырья использовались порфириты, диориты, эффузивные породы, кремень, кремнистый известняк. 1277 изделий были изготовлены из порфиритов и эффузивов, 158 – из различных кремнистых пород. Наиболее многочисленны продукты первичного расщепления и отходы (1357 шт.). Нуклеусы (всего 6 экз.) двух разновидностей: 1) на уплощенных гальках и плитках с расщеплением на выделенных торцах с фронтом по толщине заготовки, целевая заготовка – отщепы и пластинчатые отщепы; 2) призматические одноплощадочные, одно- и двусторонние с широкими фронтами, целевая заготовка – пластинка. Имеются восемь пластин и их фрагментов. Примечательно, что самая большая пластина имеет размеры 7,3 × 3,0 × 2,1 см. Остальные, по метрическим показателям, включая фрагменты, относятся к мелким пластинам, длина которых не превышает 3,1 см, а ширина 1,7–1,3 см. Подавляющее большинство остальных принадлежит пластинкам шириной 0,7–1,2 мм, микропластинам шириной менее 7 мм (*Амирханов*, 1986) и их фрагментам. Целые пластинки и микропластины насчитывают 29 шт. Их максимальная длина достигает

1

2

Рис. 2. Стоянка Рахат

1 – раскопки культурного слоя 9; *2A* – углистое пятно очага, каменные находки и положение микролита № 4257 в культурном слое 9; *2B* – микролит № 4257 в слое 9

25 мм. Только 4 из них имеют прямой профиль, остальные – изогнутый или скрученный профиль. Фрагменты пластинок и микропластин составляют большую подгруппу из 165 экз. Преобладают проксимальные части. Среди всех пластинок и микропластин существенно преобладают сделанные из черных мелкозернистых эффузивов.

Орудийный набор включает 84 изделия (5,8 % всей коллекции, 17,2 % коллекции, исключая чешуйки, осколки, обломки). Наиболее яркими и представительными орудиями, выступающими в роли *fossile directeur* всей индустрии, являются микролиты в виде острий на пластинках с притупленным краем. В коллекции имеется 5 целых и 29 фрагментов таких изделий. Целые острия представлены двумя разновидностями. Первая – мелкие листовидные острия с притупленным краем на микропластинах (1 целый экз.). Вторая – удлиненные с притупленным краем на пластинках и микропластинах (4 целых экз.). На территории Центральной Азии подобные острия ранее были неизвестны. Острия второй разновидности морфологически близки некоторым формам граветтийских острий (граветтийские острия среднего и мелкого размера) (*Lacorre*, 1960. P. 178–183, 186–187). Также схожие формы острий («микрограветтийские» острия) известны в гроте Пайличчи, Павлов 1 и на некоторых других стоянках среднего верхнего палеолита. Примечательно, что наиболее выразительные образцы микролитов в виде острий, относящиеся ко второй разновидности, сделаны из принесенного на стоянку сероватого пятнистого кремня. Судя по всему, это сырье было принесено на стоянку из долины реки Или, расположенной в 50–70 км к северу от памятника. В коллекции слоя 9 присутствуют отходы производства и микролиты из этого сырья, но нуклеусов и крупных обломков кремня не обнаружено. Это сырье было редким и высоко ценилось за свои физические свойства людьми, которые принесли его на стоянку.

Трасологический анализ. Некоторые исследователи, опираясь на свои эксперименты, идентифицируют метательное вооружение и боковые элементы по макроследам (*Bradfield, Lombard*, 2011; *Нужний*, 2008; *Нужный, Лозовский*, 2015; *Pargeter*, 2011; 2013; *Sano*, 2016; *Sano et al*., 2016). Другие критикуют такой упрощенный подход и подчеркивают, что следы использования на метательном вооружении являются более сложными (*Rots, Plisson*, 2014; *Osipowicz, Nowak*, 2017). Мы также считаем, что надежная идентификация артефакта, используемого в качестве метательного наконечника или бокового элемента, возможна при изучении как макро-, так и микроследов и в сравнении со следами на экспериментальных репликах (*Jardón Giner et al.,* 2017; *Osipowicz, Nowak*, 2017; *Yaroshevich et al.*, 2010; *Жилин*, 2021; *Жилин и др.*, 2023а; *Жилин и др.*, 2023б).

73 микролита из слоя 9 стоянки Рахат были изучены при помощи металлографического микроскопа AFD W300 с увеличениями от ×20 до ×200 со встроенной фотокамерой. Фотографии самих микролитов были сделаны с помощью цифровой камеры Canon EOS 80D, объектив EF-S60 mm f/2.8 Macro USM. Исследование следов износа проводилось с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при Институте археологии РАН (Москва, Россия).

Результаты

Наиболее выразительные следы обнаружены на микролитах из кремня. На 10 остриях с притупленным краем и их фрагментах наблюдались диагностичные макро- и микроследы использования. Макроследы, которые можно увидеть без микроскопа, включают мелкие плоские или наклонные фасетки и микрофасетки с окончанием в виде уступа или пера, идущие от лезвия под острым или прямым углом к нему, нередко налегающие друг на друга. Микроследы, различимые только под микроскопом, включают тонкие прерывистые короткие и длинные (до 7 мм) полосы заполировки и параллельные им тонкие короткие царапины на остром крае. Линейные следы идут вдоль кромки лезвия параллельно оси микролита, иногда с небольшими отклонениями, и указывают, что микролит использовался как режущий элемент бокового лезвия. Эти следы наиболее хорошо заметны на вершине дуги лезвия. Судя по значительной кривизне и толщине, микропластинки с притупленным краем, наиболее вероятно, наклеивались на древко. На затупленном крае и концах микролита, которые при таком креплении были покрыты клеем, следы использования отсутствуют. У микролитов, служивших косолезвийными наконечниками метательного оружия, линейные следы идут от лезвия и/или от острия под острым углом к оси орудия (*Жилин и др.*, 2024). Некоторые из изученных микролитов из слоя 9 стоянки Рахат заслуживают отдельного описания.

Острие с притупленным краем № 4257. Правая сторона пластинки притуплена крутой ретушью; дистальный конец заострен (рис. 3: *1*), его кончик обломан. На левой неретушированной стороне наблюдаются наклонные сегментовидные выломы, идущие от вентральной стороны на дорсальную, а также редкие нерегулярные микрофасетки. Такие следы макроизноса принято считать диагностичными для каменных элементов метательного оружия (*Fischer et al.*, 1984; *Yaroshevich et al*., 2010). Аналогичные макроследы наблюдались на экспериментальных пластинках с притупленным краем, используемых в качестве боковых элементов метательного вооружения (*Pétillon et al.*, 2011. Fig. 14). От сломанного кончика острия вдоль оси артефакта, под острым углом к краю пластинки на вентральной стороне дистальной части микролита идут тонкие прерывистые короткие и длинные (до 7 мм) полоски заполировки и параллельные им тонкие короткие царапины (рис. 3: *2–4*). Такие следы указывают на то, что это острие использовалось в качестве бокового режущего элемента метательного оружия. Его дистальный конец был направлен к боевому концу древка (рис. 3: *5*). Микролит был закреплен клеем, а распространение следов износа свидетельствует о том, что «вкладыш» был утоплен в клее на глубину около 2–3 мм. Подобные следы описаны на микролитах с притупленным краем и на неретушированных боковых элементах составных метательных орудий (*Гиря, Ресино-Леон*, 2002). Некоторые из них сохранились в пазах костяных наконечников стрел (*Жилин*, 2021).

Острие с притупленным краем № 4348. Правая сторона пластинки притуплена крутой ретушью; дистальный конец заострен (рис. 4: *1*). На обеих поверхностях неретушированной стороны на кромке лезвия видны плоские и наклонные фасетки, оканчивающиеся уступами, некоторые направлены под острыми

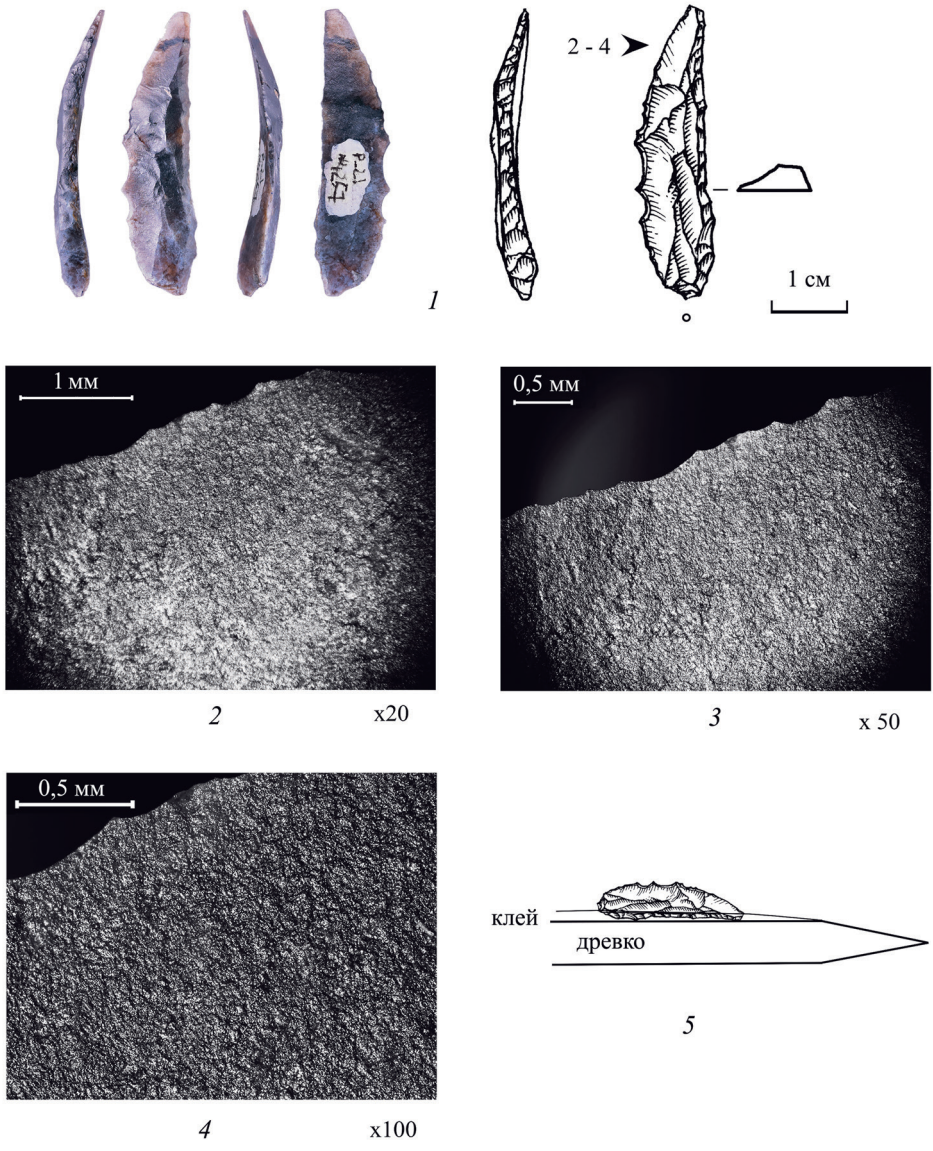

Рис. 3. Стоянка Рахат. Микролит № 4257

1 – общий вид ×2; *2–4* – следы использования; *5* – реконструкция положения микролита на древке

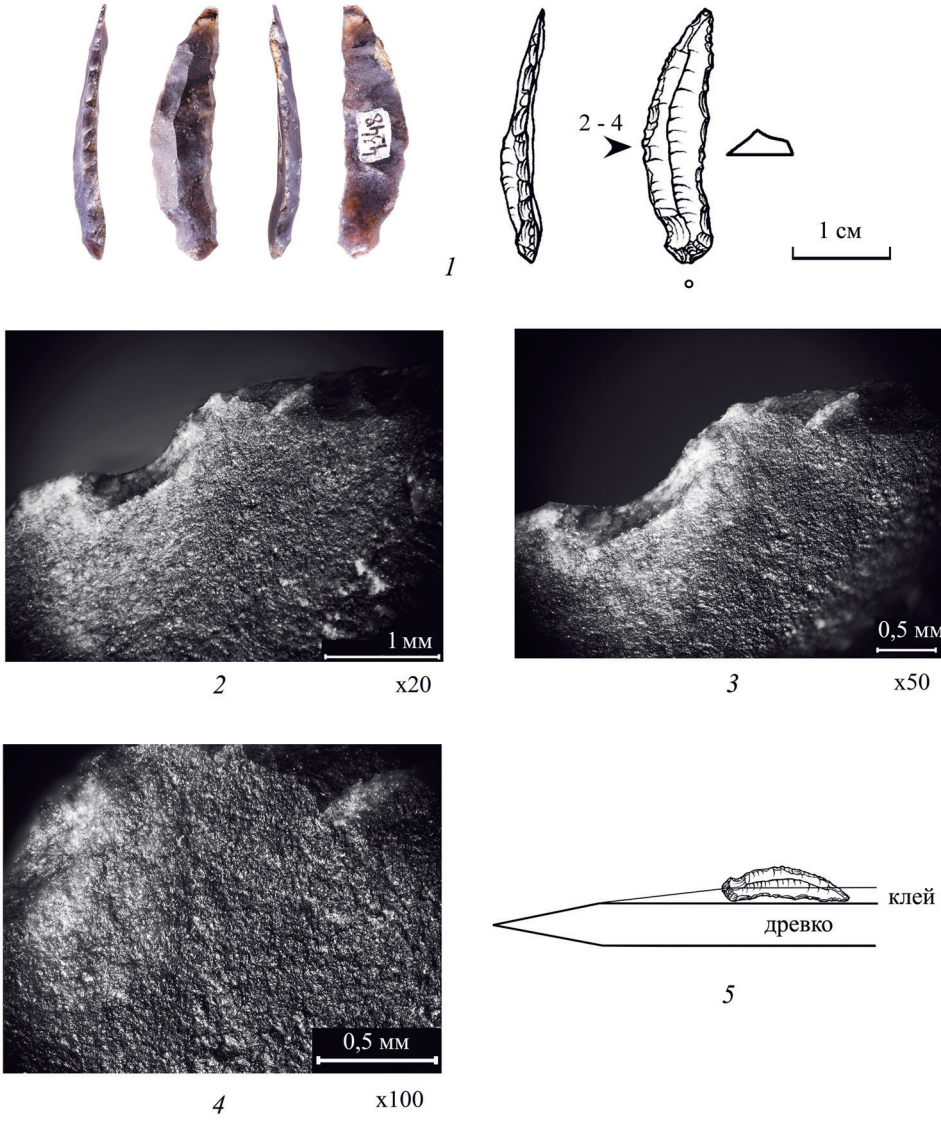

Рис. 4. Стоянка Рахат. Микролит № 4348

1 – общий вид ×2; *2–4* – следы использования; *5* – реконструкция положения микролита на древке

углами к нему (рис. 4: *2, 3*). В средней части неретушированного края короткие прерывистые тонкие полоски заполировки и параллельные им тонкие царапины идут в направлении от проксимального конца вдоль оси артефакта и под острыми углами к ней (рис. 4: *2–4*). Это острие использовалось в качестве бокового режущего элемента метательного орудия. Скорее всего, оно было наклеено прямо на древко, из клея выступало около половины его ширины. Микролит был помещен проксимальным концом с ударным бугорком к боевому концу древка (рис. 4: *5*). Разные углы царапин указывают на то, что метательное оружие с этим микролитом поразило цель не один раз.

Диагностичные макросследы, аналогичные описанным выше, наблюдались еще на 21 фрагменте острий, изготовленных на пластинках и микропластинках. Вероятно, они также использовались в качестве боковых режущих элементов метательных орудий, однако отсутствие микроследов износа не позволяет сказать об этом с уверенностью.

Фрагмент острия с притупленным краем № 2019–1. Правый край пластинки притуплен крутой ретушью; дистальный конец утрачен, слом со ступенчатым окончанием идет от вентральной к дорсальной поверхности (рис. 5: *1*). Противоположный край обработан мелкой полукрутой регулярной дорсальной ретушью от середины до проксимального конца. Фасетки ретуши имеют диаметр не более четверти миллиметра (рис. 5: *2*). На обеих сторонах этого края от середины до сломанного дистального конца острия видны редкие микрофасетки выкрошенности. Вдоль кромки острого края с двух сторон видна узкая полоса неяркой заполировки шириной около 0,5 мм (рис. 5: *3, 5*). На дорсальной стороне этого микролита в его средней части наблюдаются две группы линейных следов. Первая группа состоит из тонких прерывистых полосок более яркой заполировки длиной до 2 мм и редких тонких царапин, параллельных друг другу, идущих от края под углом около 20° к нему (рис. 5: *3, 4*). Такие следы аналогичны следам на экспериментальных косолезвийных наконечниках стрел (*Жилин и др.*, 2024), а также следам, отмеченным на наконечниках стрел с мезолитических стоянок Крыма (*Жилин и др.*, 2023б; *Zhilin, Ruev*, 2024). Это острие было установлено на конце древка метательного оружия в качестве косолезвийного наконечника под углом около 20° к оси древка (рис. 5: *7А*). Вторая группа состоит из тонких коротких и более длинных (до 2 мм) прерывистых полосок более яркой заполировки и царапин аналогичного размера, идущих параллельно краю и оси микролита (рис. 5: *5, 6*). Эти следы указывают на то, что это острие использовалось как боковой режущий элемент метательного орудия. Оно закреплялось клеем прямо на древке, как и предыдущие микролиты. Проксимальный конец микролита с ударным бугорком был направлен к боевому концу древка (рис. 5: *7Б*). Вторая группа линейных следов частично перекрывает первую, что говорит об их более позднем появлении (рис. 5: *4*). Вероятнее всего, сначала это острие использовалось в качестве косолезвийного наконечника метательного оружия, а после слома дистального конца в качестве бокового элемента.

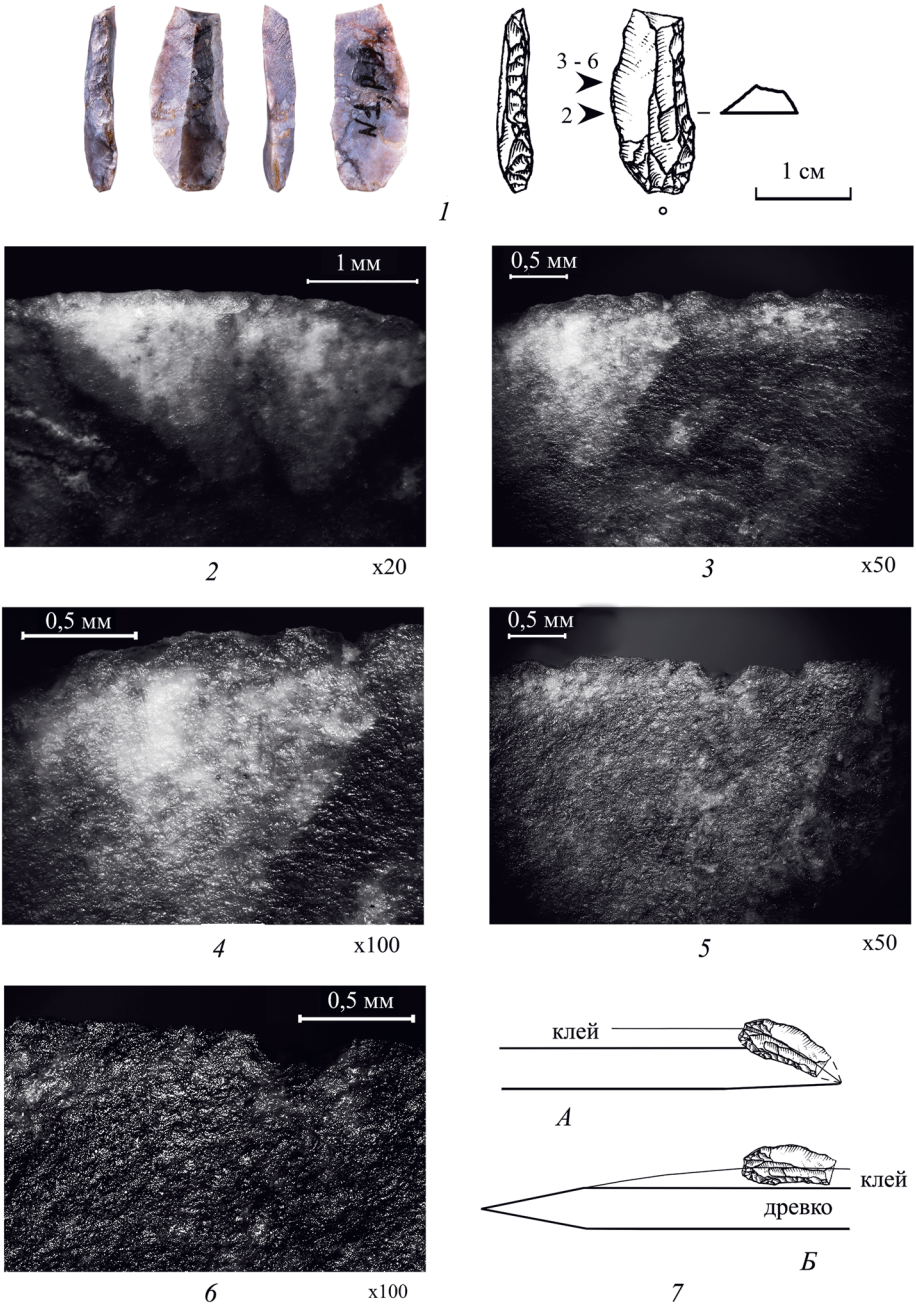

Рис. 5. Стоянка Рахат. Микролит № 2019-1

1 – общий вид ×2; *2–6* – следы использования; *7* – реконструкция положения микролита на древке

Дискуссия

Трасологический анализ микролитов из культурного слоя 9 стоянки Рахат выявил серию из 10 острий с притупленным краем и их фрагментов с четко выраженными следами макро- и микроизноса, характерными для боковых режущих элементов метательных орудий. Еще у 21 фрагмента аналогичных микролитов обнаружены подобные макроследы, но без видимых следов микроизноса. Такая серия позволяет предложить возможные реконструкции метательного оружия древних охотников, оставивших культурный слой 9 стоянки Рахат.

Стоит отметить отсутствие во всем комплексе из этого слоя острий, которые можно было бы использовать в качестве колющих наконечников метательного вооружения. Это позволяет сделать вывод, что использованное здесь метательное оружие имело либо костяное острие, либо заостренное деревянное древко. Из-за плохих условий сохранности органического материала в лёссовых отложениях стоянки Рахат костяных и деревянных изделий обнаружено не было. Поэтому невозможно сказать, устанавливались ли изученные микролиты на конец костяного/рогового наконечника метательного оружия или монтировались на деревянное древко. Оба типа креплений известны как из доисторических памятников Евразии, так и из этнографических источников (*Cattelain*, 1997; *Нужний*, 2008; *Pétillon et al.*, 2011; *Yaroshevich et al.*, 2010; *Yaroshevich et al.*, 2013; *Жилин*, 2021; и ссылки в них). Эксперименты, проведенные разными исследователями, показали, что стрелы без наконечника с заостренным древком и с боковыми лезвиями-вкладышами являются весьма эффективным оружием, характеризующимся глубоким проникновением в тело добываемых млекопитающих и вызывающим смертельные ранения (*Нужний*, 2008; *Нужный, Лозовский*, 2015; *Yaroshevich et al.*, 2010; и ссылки в них). Они обладали основными свойствами стрел, используемых древними и современными охотниками на крупную добычу (*Friis-Hunsen*, 1990).

Следы износа, наблюдаемые на микролитах из культурного слоя 9 стоянки Рахат, позволяют предположить, что целые «микрограветтийские» острия с притупленным краем, скорее всего, были установлены на древке в качестве одиночных лезвий или первых в ряду. Направление линейных следов указывает на то, что одно из них было расположено дистальным концом в направлении острия стрелы (рис. 3), а два – проксимальным концом в сторону боевого конца оружия (рис. 4; 5). Мы не можем сказать, были ли стрела или дротик снабжены одним, двумя или более вкладышами, но более длинное боковое лезвие делает проникновение орудия более глубоким (*Friis-Hunsen*, 1990; *Pétillon et al.*, 2011; *Yaroshevich et al.*, 2010). Распространение следов микроизноса свидетельствует о том, что около половины микролита выступало из клея. У целых острий наиболее интенсивный износ наблюдается на половине режущей кромки, обращенной к боевому концу оружия. На микролитах с обломанным дистальным концом наибольший износ отмечен в средней части, где они имеют максимальную ширину. Это свидетельствует в пользу существования наборных лезвий из нескольких микролитов, поставленных в ряд. Первыми стояли целые острия, а за ними фрагменты микропластинок с затупленным краем и обломанным дистальным концом. Большинство пластинок и микропластин из слоя 9 стоянки Рахат имеют изогнутый профиль, а намеренный или случайный перелом дистального конца

делал их более или менее прямыми в профиле. Но если они устанавливались непосредственно на поверхность древка, а не в паз, это было не так важно. Такая конструкция была успешно проверена в ходе экспериментов (*Yaroshevich et al.*, 2010; *Yaroshevich et al.*, 2013).

Лишь на одном микролите обнаружены следы, указывающие на то, что первоначально он использовался как косолезвийный наконечник метательного оружия (рис. 5А). Учитывая его форму, размеры и линейные следы первой группы, идущие под углом около 20° к оси микролита, наиболее вероятной представляется конструкция наконечника с двумя такими остриями, поставленными дистальными концами вплотную друг к другу. Вместе они образуют двулезвийный наконечник с углом около 40°, который считается оптимальным для широких наконечников стрел для охоты на крупную добычу (*Friis-Hunsen*, 1990). Единичность микролита с такими следами указывает на то, что этот тип метательного вооружения не получил широкого распространения у охотников, оставивших слой 9 стоянки Рахат.

Первые анализы древесного угля из стоянок Рахат и Узынагаш 1 указывают, что среди различных пород деревьев и кустарников встречаются угли ивы (Salicaceae) (определения специалиста А. М. Кулькова, СПбГУ и профессора Т. М. Шрёдтера, Кильский университет, неопубликованные данные). В ходе наших экспериментов ива показала себя хорошим материалом для изготовления различного охотничьего снаряжения (*Жилин и др.*, 2023а). Стволы диаметром до 10 см годились для изготовления луков. Один наш экспериментальный ивовый лук стрелял на расстояние 120 м, что более чем достаточно. Этнографические данные показывают, что охотники-собиратели предпочитали подобраться к добыче как можно ближе. Оптимальная дальность стрельбы составляла 7–14 м (*Cattelain*, 1997). Прямые ветки ивы диаметром около 1 см идеальны для стрел, а более длинные ветки толщиной около 2 см хороши для дротиков. Зеленая ива довольно мягкая, что облегчает ее обработку, но при высыхании она становится значительно тверже.

В окрестностях стоянки Рахат до сих пор произрастает ива, а довольно близко в горах растет ель (*Picea schrenkiana* subsp. *tianschanica*), которая также пригодна для изготовления луков, дротиков и копий. Ель дает смолу для приготовления клея для фиксации микролитов. Невозможно сказать, использовали ли охотники из слоя 9 стоянки Рахат лук и стрелы или копьеметалку и дротики, но ресурсы в окрестностях стоянки были достаточны для изготовления любого необходимого охотничьего снаряжения.

Заключение

Трасологическое изучение микролитов из культурного слоя 9 стоянки Рахат выявило серию острий и пластинок с притупленным краем, которые использовались в качестве боковых режущих элементов метательного вооружения. Отсутствие острий, которые могли бы использоваться в качестве колющих наконечников метательного оружия, указывает на то, что, скорее всего, описанные микролиты устанавливались на заостренное древко метательного вооружения. Только одно острие с притупленным краем сначала использовалось в качестве

косолезвийного наконечника метательного оружия, а затем повторно – в качестве бокового элемента. Такие данные свидетельствуют о том, что основным оружием позднепалеолитических охотников из слоя 9 стоянки Рахат было составное метательное оружие с каменными режущими элементами.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х. А., 1986. Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука. 113 с.

Гиря Е. Ю., Ресино-Леон А., 2002. С. А. Семенов, Костенки, палеолитоведение // АВ. Вып. 9. С. 173–190.

Жилин М. Г., 2021. Функциональная классификация предметов вооружения из кости и рога в мезолите лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН. 180 с.

Жилин М. Г., Руев В. Л., Симоненко А. А., 2024. Экспериментально-трасологические исследования наконечников стрел в мезолите Горного Крыма // Уфимский археологический вестник. Т. 24. № 1. С. 47–67.

Жилин М. Г., Савченко С. Н., Юланов О. В., 2023. Экспериментальное изучение стрел с костяными наконечниками мезолитических типов // АВ. Вып. 40. С. 394–407.

Жилин М. Г., Симоненко А. А., Руев В. Л., 2023. Предметы вооружения из нижнего слоя грота Замиль-Коба 1 в Крыму // SP. № 1. С. 169–190.

Нужний Д. Ю., 2008. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. Київ: КНТ. 308 с.

Нужный Д. Ю., Лозовский В. М., 2015. Назначение микролитов в свете экспериментально-трасологических методов изучения древних орудий труда // Следы в истории: к 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского / Под ред. О. В. Лозовской, В. М. Лозовского, Е. Ю. Гири. СПб.: ИИМК РАН. С. 151–162.

Ожерельев Д. В., Мамиров Т. Б., 2023б. Комплекс многослойных стоянок верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня: общие данные и перспективы исследований // АЭАЕ. Т. 51. № 3. С. 67–74.

Ожерельев Д. В., Успенская О. И., Таймагамбетов Ж. К., 2023а. Начальные этапы раннего верхнего палеолита в предгорьях Северного Тянь-Шаня, Казахстан (по материалам многослойной стоянки Майбулак) // SP. № 1. С. 129–152.

Bradfield J., Lombard M., 2011. A macrofracture study of bone points used in experimental hunting with reference to the South African Middle Stone Age // South African Archaeological Bulletin. Vol. 66. № 193. P. 67–76.

Cattelain P., 1997. Hunting during the Upper Paleolithic: bow, spear thrower or both? // Projectile technology / Ed. H. Kneht. New York: Plenum press. P. 213–240.

Fischer A., Hansen P. V., Rassmussen P., 1984. Macro- and micro-wear traces on lithic projectile points. Experimental results and prehistoric examples // Journal of Danish Archaeology. Vol. 3. P. 19–46.

Friis-Hunsen J., 1990. Mesolithic cutting arrows: functional analysis of arrows used in the hunting large game // Antiquity. Vol. 64. P. 494–504.

Jardón Giner P., Pion G., Hortelano L., 2017. Experimental basis in lithic arrows usage and hafting at the end of the last glaciation in the French Alps // QI. Vol. 427, B. P. 193–205.

Lacorre F., 1960. La Gravette, le Gravetien et le Bayacien. Laval: Imprimerie Barneoud. 369 p.

Osipowicz G., Nowak D., 2017. Complexity of use-wear traces formed on flint projectile points – A voice in discussion // Cuadernos de Prehistoria y Arqueología de la Universidad de Granada. № 27. P. 83–109.

Ozherelyev D. V., 2024. Asia, Steppe, East: Paleolithic Kazakhstan // Encyclopedia of Archaeology / Eds.: E. Nikita, T. Rehren. Second Edition. London: Academic Press. P. 350–359.

Pargeter J., 2011. Assessing the macrofracture method for identifying Stone Age hunting weaponry // JAS. Vol. 38. Iss. 11. P. 2882–2888.

Pargeter J., 2013. Rock type variability and impact fracture formation: working towards a more robust macrofracture method // JAS. Vol. 40. Iss. 11. P. 4056–4065.

Paulsen H., 2013. From Stone Age hunting bow to medieval weapon of war – Selected examples of bows and arrows in the North // Hunting in northern Europe until 1500: Old traditions, regional developments, continental sources and continental influences / Eds.: O. Grimm, U. Schmölcke. Neumünster: Wachholtz. P. 185–205.

Pétillon J.-M., Bignonb O., Bodub P., Cattelainc P., Deboute G., Langlaisf M., Laroulandie V., Plisson H., Valentin B., 2011. Hard core and cutting edge: experimental manufacture and use of Magdalenian composite projectile tips // JAS. Vol. 38. Iss. 6. P. 1266–1283.

Rots V., Plisson H., 2014. Projectiles and the abuse of the use-wear method in a search for impact // JAS. Vol. 48. P. 154–165.

Rust A., 1943. Die alt- und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor. Neumunster: Wachholtz. 480 p.

Sano K., 2016. Evidence for the use of the bow-and-arrow technology by the first modern humans in the Japanese islands // JAS: Reports. Vol. 10. P. 130–141.

Sano K., Denda Y., Oba M., 2016. Experiments in fracture patterns and impact velocity with replica hunting weapons from Japan // Multidisciplinary Approaches to the Study of Stone-Age Weaponry / Eds.: R. Iovita, K. Sano. Dordrecht: Springer Science and Business Media. P. 29–46.

Yaroshevich A., Kaufman D., Nuzhnyy D., Bar-Yosef O., Weinstein-Evron M., 2010. Design and performance of microlith implemented projectiles during the Middle and the Late Epipaleolithic of the Levant: experimental and archaeological evidence // JAS. Vol. 37. Iss. 2. P. 368–388.

Yaroshevich A., Nadel D., Tsatskin A., 2013. Composite projectiles and hafting technologies at Ohalo II (23 ka, Israel): analyses of impact fractures, morphometric characteristics and adhesive remains on microlithic tools // JAS. Vol. 40. Iss. 11. P. 4009–4023.

Zhilin M. G., Ruev V. L., 2024. Arrowheads of the Shan-Koba culture in Crimea // L'Anthropologie. Vol. 128. Iss. 2. 103258.

Сведения об авторах

Ожерельев Дмитрий Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: dmit.ozherelyev@gmail.ru;

Жилин Михаил Геннадьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: mizhilin@yandex.ru

D. V. Ozherelyev, M. G. Zhilin

THE USE-WEAR ANALYSIS OF THE MICROLITHS FROM LAYER 9 AT THE UPPER PALEOLITHIC SITE OF RAKHAT IN KAZAKHSTAN

Abstract. The Rakhat site is located in the Almaty region of the Republic of Kazakhstan at the foothills of the Zailiyskiy Alatau mountainous range which is a northern part of the Central Tian Shan mountains. Cultural layer 9 at Rakhat has provided the AMS ^{14}C date, which is 24 645 ± 70 uncal BP. The use-wear analysis of the microliths from this layer revealed a series of backed blades and microblades which were used as lateral cutting elements (inserts) of throwing weapons. A lack of lithic points which could be used as cutting tips of projectiles suggests that such inserts were fitted into sharpened hafts. Only one point obtained from a backed blade was initially used as an obliquely hafted point of a throwing weapon, i. e. a point positioned on the haft at an acute angle, and subsequently as a lateral cutting element. The composite projectiles fitted with lithic inserts were the main throwing weapons of the Late Paleolithic hunters from layer 9 at Rakhat.

Keywords: use-wear analysis, microliths, throwing weapon, Upper Paleolithic, Central Asia, Kazakhstan.

REFERENCES

Amirkhanov H. A., 1986. Verkhniy paleolit Prikuban'ya [Upper Paleolithic of Kuban region]. Moscow: Nauka. 113 p.

Girya E. Yu., Resino-Leon A., 2002. S. A. Semenov, Kostenki, paleolitovedenie [S. A. Semenov, Kostenki, Paleolithic studies]. *AV*, 9, pp. 173–190.

Nuzhniy D. Yu., 2008. Rozvitok mikrolitichnoï tekhniki v kam'yanomu vitsi: udoskonalennya zbroi pervisnikh mislivtsiv [Development of microlithic technique in Stone Age: perfection of first hunters' weapons]. Kiiv: KNT. 308 p.

Nuzhnyy D. Yu., Lozovskiy V. M., 2015. Naznachenie mikrolitov v svete eksperimentalno-trasologicheskikh metodov izucheniya drevnikh orudiy truda [Purpose of microliths in the light of experimental trace-wear methods of studying ancient tools]. *Sledy v istorii [Traces in history]*. O. V. Lozovskaya, V. M. Lozovskiy, E. Yu. Girya, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 151–162.

Ozherelyev D. V., Mamirov T. B., 2023b. Kompleks mnogosloynykh stoyanok verkhnego paleolita v predgor'yakh Severnogo Tyan'-Shanya: obshchie dannye i perspektivy issledovaniy [Complex of multi-layer Upper Paleolithic sites in Northern Tien Shan foothills: general data and research prospects]. *AEAE*, vol. 51, no. 3, pp. 67–74.

Ozherelyev D. V., Uspenskaya O. I., Taymagambetov Zh. K., 2023a. Nachalnye etapy rannego verkhnego paleolita v predgor'yakh Severnogo Tyan'-Shanya, Kazakhstan (po materialam mnogosloynoy stoyanki Maybulak) [Initial stages of Early Upper Paleolithic in Northern Tien Shan foothills, Kazakhstan (based on materials of Maibulak multilayer site)]. *SP*, 1, pp. 129–152.

Zhilin M. G., 2021. Funktsionalnaya klassifikatsiya predmetov vooruzheniya iz kosti i roga v mezolite lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Functional classification of bone and antler armaments in Mesolithic of forest zone of Eastern Europe]. Moscow: IA RAN. 180 p.

Zhilin M. G., Ruev V. L., Simonenko A. A., 2024. Eksperimentalno-trasologicheskie issledovaniya nakonechnikov strel v mezolite Gornogo Kryma [Experimental trace-wear studies of arrowheads in Mesolithic of Mountainous Crimea]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological herald]*, vol. 24, no. 1, pp. 47–67.

Zhilin M. G., Savchenko S. N., Yulanov O. V., 2023a. Eksperimentalnoe izuchenie strel s kostyanymi nakonechnikami mezoliticheskikh tipov [Experimental study of arrows with bone heads of Mesolithic types]. *AV*, 40, pp. 394–407.

Zhilin M. G., Simonenko A. A., Ruev V. L., 2023b. Predmety vooruzheniya iz nizhnego sloya grota Zamil-Koba 1 v Krymu [Weapon items from lower layer of Zamil-Koba 1 grotto in Crimea]. *SP*, 1, pp. 169–190.

About the authors

Ozherelyev Dmitriy V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: dmit.ozherelyev@gmail.ru;

Zhilin Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: mizhilin@yandex.ru

Д. К. Еськова, Е. В. Долбунова, А. Н. Мазуркевич

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ РАННЕГО НЕОЛИТА ДНЕПРО-ДВИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСА СТОЯНКИ «ОДИНОЧНЫЙ КУРГАН У ДЕР. СЕРТЕЯ»)[1]

Резюме. В статье рассмотрены типологические и технологические характеристики каменного инвентаря стоянки «Одиночный курган у дер. Сертея» (Днепро-Двинское междуречье), который может быть соотнесен с ранненеолитическими керамическими материалами фазы «b-4». В орудийном наборе доминируют резцы и наконечники (рис. 1). Руководящей формой индустрии являются черешковые наконечники с плоской вентральной ретушью; геометрические микролиты отсутствуют. Индустрия стоянки-мастерской «Одиночный курган у дер. Сертея» является пластинчатой, расщепление направлено на получение пластин и пластинок. В их скалывании с одно- и двуплощадочных нуклеусов (рис. 5) используется исключительно техника прямого удара – преимущественно мягким каменным отбойником (рис. 6; 7). Однозначные признаки использования двусторонней оббивки и шлифовки отсутствуют. Каменная индустрия раннего неолита Днепро-Двинья, соотносимая с керамической фазой «b-4», имеет черты сходства разного порядка с неолитическими пластинчатыми индустриями лесной зоны Восточной Европы VI тыс. до н. э. с черешковыми и/или листовидными наконечниками.

Ключевые слова: сертейская культура, ранний неолит, неолитизация, технология расщепления камня, черешковые наконечники.

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00086 «Между востоком и западом: охотники-собиратели озерного края на Западе России в 7–3 тыс. до н. э. (экономические стратегии, культурные традиции, межрегиональные взаимосвязи и палеоэкологические условия)»).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.77-98

Введение

На настоящий момент хронология и культурная география Днепро-Двинского междуречья в раннем неолите подробно изучены на основании анализа материала из 40 памятников, исследованных Северо-Западной археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в период с 1962 г. по настоящее время (*Мазуркевич, Микляев*, 1998; *Мазуркевич и др.*, 2013). В результате типологического и технологического анализов керамики удалось выявить несколько керамических комплексов раннего неолита, получивших названия керамических фаз, определить круг материалов, которые были отнесены к сертейской (середина – вторая половина VI тыс. до н. э.) и руднянской культурам (конец VI – первой половины V тыс. до н. э.) (*Mazurkevich et al.*, 2017; *Долбунова и др.*, 2023; *Kulkova et al.*, 2018). Керамические фазы – «a», «a-1», «b», «b-1», «b-2», «b-3», «b-4», «b-5» – находят аналогии в культурах лесостепной и лесной зон, и их появление связано с общим южным вектором проникновения носителей ранненеолитических культурных традиций (*Мазуркевич и др.*, 2013). На этом этапе Днепро-Двинское междуречье входит в зону распространения древнейших керамических традиций Восточной Европы (*Долбунова, Мазуркевич*, 2024).

До настоящего времени для неолита Днепро-Двинского междуречья были даны общие характеристики отдельных категорий кремневой индустрии (*Микляев*, 1969; *Полковникова*, 2014; *Хрусталева*, 2021), но только с появлением хорошо стратифицированных памятников и закрытых комплексов стало возможно выделять материалы, которые можно соотнести с определенными керамическими фазами. Один из них – памятник «Одиночный курган у д. Сертея», материал которого позволяет дать подробную характеристику типологического и технологического обликов каменной индустрии фазы «b-4» раннего неолита, способную послужить отправной точкой для анализа динамики изменений каменной индустрии в раннем неолите Днепро-Двинского междуречья.

Целью статьи является описание технологической традиции и орудийного набора кремневого комплекса раннего неолита, который может быть соотнесен с керамическими материалами фазы «b-4», а также обсуждение соотношения мезолитических и ранненеолитических комплексов в данном регионе в контексте формирования культур раннего неолита на территории Восточной Европы.

Материалы

Одиночный курган у д. Сертея (Смоленская обл.) расположен на правом борту р. Сертейки на песчаном перешейке шириной около 330 м между двумя котловинами, где в древности находились водоемы (*Мазуркевич и др.*, 2020). Памятник был исследован в 2013–2014 гг. на площади 272 кв. м. В его основании было выявлено место расщепления кремня раннего неолита, частично нарушенное в последующие этапы использования этого места, представленные несколькими литологическими горизонтами в стратиграфических разрезах насыпи. Слой дерна мощностью 5–12 см залегал на слое желтого песка от 40 см в центре до 60 см на склонах и маркировал третий этап сооружения насыпи – создание кургана с ровиком времени культуры длинных курганов. Впоследствии верхушка конструкции была срезана

и грунт смещен на полы насыпи (четвертый этап), площадка была выжжена для создания топографического знака в конце XIX в., этот слой насыщен углями. В основании слоя желтого песка на уровне н. о. 28/30 см был прослежен слой песка пепельного цвета с мелкими угольками мощностью 4–8 см и диаметром около 8,2 м. Этот слой образовался в месте большого кострища, которое было засыпано сразу после его прогорания (второй этап, III тыс. до н. э.). Слой пепельного песка залегал на слое серо-желтого песка мощностью от 4 до 30 см. Эта насыпь (размеры 10 и 9 м по линиям С–Ю и З–В соответственно) фиксирует первый этап создания сооружения. Ниже простирается слой палево-желтого песка мощностью 17–35 см, где был найден основной массив находок ранненеолитического времени. Под ним залегает слой белесого пылеватого песка – материк. Насыпь частично сложена из культурного слоя ранненеолитической стоянки, что отразилось в находках многочисленных кремневых предметов.

Ранненеолитическая керамика представлена фрагментами предположительно четырех сосудов фазы «b-4», которая датируется не ранее середины – второй половины IV тыс. до н. э. (*Мазуркевич и др.*, 2013). На памятнике обнаружен развал сосуда, изготовленного из сильно запесоченной формовочной массы, ленточным способом лепки, со следами лощения на внешней поверхности и орнаментированного горизонтальными рядами подквадратных оттисков. Фрагменты трех небольших сосудов были выполнены из похожего запесоченного теста. Развал сосуда залегает в насыпи вместе с серией кремневых предметов, которые могут быть отнесены к основной коллекции, что позволяет датировать место расщепления синхронным временем.

Коллекция каменного инвентаря была изучена полностью с разделением на виды сырья (4890 предметов), за исключением части микродебитажа (чешуйки и микроосколки) (1658 шт.). *In situ* в культурном слое эпохи неолита (палево-желтый песок) было зафиксировано 4802 каменных артефакта (из них 1263 – микродебитаж). Еще 1745 предметов из расщепленного кремня было выявлено в слоях, относящихся к разным этапам формирования курганной насыпи. Коллекция создает гомогенное впечатление как по сырьевому составу, так и по технико-типологическому облику, поэтому материал – и выявленный *in situ* в слое раннего неолита, и обнаруженный в насыпи кургана – рассматривается совокупно. Тем не менее невозможно полностью исключить вероятность обнаружения в нижних слоях насыпи единичных предметов, относящихся к эпохе бронзового века. Поэтому при описании орудийного набора отдельное внимание уделено стратиграфическому контексту обнаружения каменных орудий и предметов вооружения. В статистической характеристике пластинчатой индустрии была использована случайная выборка пластинчатых сколов из разных видов кремня – 217 экз. (табл. 3).

Описание кремневого комплекса

На стоянке использовалось 7 видов кремня: рыжий непрозрачный (матовый и блестящий), серый матовый непрозрачный и серый матовый полупрозрачный, серо-розовый непрозрачный и серо-бежевый блестящий, черный блестящий непрозрачный и бежевый полупрозрачный, при этом последние два вида сырья представлены только единичными орудиями (табл. 1).

Таблица 1. Категориальный состав расщепленного кремня стоянки «Одиночный курган у дер. Сертея» по видам сырья

Категория		Рыжий и красный		Серый матовый непрозрачный		Серый полупрозрачный		Серо-розовый		Серо-бежевый блестящий		Другие виды сырья	
Нуклеусы		1 (0,1 %)		2 (0,1 %)		2 (1 %)							
Технические сколы	Сколы оживления площадки	25 (2,1 %)	12	27 (0,9 %)	7	2 (1 %)	–	2 (0,6 %)	–	1 (0,8 %)	–	–	–
	Ребристые отщепы		13		20		2		2		1		–
Первичные отщепы	Крупные	27 (2,3 %)	14	50 (1,6 %)	17	14 (6,3 %)	5	–	–	2 (1,5 %)	1	–	–
	Средние		13		33		9		–		1		–
	Мелкие		–		–		–		–		–		–
Отщепы без корки	Крупные	477 (41 %)	109	1727 (56,7 %)	260	141 (63,8 %)	24	191 (58,6 %)	29	90 (67,6 %)	5	–	–
	Средние		360		1410		106		150		72		–
	Мелкие		8		57		11		12		13		–
Осколки		92 (8 %)		358 (11,7 %)		7 (3,1 %)		18 (5,5 %)		2 (1,5 %)		–	
Пластины	Целые	113 (9,7 %)	43	83 (2,7 %)	39	7 (3,1 %)	2	12 (3,7 %)	6	4 (3,0 %)	1	–	–
	Проксимальные		42		19		3		5		1		–
	Медиальные		19		16		1		–		1		–
	Дистальные		9		9		1		1		1		–
Пластинки	Целые	174 (14,8 %)	29	261 (8,6 %)	61	22 (10 %)	4	43 (13,2 %)	16	13 (9,8 %)	3	–	–
	Проксимальные		78		100		10		14		4		–
	Медиальные		27		49		4		4		2		–
	Дистальные		40		51		4		9		4		–
Микро-пластинки	Целые	37 (3,1 %)	18	70 (2,3 %)	33	3 (1,3 %)	–	15 (4,6 %)	6	1 (0,8 %)	–	–	–
	Проксимальные		8		7		1		3		1		–
	Медиальные		3		7		2		3		–		–
	Дистальные		8		23		–		3		–		–
Пластинчатые отщепы		73 (6,2 %)		125 (4,1 %)		2 (1 %)		12 (3,7 %)		3 (2,3 %)		–	
Орудия		5 (0,3 %)		8 (0,2 %)		–		–		–		2 (100 %)	
Термические осколки		10 (0,8 %)		9 (0,3 %)		1 (0,4 %)		–		6 (4,5 %)		–	
Чешуйки		131 (11,2 %)		323 (10,6 %)		20 (9 %)		33 (10,1 %)		11 (8,3 %)		–	
Всего:		1165 (100 %)		3043 (100 %)		221 (100 %)		326 (100 %)		133 (100 %)		2 (100 %)	

Большая часть находок на стоянке относится к отходам расщепления: отщепам без корки и осколкам. Тем не менее не все этапы расщепления производились на исследованной площади стоянки – отсутствует каменное сырье в необработанном виде или с единичными пробными сколами, преформы, доля первичных среди всех отщепов чрезвычайно мала – не превышает 5 %. Таким образом, можно предположить, что подготовка преформ нуклеусов производилась вне исследованной раскопом площади или на другой стоянке.

Для всех видов сырья доля пластинчатых сколов – пластин, пластинок и микропластинок – достаточно высока. Все нуклеусы связаны с пластинчатым расщеплением (табл. 1). Единственной особенностью является то, что в целом доля пластин относительно доли пластинок очень невысока практически для всех видов кремня, кроме одного: рыжего, где процент коротких, но широких пластин достигает 9 %.

Доля орудий среди всех категорий расщепленного кремня невысока и составляет всего 0,3 % (15 орудий). Для некоторых подвергавшихся расщеплению на стоянке видов кремня – серого полупрозрачного, серо-розового, серо-бежевого кремня – орудий не обнаружено вовсе. Большая часть орудий изготовлена из рыжего непрозрачного и матового серого непрозрачного кремня (табл. 1; 2). Их расщепление происходило непосредственно на стоянке. Кроме того, есть два орудия, изготовленные из черного блестящего непрозрачного (рис. 1: *1*) и бежевого матового полупрозрачного кремня (рис. 1: *6*), продукты расщепления которых на стоянке не обнаружены. Они, очевидно, были принесены туда в готовом виде.

Таблица 2. Орудийный набор стоянки «Одиночный курган у дер. Сертея»

Категории и типы орудий		Рыжий непрозрачный кремень		Серый матовый непрозрачн. кремень		Бежевый полупрозрачный кремень	Черный блестящий непрозрачный кремень
Черешковые наконечники		2		–		–	–
Наконечник листовидный, частично бифасиальный листовидный		–		–		1	–
Резцы	Резец на углу заготовки (отщепа)	1	1	3	1	–	–
	Резец ретушный		–		1		
	Резец на углу сломанной пластины		–		1		
Скребок боковой на отщепе		–		1		–	–
Комбинированное орудие: скребок на отщепе и зубчатое орудие		–		1		–	1

Окончание табл. 2

Категории и типы орудий	Рыжий непрозрачный кремень	Серый матовый непрозрачн. кремень	Бежевый полупрозрачный кремень	Черный блестящий непрозрачный кремень
Комбинированное орудие: ретушный резец и орудие с выемкой на конце	–	–	–	–
Пластинка с ретушью утилизации	1	1	–	–
Отщеп с ретушью	–	1	–	–
Отщеп с ретушью утилизации	1	–	–	–
Фрагмент орудия неопределимый	–	1	–	–
Всего:	**5**	**8**	**1**	**1**

Из 15 кремневых орудий только 8 было зафиксировано *in situ* в слое раннего неолита (палево-желтый песок): два черешковых наконечника, два комбинированных орудия, резец на углу слома заготовки, пластина с ретушью утилизации, первичный отщеп с ретушью, отщеп с ретушью утилизации. В пепельном слое было зафиксировано 2 орудия: листовидный наконечник и пластинка с ретушью утилизации; в темном слое с угольками – также 2 орудия: резец на углу сломанной заготовки и двойной ретушный резец. Два орудия было зафиксировано в верхней части насыпи кургана (желтом песке): скребок боковой на отщепе и неопределимый фрагмент орудия. Под дерном также было обнаружено одно орудие – пластинка с мелкой нерегулярной ретушью (ретушью утилизации).

Типологически выраженные орудия представлены всего тремя категориями: резцами, скребками и наконечниками (табл. 2). Наиболее представительной категорией орудий являются резцы, среди которых ретушных (рис. 1: *1, 3*) и резцов на сломе (рис. 1: *2, 7*) почти равное количество, в то время как двугранные отсутствуют. В качестве их заготовок выступали как пластины, так и отщепы. Скребков существенно меньше: один боковой (рис. 1: *5*) и один концевой, комбинированный с зубчатым орудием (рис. 1: *4*).

Из трех найденных на памятнике наконечников – два черешковых на пластинчатых заготовках: целый и обломок (рис. 1: *8, 9*). В обоих случаях черешок оформлен крупной крутой и притупляющей дорсальной и крупной плоской вентральной ретушью: чешуйчатой с нерегулярной формой фасеток. У обоих наконечников черешки четко выделены и существенно расширяются от основания в сторону пера. Между черешком и пером не образуется линейный или загнутый назад зубец, являющийся отличительной особенностью постсвидерских черешковых наконечников типа Пулли (*Янтис*, 1989). Целый наконечник имеет укороченные пропорции: его длина лишь в полтора с небольшим раза более его ширины, длина пера – немногим более длины черешка. Перо целого наконечника не несет следов вторичной обработки, представляет собой естественное

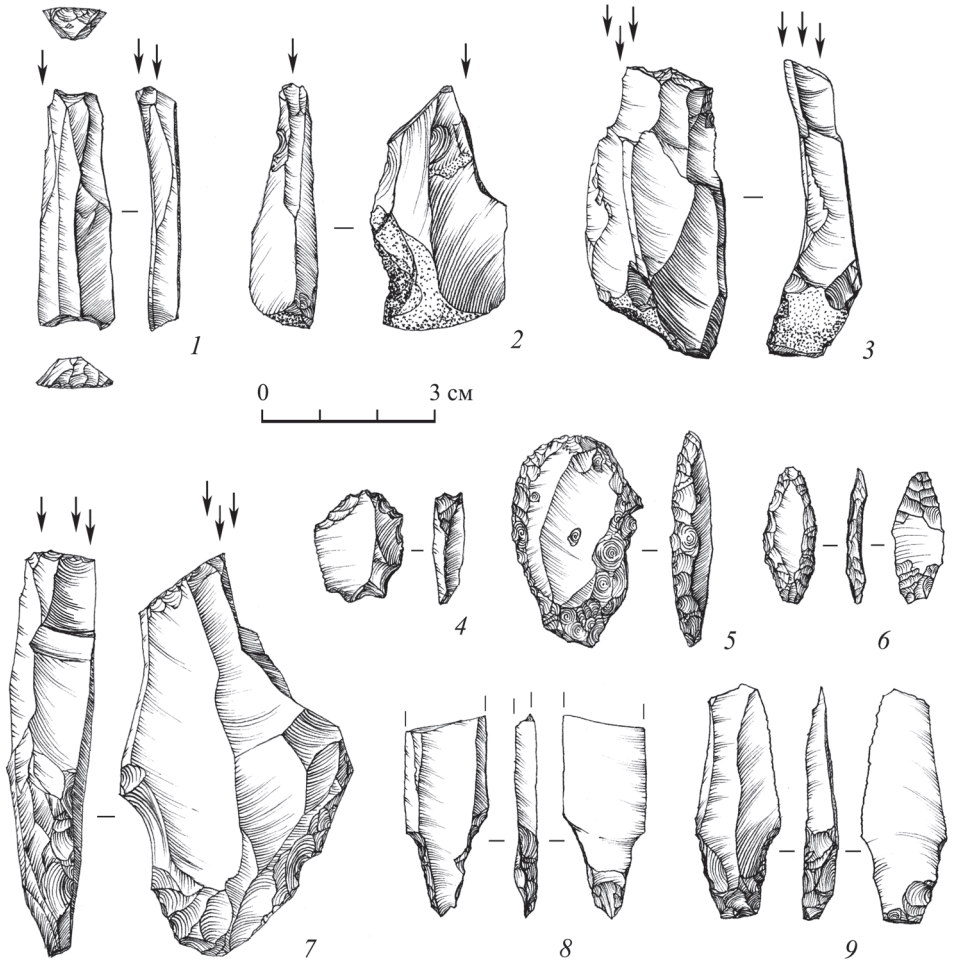

Рис. 1. Стоянка «Одиночный курган у дер. Сертея». Орудия.
Рисунки кремневых изделий выполнены М. Л. Кривцовой

1–3, 7 – резцы; *4* – комбинированное орудие; *5* – скребок; *6, 8, 9* – наконечники

дистальное окончание пластинчатого скола. Оба черешковых наконечника изготовлены из рыжего кремня (табл. 2). Еще один, тонкий листовидный наконечник с частичной двусторонней обработкой, изготовлен на отщепе, оформлен крутой и полукрутой дорсальной ретушью по всему периметру, кончик пера и насад дополнительно подработаны плоской захватывающей ретушью. Фасетки на вентральной поверхности субпараллельны (рис. 1: *6*). Листовидный наконечник изготовлен из бежевого полупрозрачного кремня.

Все пластинчатые заготовки (пластины и пластинчатые отщепы) для типологически выраженных орудий достаточно широкие. Тем не менее среди орудийного набора присутствуют пластинки с мелкой нерегулярной ретушью

утилизации, свидетельствующие, что более узкие пластинчатые сколы также могли являться целевой заготовкой, но использовались без намеренной вторичной обработки.

В каменном инвентаре стоянки отсутствуют шлифованные орудия, а также сколы оживления шлифованных орудий. В слое, относящемся к первому этапу создания курганной насыпи, был обнаружен фрагмент шлифовальной плиты из кварцита. Однозначно сказать, относится ли эта находка к инвентарю неолитической стоянки, нельзя.

Характер подготовки преформ нуклеусов может быть реконструирован только по косвенным признакам – на основании характера огранки пластинчатых сколов и истощенных нуклеусов. Боковые поверхности нуклеусов выравнивались при помощи снятий с фронтального и заднего ребер (рис. 5: *3, 4*). Доля пластинчатых сколов с негативами снятий «от» и «на» ребро в коллекции высока – 9,7 % (табл. 3).

Таблица 3. Типы огранки пластинчатых сколов стоянки «Одиночный курган у дер. Сертея»

Тип огранки (по: *Гиря*, 1997)	Кол-во	%
ВВ – «встречный / встречный»	1	0,4
ВН – «встречный / на ребро»	1	0,4
ВО – «встречный / от ребра»	1	0,4
ВП – «встречный / параллельный»	14	6,5
ВР – «встречный / реберчатый»	1	0,4
Е – «естественный»	1	0,4
ЕВ – «естественный / встречный»	1	0,4
ЕП – «естественный / параллельный»	10	4,6
НП – «на ребро / параллельный»	8	3,7
ОП – «от ребра / параллельный»	13	6,0
ПП – «параллельный / параллельный»	160	73,7
ПР – «параллельный /реберчатый»	5	2,3
РР – «реберчатый / реберчатый»	1	0,4
Всего:	**217**	100

Ширина пластинчатых сколов варьирует от 3 до 31, толщина – от 1 до 9 мм (рис. 3). Большая часть пластинчатых сколов – пластинки и узкие пластины шириной до 17 мм. Нельзя полностью исключать, что существенная часть широких пластин была отобрана и унесена со стоянки-мастерской. В рассматриваемой индустрии отсутствует четкая грань между пластинами и пластинками с точки зрения метрики (рис. 2) и морфологии (рис. 4). Их скалывание производилось с нуклеусов одного и того же типа: изначально торцевых (рис. 5: *4*) с последующим распространением поверхности расщепления на одну из боковых сторон (рис. 5: *2, 3*). По мере их истощения получаемые заготовки сокращались

Рис. 2. Стоянка «Одиночный курган у дер. Сертея». Метрические параметры пластинчатых сколов

Рис. 3. Стоянка «Одиночный курган у дер. Сертея». Ширина пластинчатых сколов

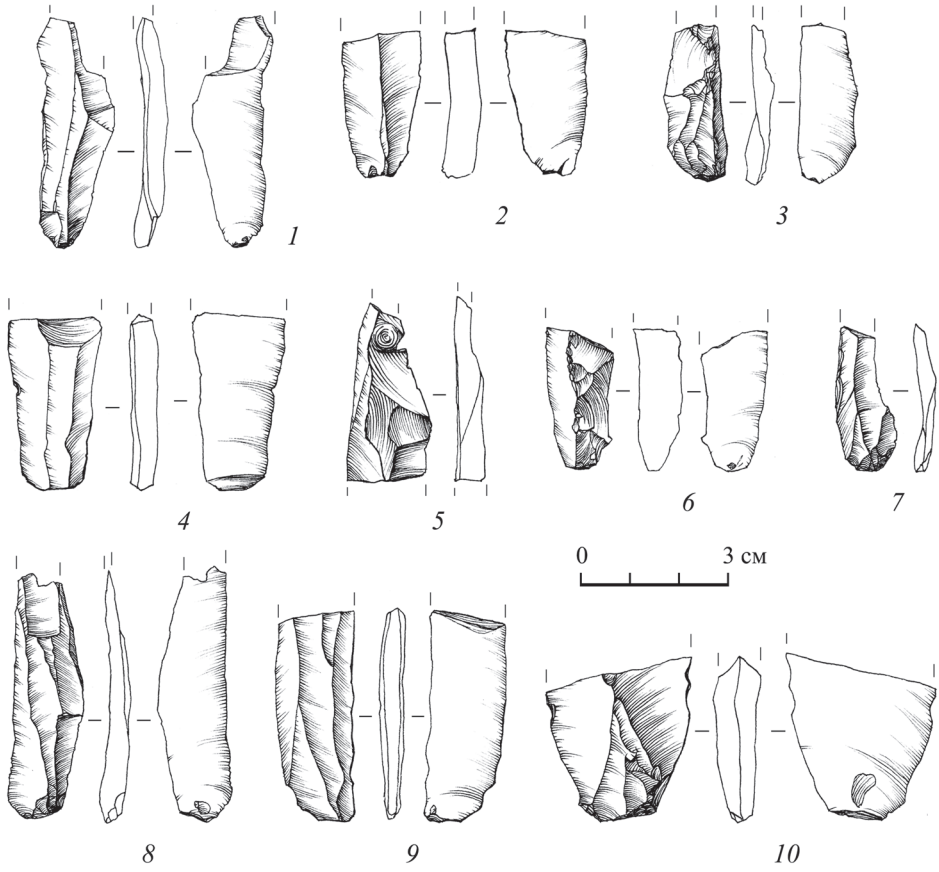

Рис. 4. Стоянка «Одиночный курган у дер. Сертея». Пластинчатые сколы. Рисунки кремневых изделий выполнены М. Л. Кривцовой

в размерах. Активное применение встречного расщепления служило для исправления ошибок расщепления (рис. 4: *1, 8*). Доля пластинчатых сколов с негативами снятий с противолежащей площадки достаточно высока – 8,4 %.

Микропластинки индустрии нерегулярные, как правило, треугольного сечения. Их скалывание производилось в процессе подготовки зоны расщепления в ходе получения более крупных пластинчатых заготовок.

Все пластинчатые сколы – пластины, пластинки и микропластинки – не очень регулярной огранки (рис. 2); 50,9 % пластинчатых сколов имеют прямой или слабоизогнутый профиль, 31,1 % – сильно изогнутый, 18 % – скрученный (рис. 4: *3, 7*). В коллекции отсутствуют целые пластинчатые сколы и их длинные фрагменты, морфология которых (регулярность огранки, массивность сечения, изгиб профиля, равномерность толщины) позволяла бы предположить использование техники отжима или удара через посредник для их получения.

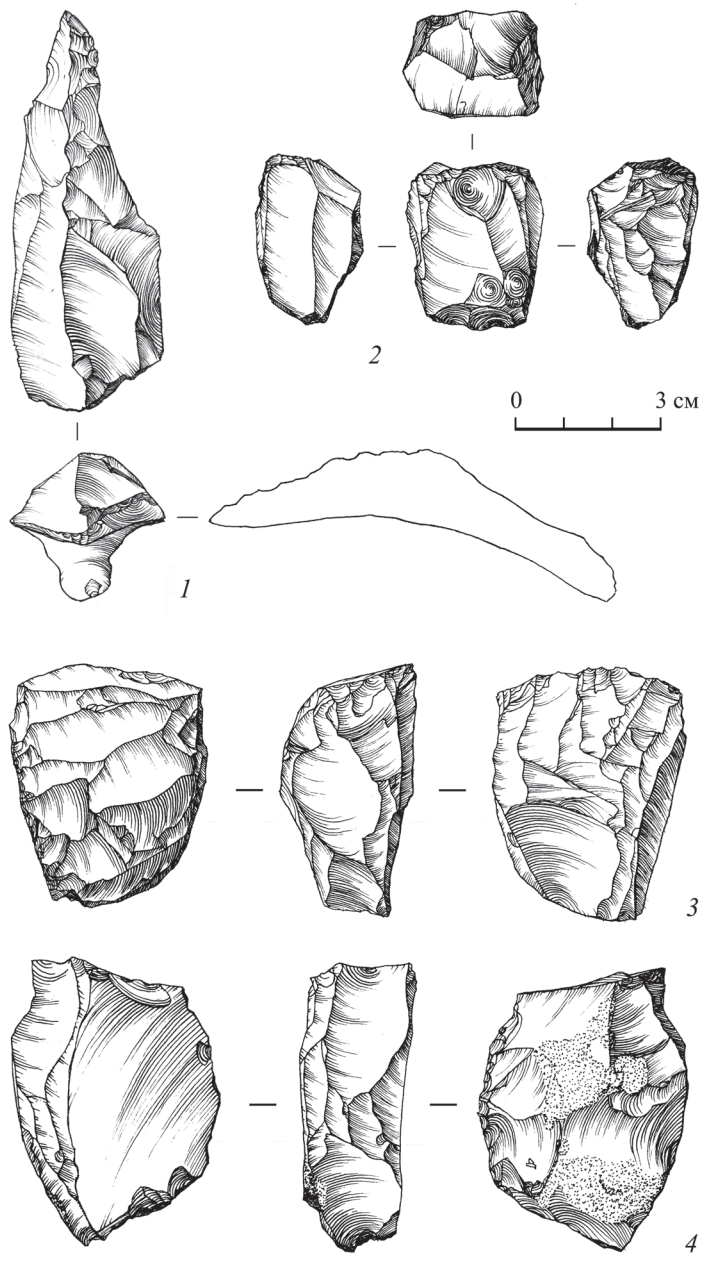

Рис. 5. Стоянка «Одиночный курган у дер. Сертея». Нуклеусы и технические сколы. Рисунки кремневых изделий выполнены М. Л. Кривцовой

1 – скол оживления площадки; *2–4* – нуклеусы от пластин и пластинок

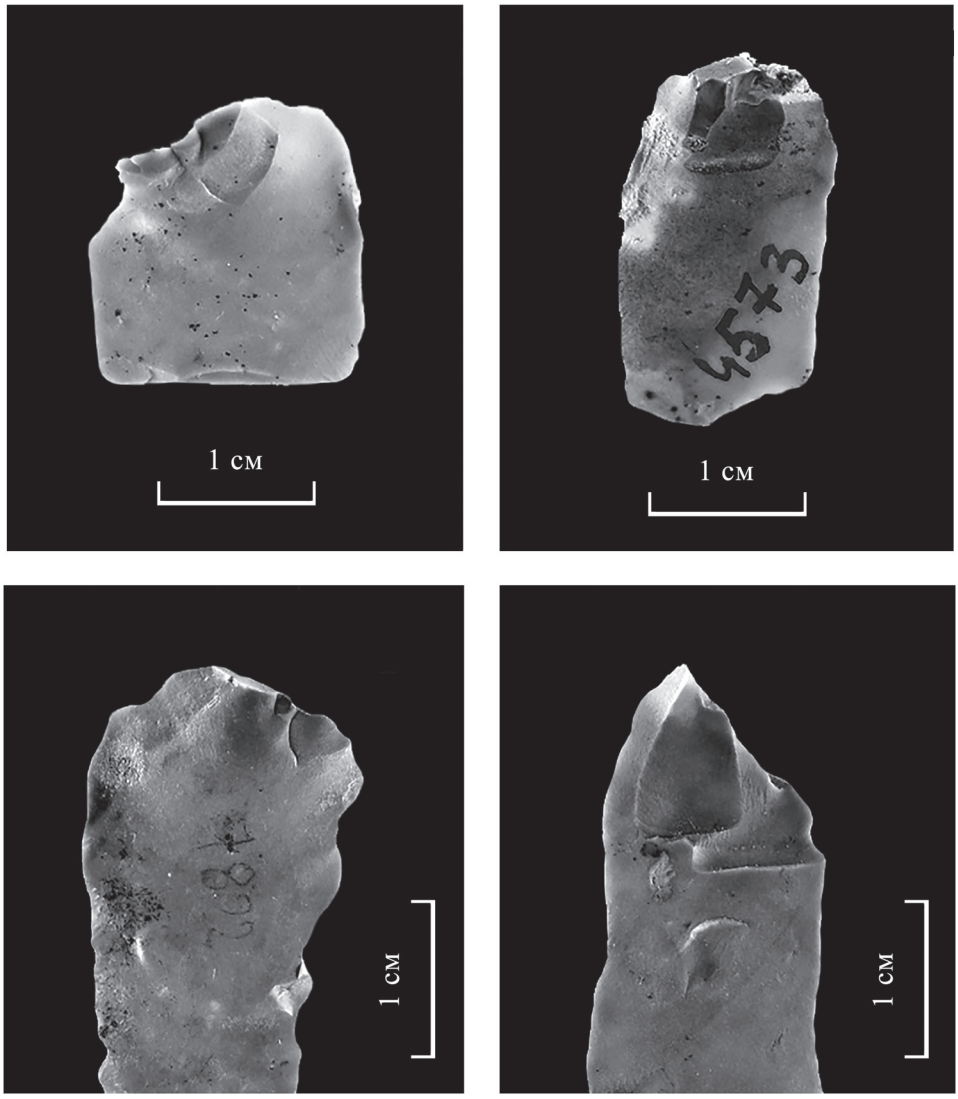

Рис. 6. Стоянка «Одиночный курган у дер. Сертея». Проксимальные части пластинчатых сколов, полученных при помощи прямого удара мягким минеральным отбойником. Фотографии кремневых изделий выполнены Я. С. Суворовым

Рис. 7. Стоянка «Одиночный курган у дер. Сертея». Отбойник из мягкого песчаника. Фотографии кремневых изделий выполнены Я. С. Суворовым

Характер проксимальной части пластинчатых сколов (глубина площадки, форма задней линии, наличие губы, точки удара, концентрических трещинок на ударном бугорке, характерные псевдоизъянцы) (*Pelegrin*, 2000) указывает на то, что большая часть определимых сколов была получена при помощи прямого удара с использованием мягкого минерального отбойника (рис. 6), небольшая доля – при помощи прямого удара твердым минеральным отбойником. На стоянке наряду с предметами из расщепленного кремня было найдено два отбойника, один из них – из мягкого песчаника (рис. 7). Угол скалывания более 80 % сколов немного превышает 80º, что является оптимальным углом для осуществления скалывания прямым ударом мягким минеральным отбойником (*Pelegrin*, 2000. P. 80).

При подготовке зоны расщепления использовались следующие приемы: редуцирование карниза – 86 % случаев, абразивная подработка – 70 %, пришлифовка карниза – 34 %, изолирование поверхности расщепления – 28 %.

Обсуждение

Основными чертами каменной индустрии стоянки «Одиночный курган у дер. Сертея» (фаза «b-4») являются:

1) выраженная пластинчатость индустрии – первичное расщепление направлено на получение пластинчатых заготовок (пластин и пластинок);

2) отсутствие независимой производственной цепочки, связанной со скалыванием микропластинок – все сколы подобных параметров являются побочным продуктом, получаемым в ходе подготовки зоны расщепления при скалывании пластин;

3) использование при пластинчатом расщеплении исключительно техники прямого удара (в основном – мягким каменным отбойником);

4) отсутствие однозначных свидетельств использования двусторонней оббивки и шлифовки;

5) доминирование среди морфологически выраженных орудий резцов, прежде всего, резцов на углу сломанной заготовки, и наконечников;

6) отсутствие геометрических микролитов каких-либо типов.

Доминирование отходов расщепления и очень низкая доля орудий на стоянке подкрепляют уже имеющуюся интерпретацию стоянки как мастерской (*Mazurkevich et al.*, 2018).

Стратегия использования различных видов кремня сходна и направлена на производство пластинчатых заготовок (табл. 1). Несмотря на то что существенная часть орудий изготовлена на отщепах, независимая производственная цепочка, нацеленная на получение отщепов, отсутствовала – нуклеусов от отщепов выявлено не было.

Дискуссионным является вопрос о возможной поздней примеси в коллекции стоянки «Одиночный курган у дер. Сертея». Сложно с полной уверенностью утверждать, относится ли к инвентарю ранненеолитической стоянки листовидный наконечник с частичным двусторонним оформлением (рис. 1: *б*). Он был найден в слое курганной насыпи, датированном III тыс. до н. э. (Ibid.), и является на стоянке единственной находкой из полупрозрачного бежевого кремня. Очевидных аналогий этому наконечнику в каменном инвентаре круга культур с шнуровой керамикой III тыс. до н. э. не обнаруживается (Эпоха бронзы…, 1987). Наряду с листовидным наконечником из приносного сырья в пепельном слое выявлены предметы (пластины и пластинки), по технологическим характеристикам явно происходящие из слоя раннего неолита, что можно объяснить сложением насыпи из культурного слоя ранненеолитической мастерской.

Обсуждение возможной преемственности традиций обработки камня индустрий раннего неолита по отношению к местному мезолиту пока достаточно сложно из-за отсутствия точно датированных комплексов позднего и финального мезолита.

В финальном палеолите территория верховьев Двины, Днепра могли входить в зону распространения влияния культур лингби, аренсбургской и свидерской (*Микляев*, 1995). Стоянки со свидерскими наконечниками обнаружены во многих пунктах на северо-западе Русской равнины. В пределах Усвятской котловины на юге Псковской обл. (Там же) наконечники свидерского типа были обнаружены на дюнах, развитых на береговых образованиях позднеледникового бассейна, датируемого аллередом – верхним дриасом. Материалы культуры лингби происходят также с дюнных развеянных стоянок (*Синицына*, 1996; 2003). Аналогичные памятники были описаны в среднем Подвинье (*Ксензов*, 2006).

Наиболее архаичный вид на этой территории имеет п. Иванцов Бор, который относится к кругу культур черешковых наконечников стрел и имеет

прямые аналогии с раннесвидерскими материалами (*Желтова*, 2003). Характерна приуроченность памятников с подобными материалами к краевым образованиям позднеледниковых водоемов с высотными отметками от 3 м и выше современного уровня воды, полное разрушение поселений в результате естественного перевеевания песков (*Лисицын*, 2003).

Здесь известно лишь несколько мезолитических памятников: Лукашенки III и Бабурова Гора (*Желтова*, 2003). Мезолитические материалы характеризуются скребками на небольших отщепах, микроостриями, микропластинками-вкладышами с притупленным краем. Находки единичных черешковых кремневых наконечников в этом регионе находят достаточно широкие аналогии в круге культур с наконечниками стрел рубежа палеолита и мезолита преимущественно свидерского и постсвидерского облика (*Лисицын*, 2003).

Немногочисленный каменный инвентарь на пос. Сертея 3-3, X, XIV, XIX находит аналогии в культуре кунда раннего мезолита Восточной Латвии (*Mazurkevich et al.*, 2009), материалы ряда памятников находят аналогии также в поздних вариантах культуры кунда и на территории Беларуси (*Колосов*, 2007; 2008).

Выявленные сходные черты ранненеолитического кремневого комплекса Днепро-Двинского междуречья с постсвидерской мезолитической традицией – пластинчатость индустрии, наличие в инвентаре черешковых наконечников с вентральной ретушью – носят слишком общий характер. Черешковые наконечники на пластинчатых заготовках являются одним из ведущих типов каменного инвентаря раннего неолита данного региона, но не показателем связи с постсвидерской мезолитической традицией. Они отличаются от постсвидерских черешковых наконечников типа Пулли, характеризующих мезолитический пласт индустрий Двинско-Ловатского междуречья (*Микляев*, 1995; *Хрусталева*, 2021), характером заготовки, пропорциями, формой черешка, отсутствием выраженного «зубца» между черешком и пером. В отличие от индустрии верхневолжской культуры раннего неолита, где бутовская технология пластинчатого расщепления получила свое продолжение (*Жилин*, 1994; *Цветкова*, 2019), в проанализированных материалах полностью отсутствуют признаки использования сложных техник скола: отжима и удара через посредник.

Каменная индустрия рассмотренного памятника имеет сходные черты разного уровня с индустриями начальной стадии раннего неолита Восточной Европы VI тыс. до н. э. (Радиоуглеродная хронология…, 2016). Все они являются пластинчатыми, несмотря на существенную вариабельность «индекса пластинчатости». Незначительность использования двусторонней обработки на рассматриваемом этапе характерна повсеместно и не является отличительной особенностью именно сертейской культуры раннего неолита. Для раннего неолита Восточной Европы характерно достаточно четкое широтное зонирование в типологии каменных предметов вооружения. Для неолитических культур юга, ареал которых приходился на Буго-Днестровское и Днепро-Донецкое междуречья, нижнее течение Дона, Нижнее Поволжье и Северный Прикаспий, характерно широкое распространение геометрических микролитов различных типов, в то время как листовидные и черешковые наконечники на пластинчатых заготовках отсутствуют (*Маркевич*, 1974; *Котова*, 2002; *Горелик, Цыбрий*, 2014; *Телиженко, Яниш*, 2014; *Выборнов и др.*, 2022а; 2022б; *Цыбрий, Цыбрий*, 2022).

Для большей части указанных выше индустрий раннего неолита было зафиксировано применение техники отжима для получения части пластинчатых заготовок (*Гиря, Лозовский*, 2014; *Товкайло*, 2014; *Горелик, Цыбрий*, 2014).

Существенно отличается облик индустрий раннего неолита лесной и, частично, лесостепной зоны. В каменных индустриях елшанской, среднедонской, карамышевской, волго-камской, верхневолжской, черноборской культур, неолита Марийского Поволжья, Нижнего Посухонья, бассейна озера Воже в VI тыс. до н. э. отсутствуют геометрические микролиты и распространены колющие черешковые и/или листовидные наконечники; их пропорции и характер вторичной обработки сильно различаются в зависимости от региона (Неолит…, 1996; *Мамонов*, 1999; *Горащук*, 2010; *Смольянинов, Юркина*, 2018; *Лычагина*, 2013; *Цветкова*, 2019; *Волокитин, Карманов*, 2004; *Никитин*, 2011; *Кудашов*, 2023; *Иванищева, Иванищев*, 2006; *Иванищева*, 2009; *Косорукова*, 2007). Примером контактной зоны (или механического смешения на памятниках?) может служить ранний неолит Подесенья, инвентарь стоянок которого содержит как черешковые наконечники на пластинах, так и трапеции (*Смирнов*, 1989).

Выводы

Индустрия фазы «b-4» раннего неолита Днепро-Двинского междуречья не может быть исчерпывающе охарактеризована на основании анализа лишь одной стоянки-мастерской. Нельзя исключать увеличения в дальнейшем разнообразия орудийного набора и спектра производственных цепочек при появлении чистых комплексов на стоянках иной функциональной направленности. Тем не менее результаты типологического и технологического анализов каменной индустрии стоянки «Одиночный курган у дер. Сертея» могут служить важной отправной точкой для анализа ранненеолитических комплексов Днепро-Двинского междуречья.

Характер технологии расщепления камня позволяет предполагать или разрыв традиций, или смену населения на этапе перехода от мезолита к раннему неолиту в отличие от ряда других регионов, где отмечено продолжение бытования мезолитической технологической традиции в раннем неолите (*Жилин*, 1994; *Цветкова*, 2019). Состав орудийного набора соответствует характерному для начального этапа раннего неолита лесной и, частично, лесостепной зоны Восточной Европы. Определенные параллели в типологии и технологии расщепления камня обнаруживаются с елшанской культурой (пластинчатом расщеплении с использованием исключительно техники прямого удара (*Горащук*, 2010)), общие аналогии в керамике с которой могут быть найдены в материалах фазы «а-2» раннего неолита Днепро-Двинского междуречья.

ЛИТЕРАТУРА

Волокитин А. В., Карманов В. М., 2004. Ранний неолит европейского северо-востока // РА. № 2. С. 5–14.

Выборнов А. А., Васильева И. Н., Лактаева Э. М., Фролов И. К., 2022а. Новые материалы по неолиту в Северном Прикаспии // СНВ. № 4. С. 158–165.

Выборнов А. А., Гилязов Ф. Ф., Попов А. С., 2022б. Каменные индустрии неолита нижнего Поволжья как показатели культуры // Изделия из камня и кости в культурах неолита: материалы симпозиума (Санкт-Петербург, 16–18 мая 2022 г.) / Ред. А. А. Выборнов и др. СПб.: ИИМК РАН. С. 14–15.

Гиря Е. Ю., 1997. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.: Академ Принт. 198 с.

Гиря Е. Ю., Лозовский В. М., 2014. Сравнительный морфологический анализ полноты технологических контекстов каменных индустрий // Каменный век: от Атлантики до Пацифики / Отв. ред.: Г. А. Хлопачев, С. А. Васильев. СПб.: Музей антропологии РАН: ИИМК РАН. С. 52–84. (Замятнинский сборник; вып. 3.)

Горащук И. В., 2010. Классификация каменных орудий елшанской культуры // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Самара: Офорт. С. 168–183. (Краеведческие записки; № 15.)

Горелик А. Ф., Цыбрий А. В., 2014. Стоянка Орехово-Донецкое 3 в среднем Подонцовье. К характеристике одной из поворотных вех в истории Днепро-Донецкого неолита // СНВ. № 3. С. 58–78.

Долбунова Е. В., Мазуркевич А. Н., 2024. На «периферии» неолита: охотники-собиратели Европы // АЕС. № 4. С. 40–59.

Долбунова Е. В., Мазуркевич А. Н., Мэгро Й., Филиппова В. Л., 2023. Днепро-Двинское междуречье в конце 6 тыс. до н. э. и ранние керамические традиции Циркумбалтийского региона // ПА. № 1 (43). С. 8–26.

Желтова М. Н., 2003. Кремневые индустрии памятников финального палеолита и мезолита бассейна реки Усвячи // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб.: ГЭ. С. 27–39.

Жилин М. Г., 1994. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново: Минтопэнерго. С. 19–31.

Иванищева М. В., 2009. Комплексы с тычково-накольчатой керамикой в Нижнем Посухонье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 11. № 6 (32). С. 277–281.

Иванищева М. В., Иванищев А. М., 2006. Поселение раннего неолита на Нижней Сухоне // ТАС. Вып. 6. Т. 1. С. 287–299.

Колосов А. В., 2007. Памятники бутовской культуры на территории Белорусского Посожья // Романовские чтения – 3: сб. тр. Междунар. науч. конф. Могилев: Могилевский гос. ун-т. С. 154–156.

Колосов А. В., 2008. Мезолитическая стоянка Дедня // Acta archaeologica Albaruthenica. Vol. III / Уклад.: М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. Мінск: І. П. Логвінаў. С. 42–66.

Косорукова Н. В., 2007. Переход от мезолита к неолиту в бассейне озера Воже (новые материалы) // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда: Культурное наследие. С. 41–52.

Котова Н. С., 2002. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях. 268 с.

Ксензов В. П., 2006. Мезолит Северной и Центральной Беларуси // Минск: Ин-т истории Нац. академии наук Беларуси. 170 с. (Материалы по археологии Беларуси; № 13.)

Кудашов А. С., 2023. О ранненеолитическом каменном инвентаре Марийского Поволжья // АЕС. № 1. С. 263–270.

Лисицын С. Н., 2003. Проблема разделения смешанных комплексов финального палеолита и мезолита Двинско-Ловатского междуречья // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб.: ГЭ. С. 40–46.

Лычагина Е. Л., 2013. Ранний неолит Прикамья // АЭАЕ. Т. 56. № 4. С. 50–57.

Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В., Кулькова М. А., 2013. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. № 3. С. 127–140.

Мазуркевич А. Н., Долбунова Е. В., Александровский А. Л., Фассбиндер Й., Саблин М. В., Широбоков И. Г., 2020. Одиночный курган у д. Сертея в Смоленской области – комплекс неолитических и средневековых объектов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Т. 2. № 2. С. 130–144.

Мазуркевич А. Н., Микляев А. М., 1998. О раннем неолите междуречья Ловати и Западной Двины // АСГЭ. № 33. СПб. С. 7–31.

Мамонов А. Е., 1999. О культурном статусе елшанских памятников // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 15–43.

Маркевич В. И., 1974. Буго-Днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев: Штиинца. 173 с.

Микляев А. М., 1969. Памятники Усвятского микрорегиона. Псковская область // АСГЭ. Вып. 11. СПб. С. 18–40.

Микляев А. М., 1995. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. № 9. С. 7–42.

Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. 379 с.

Никитин В. В., 2011. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: Марийский НИИЯЛИ. 470 с. (Тр. Марийской археолог. экспедиции; т. IX.)

Полковникова М. Э., 2014. Каменный инвентарь свайного поселения Сертея II // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб.: Периферия. С. 271–280.

Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: кол. монография / Сост.: Г. И. Зайцева и др. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.

Синицына Г. В., 1996. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб. 52 с. (Археологические изыскания; вып. 39.)

Синицына Г. В., 2003. Традиции лингби в материалах финальнопалеолитических стоянок верховьев Волги и Днепра // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб.: ГЭ. С. 3–19.

Смирнов А. С., 1989. Памятники раннего неолита Десны // СА. № 3. С. 5–26.

Смольянинов Р. В., Юркина Е. С., 2018. Каменная индустрия раннего неолита Верхнего Дона // СНВ. Т. 7. № 3 (24). С. 189–199.

Телиженко С. А., Яниш Е. Ю., 2014. Финальный мезолит – ранний неолит среднего течения бассейна Северского Донца: памятники, специфика хозяйственной деятельности // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы: материалы межрегион. науч. конф. / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т. С. 126–133.

Товкайло М. Т., 2014. Неолитизация Юго-Западной Украины в свете новых исследований поселения Гард // SP. № 2. С. 183–245.

Хрусталева И. Ю., 2021. Кремневые наконечники поселения каменного века Сертея XIV (Велижский район, Смоленская область) // ТАС. Вып. 12. С. 193–216.

Цветкова Н. А., 2019. Переход от мезолита к неолиту на Верхней Волге по результатам изучения каменной индустрии // СНВ. Т. 8. № 3 (28). С. 119–131.

Цыбрий А. В., Цыбрий В. В., 2022. Геометрические микролиты в индустриях мезо-неолитического времени на Нижнем Дону // Микролиты в позднем палеолите и мезолите Восточной Европы и Кавказа: типология, технология, трасология / Отв. ред. М. Г. Жилин. М.: ИА РАН. С. 123–136.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред.: О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, М. Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. 496 с.

Яантис К. Л., 1989. Кремневый инвентарь стоянок кундайской культуры: дис. … канд. ист. наук. Таллин. 210 с.

Kulkova M., Mazurkevich A., Dolbunova E., 2018. Paste recipes and raw material sources for pottery-making in hunter-gatherer communities in the forest zone of Eastern Europe (Dnepr-Dvina region, 7–6th millennia BC) // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 21. P. 962–972.

Mazurkevich A. N., Arslanov Kh. A., Savel'eva L. A., Kulkova M. A., Zaitseva G. I., 2009. Mesolithic and Neolithic in the Western Dvina–Lovat Area // The East European plain on the eve of agriculture / Eds. P. M. Dolukhanov, Gr. R. Sarson, A. M. Shukurov. P. 145–152. (BAR. International Series; 1964.)

Mazurkevich A. N., Dolbunova E. V., Zaitseva G. I., Kulkova M. A., 2017. Chronological timeframes of cultural changes in the Dnepr-Dvina region (7th to 3rd millennium BC) // Documenta Praehistorica. XLIV. P. 162–175.

Mazurkevich A., Dolbunova E., Aleksandrovsky A., Fassbinder J., Sablin M., Shirobokov I., 2018. Preliminary results of an investigation of a single Barrow near the village of Serteya (Smolensk region) // Światowit. Vol. 57. P. 41–56.

Pelegrin J., 2000. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions // L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire. Confrontation des modèles régionaux de peuplement: actes de la Table Ronde de Nemours, 14–16 mai 1997. Nemours: Association pour la Promotion de la Recherche Archéologique en Île-de-France. 73–86.

Сведения об авторах

Еськова Дарья Кирилловна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: eskovaarchaeology@yandex.ru;

Долбунова Екатерина Владимировна, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: katjer@mail.ru;

Мазуркевич Андрей Николаевич, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: a-mazurkevich@mail.ru

D. K. Eskova, E. V. Dolbunova, A. N. Mazurkevich

THE LITHIC ITEMS OF THE EARLY NEOLITHIC FROM THE DNIEPER-DVINA INTERFLUVE (CASE STUDY OF THE LITHIC ASSEMBLAGE AT THE SINGLE KURGAN SITE NEAR THE SERTEYA VILLAGE)

Abstract. The paper examines typological and technological characteristics of the lithic assemblage at the Single Kurgan site near the Serteya Village (Dnieper-Dvina interfluve), which can be correlated with ceramic materials of phase b-4. Burins and points prevail in the lithic assemblage (Fig. 1). Tanged points with ventral flat retouch is the main form of industry; geometrical microliths are absent. The Single Kurgan site near the Serteya Village was a workshop site specializing in blade and bladelet industry. Blades and bladelets were obtained from single- and double-platform cores (Fig. 5) employing only a direct percussion technique, mostly, by making strikes with a soft hammerstone (Fig. 6; 7). The lithic items show no clear signs of two-sided striking and abrasion. The lithic industry of the Early Neolithic from the Dnieper-Dvina interfluve related to ceramic phase b-4 shows various degrees of similarity with Neolithic blade industries of the forest belt in eastern Europe in the late VII – VI millennium BC, e. g. tanged and/or foliate points.

Keywords: Serteya culture, Early Neolithic, neolithization, lithic technology, tanged points.

REFERENCES

Dolbunova E. V., Mazurkevich A. N., 2024. Na «periferii» neolita: okhotniki-sobirateli Evropy [In «periphery» of the Neolithic: hunter-gatherers of Europe]. *AES*, 4, pp. 40–59.

Dolbunova E. V., Mazurkevich A. N., Megro Y., Filippova V. L., 2023. Dnepro-dvinskoe mezhdurech'e v kontse 6 tys. do n. e. i rannie keramicheskie traditsii tsirkumbaltiyskogo regiona [Dnieper-Dvina interfluve at the end of the 6th mill. BC and early ceramic traditions of Circumbaltic region]. *PA*, 1 (43), pp. 8–26.

Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR [Bronze Age of the USSR forest belt]. O. N. Bader, D. A. Kraynov, M. F. Kosarev, eds. Moscow: Nauka, 1987. 496 p.

Girya E. Yu., 1997. Tekhnologicheskiy analiz kamennykh industriy. Metodika mikro- makroanaliza drevnikh orudiy truda [Technological analysis of stone industries. Methods of micro-macroanalysis of ancient tools], 2. St. Petersburg: Akadem Print. 198 p.

Girya E. Yu., Lozovskiy V. M., 2014. Sravnitelnyy morfologicheskiy analiz polnoty tekhnologicheskikh kontekstov kamennykh industriy [Comparative morphological analysis of completeness of technological contexts of stone industries]. *Kamennyy vek: ot Atlantiki do Patsifiki [Stone Age: From the Atlantic to the Pacific]*. G. A. Khlopachev, S. A. Vasilyev, eds. St. Petersburg: Muzey antropologii RAN: IIMK RAN, pp. 52–84. (Zamyatninskiy sbornik, 3.)

Gorashchuk I. V., 2010. Klassifikatsiya kamennykh orudiy elshanskoy kul'tury [Classification of stone tools of Yelshanskaya culture]. *40 let Srednevolzhskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [40 years of Middle Volga archaeological expedition]*. Samara: Ofort, pp. 168–183. (Kraevedcheskie zapiski, 15.)

Gorelik A. F., Tsybriy A. V., 2014. Stoyanka Orekhovo-Donetskoe 3 v srednem Podontsov'e. K kharakteristike odnoy iz povorotnykh vekh v istorii Dnepro-Donetskogo neolita [Orekhovo-Donetskoe 3 site in Middle Donets region. Characteristic of one of the turning points in history of Dnieper-Donets Neolithic]. *SNV*, 3, pp. 58–78.

Ivanishcheva M. V., 2009. Kompleksy s tychkovo-nakol'chatoy keramikoy v nizhnem Posukhon'e [Complexes with pit-stroke ceramics in Lower Sukhona region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN [Proceedings of Samara scientific center of RAS]*, vol. 11, no. 6 (32), pp. 277–281.

Ivanishcheva M. V., Ivanishchev A. M., 2006. Poselenie rannego neolita na Nizhney Sukhone [Early Neolithic settlements on Lower Sukhona]. *TAS*, iss. 6, vol. 1, pp. 287–299.

Khrustaleva I. Yu., 2021. Kremnevye nakonechniki poseleniya kamennogo veka Serteya XIV (Velizhskiy rayon, Smolenskaya oblast) [Flint points from Stone Age settlement Serteya XIV (Velizhsky district, Smolensk region)]. *TAS*, 12, pp. 193–216.

Kolosov A. V., 2007. Pamyatniki butovskoy kul'tury na territorii Belorusskogo Posozh'ya [Butovo culture sites the Belarusia Sozh region]. *Romanovskie chteniya – 3 [Romanv readings – 3]*. Mogilev: Mogilevskiy gos. universitet, pp. 154–156.

Kolosov A. V., 2008. Mezoliticheskaya stoyanka Dednya [Mesolithic site Dednya]. *Acta archaeologica Albaruthenica*, III. M. A. Plavinski, V. M. Sidarovich, comp. Minsk: I. P. Logvinau, pp. 42–66.

Kosorukova N. V., 2007. Perekhod ot mezolita k neolitu v basseyne ozera Vozhe (novye materialy) [Transition from Mesolithic to Neolithic in Lake Vozhe basin (new materials)]. *Russkaya kul'tura novogo stoletiya: problemy izucheniya, sokhraneniya i ispolzovaniya istoriko-kulturnogo naslediya [Russian culture of new century: issues of studying, preserving and using historical and cultural heritage]*. Vologda: Kul'turnoe nasledie, pp. 41–52.

Kotova N. S., 2002. Neolitizatsiya Ukrainy [Neolitization of Ukraine]. Lugansk: Shlyakh. 268 p.

Ksenzov V. P., 2006. Mezolit Severnoy i Tsentral'noy Belarusi [Mesolithic of Northern and Central Belarus]. Minsk: Institut istorii Natsional'noy akademii nauk Belarusi. 170 p. (Materialy po arkheologii Belarusi, 13.)

Kudashov A. S., 2023. O ranneneoliticheskom kamennom inventare Mariyskogo Povolzh'ya [On Early Neolithic stone inventory of Mari Volga region]. *AES*, 1, pp. 263–270.

Lisitsyn S. N., 2003. Problemy razdeleniya smeshannykh kompleksov final'nogo paleolita i mezolita Dvinsko-Lovatskogo mezhdurech'ya [Problems of separation of mixed complexes of terminal Paleolithic and Mesolithic of Dvina-Lovat interfluve]. *Drevnosti Podvin'ya: istoricheskiy aspekt [Antiquities of Dvina region: historical aspect]*. St. Petersburg: GE, pp. 40–46.

Lychagina E. L., 2013. Ranniy neolit Prikam'ya [Early Neolithic of Kama region]. *AEAE*, vol. 56, no. 4, pp. 50–57.

Mamonov A. E., 1999. O kulturnom statuse elshanskikh kompeksov [On cultural statue of Yelshansk complexes]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya [Problems of archaeology of the Volga region]*, 1. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 15–43.

Markevich V. I., 1974. Bugo-Dnestrovskaya kultura na territorii Moldavii [Bug-Dniester culture in territory of Moldavia]. Kishinev: Shtiintsa. 173 p.

Mazurkevich A. N., Dolbunova E. V., Kul'kova M. A., 2013. Keramicheskie traditsii v rannem neolite Vostochnoy Evropy [Ceramic traditions in Early Neolithic of Eastern Europe]. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik [Russian archaeological annual]*, 3, pp. 127–140.

Mazurkevich A. N., Dolbunova E. V., Aleksandrovsky A. L., Fassbinder J., Sablin M. V., Shirobokov I. G., 2020. Odinochnyy kurgan u d. Serteya v Smolenskoy oblasti – kompleks neoliticheskikh

i srednevekovykh ob”ektov [The single burial mound near Serteya village (Smolensk region) – the complex of neolithic and medieval objects]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Istoricheskie nauki [Proceedings of Samara scientific center of RAS. Historical sciences]*, vol. 2, no. 2, pp. 130–144.

Mazurkevich A. N., Miklyaev A. M., 1998. O rannem neolite mezhdurech’ya Lovati i Zapadnoy Dviny [On Early Neolithic of Lovat’ and Western Dvina interfluve]. *ASGE*, 33. St. Petersburg, pp. 7–31.

Miklyaev A. M., 1969. Pamyatniki Usvyatskogo mikrorayona. Pskovskaya oblast [Sites of Usvyatsky microdistrict. Pskov region]. *ASGE*, 11. St. Petersburg, pp. 18–40.

Miklyaev A. M., 1995. Kamennyy – zheleznyy vek v mezhdurech’e Zapadnoy Dviny i Lovati [Stone – Iron Age in Western Dvina and Lovat’ interfluve]. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik [Petersburg archaeological bulletin]*, 9, pp. 7–42.

Neolit Severnoy Evrazii [Neolithic of Northern Eurasia]. S. V. Oshibkina, ed. Moscow: Nauka, 1996. 379 p.

Nikitin V. V., 2011. Ranniy neolit Mariyskogo Povolzh’ya [Early Neolithic of Mari Volga region]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy NIIYaLI. 470 p. (Trudy Mariyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii, IX.)

Polkovnikova M. E., 2014. Kamennyy inventar’ svaynogo poseleniya Serteya II [Stone inventory of Serteya II pile settlement]. *Arkheologiya ozernykh poseleniy IV–II tys. do n. e.: khronologiya kultur i prirodno-klimaticheskie ritmy [Archaeology of lake settlements of IV–II mil. BC: chronology of cultures and natural and climatic rhythms]*. St. Petersburg: Periferiya, pp. 271–280.

Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyacheletiya do n. e. [Radiocarbon chronology of Neolithic epoch of Eastern Europe of VII–III millennia BC]. G. I. Zaytseva, ed. Smolensk: Svitok, 2016. 456 p.

Sinitsyna G. V., 1996. Issledovanie finalnopaleoliticheskikh pamyatnikov v Tverskoy i Smolenskoy oblastyakh [Study of the terminal Paleolithic sites in Tver and Smolensk regions]. St. Petersburg. 52 p. (Arkheologicheskie izyskaniya, 39.)

Sinitsyna G. V., 2003. Traditsii lingbi v materialakh finalnopaleoliticheskikh stoyanok verkhov’ev Volgi i Dnepra [Lyngby traditions in materials of terminal Paleolithic sites of Volga and Dnieper upper reaches]. *Drevnosti Podvin’ya: istoricheskiy aspekt [Antiquities of Dvina region: historical aspect]*. St. Petersburg: GE. pp. 3–19.

Smirnov A. S., 1989. Pamyatniki rannego neolita Desny [Early Neolithic sites on Desna]. *SA*, 3, pp. 5–26.

Smol’yaninov R. V., Yurkina E. S., 2018. Kamennaya industriya rannego neolita Verkhnego Dona [Stone industry of Early Neolithic of Upper Don]. *SNV*, vol. 7, no. 3(24), pp. 189–199.

Telizhenko S. A., Yanish E. Yu., 2014. Finalnyy mezolit – ranniy neolit srednego techeniya basseyna Severskogo Dontsa: pamyatniki, spetsifika khozyaystvennoy deyatelnosti [Terminal Mesolithic – Early Neolithic of middle reaches of Seversky Donets basin: sites, specifics of economic activity]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik [Upper Don archaeological collection], 6. Arkheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi: poiski, nakhodki, problemy [Archaeology of East European forest-steppe: searches, finds, problems]*. A. N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 126–133.

Tovkaylo M. T., 2014. Neolitizatsiya Yugo-Zapadnoy Ukrainy v svete novykh issledovaniy poseleniya Gard [Neolithization of Southwestern Ukraine in light of new research at Gard settlement]. *SP*, 2, pp. 183–245.

Tsvetkova N. A., 2019. Perekhod ot mezolita k neolitu na Verkhney Volge po rezul’tatam izucheniya kamennoy industrii [Transition from Mesolithic to Neolithic on Upper Volga according to the results of study of stone industry]. *SNV*, vol. 8, no. 3 (28), pp. 119–131.

Tsybriy A. V., Tsybriy V. V., 2022. Geometricheskie mikrolity v industriyakh mezo-neoliticheskogo vremeni na Nizhnem Donu [Geometric microliths in industries of Meso-Neolithic period on Lower Don]. *Mikrolity v pozdnem paleolite i mezolite Vostochnoy Evropy i Kavkaza: tipologiya, tekhnologiya, trasologiya [Microliths in Late Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe and Caucasus: typology, technology, tracology]*. M. G. Zhilin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 123–136.

Volokitin A. V., Karmanov V. M., 2004. Ranniy neolit evropeyskogo severo-vostoka [Early Neolithic of the European Northeast]. *RA*, 2, pp. 5–14.

Vybornov A. A., Vasil’eva I. N., Laktaeva E. M., Frolov I. K., 2022a. Novye materialy po neolitu v Severnom Prikaspii [New materials on Neolithic in Northern Caspian region]. *SNV*, 4, pp. 158–165.

Vybornov A. A., Gilyazov F. F., Popov A. S., 2022b. Kamennye industrii neolita nizhnego Povolzh'ya kak pokazateli kultury [Neolithic stone industries of Lower Volga region as cultural indicators]. *Izdeliya iz kamnya i kosti v kulturakh neolita [Stone and bone items in Neolithic cultures]*. A. A. Vybornov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 14–15.

Yaantis K. L., 1989. Kremnevyy inventar' stoyanok kundaskoy kul'tury: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Flint inventory of Kunda culture sites: PhD dissertation]. Tallin. 210 p.

Zheltova M. N., 2003. Kremnevye industrii pamyatnikov final'nogo paleolita i mezolita basseyna reki Usvyachi [Flint industries of sites of terminal Paleolithic and Mesolithic in Usvyacha River basin]. *Drevnosti Podvin'ya: istoricheskiy aspekt [Antiquities of Dvina region: historical aspect]*. St. Petersburg: GE, pp. 27–39.

Zhilin M. G., 1994. Nekotorye voprosy perekhoda ot mezolita k neolitu na Verkhney Volge [Some issues of transition from Mesolithic to Neolithic on Upper Volga]. *Problemy izucheniya epokhi pervobytnosti i rannego srednevekov'ya lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Problems of studying prehistory and Early Middle Ages in forest zone of Eastern Europe]*, 1. Ivanovo: Mintopenergo, pp. 19–31.

About the authors

Eskova Darya K., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; The State Hermitage Museum, Dvortsovaya nab., 34, St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: eskovaarchaeology@yandex.ru;

Dolbunova Ekaterina V., The State Hermitage Museum, Dvortsovaya nab., 34, St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: katjer@mail.ru;

Mazurkevich Andrey N., The State Hermitage Museum, Dvortsovaya nab., 34, St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: a-mazurkevich@mail.ru

Н. Л. Моргунова, Н. П. Салугина

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ГОНЧАРСТВА АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ОРЕНБУРГСКОГО ПРИУРАЛЬЯ)[1]

Резюме. В статье впервые публикуются данные изучения технологии изготовления глиняных сосудов абашевской культуры на фоне археологического и хронологического контекстов из погребальных памятников позднего бронзового века (ПБВ) в Западном Оренбуржье. Погребения относятся к абашевской культуре, однако притом демонстрируют близкие контакты ее носителей с синташтинским населением степного Зауралья. Радиоуглеродный возраст погребений находится в диапазоне первых двух веков II тыс. до н. э. Согласно проведенному технологическому анализу глиняных сосудов из погребений сделан вывод, что, несмотря на явную культурную смешанность в погребальной обрядности и морфологии сосудов, технология изготовления исследованной керамики демонстрирует устойчивость одной культурной традиции и существенно отлична от технологии синташтинского гончарства. Поэтому, вероятно, изученная выборка сосудов представляет т. н. «абашевский стандарт» в технологии гончарства позднего бронзового века Оренбургского Приуралья.

Ключевые слова: Оренбургское Приуралье, абашевская культура, погребальный обряд, технология гончарства, этногенетические и культурные связи.

Археологические свидетельства пребывания представителей абашевской культуры на территории Оренбургского Приуралья единичны. Небольшие коллекции керамики и отдельные находки металлических изделий имеются на ряде поселений в смешанных слоях наряду с основной массой материалов срубной

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-68-10006, «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.99-117

и андроновской культур (*Моргунова, Порохова*, 1989). А между тем дискуссии о хронологическом и культурном соотношении абашевских и других культурных образований ПБВ достаточно активны (*Ткачев*, 2007; 2010; *Епимахов*, 2020). В последнее десятилетие экспедицией Оренбургского государственного педагогического университета (ОГПУ) открыт ряд погребальных комплексов в составе курганных могильников разных эпох. Поскольку они находятся в контактной зоне между поволжско-приуральскими группами абашевского населения и населением синташтинской культуры Зауральского региона, то представляют значительный интерес для изучения общих проблем взаимодействия культур бронзового века на евразийском пространстве.

В задачи данной статьи входит обсуждение первых данных изучения технологии гончарства абашевской культуры на примере глиняных сосудов из подкурганных погребений Оренбургского Приуралья (рис. 1: *1*) – в могильнике Красиково 1 и на территории некрополя у Горы Березовой (вблизи Булановского поселения); а также из погребения, обнаруженного на поселении Малоюдашево I (рис. 1: *1*).

Материалы исследования

Могильник Красиково 1, курган 3, погребение 1. Памятник исследован на р. Ток в Западном Оренбуржье. Погребение абашевской культуры явилось впускным в курган ямной культуры (*Моргунова и др.*, 2019).

Оно было обнаружено в центре кургана, на уровне погребенной почвы, границы ямы не прослеживались. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ. Руки покойного были немного согнуты в локтях, кисти располагались на тазовых костях. В районе грудной клетки, таза и бедренных костей встречались небольшие фрагменты смолы. Справа от черепа стоял лепной сосуд (рис. 2: *1, 2*) горшковидной формы, с расширением в верхней трети высоты и отогнутым венчиком. При переходе от шейки к тулову сосуд имеет выраженное внутреннее ребро. Ниже среза венчика по шейке нанесен зигзаг гребенчатым штампом. Далее по плечикам сосуд орнаментирован 8 рядами горизонтальных каннелюр, ниже мелкозубчатым штампом нанесен пояс наклонных линий и под ним двухрядный зигзаг. Нижняя часть сосуда покрыта расчесами штампа. Размеры сосуда: высота – 14, диаметр горла – 15, диаметр дна – 6,5, диаметр максимального расширения тулова – 17 см. В верхней части под венчиком сосуд починили двумя бронзовыми скобами прямоугольной формы длиной 5 и 2,2 см соответственно.

Принадлежность погребения к абашевской культуре не вызывает сомнения. Подтверждением данному выводу служат:

1. Особенности погребального обряда. Так, в абашевских памятниках Приуралья и Среднего Поволжья встречаются позы погребенных вытянуто на спине с ориентировкой головы в южном направлении (*Мерперт*, 1961. С. 151; *Горбунов*, 1986). Ближайшим к Красиково 1 абашевским могильником с погребениями в позе вытянуто на спине, но с иными ориентировками, является грунтовый могильник у Никифоровского лесничества (рис. 1: *1*) (*Васильев, Пряхин*, 1979. С. 151).

1

2

Рис. 1. Карта распространения памятников абашевской культуры в Оренбургском Приуралье (*1*); некрополь Гора Березовая, вид на курган с каменной крепидой после расчистки (*2*)

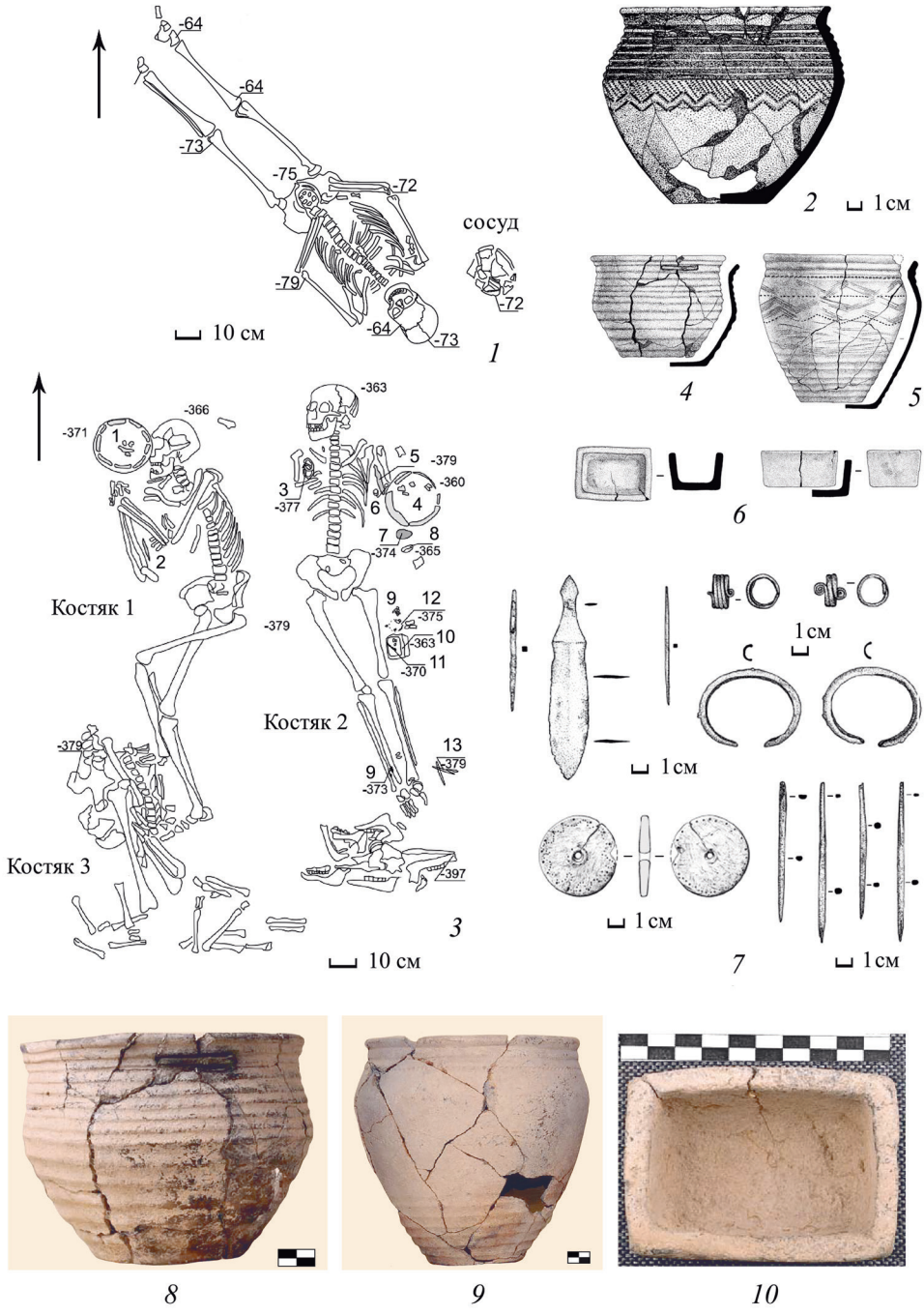

Рис. 2. Могильник Красиково 1, кург. 3, погр. 1 (*1, 2*) и погр. 1 с поселения Мало-Юлдашево (*3–10*)

Условные обозначения: *1* – план погребения; *2* – сосуд; *3* – план погребения; *4, 8* – сосуд 1; *5, 9* – сосуд 2; *6, 10* – сосуд 3; *7* – бронзовые изделия и украшение – диск из кости

2. Морфологические особенности найденного в погребении сосуда с характерным утолщением венчика, желобками на тулове и орнаментальной композицией. Эти признаки находят многочисленные аналогии как в синташтинских, так и в абашевских памятниках степной и лесостепной зоны Приуралья. Для обеих культур характерно скрепление обломков сосудов бронзовыми скобами (*Горбунов*, 1986; *Ткачев*, 2007; 2010).

Для уточнения датировки погр. 1 из кургана 3 по кости человека был проведен радиоуглеродный анализ и получено следующее ее значение: SPb-2224: 3632 ± 55 BP, 2122–1922 (1σ) cal BC (*Моргунова, Кулькова*, 2019).

Погребение 1 на поселении Мало-Юлдашево представляло собой комплекс из трех скелетов взрослых людей (рис. 2: *3*), обнаруженный в материке, под слоем срубной культуры (*Моргунова и др*., 2015).

Костяк 1 принадлежал мужчине пожилого возраста[2], погребенного в положении скорченно на правом боку, головой на С. Руки были согнуты в локтях, кисти располагались напротив плечевых костей. Перед лицом стоял глиняный сосуд (№ 1); под локтями обнаружено бронзовое шило; за затылком находилась пяточная кость КРС.

За спиной мужчины располагался скелет 2 – молодой женщины в положении вытянуто на спине, головой на С. На черепе отмечены следы травм от проникающего орудия в виде трех сквозных округлых отверстий.

На костях ступней скелета 1 и южнее от них компактно («в пакет») были уложены останки скелета 3, принадлежавшего мужчине 30–40 лет, а еще южнее находилось скопление четырех передних и семи задних конечностей от 5 особей овцы.

Женскому погребению сопутствовал разнообразный набор артефактов из бронзы и костей (рис. 2: *7*) и два сосуда. В заполнении сосуда № 2 обнаружены астрагалы свиньи. У ступней находился жертвенный комплекс, состоящий из 5 черепов овцы с нижними челюстями, первыми и вторыми шейными позвонками.

Для темы статьи особый интерес представляют глиняные сосуды.

Сосуд № 1 (рис. 2: *4, 8*) – плоскодонный, горшковидной формы с расширением тулова в середине профиля, резко отогнутым наружу венчиком и внутренним ребром при переходе от шейки к тулову. Вся его поверхность орнаментирована широкими горизонтальными желобками. Размеры сосуда: высота – 13,5, диаметр горла – 17,5; диаметр дна – 9,3 см, диаметр максимального расширения тулова – 17 см; толщина стенок – 5 мм. В верхней части под венчиком сосуд починили двумя бронзовыми скобами, укрепленными в сквозных отверстиях овальной формы.

Сосуд № 2 (рис. 2: *5, 9*) – плоскодонный, горшковидной формы, высоких пропорций с небольшим расширением в верхней трети профиля и слегка отогнутым венчиком. Визуально по сломам прослежены примеси толченой раковины и мелкого шамота. При переходе от шейки к тулову имеется внутреннее ребро. Вся поверхность сосуда орнаментирована. По венчику проходят

[2] Антропологические определения проведены д. и. н. А. А. Хохловым, археозоологические – к. и. н. Н. В. Росляковой (г. Самара).

три горизонтальные каннелюры, ниже которых изображен широкий пояс, сверху ограниченный горизонтальным рядом овальных вдавлений, снизу – однорядным зигзагом из аналогичных вдавлений. Пояс заполнен многорядным зигзагом, выполненным при помощи мелкозубчатого штампа. По центру пояса проходит разделительная горизонтальная линия в виде ряда овальных горизонтальных вдавлений, ниже – при помощи вдавлений мелкозубчатого штампа нанесены хаотичные отрезки. Придонная часть горшка украшена горизонтальными желобками. Размеры: высота – 20; диаметр горла – 18, диаметр дна – 8, диаметр максимального расширения тулова – 20 см; толщина стенок – 5 мм.

Сосуд № 3 (рис. 2: *6, 10*) – керамическое изделие прямоугольной формы с плоским дном, без орнамента. Размеры сосуда: длина и ширина по верху – 10,1 × 7,2 см; длина и ширина дна – 9,8 × 6,8 см; глубина сосуда – 4,8 см; толщина стенок – 1 см.

Описанное захоронение можно отнести к кругу культур ПБВ Южного Приуралья, поскольку в его материалах отражены признаки как синташтинской, так и абашевской культур. Синкретизм комплекса проявляется по всем его характеристикам, начиная с погребального обряда. Так, помещение в одно захоронение частей животных различных видов, в том числе свиньи, является одной из наиболее распространенных черт погребального ритуала синташтинской культуры (*Генинг и др.*, 1992; *Косинцев*, 2010. С. 53, 54), но также характерно и для памятников потаповского типа в Среднем Поволжье (*Васильев и др.*, 1994; *Рослякова, Косинцев*, 2012).

Многие черты сходства в материалах синташтинской, потаповской, а также абашевской культур обнаруживают и предметы сопровождающего инвентаря (рис. 2: *7*).

Кроме того, в одной могиле были захоронены люди разного пола и возраста. При этом индивиды, исходя из антропологических данных, не были связаны друг с другом прямым родством, так как их черепа, по заключению А. А. Хохлова, демонстрируют не только краниологический полиморфизм, но и насильственное умерщвление перед погребением скелетов 2 и 3 относительно основного мужского скелета 1 (*Хохлов, Григорьев*, 2021). При этом ни один из погребенных не был уложен в могилу согласно наиболее распространенному в среде степных культур конца среднего – начала позднего бронзового века Волго-Уралья канону (скорченно на левом боку). В коллективном комплексе для основного погребенного использована поза скорченно на правом боку, для сопутствующих – положение вытянуто на спине и в «пакете».

Для территории Приуралья поза на правом боку, причем в основных мужских погребениях, типична для погребальной традиции ямной культуры, в том числе и для поздних ямных (полтавкинских) комплексов, где достаточно часто встречаются и жертвоприношения людей (*Моргунова*, 2014. С. 60–70). Иногда, чаще в парных погребениях, правобочное положение скелетов фиксируется и в памятниках раннего этапа срубной культуры (*Мерперт*, 1954; *Мерперт и др.*, 1985). В этом плане представляют интерес выводы антропологов о наличии ямного и абашевского компонентов в синташтинском этногенезе (*Хохлов и др.*, 2016. С. 284).

Генетический анализ, проведенный при поддержке упомянутого выше гранта, дополняет сделанные на археологических наблюдениях выводы (*Медникова и др*., 2024). Так, авторами установлено, что близкое родство по отцовской линии объединяет основного погребенного (скелет 1) на поселении Мало-Юлдашево с несколькими индивидами средневолжской абашевской культуры, в том числе с погребенным № 8 из Пепкинского кургана (кузнецом) и с мужчиной, останки которого были найдены в погребении 12 Старшего Никитинского могильника в Рязанской области (*Энговатова и др*., 2024).

Таким образом, погребальный обряд малоюлдашевского захоронения отражает взаимодействие разных культурных традиций бронзового века Поволжья и Приуралья, как позднего периода ямной культуры, так и культур ПБВ (синташтинской, потаповской, абашевской). Такой вывод подтверждается особенностями инвентаря. Радиоуглеродный возраст погребения соответствует хронологии данных культурных образований. По кости человека (основной костяк 1) была получена ^{14}C дата: IGAN-7763: 3575 ± 25, 1956–1886 cal BC (*Моргунова и др*., 2015).

Могильник Гора Березовая (или могильник у Горы Березовая, а вернее – у ее подножия) был обнаружен во время раскопок поселения у с. Буланово в Октябрьском районе Оренбургской области (рис. 1), на правом берегу р. Салмыш (*Моргунова*, 1999). Культурный слой поселения содержал преимущественно материалы срубной культуры, ниже его в небольшом числе встречены артефакты абашевского типа[3]. Согласно отчету (Там же), во время раскопок обратила на себя внимание возвышенная площадка на первой террасе вблизи поселения у подножия горы, где был замечен невысокий курган, под которым по ходу раскопок обнаружилась хорошо задернованная каменная кладка – крепида вокруг погребений (рис. 1: *2*). Конструкция в виде кольца-ограды или крепиды из каменных плит длинной стороной была ориентирована по линии З–В. Внутри ограды и между камнями были собраны многочисленные кости животных и фрагменты сосудов абашевского и срубного типов, а также обнаружено 3 погребения, из которых к абашевским относились основные – № 1 и 3. Погр. № 2 и жертвенная площадка, судя по находкам сосудов срубной культуры, были сооружены позже. В целом, комплекс, вероятно, являлся сакрально-культовым сооружением, использованным жителями Булановского поселения на протяжении длительного периода начиная с абашевского времени.

Кроме того, по периферии каменной конструкции было обнаружено несколько грунтовых погребений, большинство из которых отнесены к памятникам сейминско-турбинского типа (*Купцова, Халяпин*, 2023)[4].

Погребения в пределах каменной конструкции:

Погребение № 1 находилось у края внутренней границы каменной крепиды в юго-западной части сооружения. Оно принадлежало ребенку, лежавшему

[3] Материалы поселения готовятся к печати. Материалы могильника, раскопки которого были продолжены М. В. Халяпиным и в 2000–2001 гг., также публиковались лишь частично (*Халяпин*, 2001).

[4] Технология керамики из данных погребений в статье не рассматривается, так как она нуждается в специальном исследовании.

скорченно на левом боку, головой на СЗ. У черепа находился сосуд горшковидной формы с плоским дном, остроребериый с невысоким профилированным туловом (рис. 3: *1, 2*). Визуально наблюдалась в глине мелкотолченая раковина и измельченный шамот. Высота сосуда – 10,5, диаметр устья – 11,8, диаметр тулова – 12,8, диаметр дна – 6,5 см. Поверхность сосуда полностью покрыта орнаментальной композицией, состоявшей по шейке из семи плотных каннелированных горизонтальных линий, по тулову – из вертикальных нарезных елочек, разделенных между собой вертикальными же линиями. Кроме того, по ребру на тулове имелись симметрично расположенные налепные шишечки.

Погребение № 3 – центральное – разрушено норами землероев. Скелет взрослой женщины около 40 лет был растащен, поза не определена. Ориентировка – предположительно на СЗ. У черепа находился совершенно целый сосуд горшковидной формы с плавно выпуклым туловом, плоским дном-поддоном и слабо профилированным туловом (рис. 3: *8*). Поверхность подлощена и полностью покрыта орнаментальной композицией из неглубоких прочерченных горизонтальных линий под венчиком, по низу шейки и в придонной части, между которыми заключены горизонтальные ряды наклонных линий. По морфологии и орнаментальной композиции сосуд близок и к абашевской, и к синташтинской керамике, но в большей степени все же к последней (*Генинг и др.*, 1992). По причине полной сохранности изучить технологию изготовления сосуда не удалось.

Погребение № 7 найдено у внешней границы каменного кольца и принадлежало ребенку около 7–8 лет, захороненному в положении скорченно на левом боку, головой на ЮЗ. У ног находился развал горшковидного сосуда биконической формы со слабо выраженным ребром, невысоким горлышком и плоским дном (рис. 3: *3–5*). Визуально отмечены примеси толченой раковины и мелкого шамота. Вся поверхность декорирована: по шейке – рядом наклонных отрезков из оттисков неглубокого зубчатого штампа; по плечикам – двумя широкими каннелюрами; нижняя половина тулова – вертикальными рядами елочек, составленных из отрезков того же зубчатого штампа. И высота сосуда, и диаметр горловины равны 12 см, диаметр дна – около 6 см.

Ближайшей аналогией кургану у подножия горы Березовой являются курганы в могильнике у с. Белозерка, исследованном Н. Л. Моргуновой годом ранее выше по течению р. Салмыш (*Моргунова*, 1998; *Халяпин*, 2000). Особенностью курганов является наличие каменных кольцевых крепид и каменных ящиков. Так, в кург. 4, в каменном ящике 2 были найдены два сосуда типично абашевской формы (рис. 3: *6, 7*), в орнаментальной композиции одного из них использовались шишечки (рис. 3: *6*); в формовочной массе обоих – обильная раковина.

Использование камня в погребальном обряде абашевского населения также зафиксировано ниже по течению р. Салмыш в могильнике II у с. Второе Имангулово, где погр. 3 в кург. 7 сопровождалось такими особенностями обряда, как наличие погребальной камеры, выложенной по периметру вертикально стоящими плитами, положением скелета (как у основного костяка в малоюлдашевском погребении) скорченно на спине, с заваленными вправо ногами, ориентировкой головы на юго-восток и типичным для абашевского гончарства сосудом (*Моргунова и др.*, 2022. С. 55, 56). Для погребения получена дата: IGAN-7761: 3590 ± 30 BP, 1973–1896 1σ calBC (*Купцова, Халяпин*, 2023. С. 242).

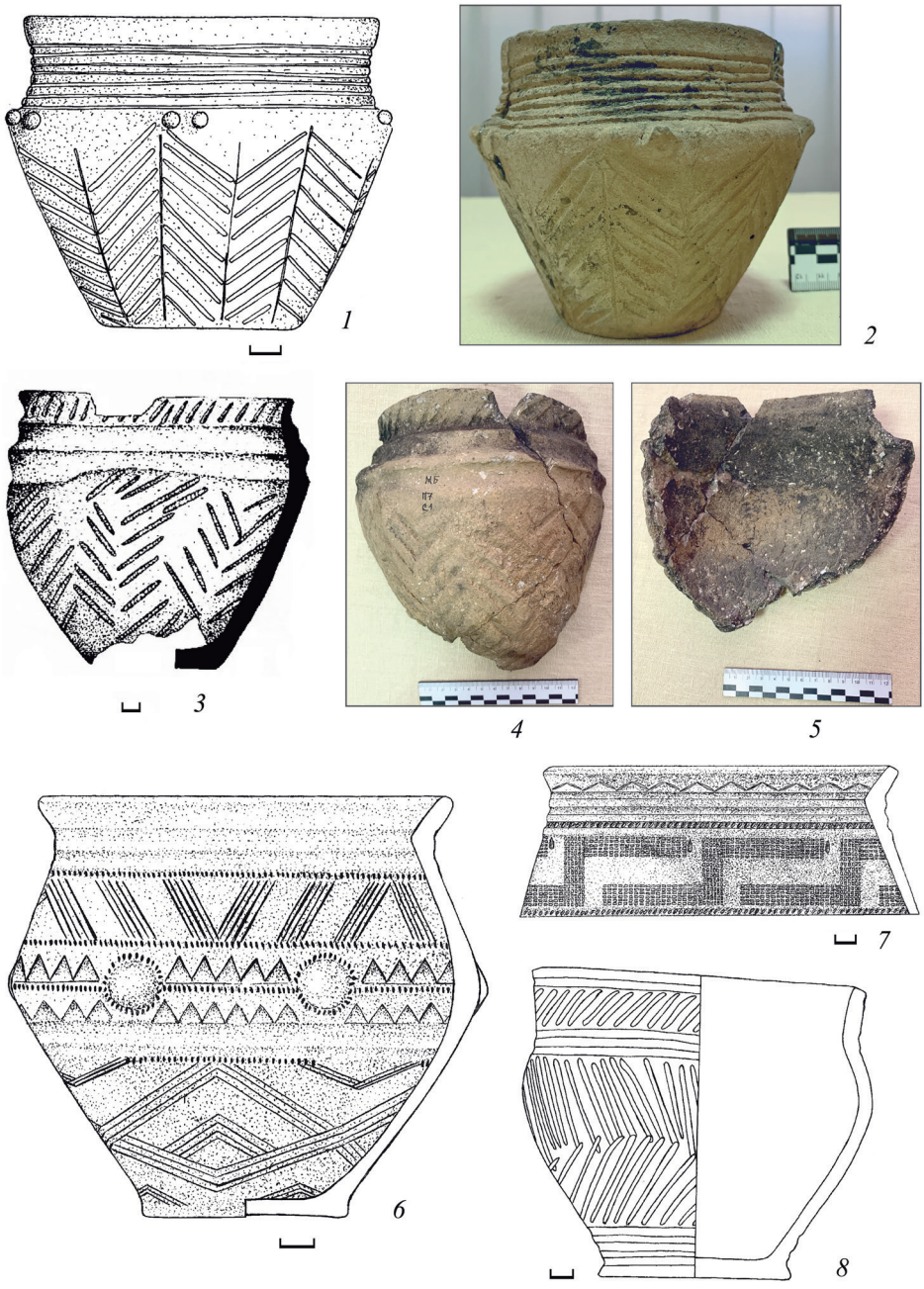

Рис. 3. Сосуды из могильников Гора Березовая (*1–8*) и Белозерка (*6, 7*)

1, 2 – погр. 1; *3–5* – погр.7; *8* – погр. 3; *6, 7* – сосуды из каменного ящика 2 кургана 4

В целом, и эта дата, и все приведенные выше ^{14}С даты для рассмотренных нами памятников укладываются в допустимый интервал начала ПБВ в южноуральском регионе и соответствуют интервалу известных датировок синташтинской культуры (*Молодин и др*., 2014; *Епимахов*, 2020).

Таким образом, к числу особенностей погребального обряда абашевских комплексов Западного Оренбуржья можно отнести использование каменных плит в оформлении внутреннего пространства могил и подкурганных площадок; разнообразие ориентировок и позиций погребенных (с преобладанием позиций скорченно вправо на спине или на боку); наличие глиняной посуды, как правило, горшковидной биконической формы с плоским дном, иногда с поддоном, с невысокой профилированной шейкой с внутренним ребром; составление орнаментальных композиций по всей внешней поверхности сосудов с использованием неглубоких гладких и зубчатых штампов, широких и узких каннелюр. Во всех случаях визуально видна обильная примесь толченой раковины в глиняной массе. По всем обозначенным признакам рассмотренные памятники наиболее близки южно-уральскому варианту абашевской общности (*Горбунов*, 1986).

Технология изготовления керамики

Керамические сосуды из памятников позднего бронзового века Южного Приуралья представляют определенный интерес, поскольку в силу синкретизма признаков абашевской и синташтинской культур позволяют обратиться к технологии гончарства в плане установления степени взаимодействия населения в данном регионе. Выяснение особенностей гончарного производства начала позднего бронзового века осуществлялось на основе технологического анализа керамики, происходящей из погребальных комплексов. Технологический анализ проводился по методике, разработанной А.А. Бобринским (*Бобринский*, 1978; 1999), широко применяемой в настоящее время при анализе керамических комплексов разных эпох (*Цетлин*, 2013). Методика основана на бинокулярной микроскопии, данных этнографии и экспериментов и включает два уровня исследования: выделение непосредственно технологической информации (эмпирический уровень) и перевод выделенной информации в историко-культурную (теоретический уровень).

Следует отметить несколько организационных моментов:

1) не все упомянутые в представленном тексте сосуды в силу разных причин были проанализированы;

2) из-за разной сохранности сосудов их анализ осуществлялся либо по полной (включающей все ступени производственного процесса), либо по сокращенной программам;

3) отдельно необходимо оговорить такой компонент, как раковина пресноводных моллюсков. Она может быть как компонентом исходного пластичного сырья (ИПС), так и компонентом состава формовочной массы (ФМ). Признаки, характеризующие разные состояния раковины в составе керамики, подробно описаны (*Салугина*, 2016). В представленном тексте специально подготовленная и введенная в состав ФМ раковина обозначается как дробленая раковина (ДР);

4) органический раствор как компонент ФМ к настоящему времени детально не атрибутируется, поэтому в тексте дается его общее обозначение как органический раствор (ОР).

Могильник Красиково 1, кург. 3, погр. 1 (по: *Салугина*, 2019)

Сосуд (рис. 2: *2*) изготовлен из ожелезненной незапесоченной илистой глины, содержащей в своем составе песок от пылевидной фракции до размера песчинок 0,1–0,3 мм; старую, окатанную, изъеденную микроорганизмами раковину; единичные обрывки водорослей.

При составлении ФМ к илистой глине добавлялись шамот среднего размера, дробленая раковина и органический раствор. Концентрация шамота 1:4, в составе его ФМ фиксируется обильная примесь дробленой раковины.

Конструирование сосуда, как начина, так и полого тела, осуществлялось с использованием коротких жгутов/длинных лоскутов, наращиваемых по спиралевидной траектории. Возможно применение формы-основы. Начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой.

Придание сосуду окончательной формы (формообразование) осуществлялось путем выдавливания пальцами и легкого выбивания колотушкой с гладкой рабочей поверхностью.

Обработка внешней поверхности сосуда производилась разными инструментами. Верхняя часть его заглажена тканью, поверхность ниже ребра – мелким гребенчатым штампом, а дно и придонная часть имеют следы лощения по подсушенной основе.

Придание сосуду прочности и влагонепроницаемости осуществлялось в простом обжиговом устройстве типа очага. Излом стенки сосуда в основном однотонного темно-серого цвета, что указывает на создание в процессе обжига восстановительной (без доступа кислорода) среды.

Погребение 1 на пос. Мало-Юлдашево

Сосуд 1 (рис. 2: *4, 8*) изготовлен из незапесоченной ожелезненной глины, в которой песок пылевидной фракции читается только по блеску. При составлении ФМ к ИПС были добавлены следующие искусственные примеси:

– раковина речных моллюсков, предварительно нагретая и измельченная, в значительной концентрации;

– шамот, в основном среднего размера, в концентрации 1:4/5;

– выжимка из навоза жвачных животных, которая фиксируется по наличию измельченной деформированной растительности размером не более 4 мм и черных или рыжеватых блестящих растеков, покрывающих отдельные участки излома.

Сосуд представлен на технологический анализ в реставрированном виде, что осложнило достоверное определение способа конструирования. Тем не менее по косвенным признакам (способы наложения элементов, расслоение фрагмента и т. д.) можно заключить, что сосуд делался на плоскости. Начин его

изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, строительными элементами послужили жгуты, которые наращивались по спиралевидной траектории. Модель начина одноэлементная, о чем свидетельствует наличие довольно четкого расслоения по всему периметру сосуда – в месте завершения строительства начина и начала конструирования полого тела.

Внешняя поверхность сосуда первоначально была заглажена кусочком ткани, а после нанесения орнамента дополнительно заглаживалась каменной галькой, иногда – до лощения.

Придание сосуду прочности и влагонепроницаемости достигалось путем сушки (воздушной и, возможно, термической) и обжига. Обжиг осуществлялся в простом обжиговом устройстве типа очага или кострища, в условиях окислительной среды и недолгого пребывания сосуда при температурах каления, о чем свидетельствует очень небольшой (до 1 мм) осветленный слой с внешней стороны сосуда.

Сосуд 2 (рис. 2: *5, 9*) близок сосуду 1 по данным его морфологии и технологии; изготовлен из среднеожелезненной слабозапесоченной илистой глины. В ее составе фиксируются: песок кварцевый и цветной полуокатанный средней размерности около 0,25 мм (есть включения 0,5–1 мм) около 10 на кв. см; естественная примесь раковины в виде включений коричневатого цвета, расслаивающаяся, и молочно-белых чешуек до 0,5 мм. Размер раковины – от 0,5 до 2 мм. На кв. см фиксируется до 10 ее включений. ФМ составлена с добавлением мелкого шамота в концентрации примерно 1:5 и специально подготовленной (нагретой) раковины. В составе шамота фиксируется раковина, что позволяет предположить использование илистой глины при изготовлении сосуда, из которого сделан шамот. Отпечатки растительности и признаки органического раствора не фиксируются.

Сосуд 3 (рис. 2: *6, 10*) необычной прямоугольной формы, но по технологии также в основном аналогичен сосуду 1. Он изготовлен из незапесоченной ожелезненной глины, в которой фиксируются: прозрачный окатанный песок размером 0,2–0,3 мм в очень небольшом количестве (до 5 включений на 1 кв. см), а также глиняные комочки размером до 1,5 мм, насыщенные окислами железа.

При составлении ФМ к ИПС были добавлены следующие искусственные примеси:

– раковина речных моллюсков, предварительно нагретая и измельченная, в значительной концентрации;

– шамот, в основном среднего и крупного размера в концентрации 1:4. В составе шамота также зафиксирован шамот;

– выжимка из навоза жвачных животных, которая фиксируется по наличию измельченной деформированной растительности размером не более 4 мм и черных или рыжеватых блестящих растеков, покрывающих отдельные участки излома.

Сосуд делался на плоскости. Первоначально была сделана прямоугольная заготовка из жгутов, которые наращивались по спиралевидной траектории. Таким образом, начин его изготовлен в соответствии с донной программой. Полое тело сосуда изготовлено также из глиняных жгутов, которые наращивались по спиралевидной траектории. В изломе сосуда четко виден «сапожок»,

получившийся в результате наложения первого жгута для полого тела на плоскость донного начина.

Поверхность сосуда первоначально была заглажена кусочком ткани, а потом дополнительно заглаживалась каменной галькой.

Придание сосуду прочности и влагонепроницаемости достигалось путем сушки (воздушной и, возможно, термической) и обжига. Обжиг осуществлялся в простом обжиговом устройстве типа очага или кострища в условиях восстановительной среды, о чем свидетельствует однородный темно-серый цвет излома.

Таким образом, все три сосуда из малоюлдашевского погребения отличают близкие технологические признаки.

Могильник Гора Березовая, погр. 1

Для изготовления *сосуда* (рис. 3: *1, 2*) отбиралась незапесоченная ожелезненная глина, содержащая в своем составе прозрачный окатанный песок размером 0,2–0,5 мм в очень небольшом количестве (до 5 включений на 1 кв. см).

При составлении ФМ к ИПС были добавлены следующие искусственные примеси:

– шамот, некалиброванный, но в основном мелкого размера в концентрации 1:5/6;

– раковина речных моллюсков, предварительно нагретая и измельченная, в значительной концентрации;

– выжимка из навоза жвачных животных.

Сосуд представлен на анализ в частично реставрированном (склеенном) состоянии, поэтому определение способов конструирования сосуда носит альтернативный характер. Предположительно, начин сосуда изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, определение строительных элементов невозможно.

Поверхность сосуда была заглажена кусочком ткани и шкуры животного.

Придание сосуду прочности и влагонепроницаемости достигалось путем сушки (воздушной и, возможно, термической) и обжига. Обжиг осуществлялся в простом обжиговом устройстве типа очага или кострища в условиях окислительно-восстановительной среды, о чем свидетельствует тонкий (до 0,8 мм) осветленный слой с внешней стороны излома стенки сосуда на фоне общего темно-серого цвета.

Могильник Гора Березовая, погр. 7

Для изготовления *сосуда* (рис. 3: *3–5*) отбиралась незапесоченная ожелезненная глина, содержащая в своем составе прозрачный окатанный песок размером 0,2–0,3 мм в очень небольшом количестве (до 5 включений на 1 кв. см) и оолитовый бурый железняк размером до 1,0 мм.

При составлении ФМ к ИПС были добавлены следующие искусственные примеси: раковина речных моллюсков, предварительно нагретая и измельченная, в значительной концентрации, а также выжимка из навоза жвачных животных, которая фиксируется по наличию измельченной деформированной

растительности размером не более 4 мм и черных или прозрачных блестящих растеков, покрывающих отдельные участки излома.

Конструирование сосуда (и начин, и полое тело) осуществлялось с помощью жгутов (возможно, коротких), которые наращивались по спиралевидной траектории. Начин сосуда изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой, модель начина мелкая доэлементная. По косвенным данным можно предположить применение формы-основы.

Поверхность сосуда была заглажена кусочком ткани и пальцами гончара. Придание сосуду прочности и влагонепроницаемости достигалось путем сушки (воздушной и, возможно, термической) и обжига. Обжиг осуществлялся в простом обжиговом устройстве типа очага или кострища, в условиях окислительно-восстановительной среды, о чем свидетельствует тонкий осветленный слой с внешней стороны излома стенки сосуда на фоне общего темно-серого цвета.

Заключение

И погребальный обряд, и инвентарь рассмотренных погребальных комплексов демонстрируют безусловные признаки смешения абашевской и синташтинской культур.

В то же время анализ технологии изготовления керамики показывает довольно близкие традиции, которые по морфологическим признакам на фоне доминанты абашевского обряда могут позволить нам обозначить полученную технологию как определенный «абашевский стандарт» данного региона. Отметим притом, что изучение технологии изготовления абашевской посуды ранее проводилось очень ограниченно (*Васильева, Салугина*, 2010. С. 141). В итоге на сегодняшний день допустимо выделить следующие ее особенности: отбор трех видов исходного сырья – илов, илистых глин и природных глин, при преобладании последних; составление формовочных масс преимущественно по рецепту – дробленая раковина + шамот + органика. Формовочная масса посуды из илов не содержала искусственных примесей. Поскольку ранее анализировалась только фрагментированная поселенческая керамика, то данных по способам конструирования очень мало, но можно констатировать применение лоскутного способа изготовления посуды. Таким образом, «абашевский стандарт» в технологии изготовления керамики на уровне приспособительных навыков представлен преимущественным отбором в качестве ИПС ожелезненных незапесоченных или слабозапесоченных глин и такими компонентами ФМ, как дробленая, предварительно нагретая раковина, шамот и органические включения.

Для гончарной технологии синташтинской культуры ранее отмечались следующие характерные особенности: отбор в качестве ИПС ожелезненных слабозапесоченных глин, составление ФМ с включением талька, шамота и органики (*Григорьев, Салугина*, 2020. С. 55).

Таким образом, несмотря на явную культурную смешанность в погребальной обрядности и морфологии сосудов представленных памятников Оренбургского Приуралья, технология изготовления исследованной керамики демонстрирует устойчивость одной культурной традиции. Исходя из этого можно заключить, что данные сосуды, а следовательно, и сами погребения относятся к абашевской

культуре. Но, существенно отличаясь от синташтинских гончарных традиций, они все же демонстрируют близкие контакты абашевского и синташтинского населения.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 5–109.

Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самарский ун-т. 208 с.

Васильев И. Б., Пряхин А. Д., 1979. Бескурганный абашевский могильник у Никифоровского лесничества в Оренбуржье // СА. № 2. С. 145–153.

Васильева И. Н., Салугина Н. П., 2010. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // Краеведческие записки. Вып. XV. 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Самара: Офорт. С. 135–154.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. 408 с.

Горбунов В. С., 1986. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа: Башкирский гос. пед. ун-т. 89 с.

Григорьев С. А., Салугина Н. П., 2020. Петровская и алакульская керамика поселения Мочище в Южном Зауралье // РА. № 2. С 45–59.

Епимахов А. В., 2020. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // Уральский исторический вестник. № 4 (69). С. 51–60.

Косинцев П. А., 2010. Проблемы изучения хозяйства синташтинской культуры // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Челябинск: Челябинский гос. ун-т. С. 52–58.

Купцова Л. В., Халяпин М. В., 2023. Погребения с сейминско-турбинским инвентарем из Оренбургского Предуралья: хронологический, палеодиетический и миграционный аспекты // АЕС. № 3. С. 235–248.

Медникова М. Б., Канапин А. А., Самсонова А. А., Моргунова Н. Л., 2024. Между Волгой и Уралом: о родственных связях абашево-синташтинского населения эпохи бронзы в свете данных генетики // ВААЭ. № 4. С. 184–198.

Мерперт Н. Я., 1954. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: АН СССР. С. 39–156. (МИА; № 42.)

Мерперт Н. Я., 1961. Абашевские курганы Северной Чувашии (раскопки 1957–1958 гг.) // Абашевская культура в Среднем Поволжье / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. М.: АН СССР. С.113–156. (МИА; № 97.)

Мерперт Н. Я., Качалова Н. К., Васильев И. Б., 1985. О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность / Отв. ред. С. Г. Басин. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 10–28.

Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В., 2014. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 13. Вып. 3. С. 136–167.

Моргунова Н. Л., 1998. Отчет о раскопках в Октябрьском районе Оренбургской области по открытому листу №543 в 1998 г. // Архив ИА РАН.

Моргунова Н. Л., 1999. Отчет о раскопках у с. Буланово в Октябрьском районе Оренбургской области по открытому листу № 421 в 1999 г. // Архив ИА РАН.

Моргунова Н. Л., 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Оренбургский гос. пед. ун-т. 347 с.

Моргунова Н. Л., Евгеньев А. А., Краева Л. А., Крюкова Е. А., Купцова Л. В., Купцов Е. А., Файзуллин И. А., 2022. II курганный могильник у с. Второе Имангулово // АПО. Вып. 16. С. 13–100.

Моргунова Н. Л., Евгеньев А. А., Крюкова Е. А., Харламов П. В., Файзуллин А. А., Гольева А. А., 2019. Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Оренбургской области // АПО. Вып. 14. С. 3–9.

Моргунова Н. Л., Евгеньев А. А., Купцова Л. В., 2015. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении у с. Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // АЭАЕ. Т. 43. № 2. С. 64–71.

Моргунова Н. Л., Кулькова М. А., 2019. Результаты радиоуглеродного датирования курганного могильника Красиковский I // АПО. Вып. 14. С. 39–45.

Моргунова Н. Л., Порохова О. И., 1989. Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 160–172.

Рослякова Н. В., Косинцев П. А., 2012. Археозоологические комплексы из могильников эпохи поздней бронзы Самарского Поволжья // Бронзовый век. Эпоха героев. Самара: Самарское археолог. о-во. С. 348–378.

Салугина Н. П. 2016. Идентификация раковины в составе древней керамики: критерии различения естественного или искусственного характера // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики / Ред. О. В. Лозовская и др. СПб.: ИИМК РАН. С. 68–71.

Салугина Н. П., 2019. Технологический анализ керамики из I Красиковского курганного могильника // АПО. Вып. 14. С. 59–69.

Ткачев В. В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии. 384 с.

Ткачев В. В., 2010. К проблеме синташтинского культурогенеза // Аркаим – Синташта: древнее население Южного Урала: к 70-летию Г. Б. Здановича. Челябинск: Челябинский гос. ун-т. С. 95–102.

Халяпин М. В., 2000. Новые абашевские материалы из Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск: Ин-т степи УрО РАН. С.102–119.

Халяпин М. В., 2001. Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в Степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы. Характеристика культур, хронология и периодизация / Ред. Ю. И. Колев и др. Самара: Науч.-техн. центр. С. 417–425.

Хохлов А. А., Григорьев А. П., 2021. Краниологические материалы из погребений абашевской культуры финала средней бронзы Поволжья и Приуралья // Вестник Томского государственного университета. История. № 69. С. 132–139.

Хохлов А. А. Китов Е. П., Нечвалода А. И., 2016. Люди бронзового века Аркаимской долины (к вопросу о преемственности населения от ямной к синташтинской культуре) // SP. № 2. С. 277–284.

Цетлин Ю. Б., 2013. Современные взгляды на происхождение гончарства // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (23). С. 74–80.

Энговатова А. В., Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., Канапин А. А., Самсонова А. А., Медникова М. Б., 2024. «Забытое дитя» или передовой отряд? О связи населения фатьяновской и средневолжской абашевской культур в свете данных секвенирования древней ДНК // SP. № 2. С. 227–250.

Сведения об авторах

Моргунова Нина Леонидовна, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, Оренбург, 460014, Россия; e-mail: nina-morgunova@yandex.ru;

Салугина Наталья Петровна, Автономная некоммерческая организация «Научно-просветительский центр палеоэтнологических исследований», Новая площадь, 12, корп. 5, Москва, 109012, Россия; e-mail: nsalug@gmail.com

N. L. Morgunova, N. P. Salugina

REVISITING THE ISSUE OF POTTERY TECHNOLOGY OF THE ABASHEVO CULTURE (BASED ON THE DATA FROM THE FUNERARY ASSEMBLAGES IN THE ORENBURG URALS REGION)

Abstract. This paper is the first to publish data relating to the studies of the technology used to make Abashevo clay pots, considering the archaeological and chronological contexts of the funerary sites in the West Orenburg region dating to the Late Bronze Age. The burials are attributed to the Abashevo culture; however, they also show close contacts between the Abashevo population and the Sintashta groups in the steppe Trans-Urals. The radiocarbon age of the burials falls within the first two centuries of the second millennium BC. It can be inferred from the technological analysis of the clay pots from the burials, that, despite evidence of intermingled cultural traditions in the burial rite and pot morphology, the production technology used to make the analyzed vessels shows consistent signs of only one tradition which is substantially different from Sintashta pottery-making. For this reason, the study samples of the vessels, probably, represents the so called «Abashevo standard» of Late Bronze Age pottery technology in the Orenburg Urals region.

Keywords: Orenburg Urals region, Abashevo culture, burial rite, pottery-making technology, ethnogenetic and cultural links.

REFERENCES

Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.

Bobrinskiy A. A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery-making technology as object of historical and cultural study]. *Aktualnye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Topical problems of studying ancient pottery-making]*. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109.

Engovatova A. V., Mustafin Kh. Kh., Al'borova I. E., Kanapin A. A., Samsonova A. A., Mednikova M. B., 2024. «Zabytoe ditya» ili peredovoy otryad? O svyazi naseleniya fat'yanovskoy i srednevolzhskoy abashevskoy kul'tur v svete dannykh sekvenirovaniya drevney DNK [«Forgotten child» or the vanguard? On relationship between populations of Fatyanovo and Middle Volga Abashevo cultures in light of ancient DNA sequencing data]. *SP*, 2, pp. 227–250.

Epimakhov A. V., 2020. Radiouglerodnye argumenty abashevskogo proiskhozhdeniya sintashtinskikh traditsiy bronzovogo veka [Radiocarbon arguments of Abashevo origin of Sintashta traditions in Bronze Age]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik [Ural historical bulletin]*, 4 (69), pp. 51–60.

Gening V. F., Zdanovich G. B., Gening V. V., 1992. Sintashta: arkheologicheskie pamyatniki ariyskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepey [Sintashta: archaeological sites of Aryan tribes of Ural-Kazakh steppes]. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe knizhnoe izdatelstvo. 408 p.

Gorbunov V. S., 1986. Abashevskaya kultura Yuzhnogo Priural'ya [Abashev culture of Southern Urals]. Ufa: Bashkirskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 89 p.

Grigor'ev S. A., Salugina N. P., 2020. Petrovskaya i alakul'skaya keramika poseleniya Mochishche v Yuzhnom Zauralye [Petrovka and Alakul pottery of the Mochishche settlement in Southern Trans-Urals]. *RA*, 2, pp. 45–59.

Khalyapin M. V., 2000. Novye abashevskie materialy iz Orenburzh'ya [New Abashev materials from Orenburg region]. *Problemy izucheniya eneolita i bronzovogo veka Yuzhnogo Urala [Problems of studying Eneolithic and Bronze Age of Southern Urals]*. Orsk: Institut stepi UrO RAN, pp. 102–119.

Khalyapin M. V., 2001. Pervyy beskurgannyy mogilnik sintashtinskoy kultury v Stepnom Priural'e [First ground cemetery of Sintashta culture in Steppe Urals]. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy. Kharakteristika kultur, khronologiya i periodizatsiya [Bronze Age of Eastern Europe. Characteristics*

of cultures, chronology and periodization]. Yu. I. Kolev, ed. Samara: Nauchno-tekhnicheskiy tsentr, pp. 417–425.

Khokhlov A. A., Grigor'ev A. P., 2021. Kraniologicheskie materialy iz pogrebeniy abashevskoy kul'tury finala sredney bronzy Povolzh'ya i Priural'ya [Craniological materials from burials of Abashevo culture of terminal stage of Middle Bronze Age in Volga region and Urals]. *Vestnik Tomskogo gos. universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk state university. History]*, 69, pp. 132–139.

Khokhlov A. A. Kitov E. P., Nechvaloda A. I., 2016. Lyudi bronzovogo veka Arkaimskoy doliny (k voprosu o preemstvennosti naseleniya ot yamnoy k sintashtinskoy kulture) [Bronze Age people of Arkaim valley (on succession of population from Yamnaya to Sintashta culture)]. *SP*, 2, pp. 277–284.

Kosintsev P. A., 2010. Problemy izucheniya khozyaystva sintashtinskoy kultury [Issues of studying economy of Sintashta culture]. *Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnogo Urala [Arkaim – Sintashta: ancient heritage of Southern Urals]*, 2. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gos. universitet, pp. 52–58.

Kuptsova L. V., Khalyapin M. V., 2023. Pogrebeniya s seyminsko-turbinskim inventarem iz Orenburgskogo Predural'ya: khronologicheskiy, paleodieticheskiy i migratsionnyy aspekty [Burials with Seima-Turbino inventory from Orenburg Urals region: chronological, paleodietic and migration aspects]. *AES*, 3, pp. 235–248.

Mednikova M. B., Kanapin A. A., Samsonova A. A., Morgunova N. L., 2024. Mezhdu Volgoy i Uralom: o rodstvennykh svyazyakh abashevsko-sintashtinskogo naseleniya epokhi bronzy v svete dannykh genetiki [Between Volga and Urals: on kinship relations of Bronze Age Abashevo-Sintashta population in light of genetic data]. *VAAE*, 4, pp. 184–198.

Merpert N. Ya., 1954. Materialy po arkheologii Srednego Zavolzh'ya [Materials on archaeology of Middle Trans-Volga region]. *Trudy Kuybyshevskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of Kuibyshev archaeological expedition]*, 1. A. P. Smirnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 39–156. (MIA, 42.)

Merpert N. Ya., 1961. Abashevskie kurgany Severnoy Chuvashii (raskopki 1957–1958 gg.) [Abashevo kurgans of Northern Chuvashia (1957-1958 excavations)]. *Abashevskaya kultura v Srednem Povolzh'e Abashevo culture in Middle Volga region]*. N. Ya. Merpert, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 113–156. (MIA, 97.)

Merpert N. Ya., Kachalova N. K., Vasiliev I. B., 1985. O formirovanii srubnykh plemen Povolzh'ya [On formation of Srubnaya culture tribes in Volga region]. *Srubnaya kulturno-istoricheskaya obshchnost' [Srubnaya cultural and historical community]*. S. G. Basin, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. pedagogicheskiy institut, pp. 10–28.

Molodin V. I., Epimakhov A. V., Marchenko Zh. V., 2014. Radiouglerodnaya khronologiya kul'tur epokhi bronzy Urala i yuga Zapadnoy Sibiri: printsipy i podkhody, dostizheniya i problemy [Radiocarbon chronology of Bronze Age cultures of Urals and the South of Western Siberia: principles and approaches, achievements and problems]. *Vestnik Novosibirskogo gos. universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Series: History. Philology]*, vol. 13, iss. 3, pp. 136–167.

Morgunova N. L., 1998. Otchet o raskopkakh v Oktyabr'skom rayone Orenburgskoy oblasti po otkrytomu listu № 543 v 1998 g. [Report on excavations in Oktyabrsky district, Orenburg region, license No. 543 in 1998]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Morgunova N. L., 1999. Otchet o raskopkakh u s. Bulanovo v Oktyabr'skom rayone Orenburgskoy oblasti po otkrytomu listu № 421 v 1999 g. [Report on excavation in village Bulanovo, Oktyabrsky, Orenburg region, license No. 421 in 1999]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Morgunova N. L., 2014. Priuralskaya gruppa pamyatnikov v sisteme volzhsko-uralskogo varianta yamnoy kulturno-istoricheskoy oblasti [Ural group of sites in system of Volga-Ural variant of Yamnaya cultural and historical region]. Orenburg: Orenburgskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 347 p.

Morgunova N. L., Evgen'ev A. A., Kraeva L. A., Kryukova E. A., Kuptsova L. V., Kuptsov E. A., Fayzullin I. A., 2022. II kurgannyy mogil'nik u s. Vtoroe Imangulovo [II kurgan cemetery near village Vtoroe Imangulovo]. *APO*, 16, pp. 13–100.

Morgunova N. L., Evgen'ev A. A., Kryukova E. A., Kharlamov P. V., Fayzullin A. A., Goly'va A. A., 2019. Kurgannyy mogilnik Krasikovskiy I bronzovogo veka v Orenburgskoy oblasti [Bronze Age kurgan cemetery Krasikovskiy I in Orenburg region]. *APO*, 14, pp. 3–39.

Morgunova N. L., Evgen'ev A. A., Kuptsova L. V., 2015. Pogrebal'nyy kompleks sintashtinskogo vremeni na poselenii u s. Maloyuldashevo v Zapadnom Orenburzh'e [Sintashta-time burial complex

at settlement near village Maloyuldashevo in Western Orenburg region]. *AEAE*, vol. 43, no. 2, pp. 64–71.

Morgunova N. L., Kul'kova M. A., 2019. Rezultaty radiouglerodnogo datirovaniya kurgannogo mogilnika Krasikovskiy I [Results of radiocarbon dating of Krasikovskiy I kurgan cemetery]. *APO*, 14, pp. 39–45.

Morgunova N. L., Porokhova O. I., 1989. Poseleniya srubnoy kultury v Orenburgskoy oblasti [Settlements of Srubnaya culture in Orenburg region]. *Poseleniya srubnoy obshchnosti [Settlements of Srubnaya community]*. A. D. Pryakhin, ed. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 160–172.

Roslyakova N. V., Kosintsev P. A., 2012. Arkheozoologicheskie kompleksy iz mogilnikov epokhi pozdney bronzy Samarskogo Povolzh'ya [Archaeozoological complexes from Late Bronze Age cemeteries of Samara Volga region]. *Bronzovyy vek. Epokha geroev [Bronze Age. The age of heroes]*. Samara: Samarskoe arkheologicheskoe obshchestvo, pp. 348–378.

Salugina N. P., 2016. Identifikatsiya rakoviny v sostave drevney keramiki: kriterii razlicheniya estestvennogo ili iskusstvennogo kharaktera [Identification of shells in ancient ceramics: criteria for distinguishing natural or artificial character]. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneyshey keramiki [Traditions and innovations in study of earliest ceramics]*. O. V. Lozovskaya, ed. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 68–71.

Salugina N. P., 2019. Tekhnologicheskiy analiz keramiki iz I Krasikovskogo kurgannogo mogilnika [Technological analysis of ceramics from Krasikovskiy I kurgan cemetery]. *APO*, 14, pp. 59–69.

Tkachev V. V., 2007. Stepi Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh sredney i pozdney bronzy [Steppes of Southern Urals and Western Kazakhstan at the turn of Middle and Late Bronze Ages]. Aktobe: Aktyubinskiy oblastnoy tsentr istorii, etnografii i arkheologii. 384 p.

Tkachev V. V., 2010. K probleme sintashtinskogo kul'turogeneza [On issue of Sintashta cultural genesis]. *Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnogo Urala [Arkaim – Sintashta: ancient heritage of Southern Urals]*, 2. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gos. universitet, pp. 95–102.

Tsetlin Yu. B., 2013. Sovremennye vzglyady na proiskhozhdenie goncharstva [Modern views on the origin of pottery-making]. *Vestnik Tomskogo gos. universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk state university. History]*, 3 (23), pp. 74–80.

Vasiliev I. B., Kuznetsov P. F., Semenova A. P., 1994. Potapovskiy kurgannyy mogilnik indoiranskikh plemen na Volge [Potapovsky kurgan cemetery of Indo-Iranian tribes on the Volga]. Samara: Samarskiy universitet. 208 p.

Vasiliev I. B., Pryakhin A. D., 1979. Beskurgannyy abashevskiy mogilnik u Nikiforovskogo lesnichestva v Orenburzhye [Abashevsky ground cemetery near Nikiforovskoe forestry in Orenburg region]. *SA*, 2, pp. 145–153.

Vasilieva I. N., Salugina N. P., 2010. Nekotorye itogi izucheniya drevnego i srednevekovogo goncharstva v Samarskom Povolzh'e [Some results of study of ancient and medieval pottery-making in Samara Volga region]. *Kraevedcheskie zapiski [Local history notes], XV. 40 let Srednevolzhskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [40 years of Middle Volga archaeological expedition]*. Samara: Ofort, pp. 135–154.

About of authors

Morgunova Nina L., Orenburg state pedagogical university, ul. Sovetskaya, 19, Orenburg, 460014, Russian Federation; e-mail: nina-morgunova@yandex.ru;

Salugina Natalya P., Autonomous non-profit organization «Scientific and Educational Center for Paleoethnological Research», Novaya pl., 12/5, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: nsalug@gmail.com

Е. И. Гак, Э. Кайзер

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ КСИЗОВО-1 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ[1]

Резюме. Статья посвящена хронологии стратифицированного памятника Ксизово-1 (рис. 1). Для уточнения возраста его напластований проводится сопоставление диагностирующих находок с результатами радиоуглеродного датирования различных видов органики (рис. 2). Детальный анализ керамической посуды (рис. 3–6) позволил охарактеризовать четыре из пяти хронологических диапазонов, выделенных на основании 20 AMS-дат. Первый диапазон датирует поселение ямно-репинского типа (2700–2500 гг. до н. э.), второй – поселение среднедонской катакомбной культуры (2400–2100 гг. до н. э.), которые относятся к бронзовому веку. Третий диапазон, представленный одной датой (1111–903 cal BC), не имеет корреляций в материалах памятника. С четвертым диапазоном (776–43 cal BC) связываются поселения раннего железного века, вклинившиеся на периферию слоя эпохи бронзы. Пятому диапазону (1308–1425 cal AD) соответствуют данные о заселении и освоении округи Ксизово-1 в позднем средневековье. Перекрестными верификациями определено место разновременных отложений памятника в исторической периодизации и на абсолютной хронологической шкале.

Ключевые слова: Верхний Дон, поселение, радиоуглеродный анализ, керамика, эпоха бронзы, ямно-репинский тип, среднедонская катакомбная культура, ранний железный век, средневековье.

Введение

Ксизово-1 – стратифицированный поселенческий памятник Верхнего Дона, занимающий возвышение первой надпойменной террасы приустьевой части левого берега р. Сновы (рис. 1: *I*). В основании его стратиграфической колонки на материке залегают отложения скотоводческих стоянок бронзового века

[1] Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 25-28-00214.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.118-135

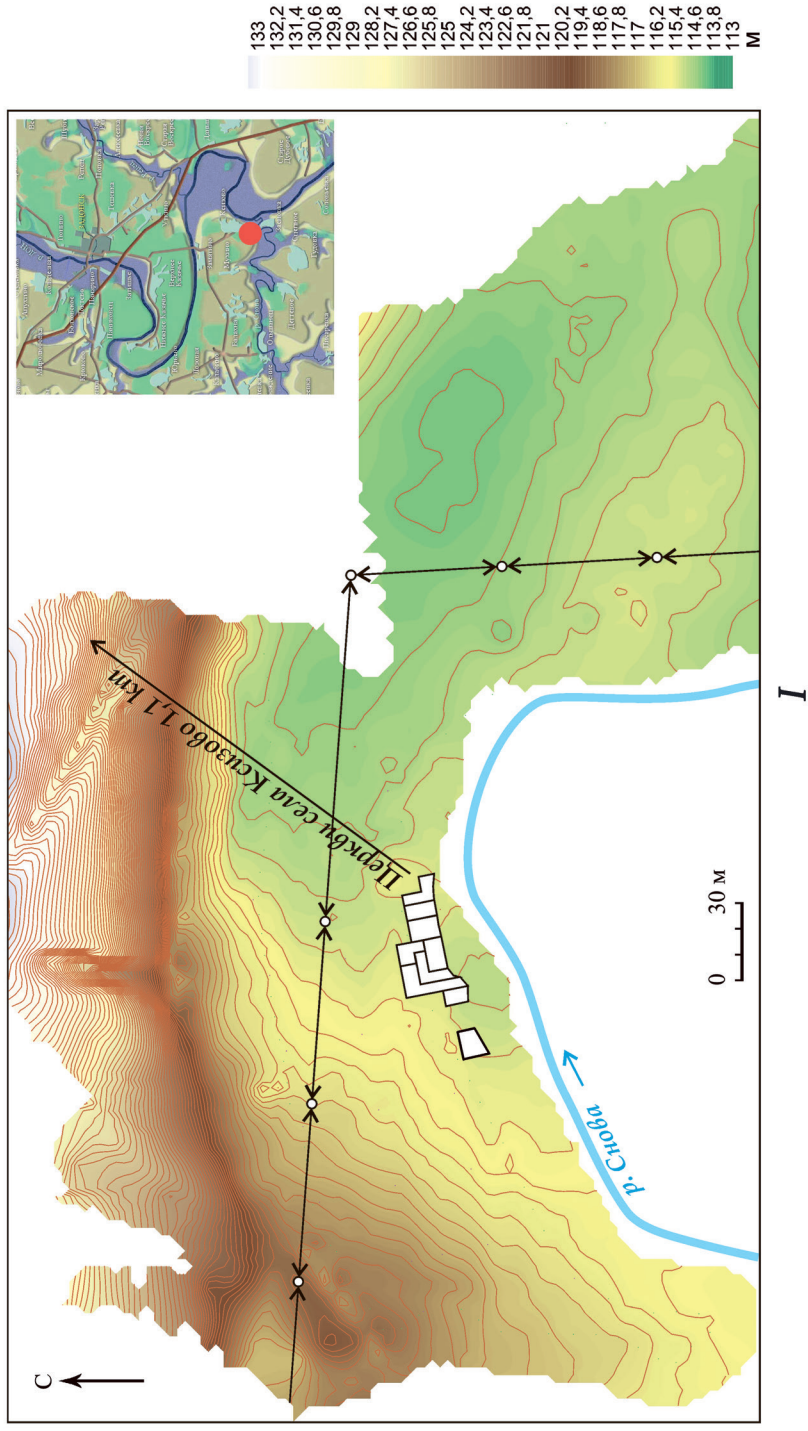
мощностью 0,2–0,4 м, которые перекрываются делювиальным слоем мощностью до 0,5 м, древней погребенной почвой мощностью 0,1–0,6 м и пачкой природных наносов мощностью 1,4–1,7 м (рис. 1: *II*). Проводившимися Е. И. Гаком и М. В. Ивашовым в 2014–2020, 2022–2023 гг. раскопками Ксизово-1 на площади ~ 720 кв. м исследована обширная хозяйственно-производственная зона поселения среднедонской катакомбной культуры (СКК) и несовпадающая с ней часть поселения, характеризующегося керамикой ямно-репинского типа (ЯРТ). Остатки обеих стоянок распространялись в виде отдельных находок, скоплений битой посуды и костей животных вплоть до палеооврага (рис. 1: *III*). Очевидные признаки построек отсутствовали. Очаги, кострища, ямы зафиксированы локально на уровне древней поверхности. Вблизи северной границы раскопа культурный слой постепенно замещался намывными отложениями. Их прорезали две дренажные канавки с керамикой раннего железного века. У восточной канавки под намывами на склоне древнего оврага выявлен затечный слой, в самом верху которого обнаружен развал сосуда срубной культуры – единственное материальное свидетельство эпохи поздней бронзы на памятнике.

Геоморфолого-палеопочвенные особенности при учете стратиграфического распределения археологических находок позволяют реконструировать этапы и причины локальной трансформации рельефа. Находясь в зоне субламинарного осадконакопления, место стоянок бронзового века после их оставления медленно перекрывалось почвенной эрозией. Эрозионный процесс шел вниз по склону от подошвы второй надпойменной террасы и сопровождался переносом оттуда керамики поселения, возникшего в раннем железном веке. С этим поселением, вероятно, связаны и дренажные канавки. Затем наступил длительный период запустения, когда формировались горизонты древней погребенной почвы. Начало этого процесса датируется античной керамикой, а конец – средневековой. Быстрое образование над погребенной почвой неоднородной толщи наносов связано с приближением русла Сновы, участившимися разливами и почвенной эрозией, обусловленными сельскохозяйственным освоением окрестностей на этапе позднего Средневековья, в Новое и Новейшее время, о чем свидетельствуют находки круговой керамики, кирпичей и гвоздей фабричного производства. Равномерная толща приповерхностной распашки фиксирует финальные изменения ландшафта. Таким образом, Ксизово-1 можно считать комплексным природным и антропогенным памятником, отражающим процессы развития данной территории на протяжении нескольких тысяч лет.

Выделенные этапы и датировка их с помощью традиционных археологических методов получили независимую верификацию на основе комплекса корректных радиоуглеродных дат.

Методика отбора образцов

Изначально раскопки Ксизово-1 были ориентированы на изучение поселка СКК, в связи с чем и проводился отбор органики на радиоуглеродный анализ. Получение значимого количества радиоуглеродных определений являлось одной из главных задач и обязательным условием в последующей оценке его функционирования. Учитывалось также, что абсолютная хронология памятников

133
132,2
131,4
130,6
129,8
129
128,2
127,4
126,6
125,8
125
124,2
123,4
122,6
121,8
121
120,2
119,4
118,6
117,8
117
116,2
115,4
114,6
113,8
113
м
Церковь села Ксизово 1,1 km
I
I
0 30 м
р. Снова
С

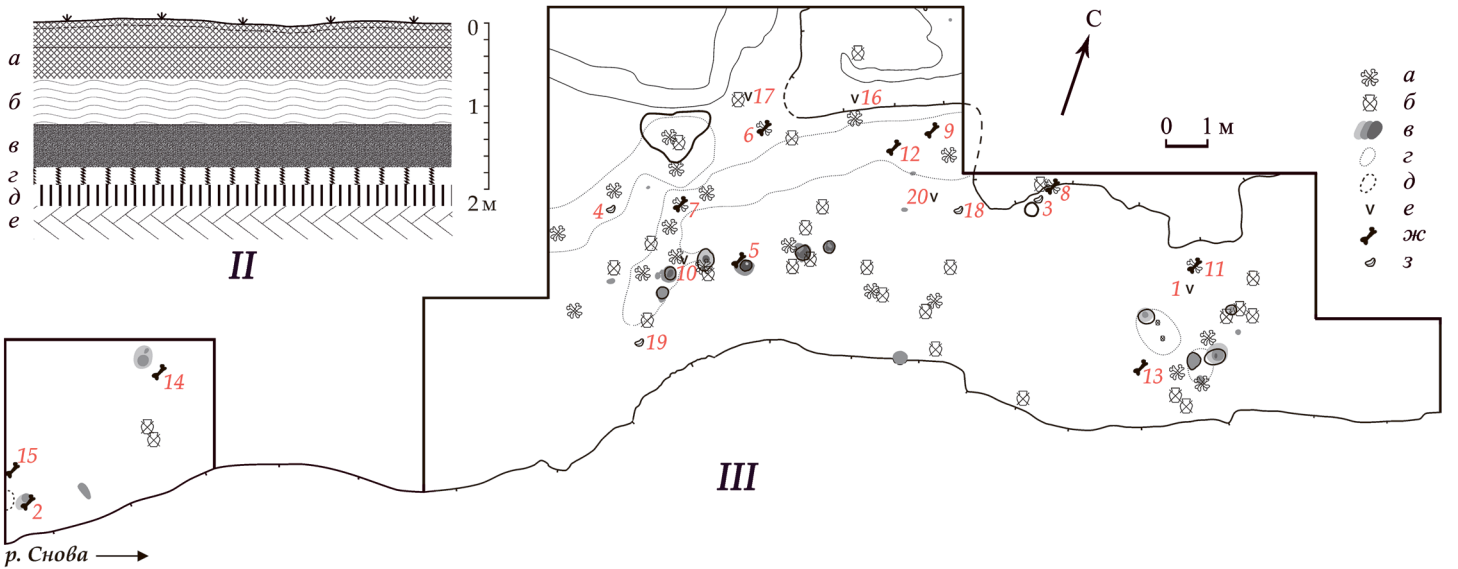

Рис. 1 (с. 120–121). Ксизово-1

I – памятник на карте и раскопы на топографическом плане; *II* – стратиграфия (*а, б* – неоднородные наносы; *в* – погребенная почва; *г* – делювий; *д* – отложения бронзового века; *е* – материк); *III* – план раскопок (*а* – скопление костей животных; *б* – скопление керамики или неполный развал сосуда; *в* – прокаленный суглинок очагов и кострищ; *г* – ареал мелких костных включений; *д* – углистое пятно; *е–з* (*е* – уголь; *ж* – кость; *з* – зерно или плод) – датированная ^{14}C органика (номера по табл. 1))

СКК Верхнего Дона, несмотря на предпринятые в последнее время существенные шаги (*Ивашов*, 2015; *Гак*, 2019), остается недостаточно верифицированной методами абсолютного датирования.

Образцы органики (уголь, кости животных) в большинстве своем отбирались на месте раскопок. Приоритет отдавался скоплениям кухонных отходов вблизи очагов и кострищ. Особое внимание обращалось на зоны концентрации бытового мусора в основании культурного слоя, т. е. ближе к древней дневной поверхности. Одиночные находки становились образцами радиоуглеродного анализа только в случае, когда их ситуационный контекст не вызывал сомнений. Кроме местоположения при отборе учитывались сохранность, размер и масса образца, соответствующие стандартным лабораторным требованиям к датируемым органическим материалам. Несколько особняком стоят археоботанические образцы – карбонизированные растительные макроостатки, добытые ручной флотацией культурного слоя, которые отправляли на датирование, если они были идентифицированы до рода.

Первоначальный культурно-хронологический подход в отборе образцов нарушен лишь применительно к западному раскопу, где у окраин поселка СКК выявлена стоянка ЯРТ. Пробоотбор там осуществлялся с ориентиром на локализацию объектов, которым сопутствовали скопления керамики ЯРТ.

Методика радиоуглеродного анализа[2]

Анализ проведен в Познаньской лаборатории (Poznańskie Laboratorium Radiowęglowe) по технологии ускорительной масс-спектрометрии (AMS) и состоял из следующих этапов: 1) химическая подготовка образцов; 2) получение CO_2 и графитизация; 3) измерение ^{14}C с помощью AMS; 4) расчет и калибровка радиоуглеродного возраста (*Goslar*, 2015). Кроме результатов датирования лаборатория предоставила данные о содержании углерода и азота в коллагене костей. В одном случае сохранность коллагена была недостаточной, поэтому анализ провести не удалось.

Общая оценка комплекса радиоуглеродных дат

Всего для памятника получено 20 определений радиоуглеродного возраста (рис. 2; табл. 1, см. в конце статьи). Большинство датированных образцов (17) отобрано на основной площади раскопа (рис 1: *III*). Из них 8 – это кости взрослых особей крупного рогатого скота (КРС) (*Bos taurus adult*); 5 – угольки, в том числе древесины дуба; 4 – растительные макроостатки, в том числе зерновки пленчатого ячменя (*Hordeum vulgare*) и проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*), скорлупка лесного ореха (*Corylus avellana*) и фрагмент косточки сливовых, вероятно, терна (*Prunus sp.*). Три образца КРС (*Bos taurus adult*) происходят из западного раскопа (табл. 1: *2, 14, 15*; рис. 1: *III*).

[2] Радиоуглеродное датирование финансировалось Немецким научно-исследовательским сообществом (DFG) по проекту «Opening and exploitation of a typical landscape in the Don forest steppe during the 3rd mill. BC» (2019–2022).

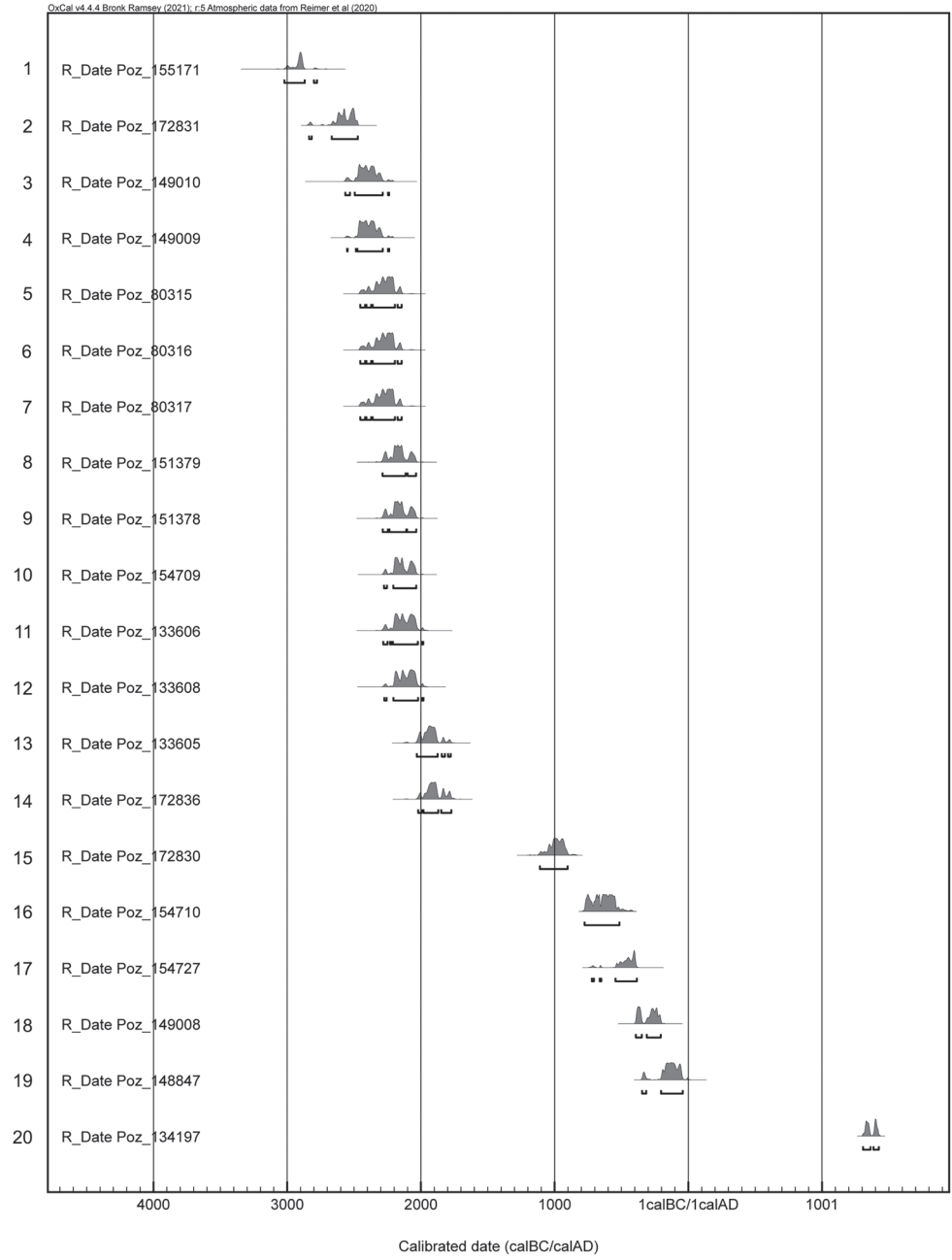

Рис. 2. Радиоуглеродные даты Ксизово-1.
Суммарные вероятности калиброванных значений

Хронологические диапазоны и керамическая посуда

Весь массив полученных ^{14}C-данных распадается на пять хронологических диапазонов (cal BC/AD с вероятностью 95,4 %[3]). Большинство дат приходится на *второй диапазон*. Одним из объяснений его протяженности является калибровочная кривая. Между 2450 и 1900 гг. до н. э. она плоская и демонстрирует многочисленные изгибы. Между 3900 и 3700 л. н. калиброванные интервалы составляют более 250 лет, независимо от стандартного отклонения ± 35 лет. Отсутствие стратиграфической информации, требуемой для байесовского моделирования, заставляет прибегнуть к прямому сравнению радиоуглеродных данных с археологическим материалом.

Первый диапазон (3022–2472 cal BC) определяют 2 даты (табл. 1: *1, 2*). Материалом одной из них был уголь древесины дуба, обнаруженный среди бытовых и производственных остатков СКК на востоке основной площади раскопок, материалом другой – кость КРС у южного кострища с керамикой ЯРТ в западном раскопе. Интервалы дат накладываются на отрезке 2837–2778 cal BC, который вряд ли отражает возраст данных артефактов. Если для первого следует предполагать интрузивное происхождение и делать поправку на возраст самого дерева, то для второго какие-либо объективные причины удревнения или омоложения отсутствуют, а его наибольшие вероятностные значения укладываются в рамки 2700–2500 гг. до н. э. Этот последний образец взят фактически из центра распространения керамики ЯРТ. Почти вся она найдена в южной части западного раскопа и представлена обломками не менее 15 сосудов (рис. 3). Два из них частично восстановлены из фрагментов компактного скопления, выявленного несколько в стороне от кострища, откуда происходит датированная кость. Глина сосудов содержит обильный песок, иногда в сочетании с шамотом и/или охрой. Морфология находит аналогии как в лесостепном Подонье, так и за его пределами (*Пряхин, Синюк*, 1980; *Синюк*, 1981; *Гей*, 1983; *Васильев, Синюк*, 1984; *Барынкин*, 1986; *Скоробогатов*, 2018; и др.). При определенном сходстве с классической репинской культурой керамика ЯРТ отличается невысокими шейками, намечающейся плоскодонностью и более плавной профилировкой, что в целом характерно для раннего этапа средней бронзы, когда на юге Восточной Европы получает распространение погребальный обряд ингумаций в катакомбах (*Братченко*, 2001; *Киященко*, 2002). Манера сплошного декорирования сосудов и шнуровые отпечатки в виде изогнутых личинок также отсылают к традициям катакомбных культур.

Радиоуглеродные даты стоянок ЯРТ, в керамике которых прослеживается катакомбное влияние, до сих пор отсутствовали. Полученные ранее ^{14}C-данные

[3] Здесь и далее результаты радиоуглеродного датирования приводятся после калибровки в программе OxCal с двойным стандартным отклонением, соответствующим сумме вероятностей в две сигмы, т. е. 95,4 %. Для конкретных памятников этот подход представляется более корректным, чем оперировать данными по одной сигме (68,2 % вероятности). Последнее, учитывая значительное сужение диапазона за счет повышения степени допустимости, может быть продуктивным в оценке хронологического соотношения крупных исторических общностей (напр., *Черных, Орловская*, 2016), но не отдельных объектов в рамках локальных культурных образований.

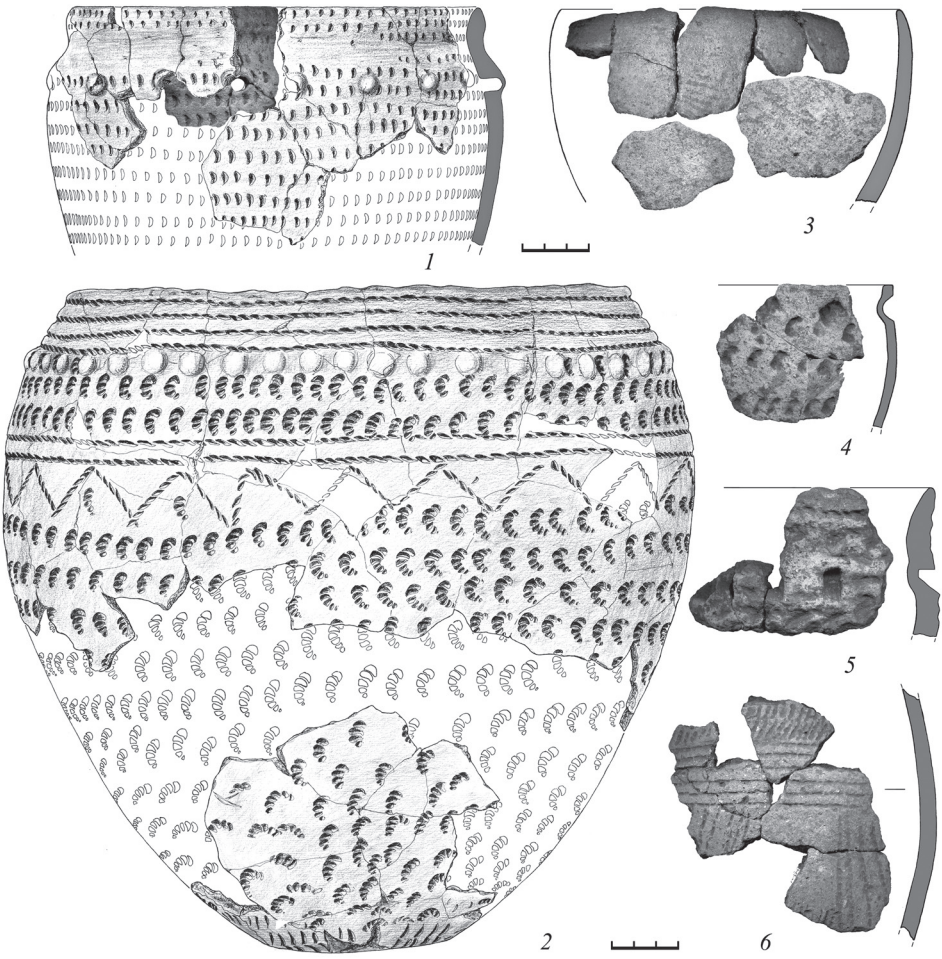

Рис. 3. Ксизово-1. Керамика ямно-репинского типа

по репинским и ямным памятникам Подонья имеют очень большой разброс – от начала IV до последней четверти III тыс. до н. э. (*Черных и др.*, 2000. С. 69; *Кузнецов*, 2013; *Черных, Орловская*, 2016. Рис. 3). Поселений с поздней посудой ЯРТ было датировано два – Карамышево 9 на р. Воронеж и Подгоровское в Подонцовье (*Манько, Телиженко*, 2003. Табл. 15). Оба памятника многослойные. Даты двух карамышевских сосудов с суммарным интервалом 3770–3099 cal BC получились слишком древними и оказались незначительно моложе дат классических репинских сосудов с расположенных рядом поселений Васильевский Кордон 1 (3771–3346 cal BC) и Доброе 4 (3946–3379 cal BC)[4]. Даты костей животных из Подгоровки (2909–2499 cal BC) представляются

[4] Информация о датах по керамике предоставлена Р. В. Смольяниновым.

адекватными сопутствовавшей посуде. Предпочтительнее для нее ввиду отсутствия катакомбных признаков выглядит первая половина этого хроноинтервала, т. е. первая четверть III тыс. до н. э. Тогда ЯРТ посуда Ксизово-1 по наличию таковых соотносится со второй четвертью, куда тяготеет и дата особи КРС. Дополнительным аргументом к синхронизации является перекличка в орнаментации сосудов, которые происходят из памятников СКК того же или близкого радиоуглеродного возраста, как, например, поселение Рыкань-3 (*Гак*, 2019. С. 91).

Второй диапазон (2566–1773 cal BC) определяется на основании 12 радиоуглеродных дат (табл. 1: *3–14*), полученных по костям животных (9), дикорастущим плодам (2) и углю (1). Все образцы происходят с участков скоплений кухонного мусора, включавшего керамику СКК. Установленный датированием возраст материалов животного и растительного происхождения не показывает расхождений, что отменяет оговорки по внесению поправок. Внутри диапазона выделяются две группы дат: ранняя (2566–2146 cal BC) и поздняя (2288–1773 cal BC). Устойчивое наложение интервалов диапазона фиксируется на отрезке 2400–2100 гг. до н. э. Даты первой группы по своим наибольшим вероятностным значениям более компактны, чем даты второй группы, в которой две самые поздние (2031–1773 cal BC) выглядят несколько оторванно и соответствуют радиоуглеродной хронологии конца средней – начала поздней бронзы. Коллизия заключается в том, что достоверных материалов, характеризующих этот период, на памятнике нет.

Керамика, которая соотносится с основным массивом дат, абсолютно доминирует в Ксизово-1 и сопутствовала всем его антропогенным объектам, исключая кострище с материалами ЯРТ. По морфолого-технологическим признакам соответствующий ей комплекс посуды иллюстрирует культурно-хронологическое единство. Характерными являются формы сосудов, определяющиеся по профилировке верхних частей, особенности внешней фактуры, орнаментальные приемы, мотивы и построение композиций, искусственные примеси в составе глины и ее обжиг. Посуда СКК Ксизово-1 представлена ее ведущими типологическими группами. Это горшки с высокой прямой или раструбовидной шейкой разной степени удлиненности, горшки с короткой отогнутой шейкой, миски и банки с открытым или закрытым устьем. Все сосуды, кроме миниатюрных, были плоскодонными. С внешней стороны стенки тщательно проглаживались, после чего покрывались декором. Орнаментация строилась зонально с использованием трех основных способов: штампового, рельефного и прочерчивания. Иногда нижнюю часть сосуда оставляли свободной или облицовывали влажной глиной, что делало поверхность шероховато-бугристой. Днища не орнаментировались. По фактуре черепка можно говорить о единообразии приготовления формовочных масс, которые получались из хорошо промешанной глины с примесью шамота, и условий качественного кострового обжига сосудов.

При отсутствии какой-либо планиграфической и стратиграфической корреляции с объектами радиоуглеродного анализа ряд особенностей позволяют выделить в керамическом комплексе СКК Ксизово-1 сосуды более раннего (рис. 4) и более позднего облика (рис. 5). Первые иллюстрируют тенденции первой

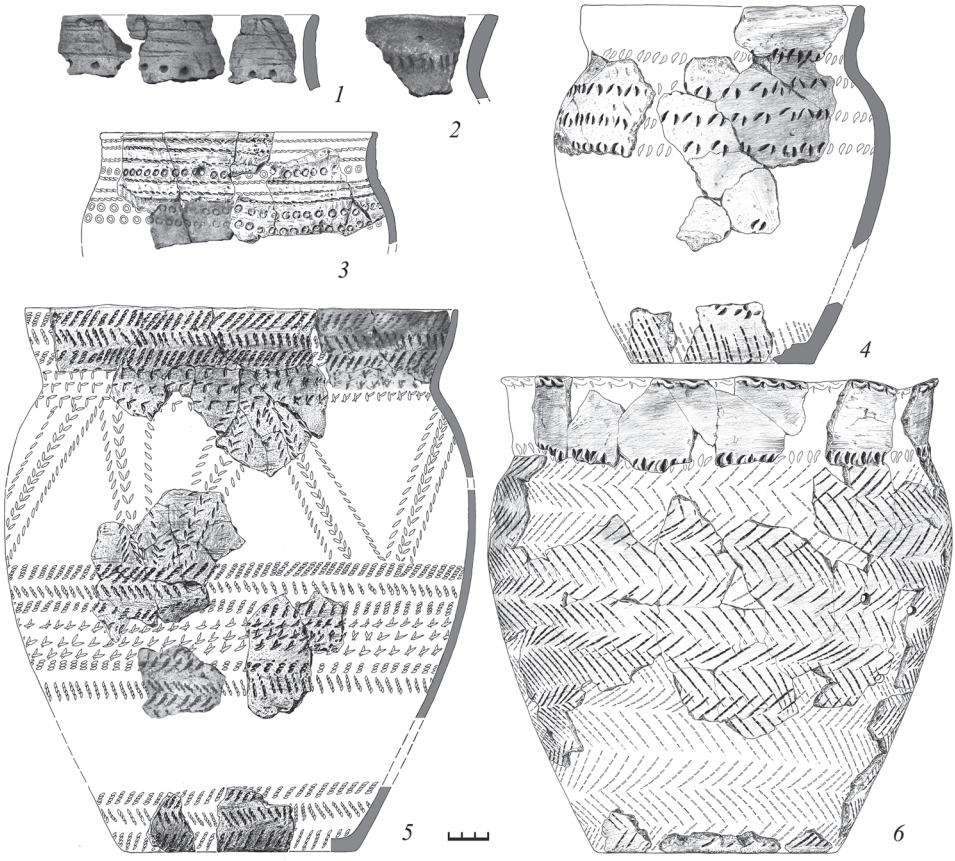

Рис. 4. Ксизово-1. Керамика среднедонской катакомбной культуры. Ранняя группа

половины развитого этапа СКК, уходящие истоками в раннекатакомбный период. Таковы округлобокие формы с наибольшим расширением в верхней трети тулова; штамповая техника орнаментации; занимающие весь сосуд композиции из повторяющихся или чередующихся фризов; елочный мотив, округлые ямки с оборотными жемчужинами, тесьма. Вторые имеют признаки второй половины развитого и даже позднего этапов. К таким признакам относятся прямо поставленные венчики, биконическая форма тулова, валики, шишечки и прочерченный узор в виде треугольников, зигзагов и паркета, в том числе с вертикальными разделителями зон, появившийся в катакомбной керамике под влиянием воронежской и/или среднеднепровской культур. Обе керамические группы находят множество параллелей в погребальных и бытовых памятниках Подонья, а также на сопредельных территориях в рамках ареала СКК (*Пряхин*, 1982; *Березуцкая*, 2003; *Синюк, Матвеев*, 2007; *Санжаров*, 2010; *Гак*, 2016;

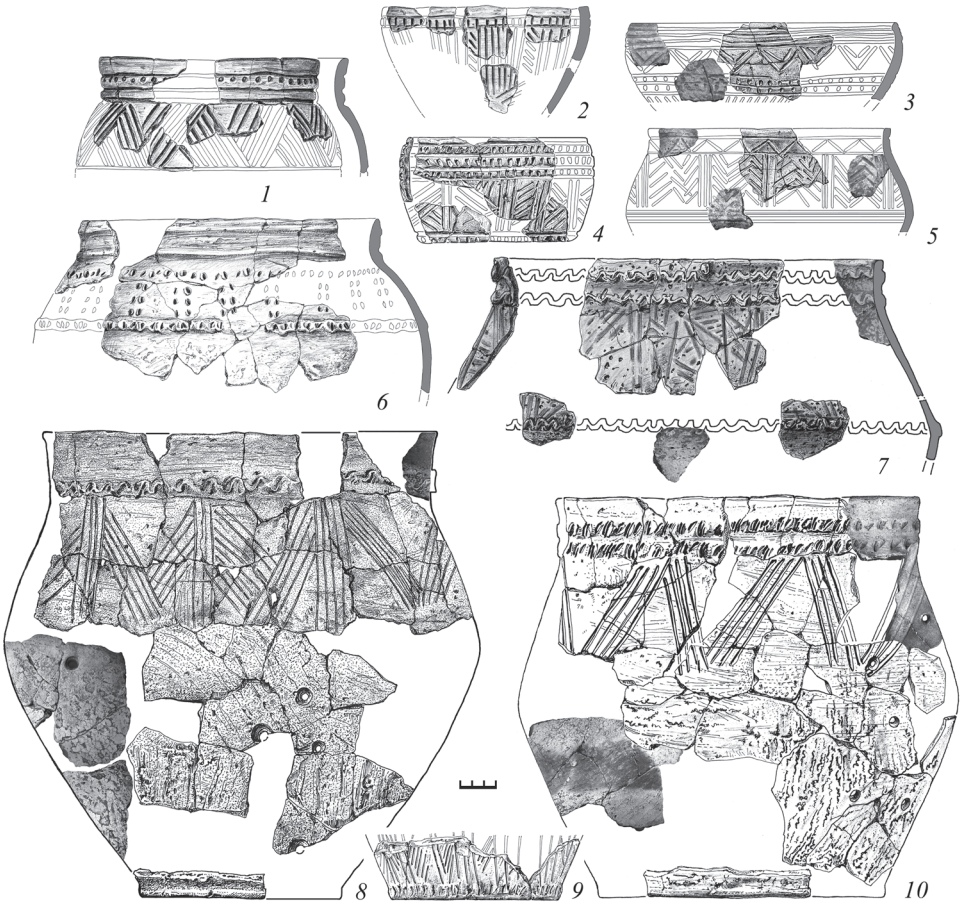

Рис. 5. Ксизово-1. Керамика среднедонской катакомбной культуры. Поздняя группа

2019; и др.). Часть поздней керамики отражает процесс гибридизации форм и систем орнаментации.

Отмеченные различия согласуются с известными радиоуглеродными датами, которых по СКК до сих пор было немного (*Гак, Давыдов*, 2019. Табл. 3). Сравнительный анализ показывает хронологический приоритет памятников с керамикой ранней группы Ксизово-1 над памятниками с керамикой поздней группы. Для первых наиболее показательны даты основной площадки поселения Рыкань-3, откуда происходит сопоставимая серия керамики. Хотя cal BC диапазон у этих дат достаточно широк, в целом они накладываются друг на друга в интервале 2600–2300 гг. до н. э. (*Гак*, 2019. С. 91). Для определения возраста посуды второй группы Ксизово-1 ориентиром могут служить поздне- и финальнокатакомбные (по терминологии С. Н. Санжарова) поселения Подонцовья. Наибольшие

вероятностные значения cal BC их дат охватывают диапазон 2500–2100 гг. до н. э. (*Санжаров*, 2010. Табл. 3).

Третий диапазон (1111–903 cal BC) выделен на основании одной из датированных костей КРС западного раскопа (табл. 1: *15*). Установленный для нее возраст, соответствующий финалу бронзового века в восточноевропейской лесостепи, не имеет никаких корреляций в материалах памятника. Ближайшие находки этого периода, а именно керамика бондарихинской культуры, происходят из раскопок многокомпонентного поселения Ксизово-6, расположенного в 500 м к востоку (*Лаврушин и др.*, 2009. С. 18).

Четвертый диапазон (776–43 cal BC) определяется на основании 4 радиоуглеродных дат (табл. 1: *16–19*), полученных только по мелким остаткам растительного происхождения – углю (2), зерновкам ячменя и проса (2). Все они, по-видимому, связаны с поселениями раннего железного века, «перекрывшими» своей южной окраиной северные окраины стоянок ЯРТ и СКК. Об этом свидетельствует характерная лепная керамика, количество которой возрастает в северном и западном направлениях, в отличие от керамики эпохи бронзы, массово распространяющейся к югу. Можно предположить, что датированные образцы, попав на дневную поверхность, были втоптаны и, таким образом, оказались в подстилающем слое бронзового века.

Морфолого-технологические признаки большинства керамики раннего железного века Ксизово-1 соответствуют посуде скифоидных культур лесостепного Днепро-Донского междуречья. Показательны профилированные невысокие венчики и придонные части с закраиной, пальцевые защипы по верхнему краю, проколы и неглубокие ямки на шейке; примесь песка, дресвы и шамота в глине (рис. 6: *1–7*). Это типичная керамика среднедонской культуры скифского времени, массово представленная на городищах конца VI – V в. до н. э. (*Медведев*, 1999; *Разуваев*, 2016).

Обобщенный интервал дат по угольками (776–386 cal BC) не противоречит хронологии скифских памятников Подонья, а если учесть возможное влияние «эффекта старого дерева», хорошо с ней согласуется. К верхней границе этого интервала «подтягиваются» даты культурных злаков (393–43 cal BC), «младшая» из которых, по ячменю, хронологически стыкуется с упомянутой выше находкой обломка античной амфоры, отнесенной И. Е. Бирюковым к римскому импорту (рис. 6: *10*). Близким временем могут датироваться фрагменты слабопрофилированных тонкостенных лепных сосудов плохого обжига с шамотом и мелким песком в глине (рис. 6: *8, 9*). А. А. Меркулов не исключает их связь с сарматским населением.

Пятый диапазон (1308–1425 cal AD) определяет дата по углю (табл. 1: *20*), которая на первый взгляд совершенно выпадает из общей серии ^{14}C-данных. Образец для датирования происходит из делювиального слоя с керамикой СКК на севере основной площади раскопок. Это и малые размеры заставляют считать уголек интрузивом. Его возрасту соответствуют фрагменты круговых сосудов XIII–XV вв., найденные в той же части памятника на стыке природно-наносного горизонта с погребенной почвой (рис. 6: *11, 12*), и многочисленные данные по средневековым селищам в районе современного села Ксизово.

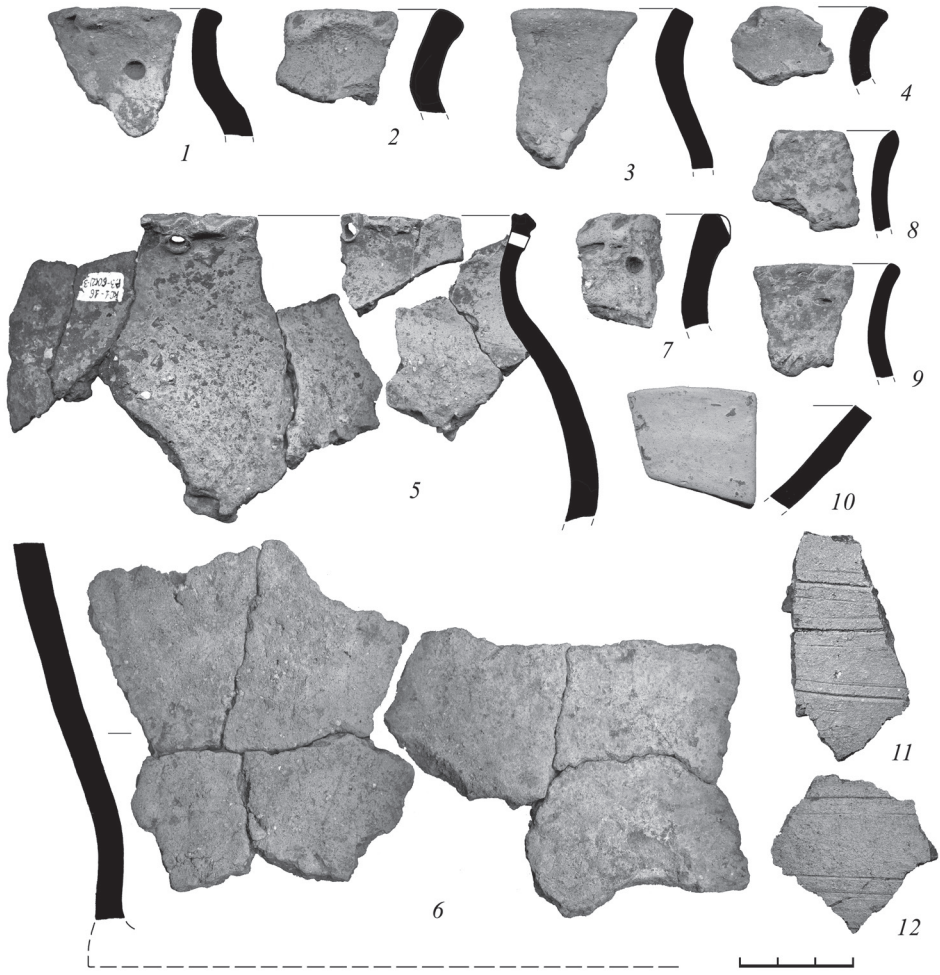

Рис. 6. Ксизово-1. Керамика раннего железного века (*1–10*) и русского средневековья (*11, 12*)

Заключение

Радиоуглеродный анализ, проводившийся применительно к образцам различной органики из раскопок Ксизово-1, в целом показал высокий уровень совместимости полученных результатов с археологическими материалами. Важно отметить, что лишь одна дата (Poz-172830) явно обособлена и не обнаруживает связей в контексте исследований памятника, еще две (Poz-133605, Poz-172836) неоднозначны. Остальным находятся более или менее убедительные объяснения благодаря диагностирующим артефактам, выступающим

в качестве культурно-хронологических маркеров. Последние играли ключевую роль при реконструкции этапов формирования ландшафта и заселения рассматриваемой территории, но не в вопросах абсолютного датирования, которые удалось решить с помощью современного метода ускорительной масс-спектрометрии. В данном случае перекрестная верификация возраста археологических материалов позволила уточнить их место в исторической периодизации и на абсолютной хронологической шкале.

Благодарим Е. Е. Антипину, Н. Н. Белую, И. Е. Бирюкова, Е. Ю. Лебедеву, А. А. Меркулова, А. М. Скоробогатова, С. В. Шполянского за определения и консультации, Я. Эгер за техническую помощь, Р. В. Смольянинова за возможность использования неопубликованных радиоуглеродных дат.

ЛИТЕРАТУРА

Барынкин П. П., 1986. Кызыл-Хак I – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 80–94.

Березуцкая Т. Ю., 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. 216 с.

Братченко С. Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях. 196 с.

Васильев И. Б., Синюк А. Т., 1984. Черкасская стоянка на Среднем Дону // Эпоха меди юга Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 102–129.

Гак Е. И., 2016. Поселение эпохи средней бронзы Рыкань-8 // Археология евразийской лесостепи-степи / Ред. В. Н. Глазьев. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. С. 74–86.

Гак Е. И., 2019. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н. э. в лесостепном Подонье. М.: ГИМ. 172 с.

Гак Е. И., Давыдов Д. Ю., 2019. Радиоуглеродные исследования. Прил. 4 // Гак Е. И. Рыкань-3. Поселение скотоводов III тыс. до н. э. в лесостепном Подонье. М.: ГИМ. С. 126–133.

Гей А. Н., 1983. Самсоновское поселение // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 7–34.

Ивашов М. В., 2015. Памятники катакомбного времени на Верхнем Дону: дис. … канд. ист. наук / Воронежский гос. ун-т. Липецк. 312 с.

Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. 227 с.

Кузнецов П. Ф., 2013. Датировка памятника у Репина Хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы // РА. № 1. С. 13–21.

Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Бессуднов А. Н., Смольянинов А. В., 2009. Природные катастрофы в голоцене бассейна Верхнего Дона. М.: ГЕОС. 64 с.

Манько В. А., Телиженко С. А., 2003. Проблемы абсолютной хронологии мезолита – энеолита Подонечья // Матеріали і дослідження з археології Східної України. Вип. 1. Луганськ: Шлях. С. 31–64.

Медведев А. П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья: Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука. 160 с.

Пряхин А. Д., 1982. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. 159 с.

Пряхин А. Д., Синюк А. Т., 1980. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы: межвуз. сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 73–92. (Межвуз. сб. науч. ст.; т. 235.)

Разуваев Ю. Д., 2016. Городище V в. до н. э. у с. Петино на Верхнем Дону // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. № 1. С. 77–82.

Санжаров С. Н., 2010. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. Луганск: Восточноукраинский нац. ун-т им. В. Даля. 488 с.

Синюк А. Т., 1981. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // СА. № 4. С. 8–20.

Синюк А. Т., Матвеев Ю. П., 2007. Среднедонская катакомбная культура эпохи бронзы (по данным курганных комплексов). Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. 220 с.

Скоробогатов А. М., 2018. Керамика эпохи ранней бронзы с поселений Донской лесостепи // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева: материалы конф. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. С 164–167.

Черных Е. Н., Авилова Л. И., Орловская Л. Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.: ИА РАН. 95 с.

Черных Е. Н., Орловская Л. Б., 2016. Радиоуглеродная хронология ямной и катакомбной археологических общностей // Археология евразийской лесостепи-степи / Ред. В. Н. Глазьев. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. С. 17–32.

Goslar T., 2015. Description of procedures of AMS ^{14}C dating used in the Poznań Radiocarbon Laboratory. URL: https://radiocarbon.pl/wpcontent/uploads/ 2018/07/procedure_ams_prl.doc (дата обращения: 16.02.2025.)

Сведения об авторах

Гак Евгений Игоревич, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия; Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2а, Пущино, 142290, Московская обл., Россия; e-mail: e.i.gak@mail.ru;

Кайзер Эльке, Институт доисторической археологии Свободного университета Берлина, Фабекштрассе, 23–25, Берлин, 14195, Федеративная Республика Германия; e-mail: ekaiser@zedat.fu-berlin.de

E. I. Gak, E. Kaiser

RADIOCARBON CHRONOLOGY AND ARCHAEOLOGICAL MATERIALS FROM THE KSIZOVO-1 SETTLEMENT IN THE UPPER DON REGION

Abstract. The paper focuses on the chronology of the stratified Ksizovo-1 site. To clarify the age of its layers, diagnostical finds are compared with the results of radiocarbon dating of various types of organic materials (Fig. 2). The detailed analysis of ceramic vessels (Fig. 3–6) provided an opportunity to characterize four out of five chronological age ranges singled out on the basis of 20 AMS-dates. The first range dates the settlement of the Yamnaya-Repino type (2700–2500 BC), the second range dates the settlement of the Middle Don Catacomb culture (2400–2100 BC), both settlements are dated to the Bronze Age. The third range represented by one date (1111–903 cal BC) shows no correlations with the materials of the site. Early Iron Age settlements that penetrate the periphery of the Bronze Age layer are linked to the fourth range (776–43 cal BC). The data on the settlement and exploitation of the Ksizovo-1 vicinities during the late medieval period correspond to the fifth range (1308–1425 cal AD). Cross-verification determined the site of its multi-date deposits in the archaeological periodization and on the absolute chronological scale.

Keywords: Upper Don, settlement, radiocarbon analysis, pottery, Bronze Age, Yamnaya-Repino type, Middle Don Catacomb culture, Early Iron Age, medieval period.

REFERENCES

Barynkin P. P., 1986. Kyzyl-Khak I – novyy pamyatnik pozdnego eneolita Severnogo Prikaspiya [Kyzyl-Khak I – new Late Eneolithic site in Northern Caspian region]. *Drevnie kultury Severnogo Prikaspiya [Ancient cultures of Northern Caspian region]*. N. Ya. Merpert, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. pedagogicheskiy institut, pp. 80–94.

Berezutskaya T. Yu., 2003. Srednedonskaya katakombnaya kul'tura i ee lokalnye varianty [Middle Don catacomb culture and its local variants]. Voronezh: Voronezhskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 216 p.

Bratchenko S. N., 2001. Donets'ka katakombna kul'tura rann'ogo etapu [Donets catacomb culture of early stage]. Lugans'k: Shlyakh. 196 p.

Chernykh E. N., Avilova L. I., Orlovskaya L. B., 2000. Metallurgicheskie provintsii i radiouglerodnaya khronologiya [Metallurgical provinces and radiocarbon chronology]. Moscow: IA RAN. 95 p.

Chernykh E. N., Orlovskaya L. B., 2016. Radiouglerodnaya khronologiya yamnoy i katakombnoy arkheologicheskikh obshchnostey [Radiocarbon chronology of Yamnaya and catacomb archaeological communities]. *Arkheologiya evraziyskoy lesostepi-stepi [Archaeology of Eurasian forest-steppe and steppe]*. V. N. Glaz'ev, ed. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 17–32.

Gak E. I., 2016. Poselenie epokhi sredney bronzy Rykan'-8 [Middle Bronze Age settlement Rykan'-8]. *Arkheologiya evraziyskoy lesostepi-stepi [Archaeology of Eurasian forest-steppe and steppe]*. V. N. Glaz'ev, ed. Voronezh: Voronezhskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 74–86.

Gak E. I., 2019. Rykan'-3. Poselenie skotovodov III tys. do n. e. v lesostepnom Podon'e [Rykan'-3. Settlement of pastoralists of III mill. BC in forest-steppe Don region]. Moscow: GIM. 172 p.

Gak E. I., Davydov D. Yu., 2019. Radiouglerodnye issledovaniya. Pril. 4 [Radiocarbon research. Appendix 4]. *Gak E. I. Rykan'-3. Poselenie skotovodov III tys. do n. e. v lesostepnom Podon'e [Rykan'-3. Settlement of pastoralists of III mill. BC in forest-steppe Don region]*. Moscow: GIM, pp. 126–133.

Gey A. N., 1983. Samsonovskoe poselenie [Samsonovskoe settlement]. *Drevnosti Dona: materialy rabot Donskoy ekspeditsii [Antiquities of the Don: materials from Don expedition]*. Yu. A. Krasnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 7–34.

Ivashov M. V., 2015. Pamyatniki katakombnogo vremeni na Verkhnem Donu: dissertatsiya … kandidata istoricheskiy nauk [Sites of catacomb time on Upper Don: PhD dissertation]. Voronezhskiy gos. universitet. Lipetsk. 312 p.

Kiyashko A. V., 2002. Kulturogenez na vostoke katakombnogo mira [Cultural genesis in the East of Catacomb world]. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet. 227 p.

Kuznetsov P. F., 2013. Datirovka pamyatnika u Repina Khutora i khronologiya kulturno-rodstvennykh materialov epokhi ranney bronzy stepnoy zony Vostochnoy Evropy [Dating of Repin Khutor site and chronology of culturally related materials of Early Bronze Age from steppe zone of Eastern Europe]. *RA*, 1, pp. 13–21.

Lavrushin Yu. A., Spiridonova E. A., Bessudnov A. N., Smol'yaninov A. V., 2009. Prirodnye katastrofy v golotsene basseyna Verkhnego Dona [Natural disasters in Holocene of Upper Don basin]. Moscow: Geos. 64 p.

Man'ko V. A., Telizhenko S. A., 2003. Problemy absolyutnoy khronologii mezolita – eneolita Podonech'ya [Problems in absolute chronology of the Mesolithic – Eneolithic of Donets region]. *Materiali i doslidzhennya z arkheologiï Skhidnoï Ukraïni [Materials and research from archaeology of Eastern Ukraine]*, 1. Lugan'sk: Shlyakh, pp. 31–64.

Medvedev A. P., 1999. Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podon'ya: Arkheologiya i etnokulturnaya istoriya I tysyacheletiya do n. e. [The Early Iron Age of forest-steppe Don region: Archaeology and ethnocultural history of I millennium BC]. Moscow: Nauka. 160 p.

Pryakhin A. D., 1982. Poseleniya katakombnogo vremeni lesostepnogo Podon'ya [Settlements of Catacomb time in Don forest-steppe region]. Voronezh: Voronezhskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 159 p.

Pryakhin A. D., Sinyuk A. T., 1980. Novye materialy po neolitu i eneolitu Srednego Dona s Shilovskogo poseleniya [New materials on Neolithic and Eneolithic of Middle Don from Shilovo settlement]. *Eneolit Vostochnoy Evropy [Eneolithic of Eastern Europe]*. N. Ya. Merpert, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. pedagogicheskiy institut, pp. 73–92. (Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey, 235.)

Razuvaev Yu. D., 2016. Gorodishche V v. do n. e. u s. Petino na Verkhnem Donu [Hillfort of V c. BC near village Petino on Upper Don]. *Vestnik Voronezhskogo gos. universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Bulletin of Voronezh state university. Series: History. Political science. Sociology]*, 1, pp. 77–82.

Sanzharov S. N., 2010. Vostochnaya Ukraina na rubezhe epokh sredney – pozdney bronzy [Eastern Ukraine at the turn of Middle – Late Bronze Ages]. Lugansk: Vostochnoukrainskiy natsionalnyy universitet imeni V. Dalya. 488 p.

Sinyuk A. T., 1981. Repinskaya kultura epokhi eneolita – bronzy v basseyne Dona [Repin culture of Eneolithic – Bronze Age in Don basin]. *SA*, 4, pp. 8–20.

Sinyuk A. T., Matveev Yu. P., 2007. Srednedonskaya katakombnaya kul'tura epokhi bronzy (po dannym kurgannykh kompleksov) [Middle Don catacomb Bronze Age culture (based on data from kurgan complexes)]. Voronezh: Voronezhskiy gos. pedagogicheskiy universitet. 220 p.

Skorobogatov A. M., 2018. Keramika epokhi ranney bronzy s poseleniy Donskoy lesostepi [Early Bronze Age ceramics from settlements of Don forest-steppe]. *XXI Uralskoe arkheologicheskoe soveshchanie [XXI Ural archaeological meeting]*. Samara: Samarskiy gos. sotsialno-pedagogicheskiy universitet, pp. 164–167.

Vasiliev I. B., Sinyuk A. T., 1984. Cherkasskaya stoyanka na Srednem Donu [Cherkasskaya site on Middle Don]. *Epokha medi yuga Vostochnoy Evropy [Copper Age of the South of Eastern Europe]*. N. Ya. Merpert, ed. Kuybyshev: Kuybyshevskiy gos. pedagogicheskiy institut, pp. 102–129.

About of authors

Gak Evgeniy I., The State History Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; Institute of Physico-Chemical and Biological Problems of Soil Science Russian Academy of Sciences, ul. Institutskaya, 2a, Pushchino, 142290, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: e.i.gak@mail.ru;

Kaiser Elke, Free University of Berlin, Fabeckstrasse, 23–25, Berlin, 14195, Federal Republic of Germany; e-mail: ekaiser@zedat.fu-berlin.de

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного анализа органики из раскопок Ксизово-1

№ п/п	Лаб. номер	Материал образца	Возраст ^{14}C BP	cal BC, AD (σ 95,4%)	Комментарий лаборатории
1	Poz-155171	Уголь (дуб)	4290 ± 40	3022 BC (92,6 %) 2870 BC 2800 BC (2,8 %) 2778 BC	–
2	Poz-172831	Кость КРС	4050 ± 30	2837 BC (2,9 %) 2818 BC 2668 BC (92,6 %) 2472 BC	1,2 % N 5,2 % C 2,1 %coll
3	Poz-149010	Фр-т косточки сливы (Prunus sp.)	3920 ± 40	2566 BC (4,5 %) 2531 BC 2495 BC (90,4 %) 2286 BC 2246 BC (0,5 %) 2239 BC	–
4	Poz-149009	Фр-т скорлупки лесного ореха (Corylus avellana)	3910 ± 35	2552 BC (0,2 %) 2549 BC 2487 BC (0,2 %) 2485 BC 2476 BC (94,4 %) 2286 BC 2247 BC (0,7 %) 2238 BC	–
5	Poz-80315	Кость КРС	3825 ± 35	2456 BC (5,5 %) 2418 BC 2407 BC (6,2 %) 2375 BC 2368 BC (1,3 %) 2356 BC 2351 BC (77,8 %) 2196 BC 2173 BC (4,7 %) 2146 BC	0,8 % N 4,8 % C 1,5 %coll
6	Poz-80316	Кость КРС	3835 ± 35	2458 BC (94,7 %) 2199 BC 2159 BC (0,7 %) 2154 BC	0,9 % N 4,7 % C 1,5 %coll
7	Poz-80317	Кость КРС	3835 ± 35	2458 BC (94,7 %) 2199 BC 2159 BC (0,7 %) 2154 BC	0,7 % N 4,7 % C 1,9 %coll
8	Poz-151379	Кость КРС	3755 ± 35	2288 BC (74,8 %) 2115 BC 2100 BC (20,7 %) 2037 BC	1,1 % N 5,0 % C 1,1 %coll
9	Poz-151378	Кость КРС	3750 ± 35	2286 BC (11,1 %) 2247 BC 2236 BC (59,6 %) 2110 BC 2105 BC (24,8 %) 2036 BC	0,9 % N 4,4 % C 0,8 %coll
10	Poz-154709	Уголь	3740 ± 30	2277 BC (4,7 %) 2255 BC 2207 BC (90,7 %) 2035 BC	–
11	Poz-133606	Кость КРС	3730 ± 40	2283 BC (5,6 %) 2250 BC 2232 BC (1,1 %) 2220 BC 2210 BC (87,6 %) 2023 BC 1994 BC (1,1 %) 1983 BC	0,4 % N 3,6 % C 0,3 %coll
12	Poz-133608	Кость КРС	3720 ± 35	2274 BC (1,9 %) 2257 BC 2206 BC (92,1 %) 2022 BC 1995 BC (1,5 %) 1982 BC	1,1 % N 5 % C 1,6 %coll
13	Poz-133605	Кость КРС	3580 ± 35	2031 BC (87,8 %) 1875 BC 1844 BC (4,9 %) 1821 BC 1797 BC (2,8 %) 1778 BC	0,7 % N 4,4 % C 0,4 %coll
14	Poz-172836	Кость КРС	3560 ± 35	2021 BC (6,2 %) 1995 BC 1981 BC (66,6 %) 1870 BC 1849 BC (22,7 %) 1773 BC	0,7 % N 4,0 % C 0,3 %coll
15	Poz-172830	Кость КРС	2830 ± 35	1111 BC (95,4 %) 903 BC	0,9 % N 4,8 % C 0,8 %coll
16	Poz-154710	Уголь	2495 ± 30	776 BC (95,4 %) 516 BC	–
17	Poz-154727	Уголь	2370 ± 35	722 BC (2,0 %) 707 BC 663 BC (1,5 %) 652 BC 545 BC (91,9 %) 386 BC	–
18	Poz-149008	Зерно (Panicum miliaceum)	2255 ± 30	393 BC (33,2 %) 349 BC 312 BC (62,2 %) 206 BC	–
19	Poz-148847	Зерно (Hordeum vulgare)	2115 ± 35	346 BC (6,8 %) 316 BC 205 BC (88,6 %) 43 BC	–
20	Poz-134197	Уголь (дуб)	565 ± 30	1308 AD (53,7 %) 1363 AD 1386 AD (41,8 %) 1425 AD	–

С. В. Сотникова

ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ СРУБНО-АНДРОНОВСКОГО МИРА: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАКОВ

Резюме. В статье предложена новая версия интерпретации знаков на игральных костях срубно-андроновского мира и дано ее обоснование. Автор приходит к выводу, что на игральных костях косой крест означал «3», четыре черты и более – «4». Число «4» ассоциировалось с выигрышем в игре и благоприятным исходом в гаданиях и предсказаниях. Чтобы магически увеличить шансы на успех, на четвертую грань наносилось более четырех линий, но это также было обозначением числа «4». То, что одна черта означала «1», две – «2», как было предложено ранее другими исследователями, сомнений не вызывает. Вероятно, знаки для «3» и «4» еще сохраняли достаточно прочные связи с образом мира (вертикальной и горизонтальной моделью), а сама игра – с сакральной сферой и ритуалом.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, срубная культура, андроновская культура, игральные кости, интерпретация знаков.

В эпоху поздней бронзы на памятниках срубно-андроновского мира (андроновских, андроноидных и срубных) получают распространение игральные кости. Находки игральных костей срубно-андроновского мира подробно и всесторонне охарактеризованы в статье 2016 г. В. И. Стефанова, С. В. Кузьминых, Ю. П. Чемякина, И. О. Корякова (*Стефанов и др.*, 2016). Изделия обнаружены на 15 памятниках, в числе которых 13 поселений, техногенный участок рудника и 1 могильник. Эти памятники локализованы в основном на Южном Урале и прилегающих к его западному и восточному склонам территориях. Игральные кости (в том числе и заготовки) выявлены в комплексах алакульской (Коркино I, Мирный II), федоровской (Черемуховый Куст), черкаскульской (Липовая Курья, Дружный I), еловской (Еловский II), межовской (Юкаликулево), алексеевско-саргаринской (Язево I) и срубной (Горный, Гулюково III, Степановское, Червонэ озеро-I, Приморка II) культур (Там же. С. 236, 237, 247, 248).

Таким образом, все находки относятся либо к андроновской и срубной КИО, либо к культурам, генетически связанным с ними. Хронологические рамки

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.136-149

перечисленных культур охватывают периоды поздней и финальной бронзы. Вопрос об абсолютных датах этих комплексов представляет отдельную проблему и в данной статье не рассматривается.

Срубно-андроновские игральные кости преимущественно изготовлены из длинных костей (лучевых, плечевых, берцовых) крупного рогатого скота (*Антипина*, 1999. С. 113; 2004. С. 225, 228) и, может быть, лошади (*Стефанов и др.*, 2016. С. 240). Зафиксировано только три экземпляра из иных материалов: два с Липовой Курьи – из глины с примесью тальковой дресвы – и один с Юкаликулево – из камня.

Все игральные кости имеют четыре плоские или уплощенные слабовыпуклые грани и две полусферические. Длина предметов – 16–22 мм, поперечное сечение имеет вид квадрата со сторонами 9–16 мм. Плоские/уплощенные грани размечены: одна, две поперечные насечки, косой крест повторяются на всех урало-сибирских изделиях. На четвертой грани присутствует разное число линий – от 3 до 12, 13, но преобладают 4 линии (7 экз.) и 5 линий (8 экз.). В большинстве случаев линии нанесены поперек плоскости кости, лишь у 6 экз. – вдоль. На этом основании исследователи предполагают, что срубные и андроновские изделия связаны очевидным родством и отражают сходную систему игры (Там же. С. 237, 247).

Существуют различные точки зрения на интерпретацию знаков на игральных костях срубно-андроновского мира, что будет рассмотрено ниже. В данной статье предложена новая версия интерпретации знаков и ее обоснование.

Источниковая база исследования

Источниковой базой исследования послужили прорисовки и фотографии игральных костей, представленные в упоминаемой выше статье. В сводке содержатся сведения о 31 экз.: 28 – целых и 3 – поврежденных (Там же. С. 239–247. Рис. 2; 3; 5–8). Для интерпретации знаков на игральных костях мною из этой сводки привлекаются 27 экз. со знаками: 17 – с поселения Горный 1 (рис. 1) и 12 – из других памятников срубно-андроновского мира (рис. 2).

Большая часть игральных костей найдена на поселении Горный 1 (Оренбургская область), коллекция которого намного превосходит все прочие находки такого рода в их генеральной совокупности (*Черных и др.*, 1999. С. 98). Безусловная значимость этих находок заключается также в том, что известен контекст их обнаружения. На поселении Горный 1 выделяются две фазы (А и В) обитания горняков и металлургов срубной КИО. С фазой А связаны следы сезонного появления горняков, в период фазы В на поселении обитали и работали уже во все времена года – не только горняки, но и металлурги (*Черных и др.*, 2002. С. 70). Фаза В делится, соответственно, на три последовательно сменявшие друг друга субфазы – В-1, В-2, В-3.

В работе Е. Е. Антипиной учтено 16 игральных костей, их иллюстрации сопровождаются сведениями о распределении находок по квадратам раскопа и по фазам (*Антипина*, 2004. Рис. 7.24; 7.25; 7.26). Одна кость не имеет знаков на длинных гранях (Там же. Рис. 7.24: *5*), поэтому в статье (*Стефанов и др.*,

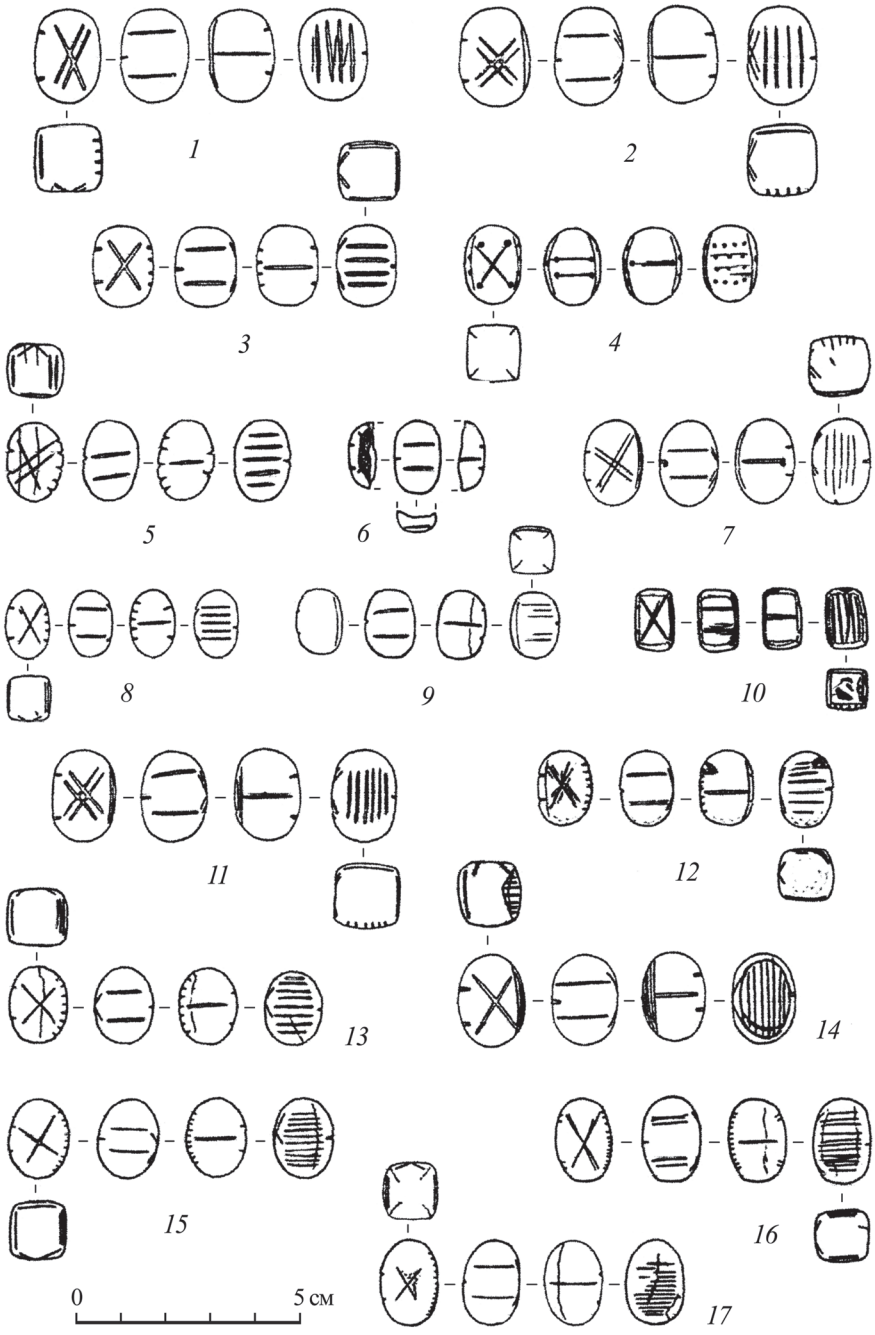

Рис. 1. Игральные кости с поселения Горный 1 (по: *Стефанов и др.*, 2016. Рис. 3)

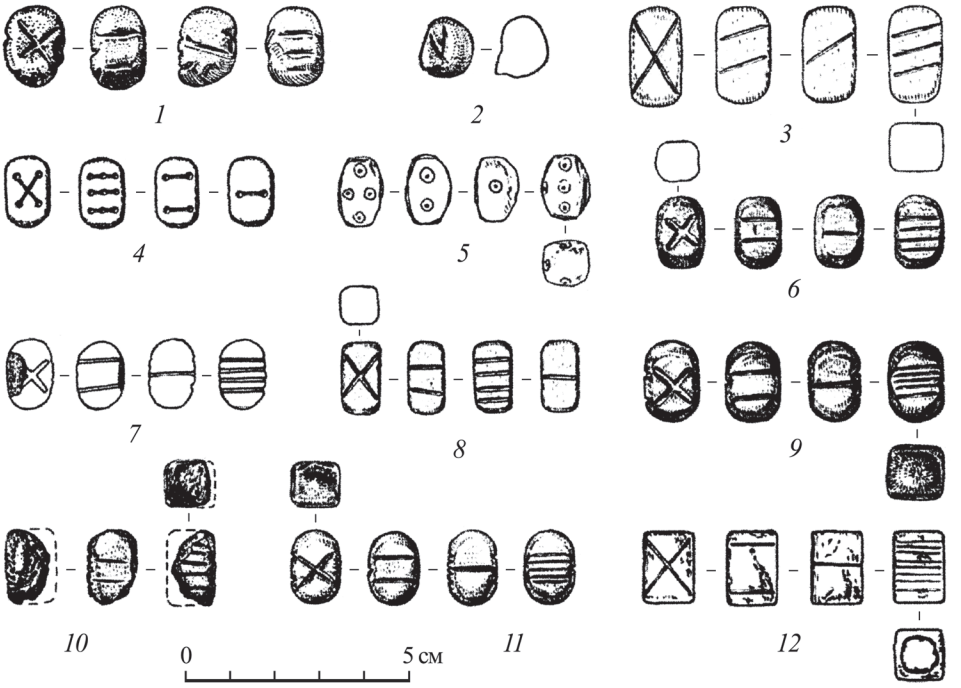

Рис. 2. Игральные кости с памятников срубно-андроновского мира (по: *Стефанов и др.*, 2016. Рис. 2: *1–12*)

1, 2 – Липовая Курья; *3* – Язево I; *4* – Юкаликулево; *5* – Степановское; *6* – Черемуховый Куст; *7* – Дружный I; *8* – Еловский II м-к; *9* – Мирный II; *10, 11* – Коркино I; *12* – Гулюково III

2016. Рис. 2: *18*) изделие отнесено к категории заготовок. К тому же с поселения Горный авторами учтено 17 экз. игральных костей со знаками (на две больше) (*Стефанов и др.*, 2016. Рис. 3).

Игральные кости срубно-андроновского мира: интерпретация знаков

Существует несколько точек зрения на интерпретацию знаков на игральных костях срубно-андроновского мира.

Исследователи срубного поселения Горный 1, где найдено больше всего игральных костей, отмечают, что «комбинаторика рисок-насечек всегда была одна и та же: “один – два – четыре – много”, причем “четыре” могли обозначать четырьмя параллельными или двумя перекрещивающимися диагональными линиями» (*Черных и др.*, 1999. С. 98).

В. И. Стефанов, С. В. Кузьминых, Ю. П. Чемякин, И. О. Коряков рассмотрели несколько вариантов интерпретаций. «Было бы заманчиво считать, – пишут они, – начертанные знаки цифрами, образующими натуральный ряд», т. е. одна черта – «1», две черты – «2», три черты – «3», косой крест – «4». Но на большей

части игральных костей вместо трех штрихов прорезано от 4 до 12. Поэтому исследователи предположили, что наборы из трех или более штрихов на плоскости кости являются синонимами со значением «много». Но тут, как отмечают авторы, возникает уже несколько проблем: во-первых, с подсчетом «очков», если кость бросали неоднократно или же одновременно выбрасывали несколько костей, и, во-вторых, в случае, когда при игре очки не подсчитывались, а лишь упорядочивались по величине, то в эту цепочку не укладывался знак в виде косого креста. Поэтому, не зная «алгоритмов использования костей», исследователи сочли возможным считать «знаки просто “различающими” пиктограммами, которые не достигли статуса цифровых идеограмм… или таковой статус был забыт, если игры и их принадлежности были “заимствованы”» (*Стефанов и др.*, 2016. С. 249, 250).

Одна черта и две черты – это весьма простые знаки. То, что они могут представлять собой числа «1» и «2», у исследователей особого сомнения не вызывает. Если исходить из предположения, что знаки на срубно-андроновских игральных костях могли использоваться для счета, то эта трактовка знаков вполне убедительна. Кроме того, на всех урало-сибирских срубно-андроновских игровых костях присутствует косой крест (две перекрещенные диагональные линии), который, как первоначально предполагали исследователи, возможно, обозначал число «4». А с этим трудно согласиться.

Прежде чем перейти к интерпретации знака в виде косого креста на игральных костях срубно-андроновского мира, следует отметить, что андроновское (алакульское) население генетически связано с синташтинским, в формировании последнего, вероятно, принимали участие посткатакомбные группы населения (Происхождение и хронология…, 2010. С. 149–159). Участие посткатакомбных групп в сложении срубной культуры также признается многими исследователями. Поэтому будет уместным использовать результаты интерпретации знаков на катакомбных игральных костях (*Сотникова*, 2019).

По-видимому, не следует исключать возможного сохранения катакомбной традиции в отношении отдельных знаков. Для числа «3» у катакомбного населения было принято обозначение в виде косого креста (Там же. С. 146). Учитывая возможные генетические связи андроновского и срубного населения с катакомбным миром, можно предположить, что знак косого креста для обозначения числа «3» сохранялся и в более позднюю срубно-андроновскую эпоху.

Однако в этом случае следует признать, что срубно-андроновские знаки для чисел «1» и «2» катакомбных прототипов не имеют. И это неслучайно. Катакомбные кости, вероятно, применялись в ритуалах, где требовалось отождествление сакральных чисел с этапами космогенеза; и на катакомбных игральных костях пустая сторона означала «1». На стороне кости, связанной с числом «2», присутствовала одна риска по центру. Она была разделительным знаком, делившим плоскость на две части. Катакомбные знаки «1» и «2» служили для передачи образа мира, но числами не являлись (Там же. С. 148). В. Н. Топоров на основе анализа ряда культурных традиций, включая ведийскую, приходит к выводу, что в ряде традиций «1» и «2» не рассматриваются как числа, первым числом считается «3», которое и открывает числовой ряд (*Топоров*, 2004б. С. 234).

Представляется, что знаки «1» и «2» на игральных костях срубно-андроновского мира уже становятся числовыми обозначениями и вполне могли использоваться для счета в процессе игры. В пользу усиления игрового начала в эпоху поздней бронзы также свидетельствует тот факт, что срубно-андроновские игральные кости происходят в основном из слоя поселений, а катакомбные – из погребений. Если добавить к тому же хронологический приоритет катакомбной культуры, то отличие катакомбных знаков от срубно-андроновских вполне ожидаемо.

Учитывая катакомбные аналогии, следовало также ожидать, что на четвертой стороне кости должен быть знак, обозначающий «4». Однако катакомбные знаки, характерные для числа «4», на игральных костях срубно-андроновского населения урало-сибирского региона отсутствуют. Вместе с тем на четвертой стороне часто представлены четыре черты (7 экз.) (рис. 1: *1–4*; 2: *6–8*). Вероятно, в данном случае четыре черты обозначали именно число «4», по аналогии с обозначением чисел «1» и «2» у этого населения.

Сложнее найти объяснение тому факту, что на срубно-андроновских игральных костях урало-сибирского региона на четвертой стороне наносились не только 4 линии, но также от 3 до 12 и 13. Прежде чем ответить на этот вопрос, постараемся разобраться, какие представления соотносились с числом «4» в архаичном мировоззрении. С этой целью вполне правомерно привлечь аналогии из ведийских и более поздних индийских письменных источников.

Игра в кости была широко распространена в Древней Индии. В начале она носила ритуальный характер, свидетельством чему является сохранивший некоторые ее ритуальные черты «Гимн игрока» (Ригведа. X, 34), но постепенно стала светским развлечением (*Елизаренкова*, 1999. С. 441). Игральными костями служили коричневые овальные орехи дерева вибхидака. Т. Я. Елизаренкова отмечает, что техника игры заключалась в следующем. Игральные кости встряхивали и бросали на месте для игры (сначала в углубление в солончаковой почве, позднее – на специальную доску). Игрок выхватывал взятку из кучи костей. Если схваченное число костей делилось на 4 без остатка, то это был полный выигрыш (крита). Если оставалась одна лишняя кость, это был проигрыш (кали). Остаток в две (двапара) или три (трета) кости нигде точно не описан, но поражения он не означал (Там же. С. 441, 442). Таким образом, согласно ведийской традиции с числом «4» ассоциировался выигрыш.

В индуистской мифологии имеется учение о югах – обозначении мировых периодов. Древняя космографическая традиция насчитывает 4 юги. В смене юг закон (дхарма) постепенно теряет опору. Вначале он держится на 4 «стопах», затем на 3, на 2 и, наконец, на 1. Первый период – критаюга (также сатьяюга – «благой век»). Люди были наделены всевозможными достоинствами, не знали горя и болезней, жили долго. Царило всеобщее равенство, все поклонялись одному богу. Существовала одна Веда. Второй период – третаюга. Справедливость уменьшается на четверть. Появляются пороки. Но все соблюдают религиозные обязанности, получают распространение всевозможные жертвоприношения. Третий период – двапараюга. Справедливость уменьшается еще на четверть. В мире начинают преобладать зло и пороки. Единая Веда делится на 4 части, и уже не все способны постичь и исполнять ее. Людей поражают недуги. Четвертый период – калиюга. Добродетель приходит в полный упадок. Жизнь

людей становится короткой, она полна зла и грехов. В человеческих взаимоотношениях царят ложь, злоба, алчность. Веды – в полном пренебрежении. Продолжительность юг также находится в соотношении 4:3:2:1. В этой концепции названия юг заимствованы из игры в кости. Так назывались стороны игральной кости, соответственно содержащие метки 4, 3, 2 и 1 и считавшиеся все менее благоприятными (*Топоров*, 1994). Таким образом, в индуистской мифологии с числом «4» связаны наиболее благоприятные условия, в соответствии с тем, что в игре в кости число «4» обозначало «выигрыш».

В. Н. Топоров, опираясь на лингвистический материал, считает возможным реконструировать для индоевропейского языка архаичную стадию четверичного счета, так как прослеживается совпадение обозначения «четырех» и обозначения «некоей особо отмеченной субстанции “силы-обилия”». Влиятельность четверичного принципа была столь значительной, что в архаичном индоевропейском сознании и рука могла мыслиться как состоящая из четырех пальцев, так как большой палец обозначается иначе, чем остальные и, следовательно, как бы не относится к числу пальцев вообще. Пятеричный счет более поздний. В то же время он отмечает, что существует сфера, где число «4» может быть упразднено совсем, но не заменено иным (нежели «4») числовым выражением. Этой сферой являются мифопоэтические представления о космосе, человеке, как его части, изоморфной и соприродной ему (*Топоров*, 2004а. С. 301, 302).

Но если число «4» ассоциировалось с выигрышем в игре и благоприятным исходом при гадании, то почему на срубно-андроновских игральных костях на четвертой стороне наносились не только 4 линии, но также 5 и более (рис. 1: *5, 7–17*; 2: *9–12*)?

Одно из вероятных объяснений, возможно, заключается в том, что нанесение на четвертой стороне кости более четырех насечек, не связано с их подсчетом. Скорее всего, на четвертую сторону кости наносили как можно больше линий и к тому же стремились заполнить параллельными линиями всю плоскость грани, чтобы привлечь «удачу» в игре. Видимо, с этой целью на одних костях наносилось множество поперечных линий, на других – множество продольных. Вероятно, подобные приемы оформления четвертой грани должны были магически увеличить шанс на успех в игре или предсказании. Но независимо от количества дополнительных линий это было обозначением «выигрыша» или благоприятного исхода, связанного с числом «4».

Сложнее интерпретировать три параллельные линии на четвертой грани, которые присутствуют на игральных костях с поселений Липовая Курья, Язево I, Юкаликулево (рис. 2: *1, 3, 4*). Если принять во внимание, что число «3» устойчиво и на протяжении длительного времени изображалось в виде косого креста, тогда три параллельные линии, как бы это ни казалось логичным и предсказуемым, не могли служить для обозначения числа «3». Следует обратить внимание на то, что размеры игральных костей с поселений Липовая Курья и Юкаликулево достаточно малы, и три линии, по существу, занимают всю плоскость. На кости с поселения Язево I три черты нанесены с наклоном, вероятнее всего, это также связано со стремлением заполнить всю плоскость. Таким образом, сторона с тремя линиями, заполняющими всю поверхность одной из сторон кости, по-видимому, также обозначала «выигрыш», связанный с числом «4».

Можно предположить, что для обозначения «выигрыша», связанного с числом «4», первостепенную роль играла четырехсторонняя форма грани, которую стремились полностью заполнить параллельными линиями, а количество линий играло второстепенную роль. В идеале на ней должны были наноситься 4 черты, но нередко допускался отход от канона. Если размер грани позволял, то могли нанести большее количество линий, даже более десятка, если же грань была мала – то три линии. Такой отход от традиции был возможен потому, что число «4», как, вероятно, и «3», еще не утратило связи с обозначением образа мира. Знак «4» сохранял связь с горизонтальной моделью мира, четырьмя сторонами света, поэтому четырехсторонняя грань кости как нельзя лучше этому соответствовала. Знак «3» был связан с вертикальной моделью мира. Вертикаль мог передать только косой крест, имеющий центр, через который проходила ось мира, соединяющая все три уровня мироздания. Вероятно, далеко не случайно на костях диагонали косого креста иногда нанесены двойными линиями, так что при их пересечении отчетливо выделяется центр (рис. 1: *1, 2, 5, 7, 11, 12*). Знак в виде трех параллельных линий не имел смысла с точки зрения вертикального строения Вселенной из-за отсутствия центра и поэтому не мог обозначать «3».

По-видимому, знаки на срубно-андроновских игральных костях отражают переходное состояние: «1» и «2» утратили связь с образом мира, превратились в элементы числового ряда, а «3» и «4» сохранили определенную двойственность. С одной стороны, они выступают как числовые (количественные) обозначения, с другой – сохранили свои качественные характеристики, связь с образом мира. Вариабельность знаков для обозначения «4» наиболее ярко и отчетливо отражает эту двойственность (4 линии указывают на количественную характеристику, больше или меньше 4 – на качественную).

Такой переходный характер знаковой системы срубно-андроновских игральных костей может свидетельствовать о том, что их могли использовать как в игре, так и в ритуалах, связанных, например, с гаданием или предсказанием.

Для игральных костей срубного и андроновского населения урало-сибирского региона характерна, прежде всего, система в виде нарезных знаков. В западных районах срубной КИО существовала другая система нанесения знаков на плоскость игральной кости – в виде кружков с ямкой-точкой в центре. Следует принять во внимание, что у катакомбного населения параллельно существовали две системы обозначений на игральных костях – точками на плоскости и в виде фигурных нарезных знаков – и обе получили дальнейшее развитие в срубной культуре. На востоке срубного мира – в виде нарезных знаков, на западе – в виде кружков с ямкой-точкой в центре.

Однако находки игральных костей на западе срубного мира немногочисленны. Одна кость происходит со Степановского поселения. На ней присутствуют знаки в виде 1, 2, 3, 4 кружков с ямкой-точкой в центре (рис. 2: *5*). Вероятно, так обозначались числа «1», «2», «3», «4». Как близкая аналогия степановскому экземпляру исследователями упоминается игральная кость со срубного поселения Приморка II, где знаки также имеют вид кружков с ямкой-точкой в центре (*Стефанов и др*., 2016. С. 247), что, безусловно, имеет сходство с катакомбной традицией (Там же. С. 248, 249). Однако способ передачи числового ряда на степановской игральной кости имеет определенное сходство и с остальной

срубно-андроновской традицией, особенно для «1», «2» и отчасти для «4», где наносились знаки в виде 1, 2, 4 линий, только вместо резных линий нанесены точки. Исключение составляет число «3», которое на степановской кости имеет вид трех ямок, тогда как на костях с резными линиями оно представлено косым крестом. С катакомбной системой точек на плоскости обозначение «3» на степановской кости также имеет мало общего, так как у катакомбников знак, обозначающий «3», имел вид одной точки в центре грани. Это обозначало центр, через который проходила мировая ось, соединяющая три сферы мироздания (*Сотникова*, 2019. С. 146). С катакомбной традицией может быть связано только обозначение числа «4» – четырьмя точками на плоскости игральной кости. Однако не следует исключать и простого совпадения. В целом, знаки на степановской кости уже утратили связь с образом мира и более приспособлены для подсчета очков в игре.

Игральные кости срубно-андроновского мира: ритуал или игра?

Следует согласиться с мнением коллектива исследователей, что «по внешнему виду изделий невозможно определить их конкретное назначение: любая из рассмотренных костей могла служить как для предсказаний, гадания, жеребьевки, так и для игры – азартной, развлекательной, взрослой или детской…» (*Стефанов и др.*, 2016. С. 249). В то же время они считают, что в период поздней бронзы применение игральных костей в сакральной сфере не прекратилось (находки в Горном), но преобладающей становится игровая функция (Там же).

Исследователи поселения Горный 1 высказали предположение, что в жизни и повседневной работе каргалинских мастеров игральным костям могла быть отведена особая роль исключительно важного инструмента предсказаний, столь бесценного при тяжких и неверных поисках гнезд богатой медной руды (*Черных и др.*, 1999. С. 98).

Все находки игральных костей на поселении Горный 1 связаны с фазой В – временем постоянного проживания на поселении горняков и металлургов. С субфазой В-1, когда горные выработки эксплуатировались наиболее активно, связаны 3 кости. Одна происходит из жилого отсека с очагом-печью комплекса № 1. Причем этот очаг, по мнению исследователей, использовался не только для бытовых нужд, но и для более тонких, финальных операций, связанных с обработкой металла. Комплекс № 1 включал помимо жилого отсека плавильный двор с очагами, рудный двор и сакральную яму-штольню. Две игральные кости найдены в комплексе № 2 в пределах плавильного двора, причем одна из костей происходит из ямы № 95. Эта яма входила в комплекс сакральных и жертвенных ям, размещавшихся под полом котлована плавильного двора. Субфаза В-2 связана с кризисом на поселении Горный («время погорельцев»). К этому периоду относится одна кость, она найдена над руинами комплекса № 1 (плавильный двор с плавильным очагом) (*Черных и др.*, 2002. С. 72–76, 94–97, 101, 105, 111. Табл. 4.2).

Больше всего игральных костей (11 экз.) связано с субфазой В-3. Этот период рассматривается как финальный этап существования поселка, когда горняки

и металлурги вместе с семьями покидали его. Для этой субфазы характерен достаточно мощный и насыщенный культурными остатками слой, который, как считают исследователи, по всем характерным признакам являлся свалкой бытовых и производственных отходов. По мнению исследователей, обитатели Горного намеренно засыпали руины и котлованы прежних сооружений. Причем существенные признаки указывают на то, что этот мусор был как бы «возвращен» в прежние котлованы. Эти действия знаменовали собой сакральный акт прощания, некий совершенно необходимый магический ритуал (*Черных и др.*, 2002. С. 123, 124).

Распределение игральных костей субфазы В-3 это подтверждает. Восемь костей были «возвращены» в комплекс № 1 субфазы В-1: пять оказались в засыпи жилого отсека, три – в засыпи плавильного двора. Две кости были «возвращены» в комплекс № 2 субфазы В-1: они обнаружены в засыпи плавильного двора. Местонахождение еще одной кости неясно. Если принять точку зрения исследователей поселения Горный 1, что свалка была «возвращена» в прежние котлованы, то, вероятно, эти кости имели отношение к жилому отсеку и плавильному двору комплекса № 1 и плавильному двору комплекса № 2 субфазы В-1, когда горные выработки эксплуатировались наиболее активно. Таким образом, игральные кости локализуются вблизи или среди объектов, связанных с выплавкой меди из руды. Но все же их локализация не дает однозначного ответа на вопрос – игра это или ритуал?

С одной стороны, игра в кости была важной частью жизни горняков и металлургов поселения Горный 1, так как именно для игральных костей с этого поселения характерно особое внимание к оформлению четвертой грани. Именно с этого поселения происходит наибольшее количество игральных костей, где на четвертой грани нанесены более 4 линий, вплоть до 12 и 13, поперечных или продольных, для обозначения числа «4». Нельзя исключать и того, что это была азартная игра. Можно предположить, что каждый игрок наносил знаки на свои игральные кости самостоятельно, уделяя особое внимание грани, связанной с числом «4», чтобы магическим образом увеличить свои шансы на успех в игре. Здесь мы видим не только отход от канона, традиции, но и проявление индивидуального стремления к выигрышу.

С другой стороны, вряд ли игра была полностью десакрализована. С точки зрения древнего мифологического мышления «успех интерпретируется как сила, вливающаяся извне в деяния человека и делающая их результативными» (*Франкфорт и др.*, 2001. С. 260). Вполне возможно, что удачливые игроки могли рассматриваться как люди, пользующиеся особой благосклонностью со стороны высших сил, как умеющие своими действиями привлекать успех. Так как материалы поселения Горный 1 свидетельствуют о крайне насыщенной сакральной жизни горняков и металлургов, то не исключено, что в этой сфере статус удачливых игроков в кости был достаточно высок. В таком случае становится понятным стремление игроков увеличить свои шансы на успех путем нанесения на четвертую сторону кости не четырех линий, а гораздо больше, иначе говоря, магически воздействовать на результат игры.

Исследователи поселения Горный отмечали, что игральные кости могли применяться для гадания и предсказания при поисках руды. Но, возможно, кости как инструмент гадания, использовались гораздо шире.

В этом плане представляют интерес африканские этнографические материалы. Так, перед тем как приступить к добыче руды, в Занлеригу кузнецы гадали, благоприятствует ли время для такой работы. Для этого курицу с перерезанным горлом бросали на землю, и считалось добрым предзнаменованием, если она падала спиной вниз. Гадание повторялось и перед началом плавки, чтобы узнать, когда влияние враждебных сил будет наименее вредоносно (*Иорданский*, 1991. С. 48). В одних случаях гадали, как в Занлеригу, с помощью курицы, в других – используя раковины каури (Там же).

Вероятно, игральные кости с поселения Горный также могли применяться как инструмент гадания (благоприятно – неблагоприятно), к примеру, при плавке руды.

В связи с этим представляют интерес эксперименты, которые были проведены исследователями срубно-андроновских костей. Как оказалось, шансы на выпадение разных сторон изначально были неравными. В эксперименте с алакульской игральной костью с поселения Мирный II после 600 бросков на разные поверхности выяснилось, что чаще выпадают грани с двумя и пятью нарезками (28 % и 28,2 %), заметно реже – с косым крестом (20,6 %). Аналогичный эксперимент был проведен А. Н. Усачуком со срубной костью со Степановского поселения (3000 бросков). Эксперимент показал, что наименьшие шансы выпадения имела сторона с тремя метками (573 раза), а для сторон с двумя и четырьмя метками шансы были примерно равны (946 и 852 соответственно) (*Стефанов и др.*, 2016. С. 249). Вероятно, срубно-андроновские кости также могли использоваться металлургами как инструмент гадания. Благоприятным считалось выпадение стороны, связанной с четырьмя и более метками, неблагоприятной – с двумя.

Заключение

Таким образом, на срубно-андроновских игральных костях одна черта означала «1», две – «2», косой крест – «3», четыре черты – «4». Число «4» ассоциировалось с выигрышем в игре и благоприятным исходом в гаданиях и предсказаниях. Можно предположить, что для обозначения «выигрыша», связанного с числом «4», первостепенную роль играла четырехсторонняя форма грани кости, которую стремились полностью заполнить параллельными линиями, а количество линий – второстепенную. Если размер грани позволял, то могли нанести большее количество линий, даже более десятка, если же грань была мала – то три линии. Подобные приемы оформления четвертой грани должны были магически увеличить шанс на успех в игре или благоприятный исход гадания и предсказания. Такой отход от канона был возможен потому, что число «4», как, вероятно, и «3», еще не утратило связи с обозначением образа мира: «4» сохраняло связь с горизонтальной моделью мира, четырьмя сторонами света, «3» – с вертикальной моделью мира. Поэтому три параллельные линии не имели смысла с точки зрения вертикального строения Вселенной и не могли обозначать число «3». Вертикаль мог передать только косой крест, имеющий центр, через который проходила ось мира.

Вероятно, срубно-андроновские игральные кости отражают переходное состояние: «1» и «2» утратили связь с образом мира, превратились в элементы

числового ряда, «3» и «4» сохранили определенную двойственность. Такой переходный характер знаковой системы срубно-андроновских игральных костей может свидетельствовать о том, что в эпоху поздней бронзы игра уже начала приобретать профанный характер, но при этом сохраняла прочную связь с сакральной сферой и ритуалом.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е. Е., 1999. Костные остатки животных с поселения Горный (биологические и археологические аспекты исследования) // РА. № 1. С. 103–116.

Антипина Е. Е., 2004. Глава 7. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. Селище Горный. Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования / Ред.-сост. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 182–239.

Елизаренкова Т. Я., 1999. Примечания. Мандала X // Ригведа. Мандалы IX–X. М.: Наука. С. 412–550.

Иорданский В. Б., 1991. Звери, люди, боги. Очерки африканской мифологии. М.: Наука. 319 с.

Происхождение и хронология синташтинской культуры (материалы заседания круглого стола, г. Челябинск, сентябрь, 2005) // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г. Б. Здановича. Ч. 2 / Отв. ред. Д. Г. Зданович. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2010. С. 133–184.

Сотникова С. В., 2019. К вопросу об интерпретации знаков на игральных костях катакомбной культуры // КСИА. Вып. 255. С. 139–152.

Стефанов В. И., Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П., Коряков И. О., 2016. Эволюция древней игры в кости: источники позднего бронзового века // SP. № 2. С. 235–253.

Топоров В. Н., 1994. Юга // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 2. М.: Рос. энциклопедия. С. 676.

Топоров В. Н., 2004а. К семантике четверичности (анатолийское *MEU̯- и др.) // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры. С. 293–316.

Топоров В. Н., 2004б. О числовых моделях в архаичных текстах // *Топоров В. Н*. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры. С. 226–272.

Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т., 2001. В преддверии философии. СПб.: Амфора. 314 с.

Черных Е. Н, Кузьминых С. В., Лебедева Е. Ю., Агапов С. А., Луньков В. Ю., Орловская Л. Б., Тенейшвили Т. О., Вальков Д. В., 1999. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие) // РА. № 1. С. 77–102.

Черных Е. Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И. В., Лопес-Саец Х. А., Лопес-Гарсия П., Мартинес-Наваррете М. И., 2002. Каргалы. Т. II. Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: производственно-бытовые и сакральные сооружения: относительная и абсолютная хронология. М.: Языки славянской культуры. 184 с.

Сведения об авторе

Сотникова Светлана Владимировна, Центр археологических исследований, ул. Зверева, 29/1, Надым, 629730, Россия; e-mail: svetlanasotnik@mail.ru

S. V. Sotnikova

THE DICE OF THE SRUBNAYA-ANDRONOVO WORLD: THE ISSUE OF THE SYMBOL INTERPRETATION REVISITED

Abstract. The paper proposes and substantiates a new interpretation of symbols on the dice of the Srubnaya-Andronovo world. The author comes to the conclusion that a sidelong cross on the dice denoted number «3», four and more strokes represented number «4». Number «4» was associated with winning and positive outcome in fortune-telling and divination. To increase odds of success, more than four strokes were placed on the fourth facet; however, these stokes still denoted number «4». The fact that one stroke denoted «1» and two strokes represented «2», as has been earlier suggested by other researchers, does not cause any doubts. Apparently, symbols for «3» and «4» still maintained rather strong links with the image of the world (the vertical and horizontal model) whereas the game itself was linked to a sacral world and rituals.

Keywords: Late Bronze Age, Srubnaya culture, Andronovo culture, dice, interpretation of symbols.

REFERENCES

Antipina E. E., 1999. Kostnye ostatki zhivotnykh s poseleniya Gornyy (biologicheskie i arkheologicheskie aspekty issledovaniya) [Animal bone refuse from Gorny site (biological and archaeological aspects of study)]. *RA*, 1, pp. 103–116.

Antipina E. E., 2004. Glava 7. Arkheozoologicheskie materialy [Chapter 7. Archaeozoological materials]. *Kargaly [Kargaly], III. Selishche Gornyy. Arkheologicheskie materialy. Tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva. Arkheobiologicheskie issledovaniya [Settlement Gorny. Archaeological materials. Technology of mining and metallurgical production. Archaeobiological research]*. E. N. Chernykh, ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, pp. 182–239.

Chernykh E. N., Kuzminykh S. V., Lebedeva E. Yu., Agapov S. A., Lunkov V. Yu., Orlovskaya L. B., Teneyshvili T. O., Valkov D. V., 1999. Arkheologicheskie pamyatniki epokhi bronzy na Kargalakh (poselenie Gornyy i drugie) [Archaeological sites of Bronze Age in Kargaly (Gorny settlement and others)]. *RA*, 1, pp. 77–102.

Chernyh E. N., Lebedeva E. Yu., Zhurbin I. V., López-Sáez H. A., López-Garsia P., Martinez-Navarrete M. I., 2002. Kargaly. T. II. Gornyy – poselenie epokhi pozdney bronzy: Topografiya, litologiya, stratigrafiya: proizvodstvenno-bytovye i sakralnye sooruzheniya: otnositelnaya i absolyutnaya hronologiya [Kargaly, Vol. II. Gorny – the Late Bronze Age settlement: Topography, lithology, stratigraphy: Household, manufacturing and sacred structures: Relative and absolute chronology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. 184 p.

Elizarenkova T. Ya., 1999. Primechaniya. Mandala X [Notes. Mandala X]. *Rigveda. Mandaly IX–X [The Rig Veda. Mandalas IX–X]*. Moscow: Nauka, pp. 412–550.

Frankfort G., Frankfort G. A., Wilson J., Jakobsen T., 2001. V preddverii filosofii [On the eve of philosophy]. St. Petersburg: Amfora. 314 p.

Iordanskiy V. B., 1991. Zveri, lyudi, bogi. Ocherki afrikanskoy mifologii [Animals, people, gods. Essays on African mythology]. Moscow: Nauka. 319 p.

Proiskhozhdenie i khronologiya sintashtinskoy kultury (materialy zasedaniya kruglogo stola, g. Chelyabinsk, sentyabr', 2005) [Origin and chronology of Sintashta culture (materials of round table, Chelyabinsk, September, 2005)]. *Arkaim – Sintashta: drevnee nasledie Yuzhnogo Urala [Arkaim – Sintashta: ancient heritage of Southern Urals]*, 2. D. G. Zdanovich, ed. Chelyabinsk: Chelyabinskiy gos. universitet, 2010, pp. 133–184.

Sotnikova S. V., 2019. K voprosu ob interpretatsii znakov na igral'nykh kostyakh katakombnoy kultury [The issue of interpretation of signs on dice from Catacomb culture revisited]. *KSIA*, 255, pp. 139–152.

Stefanov V. I., Kuzminykh S. V., Chemyakin Yu. P., Koryakov I. O., 2016. Evolyutsiya drevney igry v kosti: istochniki pozdnego bronzovogo veka [Evolution of ancient dice game: sources from Late Bronze Age]. *SP*, 2, pp. 235–253.

Toporov V. N., 1994. Yuga [Juga]. *Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]*, 2. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya, p. 676.

Toporov V. N., 2004a. K semantike chetverichnosti (anatoliyskoe *MEU̯- i dr.) [On semantics of quaternity (Anatolian *MEU̯- et al.)]. *Toporov V. N. Issledovaniya po etimologii i semantike [Research on etymology and semantics], 1. Teoriya i nekotorye chastnye ee prilozheniya [Theory and some of its particular applications]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, pp. 293–316.

Toporov V. N., 2004b. O chislovykh modelyakh v arkhaichnykh tekstakh [On numerical models in archaic texts]. *Toporov V. N. Issledovaniya po etimologii i semantike [Research on etymology and semantics], 1. Teoriya i nekotorye chastnye ee prilozheniya [Theory and some of its particular applications]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, pp. 226–272.

About the author

Sotnikova Svetlana V., Archaeological Research Center, ul. Zvereva, 29/1, Nadym, 629730, Russian Federation; e-mail: svetlanasotnik@mail.ru

С. В. Кузьминых, А. С. Сыроватко

НАХОДКИ КЕЛЬТОВ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В НИЗОВЬЯХ МОСКВЫ-РЕКИ[1]

Резюме. В статье описаны случайные находки бронзовых кельтов, сделанные в разные годы в бассейне нижнего течения Москвы-реки. В настоящее время это самые северные пункты находки орудий с двумя ушками (петлями). Авторы относят предметы к поздней стадии поздняковской культуры, когда импульсы и влияния срубной культуры вытесняются «андроноидной» вуалью (луговская и сусканская культуры). По данным рентгенофлюоресцентного анализа оба кельта отлиты из оловянно-мышьяковой бронзы.

Ключевые слова: Поздний бронзовый век, Москва-река, рентгенофлюоресцентный анализ, поздняковская культура, срубная культура, культура текстильной керамики.

Предметом публикации являются две случайные находки, сделанные в разные годы и при разных обстоятельствах и, волею случая, попавшие в Коломенский краеведческий музей (ККМ)[2].

Кельт № 1 поступил в фонды музея еще до Великой Отечественной войны и долгое время находился в основной экспозиции. В книге поступлений указан только населенный пункт – д. Елино. Обстоятельства находки неизвестны. Эта деревня находится на левом берегу Москвы-реки, почти на границе с Воскресенским районом. Археологические памятники вокруг нее неизвестны. Напротив Елино, чуть выше по течению реки, расположено дьяковское городище Погост Красно (*Сыроватко*, 2009).

Кельт двуушковый (73 × 42 мм) – с овальным в сечении, слегка расширенным устьем втулки (рис. 1). Дуги ушек плавно переходят в укрепляющий втулку

[1] С. В. Кузьминых работал над статьей в рамках темы НИОКТР ИА РАН (№ 122011200264-9), А. С. Сыроватко – в рамках госзадания FMWS-2004-0005.

[2] Авторы выражают признательность директору музея-заповедника «Коломенский кремль» И. Ю. Саяпиной и главному хранителю Е. С. Антиповой за предоставленную возможность исследования обоих экземпляров.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.150-156

Рис. 1. Кельт № 1. Случайная находка у д. Елино. Фото и рисунок

валик-скос; левое ушко не сформировалось в результате дефекта литья. Конфигурация фаски вогнуто-линзовидная, сечение посередине овально-шестигранное, без дополнительных деталей и орнамента. Рабочая часть после отливки орудия была слегка раскована.

Соответствует орудиям конца позднего бронзового века Восточной Европы: группы С (А. М. Тальгрен); разрядов К–66 (Е. Н. Черных), К–76 (С. А. Агапов); группы V (красномаяцкая – В. С. Бочкарев); типа «Кардашинка» (В. И. Клочко) (*Tallgren*, 1916. P. 34–36; *Черных*, 1976. Табл. VIII: *9, 10*; *Агапов*, 1990. С. 71, 72; *Бочкарев*, 2017. Рис. 10: *19*; *Клочко*, 2017). Выделяются два основных ареала кельтов этого типа: Нижнее и Среднее Поднепровье и Волго-Камье (*Черных*, 1976. Рис. 38; *Агапов*, 1990. С. 71, 72; *Чижевский и др.*, 2021. С. 612). Отдельные находки выявлены в прилегающих регионах, в частности – в Житомирской и Сумской областях Украины (*Клочко*, 2017. Илл. 21; 22), в Донбассе (*Кузьминых*,

1993. С. 39), в Пензенской области (*Агапов*, 1990. С. 71, 72). Единичные находки обнаружены за Уралом – близ с. Бишкуль Северо-Казахстанской области Казахстана и с. Черкасы Брединского района Челябинской области (Там же). В Поднепровье основная масса орудий происходит из районов степи и лесостепи, в Волго-Камье – из лесостепи и южной кромки лесной зоны. Львиная доля кельтов – случайные находки.

Кельт № 2 был найден в Коломенском районе в результате незаконного приборного поиска. Оперативниками ФСБ он, как и прочие артефакты, был изъят у жителя Коломны О. А. Абрамова и решением комиссии Министерства культуры РФ передан в Коломенский музей. Сам находчик точного места находки не вспомнил – не смог или не захотел.

Орудие относится к тому же морфологическому типу, что и экземпляр из д. Елино (рис. 2). Его отличают большие размеры (85 × 36 мм), более узкий рабочий край, но главное – двусторонний орнаментальный поясок в виде косых линий под венчиком втулки. На венчике с одной стороны имеется литейный изъян, но не исключено, что он остался от слома литникового выступа.

Аналогичные кельты отмечены в упомянутых выше классификациях (*Tallgren*, 1916. Pl. XII; *Черных*, 1976. С. 86, 87 – разряд К–68; *Агапов*, 1990. С. 72 – разряд К–78). Основная масса этих орудий происходит из Поднепровья (*Черных*, 1976. Рис. 38; *Клочко*, 2017. Илл. 17; 18 – тип «Бачкурино»). В Волго-Камье их заметно меньше и в их орнаментации доминируют треугольники (*Агапов*, 1990. С. 72; *Чижевский и др.*, 2021. Рис. 6: *12, 21, 27*).

Оба кельта не являются редким типом орудий. Примечательно их местонахождение на юге Москворечья, близ окской лесостепи. В настоящее время – это самые северные и северо-западные находки данной категории предметов, которые расширяют ареал двуушковых кельтов в Восточной Европе и намечают некую промежуточную зону между бассейнами Днепра и Волги.

Определение культурной принадлежности этих орудий затруднено, но, учитывая общий восточноевропейский контекст их распространения (*Черных*, 1976. С. 86, 87; *Агапов*, 1990. С. 71, 72; *Бочкарев*, 2017. Рис. 10), есть основания связывать их в Поочье с поздним этапом поздняковской культуры, т. е. с временем, когда импульсы и влияния срубной культуры вытесняются «андроноидной» вуалью. Не исключена также их связь с носителями культуры текстильной керамики на ее раннем этапе, а также памятников малобудковского типа, в сложении которых отчетливо фиксируется окско-волжский («андроноидный») компонент (*Кузьминых*, 1996).

Бытование двуушковых кельтов из Москворечья приходится на время существования постсрубного блока культур – луговской, сусканской и ранней маклашеевской (атабаевского этапа) в Среднем Поволжье и Приуралье (*Лыганов*, 2021; *Чижевский и др.*, 2021), валиковой керамики в верховьях Дона (*Екимов*, 1993), сабатиновской (*Черниенко*, 2014) и ранней белозерской (*Ромашко*, 2013) на юге Восточной Европы.

Масштабные раскопки поздняковских поселений последних лет (Акузово 6 в Сергачском р-не Нижегородской области и др.) отчетливо выявили в них заметные керамические комплексы сусканской и луговской культур (*Марьенкина*, 2024). Отдельные районы окско-донской лесостепи остаются в сфере

Рис. 2. Кельт № 2. Случайная находка в Коломенском районе. Фото и рисунок

трансформации древностей срубной общности и формирования культуры валиковой керамики лесостепного Подонья. Материалы поселения Мельгуново 3 в Тульской области – керамика, металл и литейные формы – отчетливо демонстрируют переходные формы материальной культуры и дальнейшие направления ее развития (*Екимов*, 1993). Вероятно, именно культурно-исторические процессы, связанные с влияниями «андроноидных» культур Волго-Камья и общности культур валиковой керамики Подонья, обусловили попадание на Среднюю Оку орудий, представленных двуушковыми кельтами из Москворечья. Их бытование

приходится в целом на фазу ПБВ-3 Евразийской металлургической провинции или 16/15–13/12 вв. до н.э. (*Кузьминых, Дегтярева*, 2012. С. 224).

Этому не противоречат и результаты рентгенофлюоресцентного анализа состава металла обоих орудий, выполненного в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (табл. 1). Оба кельта отлиты из оловянно-мышьяковой бронзы. В ранних исследованиях Е. Н. Черных, С. А. Агапова и С. В. Кузьминых подобный металл отождествлялся с химико-металлургической группой ВК (волго-камская). Этот тип сплавов был характерен для очагов металлообработки большинства археологических культур, входивших в позднем бронзовом веке в Евразийскую металлургическую провинцию.

Таблица 1. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа химического состава металла кельтов из д. Елино (*1*) и Коломенского р-на (*2*)

	№ анализа	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni
1	50818	> 97,96	5,69	0,38	0,26	0,02	0,02	0,08	0,98	0,14	0,16
2	50819	85,12	6,34	0,13	–	0,04	0,03	0,01	0,5	< 0,05	0,03

ЛИТЕРАТУРА

Агапов С. А., 1990. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: дис. … канд. ист. наук. Т. 2 // Архив ИА РАН. 282 с.

Бочкарев В. С., 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // SP. № 2. С. 159–204.

Екимов Ю. Г., 1993. Поселение металлургов-литейщиков постсейминского времени на Верхнем Дону // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула. С. 24–27.

Клочко В. И., 2017. Древнейшие этапы развития металлургии на Украине (типохронология древних металлических изделий Украины) // *Клочко В. И., Козыменко А. В.* Древний металл Украины. Киев. 368 с.

Кузьминых С. В., 1993. Кельт [из Адамовки] // Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области / Сост.: А. В. Колесник и др. Донецк: Донецкий обл. краевед. музей. С. 39. (Археологический альманах; № 1.)

Кузьминых С. В., 1996. О некоторых дискуссионных проблемах изучения бондарихинской культуры // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): материалы Междунар. науч. конф. Ч. 2. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 99–102.

Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д., 2012. Поздний бронзовый век // Археология: учебник. 2-е изд, испр. и доп. М.: МГУ. С. 219–270.

Лыганов А. В., 2021. Андроноидные культуры Волго-Камья (луговская и сусканская культуры) // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век. Казань: АН Республики Татарстан. С. 522–547.

Марьенкина Т. А., 2024. Планиграфия и хронология поселения эпохи бронзы Акузово 6 // Археологические исследования: новые материалы и интерпретации: программа и аннотации докл. науч. конф. М.: ИА РАН. С. 34.

Ромашко В. А., 2013. Заключительный этап позднего бронзового века левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). Киев: КНТ. 592 с.

Сыроватко А. С., 2009. Юго-Восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: CheBuk. 351 с. (Материалы и исследования по археологии Коломны и Коломенского края.)

Черниенко Ю. А., 2014. Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы // SP. № 2. С. 15–112.

Черных Е. Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука. 301 с.

Чижевский А. А., Лыганов А. В., Кузьминых С. В., 2021. Маклашеевская культура // Археология Волго-Уралья: в 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век. Казань: АН Республики Татарстан. С. 601–637.

Tallgren A. M., 1916. Collection Zaoussaïlov au Muséehistorique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors. 47 p. + XVI pl.

Сведения об авторах

Кузьминых Сергей Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru;

Сыроватко Александр Сергеевич, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия; e-mail: sasha.syr@rambler.ru

S. V. Kuzminykh, A. S. Syrovatko

THE FINDS OF THE LATE BRONZE AGE CELTS IN THE LOWER REACHES OF THE MOSKVA-RIVER

Abstract. The paper describes chance finds of bronze celts discovered in the lower reaches of the Moskva-river over the years. Right now the places where such celts have been found in this area are the northernmost findspots of weapons with two loops. The authors refer the artifacts to the late stage of the Pozdnyakovo culture when the impact and influence of the Srubnaya (Timber-Grave) culture are replaced by the Andronovo-like 'veil' (Lugovoe and Suskan cultures). The data of the X-ray fluorescence analysis show that both celts were cast from arsenical bronze with addition of tin.

Keywords: Late Bronze Age, Moskva-river, X-ray fluorescence analysis, Pozdnyakovo culture, Srubnaya culture, Textile Ceramic culture.

REFERENCES

Agapov S. A., 1990. Metall stepnoy zony Evrazii v kontse bronzovogo veka: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk. T. 2 [Metal of steppe zone of Eurasia at the end of Bronze Age: PhD dissertation. Vol. 2]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished). 282 p.

Bochkarev V. S., 2017. Etapy razvitiya metalloproizvodstva epokhi pozdney bronzy na yuge Vostochnoy Evropy [Stages of development of metal production in Late Bronze Age in the South of Eastern Europe]. *SP*, 2, pp. 159–204.

Chernienko Yu. A., 2014. Sabatinovskaya kultura v sisteme drevnostey bronzovogo veka yuga Vostochnoy Evropy [Sabatinovka culture in system of Bronze Age antiquities of the South of Eastern Europe]. *SP*, 2, pp. 15–112.

Chernykh E. N., 1976. Drevnyaya metalloobrabotka na Yugo-Zapade SSSR [Ancient metalworking in South-West of the USSR]. Moscow: Nauka. 301 p.

Chizhevskiy A. A., Lyganov A. V., Kuzminykh S. V., 2021. Maklasheevskaya kultura [Maklasheevo culture]. *Arkheologiya Volgo-Uralya [Archaeology of Volga-Urals region], 2. Eneolit i bronzovyy vek [Eneolithic and Bronze Age]*. Kazan: AN Respubliki Tatarstan, pp. 601–637.

Ekimov Yu. G., 1993. Poselenie metallurgov-liteyshchikov postseyminskogo vremeni na Verkhnem Donu [Settlement of metallurgists and foundry workers of post-Seima period on Upper Don].

Problemy vzaimodeystviya naseleniya lesnoy i lesostepnoy zon Vostochno-Evropeyskogo regiona v epokhu bronzy i rannem zheleznom veke [Problems of interaction between population of forest and forest-steppe zones of East European region in Bronze Age and Early Iron Age]. Tula, pp. 24–27.

Klochko V. I., 2017. Drevneyshie etapy razvitiya metallurgii na Ukraine (tipokhronologiya drevnikh metallicheskikh izdeliy Ukrainy) [Earliest stages of development of metallurgy in Ukraine (types and chronology of Ukraine ancient metal products)]. *Klochko V. I., Kozymenko A. V. Drevniy metall Ukrainy [Earliest metal of Ukraine]*. Kiev. 368 p.

Kuzminykh S. V., 1993. Kelt [Celt]. *Katalog sluchaynykh nakhodok iz arkheologicheskikh sobraniy Donetskoy oblasti [Catalog of chance finds from archaeological collections in Donetsk region]*. A. V. Kolesnik, comp. Donetsk: Donetskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey, p. 39. (Arkheologicheskiy almanakh, 1.)

Kuzminykh S. V., 1996. O nekotorykh diskussionnykh problemakh izucheniya bondarikhinskoy kul'tury [On some debatable issues of studying Bondarikhinskaya culture]. *Severo-Vostochnoe Priazovye v sisteme evraziyskikh drevnostey (eneolit – bronzovyy vek) [Northeast Azov Sea region in system of Eurasian antiquities (Eneolithic – Bronze Age)]*, 2. Donetsk: Donetskiy gos. universitet, pp. 99–102.

Kuzminykh S. V., Degtyareva A. D., 2012. Pozdniy bronzovyy vek [Late Bronze Age]. *Arkheologiya: uchebnik [Archaeology: manual]*. 2nd edition. Moscow: MGU, pp. 219–270.

Lyganov A. V., 2021. Andronoidnye kultury Volgo-Kam'ya (lugovskaya i suskanskaya kul'tury) [Andronovo-type cultures of Volga – Kama region (Lugovskaya and Suskan cultures)]. *Arkheologiya Volgo-Ural'ya [Archaeology of Volga-Urals region], 2. Eneolit i bronzovyy vek [Eneolithic and Bronze Age]*. Kazan: AN Respubliki Tatarstan, pp. 522–547.

Maryenkina T. A., 2024. Planigrafiya i khronologiya poseleniya epokhi bronzy Akuzovo 6 [Planography and chronology of Bronze Age settlement Akuzovo 6]. *Arkheologicheskie issledovaniya: novye materialy i interpretatsii [Archaeological research: new materials and interpretations]*. Moscow: IA RAN, p. 34.

Romashko V. A., 2013. Zaklyuchitelnyy etap pozdnego bronzovogo veka Levoberezhnoy Ukrainy (po materialam boguslavsko-belozerskoy kultury) [Final stage of Late Bronze Age of Left-bank Ukraine (based on materials of Boguslavka-Belozerka culture)]. Kiev: KNT. 592 p.

Syrovatko A. S., 2009. Yugo-Vostochnoe Podmoskov'e v zheleznom veke: k kharakteristike lokalnykh variantov dyakovskoy kultury [Southeastern Moscow Region in Iron Age: a on characteristic of local variants of Dyakovo culture]. Moscow: CheBuk. 351 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Kolomny i Kolomenskogo kraya.)

About the authors

Kuzminykh Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation: e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru;

Syrovatko Alexander S., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: sasha.syr@rambler.ru

А. А. Кадиева[1], С. В. Демиденко[2]

ДВА НЕОРДИНАРНЫХ ВОИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ НА МОГИЛЬНИКЕ ЗАЮКОВО-3

Резюме. Статья посвящена двум воинским погребениям могильника Заюково-3 конца VI – первой половины V в. до н. э. Оба комплекса выделяются из общей массы захоронений скифской эпохи могильника Заюково-3 нестандартными характеристиками воинского убора и погребального обряда. Так, в состав инвентаря мужского погребения 82 входили меч и колчан с одиннадцатью стрелами, а под скелетом были прослежены следы циновки. Показательно отсутствие в этом погребении копья, которое обязательно клали воинам с кинжалами. Кроме того, впервые зафиксированы следы циновки. Погребение 105 с предметами вооружения выделяется не только в ряду захоронений могильника Заюково-3, но и среди всех комплексов скифской эпохи западной кобанской культуры. Палеогенетический анализ показал, что в могиле была захоронена женщина. Погребенная располагалась лицом вниз. Судя по наличию и расположению предметов вооружения (бутероль, портупейная цепь, наконечник копья), данный инвентарь непосредственно принадлежал захороненной женщине, а не являлся, например, погребальным даром.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Баксанское ущелье, могильник Заюково-3, скифское время, акинак, наконечники стрел.

Введение

На могильнике Заюково-3 на сегодняшний день изучено 30 погребений VI – первой половины V в. до н. э. В этих комплексах прослежен ряд устойчивых традиций погребального обряда: погребение в грунтовых ямах и каменных ящиках под закладами, скорченное положение погребенных, помещение в воинские захоронения пиршественных наборов. Прежде всего обращают на себя внимание

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00108).

[2] Работа выполнена в рамках плановой научной темы (№ НИОКТР 122011200269-4).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.157-175

могилы воинов: в скифскую эпоху представительным набором оружия был снабжен почти каждый погребенный на могильнике Заюково-3 мужчина. Однако два воинских захоронения выбиваются из общей картины погребального обряда могильника. Им посвящена предлагаемая вниманию читателя публикация.

Погребение 82. На первом уровне зачистки был выявлен каменный заклад, состоящий из рваных фрагментов известняка среднего размера. Скопление камней имеет форму неправильного четырехугольника, ориентировано по линии запад – восток. Размеры заклада: 1, 13 × 1, 06 м.

После снятия фрагментов известняка был расчищен костяк погребенного мужчины. Костяк уложен скорченно на левом боку головой на СЗ. Череп не сохранился. Между костей ног лежал железный меч-акинак с антенным навершием и почковидным перекрестием (рис. 1: *1*; 2: *1*). В 15 см к северо-востоку от него находилась бронзовая пронизка (рис. 1: *9*; 2: *2*). В сгибе правой ноги, перекрывающей меч, обнаружена бусина (рис. 2: *3*). Непосредственно над правой бедренной костью расположен фрагмент бронзовой цепочки (рис. 1: *10*; 2: *4*). У конца клинка меча найдено скопление наконечников стрел (рис. 1: *11*; 2: *5–13*; 3: *1, 2*).

Правая рука погребенного мужчины была согнута перед грудью и украшена двумя бронзовыми браслетами (рис. 1: *2, 3*; 3: *3, 4*), в пространстве между костями рук и грудной клеткой находился наконечник стрелы (рис. 1: *4*; 3: *5*). Около навершия меча обнаружена бронзовая спираль (рис. 1: *5*; 3: *6*). У перекрестия меча с северной стороны найдена бронзовая полусферическая бляшка (рис. 1: *6*; 3: *7*). Перед коленным сгибом правой ноги выявлена бронзовая ворворка (рис. 1: *7*; 3: *8*). В юго-западном углу погребения находился развал корчаги (рис. 1: *8*).

Под туловищем погребенного, от уровня груди до уровня тазовых костей, был зафиксирован слой циновки, сохранившийся в виде тонких переплетенных растительных волокон.

В 40 см к северо-востоку от локтевого сгиба правой руки погребенного был обнаружен раздавленный человеческий череп, принадлежащий женщине. Он располагался на линии, перпендикулярной линии ориентировки основного погребенного.

Наличие в погребении 82 предметов более ранней эпохи, о которых пойдет речь ниже, свидетельствует о том, что при его сооружении было разрушено более раннее захоронение – погребение 83[3], от которого сохранились отдельный череп, а также синяя стеклянная бусина (рис. 2: *3*), бронзовая спираль (рис. 1: *5*; 3: *6*), полусферическая бляшка (рис. 1: *6*; 3: *7*) и бронзовая пронизь (рис. 1: *7*; 3: *8*).

[3] Первоначально в ходе раскопок погребение 82 было интерпретировано нами как парное. Однако после анализа погребального инвентаря, приведшего к выводу о двух разновременных комплексах, было принято решение рассматривать данный материал как два отдельных захоронения. Несмотря на это, погребения рассматриваются вместе, поскольку материал захоронения 83 в плане неотделим от более позднего погребения 82.

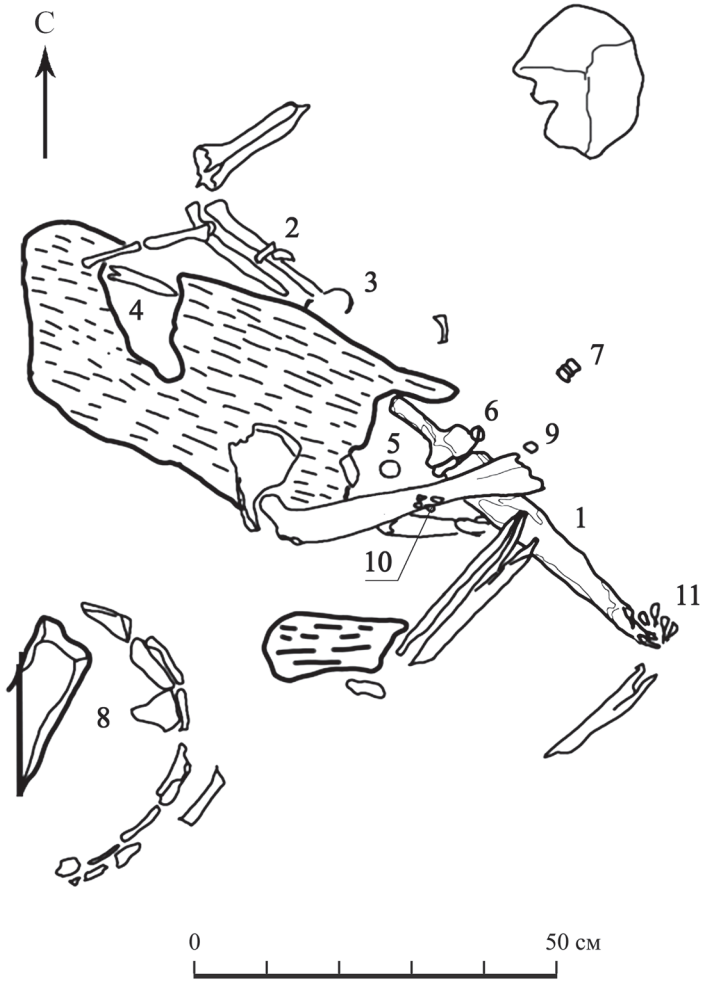

Рис. 1. Могильник Заюково-3. Погребение 82. План

1 – меч; *2, 3* – браслеты; *4* – наконечник стрелы; *5* – спираль; *6* – бляшка; *7* – пронизка; *8* – фрагменты корчаги; *9* – ворворка; *10* – фрагменты цепочки; *11* – наконечники стрел

В результате палеогенетического исследования, проведенного в НИЦ «Курчатовский институт», было установлено, что в погребении 82 был захоронен мужчина (Y-хромосома R-1b1a1b, мт-ДНК W5a). Отдельный человеческий череп, отнесенный нами к более раннему погребению 83, принадлежал женщине (мт-ДНК R6+16129, H1e+16129, D4a из-за двух вариабельных позиций) (*Коробов и др*., 2023. С. 56).

Погребение 105 было сооружено в грунтовой яме, имеющей неправильную форму, близкую к овалу, и ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Размеры ямы составляют 1, 38 × 1, 22 м, глубина – 0, 35 м.

Рис. 2. Могильник Заюково-3. Погребение 82

1 – меч; *2* – ворворка; *3* – бусина; *4* – фрагменты цепочки; *5–13* – наконечники стрел
1, 5–11, 13 – железо; *2, 4, 12* – бронза; *3* – стекло

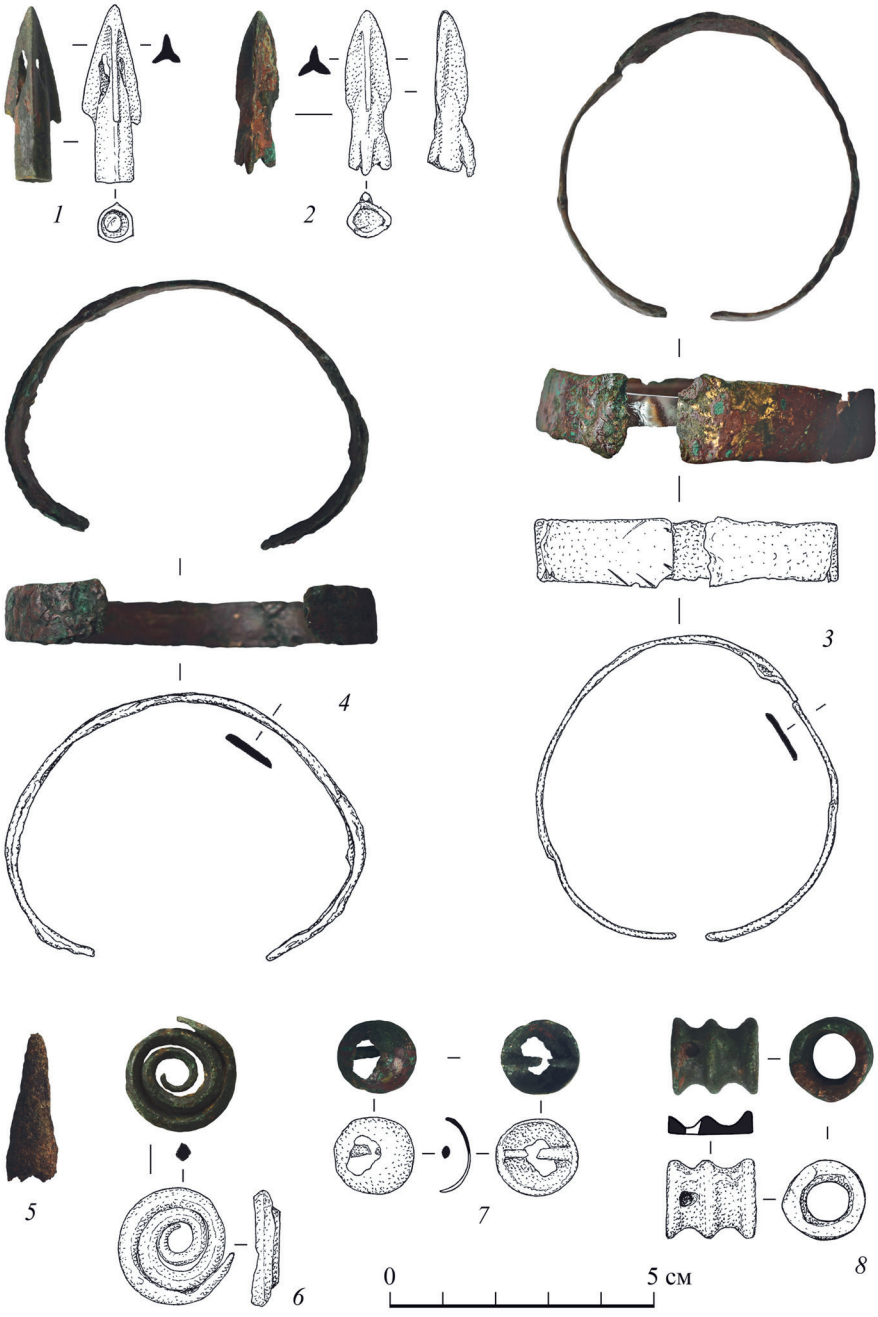

Рис. 3. Могильник Заюково-3. Погребение 82

1, 2, 5 – наконечники стрел; *3, 4* – браслеты; *6* – спираль; *7* – бляшка; *8* – ворворка

1–4, 6–8 – бронза; *5* – железо

С северо-западной и юго-восточной сторон ямы были расположены крупные каменные плиты, которые, возможно, являлись остатками перекрытия погребения 105.

В яме был обнаружен человеческий скелет (женский), расположенный скорченно на животе головой на северо-запад. Кости рук были согнуты в локтях и находились под туловищем. Кости ног были согнуты в коленях и подтянуты пятками к костям таза.

Через спину погребенной была перекинута бронзовая цепь (вероятно, остатки портупеи) (рис. 4: *1*; 5: *1*). На предплечье левой руки был надет бронзовый браслет (рис. 4: *2*; 5: *2*), второй браслет лежал рядом (рис. 4: *3*; 5: *3*). За спиной погребенной с северо-восточной стороны, практически вплотную к позвоночному столбу располагался наконечник копья (рис. 4: *4*; 6: *1*). У сгиба локтя левой руки погребенной была обнаружена железная бутероль (рис. 4: *6*; 5: *4*). Между локтем и бутеролью найден железный нож (рис. 4: *5*; 6: *2*), под которым находился железный трехлопастной втульчатый наконечник стрелы (рис. 5: *4*). Между шейных позвонков обнаружена стеклянная бусина (рис. 4: *6*; 5: *6*). В юго-восточной части погребения найден бронзовый пластинчатый перстень (рис. 4: *8*; 5: *7*).

В ходе палеогенетического исследования, проведенного в НИЦ «Курчатовский институт», было установлено, что погребение 105 принадлежит женщине (мт-ДНК I1) (*Коробов и др.*, 2023. С. 56).

Погребальный обряд

В обоих случаях захоронения были совершены в грунтовых ямах. В погребении 82 прослежен каменный заклад, в погребении 105 на краю ямы лежали известняковые плиты, возможно, служившие опорой перекрытия погребения.

Оба погребения ориентированы по линии северо-запад – юго-восток, в обоих случаях погребенные располагались головой на северо-запад. В погребении 82 умерший был уложен в скорченном положении на левом боку. В целом такая поза характерна для погребального обряда могильника Заюково-3 (*Кадиева, Демиденко*, 2022а. С. 429), где мужские погребения осуществлялись в скорченном положении как на правом, так и на левом боку. Погребение 82 выделяется из общего ряда воинских захоронений наличием циновки, а также элементами вооружения, которые будут рассмотрены ниже.

Поза погребенной в захоронении 105 нетипична ни для мужских, ни для женских комплексов могильника. Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело с явным отклонением от традиционного обряда погребения.

Воина, захороненного в погребении 82, сопровождал меч, единственный сохранившийся на сегодняшний день среди синхронных погребений некрополя (в погребении 72 были обнаружены только фрагменты меча). Показателен и тот факт, что в трех погребениях с кинжалами также были обнаружены и копья (Там же. С. 431). Возможно, в соответствии с воинской тактикой общества, оставившего могильник, обладателю длинноклинкового оружия (меча) копье не требовалось.

В погребении 105 были обнаружены копье, нож и один наконечник стрелы. Клинкового оружия, даже в виде фрагментов, встречено не было, однако

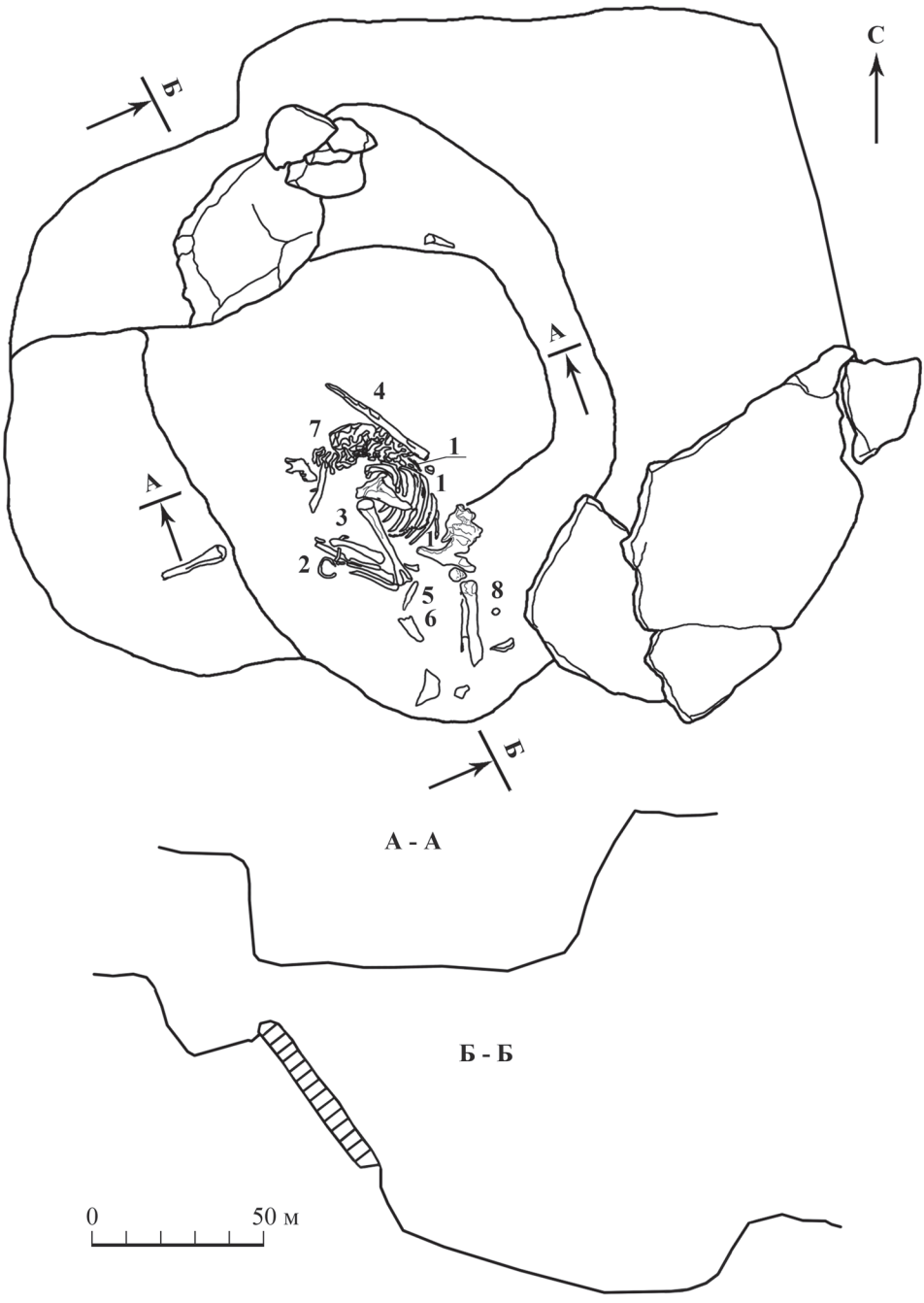

Рис. 4. Могильник Заюково-3. Погребение 105. План

1 – цепочка; *2, 3* – браслеты; *4* – копье; *5* – нож; *6* – бутероль; *7* – бусина; *8* – перстень

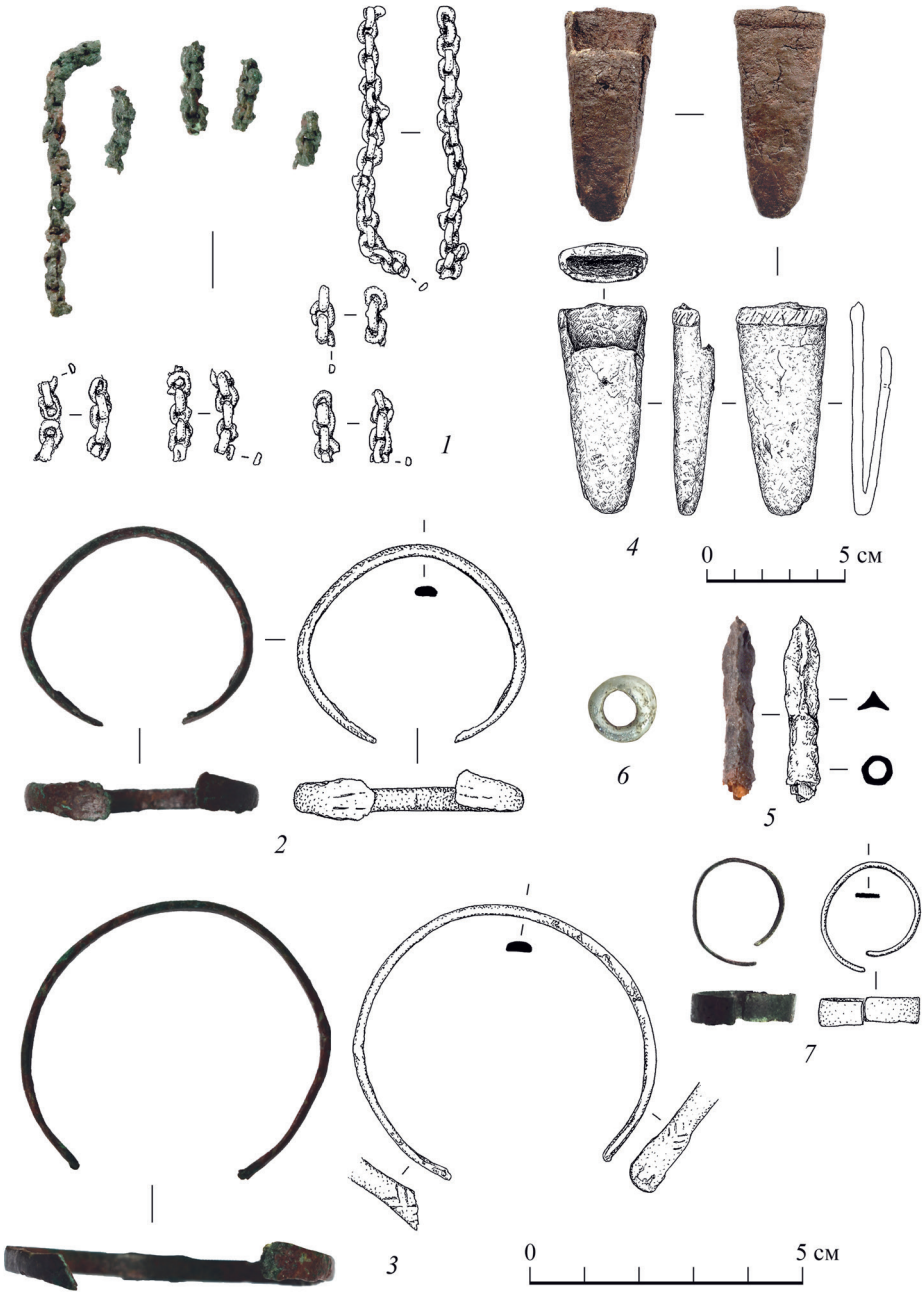

Рис. 5. Могильник Заюково-3. Погребение 105

1 – цепочка; *2, 3* – браслеты; *4* – бутероль; *5* – наконечник стрелы; *6* – бусина; *7* – перстень
1–3, 7 – бронза; *4, 5* – железо; *6* – стекло

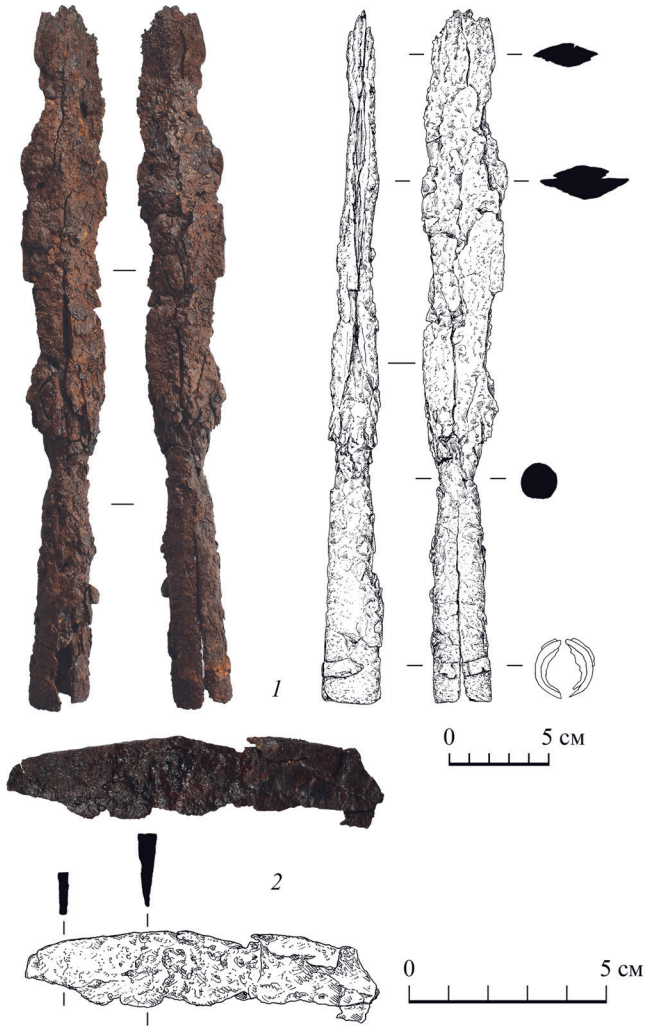

Рис. 6. Могильник Заюково-3. Погребение 105
1 – наконечник копья; *2* – нож. Железо

присутствовала железная бутероль. Судя по портупейной цепи, перекинутой через спину, ножны были надеты непосредственно на погребенную. Аналогичный комплект вооружения, отличающийся лишь наличием кинжала, был обнаружен в погребении 49 Заюково-3 (*Кадиева, Демиденко*, 2022а. С. 424). Единственный наконечник стрелы также встречен среди инвентаря погребения 72 этого же могильника (Там же).

По два экземпляра браслетов было найдено в обоих погребениях: в мужском – на правой руке, в женском – на левой, что соответствует традициям ношения браслетов у населения, оставившего могильник (Там же. С. 432).

В погребении 82 была обнаружена корчага[4]. В. Е. Маслов, М. А. Котин и Ю. В. Марченко, проведя сравнительный анализ захоронений с корчагами из могильников Верхний Куркужин и Новозаведенное II, пришли к выводу, что наличие корчаги среди погребального инвентаря могильников западной кобанской культуры свидетельствует о высоком статусе погребенного (*Маслов и др*., 2024. С. 65–94). Этому утверждению не противоречит и ситуация с корчагами на могильнике Заюково-3, где воинские погребения сопровождали пиршественные наборы, в том числе корчаги.

Предметы вооружения

В погребении 82 обнаружен меч с антенным навершием и почковидным перекрестием (рис. 2: *1*). Клинок меча сужается в нижней трети. Общая длина меча – 52 см, длина клинка – 37,5 см, максимальная ширина клинка – 4,3 см.

Меч близок предметам отдела II подотдела II типа 1, по А. И. Мелюковой (*Мелюкова*, 1964. С. 55), датированного автором типологии второй половиной VI – IV в. до н. э. Однако А. И. Мелюкова объединила в этот подотдел только мечи и кинжалы с бабочковидным перекрестием, в то время как перекрестие кинжала из погребения 49 Заюково-3 почковидное. Это сближает исследуемый элемент вооружения с мечами отдела II подотдела I типа 1, по А. И. Мелюковой (Там же. С. 53–54).

К. Ф. Смирнов, рассматривая вооружение савроматов, подобные мечи и кинжалы с территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья выделил в отдел II тип 1 и датировал концом VI – началом V в. до н. э. (*Смирнов*, 1961. С. 16–17).

А. С. Скрипкин, анализируя клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья, относит мечи и кинжалы с антенным навершием и почковидным перекрестием ко второй половине VI – первой половине V в. до н. э. (*Скрипкин*, 2007. С. 46).

Акинак с антенным навершием и почковидным перекрестием происходит из окрестностей небольшого водоема близ села Александровское Александровского района Ставропольского края. Авторы публикации датируют кинжал из Александровского первой половиной – серединой V в. до н. э. (*Канторович, Кравцова*, 2020. С. 140). Однако столь узкую датировку исследователи дают на основе зооморфного декора рукояти акинака из Александровского. Поэтому для мечей и кинжалов без звериных образов, возможно, вероятна более широкая дата, предложенная этими же авторами, – конец VI – V в. до н. э. (Там же. С. 138).

Кинжал вышеописанного типа был также обнаружен в погребении 49 могильника Заюково-3 (*Кадиева, Демиденко*, 2022а. С. 432). Однако от меча из погребения 82 помимо размеров этот предмет отличала двутавровая рукоять. Данный признак большинство исследователей считают характерным для более ранней хронологической группы скифских мечей и кинжалов (*Смирнов*, 1961. С. 16; *Скрипкин*, 2007. С. 50; *Дворниченко, Демиденко*, 2017. С. 196). Таким

[4] Находится в реставрации.

образом, меч из погребения 82 укладывается в целом в рамки конца VI – V в. до н. э., но, возможно, он более близок ко второй половине этого периода.

Железная бутероль из погребения 105 имеет подтреугольную форму. Оборотная сторона снабжена трапециевидным вырезом и круглым отверстием для крепления к деревянной основе ножен. На лицевой стороне устье бутероли подчеркнуто рельефным валиком, украшенным насечками. Размеры наконечника ножен: 7, 7 × 3, 1 см, ширина устья – 0, 85 см. Бутероль входит в группу 2, по А. И. Мелюковой (*Мелюкова*, 1964. С. 61), в группу 2, по В. Б. Виноградову (*Виноградов*, 1972. С. 113), и группу 2, по В. И. Козенковой (*Козенкова*, 1995. С. 65), которые объединяют ножны мечей скифской эпохи без расширения на конце.

Аналогичная бутероль найдена в погребении 49 могильника Заюково-3 (*Кадиева, Демиденко*, 2022а. С. 432–433).

Наконечник копья из погребения 105 (рис. 4: *4*) втульчатый, лавролистный, наибольшее расширение располагается в центре пера, ребра на пере нет. Перо расковано на два ската, в сечении ромбовидное, грань ромба переходит во втулку. Втулка коническая с сомкнутыми сторонами. У основания втулки располагается хомутик для укрепления древка. Сохранившаяся длина наконечника – 35,2 см, длина пера – 22, 8 см (кончик пера утрачен). Значительные утраты по краям пера позволяют лишь реконструировать максимальную ширину пера, которая составляет 4, 6 см. Внутренний диаметр втулки – 2, 4 см.

Наконечник относится к отделу I типу 3 варианта 1, по А. И. Мелюковой (*Мелюкова*, 1964. С. 38). Как отметила исследовательница, этот тип появился в VII–VI вв. до н. э., однако наибольшего распространения достиг в конце VI – V в. до н. э. (Там же).

У ног погребенной в захоронении 105 лежал железный нож с горбатой спинкой (рис. 6: *2*). Ножи с горбатой спинкой, треугольным сечением клинка, без заклепок на рукояти включены А. П. Мошинским в группу 1 тип 1 (*Мошинский*, 2006. С. 31). Исследователь отмечает широкую датировку подобных предметов в рамках скифского времени.

Бронзовые наконечники из погребения 82 делятся на два типа. Первый тип представлен втульчатыми трехлопастными наконечниками с заточенными под острым углом концами лопастей, образующими «шипы» (2 экземпляра) (рис. 2: *12*; 3: *1*). Они относятся к отделу II типу 3 варианту 4 по классификации А. И. Мелюковой (*Мелюкова*, 1964. С. 19), который датируется VI–V вв. до н. э.

Второй тип представлен одним экземпляром (рис. 3: *2*) с лавролистной в плане головкой и выступающей втулкой, снабженной шипом. Он относится к группе II типу 1 по классификации К. Ф. Смирнова (*Смирнов*, 1961. С. 44–45). Исследователь датирует такие наконечники VII–VI вв. до н. э., отмечая их использование в Поволжье и Скифии до начала V в. до н. э.

Железные наконечники стрел из обоих погребений можно разделить на три типа.

К первому типу относятся втульчатые трехлопастные наконечники стрел с остролистным контуром (рис. 2: *6–11*; 5: *5*). По классификации В. Р. Эрлиха они относятся к отделу III типу 1. По свидетельству автора, наконечники отдела III появляются на территории Прикубанья уже в конце VII – первой половине

VI в. до н. э. Наконечники с остролистным контуром типа 1 более характерны для комплексов VI–V вв. до н. э. (*Эрлих*, 2007. С. 348–349. Рис. 1: *13–16*).

Ко второму типу можно отнести пулевидные наконечники, обнаруженные в погребении 82 (рис. 2: *5*; 3: *5*). Пулевидные наконечники из бронзы и кости К. Ф. Смирнов объединил в отдел V тип 2 (*Смирнов*, 1961. С. 61). Исследователь отмечает бытование этих стрел, правда, в основном костяных, на территории Скифии до IV в. до н. э. Систематизацию и картографирование бронзовых пулевидных наконечников осуществил А. Д. Могилов. Исследователь обозначил крупную серию этих предметов на территории Северного Кавказа (*Могилов*, 2018. С. 13) и продатировал их основную массу VII–VI вв. до н. э. Бронзовые и железные пулевидные наконечники учтены и в своде В. И. Козенковой (*Козенкова*, 1995. С. 24). Три экземпляра железных наконечников стрел обнаружено в погребении 3 могильника Клин-Яр-2. Все они отнесены автором свода к VI–V вв. до н. э.

В Минералводском могильнике пулевидные наконечники стрел выявлены в погребениях 6 и 8 (*Березин, Прокопенко*, 2024. С. 23. Рис. 14; С. 25. Рис. 12).

Из материалов новейших раскопок железные пулевидные наконечники были обнаружены в погребении 2 раскопа I могильника Верхний Куркужин (*Марченко*, 2019. Рис. 2: *4–6*). Автор раскопок датирует это погребение началом IV – III в. до н. э. (Там же. С. 85).

Третий тип представлен одним экземпляром – железным черешковым треугольным асимметричным площиком (рис. 2: *13*). Он относится к местному типу наконечников стрел, характерному для восточной и центральной кобанской культуры позднего этапа. Аналогичные наконечники объединены А. П. Мошинским в группу 4 тип 1 (*Мошинский*, 2006. С. 22. Рис. 13: *15*). Исследователь датирует подобные наконечники из могильника Гастон Уота V – началом IV в. до н. э. В целом М. П. Абрамова обозначила нижнюю границу их бытования VI–V вв. до н. э. (*Абрамова*, 1974. С. 201).

Украшения

Бронзовые цепочки, судя по их расположению, в обоих погребениях играли роль портупеи для клинкового оружия (рис. 1: *10*; 2: *4*; 4: *1*; 5: *1*). Звенья цепочек согнуты из сегментовидных в сечении бронзовых пластин. Каждое звено овальной формы, размеры: 0,5–0,6 × 0,6–0,7 см. Из-за хрупкости и плохой сохранности судить об их длине не представляется возможным, но, как правило, количество звеньев довольно значительно. В погребении 105 цепочка была перекинута через спину погребенной.

Традиция использования цепочек в качестве украшений была заимствована северокавказскими горцами у народов Закавказья, где уборы с цепочками являлись характерным элементом моды VII–VI вв. до н. э., но традиция их ношения сохранялась до IV в. до н. э. (*Козенкова*, 2013. С. 56). Исследовательница, упоминая о распространении уборов с булавками и цепями в могильниках со значительным присутствием скифского компонента в погребальном инвентаре, подчеркивала, что на Северный Кавказ этот элемент был занесен не степняками, а представителями коренного населения, принимавшими участие в закавказских

походах скифов. Бронзовые цепочки были обнаружены в Султаногорском могильнике (*Членова*, 1984. Рис. 2: *17*), который был датирован автором раскопок VI в. до н. э. (ближе ко второй половине). Аналогичная цепочка обнаружена в погребении 4 раскопа II могильника Верхний Куркужин (*Марченко*, 2019. Рис. 7: *2*), который исследователь памятника отнесла к концу VII – VI в. до н. э.

В погребениях VII–V вв. до н. э. могильника Заюково-3 цепочки встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Женщины носили кованые бронзовые цепочки как часть сложного украшения (*Кадиева и др*., 2019. С. 82). Мужчины использовали цепи как элемент конской узды (*Кадиева, Демиденко*, 2024а. С. 158–159) или же детали убора мужчины-воина. Возможно, как и в погребении 105, цепочками заменяли портупейный ремень.

В непосредственной близости от меча в погребении 82 была обнаружена бронзовая ворворка (рис. 2: *2*). Связь ворворок с клинковым оружием выявил В. Б. Виноградов, определив роль этих предметов как украшение кистей ножен меча (*Виноградов*, 1972. С. 117).

Ворворка (рис. 2: *2*) имела воронковидную форму с прогнутыми сторонами и выраженным ребром и сохранилась довольно плохо. Ворворка близка типу VI по классификации В. И. Козенковой (*Козенкова*, 1982. С. 32. Рис. XXI: *21, 22*). Большинство таких изделий исследовательница относит к скифскому времени. Подобные предметы обнаружены на могильнике Гастон Уота (*Мошинский*, 2006. С. 29. Т. 16: *4*) и датированы А. П. Мошинским в рамках конца VI – начала IV в. до н. э. Воронковидная ворворка была встречена среди материалов погребения 7 могильника Уллу (*Белинский и др*., 2021. С. 102. Рис. 2: *14*). Здесь авторы публикации памятника связывают украшение с конской сбруей.

Браслеты были обнаружены в обоих публикуемых погребениях.

В погребении 82 два пластинчатых браслета были надеты на правую руку погребенного, в погребении 105 один браслет обнаружен на левой руке, второй лежал рядом. Браслеты из погребения 82 (рис. 3: *3, 4*) согнуты из гладкой бронзовой пластины с прямоугольными концами. Конец одного из этих браслетов (рис. 3: *3*) орнаментирован небольшими косыми насечками. Подобные браслеты, но с более богатой орнаментацией были обнаружены в погребении 142 (*Кадиева, Демиденко*, 2024а. С. 160) могильника Заюково-3. Этот комплекс датирован авторами раскопок в рамках первой половины V в. до н. э. Также пластинчатые браслеты с прямоугольными концами обнаружены в могильнике Уллу в Зольском районе Кабардино-Балкарской Республики (*Белинский и др*., 2021. Рис. 3: *23*; 4: *18*). Эти браслеты авторы раскопок датируют второй половиной VI в. до н. э. (Там же. С. 111) на основании аналогии из гробницы I могильника Каррас (*Самоквасов*, 1908. С. 124. № 1895; *Козенкова*, 1998. С. 47, 55. Табл. XVII: *14*). Однако нижней датой периода функционирования могильника Уллу исследователи называют конец VI в. до н. э. (*Белинский и др*., 2021. С. 113).

В погребении 105 были обнаружены браслеты из прямоугольного в сечении прута с расширяющимися концами, покрытыми нарезным орнаментом (рис. 5: *3, 4*). Аналогичные браслеты обнаружены в погребении 43 могильника Заюково-3 (*Кадиева и др*., 2019. Рис. 2: *1, 2*). Авторы публикации продатировали это погребение второй половиной VII – V в. до н. э. Однако новые находки таких

браслетов в хорошо датированных комплексах позволяют сузить датировку до конца VI – первой половины V в. до н. э. Близкие браслеты встречены также среди инвентаря мужских погребений 49 и 66 могильника Заюково-3, которые датированы авторами раскопок концом VI – первой половиной V в. до н. э. (*Кадиева, Демиденко*, 2022а. С. 437. Рис. 1: *7*; 3: *4*).

Пластинчатый перстень без орнамента (рис. 5: *7*) обнаружен у ноги женщины, захороненной в погребении 105. Аналогичный перстень, свернутый из бронзовой пластины, покрытой гравированным орнаментом, обнаружен близ погребения 2 могильника Уллу (*Белинский и др*., 2021. Рис. 4: *7*). Этот памятник авторы раскопок суммарно датируют концом VI – серединой V в. до н. э., однако указывают, что большая часть датирующего материала этого памятника укладывается в рамки первой половины – середины V в. до н. э. (Там же. С. 113).

Бронзовая спираль (рис. 3: *6*) напоминает головку булавки типа XII, по В. И. Козенковой. Булавки этого типа исследовательница считает характерным элементом памятников рек Баксана и Малки (*Козенкова*, 1998. С. 67. Т. XXII: *11*), определяя их датировку в рамках начала I тыс. до н. э. В полевой документации данный предмет также рассматривается как навершие булавки. Однако в погребении 277 могильника Заюково-3 также была обнаружена аналогичная спираль, скрученная из бронзовой проволоки (*Кадиева, Демиденко*, 2024б. С. 50. Рис. 10: *1*). Таким образом, возможно, обе спирали представляли собой не фрагмент булавки, а самостоятельное женское украшение второй половины VIII – первой половины VII в. до н. э.

Полусферическая бляшка с прямой скрытой перемычкой на обороте (рис. 3: *7*) является типичным украшением классического этапа кобанской культурно-исторической области и не переходит в поздний этап, связанный с влиянием скифов и начинающийся со второй половины VII в. до н. э. Поверхность бляшки и перемычка стерты от длительного использования. Подобные бляшки относятся к типу II варианту 1, по В. И. Козенковой (*Козенкова*, 1998. Табл. X: *4*). А. Б. Белинский и С. Л. Дударев относят распространение таких бляшек в западной кобанской культуре к VIII–VII вв. до н. э. (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 363). По классификации А. А. Кадиевой и С. В. Демиденко полусферические бляшки с прямой скрытой перемычкой на обороте относятся к типу Ia1a1 (*Кадиева, Демиденко*, 2022б. С. 18–19), являются элементом женского костюма предскифской эпохи и могли служить как нашивным украшением, так и застежкой-фиксатором.

Бронзовая пронизь (рис. 3: *8*) имеет цилиндрическое тулово с тремя валиками. Аналогичная пронизь происходит из костного скопления 15 гробницы 2 могильника Терезе (*Козенкова*, 2004. Рис. 37: *8*). Еще одна пронизь близкой формы находилась в составе ожерелья из погребения 277 могильника Заюково-3 (*Кадиева, Демиденко*, 2024а. С. 47. Рис. 6: *4*), которое А. А. Кадиева и С. В. Демиденко датируют концом VIII – первой половиной VII в. до н. э. (*Кадиева, Демиденко*, 2024б. С. 50).

Бусы представлены двумя экземплярами.

Первая бусина из прозрачного синего стекла, сплющенная с боков, первоначально была отнесена к погребению 82 (рис. 2: *3*). Аналогичные бусы зеленого стекла найдены Б. Б. Пиотровским в помещении 2 крепости Кармир-Блур

(*Пиотровский*, 2011. С. 617: *879*; 618: *889*). Помещение датировано автором раскопок VIII–VII вв. до н. э. Также три прозрачные бусины зеленого стекла имеются в материалах погребения 79 могильника Заюково-3 (*Кадиева и др.*, 2024. С. 140. Рис. 3: *1*). Этот комплекс датирован авторами первой половиной VII в. до н. э. Датировка бусины временем, минимум на столетие предшествующим погребению 82, позволяет отнести ее к женскому погребению 83.

Вторая бусина была обнаружена в погребении 105 (рис. 5: *6*). Бусина непрозрачного белого стекла изготовлена из тянутой палочки. Бусина относится к разделу 1, подразделу 1, типу 1, подтипу 1 по классификации бус позднекобанского могильника Гастон Уота (*Мошинский*, 2006. С. 52. Рис. 29: *1, 2*), которые автор типологии датировал концом VI – началом IV в. до н. э.

Таким образом, погребения 82 и 105 укладываются в рамки конца VI – первой половины V в. до н. э. Погребение 83, практически полностью уничтоженное более поздним погребением 82, по остаткам погребального инвентаря можно отнести к концу VIII – середине VII в. до н. э., вероятно, ближе ко второй половине указанного периода.

Если отличия погребения 82 от общей картины погребального обряда некрополя незначительны, то погребение 105 представляет собой совершенно исключительное явление. Женские погребения с оружием традиционно привлекают внимание исследователей. Определение пола произведено путем генетического анализа, потому вероятность ошибки несоизмеримо мала. Размещение ножен на портупейной цепи, надетой через плечо погребенной, говорит о том, что ножны меча или кинжала были надеты непосредственно на тело женщины. Поэтому более вероятно, что ножны и копье были собственным инвентарем погребенной, а не погребальным даром или предметом для обрядовой передачи другому умершему. Небогатый инвентарь говорит о сравнительно невысоком статусе этой женщины. В то же время необходимо отметить, что захоронение было совершено в непосредственной близости от участка мужских элитных воинских погребений.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1974. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. № 2. С. 195–212.

Белинский А. Б., Дударев С. Л., 2015. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б. 446 с.: ил.

Белинский А. Б., Канторович А. Р., Маслов В. Е, Райнхольд С., 2021. Раскопки горного могильника Уллу // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа / Отв. ред.: А. А. Малышев, А. Ю. Скаков. М.: МАКС Пресс. С. 97–116.

Березин Я. Б., Прокопенко Ю. А., 2024. Минераловодский могильник VI–V вв. до н. э. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказский федерал. ун-т. 136 с.: ил.

Виноградов В. Б., 1972. Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во. 389 с.

Дворниченко В. В., Демиденко С. В., 2017. Погребения савроматского времени из курганной группы Кривая Лука XI // КСИА. Вып. 249. Ч. I. С. 187–201.

Кадиева А. А., Вальчак С. Б. Демиденко С. В., 2024. Погребение с бронзовыми пластинами финала предскифской эпохи из могильника Заюково-3 // КСИА. Вып. 274. С. 132–146.

Кадиева А. А., Демиденко С. В., 2022а. Воинские погребения скифской эпохи могильника Заюково-3 // SP. № 3. С. 423–440.

Кадиева А. А., Демиденко С. В., 2022б. Классификация бляшек предскифской эпохи могильника Заюково-3 // Кавказология. № 4. С. 16–32.

Кадиева А. А., Демиденко С. В., 2024а. Всаднические погребения скифского времени на могильнике Заюково-3 // SP. № 3. С. 145–164.

Кадиева А. А., Демиденко С. В., 2024б. К вопросу о связях населения Баксанского ущелья финала предскифской эпохи // Открытия и успехи кавказской археологии. М.; Нальчик: ИА РАН, 140 с.: ил. С. 42–64.

Кадиева А. А., Маслов В. Е., Биркина Н. А., Демиденко С. В., 2019. Погребение конца VII – V в. до н. э. из могильника Заюково-3 // Scythia et Sarmatia: сб. ст. / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС-Пресс. С. 79–88.

Канторович А. Р., Кравцова С. Л., 2020. Акинак из села Александровское Ставропольского края // Археологическое наследие. Воронеж. № 1 (3). С. 135–144.

Козенкова В. И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: ИА РАН. 177 с. (САИ; вып. В2-5.)

Козенкова В. И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ИА РАН. 166 с. (САИ; вып. В2-5.)

Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; вып. В2-5.)

Козенкова В. И., 2013. Кобанская культура и окружающий мир. М.: Таус. 252 с.

Козенкова В. И., 2004. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н. э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. М.: Памятники исторической мысли. 220 с.

Коробов Д. С., Булыгина Е. С., Слободова Е. С., Шарко Ф. С., Недолужко А. В., 2023. Генетическое разнообразие жителей Центрального Предкавказья в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. по данным митохондриальной ДНК // РА. № 1. С. 53–69.

Марченко Ю. В., 2019. Работа Северо-Кавказской археологической экспедиции на могильнике Верхний Куркужин в 2016 г. // АСГЭ. Вып. 42. СПб. С. 73–85.

Маслов В. Е., Котин М. А., Марченко Ю. В., 2024. Корчага и ее место в погребениях могильников Верхний Куркужин и Новозаведенное-II: опыт сравнительного анализа // Открытия и успехи кавказской археологии. М.; Нальчик: ИА РАН, 140 с.: ил. С. 65–94.

Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. М.: ИА РАН. 91 с., 23 отд. л. табл. (САИ; вып. Д1-4.)

Могилов О. Д., 2018. Скіфські кулеподібні бронзові наконечники стріл // Археологія. № 2. С. 12–21.

Мошинский А. П., 2006. Древности Горной Дигории VII–IV вв. до н. э. М.: ГИМ. 208 с. (Тр. ГИМ; вып. 154.)

Пиотровский Б. Б., 2011. История и культура Урарту. СПб.: Филолог. фак. СПбГУ: Искусство России. 656 с.

Самоквасов Д. Я., 1908. Могилы русской земли. М.: Синод. тип. 275 с., атлас.

Скрипкин А. С., 2007. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н. э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред.: Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров. Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та. С. 38–50.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР. 163 с. (МИА; № 101.)

Членова Н. Л., 1984. Могильник VI в. до н. э. Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука. С. 235–241.

Эрлих В. Р., 2007. Железные наконечники стрел из Прикубанья: проблемы типологии и технологии // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой (Материалы и исследования по археологии России. 8). М.: ИА РАН. С. 344–356.

Сведения об авторах

Кадиева Анна Анатольевна, Государственный исторический музей, Красная пл., 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: adelgeida85@mail.ru;

Демиденко Сергей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: svdemidenko@hotmail.com

A. A. Kadieva, S. V. Demidenko

TWO UNUSUAL WARRIOR GRAVES FROM THE SCYTHIAN PERIOD AT THE ZAYUKOVO-3 CEMETERY

Abstract. The paper reports on two warrior graves at the Zayukovo-3 cemetery dating to the end of the 6th – first half of the 5th centuries BC. Both funerary assemblages are differentiated from all other Scythian period graves at Zayukovo-3 because of their unusual characteristics of warrior gear and the funeral rite. For example, the funerary offerings in male grave 82 included a sword and a quiver with eleven arrows, with traces of a mat recorded under the skeleton. It is significant that there is no spear in the grave, though spears were to be placed in warrior graves together with daggers. Traces of a mat were documented for the first time. Grave 105 containing weaponry stands out not only from other graves at Zayukovo-3, but also from all other funerary assemblages of the Scythian period attributed to the western Koban culture. The paleogenetic analysis shows that a woman was buried in this grave. The woman was buried face down. Judging by the presence and location of weaponry (a scabbard-end, a sword chain and a spearhead), the weapons belonged to the buried woman and were not placed into the grave as funerary offerings.

Keywords: North Caucasus, Baksan Gorge, Zayukovo-3 cemetery, Scythian period, acinac, spearheads.

REFERENCES

Abramova M. P., 1974. Pogrebeniya skifskogo vremeni Tsentralnogo Predkavkaz'ya [Burials of Scythian time of Central Fore-Caucasus]. *SA*, 2, pp. 195–212.

Belinskiy A. B., Dudarev S. L., 2015. Mogilnik Klin-Yar III i ego mesto sredi drevnostey Kavkaza i Yugo-Vostochnoy Evropy nachala epokhi rannego zheleza [Klin-Yar III cemetery and its place among antiquities of Caucasus and Southeastern Europe at the beginning of Early Iron Age]. Stavropol: Dizayn-studiya B. 446 p.: ill.

Belinskiy A. B., Kantorovich A. R., Maslov V. E., Reinhold S., 2021. Raskopki gornogo mogilnika Ullu [Excavations of mountain cemetery Ullu]. *Kobanskaya kulturno-istoricheskaya obshchnost' v kontekste drevnostey Kavkaza [Koban cultural and historical community in context of Caucasus antiquities]*. A. A. Malyshev, A. Yu. Skakov, eds. Moscow: MAKS Press, pp. 97–116.

Berezin Ya. B, Prokopenko Yu. A., 2024. Mineralovodskiy mogilnik VI–V vv. do n. e. [Mineralovodsky cemetery of VI–V cc. BC]. Stavropol: Severo-Kavkazskiy federalnyy universitet. 136 p.: ill.

Chlenova N. L., 1984. Mogilnik VI v. do n. e. Sultan-gora III pod Kislovodskom [Cemetery of VI c. BC Sultan-gora III near Kislovodsk]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya [Antiquities of Eurasia in Scythian-Sarmatian period]*. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. G. Petrenko, eds. Moscow: Nauka, pp. 235–241.

Dvornichenko V. V., Demidenko S. V., 2017. Pogrebeniya savromatskogo vremeni iz kurgannoy gruppy Krivaya Luka XI [Burials of Sauromatian time from Krivaya Luka XI kurgan group]. *KSIA*, iss. 249, part I, pp. 187–201.

Erlikh V. R., 2007. Zheleznye nakonechniki strel iz Prikubanya: problemy tipologii i tekhnologii [Iron arrow-heads from Kuban region: issues of typology and technology]. Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke. *Sbornik pamyati M. P. Abramovoy [North Caucasus and nomadic world in Early Iron Age. Collection in memory of M. P. Abramova]*. Moscow: IA RAN, pp. 344–356. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii. 8).

Kadieva A. A., Demidenko S. V., 2022a. Voinskie pogrebeniya skifskoy epokhi mogilnika Zayukovo-3 [Military burials of Scythian period in Zayukovo-3 cemetery]. *SP*, 3, pp. 423–440.

Kadieva A. A., Demidenko S. V., 2022,. Klassifikatsiya blyashek predskifskoy epokhi mogilnika Zayukovo-3 [Classification of plaques of pre-Scythian epoch from Zayukovo-3 cemetery]. *Kavkazologiya [Caucasus studies]*, 4, pp. 16–32.

Kadieva A. A., Demidenko S. V., 2024a. Vsadnicheskie pogrebeniya skifskogo vremeni na mogilnike Zayukovo-3 [Riders' burials of Scythian period at Zayukovo-3 cemetery]. *SP*, 3, pp. 145–164.

Kadieva A. A., Demidenko S. V., 2024b. K voprosu o svyazyakh naseleniya Baksanskogo ushchel'ya finala predskifskoy epokhi [On the relations of population of Baksan gorge at the end of Pre-Scythian era]. *Otkrytiya i uspekhi kavkazskoy arkheologii [Discoveries and successes of Caucasian archaeology]*. Moscow; Nalchik: IA RAN, pp. 42–64.

Kadieva A. A., Maslov V. E., Birkina N. A., Demidenko S. V., 2019. Pogrebenie kontsa VII – V v. do n. e. iz mogilnika Zayukovo-3 [Burial of late VII – V c. BC from Zayukovo-3 cemetery]. *Scythia et Sarmatia*. A. A. Malyshev, ed. Moscow: MAKS-Press, pp. 79–88.

Kadieva A. A., Valchak S. B., Demidenko S. V., 2024. Pogrebenie s bronzovymi plastinami finala predskifskoy epokhi iz mogilnika Zayukovo-3 [Burial with bronze plates of late pre-Scythian period from cemetery Zayukovo-3]. KSIA, 274, pp. 132–146.

Kantorovich A. R., Kravtsova S. L., 2020. Akinak iz sela Aleksandrovskoe Stavropolskogo kraya [Acinac from village Alexandrovskoye, Stavropol Krai]. *Arkheologicheskoe nasledie [Archaeological heritage]*, 1 (3). Voronezh, pp. 135–144.

Korobov D. S., Bulygina E. S., Slobodova E. S., Sharko F. S., Nedoluzhko A. V., 2023. Geneticheskoe raznoobrazie zhiteley Tsentralnogo Predkavkazya v I tys. do n. e. – I tys. n. e. po dannym mitokhondrialnoy DNK [Genetic diversity of the Central Caucasian region population in the 1st millennium BC – 1st millennium AD based on mitochondrial DNA]. *RA*, 1, pp. 53–69.

Kozenkova V. I., 1982. Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoy kultury. Vostochnyy variant [Typology and chronological classification of Koban cultural objects. Eastern variant]. Moscow: IA RAN. 177 p. (SAI.)

Kozenkova V. I., 1995. Oruzhie, voinskoe i konskoe snaryazhenie plemen kobanskoy kultury (sistematizatsiya i khronologiya). Zapadnyy variant [Weapons, military and horse equipment of Kobani culture tribes (systematization and chronology). Western variant]. Moscow: IA RAN. 166 p. (SAI.)

Kozenkova V. I., 1998. Materialnaya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyy variant [Material basis of life of Koban tribes. Western variant]. Moscow: IA RAN. 200 p. (SAI.)

Kozenkova V. I., 2013. Kobanskaya kultura i okruzhayushchiy mir [Koban culture and surrounding world]. Moscow: Taus. 252 p.

Kozenkova V. I., 2004. Biritualizm v pogrebalnom obryade drevnikh «kobantsev». Mogilnik Tereze kontsa XII–VIII v. do n. e. [Biritualism in burial rite of ancient «Koban people». Tereze cemetery of XII–VIII c. BC]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza [Materials on study of historical-cultural heritage of North Caucasus]*, V. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 220 p.

Maslov V. E., Kotin M. A., Marchenko Yu. V., 2024. Korchaga i ee mesto v pogrebeniyakh mogilnikov Verkhniy Kurkuzhin i Novozavedennoe-II: opyt sravnitelnogo analiza [Korchaga-pot and its place in burials of Verkhniy Kurkuzhin and Novozavedennoe-II cemeteries: experience of comparative analysis]. *Otkrytiya i uspekhi kavkazskoy arkheologii [Discoveries and successes of Caucasian archaeology]*. Moscow; Nalchik: IA RAN, pp. 65–94.

Marchenko Yu. V., 2019. Rabota Severo-Kavkazskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na mogilnike Verkhniy Kurkuzhin v 2016 g. [Work of North Caucasian archaeological expedition at Verkhniy Kurkuzhin cemetery in 2016]. *ASGE*, 42. St. Petersburg, pp. 73–85.

Maslov V. E., Kotin M. A., Marchenko Yu. V., 2024. Korchaga i ee mesto v pogrebeniyakh mogilnikov Verkhniy Kurkuzhin i Novozavedennoe-II: opyt sravnitelnogo analiza [Korchaga-pot and its place

in burials of Verkhniy Kurkuzhin and Novozavedennoe-II cemeteries: experience of comparative analysis]. *Otkrytiya i uspekhi kavkazskoy arkheologii [Discoveries and successes of Caucasian archaeology]*. Moscow; Nalchik: IA RAN, pp. 65–94.

Melyukova A. I., 1964. Vooruzhenie skifov [Armament of Scythians]. Moscow: IA RAN. 91 p., 23 pl. (SAI.)

Mogilov O. D., 2018. Skifs'ki kulepodibni bronzovi nakonechniki stril [Scythian bullet-like bronze arrowheads]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 2, pp. 12–21.

Moshinskiy A. P., 2006. Drevnosti Gornoy Digorii VII–IV vv. do n. e. [Antiquities of Mountainous Digoria of VII–IV cc. BC]. Moscow: GIM. 208 p. (Trudy GIM, 154.)

Piotrovskiy B. B., 2011. Istoriya i kultura Urartu [History and culture of Urartu]. St. Petersburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU: Iskusstvo Rossii. 656 p.

Samokvasov D. Ya., 1908. Mogily russkoy zemli [Graves of Russian land]. Moscow: Sinodalnaya tipografiya. 275 p., atlas.

Skripkin A. S., 2007. Klinkovoe oruzhie rannikh kochevnikov Nizhnego Povolzh'ya VII–IV vv. do n. e. (problemy khronologii) [Bladed weapons of Lower Volga region early nomads of VII–IV cc. BC (issues of chronology)]. *Vooruzhenie sarmatov: regionalnaya tipologiya i khronologiya: VI mezhdunarodnaya konferentsiya «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» [Sarmatian armament: regional typology and chronology: VI international conference «Issues of Sarmatian archaeology and history»]*. L. T. Yablonskiy, A. D. Tairov, eds. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskiy gos. universitet, pp. 38–50.

Smirnov K. F., 1961. Vooruzhenie savromatov [Armament of Sarmatians]. Moscow: AN SSSR. 163 p. (MIA, 101.)

Vinogradov V. B., 1972. Tsentralnyy i Severo-vostochnyy Kavkaz v skifskoe vremya [Central and Northeastern Caucasus in Scythian period]. Groznyy: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatelstvo. 389 p.

About the authors

Kadieva Anna A., The State History Museum, Krasnaya pl., 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: adelgeida85@mail.ru;

Demidenko Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: svdemidenko@hotmail.com

С. В. Ляхов, В. Е. Маслов, Ю. С. Половинкина

ВОИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У с. КИТАЕВСКОЕ[1]

Резюме. Заметка посвящена публикации воинского погребения кочевника конца IV в. до н. э. в курган эпохи бронзы могильника Китаевское-2 в Центральном Ставрополье. Рассматривается небольшая серия синхронных воинских захоронений с подобными мечами, которые появляются на рубеже двух больших эпох: «скифской» и «сарматской». Предметы вооружения и сопутствующий инвентарь погребений имеют широкий круг аналогий среди скифоидных и меотских древностей, а керамика – предкавказское происхождение. Погребальный обряд имеет сходство с памятниками нижневолжских кочевников и кочевыми группами Прикубанья, но отличен от погребальных традиций раннесарматской культуры.

Ключевые слова: сарматская культура, меотская культура, синдо-меотские мечи, костяные ворворки, уздечные бляхи.

Курганный могильник Китаевское-2, состоявший из трех насыпей, находится на восточных склонах Ставропольской возвышенности, на первой надпойменной террасе левого берега р. Томузловки (левый приток р. Кума), примерно в 1,2 км к востоку от окраины с. Китаевское Новоселицкого муниципального округа Ставропольского края, к югу от автомобильной дороги Александровское – Новоселицкое – Буденновск (рис. 1: *1*). Памятник был частично исследован в мае 2024 г. отрядом ООО «НИИ «СевКавАрхеология» под руководством С. В. Ляхова (Открытый лист № 5246-2023 от 1 ноября 2023 г.) (*Ляхов*, 2024).

Курган № 1 был крайним к северу (рис. 1: *2*). К началу работ насыпь кургана прослеживалась лишь по пятну светлого грунта на фоне черного гумуса пашни. После зачистки фасов бровок стало ясно, что насыпь кургана и слой погребенной почвы полностью уничтожены в результате многолетней интенсивной глубокой распашки. Условные границы насыпи диаметром 13–14 м определялись в профилях по слою естественного почвообразования, связанному со смывами

[1] Работа подготовлена в рамках выполнения НИР (№ НИОКТР 122011200269-4).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.176-195

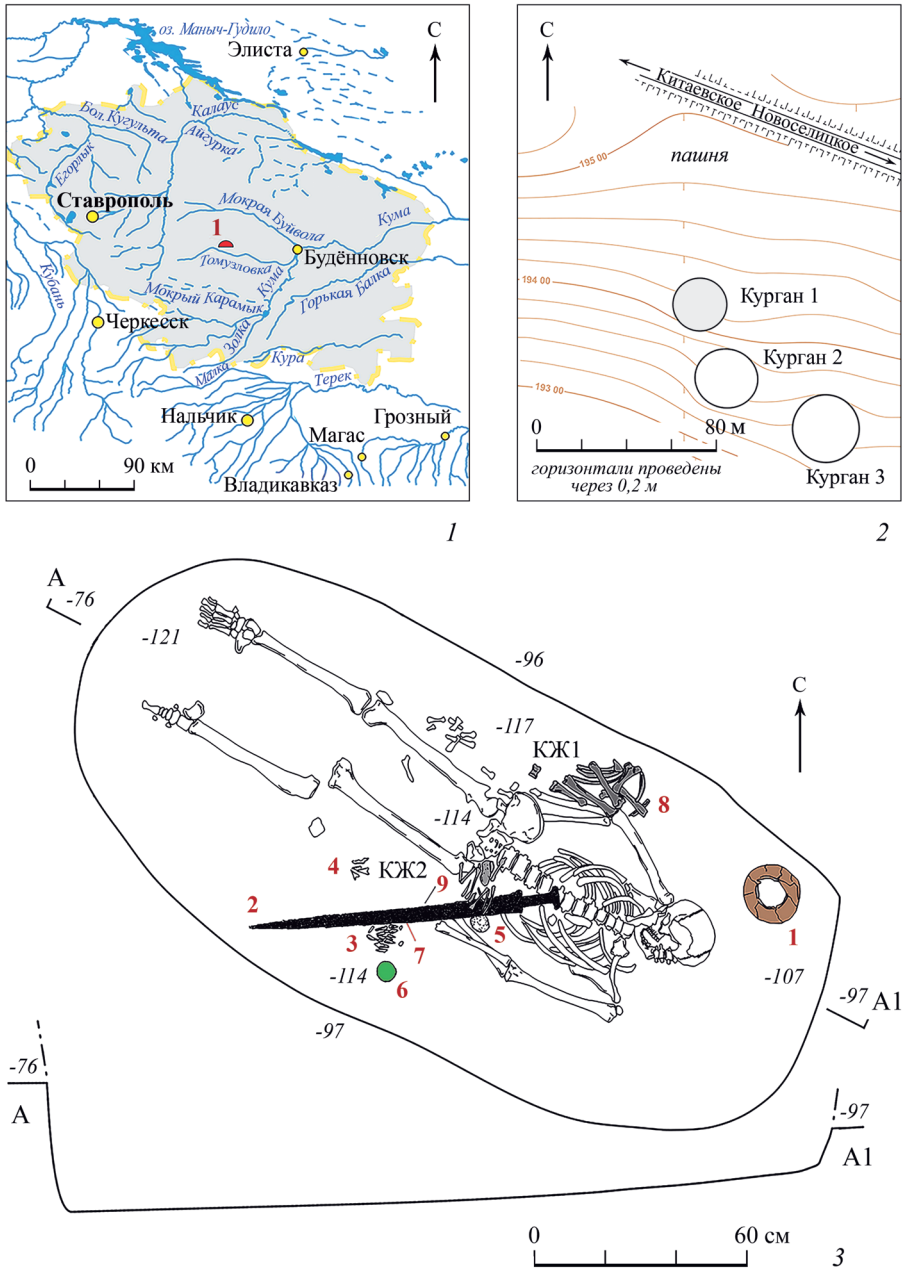

Рис. 1. Могильник Китаевское-2

1 – местоположение могильника на территории Ставропольского края; *2* – план курганной группы; *3* – план погр. 9 (*1* – кувшин; *2* – меч; *3, 4* – наконечники стрел; *5* – галька; *6* – бляха; *7, 8* – ножи; *9* – ворворка; *КЖ* – кости животных)

с насыпи гумусированному суглинку, который в виде клиновидных включений залегал с отметок 7,6 м С и 7,1 м Ю.

Курган № 1 был создан в эпоху средней бронзы. Всего в нем открыто 11 разновременных погребальных комплексов: погребения № 3, 4, 7, 8, 10, 11 были совершены в эпоху бронзы, а впускные захоронения № 1, 2, 5, 6, 9 – на разных этапах раннежелезного века.

Наиболее ранним из погребений эпохи железа является погр. № 9, обнаруженное в центре кургана (рис. 1: *3*).

Могильная камера подпрямоугольной в плане формы с округлыми углами и отвесными стенками, длинной осью была ориентирована в направлении СЗ–ЮВ. Ее общие размеры – 2,24 × 0,98 м. Дно камеры находилось на глубине от 1,07 до 1,21 м от репера, плавно понижаясь к СЗ. Северо-западная часть камеры прорезала заполнение и дно могильной камеры погр. № 3 эпохи бронзы.

На дне могильной ямы выявлен скелет взрослого человека (предположительно молодого мужчины) в положении вытянуто на спине, головой на ЮВ. Смещенный вместе с шейными позвонками череп лежал на правой стороне, с разворотом в сторону плеча, лицом на запад. Руки погребенного были свободно уложены вдоль тела. Правая, согнутая в локте, заведена кистью под крыло таза, кисть вытянутой левой руки должна была находиться напротив бедра. Ноги слегка раздвинуты и вытянуты.

Погребение, несомненно, было совершено в полой камере – могильной яме с перекрытием или в подбое, на что явственно указывает положение костей левой ноги и шейных позвонков, сместившихся, но сохранивших анатомический порядок.

Органического тлена или подстилок, а также минеральных посыпок под костями не зафиксировано.

Поперек скелета был уложен острием на запад железный меч без перекрестия, с брусковидным навершием (рис. 2: *3*), находившимся на стыке позвонков грудного и поясничного отделов. Под клинком, близ предплечья левой руки был найден овальный в плане галечный камень (рис. 2: *7*), а близ кисти – железный нож (рис. 2: *6*), вероятно, первоначально помещенный в ножны меча.

Под центральной частью клинка и южнее компактным скоплением шириной около 12 см был расчищен колчанный набор, состоявший из 19 втульчатых трехлопастных железных и 2 костяных наконечников стрел (рис. 2: *1а, б*), уложенных в два-три яруса, бойками на запад. Южнее этого скопления была найдена ажурная бронзовая бляха, лежавшая петлей вниз (рис. 2: *4*). Восточнее наконечников под лезвием меча обнаружена костяная ворворка (рис. 2: *2*) – вероятно, принадлежность портупейного крепления меча.

К северу от меча находились три наконечника стрел (два костяных и один железный), очевидно, перемещенные грызунами.

В восточном углу камеры, за черепом был поставлен сероглиняный кувшин (рис. 2: *8*).

На левом тазобедренном суставе сверху обнаружены кости птицы (*КЖ 1*), частично лежавшие и на клинке меча. Комплект костей принадлежал пеганке (*Tadorna tadorna*) – утке, которая устраивает свои гнезда в норах сурков или

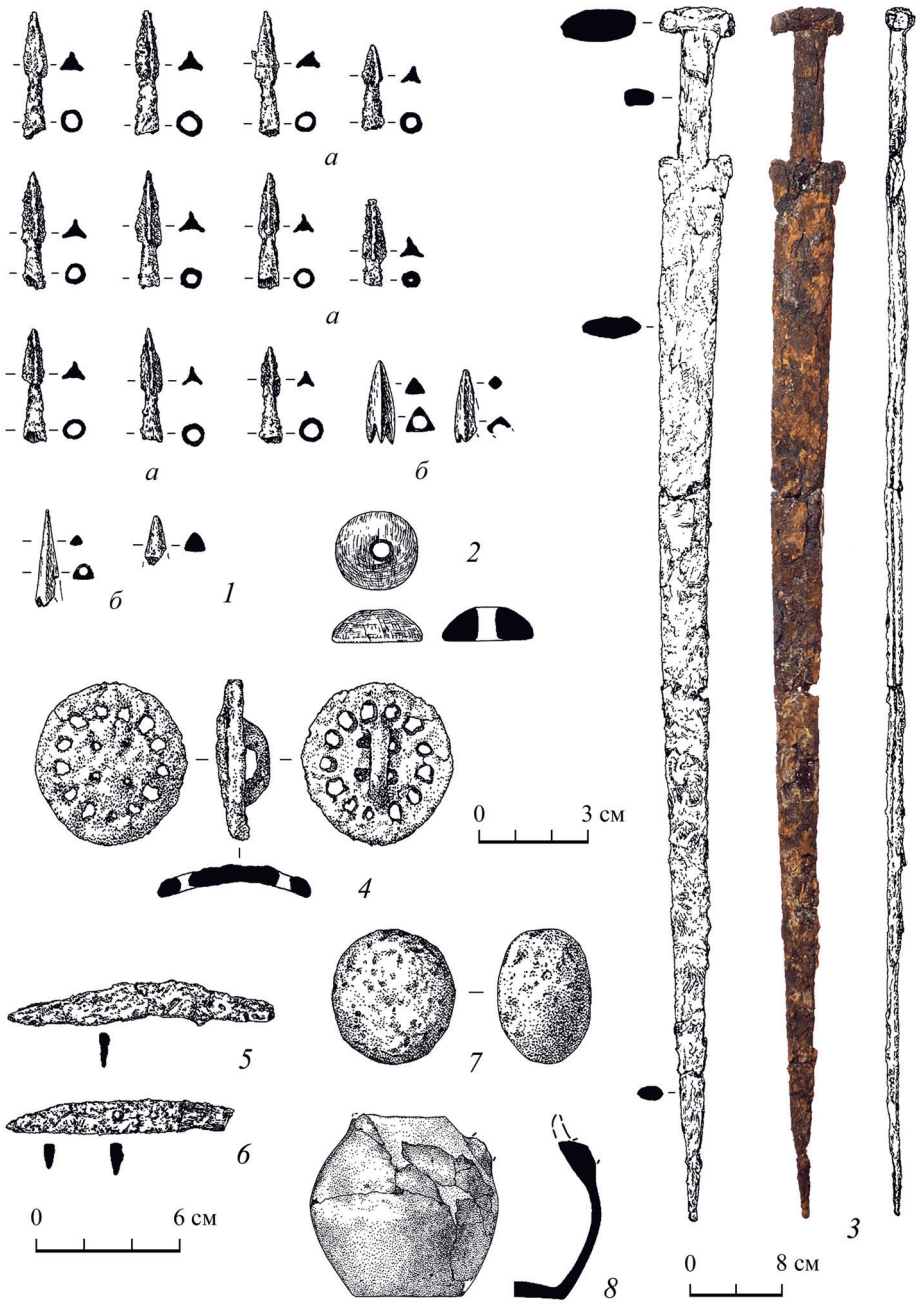

Рис. 2. Могильник Китаевское-2, кург. 1, погр. 9, погребальный инвентарь

1 – наконечники стрел; *2* – ворворка; *3* – меч; *4* – бляха; *5, 6* – ножи; *7* – галька; *8* – сосуд
1а, 3, 5, 6 – железо; *1б, 2* – кость; *4* – бронза; *8* – керамика

барсуков. Именно так эта водоплавающая птица могла попасть в камеру погребения[2]. Одному из авторов неоднократно приходилось сталкиваться с ситуациями, когда различные крупные птицы – гуси, чайки и др. – были затащены в могильные камеры норными хищниками, вероятно, лисами.

На правом локтевом суставе обнаружены кости одной конечности МРС (*КЖ 2*), а восточнее 10 ребер (бок) и кости второй ноги. Установлено, что это части туши овцы: правая нога, отрезанная под лопаткой на уровне плечевой кости, с рулькой и частью лытки, от которой отрезали скаковой сустав; задняя правая нога – бедренная часть, голяшка с лыткой, также без фаланг. Вероятно, что мясо было отделено от туши одной особи, возраст которой на момент жертвоприношения – около 3,5 лет, а высота в холке – 61,6 см (рост реконструировался из расчета длины пяти костей: плечевой, лучевой, берцовой, пяточной и надпяточной с учетом соответствующих коэффициентов).

Среди костей животного был найден железный черешковый нож (рис. 2: *5*).

Датировку комплекса определяет инвентарь погребения:

Меч без перекрестия – т. н. синдо-меотского типа: с вытянутым треугольным клинком, длинным узким острием и Т-образной рукоятью с массивным наварным навершием, слегка изогнутым вниз. Общая длина меча – 90 см, клинка – 79 см, ширина клинка под рукоятью – 5,5 см; размеры навершия 5,3 × 1,8 × 2,5 см (рис. 2: *3*). Сечение клинка линзовидное, рукояти – подпрямоугольное, навершия – овальное в плане, округлое в сечении. Рукоять переходит в клинок под углом, близким к прямому. По классификации В. Р. Эрлиха, меч относится к типу II подотдела II отдела I (*Эрлих*, 1991. С. 81, 82).

Основным районом бытования различных вариантов синдо-меотских мечей[3], откуда они получают широкое распространение, остается ареал меотских памятников Кубани. Точное число находок здесь на сегодняшний день неизвестно, но приводятся сведения о более чем двухстах экземплярах (*Иванов*, 2020. С. 29, 30). Хотя для мечей этой группы предложены типологические схемы (*Эрлих*, 1991. С. 77–82; *Марченко*, 1996. С. 48–50), однако их датировка производится по совместным находкам с античным импортом, прежде всего амфорам. В целом хронология подавляющего большинства таких комплексов не выходит за рамки IV в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2023. С. 120). В течение этого столетия существует тенденция к постепенному удлинению клинков мечей, наряду с оформлением перехода клинка в рукоять под прямым углом.

Наиболее ранние синдо-меотские мечи известны в Центральном Предкавказье в основных погребениях курганов скифского м-ка Новозаведенное-III, где они найдены вместе с чешуйчатыми доспехами – кург. 1 и 2, с наборным боевым поясом из бронзовых пластин – кург. 8. В колчанных наборах из этих курганов преобладали бронзовые наконечники стрел (*Канторович, Маслов*, 2017. С. 126,

[2] Здесь и далее все определения костей животных выполнены Г. И. Тимониной – завотделом природы и палеонтологии в Азовском историко-археологическом и палеонтологическом музее-заповеднике им. А. А. Горбенко (г. Азов).

[3] В. Р. Эрлих абсолютно прав, именуя эти мечи меотскими (*Эрлих*, 1991. С. 77), но используемое название – дань укоренившейся традиции.

127, 129. Рис. 21; 22; 24; *Маслов*, 2019. С. 147, 148. Рис. 5: *2, 3*). Предварительная датировка данных комплексов пока опирается на стилистически тяготеющую к Прикубанью золотую нашивную бляшку из кург. 8 с изображением «лосекозла», которую нельзя отнести ко времени позднее середины IV в. до н. э. (*Канторович*, 2018. С. 155–160. Илл. 1: *2*).

В разрушенном погребении у г. Терек в равнинной части Кабардино-Балкарии синдо-меотский меч был найден вместе с тремя бронзовыми наконечниками стрел и оселком (*Горемыкина*, 1961. С. 100. Рис. 8).

Вероятно, несколько более поздним временем датируется необычный ритуальный комплекс в кург. 26 м-ка Веселая Роща II в центральном Ставрополье, где набор вооружения (два обвитых наборным боевым поясом из бронзовых пластин меча, из которых уверенно определим как меч синдо-меотского типа только один – длиной 68 и шириной под рукоятью 10 см, и два колчанных набора из железных втульчатых наконечников стрел) был помещен в небольшую яму, вырытую в материке в полé кургана близ окружавшего насыпь рва. На острие одного из мечей, вероятно, был уложен распавшийся бронзовый античный шлем, орнаментированный рельефными волютами; рядом с мечами найдена бронзовая ворворка (*Романовская*, 1979. Л. 150–152. Рис. 550–555; *Прокопенко*, 2014а. С. 109; 2014б. Рис. 41: *Аа*).

Следующая группа погребений с синдо-меотскими мечами относится к финалу скифской эпохи. Причем для Предкавказья имеется не так уж много комплексных находок такого оружия, сведения о которых приводит Ю. А. Прокопенко в сводной монографии (*Прокопенко*, 2014а. С. 193, 194; 2014б. Рис. 92)[4]:

– Новозаведенное-II, кург. 13, погр. 1 (впускное в ограбленную камеру раннескифского кургана; меч уложен поперек скелета, справа налево, его кончик согнут; нижняя часть клинка лежала поверх колчана) (*Маслов*, 1996. Рис. 1; 2: *б*);

– Новоселицкое, кург. 2, погр. 1 (впускное подбойное; меч согнут и уложен на ступень вместе с костяной ворворкой, рядом колчанный набор, оселок и бронзовая ворворка) (*Кореняко, Найденко*, 1977. С. 240. Рис. 2: *3*);

– ст. Павлодольская, кург. 5/1982 г., погр. 2 (впускное; меч согнут) (*Березин*, 1983. С. 97)[5];

– Комарово, кург. 1, погр.7 (впускное, меч обнаружен вместе с шилообразным предметом) (*Туаллагов*, 2007. С. 160. Рис. 28: *1*);

– Жуковская группа II, кург. 5, погр. 1 (основное, в подбое, меч уложен вдоль тела, на клинке три ворворки – 2 костяные и одна бронзовая) (*Тихонов, Державин*, 1977. Л. 56, 57. Рис. 143–147; *Прокопенко*, 2014б. Рис. 38: *А*);

[4] В данной статье учитывались только экземпляры из опубликованных комплексов. Случайные находки и мечи, сведения о которых не удалось найти в отчетах, не рассматриваются.

[5] Из-за технической ошибки изображение данного меча не попало в публикацию (*Березин*, 2008. С. 119). Вероятно, данную находку показал А. А. Туаллагов (*Туаллагов*, 2007. Рис. 28: *2*).

– Чограй-IX, кург. 14, компл. 1 (ритуальный комплекс (?) близ рва; сломанный меч вместе с галькой и жертвенной пищей) (*Андреева, Ульянова*, 1986. Л. 123. Рис. 542–544; *Прокопенко*, 2014б. Рис. 41: *Бб*; 92: *27*);

– с. Бажиган, разрушенное погр., исследованное Е. И. Крупновым в 1955 г. (вместе с двумя бронзовыми и пятью костяными наконечниками стрел) (*Смирнов*, 1964. С. 268, 269. Рис. 12: *3а, 3б*)[6];

– м-к 2-го Татарского г-ща, склеп № 3, компл. 1 (каменный склеп, меч лежал вдоль стены) (*Кудрявцев, Черкасов*, 2006. С. 18. Рис. 7; *Кудрявцев*, 2006. Л. 47. Рис. 118).

К этой группе следует добавить комплексы, опубликованные позднее:

– кург. на ул. Березовой (северо-восточная окраина г. Ставрополя), погр. 31 (впускное, меч вдоль тела, рядом с верхней частью клинка – две костяные ворворки) (*Бабенко*, 2015. Л. 50–52. Рис. 132–136; *Маслов*, 2019. С. 146. Рис. 4: *2*)[7];

– кург. 3 м-ка Лысогорский-6, погр. 1 (впускное, меч уложен вдоль тела, под нижней частью клинка находился железное шило) (*Березин и др.*, 2018. С. 164. Рис. 1: *А*);

– кург. 1 м-ка Незлобненский-6, погр. 1 (впускное коллективное, три сломанных меча были уложены в головах погребенных вместе с колчанным набором) (*Березин*, 2021. С. 122–127. Рис. 4–7);

– в разрушенном грунтовом погр. 1 Железноводского 2-го м-ка (вместе с шилом) (*Березин*, 2023. С. 9. Рис. 3; 4: *4, 5*)[8].

Кроме того, в кург. 1 м-ка Новозаведенное-V в ходе работ Ставропольской экспедиции истфака МГУ (нач. А. Р. Канторович) были открыты два впускных захоронения конца IV в. до н. э. с синдо-меотскими мечами, очевидно, синхронными в рамках относительной хронологии упомянутому выше захоронению с мечом из м-ка Новозаведенное-II (материал не опубликован).

Только один из поздних комплексов может быть датирован античным импортом: в склепе № 3 на 2-м Татарском городище был найден позолоченный терракотовый горгонейон (*Кудрявцев, Черкасов*, 2006. С. 19. Рис. 11; *Кудрявцев*, 2006. Л. 26, 27)[9]. Аналогичный горгонейон происходит из погр. 2/2006 г. некрополя Старокорсунского 2-го городища, где он был найден вместе с амфорами и боспорскими угвентариями (*Лимберис, Марченко*, 2007. С. 71. Рис. 15: *3*). Этот комплекс датирован концом IV в. до н. э.

Серия близких горгонейонов происходит из погр. 93в (погр. 9/1992 г.) некрополя 2-го Старокорсунского городища, датированного по амфоре «рыжановского» типа третьей четв. IV в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2005. С. 221, 251, 252.

---

[6] Ранее В. Е. Маслов ошибочно связал этот меч с предметами, найденными там же в 1948 г. (*Маслов*, 2019. С. 145).

[7] Приносим В. А. Бабенко искреннюю признательность за разрешение воспользоваться материалами его раскопок.

[8] На эту находку ссылался Ю. А. Прокопенко, но он не привел описания комплекса (*Прокопенко*, 2014а. С. 193; 2014б. Рис. 92: *7*).

[9] Совсем недавно полноценное цветное изображение этого горгонейона было издано в Ставрополе на музейном календаре – «Фестиваль исторической реконструкции», месяц сентябрь https://vk.com/skiffest26 (дата обращения: 15.11.2024).

Рис. 14: *18*)[10]. В этом комплексе слева от погребенного был также найден меч, близкий к находке с Татарского городища, вместе с четырьмя костяными ворворками, железным шилом и колчанным набором (*Лимберис, Марченко*, 2005. Рис. 14: *5, 7, 19, 24, 26, 27*).

В склепе на 2-м Татарском городище была также найдена необычная для Предкавказья костяная гвоздевидная заколка (*Кудрявцев, Черкасов*, 2006. С. 19. Рис. 6; *Кудрявцев*, 2006. Рис. 113). Подобная заколка происходит из погр. 9/2006 г. / некрополя 2-го Старокорсунского городища, по амфорам и стратиграфии также датированного концом IV в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2007. С. 72. Рис. 39: *6*).

Следует подчеркнуть, что меч из погребения на 2-м Татарском городище по размерам близок публикуемой находке из Китаевского: его длина – 96 см, ширина клинка под рукоятью – 5,5 см.

С мечом связаны *овальная галька* размерами 5,0 × 5,4 × 3,8 см (рис. 2: *7*) и однолезвийный *железный нож* с дуговидной спинкой и прямым лезвием (рис. 2: *6*). Черешок у него отделен от лезвия уступом. Общая длина – 9,5 см. Галька, вероятно, использовалась как абразив, а нож – в хозяйственных целях. Но не исключено, что он дополнял колчан и мог использоваться для подработки древков стрел в случае необходимости.

Второй *нож* (общей длиной 11 см) с горбатой спинкой, немного вогнутой лезвийной частью и широким черешком (рис. 2: *5*) найден с жертвенной пищей.

С портупейной подвеской меча, очевидно, связана *костяная ворворка*, скорее всего, находившаяся на окончании ремня. Диаметры ее основания и отверстия в центре – 2,4 и 0,6 см соответственно, высота – 1,1 см (рис. 2: *2*). Подобные изделия из кости, очевидно, можно рассматривать как косвенный хронологический индикатор, поскольку они встречаются в погребальных комплексах второй половины – конца IV – начала III в. до н. э. на огромной территории от Среднего и Нижнего Дона (*Пузикова*, 2001. С. 168. Рис. 27: *16–18*; *Максименко*, 1983. Рис. 16: *10, 11*) и Кубани (*Лимберис, Марченко*, 2005. С. 245. Рис. 5: *8*) до Нижнего Поволжья (*Клепиков*, 2002. С. 78. Рис. 27: *3, 17, 22–25*; и др.) и Южного Приуралья (*Яблонский и др.*, 2023. Кат. 192; 604 и др.). Причина их неожиданной популярности в этот период остается неясной.

К колчану, вероятно, крепилась *ажурная бронзовая бляха* с арочной петлей на обороте (рис. 2: *4*). Ее округлый щиток слегка изогнут. В нем имеются 4 центральных отверстия, расположенных крестообразно, и 13 округлых отверстий, размещенных по кругу вдоль края. Высота бляшки с петлей – 1,4 см, диаметр – 4,1 см.

Данная бляха имеет широкий круг параллелей, среди уздечных бляшек из скифских/скифоидных (*Савченко*, 2009. С. 279. Рис. 15: *18–21*; 16: *21*; *Максименко*, 1983. Рис. 16: *24*), меотских (*Лесков и др.*, 2013. Рис. 73: *1*; 75: *5*; *Ждановский*, 2001. С. 92. Табл. 6: *4*) и южноуральских памятников (*Смирнов*, 1964. Рис. 37: *1з*; *Яблонский и др.*, 2023. С. 166. Кат. 364) середины – конца IV в. до н. э.,

[10] Датировка амфор этого типа имеет тенденцию к удревнению, но, судя по дискуссионной хронологии самого Рыжановского кургана, не исключено, что данный комплекс может быть омоложен до последней четверти IV в. до н. э.

хотя в редких случаях встречаются они и в материалах последних веков до н. э. (*Керефов*, 1988. Рис. 9: *29*; *Марченко*, 1996. Рис. 87: *5*). Недавно опубликована классификация бляшек, куда включена значительная часть подобных находок (*Прокопенко*, 2023). Однако с выводами автора о том, что в генезисе изделий этого типа отражено влияние традиций кобанского декоративно-прикладного искусства, невозможно согласиться, так же как с целым рядом других поспешных заключений.

Можно предположить, что ведущий тип изделий этого типа – колесовидной формы – первоначально действительно воспроизводил колесо с выделенной ступицей – астральный символ Солнца. Культовые бронзовые модели колес были найдены в кург. 5 Уляпского некрополя в Закубанье, датированного по амфорной таре первой пол. IV в. до н. э. (*Лесков и др.*, 2013. С. 56. Рис. 33), а в кург. 8 и 9 этого же некрополя уже присутствовали колесовидные уздечные бляхи. В материалах с городища Вани в Колхиде также есть подобные изделия наряду с уздечной бляшкой в меото-скифском зверином стиле, что подтверждает исходный кубанский импульс их распространения (*Качарава*, 2025. С. 17. Табл. XIII: *66, 67*).

Находка из Китаевского демонстрирует деградацию исходной модели при сохранении ее внешних параметров. Наиболее близки к ней экземпляры из кург. 18 м-ка Русская Тростянка на Среднем Дону (*Савченко*, 2009. Рис. 15: *18*) и погр. 5 Нижне-Черекского кургана (*Керефов*, 1988. С. 34. Рис. 9: *29*).

Железные трехлопастные наконечники стрел, с лопастями, срезанными под тупым углом к основанию и выступающей втулкой: общая длина – 2,3–3,2 см, диаметр втулок – 0,5–0,7 см (рис. 2: *1а*). Длина втулки в среднем немного превышает длину головок.

Как мы уже отмечали выше, в Предкавказье в первой половине IV в. до н. э. в составе стрелковых наборов преобладают бронзовые наконечники стрел. Стремительное распространение железных втульчатых наконечников стрел происходит во второй половине – конце этого столетия, когда они почти полностью вытесняют бронзовые наконечники и в последующем доминируют в составе стрелковых наборов вплоть до рубежа эр. Более чем вероятно, что это результат внешнего культурного импульса со стороны меотской культуры Кубани, где массовое производство железных наконечников с использованием кузнечной штамповки началось по меньшей мере в V в. до н. э. (*Эрлих*, 2007. С. 348–351). Это подтверждается материалами из захоронений в склепах на Татарском городище (*Кудрявцев и др.*, 1999. Рис. 7).

На Нижнем Дону в материалах могильников Дугино X и Крест, хорошо датированных по находкам амфор, тенденция к преобладанию железных наконечников стрел прослеживается уже с последней трети V в. до н. э. (*Дедюлькин*, 2014. С. 351).

В памятниках Среднего Дона в течение IV в. до н. э. комплексы с втульчатыми железными наконечниками стрел, преимущественно трехлопастными, также становятся преобладающими (*Савченко*, 2004. С. 180). Влияние меотской культуры в ходе распространения подобных наконечников, вероятно, вместе с технологией их изготовления, можно проиллюстрировать на примере инвентаря из кург. 15 Дуровского м-ка, где в парном погребении были найдены

два синдо-меотских меча и два колчанных набора – всего около 260 железных трехлопастных втульчатых наконечников (*Пузикова*, 2001. С. 196, 245. Рис. 45).

Однако на территории Нижнего Поволжья бронзовые наконечники стрел используются дольше, чем в западных областях, что объясняют миграционными связями с Приуральем (*Клепиков*, 2002. С. 42). Тем не менее и здесь ощутим западный импульс в распространении железных втульчатых наконечников. Так, в диагональном погр. 2 кургана 2 м-ка Цаган-Тошу-Толга I в Калмыкии набор таких наконечников был обнаружен вместе с мечом синдо-меотского типа (*Шинкарь*, 2007. С. 109. Рис. 2: *46–49*; *Скрипкин*, 2017. С. 125). По заключению В. М. Клепикова, нижневолжские памятники выглядят передаточным звеном между Доном и Уралом, фиксируя пути проникновения в Приуралье железных втульчатых наконечников стрел и мечей синдо-меотского типа в IV в. до н. э. (*Клепиков*, 2002. С. 45).

В составе колчанного набора из Китаевского также обнаружены *костяные наконечники* с удлиненно-пирамидальной головкой трехгранного и квадратного сечения, с треугольными вырезами в основании и внутренней втулкой (рис. 2: *1б*). Их длина – 2,3–2,7 см. Подобные наконечники широко представлены в северокавказских колчанных комплектах V–IV вв. до н. э., но редко преобладают (комплекс из Бажигана). Обычно они дополняют основной стрелковый набор (*Прокопенко*, 2014а. С. 202, 203). Возможно, их распространение связано с удорожанием цветных металлов.

Кувшин сероглиняный: верхняя часть не сохранилась, ручка отбита в древности, поверхность заглажена. Высота –13 см, максимальный диаметр – 16,3 см, диаметр дна – 9 см. В связи с неполнотой формы подобрать данному сосуду аналогию затруднительно, но его северокавказское происхождение кажется очевидным.

Подводя итоги, следует остановиться на культурных традициях, которые прослеживаются в материалах небольшой выборки из погребений военизированного кочевого населения предкавказских степей поздней группы.

Воинские захоронения с синдо-меотскими мечами содержат материал, демонстрирующий смену культурных парадигм на рубеже двух больших эпох: «скифской» и «сарматской». В этой связи следует еще раз особо отметить случай, когда подобное захоронение было совершено непосредственно поверх разграбленного раннескифского погребения (кург. 13 м-ка Новозаведенное-II) (*Маслов*, 1996).

Еще В. Б. Виноградов отметил сохранение в Предкавказье архаичных традиций погребального обряда, характерного для памятников, оставленных кочевым населением соседнего региона – Нижнего Поволжья (*Смирнов*, 1964. С. 91, 269), и «обилие синдо-меотских черт в материальной культуре» (*Виноградов*, 1965. С. 115). После открытия группы захоронений IV – начала III в. до н. э. в Центральном Ставрополье широтную ориентировку, не соответствующую представлениям о ранних сарматах, было предложено признать локальной особенностью местных кочевых групп, предположительно продвинувшихся в конце IV в. до н. э. с северо-востока (*Мирошина*, 1986. С. 171, 172, 175). Погребения этой группы расположены скоплениями – в Центральном Ставрополье, в окрестностях г. Ставрополь и на юге Ставропольского края, в степном Притеречье

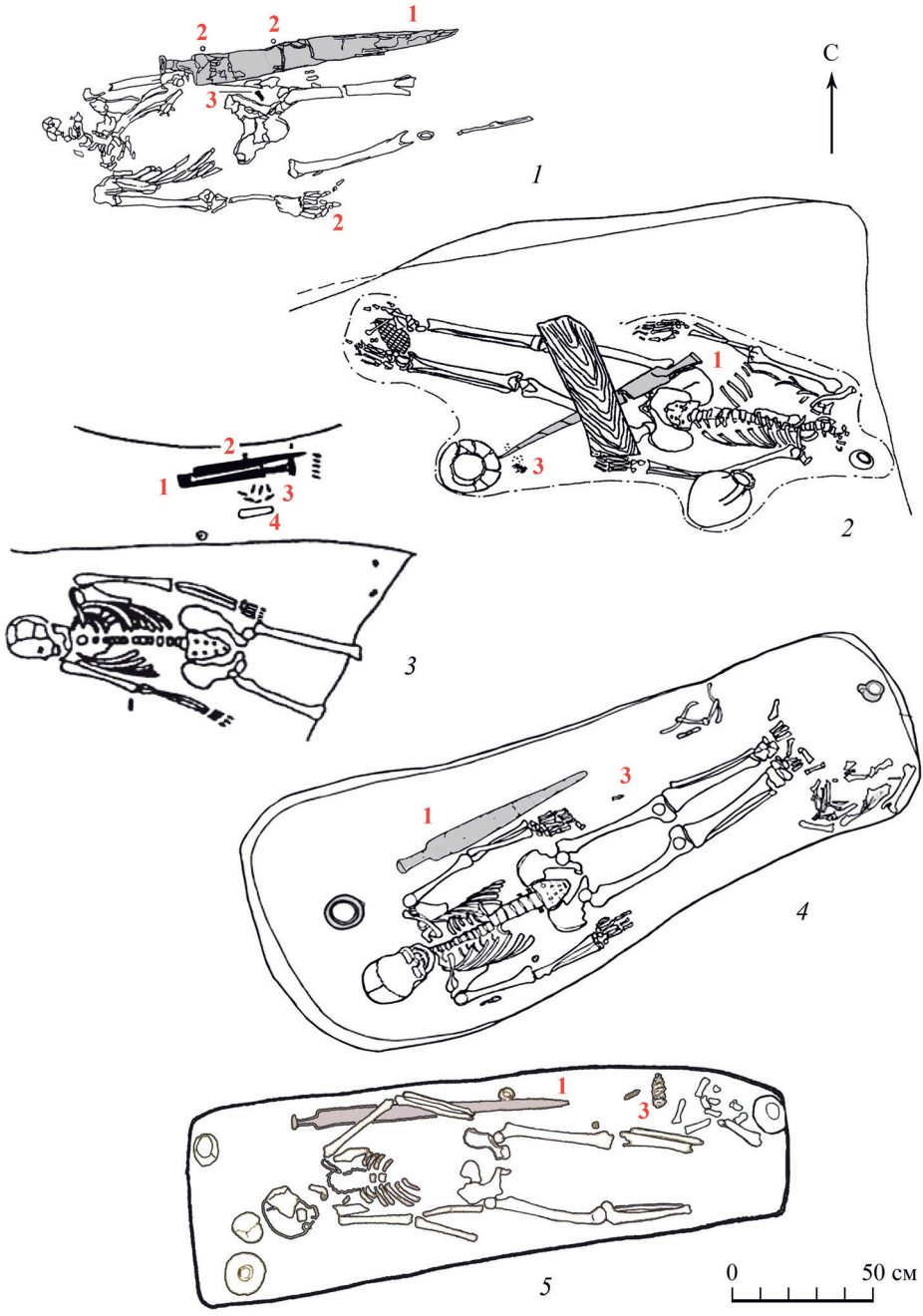

Рис. 3. Планы погребений поздней группы с синдо-меотскими мечами

1 – г. Ставрополь, кург. на ул. Березовой, погр. 3 (по: *Бабенко*, 2015); *2* – Новозаведенное-II, кург. 13, погр. 1 (по: *Маслов*, 1996); *3* – Новоселицкое, кург. 2, погр. 1 (по: *Кореняко, Найденко*, 1977); *4* – Лысогорский-6, кург. 3, погр. 1 (по: *Березин и др.*, 2018); *5* – кург. 1 близ г. Новокубанск, погр. 21 (по: *Шевченко*, 2004)

Красными цифрами обозначены: *1* – мечи; *2* – костяные ворворки; *3* – втульчатые наконечники стрел; *4* – оселки

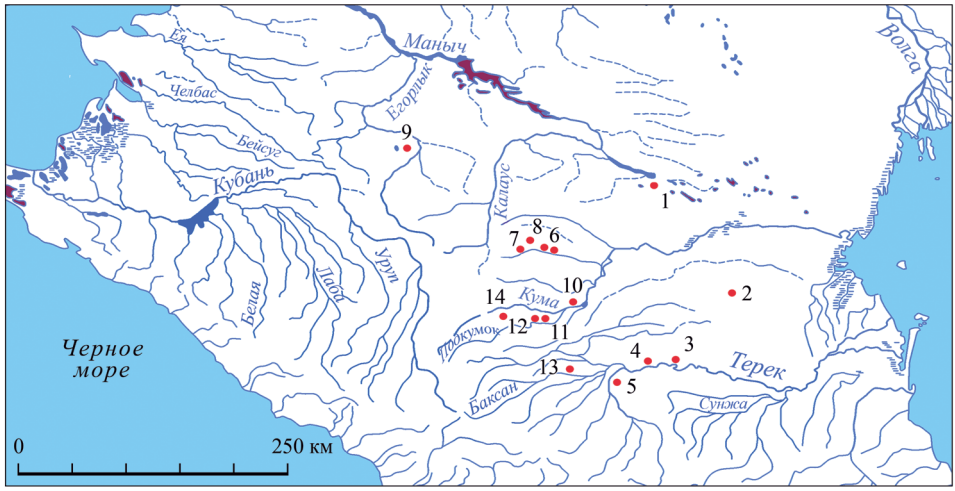

Рис. 4. Карта расположения памятников с мечами синдо-меотского типа

1 – Чограй-IX; *2* – Бажиган; *3* – Комарово; *4* – Павлодольская; *5* – Терек; *6* – Новоселицкое и Китаевское; *7* – Жуковская, гр. II; *8* – Веселая Роща II; *9* – Татарское г-ще и г. Ставрополь; *10* – м-ки Новозаведенное-II, III и V; *11* – Незлобненский-6; *12* – Лысогорский-6; *13* – Заюково-3; *14* – 2-й Железноводский м-к

(рис. 4). Все они имеют широтную ориентировку (рис. 3), часто с отклонением (преобладает западный сектор (рис. 3: *1, 3–5*)).

В более ранний период также сформировалась традиция размещения рядом с погребенным определенных частей тушки барана – обычно передней ноги с лопаткой, с ножом или без (*Смирнов*, 1964. С. 100).

Не исключено, что с нижневолжским культурным влиянием связано и появление неглубоких ровиков, окружавших насыпь, позднее иногда перекрывавшихся досыпками (*Романовская*, 1997; *Скрипкин, Шинкарь*, 2010. С. 134. Рис. 1: *1*; *Прокопенко*, 2014а. С. 108).

О возможной преемственности по отношению к комплексам конца IV в. до н. э. более поздних захоронений «сарматского» кластера последних веков до н. э. свидетельствует их соседство в одних и тех же насыпях, при этом более поздние, как правило, не нарушают ранние (*Шевченко*, 2004. С. 170; *Березин и др.*, 2018. С. 173).

Мечи в погребениях находятся обычно слева от тела; при расположении поперек тела рукоять зафиксирована как слева, так и справа. Во всех этих погребениях рядом с мечами присутствуют железные втульчатые наконечники стрел – от нескольких экземпляров до колчанных наборов. В составе стрелковых наборов вместе с железными встречаются костяные наконечники стрел, но бронзовые наконечники единичны (*Прокопенко*, 2014б. Рис. 38: *А, 2*). В ножны мечей иногда помещались ножи или шилья. Новой традицией является повреждение/умерщвление мечей. Вместе с мечами найдены оселки (или заменяющие их гальки) и ворворки от портупеи. Из предметов вооружения встречены

также наконечники копий и их втоки (*Прокопенко*, 2014б. Рис. 38: *А, 5*; *Березин и др.*, 2018. С. 164. Рис. 2: *1*; *Березин*, 2021. Рис. 15: *1*), причем наконечник копья был воткнут в дно могилы.

Данная группа воинских захоронений имеет очень близкие соответствия в кочевнических памятниках Кубани, которые И. И. Марченко объединил в 1-ю группу своей периодизации, предварительно датировав IV – началом III в. до н. э. (рис. 3: *5*). Совпадают основные элементы погребального обряда: впускные захоронения (известна одна катакомба), вытянутое на спине положение, преобладающая западная ориентировка, установка сосудов в ногах или в головах, наличие в качестве заупокойной пищи части туши овцы (ноги и ребра), иногда с железным ножом (*Марченко*, 1996. С. 82–85, 95, 96. Рис. 40; 53; 86: *1–8*; 103)[11]. В 13 из 17 комплексов встречено оружие (мечи, наконечники стрел и копий) с устойчивым сочетанием мечей с наконечниками стрел. В трех комплексах мечи были преднамеренно сломаны. В опубликованном позднее воинском захоронении (погр. 21 кург. 1 близ г. Новокубанск) с синдо-меотским мечом наконечник копья был также воткнут в дно могилы (*Шевченко*, 2004. С. 166, 167. Рис. 4).

От синхронных предкавказских комплексов воинские захоронения Кубани отличаются набором керамической посуды и находками зеркал (Там же. Рис. 4: *3*).

В итоге погребальный инвентарь предкавказских комплексов можно разделить на две основные составляющие: во-первых, набор вооружения, отражающий влияние меотской культуры Кубани, которое в этот период, судя по материалам из разных регионов, становится общим надкультурным фоном, и, во-вторых, местная предкавказская керамика.

Среди керамики встречаются сосуды, происхождение которых, несомненно, связано с предгорной зоной (*Маслов*, 1996. С. 70. Рис. 2: *1*), что позволяет предполагать тесные контакты скотоводческих групп с местными позднекобанскими племенами. О том, что культурное взаимопроникновение было двусторонним, предвосхитившим процессы, происходившие в «сарматскую» эпоху, свидетельствуют материалы погр. 11 м-ка Заюково-3 в устье Баксанского ущелья (*Кадиева, Демиденко*, 2017. С. 112, 113. Рис. 6)[12]. Меч из этого погребения длиной 91,4 и шириной основания клинка 5,48 см почти идентичен мечам из склепа на Татарском городище и погр. 9 кург. 1 м-ка Китаевское-2. Вместе с ним были обнаружены два колчанных набора из железных трехлопастных втульчатых наконечников, нож (вероятно, помещенный в колчан) и бусина, скорее всего, надетая на ремни портупеи.

Присутствие же отдельных сарматских/прохоровских групп в конце IV в. до н. э. в Предкавказье возможно допустить, но пока известны лишь редкие

[11] А. С. Скрипкиным приведены сведения о диагональном погребении с синдо-меотским мечом у ст. Темижбекской (*Скрипкин*, 2017. С. 125).

[12] Контакты эти были, вероятно, масштабными: В. Ю. Малашев любезно сообщил нам о новых, неопубликованных находках мечей синдо-меотского типа, в предгорьях Чечни и Приморском Дагестане. Два таких меча представлены в экспозиции Музея историко-культурного наследия Специальной астрофизической обсерватории РАН и Нижнего Архыза в Карачаево-Черкесии.

случайные находки мечей переходного типа (*Маслов*, 2019. С. 148). Более ранние выплески южноуральских племен в предгорья Северного Кавказа отражены в небольшой серии наземных деревянных конструкций и ранних диагональных погребениях, датировать которые сегодня можно в пределах середины – второй половины IV в. до н. э. (*Бурков, Маслов*, 2016).

ЛИТЕРАТУРА

Андреева М. В., Ульянова О. А., 1986. Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11910, 11910е.

Бабенко В. А., 2015. Отчет о раскопках объекта культурного наследия регионального значения «Курган» на территории г. Ставрополь, Ставропольского края в 2013–2014 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 49058, 49059.

Березин Я. Б., 1983. Новые погребения последних веков до н. э. в среднем Притеречье // Кочевники Азово-Каспийского междуморья / Отв. ред. Т. Б. Тургиев. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т. С. 97–101.

Березин Я. Б., 2008. Отдельные находки эпохи раннего железа из коллекции Ставропольского краеведческого музея // Археологический журнал. № 2. Армавир. С. 119–121.

Березин Я. Б., 2021. Сарматские погребения могильника «Незлобненский 6» в Ставропольском крае // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 3. С. 120–133.

Березин Я. Б., 2023. Железноводский могильник № 2 эпохи раннего железа (по материалам раскопок 1991 года) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. № 1 (56). С. 7–18.

Березин Я. Б., Габуев Т. А., Маслов В. Е., 2018. Погребения кочевников IV–I вв. до н. э. из могильника Лысогорский-6 // КСИА. Вып. 253. С. 163–177.

Бурков С. Б., Маслов В. Е., 2016. Погребения скифского времени в курганах у села Бамут // Археологическая наука: практика, теория, история: сб. ст. памяти И. С. Каменецкого / Отв. ред.: А. Н. Гей, И. А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 51–65.

Виноградов В. Б., 1965. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. № 1. С. 108–121.

Горемыкина В. И., 1961. Памятники эпохи бронзы и раннего железа на территории Кабардино-Балкарской АССР // Краеведческие записки. Вып. 1. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во. С. 91–107.

Дедюлькин А. В., 2014. Воинское снаряжение скифской эпохи из могильников «Дугино X» и «Крест» в дельте Дона // Прокофьев Р. В. Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году. Ростов-на-Дону: Альтаир. С. 350–361.

Ждановский А. М., 2001. Курган № 30 у аула Нечерзий // *Раев Б. А., Беспалый Г. Е.* Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону: Южный науч. центр РАН. С. 89–100.

Иванов А. В., 2020. Меотский могильник «Фурожан» в Западном Закубанье. Краснодар: Вольная Н. Н. 148 с.

Кадиева А. А., Демиденко С. В., 2017. Погребения с оружием и предметами конского снаряжения IV–III вв. до н. э. из могильника Заюково-3 (Кабардино-Балкария) // НАВ. Т. 16. № 1. С. 109–124.

Канторович А. Р., 2018. Изделия в скифском зверином стиле из курганного могильника Новозаведенное-III в Центральном Предкавказье // На ионийский лад я пою…: сб. ст. в честь Н. М. Никулиной / Под ред. И. И. Налимовой и др. М.: Книжный дом Университет: Университетская книга. С. 142–170. (Тр. ист. фак. МГУ; т. 139. Ист. исследования; вып. 82.)

Канторович, А. Р., Маслов, В. Е., 2017. Могильник Новозаведенное-III как свидетельство пребывания скифов в Центральном Предкавказье в конце V – IV в. до н. э. // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. № 8. С. 107–139.

Качарава Д., 2025. Бронзовые изделия городища Вани. История изучения // Iberia-Colchis. № 19. С. 15–40. (На грузинском яз.)

Керефов Б. М., 1988. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус. 216 с.

Клепиков В. М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. 216 с.

Кореняко В. А., Найденко А. В., 1977. Погребения раннего железного века в курганах на р. Темузловке (Ставропольский край) // СА. № 3. С. 230–248.

Кудрявцев А. А., 2006. Отчет об археологических исследованиях, проведенных на Татарском городище (в Шпаковском районе Ставропольского края) в 2006 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 54224, 54225.

Кудрявцев А. А., Прокопенко Ю. А., Рудницкий Р. Р., 1999. Склеп № 2 Татарского 1 могильника // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир / Отв. ред. А. А. Кудрявцев. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т. С. 65–97.

Кудрявцев А. А., Черкасов В. Н., 2006. Погребальный инвентарь склепового захоронения кургана № 3 могильника № 2 Татарского городища (по материалам раскопок ТАЭ в 2006 г.) // Из истории народов Северного Кавказа Вып. 7 / Отв. ред. А. А. Кудрявцев. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т. С. 14–23.

Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р., 2013. Меоты Закубанья IV–III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М.: Гос. музей Востока. 184 с.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников Правобережья Кубани // МИАК. Вып. 5. С. 219–324.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2007. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // МИАК. Вып. 7. С. 70–150.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2023. О некоторых категориях меотского импорта в раннесарматских погребениях // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: материалы XI Всероссийской науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А. С. Скрипкина (г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г.) / Отв. ред. М. В. Кривошеев. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. С. 114–127.

Ляхов С. В., 2024. Технический отчет о проведенных научно-исследовательских спасательных археологических работах (раскопках) на территориях выявленных объектов культурного наследия, расположенных в зоне планируемых земляных и строительных работ и иных работ по проекту: «Газопровод от ООО “Ставролен”» – до района г. Невинномысск» // Архив Управления Ставропольского края по сохранению и государственной охране объектов культурного наследия. Ставрополь.

Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т. 224 с.

Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 338 с.

Маслов В. Е., 1996. Впускное погребение из кургана № 13 могильника Новозаведенное-II // Историко-археологический альманах. Вып. 2 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей. С. 66–71.

Маслов В. Е., 2019. Синдо-меотские мечи vs акинаки (реалии сегодняшнего дня) // SP. № 3. С. 133–154.

Мирошина Т. В., 1986. Сарматские погребения, исследованные Ставропольской экспедицией // СА. № 2. С. 170–179.

Прокопенко Ю. А., 2014а. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ч. 1. Ставрополь: Северо-Кавказ. федерал. ун-т. 446 с.

Прокопенко Ю. А., 2014б. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ч. 2. Ставрополь: Северо-Кавказ. федерал. ун-т. 726 с.

Прокопенко Ю. А., 2023. Ажурные бляхи IV–II вв. до н. э. из памятников Центрального Предкавказья // SP. № 3. С. 121–132.

Пузикова А. И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.: Индрик. 272 с.

Романовская М. А., 1979. Отчет о раскопках курганных групп «Веселая Роща III» и «Веселая Роща II», проведенных Александровским отрядом Ставропольской экспедиции в мае – октябре 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8489, 8489б.

Романовская М. А., 1997. Скифский курган у с. Бурлацкое // Материалы конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения Т. М. Минаевой (26–27 января 1996, Ставрополь) / Отв. ред. З. В. Доде. Ставрополь: Арс-Дизайн. С. 26.

Савченко Е. И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 151–277.

Савченко Е. И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 221–329.

Скрипкин А. С., 2017. Сарматы. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. 293 с.

Скрипкин А. С., Шинкарь О. А., 2010. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье // РА. № 1. С. 125–137.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука. 379 с.

Тихонов Б. Г., Державин В. Л., 1977. Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8398, 8398б.

Туаллагов А. А., 2007. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ: Северо-Осетин. ин-т гуманитар. и соц. исслед. 399 с.

Шевченко Н. Ф., 2004. Новые сарматские погребения с территории «Зубовско-Воздвиженской» группы // МИАСК. Вып. 4. С. 166–178.

Шинкарь О. А., 2007. Типология и хронология раннесарматских наконечников стрел по материалам Нижнего Поволжья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 6. № 1. С. 103–119.

Эрлих В. Р., 1991. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / Отв. ред. А.П. Абрамов и др. М.: Гос. музей Востока. С. 77–99.

Эрлих В. Р., 2007. Железные наконечники стрел из Прикубанья: проблемы типологии и технологии // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М. П. Абрамовой / Отв. ред.: В. И. Козенкова, В. Ю. Малашев. М.: ИА РАН; ТАУС. С. 344–356. (Материалы и исследования по археологии России; № 8.)

Яблонский Л. Т., Богачук Д. С., Володин С. А., Маслов В. Е., Сиротин С. В., 2023. Золото сарматских вождей. Некрополи Филипповка 1 и Филипповка 2 (по материалам раскопок Приуральской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Л. Т. Яблонского, 2009–2014 гг.): каталог коллекции. Кн. II / Отв. ред.: А. А. Малышев, С. В. Сиротин, В. Ю. Малашев. М.: ИА РАН. 356 с.

Сведения об авторах

Ляхов Сергей Витальевич, ООО «Научно-исследовательский институт археологии и древней истории Северного Кавказа», ул. 2-я Промышленная, 3, Ставрополь, 355035, Ставропольский край, Россия; e-mail: sirliahov@mail.ru;

Маслов Владимир Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: maslovlad@mail.ru;

Половинкина Юлия Сергеевна, ООО «Научно-исследовательский институт археологии и древней истории Северного Кавказа», ул. 2-я Промышленная, 3, Ставрополь, 355035, Ставропольский край, Россия; e-mail: polus84@mail.ru

S. V. Lyakhov, V. E. Maslov, Yu. S. Polovinkina

THE WARRIOR GRAVE NEAR THE KITAEVSKOE VILLAGE

Abstract. The paper publishes a nomadic warrior grave dating to the end of the 4th century BC which is a secondary kurgan burial in the Kitaevskoe-2 cemetery of the Bronze Age in the Central Stavropol region. This paper explores a small series of contemporaneous warrior graves containing similar swords that appeared at the turn of two major periods, i.e. during the transition from the Scythian period to the Sarmatian period. Weaponry and accompanying offerings in the graves have a broad range of parallels in Scythian-like and Maeotian antiquities while ceramics are of Fore-Caucasus origin. The burial rite shares common traits with the rites of the Lower Volga nomads and nomadic groups of the Kuban region, though it differs from the Early Sarmatian burial traditions.

Keywords: Sarmatian culture, Maeotian culture, Sindian-Maeotian swords, bone string-end beads (*vorvorkas*), bridle plates.

REFERENCES

Andreeva M. V., Ul'yanova O. A., 1986. Otchet o rabote Arzgirskogo otryada Stavropol'skoy ekspeditsii v 1986 g. [Report on work of Arzgir team of Stavropol expedition in 1986]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Babenko V. A., 2015. Otchet o raskopkakh ob"ekta kul'turnogo naslediya regional'nogo znacheniya «Kurgan» na territorii g. Stavropol', Stavropol'skogo kraya v 2013–2014 gg. [Report on excavations of cultural heritage site of regional significance «Kurgan» in territory of Stavropol, Stavropol Krai in 2013-2014]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Berezin Ya. B., 1983. Novye pogrebeniya poslednikh vekov do n. e. v Srednem Priterech'e [New burials of last centuries BC in Middle Terek region]. *Kochevniki Azovo-Kaspiyskogo mezhdumor'ya [Nomads of Azov-Caspian intermarium]*. T. B. Turgiev, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskiy gos. universitet, pp. 97–101.

Berezin Ya. B., 2008. Otdel'nye nakhodki epokhi rannego zheleza iz kollektsii Stavropol'skogo kraevedcheskogo muzeya [Some finds of Early Iron Age from collection of Stavropol museum of local lore]. *Arkheologicheskiy zhurnal [Archaeological journal]*, 2. Armavir, pp. 119–121.

Berezin Ya. B., 2021. Sarmatskie pogrebeniya mogil'nika «Nezlobnenskiy 6» v Stavropolskom krae [Sarmatian burials of «Nezlobnensky 6» cemetery in Stavropol Krai]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII: Antropologiya [Bulletin of Moscow University. Series XXIII: Anthropology]*, 3, pp. 120–133.

Berezin Ya. B., 2023. Zheleznovodskiy mogil'nik № 2 epokhi rannego zheleza (po materialam raskopok 1991 goda) [Zheleznovodsky burial ground no. 2 of the early iron age (by the materials of the excavations in 1991]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Research]*, 1 (56), pp. 7–18.

Berezin Ya. B., Gabuev T. A., Maslov V. E., 2018. Pogrebeniya kochevnikov IV–I vv. do n. e. iz mogil'nika Lysogorskiy-6 [Nomadic burials dated to the 4th–1st centuries BC from Lysogorskiy-6 cemetery]. *KSIA*, 253, pp. 163–177.

Burkov S. B., Maslov V. E., 2016. Pogrebeniya skifskogo vremeni v kurganakh u sela Bamut [Burials of Scythian period in kurgans near village Bamut]. *Arkheologicheskaya nauka: praktika, teoriya, istoriya [Archaeological science: practice, theory, history]*. A. N. Gey, I. A. Sorokina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 51–65.

Dedyul'kin A. V., 2014. Voinskoe snaryazhenie skifskoy epokhi iz mogil'nikov «Dugino X» i «Krest» v delte Dona [Military equipment of Scythian period from «Dugino X» and «Krest» cemeteries in Don Delta]. *Prokofyev R. V. Raskopki u khutora Dugino v delte Dona v 2009 godu [Excavations at Dugino farm in Don Delta in 2009]*. Rostov-na-Donu: Altair, pp. 350–361.

Erlikh V. R., 1991. Meotskie mechi iz Zakuban'ya [Maeotian swords from Trans-Kuban region]. *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ya [Antiquities of North Caucasus and Pontic region]*. A. P. Abramov, ed. Moscow: Gosudarstvennyy muzey Vostoka, pp. 77–99.

Erlikh V. R., 2007. Zheleznye nakonechniki strel iz Prikuban'ya: problemy tipologii i tekhnologii [Iron arrowheads from Kuban region: issues of typology and technology]. *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke [North Caucasus andnomads' world in Early Iron Age]*. V. I. Kozenkova, V. Yu. Malashev, eds. Moscow: IA RAN: Taus, pp. 344–356. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 8.)

Goremykina V. I., 1961. Pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleza na territorii Kabardino-Balkarskoy ASSR [Bronze Age and Early Iron Age sites in territory of Kabardino-Balkarian ASSR]. *Kraevedcheskie zapiski [Local history notes]*, 1. Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatelstvo, pp. 91–107.

Ivanov A. V., 2020. Meotskiy mogil'nik «Furozhan» v Zapadnom Zakuban'e [Maeotian cemetery «Furodzhan» in western Trans-Kuban region]. Krasnodar: Volnaya N. N. 148 p.

Kacharava D. Bronzovye izdeliya gorodishcha Vani. Istoriya izucheniya [Bronze products from Vani city-site. Study History]. *Iberia-Colchis*, 19, pp. 15–40. (In Georgian.)

Kadieva A. A., Demidenko S. V., 2017. Pogrebeniya s oruzhiem i predmetami konskogo snaryazheniya IV–III vv. do n. e. iz mogi'lnika Zayukovo-3 (Kabardino-Balkariya) [Burials with weapons and horse equipment of IV–III cc. BC from Zayukovo-3 cemetery (Kabardino-Balkaria)]. *NAV*, vol. 16, no. 1, pp. 109–124.

Kantorovich A. R., 2018. Izdeliya v skifskom zverinom stile iz kurgannogo mogil'nika Novozavedennoe-III v Tsentral'nom Predkavkaz'e [Items in Scythian animal style from kurgan cemetery Novozavedennoe-III in Central Fore-Caucasus]. *Na ioniyskiy lad ya poyu… [I sing in the Ionian way…]*. I. I. Nalimova, ed. Moscow: Knizhnyy dom Universitet: Universitetskaya kniga, pp. 142–170. (Trudy Istoricheskogo fakul'teta MGU, 139. Istoricheskie issledovaniya, 82.)

Kantorovich A. R., Maslov V. E., 2017. Mogil'nik Novozavedennoe-III kak svidetel'stvo prebyvaniya skifov v Tsentral'nom Predkavkaz'e v kontse V – IV v. do n. e. [Novozavedennoe-III cemetery as evidence of Scythians' presence in Central Fore-Caucasus in late 5th–4th c. BC]. *Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakulteta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [Historical research. Journal of History Faculty of Moscow State University]*, 8, pp. 107–139.

Kerefov B. M., 1988. Pamyatniki sarmatskogo vremeni Kabardino-Balkarii [Sites of Sarmatian period in Kabardino-Balkaria]. Nal'chik: El'brus. 216 p.

Klepikov V. M., 2002. Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV–III vv. do n. e. [Lower Volga Sarmatians in IV–III cc. BC]. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet. 216 p.

Korenyako V. A., Naydenko A. V., 1977. Pogrebeniya rannego zheleznogo veka v kurganakh na r. Tomuzlovke (Stavropol'skiy kray) [Early Iron Age burials in kurgans on Tomuzlovka river (Stavropol Krai)]. *SA*, 3, pp. 230–248.

Kudryavtsev A. A., 2006. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh provedennykh na Tatarskom gorodishche (v Shpakovskom rayone Stavropol'skogo kraya) v 2006 g. [Report on archaeological research conducted at Tatarskoe hillfort (Shpakovsky district, Stavropol Krai) in 2006]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Kudryavtsev A. A., Cherkasov V. N., 2006. Pogrebal'nyy inventar' sklepovogo zakhoroneniya kurgana № 3 mogi'lnika № 2 Tatarskogo gorodishcha (po materialam raskopok TAE v 2006 g.) [Grave goods from crypt burial in kurgan No. 3 of cemetery No. 2 of Tatarskoe hillfort (based on materials from TAE excavations in 2006)]. *Iz istorii narodov Severnogo Kavkaza [From the history of peoples of North Caucasus]*, 7. A. A. Kudryavtsev, ed. Stavropol': Stavropol'skiy gos. universitet, pp. 14–23.

Kudryavtsev A. A., Prokopenko Yu. A., Rudnitskiy R. R., 1999. Sklep № 2 Tatarskogo 1 mogilnika [Crypt No. 2 of Tatarskoe I cemetery]. *Drevnie i srednevekovye tsivilizatsii i varvarskiy mir [Ancient and medieval civilizations and barbaric world]*. A. A. Kudryavtsev, ed. Stavropol': Stavropol'skiy gos. universitet, pp. 65–97.

Leskov A. M., Beglova E. A., Ksenofontova I. V., Erlikh V. R., 2013. Meoty Zakuban'ya IV–III vv. do n. e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nye kompleksy [Maeotians of Trans-Kuban region in IV–III cc. BC. Necropolises near village Ulyap. Sanctuaries and ritual complexes]. Moscow: Gosudarstvennyy muzey Vostoka. 184 p.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2005. Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov Pravoberezh'ya Kubani [Chronology of ceramic complexes with antique imports from excavations of Maeotian cemeteries on the right bank of Kuban]. *MIAK*, 5, pp. 219–324.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2007. Raskopki mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 v 2006 g. [Excavations of the cemetery of Starokorsunskoe hillfort No. 2 in 2006]. *MIAK*, 7, pp. 70–150.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2023. O nekotorykh kategoriyakh meotskogo importa v rannesarmatskikh pogrebeniyakh [On some categories of Maeotian imports in early Sarmatian burials]. *Regional'nye osobennosti khronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskikh kultur: XI konferentsiya «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» [Regional features of chronology and periodization of Sauromatian and Sarmatian cultures: XI Conference «Problems of Sarmatian archaeology and history»]*. M. V. Krivosheev, ed. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 114–127.

Lyakhov S. V., 2024. Tekhnicheskiy otchet o provedennykh nauchno-issledovatel'skikh spasatel'nykh arkheologicheskikh rabotakh (raskopkakh) na territoriyakh vyyavlennykh ob"ektov kul'turnogo naslediya, raspolozhennykh v zone planiruemykh zemlyanykh i stroitel'nykh rabot i inykh rabot po proektu: «Gazoprovod ot OOO «Stavrolen» – do rayona g. Nevinnomyssk» [Technical report on conducted scientific and rescue archaeological work (excavations) in territories of identified cultural heritage sites located in area of planned excavation, construction and other works under project: «Gas pipeline from Stavrolen LLC to Nevinnomyssk area»]. *Arkhiv Upravleniya Stavropolskogo kraya po sokhraneniyu i gosudarstvennoy okhrane ob"ektov kul'turnogo naslediya [Archive of Stavropol Krai administration for preservation and state protection of cultural heritage sites]*. Stavropol.

Maksimenko V. E., 1983. Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu [Sauromatians and Sarmatians on Lower Don]. Rostov-na-Donu: Rostovskiy gos. universitet. 224 p.

Marchenko I. I., 1996. Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani) [Kuban Siraks (Based on materials from kurgan burials of Lower Kuban)]. Krasnodar: Kubanskiy gos. universitet. 338 p.

Maslov V. E., 1996. Vpusknoe pogrebenie iz kurgana № 13 mogil'nika Novozavedennoe-II [Secondary burial from kurgan No. 13 of Novozavedennoe-II cemetery]. *Istoriko-arkheologicheskiy almanakh [Historical and archaeological miscellany]*, 2. R. M. Munchaev, ed. Armavir; Moscow: Armavirskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 66–71.

Maslov V. E., 2019. Sindo-meotskie mechi vs akinaki (realii segodnyashnego dnya) [Shindo-Maeotian swords vs akinaks (today realities)]. *SP*, 3, pp. 133–154.

Miroshina T. V., 1986. Sarmatskie pogrebeniya, issledovannye Stavropol'skoy ekspeditsiey [Sarmatian burials explored by Stavropol expedition]. *SA*, 2, pp. 170–179.

Prokopenko Yu. A., 2014a. Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury Tsentralnogo Predkavkaz'ya vo vtoroy polovine I tys. do n. e. [Scythians, Sarmatians, and Koban culture tribes of Central Fore-Caucasus in second half of I mill. BC], 1. Stavropol: Severo-Kavkazskiy federalnyy universitet. 446 p.

Prokopenko Yu. A., 2014b. Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury Tsentral'nogo Predkavkaz'ya vo vtoroy polovine I tys. do n. e. [Scythians, Sarmatians, and Koban culture tribes of Central Fore-Caucasus in second half of I mill. BC], 2. Stavropol: Severo-Kavkazskiy federal'nyy universitet. 726 p.

Prokopenko Yu. A., 2023. Azhurnye blyakhi IV–II vv. do n. e. iz pamyatnikov Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [Openwork plaques of IV–II cc. BC from sites of Central Fore-Caucasus]. *SP*, 3, pp. 121–132.

Puzikova A. I., 2001. Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (Publikatsiya kompleksov) [Kurgan cemeteries of Scythian period in Middle Don region (Publication of complexes)]. Moscow: Indrik. 272 p.

Romanovskaya M. A., 1979. Otchet o raskopkakh kurgannykh grupp «Veselaya Roshcha III» i «Veselaya Roshcha II», provedennykh Aleksandrovskim otryadom Stavropol'skoy ekspeditsii v mae – oktyabre 1979 g. [Report on excavations of kurgan groups «Veselaya Roshcha III» and «Veselaya Roshcha II» conducted by Aleksandrovsky team of Stavropol expedition in May – October 1979]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Romanovskaya M. A., 1997. Skifskiy kurgan u s. Burlatskoe [Scythian kurgan near village Burlatskoe]. *Materialy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya T. M. Minaevoy (1996)*

[Materials of conference dedicated to the 100th anniversary of T. M. Minaeva (1996)]. Z. V. Dode, ed. Stavropol': Ars-Dizayn, p. 26.

Savchenko E. I., 2004. Vooruzhenie i predmety snaryazheniya naseleniya skifskogo vremeni na Srednem Donu [Weapons and equipment of Middle Don population of Scythian period]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy (Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2001–2003 gg. [Archaeology of Middle Don in Scythian period: Proceedings of Don (Potudan) archaeological expedition of IA RAS, 2001–2003]*. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 151–277.

Savchenko E. I., 2009. Snaryazhenie konya skifskogo vremeni na Srednem Donu kak arkheologicheskiy istochnik [Horse equipment of Scythian period on Middle Don as an archaeological source]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004–2008 gg. [Archaeology of Middle Don in Scythian period: Proceedings of Don archaeological expedition of IA RAS, 2004–2008]*. V. I. Gulyaev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 221–329.

Shevchenko N. F., 2004. Novye sarmatskie pogrebeniya s territorii «Zubovsko-Vozdvizhenskoy» gruppy [New Sarmatian burials from territory of Zubovsko-Vozdvizhenskaya group]. *MIASK*, 4, pp. 166–178.

Shinkar' O. A., 2007. Tipologiya i khronologiya rannesarmatskikh nakonechnikov strel po materialam Nizhnego Povolzh'ya [Typology and chronology of early Sarmatian arrowheads based on materials from Lower Volga region]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana [Issues of history and archaeology of Western Kazakhstan]*, iss. 6, no. 1, pp. 103–119.

Skripkin A. S., 2017. Sarmaty [Sarmatians]. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet. 293 p.

Skripkin A. S., Shinkar' O. A., 2010. Zhutovskiy kurgan № 27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdurech'e [Zhutovsky kurgan No. 27 of Sarmatian period in Volga-Don interfluve]. *RA*, 1, pp. 125–137.

Smirnov K. F., 1964. Savromaty (rannyaya istoriya i kul'tura sarmatov) [Sauromatians (early history and culture of Sarmatians)]. Moscow: Nauka. 379 p.

Tikhonov B. G., Derzhavin V. L., 1977. Otchet o rabote Aleksandrovskogo otryada Stavropol'skoy ekspeditsii v 1977 g. [Report on work of Aleksandrovsky team of Stavropol expedition in 1977]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Tuallagov A. A., 2007. Severnyy Kavkaz: ot skifov do rannikh alan (istoriko-arkheologicheskie ocherki) [North Caucasus: from Scythians to early Alans (historical and archaeological essays)]. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy. 399 p.

Vinogradov V. B., 1965. Sirakskiy soyuz plemen na Severnom Kavkaze [Sirak tribal union in the North Caucasus]. *SA*, 1, pp. 108–121.

Yablonskiy L. T., Bogachuk D. S., Volodin S. A., Maslov V. E., Sirotin S. V., 2023. Zoloto sarmatskikh vozhdey. Nekropoli Filippovka 1 i Filippovka 2 (po materialam raskopok Priural'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN pod rukovodstvom L. T. Yablonskogo, 2009–2014 gg.) [Gold of Sarmatian chieftains. Necropolises Filippovka 1 and Filippovka 2 (based on excavation of Ural archaeological expedition of IA RAS headed by L. T. Yablonsky, 2009–2014)], II. A. A. Malyshev, S. V. Sirotin, V. Yu. Malashev, eds. Moscow: IA RAN. 356 p.

Zhdanovskiy A. M., 2001. Kurgan № 30 u aula Necherziy [Kurgan No. 30 near village Necherziy]. *Raev B. A., Bespalyy G. E. Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha [Kurgan of Scythian period on ground cemetery of IV Novolabinsk hillfort]*. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 89–100.

About the authors

Lyakhov Sergey V., LLC «Scientific Research Institute of Archaeology and Ancient History of the North Caucasus», 2-ya Promyshlennaya, 3, Stavropol, 355035, Stavropol Region, Russian Federation: e-mail: sirliahov@mail.ru;

Maslov Vladimir E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation: e-mail: maslovlad@mail.ru;

Polovinkina Yuliya S., LLC «Scientific Research Institute of Archaeology and Ancient History of the North Caucasus», 2-ya Promyshlennaya, 3, Stavropol, 355035, Stavropol Region, Russian Federation: e-mail: polus84@mail.ru

Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк

ЦИТАДЕЛЬ ГОРОДИЩА МЕЛЕК ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2024 ГОДА[1]

Резюме. Статья посвящена результатам новейших археологических исследований на территории горного массива Кубалач в Центральном Крыму, где в результате полевых работ 2024 г. было изучено заполнение крупной башни-донжона ранее неизвестной крепости крымского Барбарикума. Крепость в течение I–IV вв. н. э. пережила две военные катастрофы, по предварительным данным, ее строительство было связано с усилением роли Боспорского царства в регионе.

Ключевые слова: Горный Крым, Кубалач, скифы, укрепление, фортификация, эпоха эллинизма – римское время, культурный слой.

Остатки древних оборонительных сооружений на безымянной возвышенности у с. Некрасово (старое название – Мелек), по всей видимости, первым описал крымский путешественник и ученый-энциклопедист Петр Симон Паллас (*Паллас*, 1999. С. 112). По данным его информаторов, здесь был когда-то расположен армянский монастырь, от которого и остались каменные развалины на вершине горы к западу от небольшой татарской деревушки Мелек. Вплоть до начала XXI в. это место посещалось лишь случайными туристами и любителями приборного металлопоиска и не было известно специалистам-археологам. Начиная с 2015 г. на территории и в окрестностях горного массива Кубалач регулярно работает археологическая экспедиция ИАМЗ «Неаполь Скифский». По результатам локальных археологических раскопок и шурфовок, сборов подъемного материала к началу 2024 г. стало очевидно, что мы имеем здесь дело с очередным крупным населенным пунктом эллинистического и римского времени, расположенным в системе укрепленных поселений Кубалача (*Зайцев*, 2018. С. 210).

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01266, https://rscf.ru/project/24-28-01266/

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.196-204

Рис. 1. Карта Крыма с указанием места проведения археологических раскопок в 2024 г.

В мае, августе и сентябре 2024 г. Крымская Предгорная археологическая экспедиция под общим руководством Ю. П. Зайцева проводила обширные археологические исследования в северо-западной части горного массива, в окрестностях сел Пролом и Некрасово Белогорского района Республики Крым (рис. 1). Во время весенних полевых работ был исследован курган 1 могильника «Некрасово» эпохи раннего железного века, заложены шурфы на перспективных участках городища и поселения Мелек как внутри, так и за пределами предполагаемой цитадели, контуры которой просматривались в особенностях микрорельефа.

В летнюю полевую кампанию была в значительной степени исследована самая крупная башня цитадели и открыт прилегающий к ней с юго-востока узел обороны, выходящий на скальные обрывы возвышенности. По результатам точечного зондирования и зачисток видимого на поверхности периметра цитадели составлен предварительный план укрепления с нанесением башенных выступов, конфигурации оборонительной стены и места расположения воротного проезда (рис. 2).

Осмотр вершины возвышенности выявил многочисленные завалы и раскаты камня, в местах грабительских перекопов были видны лицевые поверхности кладок, сложенные из крупных известняковых плит. Детальный осмотр каменных развалов показал, что здесь располагается ядро городища – цитадель со сложной системой оборонительных сооружений. Не вызывает сомнений, что при планировании строительных работ в древности были тщательно изучены и грамотно использованы рельеф местности, направления понижения склонов, расположение возможных подъездных путей и зоны видимости с будущих стен

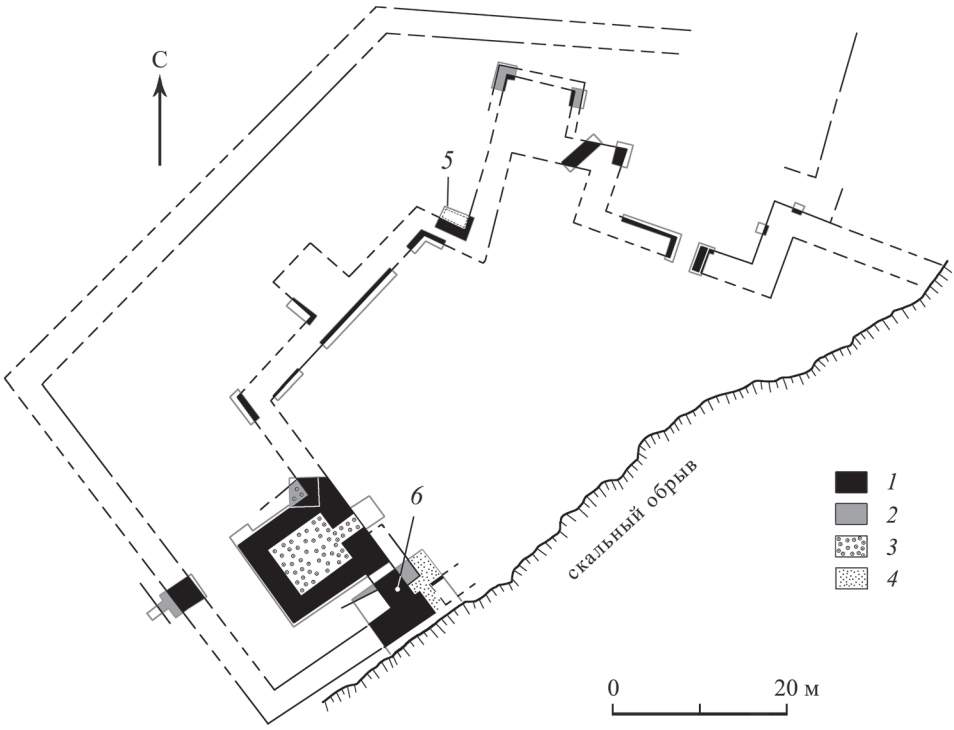

Рис. 2. Обмерный план цитадели городища Мелек

1 – первый строительный период; *2* – второй строительный период; *3* – слой пожара рубежа эр; *4* – слой пожара IV в. н. э.; *5* – погребение эпохи раннего Средневековья; *6* – место находки боспорского статера Рескупорида III

и башен на север, юг и запад – вглубь горного массива и на прилегающее с пологого восточного склона поселение.

Цитадель была пристроена с северо-запада к единственному в этой местности скальному обрыву, который стал ее естественным юго-восточным рубежом обороны. На обрыв с северной стороны выходят стены воротного комплекса, а с южной – сложный узел оборонительных конструкций, состоящий из монументальной каменной башни с единственным внутренним помещением, имевшим выход на территорию цитадели, и участком стены, фланкировавшим скалу и переходящим здесь во вторую, внешнюю линию обороны (рис. 2: *1*). Осмотр и шурфы-зондажи по трассе оборонительной стены показали, что в напольную сторону выступали еще две башни, одна из которых фланкировала с запада воротный проезд. Въезд в крепость был расположен в северной части, его местоположение на местности, помимо прочего, надежно установлено благодаря крупному, хорошо отесанному, известняковому блоку с остатками паза, который оформлял один из внешних откосов. Очевидно, что участок стены с воротным проемом был устроен таким образом, что его прикрывали два фланкирующих выступа-бастиона, один из которых (северо-западный) был усилен упомянутой

башней. Общая протяженность оборонительных сооружений цитадели составляет приблизительно 126 м, внутренняя площадь – 1300 кв. м.

В качестве основной задачи работ 2024 г. было определено изучение башни-донжона цитадели. В целях обеспечения сохранности ее высоких стен было принято решение сделать акцент на раскопках ее внутреннего помещения, а периметр стен полностью открыть только сверху. Внешние же фасировки стен открывались небольшими участками и только в двух случаях были прослежены на всю сохранившуюся высоту, до материковой скалы. В результате были детально изучены конфигурация и планировка южного сектора обороны цитадели, получены первые данные о строительных периодах и хронологии городища.

Перед началом работ башня-донжон представляла собой высокий навал известнякового камня, поросший молодыми деревьями ясеня, кизила, кустами шиповника. Заполнение башни выбиралось частями, был оставлен единый продольный стратиграфический разрез по оси ЮЗ – СВ. В ходе выборки выяснилось, что внутренняя часть башни была полностью заполнена камнем с незначительной примесью темного и светлого гумусированного суглинка. В верхнем горизонте каменной забивки до отметки -1,2 м от верхней точки стен среди камней встречались многочисленные фрагменты черепицы и гончарных сосудов XVII–XVIII вв. – результат частичной ее выборки на камень в Новое время. Начиная с отметки -1,5 м, среди камней были многократно зафиксированы крупные куски полуразложившихся и часто обгоревших сырцовых кирпичей, отдельные прокаленные, обожженные и растрескавшиеся камни, крупные древесные угли. Археологический материал представлен многочисленными фрагментами лепных и гончарных сосудов, светлоглиняных широкогорлых амфор с двуствольными ручками хронологического диапазона I в. до н. э. – I в. н. э., редкими костями животных.

Стены башни были сложены из крупных плит мшанкового известняка на глинистом растворе с применением мелких «расшивочных» камней и плиток (рис. 3: *1*). Прослежено от 7 до 14 рядов кладки, в зависимости от степени ее сохранности. Ширина (толщина) стен башни – 2,5 м, внутри стены забутованы крупным и средним камнем с грунтовой просыпкой. Размеры внутреннего помещения конструкции составили 6,1 × 7,5 м, по внешнему контуру – 10 × 11 м. Как показывает кладка вперевязь, башня была построена одновременно с главной крепостной стеной, достигавшей толщины 3 м. Пол помещения представлял собой утрамбованную подсыпку из суглинка со щебнем, в восточной части примыкающую к частично стесанной естественной скальной ступени. В северо-восточной стене башни устроен дверной проем шириной 1,5 м и протяженностью 3 м с выходом на территорию цитадели.

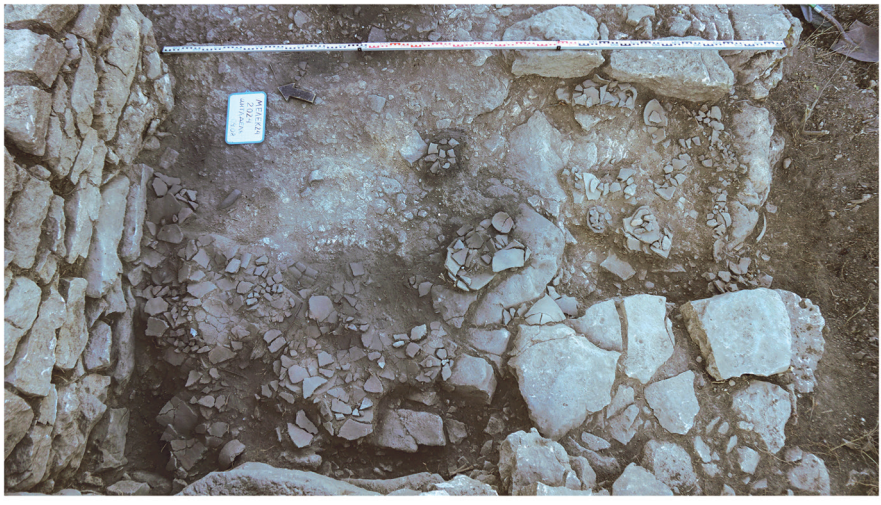
Максимальная сохранившаяся высота стен башни-донжона в северо-западном углу составила 2,85 м, минимальная высота стены – около 1 м – отмечена в западном углу, где в древности большой участок внешнего панциря и прилегающей забутовки вывалился в напольную сторону, вниз по склону. В целом сохранность фасировки по внутреннему контуру башни значительно лучше, чем по внешнему, причина этому – деформации и выборки строительного материала из полуразрушенной башни в Новое время для нужд близлежащего поселения.

1

2

3

Рис. 3. Объекты цитадели городища Мелек

1 – внутреннее пространство башни-донжона после завершения выборки заполнения; *2* – узел юго-западного участка обороны на скальном обрыве; *3* – лепные сосуды в пожаре начала IV в. н. э. в помещении юго-западного участка обороны

Наблюдения в ходе полевых работ и визуальный анализ внутреннего контура стен башни показали, что конструкция была задумана как многоэтажное сооружение, очевидно, с боевой площадкой наверху. Высота первого, цокольного, этажа составила не менее 3 м; горизонтальные гнезда, зафиксированные по внутренним стенам на высоте ок. 1,7 м, скорее всего, служили для укладки в толщу кладки деревянных «антисейсмических» брусьев.

Фасировки дверного проема на высоте 2,9 м имели завершение в виде полок размерами 3 × 0,3 м, на которых были зафиксированы крупные угли. Совершенно очевидно, что это гнезда для укладки деревянного горизонтального перекрытия коридора-проема. Также не исключено, что на этой же высоте могло быть смонтировано и межэтажное перекрытие.

Среди камней заполнения помещения башни-донжона постоянно фиксировались крупные фрагменты лепных лощеных и нелощеных сосудов, среди которых выделяются горшки необычно крупных размеров с парными ручками. В отдельных случаях между камней на разной глубине были отмечены локальные скопления нескольких фрагментов от одного и того же сосуда. Полноценных развалов сосудов, за исключением половины лепного горшка, на полу обнаружено не было. Все эти наблюдения позволяют предполагать, что практически все керамические сосуды находились в верхних этажах башни, а их фрагменты распределились в толще каменного завала во время разрушения и пожарной катастрофы.

На полу донжона в центре помещения зафиксировано сильно прокаленное пятно с прослойками золы, выразительная локальная зольная линза также была зафиксирована у северного угла помещения.

Судя по всему, башня-донжон погибла в пожаре на рубеже эр или в начале I в. н. э. Об этом помимо упомянутых фрагментов амфор и сосудов с лаковым покрытием свидетельствуют фрагменты канеллированной краснолаковой пелики, обнаруженные вместе с крупными стенками светлоглиняной амфоры с двуствольными ручками в прослойке гари непосредственно к северу от постройки.

Расположение постройки на самом высоком месте, ее размеры, характер и состав керамического комплекса и некоторые другие моменты позволяют предположить, что башня в системе крепостных сооружений цитадели могла выполнять роль продовольственного склада, предназначенного для хранения стратегического запаса провизии. Напомним, что значительная часть керамического материала – это крупные лепные лощеные горшки-корчаги с ручками и вместительные лепные лощеные кувшины.

После пожарной катастрофы и разрушения башни-донжона внутреннее его заполнение не выбиралось, хотя на территории цитадели и за ее пределами фиксируются признаки жизни и строительной активности как минимум в III–IV вв. н. э.

В начале III в. н. э. стены и башни крепости укрепляются дополнительными внутренним и внешними поясами (рис. 2: *2*). Помимо фрагментов красноглиняных амфор с рифленым туловом, обнаруженных в забутовке новых панцирей, этот факт может быть подтвержден находкой в забутовке основной оборонительной стены электрового боспорского статера Рескупорида III 216–217 гг. н. э. (рис. 4: *1*) – драгоценной закладной (?) монеты, специально помещенной в тело

Рис. 4. Нумизматические находки из раскопок цитадели городища Мелек

1 – статер Рескупорида III 216–217 гг. н. э.; *2* – фоллис Диоклетиана 305–306 гг. н. э.

более ранней стены перед началом ее реконструкции. В данном контексте также следует упомянуть локальный слой пожара внутри цитадели (рис. 2: *4*), у места выхода оборонительной стены на обрыв (рис. 3: *2*). Помимо развалов выразительных лепных сосудов (рис. 3: *3*) в нем обнаружен бронзовый фоллис Диоклетиана, датированный 305–306 гг. н. э. (рис. 4: *2*).

Находки в верхнем слое многочисленных фрагментов амфор типа Делакеу (или C Snp I) и узкогорлых светлоглиняных амфор типа F позволяют предварительно определить верхнюю хронологическую границу цитадели и всего городища IV в. н. э., не исключая при этом и несколько более позднюю дату.

Кроме того, при зачистке одного из участков внешнего панциря главной стены цитадели на поверхности слоя каменного завала совершенно неожиданно

было обнаружено частично разрушенное захоронение мужчины с конем (рис. 2: *б*). Среди предметов погребального инвентаря: железные удила с Г-образными псалиями, железное стремя, серебряные украшения поясного набора, бронзовые позолоченные накладные пластины с изображениями парящих птиц[2]. В области черепа также был обнаружен золотой тремисс византийского императора Фоки 602–610 гг. н. э.

Таким образом, место расположения разрушенной крепости эпизодически посещалось кочевниками и в последующие столетия – в эпоху раннего Средневековья.

Раскопки 2024 г. на горе Мелек продолжили обширную программу археологического обследования горного массива Кубалач, планомерно реализуемую экспедицией музея-заповедника «Неаполь Скифский». В результате было выяснено, что на вершине горы на рубеже эр высококвалифицированными военными инженерами была построена монументальная цитадель с хорошо продуманной системой круговой обороны. Крепость просуществовала до IV в. н. э. и пережила две военные катастрофы. Укрепление не возникло на ровном месте, ближайшие окрестности возвышенности, судя по полученным археологическим данным, были заселены смешанным тавро-скифским населением еще с IV в. до н. э.

Появление здесь хорошо укрепленной крепости в начале I в. н. э. обозначило особый, новый статус региона в контексте борьбы Боспора за военно-политическое влияние в центральнокрымском Барбарикуме.

ЛИТЕРАТУРА

Зайцев Ю. П., 2018. У западных границ Боспора. Варвары Центрального Крыма по результатам новейших исследований // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: материалы Междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб. С. 206–211.

Паллас П. С., 1999. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука. 249 с. (Научное наследство; т. 27.)

Сведения об авторах

Зайцев Юрий Павлович, Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», пр. Кирова, 13, Симферополь, 295005, Республика Крым, Россия; e-mail: Skilur46@mail.ru;

Шкрибляк Ирина Ивановна, Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», пр. Кирова, 13, Симферополь, 295005, Республика Крым, Россия; e-mail: Vejde_v_l@mail.ru

Yu. P. Zaytsev, I. I. Shkriblyak

THE CITADEL OF THE MELEK HILLFORT BASED ON THE 2024 INVESTIGATION

Abstract. The paper presents results of the recent archaeological investigation in the Kubalach mountain range in central Crimea. The fill of the dungeon of a previously unknown fortress of Crimean Barbaricum was examined here during the field works

[2] Информация об элитном раннесредневековом комплексе с территории цитадели Мелек будет опубликована в ближайшем номере МАИЭТ (Симферополь).

conducted in 2024. In the 1st–4th centuries AD the fortress survived two military disasters; according to the preliminary data, its construction was linked to the rise of the Bosporan Kingdom in this region.

Keywords: mountainous Crimea, Kubalach, Scythians, reinforcement, fortification, Hellenistic period – Roman period, occupation layer.

REFERENCES

Pallas P. S., 1999. Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh [Observations made during a trip to southern governorates of Russian state in 1793–1794]. Moscow: Nauka. 249 p. (Nauchnoe nasledstvo, 27.)

Zaytsev Yu. P., 2018. U zapadnykh granits Bospora. Varvary Tsentralnogo Kryma po rezultatam noveyshikh issledovaniy [At western borders of Bosporus. Barbarians of Central Crimea according to the results of latest research]. *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira [Bosporan phenomenon. Common and special in historical and cultural space of Ancient world]*, 2. St. Petersburg, pp. 206–211.

About the authors

Zaytsev Yurij P., Historical and archaeological museum-reserve «Scythian Neapolis», pr. Kirova, 13, Simferopol, 295005, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: Skilur46@mail.ru;

Shkriblyak Irina I., Historical and archaeological museum-reserve «Scythian Neapolis», pr. Kirova, 13, Simferopol, 295005, Republic of Crimea, Russian Federation; e-mail: Vejde_v_l@mail.ru

О. А. Васильева

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ РЕЗНОЙ КОСТИ В ГМИИ им. А. С. ПУШКИНА: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СОСТАВЕ КОЛЛЕКЦИИ[1]

Резюме. В статье дается обзор коллекции позднеантичных изделий из кости в собрании отдела Древнего Востока ГМИИ им. А. С. Пушкина (168 предметов), большая часть которых не опубликована. Затрагивается проблема провенанса памятников и предлагается их первичная систематизация – рассматриваются основные типы изделий и изобразительные мотивы на них; углубленный физический, типологический и стилистический анализы в рамках данной статьи не представляются возможными. Поэтому во многом это предварительное и описательное знакомство с частью музейной коллекции, имеющей по преимуществу археологический характер.

Ключевые слова: римский Египет, коптский Египет, памятники позднеантичной резной кости, археология и музейные коллекции, ГМИИ им. А. С. Пушкина, коллекция В. С. Голенищева, коллекция В. Г. Бока.

Провенанс коллекции

Собрание резной позднеантичной и коптской кости в отделе Древнего Востока, о котором пойдет речь в данной статье, насчитывает 168 предметов и опубликовано лишь частично, сводный каталог отсутствует (*Каковкин*, 2005. С. 16)[2].

Как правило, у большинства предметов из музейных коллекций отсутствует археологический контекст (*Marangou*, 1976. С. 24), и в лучшем случае

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», https://rscf.ru/project/24-18-00378/.

[2] Каковкин упоминает о существовании рукописи каталога по резной кости за авторством Р. Д. Шуриновой. Автору статьи местонахождение этой рукописи неизвестно.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.205-218

мы можем восстановить его исходя из источников того или иного антиквара, у которого были приобретены вещи. Иногда мы не знаем даже этого. Проблема провенанса и источников происхождения египетских коллекций в настоящее время – одна из наиболее актуальных и привлекающих пристальное внимание специалистов (*Bagh*, 2011; *Stevenson*, 2019; *Васильева*, 2023). В этом смысле замечательная коллекция первого русского египтолога *Владимира Семеновича Голенищева* (1856–1947) является благодатным материалом. Уже с момента ее поступления в Музей изящных искусств (ныне – ГМИИ) все исследователи единодушно отмечали, что она составлено «тонким знатоком восточной археологии»; одним из ее важнейших разделов было признано собрание резной кости (Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев…, 1987. С. 58–60). Голенищев размещал резную кость в отдельной витрине своего Египетского музея в Санкт-Петербурге (*Kakovkin*, 1996. Fig. 8, 13; Владимир Семенович Голенищев и его коллекция…, 2022. Табл. 25; 26).

Происхождение памятников, купленных Голенищевым в Египте, не всегда удается проследить. Но в данном случае дело обстоит по-другому. В своей картотеке 108 предметов из кости Голенищев отметил как происходящие из коллекции В. де Бока, или Бока: ‘Collection W. de Bock’ (*WG fichiers* 3579–3687)[3], / ‘Prov. de la coll. Bock’ (*WG fichiers 4424, 4425, 4426*) (рис. 1). Владимир Георгиевич Бок, или фон Бок (1850–1899), – друг и коллега Голенищева по Эрмитажу; вместе они совершили путешествие в Египет в 1888–1889 гг. (Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев…, 1987. С. 146, 168), оттуда Бок привез купленные за собственный счет памятники коптского искусства, часть которых передал в Эрмитаж (*Качалина*, 2004. С. 23–25). Владимиру Семеновичу, судя по всему, Бок подарил лучшую часть своей личной коллекции позднеантичной кости (*Ошарина*, 2022. С. 66). Косвенным свидетельством такого рода подарка может служить одна из карточек (на одну из коптских тканей)[4]. В 1897–1898 гг. Владимир Бок был командирован в Египет для приобретения памятников восточнохристианского и исламского искусства. Важную информацию дает материал его записной книжки[5], где зафиксированы многие покупки, места приобретения, стоимость (*в франках*) и имена антикваров. Многие из указанных имен совпадают с именами поставщиков Голенищева; известно, что таковых Владимир Семенович рекомендовал, например, Н. П. Лихачеву, О. Э. Лемму и Б. А. Тураеву (*Большаков*, 2011. С. 17). Среди имен упомянутых торговцев – знаменитые Фараг[6], Китикас[7],

[3] Ссылка на карточки Голенищева: его инициалы, французское наименование «карточек» (или «фишек»), инвентарный номер его коллекции (Васильева, 2022).

[4] *WG fichier 883: ‘Reçu en cadeau de W. De Bock’*.

[5] Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 5 (1897). Д. 34. Л. 126–187.

[6] *Hagen, Ryholt*, 2016. P. 214–215: Farag Ismaïn (*fl.* 1881–1900). Фараг – знаменитый антикварный дилер в Гизе/Каире. Обоих Голенищев упоминает в Отчете о путешествии 1888–1889 гг. (Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев…, 1987. С. 152).

[7] *Hagen, Ryholt*, 2016. P. 229–230: Kyticas Panayotis (*fl.*1890–1924), один из известнейших антикварных дилеров в Каире.

Рис. 1. Карточка из картотеки В. С. Голенищева (отдел Древнего Востока ГМИИ им. А. С. Пушкина)

Гиргис[8], Кассира[9], Абдалла[10], Бутрос[11]. Достаточно много памятников приобретено местного населения (‘*Arabes*’, т. е. «арабы»). Кроме того, В. Г. Бок находил вещи и во время раскопок некрополей *in situ*: так, «несколько костяных кукол» он обнаружил в окрестностях монастыря в районе Сиута (*Бок*, 1901. С. 91). Целая группа предметов имеет указание провенанса непосредственно на них самих: так, на оборотной стороне некоторых костяных пластинок встречаются пометки карандашом либо чернилами ‘*Caire*’ (6 предметов) либо ‘*Nahmann*’ (3 предмета); почерк, несомненно, голенищевский. На одной пластинке имеется полустертая надпись карандашом ‘*Abdallah*’ (1.1а 3080). На оборотной стороне 31 предмета были некогда приклеены маленькие бумажные ярлычки/зеленые этикетки (клеймо дилера), ныне утраченные; о них

[8] *Hagen, Ryholt*, 2016. P. 216–217: Girgis and Ab den-Nur Gabrial (*fl.*1884–1930), один из двух братьев-коптов, известных антикварных дилеров в г. Кена.

[9] Упоминается в одной из записных книжек Голенищева (*Archives du Centre Wladimir Golenischeff*, Carnet no. 8, 1902 г.) и в письме к Тураеву в январе 1911 г. (Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев…, 1987. С. 219).

[10] *Hagen, Ryholt*, 2016. P. 188: Abdallah (*fl.*1886–1900), антикварный дилер, имевший небольшую лавку в Каире. Возможно, идентичен «бедуину Абдалле», упомянутому в картотеке Голенищева (*Васильева*, 2022. С. 245).

[11] *Hagen, Ryholt*, 2016. P. 206: Boutros Abd el-Melek (*fl.*1893/94–1899), антикварный дилер – копт из Кены.

известно только по записям в старой картотеке, написанной, предположительно, в довоенные годы и хранящейся в запаснике отдела Древнего Востока. На этих наклейках была информация с именами антикваров и стоимостью вещей, например: '*Farag 5 fr.*', '*Abdallah 4 fr.*','*Kasira*' '*5 fr.*', *1 fr. Achmim*', '*Stamati 1 fr.*'[12], '*Nahmann 5 fr.*'[13] В настоящее время на этом месте осталось только пятнышко красного сургуча (или четкий след от него); на семи предметах сохранились кусочки оторванных этикеток. Имена Нахмана и Стамати могут служить датировочным критерием: их бизнес начался в 1890-е гг., соответственно, Бок мог приобрести у них вещи только в сезон 1897–1898 гг. Единственная сохранившаяся бумажная этикетка – это два клейма парижского антиквара, некоего Э. Бобана: '*EUG. BOBAN, ANTIQUAIRE, 35, Rue de Sommerard, près de Musée de Cluny, à Paris*'. Она наклеена на двух продолговатых предметах (1.1а 1783, 1781), на одном из которых сохранился кусок смолы и приклеившийся к нему бинт от мумии. Это пример археологического объекта с возможным погребальным контекстом; но точный провенанс, к сожалению, не прослеживается.

Таким образом, исходя из известных нам сообщений о провенансе, основная масса покупок была сделана Боком и Голенищевым в сезон 1888–1889 гг. в Каире, Александрии, Ахмиме, Кене и Луксоре.

Комплекс памятников позднеантичной резной кости был лишь незначительно пополнен в послереволюционное время: в 1924 г. из расформированного Музея-института классического Востока (МИКВ) в ГМИИ поступили два предмета из кости (1.1.а 1001 и 1.1.а 1093), в 1928 г. у некоего Гарденина была куплена статуэтка 1.1а 6918. Четыре памятника поступили в 1940 г. из собрания А. В. Живаго согласно его завещанию (I.1.а 7418, 7457, 7481, 7511). Живаго, совершивший в начале XX в. путешествие по Египту, приобретал вещи у известных антикваров и в лавке при Каирском музее (*Лаврентьева*, 2020. С. 21–22).

Состав коллекции и датировка

В собрании имеются костяные пластинки в основном прямоугольной или трапециевидной формы, редко – квадратные и только одна – круглая. Поверхность их украшена рельефными и гравированными изображениями довольно тонкой работы; впрочем, встречаются и предметы среднего качества, массового производства и неоконченные. Многие пластинки имеют круглые отверстия для крепления на декорируемую поверхность. Выделяются большие прямоугольные куски кости (48 предметов), сильно выгнутые, представляющие собой достаточно большую (15–17 см) часть продольного костяного спила (необязательно слоновьего бивня)[14]. Такие пластинки служили в основном обкладкой мебели (шкафов-*армариев*, сундуков, кроватей и т. п.). Остальной корпус памятников

[12] *Hagen, Ryholt*, 2016. P. 265: антиквар Стамати работал в Фаюме (*fl.* 1891).

[13] *Hagen, Ryholt*, 2016. P. 253–256: Maurice Nahman (1868–1948): банкир и крупный антикварный дилер. Упоминается в одной из записных книжек Голенищева (Archives du Centre Wladimir Golenischeff, Carnet no. 17, 1903 г.)

[14] О материалах: *Ghiringhello, Trapani*, 2021. P. 111–114.

представляет собой несильно выгнутые (57 предметов) и плоские (41 предмет) пластинки небольшого и среднего размеров. Они служили инкрустациями стенок и крышек ларцов, разнообразных шкатулок и вазочек, ювелирных изделий и других предметов роскоши, например, парадных воинских доспехов. Помимо пластинок с фигуративными и орнаментальными изображениями в коллекции имеется мелкая пластика (различные статуэтки и амулеты), а также бытовые предметы – шпильки для волос, рукоятки ножей, ручки зеркал, ложечки и т. п. Следует отметить, что назначение целого ряда предметов остается пока неясным, как и атрибуция некоторых резных пластинок.

В настоящее время основными проблемами для исследователей изделий позднеантичной кости остаются происхождение (места изготовления) и датировка. Основной корпус обнаруженных предметов происходит из Александрии: об этом свидетельствуют раскопки на территории Ком эль-Дикки; в последнее время появляется много материала из провинциальных косторезных мастерских, например, Палестины и Иордании (*Papagiannaki*, 2013. P. 72; *Ghiringhello, Trapani*, 2021. P. 109; *Goldfus, Bowes*, 2000). Общепринятые в настоящее время датировки базируются на исследовании стиля, иконографии и техники: основная масса костяных изделий относится к периоду III–VI вв. н. э. (Age of Spirituality…, 1979. P. 25; *Marangou*, 1976. P. 26–27); с начала VII в. в репертуаре уже появляются христианские сюжеты, а в раннеисламское время доминируют флоральные мотивы.

Изображения греческих божеств и мифологических персонажей

Семь пластинок имеют рельефные изображения *Эрота/Амура*, который предстает со своей обычной атрибутикой – обнаженный, часто с колчаном и луком (1.1а 3043, 3038), нередко – в дионисийском контексте (срезающий ножом виноград: 1.1а 3039)[15], в компании с нереидами и дельфином (1.1а 3028). Амуры изображены вместе с Психеей на чудесной маленькой пиксиде (1.1а 3128)[16] (рис. 2). Встречается также синкретический образ *Харпократа-Эрота* (1.1а 3036).

Чрезвычайно популярен в изобразительном искусстве этого периода образ *Афродиты*, которую порой трудно отождествить среди многочисленных, иногда сильно фрагментированных изображений «обнаженной/полуобнаженной женской фигуры» (1.1а 6893, 3040, 3152). Стили варьируются от эллинистического до условного схематического. На большинстве пластинок представлена стоящая обнаженная богиня (1.1а 3076, 3158), держащая в руках шаль, изредка – внутри эдикулы с пальметтами (1.1а 3133, 3134)[17]; иногда внизу изображается дельфин (1.1а 3076)[18]. Наиболее часто встречаются типы Афродиты *Анадиомены* (1.1а 3052, 3053, 3135) и Венеры *Pudica* (1.1а 3055, 3148[19], 3144).

[15] *Etinhof*, 1999. P. 132, (12).

[16] *Etinhof*, 1999. P. 132, (1).

[17] Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 308. *Etinhof*, 1999. P. 132, (20).

[18] *Павлов, Матье*, 1958. № 127. *Etinhof*, 1999, P. 132, (3).

[19] Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 307.

Рис. 2. Пиксида с изображением сидящей между двумя амурами Психеи. Слоновая кость, резьба. III в. н. э. Высота 4 см. © ГМИИ 1,1а 3128

Для декора свадебных ларцов IV в. н. э. чаще всего выбирали образ Афродиты за утренним туалетом, с вуалью и зеркалом в руке (1.1а 3046)[20]. Некоторые изображения обнаженных женщин могут быть отнесены к другим античным божествам исходя из аналогий и иконографии (одна из *харит/Граций*[21]: 1.1а 3047)

[20] *Etinhof*, 1999. P. 132, (13). Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 298.

[21] Атрибуция О. Е. Этингоф: *Etinhof*, 1999. P. 132, (9). Fig. 4.

либо на основании атрибута (*Тюхэ/Фортуна*[22] с рогом изобилия: 1.1а 3150, 1.1а 3142 (?).

Сюжеты, связанные с изображением *Диониса и его свиты*, участников *дионисийского тиаса*, – самые многочисленные на резных фигуративных пластинках (42 предмета), они относятся к IV–VI вв. н. э. Здесь возможны сомнительные отождествления в силу некоторой неопределенности иконографии «обнаженных юношей» и «обнаженных танцовщиц», особенно если они фрагментированы (напр., женская голова – 1.1а 3085); бюст женщины в венке (?) (1.1а 3086). Являются ли фрагменты с изображением мужского локтя и головы сатира (1.1а 3069), мужской ноги и туники (1.1а 3074), юноши со щитом (1.1а 3073) деталями «дионисийской» композиции или нет, сказать трудно. Более уверенно к указанной тематике можно отнести фрагмент с пластически показанным мужским торсом (1.1а 3165). *Дионис* обычно показан обнаженным, стоящим в расслабленной позе, с закинутой кверху рукой, с посохом и пантерой (1.1а 3032) (рис. 3), в венке и с тирсом (1.1а 3044), в плаще, с гроздью винограда и корзинкой с фруктами (1.1а 3120). На одной из пластинок на правом плече Диониса – ладонь от несохранившейся фигуры (по-видимому, *Ариадны* 1.1а 3041)[23]; на другой – рядом с фрагментированной фигурой Диониса показан мальчик-сатир (1.1а 3064). Из спутников Диониса встречаются *Пан* (1.1а 3072) и многочисленные *сатиры*, изображенные танцующими (1.1а 3042, 3054, 3030), иногда с виноградной лозой (1.1а 3062[24], 3063) или с рогом изобилия (1.1а 3157) в руках; они дуют в рог (1.1а 3031; аналогично – менада 1.1а 3071), бегут (1.1а 3156) и несут корзину с фруктами (1.1а 3027) либо сидят рядом с ней (1.1а 3057). Обычно они обнажены, но порой носят тунику либо плащ из леопардовой шкуры (1.1а 3137, 3141). Сатиров иногда трудно отличить от *вакхантов*, поэтому при описании их часто называют «обнаженными юношами» (1.1а 3130, 3033, 3034, 3138).

В московском собрании сохранился примечательный фрагмент композиции с *дионисийской процессией* (1.1а 3145), в которой участвуют *Дионис*, *Геракл*, танцующая *менада* с тамбурином и *сатир*, играющий на сиринге[25]. Сатиры нередко показаны пляшущими вместе с менадами (1.1а 3056)[26], но и отдельные изображения *танцовщиц-вакханок, или менад*, встречаются очень часто. Некоторые показаны в сильном ракурсе и контрапосте (1.1а 3035[27], 3051), с откинутой назад шалью, рядом с опрокинутой корзиной с фруктами (1.1а 3146); их непременный атрибут – тамбурин (1.1а 3037, 3045, 3058, 3075). Менады танцуют, как правило, обнаженными, но часто с развевающейся

[22] Атрибуция О. Е. Этингоф: *Etinhof*, 1999. P. 132, (16). Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 300.

[23] Атрибуция О. Е. Этингоф: *Etinhof*, 1999. P. 132, (5). Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 301.

[24] Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 304.

[25] Атрибуция О. Е. Этингоф: *Etinhof*, 1999. P. 132, (18). Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 306.

[26] Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 297. *Etinhof*, 1999. P. 132, (7).

[27] *Etinhof*, 1999. P. 132, (8).

Рис. 3. Пластинка с изображением Диониса. Слоновая кость, резьба. IV–V вв. н. э. Длина 15 см. © ГМИИ 1,1а 3032

вуалью (1.1а 3136, 3048) либо в плаще (1.1а 3070, 3149, 3151) или в хитоне (1.1а 3140, 3143, 3147, 3159).

Излюбленным сюжетом декора так называемых александрийских ларцов III–IV вв. н. э. – высоких шкатулок с навершием в виде усеченной пирамиды – были сцены *морского тиаса* с нереидами и морскими животными (*Strzygowski*, 1904. S. 172–180, 189–190. Taf. XIV; Age of Spirituality…, 1979. P. 139. № 117; *Papagiannaki*, 2013). К таким инкрустациям относится ряд предметов из ГМИИ (1.1а 3167)[28]. На подобного рода пластинках показаны два типа обнаженной нереиды: полулежащая на спине пятнистого гиппокампа, с шалью в руках (1.1а 3155, 3068, 3164, 3162, 3160)[29], и лежащая на животе на спине морского животного с чашей/яблоком в руке, с развевающейся над головой вуалью (1.1а 3167). В других композициях нереида плывет (1.1а 3153, 3163), часто – среди дельфинов и амуров (1.1а 3154). Нередки композиции с лежащей нереидой, в ногах которой показан сатир/тритон с чашей фруктов (1.1а 3067, 3161)[30].

Пластины с нефигуративными изображениями, бытовавшие в позднеантичное время, особенное распространение получили в раннеисламский период (середина VII – середина VIII в. н. э.) в косторезных мастерских Старого Каира (Фустат) (*Strzygowski*, 1904. № 8865–8867). Наиболее частым является орнамент с изображением *виноградной лозы* (1.1а 3175, 3078, 3079, 3082, 3172, 3112, 3115, 3117); встречаются мотивы прерывающейся виноградной лозы (1.1а 3171, 3113), двойной лозы (1.1а 3084) и мотив чаши с прорастающей из нее лозой (1.1а 3059[31], 3173)[32]. Пластина с рельефным изображением *пальмы* (1.1а 3083) – редкость. Есть также накладки с рельефным орнаментом в виде *архитектурных элементов*: капители колонны (1.1а 3118, 3170), раковины в тимпане (1.1а 3123)[33]; с *геометрическим орнаментом* (1.1а 3106) и с орнаментом в виде восьмиконечной звезды (1.1а 3169). Тонкие пластинки с рельефным изображением *витого орнамента* служили рамкой для наборных композиций (1.1а 3139).

Мелкая пластика. В собрании ГМИИ имеется *четыре статуэтки*, предназначенные для обеспечения мужской потенции и женской фертильности. Маленькая, слегка вогнутая пластинка со схематическим изображением женщины (1.1а 3132)[34] аналогична статуэткам, которые находят на территории Фустата в археологическом контексте VII–VIII вв. н. э. и иногда называют ‘*coptic dolls*’[35]. Оберегами, связанными с женской плодовитостью, были небольшого размера

[28] *Ошарина*, 2022. С. 72, 75. Ил. 10. В 1990-е гг. 11 фрагментов были смонтированы на деревянную основу.

[29] *Павлов, Матье*, 1958, № 128; Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 296.

[30] *Павлов, Матье*, 1958, № 126. *Etinhof*, 1999. P. 132, (4).

[31] Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 315

[32] Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 315б.

[33] Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 314.

[34] *Etinhof*, 1999, P. 132, (10): ‘*funeral amulet*’.

[35] Ägypten. Schätze…, 1996. № 203. Ср.: Археология войны…, 2005. Кат. 314, 315, 317. Ср.: *WG fichier 4380: poupée grossière*.

статуэтки обнаженных женщин с вытянутыми пропорциями (1.1а 3129, 3066, 1992)[36]; их датировка неясна (III–IV вв. н. э.?). Статуэтки с изображением *симплегмы* традиционно служили в Египте амулетом, способствующим рождению здорового потомства (1.1а 6918); датировка таких фигурок также требует уточнения.

Назначение и бытование других статуэток, представленных в коллекции, установить пока трудно. Небольшая фигурка *Харпократа-Эрота* III в. н. э. (1.1а 3124) могла быть деталью декора либо самостоятельным предметом. Миниатюрный *бюст юноши* (1.1а 3065), возможно, являлся частью статуэтки либо круглого медальона[37]. Статуэтка танцующего *гротескного персонажа* с кляпом во рту (1.1а 3131) служила, надо полагать, мощным апотропеем, как и все изображения уродцев[38]. Неясно назначение двух предметов, которые условно датируют раннеисламским временем: *миниатюрная табличка* с орнаментом «коптский глазок» (1.1.а 1001) и *подвеска* (?) с линейным орнаментом (I.1.а 1093).

Предметы бытового назначения. В собрании имеются *ручки* (?) в виде колонок с кольцевыми перемычками (1.1а 1722), а также в виде цилиндров с поперечными линейными насечками (1.1а 1782) и четырехгранные цилиндрические полые внутри *предметы* с глазковым орнаментом (1.1а 1721, 1781, 1783).

Большим мастерством исполнения отличается двусторонняя *рукоятка охотничьего ножа* III–V вв. н. э. со сценами охоты и нильского пейзажа (1.1а 3060)[39], а также фигурные *рукоятки* со стилизованными изображениями головы львицы (1.1а 3089), головы лошади (1.1а 3107), и ручка инструмента (?) в форме льва, когтящего копытное животное (1.1а 3125). *Ручки от зеркал* украшены фигуркой Афродиты (1.1а 7418), миниатюрной капителью (1.1а 3127) и композицией с изображением Леды и лебедя (1.1.а 7184)[40].

В собрании имеются *две кастаньеты*: одна в форме руки (1.1а 1769), другая – полуцилиндрическая со стилизованной мордой крокодила на конце (1.1а 3108). К мелким предметам относятся *игральные фишки* III–VIII вв. н. э. с глазковым орнаментом (1.1а 2059, 2017, 2060, 7481, 7511) и три *кольца* большого (1.1а 2577, 2578) и малого размеров (1.1а 4427).

Художественный интерес представляет *щиток от перстня* III–IV вв. н. э. с изображением обнаженного Аполлона, играющего на кифаре (1.1а 3050). К периоду I–IV вв. н. э.[41] относится ряд предметов для косметики и повседневного обихода: небольшой *сосудик* на трех ножках (1.1а 3126), фрагмент обкладки *крышки пиксиды* (1.1а 3168), *ложечка для румян* (?) (1.1а 3091) и маленькое *пряслице* с раскраской (1.1а 3088). Круглая плоская пластина – *горгонейон*

[36] *Берлев, Ходжаш*, 2004. Кат. 197. Ср.: Археология войны…, 2005. Кат. 316.

[37] Искусство Византии в собраниях СССР…, 1977. Т. 1. № 316. *Etinhof*, 1999. P. 132, (11).

[38] У Голенищева считается изображением бога Бэса: *WG fichier 4381*: Os(Ivoire). Découpure en forme de dieu Bès nu (Fragment). Аналогией являются терракотовые фигурки (1.1а 7412: головка раба с кляпом во рту).

[39] *Etinhof*, 1999. P.132, (15). Ср.: Археология войны…, 2005. Кат. 285.

[40] *Etinhof*, 1999. P. 132, (2).

[41] Da Gerusalemme a Milano, 2013. P. 106–110.

V в. н. э. с 12 круглыми отверстиями – служила нашивкой на одежду (1.1а 3049)[42]. Из 16 *шпилек для волос* стоит указать на предметы с изящными зооморфными либо антропоморфными навершиями: петух (1.1а 3093), утка (1.1а 3104), женская головка (1.1а 3094), крылатый человечек во фригийском колпаке (Аттис?)[43] (1.1а 3105).

Заключение

Определение возможного контекста и бытования музейных археологических предметов – одна из задач данной обзорной статьи. В отличие от многих других памятников коллекции В. С. Голенищева, провенанс резной позднеантичной кости можно установить по сохранившимся записям В. Г. Бока. Из них следует, что большая часть памятников относится к мастерской александрийской традиции. Это видно прежде всего по иконографическому репертуару костяных пластинок. На них представлены сюжеты, восходящие к эллинистическому искусству: персонажи дионисийского экстатического шествия (*thiasa*), сатиров, вакхантов, танцовщиц-менад, греческих богов – Аполлона, Диониса, Афродиты, Геракла, Эрота и других. Весьма распространены образы нереид и морских чудовищ, а также сцены охоты и «нильские сцены».

ЛИТЕРАТУРА

Археология войны. Возвращение из небытия: каталог выставки / Сост. Л. И. Акимова. М.: Художник и книга, 2005. 158 с.

Берлев О. Д., Ходжаш С. И., 2004. Скульптура Древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина: каталог. М.: Восточная литература. 567 с.

Бок В. Г., 1901. Материалы по археологии христианского Египта. СПб.: Тип. Евгения Тиле. 94 с.

Большаков А. О., 2011. Антиквар Али // Древний Египет в Эрмитаже. Новые открытия. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 14–19.

Васильева О. А., 2022. К вопросу о происхождении древнеегипетских памятников в собрании В. С. Голенищева (на материале его картотеки) // Вопросы музеологии. Т. 13. № 2. С. 241–252.

Васильева О. А., 2023. Археологические памятники Древнего Египта в собрании В. С. Голенищева (по материалам его картотеки) // Вопросы музеологии. Т. 14. № 2. С. 184–201.

Владимир Семенович Голенищев и его коллекция восточных древностей. М.; СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. академии, 2022. 388 с.

Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912) / Ред., сост. А. А. Демская. М.: Сов. художник, 1987. 343 с.

Искусство Византии в собраниях СССР: каталог выставки. Т. 1 / Ред.: А. В. Банк, О. С. Попова. М.: Сов. художник, 1977. 155 с.

Каковкин А. Я., 2005. Изучение коптского искусства учеными России. СПб.: Изд-во ГЭ. 91 с.

Качалина Г. И., 2004. Сотрудники Императорского Эрмитажа 1852–1917: биобиблиогр. справ. СПб.: Изд-во ГЭ. 172 с.

Лаврентьева Н. В., 2020. А. В. Живаго и его Египет // *Живаго А. В.* Путешествие по Нилу до 22° северной широты. Дневник путешествия в Египет в 1909–1910 гг. / Авт.-сост.: Н. Лаврентьева, А. Беляева, Е. Зиничева. М.: Индрик. С. 17–27.

[42] *Etinhof*, 1999. P. 132, (19).

[43] Атрибуция О. Е. Этингоф: *Etinhof*, 1999. P. 132, (11).

Ошарина О. В., 2022. О группе позднеантичных изделий из кости в коптском собрании Эрмитажа // Труды Государственного Эрмитажа. Царьградский сборник: к XXV Междунар. конгр. византинистов (Венеция, Падуя 22–27 августа 2022 г.). СПб.: Изд-во ГЭ. С. 65–80.

Павлов В. В., Матье М. Э., 1958. Памятники искусства Древнего Египта в музеях Советского Союза: альбом. М.: Гос. изд-во изобразит. искусства. 25 с., 54 л. ил.

Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century / Ed. K. Weitzmann. New York: The Metropolitan Museum of Arts, 1979. 735 p.

Ägypten. Schätze aus dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil: Katalog zur Ausstellung. Wiesbaden: Reichert, 1996. 420 S.

Bagh T., 2011. Finds from W. M. F. Petrie's Excavations in Egypt in the Ny Carlsberg Glyptotek. Copenhagen: Ny Carlsberg Glyptotek. 193 p.

Da Gerusalemme a Milano. Imperatori, filosofi e dei alle origini del Cristianesimo. Milano: Civico Museo Archeologico, 2013. 156 p.

Etinhof O. E., 1999. The Coptic art collection of Vladimir Semjonovich Golenischev in Moscow // Ägypten und Nubien in spätantiker und christlicher Zeit: Akten des 6. Internationalen Koptologenkongresses (Münster, 20–26. Juli 1996). Bd. 1 / Ed. S. Emmel et al. Wiesbaden: Reichert. S. 127–134.

Ghiringhello C., Trapani M., 2021. Bone and Ivory carving dating between the Roman and Early Islamic period preserved in the Museo Eguzio in Turin. An Interdisciplinary Approach // Excavating the Extra-Ordinary: Challenges and Merits of Working with Small Finds / Eds.: A. Kilian, M. Zoller-Engelhardt. Heidelberg: Propylaeum. P. 99–131.

Goldfus H., Bowes K., 2000. New Late Roman Bone Carvings from Halusa and the Problem of Regional Bone Carving Workshops in Palestine // Israel Exploration Journal. Vol. 50. № 3/4. P. 185–202.

Hagen Fr., Ryholt K., 2016. The Antiquities Trade in Egypt 1880–1930. The H. O. Lange Papers. Copenhagen: Specialtrykkerit Viborg. 333 p.

Kakovkin A. Ya., 1996. Egyptian Monuments of the Late Antique and Coptic Periods in the Collection of V. S. Golenistchev in St. Petersburg // Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion. H. 153. P. 57–64.

Marangou L., 1976. Bone Carvings from Egypt. I. Graeco-Roman Period (Benaki Museum, Athens). Tübingen: Ernst Wasmuth. 152 p.

Papagiannaki A., 2013. Nereids and Hippocamps: The Marine Thiasos on Late Antique and Medieval Byzantine ivory Bone Caskets // The Legacy of Antiquity: New Perspectives in the Reception of the classical World / Ed. L. Kouneni. Cambridge. P. 71–103.

Stevenson A., 2019. Scattered Finds: Archaeology, Egyptology and Museums. London: UCL Press. 318 p.

Strzygowski J., 1904. Koptische Kunst. Vienne: Impr. A. Holzhausen. 360 S.

Сведения об авторе

Васильева Ольга Александровна, Институт всеобщей истории РАН, научный коллектив по проекту РНФ 24-18-00378 https://rscf.ru/project/24-18-00378/, Ленинский проспект, 32 А, Москва, 119334, Россия; Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, ул. Волхонка, 12, Москва, 119019, Россия; e-mail: olga.vassilieva@arts-museum.ru

O. A. Vasilyeva

CARVED BONE OBJECTS FROM THE LATE ANTIQUITY IN THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS: THE ISSUE OF THE COLLECTION ORIGIN AND COMPOSITION REVISITED

Abstract. The paper provides an overview of the collection consisting of bone objects from the late Antiquity kept in Department of the Ancient Orient in the Pushkin

State Museum of Fine Arts (168 items), a greater part of which has not been published. The paper touches upon the provenance of these objects and proposes their initial systematization. It reviews main types of the objects and visual motifs they exhibit. It does not appear possible to conduct in-depth physical, typological and stylistical analyses in one paper. For this reason, this paper is basically a preliminary and descriptive introduction into this part of the museum collection which is largely archaeological in nature.

Keywords: Roman Egypt, Copt Egypt, carved bone objects from the late Antiquity, archaeology and museum collections, Pushkin State Museum of Fine Arts, V. S. Golenishchev's collection, V. G. Bok's collection.

REFERENCES

Arkheologiya voyny. Vozvrashchenie iz nebytiya [Archaeology of war. Return from oblivion]. L. I. Akimova, comp. Moscow: Khudozhnik i kniga, 2005. 158 p.

Berlev O. D., Khodzhash S. I., 2004. Skulptura Drevnego Egipta v sobranii Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A. S. Pushkina [Sculpture of Ancient Egypt in collection of Pushkin State Museum of Fine Arts]. Moscow: Vostochnaya literatura. 567 p.

Bok V. G., 1901. Materialy po arkheologii khristianskogo Egipta [Materials on archaeology of Christian Egypt]. St. Petersburg: Tipografiya Evgeniya Tile. 94 p.

Bolshakov A. O., 2011. Antikvar Ali [Antique dealer Ali]. *Drevniy Egipet v Ermitazhe. Novye otkrytiya [Ancient Egypt in Hermitage Museum. New discoveries]*. St. Petersburg: GE, pp. 14–19.

Iskusstvo Vizantii v sobraniyakh SSSR [Art of Byzantium in collections of the USSR], 1. A. V. Bank, O. S. Popova, eds. Moscow: Sovetskiy khudozhnik., 1977. 155 p.

Kachalina G. I., 2004. Sotrudniki Imperatorskogo Ermitazha 1852–1917 [Employees of Imperial Hermitage Museum 1852–1917]. St. Petersburg: GE. 172 p.

Kakovkin A. Ya., 2005. Izuchenie koptskogo iskusstva uchenymi Rossii [Study of Coptic art by Russian scientists]. St. Petersburg: GE. 91 p.

Lavrent'eva N. V., 2020. A. V. Zhivago i ego Egipet [A. V. Zhivago and his Egypt]. *Zhivago A. V. Puteshestvie po Nilu do 22° severnoy shiroty. Dnevnik puteshestviya v Egipet v 1909–1910 gg. [Travel along the Nile to 22° north latitude. Diary of a trip to Egypt in 1909-1910]*. N. Lavrent'eva, A. Belyaeva, E. Zinicheva, comp. Moscow: Indrik, pp. 17–27.

Osharina O. V., 2022. O gruppe pozdneantichnykh izdeliy iz kosti v koptskom sobranii Ermitazha [A group of late Antique bone products in Hermitage's Coptic collection]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Tsar'gradskiy sbornik: k XXV Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov [Proceedings of State Hermitage Museum. Tsargrad Collection: for XXV International congress of Byzantinists]*. St. Petersburg: GE, pp. 65–80.

Pavlov V. V., Matiae M. E., 1958. Pamyatniki iskusstva Drevnego Egipta v muzeyakh Sovetskogo Soyuza [Monuments of art of Ancient Egypt in museums of the Soviet Union]. Moscow: Gos. izdatelstvo izobrazitelnogo iskusstva. 25 p., 54 pl. ill.

Vasilyeva O. A., 2022. K voprosu o proiskhozhdenii drevneegipetskikh pamyatnikov v sobranii V. S. Golenishcheva (na materiale ego kartoteki) [On the origin of ancient Egyptian monuments in collection of V. S. Golenishchev (based on his file)]. *Voprosy muzeologii [Issues of museology]*, vol. 13, no. 2, pp. 241–252.

Vasilyeva O. A., 2023. Arkheologicheskie pamyatniki Drevnego Egipta v sobranii V. S. Golenishcheva (po materialam ego kartoteki) [Archaeological monuments of Ancient Egypt in collection of V. S. Golenishchev (based on materials of his file)]. *Voprosy muzeologii [Issues of museology]*, vol. 14, no. 2, pp. 184–201.

Vladimir Semenovich Golenishchev i ego kollektsiya vostochnykh drevnostey [Vladimir Semenovich Golenishchev and his collection of Oriental antiquities]. Moscow; St. Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2022. 388 p.

Vydayushchiysya russkiy vostokoved V. S. Golenishchev i istoriya priobreteniya ego kollektsii v Muzeĭ izyashchnykh iskusstv (1909–1912) [The outstanding Russian orientalist V. S. Golenishchev and history of acquisition of his collection at Museum of Fine Arts (1909–1912)]. A. A. Demskaya, ed., comp. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1987. 343 p.

About the author

Olga A. Vasilyeva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, research fellow of the grant 24-18-00378 of the Russian Science Foundation “The Origin and the Contents of the Late Antique and Medieval Picture of the Near Eastern and Aegean Past in the Earliest (pre-Achaemenid) Period”, https://rscf.ru/project/24-18-00378/, Leninsky prosp., 32A, Moscow, 119334, Russian Federation; Pushkin State Museum of Fine Arts, ul. Volkhonka, 12, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: olga.vassilieva@arts-museum.ru

Г. С. Чебышев

НОВЫЕ НАХОДКИ ГЛИНЯНЫХ СВЕТИЛЬНИКОВ ИЗ ЮЖНОГО ПРИГОРОДА ХЕРСОНЕСА

Резюме. В статье рассматриваются 10 глиняных формованных и лепных светильников, найденных в ходе спасательных работ в Южном пригороде Херсонеса. Светильники датируются с I по VII в. н. э. Большая часть светильников была обнаружена в скоплении кремаций римского времени. Пять светильников относятся к *Loeschke Type VIII* – наиболее распространенному типу формованных светильников в римское время в Средиземноморье и Причерноморье. На щитках рассматриваемых ламп изображены редкие сюжетные сцены: сидящий на скале мужчина с мотыгой у ног и танцующий сатир с горстью винограда и сосудом. По всей видимости, практически все светильники были созданы в различных причерноморских центрах. Обнаруженные предметы позволяют дополнить представления о погребальном инвентаре некрополя Херсонеса первых веков н. э.

Ключевые слова: Античность, Средневековье, Херсонес, светильники, некрополь, иконография.

В феврале – июне 2024 г. Херсонесской пригородной экспедицией Института археологии Крыма РАН проводились археологические исследования (наблюдения) на участках работ по реконструкции ул. Древняя, входящих в территорию выявленных объектов культурного наследия «Южный пригород Херсонеса Таврического (внешний контур № 7)», «Юго-восточный пригород Херсонеса Таврического», «Некрополь в районе домов 21–23 по ул. Древняя»[1].

[1] Автор выражает свою благодарность начальнику экспедиции, м. н. с отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма В. В. Масякину за предоставленную возможность работы с материалом, а также стажеру-исследователю отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма В. К. Максименкову и стажеру-исследователю отдела средневековой археологии Института археологии Крыма М. А. Матросову за консультации при анализе комплексов.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.219-231

В ходе исследований на упомянутых участках было выявлено 10 глиняных формованных светильников, в общей сложности датируемых с I по VII в. н. э. Светильники Херсонеса в целом изучены достаточно хорошо; наиболее ранние работы с лампами с рассматриваемого памятника были опубликованы еще в начале XX в. (*Вальдгауер*, 1914. С. 22). В 1960–1980 гг. серии римских светильников из Херсонеса детально рассматривались в статьях ряда исследователей (*Щеглов*, 1961; *Кадеев*, 1969; *Кадеев*, *Сорочан*, 1985; *Сорочан*, 1978; 1982). Отдельная монография по светильникам Херсонеса в собрании ГИМ была подготовлена коллективом авторов в 1998 г. (*Chrzhanovski, Zhuravlev*, 1998). В первые века н. э. в некрополе Херсонеса появляется традиция помещения светильников в погребения (*Зубарь*, 1982. С. 82). При этом светильники были найдены в погребениях как с ингумацией, так и с кремацией. В некоторых херсонесских погребальных комплексах исследователи отмечают интересную особенность расположения светильников в специальных неглубоких глиняных чашах на высоких конических ножках (*Костромичев*, 2023. С. 85). В 2021–2023 гг. экспедицией Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» в составе комплексной археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН проводились охранные раскопки на территории объекта археологического наследия «Южный пригород древнего города Херсонес Таврический». В ходе данных исследований в погребениях было выявлено большое количество светильников преимущественно римского и позднеантичного времени (*Дорошко и др.*, 2024. С. 52. Рис. 11–13; *Вахонеев*, 2024; *Власов и др.*, 2024). Ниже будут рассмотрены светильники, выявленные в ходе археологических исследований в 2024 г.

Deneauve Type V B / Bailey Type D group V

Морфологически разнообразный тип светильников с несколькими рожками является производной от типа V A, по классификации Ж. Денев (*Deneauve*, 1969. P. 145). Отличительной чертой данного типа является наличие вертикальной ручки с налепом в виде полумесяца. Количество рожков может варьироваться от двух до пяти. Рожки обрамлены волютами. Представленный в статье светильник, по всей видимости, является локальным причерноморским подражанием италийскому типу. В пользу этого говорит визуальный анализ глины, грубо выполненная форма предмета и весьма упрощенная стилизация волют, нехарактерные для предметов из римских мастерских. Наряду с Кат. 3–4, Кат. 1 был обнаружен среди кремаций в керамических сосудах в рамках объекта ЮП-4. Общая датировка комплекса из 9 сосудов-урн – конец I – вторая половина II в. н. э. Выявленные погребения относятся ко второму (римскому) периоду бытования обряда кремации на некрополе Херсонеса (*Супрун*, 2014. С. 29).

Кат. 1 (рис. 1: *1*). Светильник закрытый трехрожковый. Три рожка расположены отдельно. Плоские плечи отделены от вогнутого щитка валиком и бороздкой. Отверстие для жидкости узкое, расположено в центре щитка. Вертикальная петлевидная ручка с налепом в виде полумесяца над ручкой. Налеплена вне формы. Рожки вытянуты, приподняты. Орнаментированы волютами. Фитильные отверстия округлой формы. Поддон плоский, округлой формы. Обрамлен

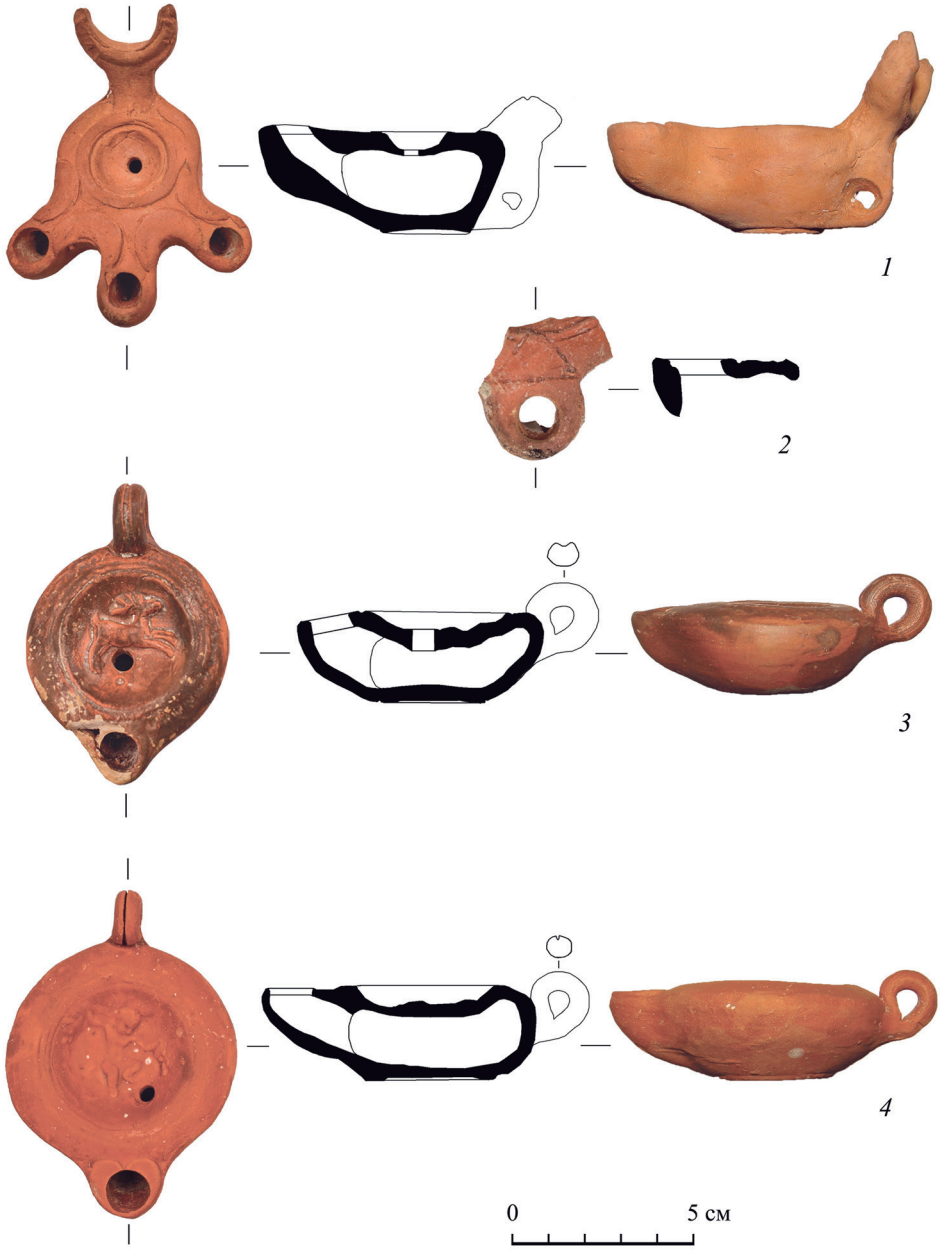

Рис. 1. Светильники

1 – светильник *Deneauve Type V*; *2* – светильник *Bailey Type P*; *3, 4* – светильники *Loeschke Type VIII*

бороздкой. Большая часть поверхности светильника покрыта жидким оранжево-красным лаком. Глина светло-красная.

Сохранность: незначительные сколы.

Размер: H – 4,9 см; l – 8,9 см; d (по рожкам) – 7,1 см, (по тулову) – 4,4 см.

Происхождение: ХП-24. 03.04.24. Р.1, кв. 36/52. Объект: тр. 1, ЮП-4.

Центр производства: Херсонес/Причерноморье (?).

Дата: вторая половина I в. н. э.

Аналогии: *Deneauve*, 1969. P. 146. No. 552. Pl. 62; *Bussiere et al.*, 2017. No. 561.

Bailey Type P (?)

Ввиду плохой сохранности фрагмента морфологически близкий тип можно выделить лишь приблизительно. Тип происходит из экспериментальных версий типа О, по Д. Бейли, который, в свою очередь, является одним из локальных италийских вариантов *Loeschke Type VIII* (*Bailey*, 1980. P. 314). Для светильников этого типа характерны относительно широкое округлое тулово и короткий плоский полукруглый рожок с широким круглым отверстием для фитиля. Рожок вставлен в плечики и определяется боковой бороздкой или ступенькой, чаще всего с вдавленной точкой на каждом конце бороздки. Плечи также округлые и почти всегда без декора, от диска отделены лишь одной или двумя бороздками. Предмет происходит из участка с фрагментом кладки сооружения неопределенного назначения.

Кат. 2 (рис. 1: *2*). Светильника закрытого однорожкового фрагмент. Сохранилась верхняя часть вытянутого рожка округлой формы с широким отверстием для фитиля. Рожок ограничен рельефной бороздкой, отделяющей его от плоского плечика с двумя врезными линиями, образующими подтреугольный орнамент. Часть закрытого щитка отделена от плеча небольшими валиком и бороздкой округлой формы. Глина красно-коричневая.

Сохранность: утеряна большая часть светильника.

Размер: H – 1,4 см; l – 4 см; d – 3,9 см.

Происхождение: ХП-24-I. 06.03.24. Р.1, кв. 36/49. Объект: уч. 19, тр 1.

Центр производства: Причерноморье (?).

Дата: вторая половина I – начало II в. н. э.

Аналогии: *Bussiere et al.*, 2017. Nos. 310, 311.

Loeschke Type VIII

Светильники *Loeschke Type VIII* являются наиболее распространенной группой светильников в Северном Причерноморье в II–III вв. н. э. (*Журавлев, Турова*, 2012. С. 359). Первые подобные лампы известны преимущественно со второй половины I в. н. э. (*Bailey*, 1980. P. 293). Удобство изготовления и копирования, наряду с дешевизной производства, способствовало широкой популярности данного типа на территории всех римских провинций и подконтрольных Риму территорий. В частности, такие лампы широко представлены в Херсонесе (*Chrzanovski, Zhuravlev*, 1998. P. 79).

К данному типу относят закрытые светильники с круглым туловом. Для них характерны плоские плечики, немного вогнутые внутрь к щитку. На местных имитациях данного типа встречаются различные орнаментации плечиков, например штамповка в виде жемчужника. Импортные варианты зачастую изготавливались с неорнаментированными плечиками. Плечики могут быть отделены от щитка миниатюрными канавками. Щиток вогнут, может быть украшен орнаментом или сюжетом. Отверстие для вливания жидкости миниатюрное, располагается соответственно масштабу и наличию декора. Рожок короткий, слегка приподнят, немного выступает за тулово, зачастую округлое. Может иметь дополнительный орнамент в виде листа плюща на верхней части. Оформление дна может быть как плоским, так и в виде небольшого поддона. Иногда выделяется врезной незамкнутой линией. Возможны ручки в форме петли или сплошного вертикального налепа. В зависимости от центра производства, глина оранжево-коричневых оттенков с блестками (слюдой?) и редкими известковыми включениями. Импортные изделия покрыты лаком от оранжево-красного до буро-черного оттенков. Боспорские имитации зачастую без лакового покрытия. О контексте обнаружения Кат. 3–4 см в описании *Deneauve Type V B*.

Кат. 3 (рис. 1: *3*). Светильник закрытый однорожковый. Тулово круглое, с плоскими узкими плечиками, декорированными орнаментом в виде ов. Плечики отделены от круглого щитка валиком двумя бороздками. Щиток вогнутый, декорирован рельефным изображением скачущего вправо оленя. Отверстие для вливания жидкости узкое, расположено в нижней части щитка под туловищем оленя. Рожок вытянут, приподнят. Дно круглое, слегка приподнято в центре, ограничено бороздкой. Ручка вертикальная петлевидная в форме двух валиков и бороздкой между ними. Налеплена вне формы. Большая часть светильника покрыта густым красно-коричневым лаком с подтеками. Глина красно-коричневая.

Сохранность: Утеряна часть рожка, незначительные сколы.

Размер: H – 3,2 см; l – 8,3 см; d – 5,6 см.

Происхождение: ХП-24. 02.04.24. Р.1, кв. 36/52. Объект: тр. 1, ЮП-4.

Центр производства: Малая Азия (?).

Дата: конец I – первая половина II в. н. э.

Аналогии: *Chrzanovski, Zhuravlev*, 1998. Nos. 33–35; *Iványi*, 1935. S. 96–98; *Bailey*, 1988. Q1263, Q2443, Q2444, Q2448, Q3015 etc.

Иконография в виде бегущего оленя считается одним из самых распространенных сюжетов для изображения на щитках светильников римского времени (*Perlzweig*, 1961. No. 163. Pl. 6; *Deneauve*, 1969. No. 624. Pl. 63; *Bussiere, Lindros Wohl*, 2017. No. 431). Изображения оленей на щитках известны на протяжении всего времени бытования римских светильников, с I по IV в. н. э., вне зависимости от формы и центра производства лампы (*Chrzanovski, Zhuravlev*, 1998. P. 82). В собрании ГИМ известно три светильника из раскопок Херсонеса с данным сюжетом. (Ibid. Nos. 33–35).

Кат. 4 (рис. 1: *4*). Светильник закрытый однорожковый. Тулово круглое, с плоскими узкими плечиками. Плечики отделены от круглого щитка валиком и двумя бороздками. Щиток вогнут, декорирован рельефным изображением

танцующего сатира (?) с виноградной гроздью в левой руке и сосудом в правой руке. Отверстие для вливания жидкости узкое, расположено в нижней части щитка справа от правой ноги сатира. Рожок вытянут, приподнят, обрамлен волютой в форме листа плюща. Поддон круглый. Ручка вертикальная петлевидная, профилирована бороздкой. Налеплена вне формы. Большая часть светильника покрыта красно-коричневым лаком с подтеками. Глина светло-красная.

Сохранность: незначительные сколы.

Размер: H – 3 см; l – 9,1 см; d – 6,5 см.

Происхождение: ХП-24. 12.03.24. Р.1, кв. 36/52. Объект: ЮП-4, тр. 1.

Центр производства: Малая Азия (?).

Дата: конец I – первая половина II в. н. э.

Аналогии: *Chrzanovski, Zhuravlev*, 1998. Nos. 33, 35; *Iványi*, 1935. S. 96–98; *Bailey*, 1988. Q1404, Q1418.

Изображение сатира как участника дионисийского культа широко встречается не только на светильниках, но и в вазописи, и на терракотах (*Bailey*, 1980. P. 15–17; 1988. P. 8–10; *Herbert*, 1964. No. 412. Pl. 38; *Bussiere et al.*, 2017. No. 235). Не самый качественный оттиск фигуры на рассматриваемом предмете также позволяет предполагать, что на щитке может быть изображен Эрот. Эрот с виноградной гроздью встречается на щитках эфесских и самосских светильников (*Bailey*, 1988. P. 16, Q 3097–3099). Тем не менее у изображенного на щитке отсутствуют крылья, что не позволяет с полной уверенностью принять версию об Эроте.

Кат. 5 (рис. 2: *5*). Светильник закрытый однорожковый. Тулово круглое, с плоскими узкими плечиками. Плечики отделены от круглого щитка валиком и двумя бороздками. Щиток вогнутый, декорирован рельефным изображением сосуда (канфара?). Отверстие для вливания жидкости узкое, расположено в центральной части щитка слева от тулова канфара. Рожок вытянут, приподнят. Дно круглое, плоское, ограничено бороздкой. Ручка вертикальная петлевидная. Налеплена вне формы. Большая часть светильника покрыта оранжево-красным лаком с подтеками. Глина красно-коричневая.

Сохранность: незначительные сколы.

Размер: H – 4,8 см; l – 8,1 см; d – 5,7 см.

Происхождение: ХП-24. 16.04.24. Р.1. Объект: тр. 3.

Центр производства: Западное Причерноморье.

Дата: конец I – III в. н. э.

Аналогии: *Вальдгауер*, 1914. № 350, 378, 439; *Bailey*, 1980. Q 1418; 1988. Q 1509.

Изображение различных сосудов, ваз, кратеров, канфаров и т. д. на щитках римских светильников представлено весьма широко (*Bailey*, 1988. P. 49–51). При этом не всегда сосуд может быть центром композиции – известно достаточно много сюжетов, где сосуд является лишь составной частью сюжета (*Deneauve*, 1969. No. 600. Pl. 61; *Bussiere et al.*, 2017. P. 74, 84–85, 161). Близкий по иконографии рассматриваемому светильнику из Херсонеса щиток хранится в Ялтинском историко-литературном музее (*Журавлев, Турова*, 2012. Табл. 13: *65*).

Рис. 2. Светильники

5–7 – светильники *Loeschke Type VIII*; *8, 9* – фрагменты ладьевидных светильников; *10* – светильник *Iconomu Type XXXIII*

Кат. 6 (рис. 2: *б*). Светильник закрытый однорожковый. Тулово круглое, с плоскими узкими плечиками, декорированными орнаментом в виде ов. Плечики отделены от круглого щитка бороздкой. Щиток вогнутый, декорирован рельефным изображением сидящего на скале мужчины с мотыгой. Отверстие для вливания жидкости узкое, расположено в центральной части щитка слева от мужчины. Рожок вытянут, приподнят. Дно круглое, приподнимается в центре, ограничено бороздкой. Сохранился корень вертикальной ручки. Налеплена вне формы. Большая часть светильника покрыта красно-коричневым лаком с подтеками. Глина светло-красная.

Сохранность: утрачена ручка, незначительные сколы.

Размер: H – 2,5 см; l – 7,7 см; d – 6,2 см.

Происхождение: ХП-24. 05.04.24. Р.1, кв. 37/52. Объект: могила под ямой с кремацией ЮП-14.

Центр производства: Малая Азия (?).

Дата: конец I – II в. н. э.

Аналогии: *Вальдгауер*, 1914. Табл. XXXVII: *362*.

Иконография данного светильника является крайне редкой и практически не представлена в литературе. Единственная известная опубликованная близкая аналогия была выявлена при раскопках некрополя Херсонеса в 1895 г. (Там же). Интересно отметить, что в этой же могиле было найдено еще два формованных светильника и две монеты Максимина, датируемые 235–238 гг. н. э. (Там же. С. 49). Светильник из дореволюционных раскопок Херсонеса отличается от нашего отсутствием орнамента в виде ов на плечиках, а также менее выраженным декором рожка. В то время как сам оттиск сидящего на скале мужчины более детализирован. Ручка данного светильника вертикальная петлевидная, выполнена в виде двух валиков. Ручки такой формы являются маркером причерноморских производственных центров и практически не встречаются на италийских светильниках (*Журавлев, Быковская*, 2023. С. 49). Идентичный нашему светильник происходит из склепа № 84 Восточного некрополя Фанагории (*Кузнецов*, 2006. С. 72. Рис. 236.64). Качество оттиска сюжета, овоидный орнамент и лист плюща вокруг рожка полностью соотносятся с орнаментацией представленного светильника. По мнению исследователей, склеп № 84 датируется началом – первой половиной I в. н. э. (Там же. С. 81). Еще один светильник с таким же сюжетом был найден в ходе раскопок О. Д. Чевелевым некрополя Кыз-Аул в 1983 г., в склепе II. Светильник хранится в фондах ВКИКМЗ, № КС-1346.

Отметим, что рассматриваемый херсонесский светильник был найден в ингумации, где также находилась бронзовая пряжка подтипа А2 – пряжки с расширенной прямоугольной задней частью без завитков на рамке. Подтип «Карробург», по Д. А. Костромичеву. Исследователь отмечает, что пряжки указанного подтипа встречаются в Северном Причерноморье, в том числе и в Херсонесе, со второй трети II до третьей четверти III в. н. э. (*Костромичев*, 2015. С. 318).

Рассматриваемый херсонесский светильник следует датировать концом I – II в. н. э. Примечательно, что четыре известных на данный момент светильника с этой иконографией были выявлены в погребальных комплексах.

Кат. 7 (рис. 2: *7*) Светильника закрытого однорожкового фрагмент. Сохранилась верхняя часть тулова со скругленным плечиком и частью вогнутого щитка, разделенные бороздкой. Внешняя поверхность светильника покрыта густым красно-коричневым лаком. Глина светло-красная.

Сохранность: утеряна большая часть светильника.

Размер: H – 1,3 см; l – 3,5 см; d – 2,1 см.

Происхождение: ХП-24. 20.03.24. Р.2. Объект: ЮВП-5.

Центр производства: Малая Азия (?).

Дата: конец I – III в. н. э.

Важно отметить, что в ходе спасательных работ экспедиции Института археологии Крыма удалось идентифицировать объект ЮВП-5 как склеп № 2083 из раскопок Косцюшко-Валюжинича (*Косцюшко-Валюжинич*, 1907. С. 111). К сожалению, склеп был сильно поврежден поздними вторжениями и не может способствовать уточнению датировки.

Ладьевидные светильники

К данному типу относятся неглубокие открытые светильники с неровными подокруглыми стенками, образующими ладьевидную форму. Принято считать, что подобные лепные светильники создавались по образцу морфологически идентичных светильников, изготовленных в формах (*Арсеньева*, 1988. С. 90). В Северном Причерноморье ладьевидные светильники известны со II в. н. э., однако наибольшее распространение получают в III–IV вв. н. э., изредка встречаясь в поздних слоях (*Арсеньева*, 1988. Табл. XXXIX: *6*; *Забелина*, 1992. С. 323). В некоторых случаях ладьевидные светильники могли использоваться в качестве подставок для более миниатюрных ламп.

Кат. 8 (рис. 2: *8*). Светильника открытого лепного ладьевидного фрагмент. Сохранилась часть тулова с широкой горизонтальной петлевидной ручкой, орнаментированной бороздками и валиками. Глина светло-красная.

Сохранность: утеряна большая часть светильника.

Размер: H – 3 см; l – 6,2 см; d – 4,3 см.

Происхождение: ХП-24. 27.03.24. Р.1, кв. 37/49. Объект: тр. 1, прирезка 2.

Центр производства: Херсонес Таврический.

Дата: II–III вв. н. э.

Аналогии: *Арсеньева*, 1988. Табл. XXVI: *1–4*; *Chrzanovski, Zhuravlev*, 1998. No. 74.

Кат. 9 (рис. 2: *9*). Светильника открытого лепного ладьевидного фрагмент. Сохранилась часть тулова с широкой горизонтальной ручкой в виде сплошного налепа, полукруглая в разрезе. Дно, вероятно, имело вид рельефной окружности. Глина красная с известковыми включениями и пироксеном.

Сохранность: утеряна большая часть светильника.

Размер: H – 3 см; l – 3,7 см; d – 4,6 см.

Происхождение: ХП-24-I. 18.03.24. Р.1, кв. 36/48. Объект: уч. 20, тр. 1.

Центр производства: Херсонес Таврический (?).

Дата: II–III вв. н. э.

Аналогии: *Арсеньева*, 1988. Табл. XXVI: *1–4*.

Iconomu Type XXXIII

Для светильников этого типа характерны биконическое тулово, плоский щиток с рельефными канавками и длинный вытянутый рожок. Главной отличительной чертой является большая сплошная ручка, декорированная рельефом только на плоской стороне, обращенной к щитку. Подавляющее большинство ламп данного типа имеют ручки в виде разнообразных крестов, реже – растительный орнамент. Такие светильники начинают изготавливаться в Мезии с середины VI в. н. э., чуть позже их начали делать в Малой Азии и Константинополе (*Chrzanovski, Zhuravlev*, 1998. P. 171). Преимущественно *Iconomu Type XXXIII* встречается на причерноморских памятниках.

Кат. 10 (рис. 2: *10*). Светильника закрытого однорожкового фрагмент. Сохранилась верхняя часть тулова с щитком и частью узкого отверстия для вливания жидкости. Щиток отделен от плечиков двумя валиками и бороздкой между ними. Плечики орнаментированы вертикальными налепами. Ручка вертикальная в форме рельефного креста. Ручка налеплена в форме. Глина светло-красная.

Сохранность: утеряна большая часть светильника.

Размер: H – 3,8 см; l – 5,1 см; d – 6 см.

Происхождение: ХП-24. 12.04.24. Р.Л, кв. 35/62. Пласт: темный грунт над материком.

Центр производства: Мезия (?)

Дата: середина VI – середина VII в. н. э.

Аналогии: *Iconomu*, 1967. P. 28, 29, 146–150; *Chrzanovski, Zhuravlev*, 1998. Nos. 109, 110; *Bailey*, 1988. Q 3227.

В последние годы на территории Херсонеса Таврического и его пригорода проводятся беспрецедентные по масштабам раскопки, результаты которых существенно дополняют наши представления об одном из наиболее значимых памятников археологии в Северном Причерноморье. Обнаружение новых светильников, в частности в погребальных комплексах, лишний раз подтверждает и раскрывает важность светильников не только как бытового, но и культового предмета для человека эпохи Античности.

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньева Т. М., 1988. Светильники Танаиса. М.: Наука. 140 с.

Вальдгауер О. Ф., 1914. Античные глиняные светильники. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг. 68 с.

Вахонеев В. В., 2024. Археологические исследования на раскопе 3 // Бюллетень ИИМК РАН. Охранная археология. № 15. С. 61–81.

Власов В. П., Ушаков С. В., Турова Н. П., 2024. Археологические исследования на раскопе 6 // Бюллетень ИИМК РАН. Охранная археология. № 15. С. 101–140.

Дорошко В. В., Лесная Е. С., Неделькин Е. В., Тюрин М. И., 2024. Археологические исследования на раскопе 2 // Бюллетень ИИМК РАН. Охранная археология. № 15. С. 46–60.

Журавлев Д. В., Быковская Н. В., 2023. Импортные светильники с волютами из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения: материалы науч. конф. (Нижний

Новгород, 22 января 2022 г.) / Под ред. А. В. Махлаюка. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т. С. 48–78.
Журавлев Д. В., Турова Н. П., 2012. Античные глиняные светильники Ялтинского историко-литературного музея // БИ. № 26. С. 335–400.
Забелина В. С., 1992. Античные глиняные светильники из Пантикапея // Сообщения Государственного музея изобразительных искусств. Вып. 10. М.: Внешторгиздат. С. 298–328.
Зубарь В. М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка. 142 с.
Кадеев В. И., 1969. Импортные светильники I–IV вв. из Херсонеса // СА. № 3. С. 159–170.
Кадеев В. И., Сорочан С. Б., 1985. Египетские и сирийские светильники первых веков нашей эры из Херсонеса // Вестник Харьковского государственного университета. № 268. С. 95–100.
Костромичев Д. А., 2015. Ажурные пряжки с пельтовидной рамкой: вопросы типологии, хронологии и происхождения // SP. № 4. С. 299–356.
Костромичев Д. А., 2023. Нет дыма без огня: роль чаш на высокой ножке из некрополя Херсонеса // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: материалы науч. конф. Севастополь. С. 85–90.
Косцюшко-Валюжинич К. К., 1907. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИИАК. № 25. С. 67–128.
Кузнецов В. Д., 2006. Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2006 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 27163–27165.
Сорочан С. Б., 1978. Імпортні світильники як джерело вивчення торговельних зв'язків Херсонеса із Східним Середземномор'ям у I–III ст. н. е. // Вісник Харьківського університету. № 167: Історія. Вип. 10. С. 43–49.
Сорочан С. Б., 1982. Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса // Археологія. Вип. 38. С. 43–50.
Супрун Н. О., 2014. О трансформации погребального обряда Херсонеса-Херсона на примере использования кремации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Вып. 32. № 21 (192). С. 28–34.
Щеглов А. Н., 1961. Светильники с клеймом XPYCOY // Сообщения Херсонесского музея. Вып. 2. Симферополь. С. 45–51.

Bailey D. M., 1980. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. Vol. II. Roman Lamps Made in Italy. London: British Museum Publications. 458 p.
Bailey D. M., 1988. A Catologue of the Lamps in the British Museum. Vol. III. Roman Provincial Lamps. London: British Museum Publications. 369 p.
Bussiere J., Lindros Wohl B., 2017. Ancient lamps in the J. Paul Getty Museum. Los Angeles: Getty Publications. 511 p.
Chrzanovski L., Zhuravlev D., 1998. Lamps from Chersonesos in the State historical museum – Moscow. Roma: «L'Erma» di Bretschneider. 296 p. (Studia archaeologica; 94.)
Deneauve J., 1969. Lampes de Carthage. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique. 240 p.
Herbert K., 1964. Ancient Art in Bowdoin College: A Descriptive Catalogue of the Warren and Other Collections. Cambridge; London: Harvard University Press. 227 p.
Iconomu C., 1967. Opaiţe greco-romane. Constanta: Muzeul regional de arheologie Dobrogea. 168 p.
Iványi D., 1935. Die Pannonischen Lampen: Eine Typologisch-Chronologische Übersicht. Budapest: University of Budapest. 351 p. (Dissertationes Pannonicae. Series 2; № 2.)
Perlzweig J., 1961. Lamps of the Roman Period: First to Seventh Century after Christ. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 240 p. (The Athenian Agora; vol. VII.)

Сведения об авторе

Чебышев Георгий Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: chebyshev.george0480@gmail.com

G. S. Chebyshev

NEW FINDS OF CLAY OIL LAMPS FROM THE SOUTHERN SUBURB OF CHERSONESES

Abstract. The article examines 11 clay molded and hand-made oil lamps found during the rescue excavations in the southern suburb of Chersoneses. The lamps are dated from the 1st century AD to the 7th century AD. Most of the lamps were found in a cluster of cremations from the Roman period. Five lamps belong to the Loeschke Type VIII, which is the most common type of molded oil lamps in the Roman period in the Mediterranean and Black Sea regions. The shields of the lamps depict rare narrative scenes, i. e. a man sitting on a rock with a hoe at his feet and a dancing satyr with a handful of grapes and a vessel. Apparently, almost all the lamps were made in various Pontic centers. The discovered objects expand our understanding of the funerary offerings at the Chersoneses necropolis in the first centuries AD.

Keywords: Antiquity, Middle Ages, Chersoneses, oil lamps, necropolis, iconography.

REFERENCES

Arsen'eva T. M., 1988. Svetilniki Tanaisa [Oil lamps from Tanais]. Moscow: Nauka. 140 p.

Doroshko V. V., Lesnaya E. S., Nedel'kin E. V., Tyurin M. I., 2024. Arkheologicheskie issledovaniya na raskope 2 [Archaeological research at excavation trench 2]. *Byulleten' IIMK RAN. Okhrannaya arkheologiya [Bulletin of IIMK RAS. Protection archaeology]*, 15, pp. 46–60.

Kadeev V. I., 1969. Importnye svetilniki I–IV vv. iz Khersonesa [Imported oil lamps of I–IV cc. from Chersoneses]. *SA*, 3, pp. 159–170.

Kadeev V. I., Sorochan S. B., 1985. Egipetskie i siriyskie svetilniki pervykh vekov nashey ery iz Khersonesa [Egyptian and Syrian oil lamps of first centuries AD from Chersoneses]. *Vestnik Kharkovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kharkov state university]*, 268, pp. 95–100.

Kostromichev D. A., 2015. Azhurnye pryazhki s peltovidnoy ramkoy: voprosy tipologii, khronologii i proiskhozhdeniya [Openwork buckles with pelt-shaped frame: issues of typology, chronology and origin]. *SP*, 4, pp. 299–356.

Kostromichev D. A., 2023. Net dyma bez ognya: rol' chash na vysokoy nozhke iz nekropolya Khersonesa [There is no smoke without fire: the role of bowls on high stem from Chersoneses necropolis]. *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii [Ancient relics of Chersoneses: discoveries, finds, theories]*. Sevastopol, pp. 85–90.

Kostsyushko-Valyuzhinich K. K., 1907. Otchet o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1905 g. [Report on excavations in Tauride Chersoneses in 1905]. *IIAK*, 25, pp. 67–128.

Kuznetsov V. D., 2006. Otchet o rabote Tamanskoy ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Fanagorii v 2006 g. (Krasnodarskiy kray, Temryukskiy rayon, pos. Sennoy) [Report on work of Taman expedition of Institute of Archaeology, RAS in Phanagoria in 2006 (Krasnodar Krai, Temryuk district, Sennoy village)]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Shcheglov A. N., 1961. Svetil'niki s kleymom XPYCOY [Oil lamps with stamp XPYCOY]. *Soobshcheniya Khersonesskogo muzeya [Communications of Chersoneses museum]*, 2. Simferopol, pp. 45–51.

Sorochan S. B., 1978. Importni svitil'niki yak dzherelo vivchennya torgovelnikh zv'yazkiv Khersonesa iz Skhidnim Seredzemnomor'yam u I–III st. n. e. [Imported oil lamps as a source for study trade relations od Chersoneses with Esatern Mediterranean in I–III cc. AD]. *Visnik Kharkivskogo universitetu [Bulletin of Kharkov university]*, 167, 10, pp. 43–49.

Sorochan S. B., 1982. Pro tak zvani rubchasti svitil'niki z Khersonesa [On so-called ribbed oil lamps from Cheroneses]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 38, pp. 43–50.

Suprun N. O., 2014. O transformatsii pogrebalnogo obryada Khersonesa-Khersona na primere ispolzovaniya krematsii [On transformation of burial rite of Chersoneses-Kherson on example

of cremation]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya [Scientific bulletin of Belgorod state university. Series: History. Political science]*, iss. 32, no. 21 (192), pp. 28–34.

Vakhoneev V. V., 2024. Arkheologicheskie issledovaniya na raskope 3 [Archaeological research at excavation trench 3]. *Byulleten' IIMK RAN. Okhrannaya arkheologiya [Bulletin of IIMK RAS. Protection archaeology]*, 15, pp. 61–81.

Valdgauer O. F., 1914. Antichnye glinyanye svetil'niki [Ancient clay oil lamps]. St. Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vilborg. 68 p.

Vlasov V. P., Ushakov S. V., Turova N. P., 2024. Arkheologicheskie issledovaniya na raskope 6 [Archaeological research at excavation trench 6]. *Byulleten' IIMK RAN. Okhrannaya arkheologiya [Bulletin of IIMK RAS. Protection archaeology]*, 15, pp. 101–140.

Zabelina V. S., 1992. Antichnye glinyanye svetil'niki iz Pantikapeya [Ancient clay oil lamps from Panticapaeum]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv [Communications from the State Museum of Fine Arts]*, 10. Moscow: Vneshtorgizdat, pp. 298–328.

Zhuravlev D. V., Bykovskaya N. V., 2023. Importnye svetil'niki s volyutami iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika [Imported oil lamps with volutes from collection of East Crimean historical and cultural museum-reserve]. *Professor Evgeniy Aleksandrovich Molev i sovremennye problemy antikovedeniya (konferentsiya 2022 g.) [Professor Evgeny Aleksandrovich Molev and modern problems of Classical studies (conference 2022)]*. A. V. Makhlayuk, ed. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gos. universitet, pp. 48–78.

Zhuravlev D. V., Turova N. P., 2012. Antichnye glinyanye svetil'niki Yaltinskogo istoriko-literaturnogo muzeya [Ancient clay oil lamps from Yalta historical and literary museum]. *BI*, 26, pp. 335–400.

Zubar' V. M., 1982. Nekropol Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n. e. [Necropolis of Tauric Chersoneses in I–IV cc. AD]. Kiev: Naukova dumka. 142 c.

About the author

Chebyshev Georgiy S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: chebyshev.george0480@gmail.com

А. В. Ковальчук, С. И. Финогенова

КЛЕЙМО С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПЕТУХА[1]

Резюме. В статье рассматриваются два клейма с изображением петуха, найденные при раскопках на поселении «Казантип Западный» и городище «Гермонасса». Находка одного из них в слое архаического здания свидетельствует о датировке оттиска не позднее V в. до н. э. Анализ изображения позволяет в нем видеть знак гончарной мастерской или мастера, работающего в ней. Возможно, изображение является пиктограммой имени мастера Алектриона, а также служит апотропеем, призванным оберегать сосуд и его содержимое.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, античность, керамическая эпиграфика, столовая посуда.

Основным объектом керамической эпиграфики являются клейма на амфорах и черепице. Однако в последнее время внимание исследователей привлекают и другие категории материалов: знаки и отпечатки гемм на грузилах (*Краснодубец*, 2020. С. 17–28), оттиски на пифосах и тонкостенных сосудах (*Федосеев*, 2005. С. 337–340; 2016. С. 483–490; *Ковальчук*, 2012. С. 220–238; *Тюрин, Краснодубец*, 2021. С. 96–116; *Castelli*, 2022. P. 45–85; *Коваленко*, 2022. С. 174–182). Последняя группа различается по форме, характеру и содержанию. Некоторые из штампов, близкие монетным типам и/или содержащие указание на название города или общины, магистратуру астиномов или агораномов, являются официальными знаками, гарантирующими объем сосудов, которые служили мерой для измерения жидких или сыпучих тел (*Федосеев*, 1991. С. 244–247; *Ковальчук*, 2019. С. 196–210; *Ковальчук и др.*, 2023. С. 281). Другие можно определить как клейма мастеров-гончаров, изготовивших сосуд (*Ковальчук, Соловьев*, 2023. С. 55; *Финогенова*, 2006. С. 199), или как знак качества партии сосудов, подлежавших последующему обжигу (*Масленников*, 2011. С. 276; *Коваленко, Попова*,

[1] Статья написана в ходе работы над проектом РНФ № 23-28-01503 «Керамические клейма сельских поселений Крымского Приазовья IV–III вв. до н. э. как исторический источник».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.232-242

2011. С. 51). Отдельные клейма имели владельческий характер, являясь «отметкой» собственника предмета (*Финогенова*, 2006. С. 203).

В данной статье будут рассмотрены два клейма на тонкостенных сосудах, найденные при раскопках на поселении «Казантип Западный» и городище «Гермонасса».

В 1989–1990, 1998–1999 гг. Казантипский отряд Восточно-Крымской экспедиции ИА РАН под руководством И. М. Безрученко проводил работы на южной оконечности западного мыса полуострова Казантип. Здесь еще в 1962 г. было открыто поселение «Казантип Западный» (Мысовка) площадью около 1000 кв. м.

От самого раннего периода сохранились только ямы. Но уже в начале IV в. до н. э. здесь появляются жилые кварталы, имеющие правильную (регулярную) планировку. По крайней мере, открытое раскопками строение представляло собой несколько одно-, двухкамерных помещений, группирующихся вокруг общего двора. Около середины столетия на поселении происходит пожар, за которым следует частичная перепланировка дома. Вероятно, в это же время в северной части памятника возникает крепостная стена с валом и рвом (*Безрученко, Масленников*, 1990. С. 171; *Масленников*, 2010. С. 213). В середине III в. до н. э. после еще одного сильного пожара, сопровождающегося значительными разрушениями, возникают новые помещения, ориентация которых отличается от прежней. К концу столетия усадьба занимает уже небольшую площадь (*Кругликова*, 1975. С. 77) и вскоре прекращает свое существование. Кроме того, в соседней бухте был открыт мол, а на западе в небольшой бухте находилась гавань (*Масленников*, 2010. С. 206–216).

1. И. Т. Кругликова считала, что данное поселение могло возникнуть к концу V в. до н. э. и полагала, что в начале II в. до н. э., после того как усадьба была покинута, жизнь переместилась на новое место в восточной части Казантипского мыса (*Кругликова*, 1975. С. 76–77; *Масленников*, 2010. С. 215). Анализ чернолаковой керамики позволил А. А. Масленникову определить начало функционирования усадьбы (?) последней третью V в. до н. э., однако он отмечает присутствие небольшого количества сосудов более раннего времени – еще конца VI – начала V в. до н. э. (*Масленников*, 2010. С. 216).

2. Во время археологичексих работ (исследований) в 1990 году на северо-западном участке в слое разрушения середины III в. до н. э., перекрывающем ранние помещения, был найден фрагмент тонкостенного сосуда с клеймом (оп. № 161, рис. 1: *1*). Из этого же слоя происходят стенки пифосов, дно лутерия, обломки амфорной тары, простой столовой посуды (кувшины, миски, кружки) и лепная керамика, а также ручка светильника, известняковое грузило, стенка херсонесской амфоры с граффито (*Безрученко, Масленников*, 1990. С. 169). Гончарная керамика преобладает над лепной (70 % и 30 %). Амфорные ножки из слоя распределяются по центрам производства следующим образом: 37, 5 % составляют синопские, 25 % рюмкообразные, по 12,5 % фасосские, херсонесские и мендейские. Присутствуют также отдельные находки амфор Хиоса («колпачковые»), Лесбоса, Гераклеи, Коринфа и Солохи II (*Безрученко, Масленников*, 1990. С. 169).

Интересующий нас фрагмент тонкостенного закрытого сосуда размером 4,6 × 5,1 см сформован из бежево-коричневой глины с включениями мелких

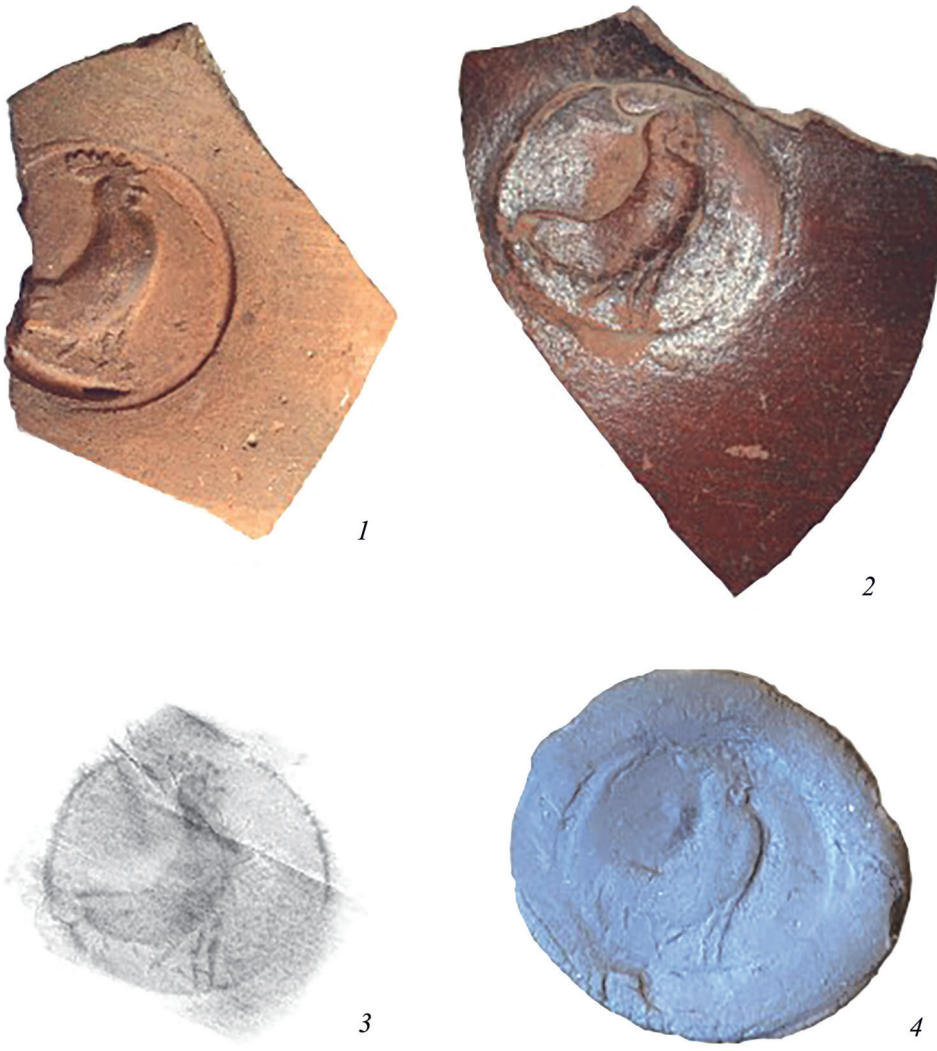

Рис. 1. Клейма

1 – клеймо с изображением петуха с поселения «Казантип Западный»; *2* – клеймо с изображением петуха с городища «Гермонасса»; *3* – протирка с изображением петуха с городища «Гермонасса»; *4* – слепок клейма с городища «Гермонасса»

известняковых частиц и слюды (рис. 1: *1*). В верхней части он расширяется к венчику. Вероятно, перед нами обломок части тулова кувшина или ойнохои. Непосредственно в месте перехода к венчику отпечатано круглое клеймо диаметром 3,1 см с рельефным изображением петуха (*Масленников*, 2012. С. 219–220). Петух стоит вправо, гребешок изображен небольшими волнистыми выступами, клюв – в виде длинной палочки с бородкой, грудь приподнята, детально вырезаны ноги со шпорами, оперение отсутствует, хвост отбит.

Это клеймо так и осталось бы интересной редкостью, достойной помещения на книжную обложку, если бы не находка такого же оттиска на Таманском городище[2].

В 2010 г. в северо-западной части Северного раскопа было открыто прямоугольное помещение, стены которого были сложены из сырцовых кирпичей, покоившихся на каменном основании (рис. 2; 3). В северо-западном углу дома удалось проследить уровень пола, который лежал почти на материке. В южной части дома находился небольшой открытый очаг, в северо-западном углу «читалось» пятно костра. За внешней стеной к югу от помещения была открыта черепяная вымостка (*Финогенова, Ильина*, 2015. С. 431).

Подавляющее большинство находок из слоя существования дома относятся к концу VI – первой половине V в. до н. э., но среди них встречаются отдельные экземпляры более позднего времени – вплоть до первой четверти IV в. до н. э. (рис. 4: *1, 8*), что, вероятно, можно считать результатом перекопов, возможно, под фундамент дома.

Материал из ям и слоя, предшествующего времени строительства здания, относится к концу VI – V в. до н. э. Из этого горизонта происходят обломки хиосских пухлогорлых амфор с полосами краски под венчиком и дипинти в виде круга с точкой по середине, хиосских и лесбосских амфор второй половины V в. до н. э. На ножке одной из хиосских амфор отпечатано анэпиграфное клеймо в виде ладони (*Финогенова, Ильина*, 2011. С. 15. Рис. 131–132). В этом же слое были найдены фрагменты кувшинов с узорами в виде волнистых линий, обломки чернофигурных киликов, коринфская посуда с чешуйчатым орнаментом, фрагмент краснофигурного кратера. К столовой посуде относится также фрагмент киафа с петлевидной ручкой. Толстостенная керамика представлена частями синопских и красноглиняных лутериев, кухонная – обломками горшков и сковородок. Чернолаковая посуда – это килики с округлыми петлевидными ручками, скифосы, солонки, кувшинчики (Там же. С. 15–16). Светильники относятся к открытым типам. Отметим также находку стенки флакона финикийского стекла V в. до н. э. и терракотовую фигурку черепахи начала V в. до н. э. родосского производства (рис. 4: *6*).

Здесь же была обнаружена и стенка тонкостенного сосуда с изображением петуха (рис. 3), что позволяет датировать эту находку концом VI – V в. до н. э. Наличие на поселении Казантип-Западный отдельных находок этого времени не противоречит этой дате.

Фрагмент стенки[3] (размер 6,0 × 5,2 см) тонкостенного сосуда (толщина стенки 0,3 см в верхней и 0,4 см в нижней части фрагмента) имеет небольшое расширение в верхней части, в месте перехода тулова в венчик (рис. 1: *2–4*). Глина бежево-оранжевая с включениями мелкой слюды. Черепок с внешней стороны покрыт слоем блестящей темно-красной краски, судя по мазкам, нанесенной плоской кистью шириной 0,5 см. Клеймо отпечатано ниже венчика и сохранилось полностью. Относительно широкое горло и невысокий венчик сосуда

[2] Автор выражает благодарность Т. А. Ильиной за возможность посмотреть клеймо в фондах ГМИИ им. А. С. Пушкина.

[3] ТмГс-2010 XII-XIII/ 50, оп. 32. Хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. № Ф-1788.

Рис. 2. Жилой дом на Северном раскопе городища «Гермонасса». Вид с юга

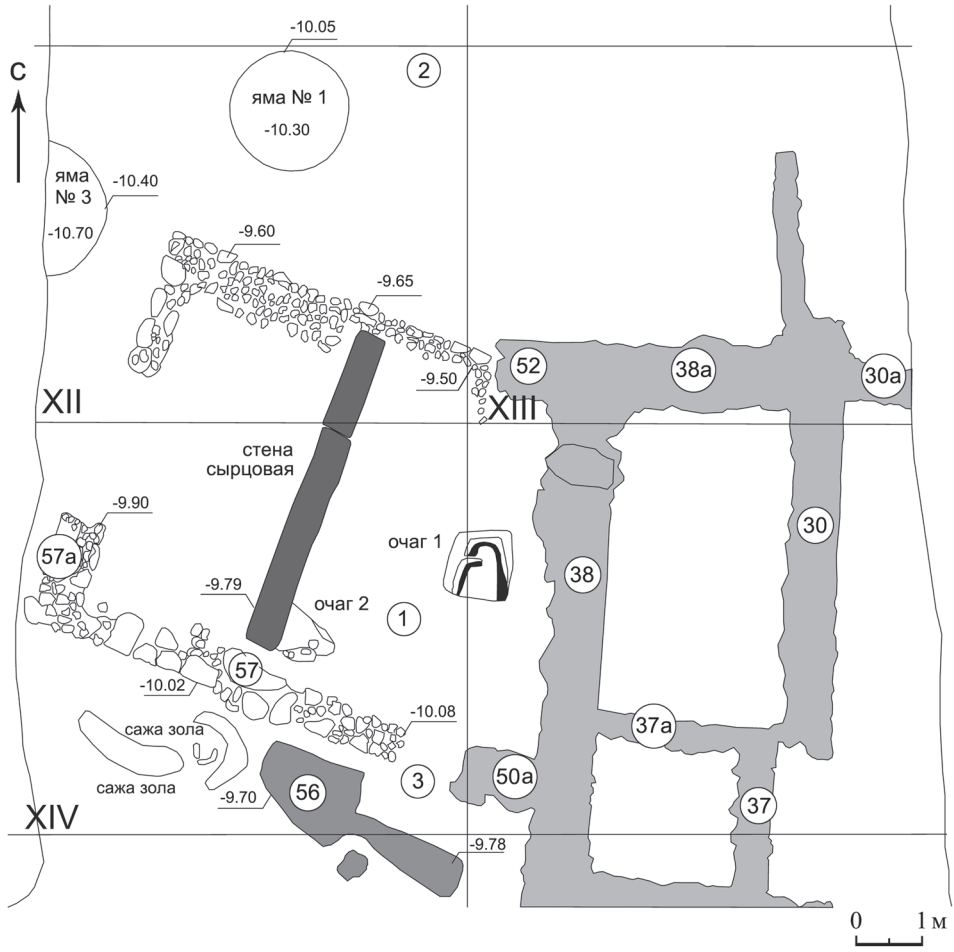

Рис. 3. План дома на Северном раскопе. На плане цифрами обозначены находки
1 – алабастр; *2* – стенка ойнохои с клеймом; *3* – терракотовая фигурка черепахи

позволили мастеру при штамповании придержать стенку изнутри, где отчетливо виден отпечаток большого пальца. Оттиск имеет овальную форму (3,1 × 2,5 см), был отпечатан под венчиком, изгиб которого помешал поставить клеймо прямо и заставил мастера немного сдвинуть его вниз.

Штамп идентичен отпечатанному на сосуде с поселения «Казантип Западный». Уцелевшее изображение хвоста петуха вырезано схематично в виде овала с отдельными полосками-перьями; от него вниз отходит одно длинное перо, крыло лежит по диагонали вдоль тела. Отчетливо оттиснута круглая ровная рамка, приподнятая над полем изображения на 1,5 мм. Эта особенность и отдельные мелкие детали в нижней части туловища позволяют предполагать, что круглый штамп был, по-видимому, изготовлен из камня в технике инталии.

Рис. 4. Находки с Северного раскопа

1 – сетчатый лекиф, первая половина IV в. до н. э. (оп. 38, кв. XIV, шт. 49); *2* – фрагмент краснофигурного сосуда, мальчик в гиматии, первая четверть V в. до н. э. (оп. 5, кв. XV, шт. 48); *3* – стенка чернофигурного килика с Дионисом, мастер Псиакс, ок. 520 г. до н. э. (кв. XV, яма 4); *4* – скарабей с изображением сидящей птицы (оп. 42, кв. XII–XIII, шт. 49); *5* – стенка чернофигурного кратера с колонками с изображением борьбы Геракла с морским чудовищем Тритоном, круг мастера Кьюзи, 525–510 гг. до н. э. (кв. XV, яма 4); *6* – терракотовая фигурка черепахи, начало V в. до н. э. (оп. 56, кв. XV, шт. 51); *7* – алабастр из алебастра (кв. XIV, шт. 49); *8* – щиток краснофигурного аттического аска с изображением пантеры, первая четверть IV в. до н. э. (оп. 40, кв. XV, шт. 49)

Мотивы и изображения, вырезанные на геммах, часто заимствовались с монет. В конце VI – первой половине V в. до н. э. фигура петуха присутствует на монетах Кизика, Дардан, Селинунта, Гимер, Митилен, Дикаи и Селимбрии во Фракии. Для ранних монет характерно изображение хвоста в виде овала с отдельными линиями-перьями и гребешка как овала с короткими вертикальными отростками, стилистически напоминающего гребень для волос. Эти элементы присутствуют и на вышеупомянутом клейме.

Первые бесспорные изображения петуха в Греции известны с конца VIII в. до н. э., хотя домашней птицей он стал только полтора столетия спустя (*Grabow*, 2003. S. 140). Фигуры петухов присутствуют на протокоринфских и протоаттических сосудах конца VIII – начала VII в. до н. э. (Ibid. Abb. 24: *3, 4*). Несмотря на вероятность того, что отдельные петухи и куры уже в минойское время могли содержаться во дворцах в качестве экзотических птиц, вазописцы этого времени при их изображении ориентировались скорее не на реальных животных, а на их изображения, известные по восточным произведениям глиптики, торевтики и мелких бронзовых изделий (*Grabow*, 2003. S. 140).

На ранних сосудах конца VIII – начала VI в. до н. э. петух часто является частью фриза, иногда присутствуют два петуха, порой они разделены растительным орнаментом (*Weicker*, 1905. S. 208–209). Похожие изображения встречаются и на ранних геммах (*Richter*, 1956. S. 16. № 64. Pl. X: *64*). Здесь они, как и другие противостоящие животные, имеют декоративное значение.

Фигуры петухов присутствуют на надгробиях в Аттике, возможно, олицетворяя воплощение души умерших людей (*Weicker*, 1905. S. 210). Согласно Аристофану, петух, «персидская птица» (Arph. Av. 707), обладает сверхъестественными способностями, прогоняет злых духов ночи, его боятся василиск и лев. Петуху известно будущее, его приносят в жертву предкам, Коре и Асклепию (Ibid.).

Кроме того, начиная с середины V в. до н. э. популярным становится мотив дерущихся петухов, который отражает реальные сцены петушиных боев (*Bruneau*, 1965. P. 94–96). Впоследствии дерущийся петух приобретает аллегорическое значение, становясь символом военной победы и отваги (Ibid. P. 104, 107–108). Упомянем также петуха в качестве широко распространенного подарка эромену от эраста (Arph. Av. 707; *Bruneau*, 1965. P. 97).

И. М. Безрученко и А. А. Масленников писали о мерном характере упомянутого сосуда с Казантипа (*Безрученко, Масленников*, 1990. С. 161; *Масленников*, 2012. С. 219), что при отсутствии названия полиса или общины, имен агораномов и близости официальному гербу города (παρασήμον), отраженному также на монетах, не имеет под собой оснований.

Наличие этого клейма, отпечатанного до обжига, на двух сосудах, найденных на удаленных друг от друга памятниках, заставляет отказаться и от частновладельческой интерпретации.

На наш взгляд, данный оттиск является, скорее всего, знаком гончарной мастерской или мастера, работавшего в ней. Однако встает вопрос, какую информацию могло давать это анэпиграфное клеймо покупателям, можно ли его рассматривать в виде некого опознавательного/рекламного знака. Не исключено, что это изображение является пиктограммой имени мастера.

Алектрион известен нам из мифологии. Это юноша, слуга Ареса, превращенный за проступок в петуха. Имя Ἀλεκτρυών появилось в Греции раньше одомашнивания петуха, Алектрион, сын Леита, упоминается у Гомера (Il. XVII, 602). Имя происходит от глагола ἀλέξω и означает, по-видимому, «тот, кто отражает, защищает (от плохого)».

Имена Ἀλέκτωρ и Ἀλεκτρυών довольно редкие, встречаются в рассматриваемое время в эпиграфических источниках трижды: один раз в Македонии (LGPN V4-24350) и два раза в Курионе на Кипре (LGPN, V1-54863; V1-54756).

Обыгрывание имен в изображениях известно нам, например, на синопских клеймах. Так, при имени астинома Леонта фигурирует эмблема льва, при Навпоне II, сыне Каллисфена, – корабельного руля, Навпоне III, сыне Дия, – проры, при фабриканте Стефане встречается венок (*Fedossev*, 1999. P. 33. № 101, 119, 120).

Учитывая приписываемые петуху сверхъестественные способности, возможно, такое клеймо служило также апотропеем, призванным оберегать сосуд и его содержимое.

ЛИТЕРАТУРА

Безрученко И. М., Масленников А. А., 1990. Отчет Восточно-Крымской экспедиции ИА АН СССР в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15455.

Коваленко А. Н., 2022. Клейма на тонкостенных сосудах из материалов Елизаветовского городища на Дону // КСИА. Вып. 268. С. 174–182.

Коваленко С. А., Попова Е. А., 2011. Оттиски античных гемм и перстней на керамике из раскопок Чайкинского городища в Северо-Западном Крыму // ВДИ. № 1. С. 45–52.

Ковальчук А. В., 2012. Боспорские мерные сосуды IV–III вв. до н. э. // ДБ. Т. 16. М.: ИА РАН. С. 220–238.

Ковальчук А. В., 2019. Фанагорийские мерные сосуды // Вестник Танаиса. Вып. 5. Т. 1. С. 196–210.

Ковальчук А. В., Соловьев С. Л., 2023. Находки из объекта № 125 Южного пригорода Херсонеса // ХСб. Вып. XXIV. Севастополь. С. 52–63.

Ковальчук А. В., Соловьев С. Л., Устаева Э. Р., 2023. Находки из катакомбы № 1 поселения Вышестеблиевская 16-а // ДБ. Т. 28. М.: ИА РАН. С. 264–284.

Краснодубец Е. М., 2020. Оттиски эллинистических перстней-печатей с изображением Эротов на керамических изделиях из Херсонеса Таврического и его хоры // ХСб. Вып. XXI. Севастополь. С. 17–18.

Кругликова И. Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука. 300 с.

Масленников А. А., 2010. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М.: ИА РАН. 243 с. (ДБ. Suppl.; III.)

Масленников А. А., 2011. Оттиски перстней-печатей и другие анэпиграфные клейма на некоторых типах керамики из раскопок сельских поселений Крымского Приазовья // ПИФК. № 4. С. 264–276.

Масленников А. А., 2012. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал. М.: ИА РАН. 230 с. (ДБ. Suppl.; III.)

Тюрин М. И., Краснодубец Е. М., 2021. Мерные кувшины Херсонеса эллинистического времени: каталог // ХСб. Вып. XXII. Севастополь. С. 96–116.

Федосеев Н. Ф., 1991. Три новых клейма на тонкостенных сосудах // СА. № 2. С. 244–247.

Федосеев Н. Ф., 2005. Мерные сосуды Херсонеса Таврического // ХСб. Вып. XIV. Севастополь. С. 337–340.

Федосеев Н. Ф., 2016. Еще раз о пантикапейских агораномах // ДБ. Т. 20. М.: ИА РАН. С. 483–490.

Финогенова С. И., 2006. Отпечатки гемм и штемпелей на керамическом материале // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья: памяти Н. П. Сорокиной / Ред.: Д. В. Журавлев, Г. А. Ломтадзе. М. С. 199–206. (Тр. ГИМ; вып. 159.)

Финогенова С. И., Ильина Т. А., 2011. Отчет о раскопках на территории городища Гермонасса-Тмутаракань 2010 года (Краснодарский край, Темрюкский район, станица Тамань) // Архив ИА РАН. Р-1. № 28888, 28889.

Финогенова С. И., Ильина Т. А., 2015. Результаты исследования Таманского городища (по материалам 2010–2013 гг.) // АО 2010–2013 годов. М.: ИА РАН. С. 431–433.

Bruneau Ph., 1965. Le motif des coqs affrontés dans l'imagerie antique // Bulletin de correspondance hellénique. Vol. 89. P. 90–121.

Castelli Th., 2022. Ne nous prenez pas pour des cruches! Les étalons pour la mesure des liquids de l'ouest et du nord de la mer Noir // Pondera antiqua et mediaevalia. II / Eds.: L. Delanaye, Ch. Doyen. P. 45–85. (Numismatica Lovaniensia; 23.)

Fedoseev N. F., 1999. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire / Ed. Y. Garlan. Aix-en-Provence. P. 27–48.

Grabow E., 2003. Der Hahn – Haustier oder Dämon? // Griechische Keramik im kulturellen Kontext: Akten des Internationalen Vasen-Symposions in Kiel vom 24. bis 28.9.2001 / Hrsg.: B. Schmaltz, M. Söldner. Münster: Scriptorium. S. 140–141.

Lexicon of Greek Personal Names (LGPN). Name Search [Электронный ресурс]. URL: http://clas-lgpn5.classics.ox.ac.uk:8080/exist/apps/lgpn1-search/index.html

Richter G., 1956. Catalogue of engraved gems. Greek, Etruscan and Roman. Roma: L'Erma di Bretschneider. 143 p.

Weicker G., 1905. Hähne auf Grabstelen // Mitteilungen des Kaiserlichen Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung. Bd. 30. S. 207–212.

Сведения об авторах

Ковальчук Анна Витальевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: nako@mail.ru;

Финогенова Светлана Ильинична, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, ул. Волхонка, 12, Москва, 119019, Россия; e-mail: finogenova@arts-museum.ru

A. V. Kovalchuk, S. I. Finogenova

THE STAMP FEATURING A ROOSTER

Abstract. The paper examines two stamps featuring a rooster found during archaeological excavations at the Kazantip Zapadnyy settlement and the Hermonassa fortified settlement. The find of one stamp in the layer dating to the Archaic period indicates that the imprint of the stamp is dated to the 5th century BC at the latest. The analysis of the image suggests that it is the mark of a pottery workshop or the mark of a potter who worked in the workshop. Maybe, the image represents a pictogram of Alectryont, i.e. the potter's name and also serves as a apotropaion intended to protect the vessel and its contents.

Keywords: Northern Black Sea maritime region, Antiquity, ceramic epigraphy, tableware.

REFERENCES

Bezruchenko I. M., Maslennikov A. A., 1990. Otchet Vostochno-Krymskoy ekspeditsii IA AN SSSR v 1990 g. [Report of East Crimean expedition of IA AC USSR in 1990]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Fedoseev N. F., 1991. Tri novykh kleyma na tonkostennykh sosudakh [Three new stamps on thin-walled vessels]. *SA*, 2, pp. 244–247.

Fedoseev N. F., 2005. Mernye sosudy Khersonesa Tavricheskogo [Measuring vessels of Tauric Chersonese]. *KhSb*, XIV, pp. 337–340.

Fedoseev N. F., 2016. Eshche raz o pantikapeyskikh agoranomakh [Once again on Panticapean agoranomas]. *DB*, 20, pp. 483–490.

Finogenova S. I., 2006. Otpechatki gemm i shtempeley na keramicheskom materiale [Imprints of gems and stamps on ceramic material]. *Severnoe Prichernomor'e v epokhu antichnosti i srednevekov'ya*

[North Pontic region in Antiquity and Middle Ages]. D. V. Zhuravlev, G. A. Lomtadze, eds. Moscow, pp. 199–206. (Trudy GIM, 159.)

Finogenova S. I., Il'ina T. A., 2011. Otchet o raskopkakh na territorii gorodishcha Germonassa-Tmutarakan' 2010 goda (Krasnodarskiy kray, Temryukskiy rayon, stanitsa Taman') [Report on excavations in territory of Hermonassa-Tmutarakan settlement in 2010 (Krasnodar Krai, Temryuk district, Taman village)]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Finogenova S. I., Il'ina T. A., 2015. Rezultaty issledovaniya Tamanskogo gorodishcha (po materialam 2010–2013 gg.) [Results of study of Taman hillfort (based on materials of 2010-2013)]. *AO 2010–2013*. Moscow: IA RAN, pp. 431–433.

Kovalchuk A. V., 2012. Bosporskie mernye sosudy IV – III vv. do n. e. [Bosporan measuring vessels of IV–III cc. BC]. *DB*, 16, pp. 220–238.

Kovalchuk A. V., 2019. Fanagoriyskie mernye sosudy [Phanagoria measuring vessels]. *Vestnik Tanaisa [Tanais bulletin]*, iss. 5, vol. 1, pp. 196–210.

Kovalchuk A. V., Solov'ev S. L., 2023. Nakhodki iz ob"ekta № 125 Yuzhnogo prigoroda Khersonesa [Finds from object No. 125 in Southern suburb of Chersonese]. *KhSb*, XXIV, pp. 52–63.

Kovalchuk A. V., Solov'ev S. L., Ustaeva E. R., 2023. Nakhodki iz katakomby № 1 poseleniya Vysheste-blievskaya 16-a [Finds from catacomb No. 1 of settlement of Vyshesteblievskaya 16-a]. *DB*, 28, pp. 264–284.

Kovalenko A. N., 2022. Kleyma na tonkostennykh sosudakh iz materialov Elizavetovskogo gorodishcha na Donu [Stamps on thin-walled vessels from materials of Elizavetovka settlement on the Don]. *KSIA*, 268, pp. 174–182.

Kovalenko S. A., Popova E. A., 2011. Ottiski antichnykh gemm i perstney na keramike iz raskopok Chaykinskogo gorodishcha v Severo-Zapadnom Krymu [Imprints of antique gems and finger-rings on ceramics from excavations of Chayka hillfort in North-Western Crimea]. *VDI*, 1, pp. 45–52.

Krasnodubets E. M., 2020. Ottiski ellinisticheskikh perstney-pechatey s izobrazheniem Erotov na keramicheskikh izdeliyakh iz Khersonesa Tavricheskogo i ego khory [Imprints of Hellenistic seal rings depicting Erotes on ceramic products from Tauric Chersonese and its chore]. *KhSb*, XXI, pp. 17–18.

Kruglikova I. T., 1975. Selskoe khozyaystvo Bospora [Bosporus agriculture]. Moscow: Nauka. 300 p.

Maslennikov A. A., 2010. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e) [Bosporus Royal chore (based on materials from excavations in Crimean Azov region)], 1. Arkhitekturno-stroitel'naya i arkheologicheskaya kharakteristika pamyatnikov [Architectural, construction and archaeological characteristics of sites]. Moscow: IA RAN. 243 p. (DB. Suppl., III.)

Maslennikov A. A., 2011. Ottiski perstney-pechatey i drugie anepigrafnye kleyma na nekotorykh tipakh keramiki iz raskopok selskikh poseleniy Krymskogo Priazov'ya [Imprints of seal rings and other anepigraphic stamps on some types of ceramics from excavations of rural settlements of Crimean Azov region]. *PIFK*, 4, pp. 264–276.

Maslennikov A. A., 2012. Tsarskaya khora Bospora (po materialam raskopok v Krymskom Priazov'e) [Bosporus Royal chore (based on materials from excavations in Crimean Azov region)], 2. Individual'nye nakhodki i massovyy arkheologicheskiy material [Individual finds and mass archaeological material]. Moscow: IA RAN. 230 p. (DB. Suppl., III.)

Tyurin M. I., Krasnodubets E. M., 2021. Mernye kuvshiny Khersonesa ellinisticheskogo vremeni: katalog [Measuring jars of Chersonese Hellenistic period: catalog]. *KhSb*, XXII, pp. 96–116.

About the authors

Kovalchuk Anna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: nako@mail.ru;

Finogenova Svetlana I., The Pushkin State Museum of Fine Arts, ul. Vokhonka, 12, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: finogenova@arts-museum.ru

М. М. Казанский

ПОСТГУННСКИЙ ТАНАИС И ОНОГУРЫ

Резюме. Танаис, древнегреческий город в устье Дона, был разрушен варварами около 251 г. Здесь в гуннское время (последняя треть IV – середина V в.) на руинах античного города появилось укрепленное поселение с оседлым гетерогенным населением и сопутствующий ему некрополь. Вероятнее всего, это поселение представляло собой зимник степных кочевников и, возможно, центр власти. Долго считалось, что поселение в Танаисе исчезает в конце гуннской эпохи (450–460-е гг.). Однако недавние публикации некрополя Танаиса свидетельствуют о наличии там могил постгуннского времени (450/460–530/550-е гг.), а стало быть, и поселения. Недалеко от Танаиса, в Морском Чулеке, обнаружен небольшой «княжеский» некрополь кочевников постгуннской эпохи. Вероятнее всего, как и в предшествующую эпоху, в Танаисе проживало оседлое население, а степняки его использовали как зимник. А если принять во внимание близость «княжеского» могильника Морской Чулек, то, скорее всего, Танаис был одним из центров власти в степи, возможно даже главной ставкой оногурских вождей.

Ключевые слова: постгуннское время, Танаис, кочевники, зимник, некрополь, пряжки.

Танаис в гуннское время

Танаис, древнегреческий город в устье Дона, разрушен варварами – готами, герулами и боранами – около 251 г. Здесь в гуннское время (последняя треть IV – середина V в.) на его руинах появилось укрепленное поселение с оседлым гетерогенным населением и сопутствующий ему некрополь. В это время донские степи занимали гунны – акациры, входившие в состав «империи» Аттилы. Сначала они управлялись собственными вождями, но с 440-х гг. акациры переходят в прямое подчинение Аттиле, точнее, одному из его сыновей (*Приск Панийский*. Византийская история. Кн. 1 [Готская история]. Фр. 8; цит. по: *Латышев*, 1890, Т. 1. С. 823; *Артамонов* 1962. С. 55).

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.243-260

На поселении найдены монеты от Констанция II (337–361 гг.) до Аркадия (395–408 гг.), а наиболее многочисленными являются монеты Феодосия (379–395 гг.) (*Kazanski*, 2009. P. 171, там же библиография). По керамическим находкам исчезновение этого поселения определяется серединой V в. Поселение имело земляные и каменные укрепления, прослежена система мощеных улиц, выявлены каменные постройки, прямоугольные однокамерные и многочастные. При этом план нового поселения отличался от планировки города, погибшего в III в. Мощность культурного слоя гуннского времени в центральной части поселения достигает 1,5–2 м (*Arsen'eva, Domzalski*, 2002). По мнению исследователей, можно выделить как минимум три строительных горизонта, первый из которых отнесен к третьей четверти IV в., второй – к последней четверти IV – первой четверти V в. и третий – ко второй четверти V в. (см. подробно: *Шелов*, 1972. С. 307–335; *Арсеньева, Науменко*, 1995; *Arsen'eva et al.*, 2001. S. 356–364; *Arsen'eva, Böttger*, 1999. S. 434–442).

Рядом с поселением выявлены захоронения гуннского времени, в восточном, западном и северном секторах городского античного некрополя, а также на бывшей городской территории. Большинство из них представляют собой грунтовые могилы, а на Северном кладбище обнаружено несколько погребений под курганами. Это ингумации в деревянных гробах, головой на север и запад, в простых ямах, иногда с углубленной центральной частью дна или в погребальных камерах т. н. аланского типа, Т-образной формы, с дромосом. Часть из них обнаружена под курганами. Покойников сопровождают керамика, украшения (бусы, браслеты, обувная и поясная гарнитура, фибулы), редко оружие (стрелы) (см.: *Шелов*, 1961; *Шелов*, 1972; *Арсеньева*, 1977; *Арсеньева и др.*, 2002; *Беспалый*, 2023).

Характер застройки, погребальный обряд и элементы материальной культуры показывают, что жители этого нового поселения имеют весьма разнообразное происхождение: алано-сарматское, греческое, германское, гуннское. Смешанный характер населения проявляется в погребальном материале. Так, в погребальных камерах аланского типа имеются погребения с германскими фибулами черняховского типа. По погребальному материалу хорошо фиксируется женский костюм «смешанного» характера, т. н. понто – германский костюм. В нем сочетаются как германские элементы, такие как парные фибулы на плечах, так и понтийские: серьги, браслеты, нашитые на одежду бляшки-аппликации, металлические зеркала.

Оседлое понтийское, «греко-сарматское» население, сопоставимое с жителями Боспора Киммерийского, несомненно, составляло большинство, о чем, в частности, свидетельствует северопонтийская архитектурная традиция сооружения каменных зданий. Об использовании греческого языка свидетельствует и надпись, правда, очень плохо сохранившаяся (*Шелов*, 1972. С. 329). Локальные понтийские традиции проявляются в керамике, особенно в лепной (*Kazanski*, 2009. P. 175, там же библиография). Показательны широкое использование сосудов из стекла, амфор, краснолаковой посуды. Понтийские элементы, как уже было сказано выше, хорошо представлены и в костюме. Назовем арбалетные фибулы понто-кавказского типа, ожерелья типа Албайсин (о них см.: *Мастыкова*, 2024), элементы ременной гарнитуры, полиэдрические серьги, металлические

зеркала, антропоморфные подвески (*Мастыкова*, 2020). Погребальные обряды населения гуннского Танаиса также во многом восходят к предыдущей эпохе.

Присутствие германцев особенно заметно в некоторых формах лепной керамики, таких как ребристые миски с линзовидным декором по ребру, а также в костюме и личном уборе, где отмечены подвязные и двупластинчатые фибулы, гребни типа Томас III и некоторые другие предметы. Эти элементы связаны, в первую очередь, с черняховской и вельбаркской культурами.

О присутствии алан свидетельствует обнаруженная на поселении серая керамика с глянцевым и рельефным декором, напоминающая северокавказские формы (*Kazanski*, 2009. P. 171, там же библиография). С аланами, возможно, связаны и захоронения в Т-образных погребальных камерах. Возможно, аланскими по происхождению являются и зеркала типа Анке/Березовка II, хорошо представленные на Северном Кавказе (*Мастыкова*, 2009. С. 84, 85). Обычай искусственной деформации черепа широко распространен у жителей гуннского Танаиса, он наблюдается в 21 % погребений этого времени (*Арсеньева и др.*, 2001. С. 179; *Батиева*, 2001. Табл. 1). Однако надо помнить, что в течение V в. этот обычай широко распространяется у разных народов, хотя изначально он имеет алано-сарматское происхождение.

Присутствие гуннов в Танаисе обнаружить сложнее всего. Возможно их влияние проявляется в наличии луков, усиленных костяными накладками, а также в присутствии костяных стрел, упоминаемых Аммианом Марцеллином как гуннское оружие (*Шелов*, 1972. С. 323, 324).

По соседству с Танаисом, близ дельты Дона, в Синявке, было обнаружено два привилегированных погребения. Одно из них мужское, с элементами ременной гарнитуры полихромного стиля, типичной для могил кочевой и оседлой варварской знати горизонта Унтерзибенбрунн (период D2 по хронологии Барбарикума, т. е. 380/400–440/450 гг.). Второе принадлежит женщине 18–25 лет, с «княжеским» костюмом восточногерманской традиции, также горизонта Унтерзибенбрунн. Налицо небольшой «княжеский» некрополь, вероятно, связанный с поселением в Танаисе (*Безуглов, Ильяшенко*, 2000; *Арсеньева и др.*, 2001. С. 77–81; *Kazanski*, 2009. P. 179). Показательно, что в Танаисе, в слоях первой половины V в., были найдены отдельные предметы престижной культуры варварской аристократии, такие как пряжка со штампованным декором явно среднедунайского происхождения (*Bezuglov*, 2001. Fig. 2: *10*).

Зимник в дельте Дона

Как объяснить наличие в кочевой степи, где доминировали гунны, большого укрепленного поселения, в котором проживали не только гунны, но и греки, германцы, аланы? Представляется, что памятник такого типа вполне соответствует «зимнику», т. е. стационарному поселению в месте, куда степняки пригоняли скот на зимовку. Подобные зимники хорошо известны у степных народов в разные эпохи.

Следует напомнить, что в античное время и в Средневековье у степных народов Восточной Европы, согласно С. А. Плетневой, известны различные формы кочевания. Наиболее распространенная в периоды относительной стабильности

является вторая форма («аильное» кочевание) (*Плетнева*, 1967. С. 18, 19). Она предусматривает сезонное перемещение кочевников отдельными небольшими группами (родами, большими семьями) по устойчивым маршрутам на территории, ограниченной предварительными соглашениями. У кочевников при этом имеются постоянные места зимовки, чаще всего в долинах рек, где со временем появляются стационарные поселения – зимники. Зимник первоначально представлял собой временную стоянку с мобильными сооружениями (юрты), где кочевники содержали свои стада в холодное время года. Со временем такой зимник может стать постоянным местом обитания, в котором проживают бедные семьи, не имеющие достаточного количества скота для кочевничества, а также невольники и военнопленные, иноземные купцы и ремесленники. Здесь хранится завоеванная добыча, находятся торжища, ремесленные мастерские, зимние резиденции кочевой знати. В этих поселках сосуществовали торговцы, ремесленники, переводчики, рабы, наемники, а также искатели приключений самого разного происхождения. Некоторым из невольников удавалось получить свободу и влиться в состав довольно обеспеченного «среднего класса» в этих местах обитания. Приск встретил одного из таких персонажей в резиденции Аттилы (*Приск Панийский*. Взантийская история. Кн. 1 [Готская история]. Фр. 8; цит. по: *Латышев*, 1890. Т. 1. С. 826).

Рано или поздно такой поселок окружается валами, появляются сельскохозяйственные пригороды. Таким образом, зимник постепенно принимает форму городского центра, как это имело место в средневековых татарских городах, таких как Астрахань и Сарай на Волге, Бахчисарай или Гезлев (сегодня Евпатория) в Крыму (*Плетнева*, 1967. С. 50; 1982. С. 36–76; *Kazanski*, 1991. P. 82, 83). Очевидно, то же происхождение имеет и резиденция Аттилы в дунайских степях, описанная Приском Панийским. Это было поселение больших размеров, здесь находился деревянный дворец гуннского правителя, деревянные хоромы других знатных гуннов, а также каменные бани (*Приск Панийский*. Византийская история. Кн. 1 [Готская история]. Фр. 8; цит. по: *Латышев*, 1890. Т. 1. С. 825, 826).

Как хорошо известно на примере средневековых степных городов-зимников, их население было очень неоднородным. В хазарских городах каждая община имела свой квартал и культовые сооружения, свою администрацию и даже некоторую автономию (*Артамонов*, 1962. С. 393–397). С учетом всех этих исторических параллелей можно предполагать, что разнородный археологический материал Танаиса свидетельствует о наличии гуннского зимника. Вероятно, это поселение являлось и центром власти, что и объясняет наличие в его окрестностях «княжеских» захоронений в Синявке, о которых речь шла выше.

Донские степи в постгуннское время

В постгуннское время на Нижнем Дону происходят важные изменения военно-политического характера. Гунны-акациры, владевшие донскими степями, около 463 г. были разбиты коалицией сарагур, оногур/хунугур и урогов (угров?) (*Приск Панийский*. Византийская история, Кн. 4. Фр. 30; цит. по: *Латышев*, 1890, Т. 1. С. 841, 842; см.: *Артамонов*, 1962. С. 76). Свидетельства авторов второй половины V – VII в. позволяют локализовать сарагур на Северо-Восточном

Кавказе, где они воюют с персами (*Приск Панийский*. Византийская история. Кн. 4. Фр. 37; цит. по: *Латышев*, 1890. Т. 1. С. 843, 844), а урогов/угров где-то на Волге (*Феофилакт Симокатта*, 1957. VII.7.1.13; *Артамонов*, 1962. С. 62–64). Хунугуры Иорданом не локализованы, известно лишь, что они занимаются меховой торговлей (*Иордан*, 2001. § 36, 37). Зато у Равеннского Анонима (конец VII – начало VIII в.), использовавшего описание Скифии Иордана (автор сам об этом говорит), страна Оногория находится по соседству с верхней точкой Меотийского болота («Космография» Равеннского Анонима, IV.2; цит. по: *Подосинов*, 2002. С. 162). На этом основании оногур/хунугур логичнее всего разместить в Северном Приазовье, близ устья Дона, представлявшего собой удобную дорогу на север, что и объяснило бы их участие в меховой торговле (подробнее: *Казанский*, 2016; 2017)[1].

Памятники кочевников постгуннского времени на Нижнем Дону очень немногочисленны. Это, в первую очередь, две ингумации в Морском Чулеке близ дельты Дона, недалеко от Танаиса. Погребения содержали женские украшения; в одной могиле в ногах находились элементы парадной конской сбруи. Из одного погребения, возможно, происходит череп со следами искусственной деформации. Оба захоронения, судя по богатству инвентаря, несомненно, относятся к числу «княжеских» и датируются второй половиной V – началом VI в. (полная публикация: *Засецкая и др*., 2007). О высоком ранге погребенной в могиле 2 свидетельствуют и два «статусных» золотых браслета с расширенными концами и латинской весовой надписью. Здесь уместно вспомнить посольство сарагур, оногур и урогов, явившееся в 463 г. в Константинополь с предложением дружбы (*Приск Панийский*. Византийская история. Кн. 4. Фр. 30; цит. по: *Латышев*, 1890. Т. 1. С. 841, 842; *Артамонов*, 1962. С. 62) и наверняка получившее богатые дары (о дипломатических дарах см. подробнее: *Засецкая и др.*, 2007. С. 92–95).

Помимо Чулека, золотые калачевидные серьги, скорее всего происходящие из богатого погребения, были найдены в Верхне-Курмоярской, несколько восточнее дельты Дона. Они аналогичны найденным в погр. 1 Морского Чулека и, по всей вероятности, относятся к тому же времени (Там же. С. 12, 13). Недалеко от Танаиса находится и Левенцовка, где обнаружен подкурганный «поминальник» – каменная площадка с вещами, костями животных, редкие и мелкие обломки сожженных костей. Под каменной площадкой была выявлена небольшая яма, также содержавшая вещи. Среди найденных вещей выделяются предметы вооружения: наконечники стрел, копье, фрагмент Р-образной портупейной скобы, пластины панциря, бутероль ножен клинкового оружия, элементы ременной гарнитуры и, вероятно, конской узды: пряжки, накладки, наконечники ремней; фрагменты изрубленных металлических сосудов. Суда по элементам ременной гарнитуры, близкой т. н. геральдической, памятник относится к концу постуннского времени, вероятно, ко второй трети VI в. (*Безуглов, Ильюков*, 2007; *Казанский*, 2020. С. 124. Рис. 13; 14).

[1] Не исключено, что в течении второй половины VI – VII в. территория этого племени могла сместиться к востоку от Дона и Азовского моря, где, вроде бы, их знает «Армянская География» под именем «Огхондор-Блкар-пришельцы» (*Артамонов*, 1962. С. 167–169; *Гадло*, 1979. С. 58, 69).

Постгуннский Танаис

Наличие около дельты Дона «княжеских» степных погребений постгуннского времени однозначно свидетельствует о существовании в этом регионе какого-то центра власти, «ханский ставки», вероятнее всего, связанной с новыми хозяевами донских степей – оногурами (см. выше). Как мы сейчас увидим, в последнее время появились доказательства, что поселение в Танаисе продолжало существовать и в постгуннское время. Стало быть, совсем не исключено, что оно могло сохранять свои центральные функции для нижнедонского региона.

Существование Танаиса в постгуннское время уже предполагалось – вероятно, именно поэтому исследователи некрополя Танаиса отнесли погребение 44.1992 г. с крупными полиэдрическими серьгами к V–VI вв., т. е. к периоду, охватывающему и эпоху «после Аттилы» (*Арсеньева и др.*, 2001. С. 162. Табл. 74: *948, 949*). Впрочем, следует признать, что серьги с крупными полиэдрическими бусинами существовали уже в гуннское время. Так, украшения с крупной ажурной подвеской полиэдрической формы в Трансильвании известны уже в погребальном контексте горизонта Унтерзибенбрунн (Velt) (L'Or des princes barbares, 2000. Cat. № 21), поэтому танаисские серьги могут быть их подражанием.

Однако в 2012 г. в Западном некрополе Танаиса выявлены и захоронения с вещами бесспорно постгуннского времени. Это, в первую очередь, погребения с инкрустированными пряжками прямоугольной формы, характерными для Европы раннемеровингского времени. Они обнаружены в погребениях 604 и 722.

Погребение 604 представляет собой ингумацию в катакомбе, погребенный был помещен в могилу головой на ЮЗ (рис. 1: *1*). Инкрустированная пряжка из железа и бронзы (рис. 1: *5*; 3: *7*) находилась у позвоночника, в районе пояса, ниже находилась серебряная пряжка (рис. 1: *2*). Еще две серебряные пряжки обувной гарнитуры найдены на ногах (рис. 1: *3, 4*), а около головы помещен лепной кувшин (рис. 1: *6*) (*Беспалый*, 2023. С. 326, 327. Табл. 363, 364).

Погребение 722 также является ингумацией в катакомбе, ориентировано головой на ЮЗ (рис. 2: *1*). В южной части могилы найден стеклянный кубок (рис. 2: *11*). На поясе находилась инкрустированная пряжка из железа и бронзы (рис. 2: *5*; 3: *8*), вместе с бронзовыми заклепками (рис. 2: *6–10*), а также плохо сохранившаяся железная пряжка (рис. 2: *2*). У правого бедра был обнаружен железный нож (рис. 2: *12*), а на ногах – две обувные пряжки из бронзы и железа (рис. 2: *3, 4*) (Там же. С. 399, 400. Табл. 452, 453).

Инкрустированные пряжки с прямоугольной рамкой довольно широко распространены в Европе, особенно на римско-германском Западе (рис. 3: *1, 2, 4–6, 9–12*), в Восточной Европе они встречаются крайне редко. Одна такая пряжка происходит из Тюнино, на Верхнем Дону (*Gavritukhin, Radiush*, 2018. Fig. 6C: *2*). Там же найдена золотая пряжка с почковидным инкрустированным щитком, овальным кольцом и довольно масивным язычком (*Gavritukhin, Radiush*, 2018. Fig. 6C: *1*). Она принадлежит к большой серии изделий постгуннского времени, ее различные варианты хорошо засвидетельствованы, в частности, в т. н. княжеских погребениях второй половины V в., таких как могила

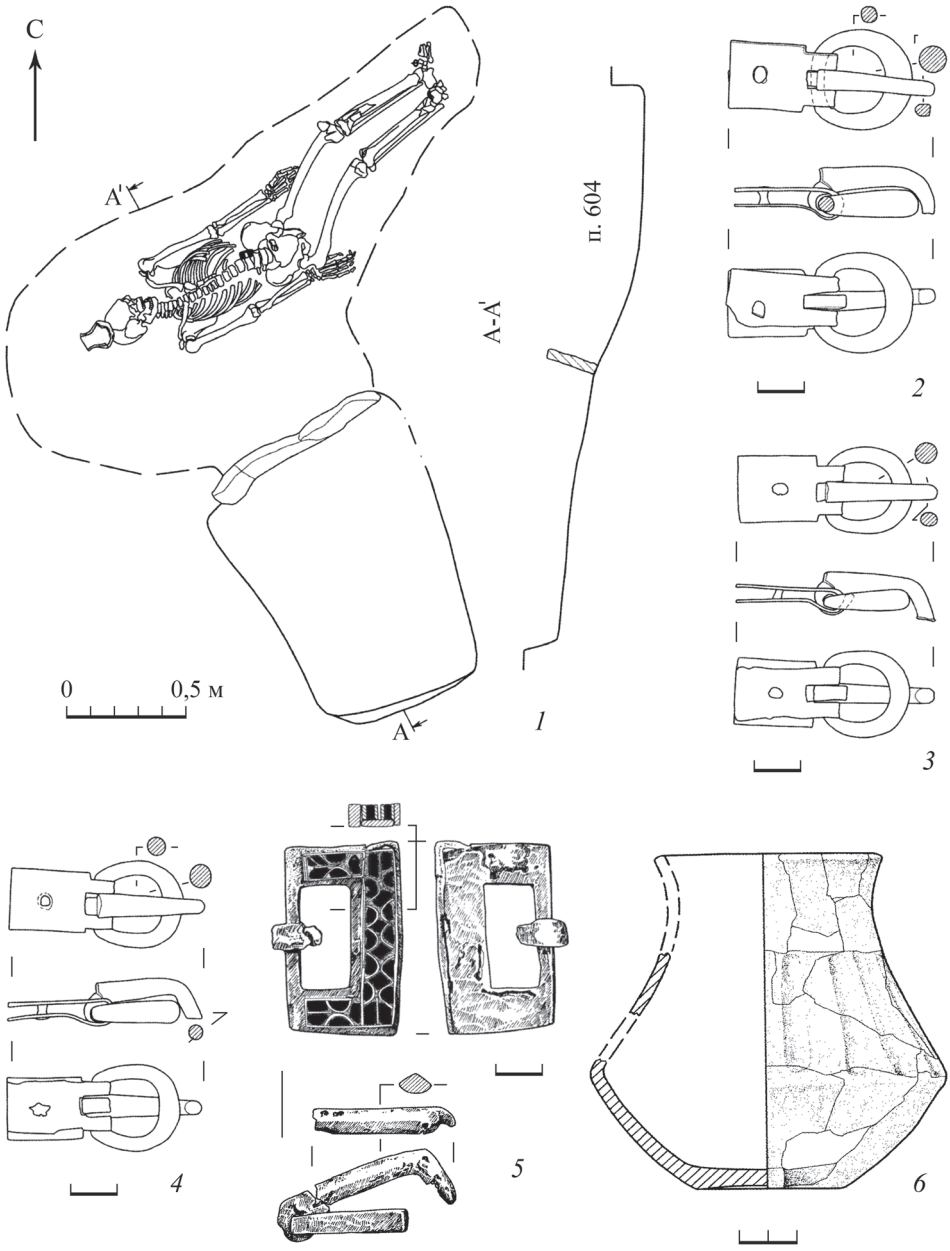

Рис. 1. Танаис, погребение 604 (по: *Беспалый*, 2023. Табл. 363, 364)

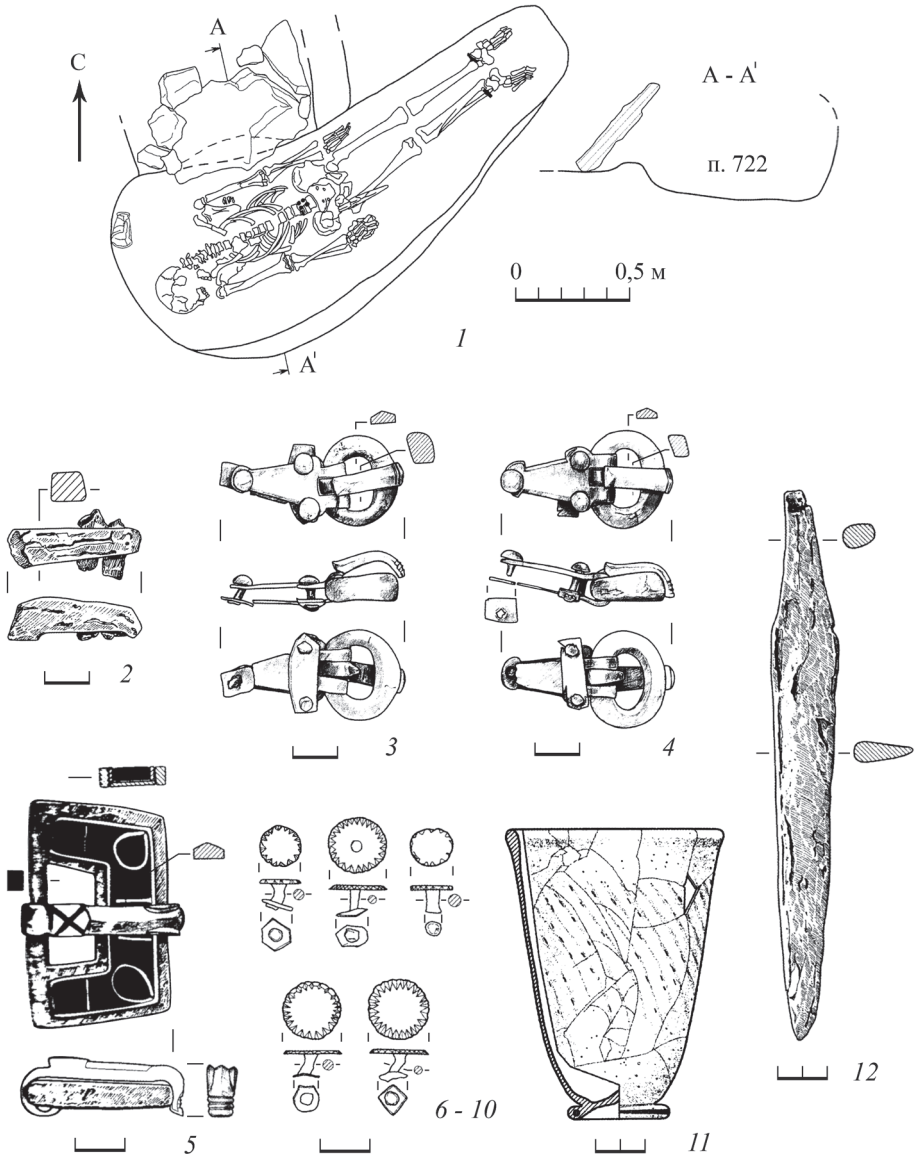

Рис. 2. Танаис, погребение 722 (по: *Беспалый*, 2023. Табл. 452, 453)

Рис. 3. Пряжки с инкрустированной прямоугольной рамкой

1 – Пленинг; *2* – Аквасанта; *3* – Блучина; *4* – Дравле-Любляна; *5* – Ландриано; *6* – Тортона; *7* – Танаис, погр. 604; *8* – Танаис, погр. 722; *9* – Лавуа, погр. 319; *10, 11* – Эрп; *12* – Шарлевиль – Мезьер

1, 2, 4, 6 – по: *Giostra*, 2008. Fig. 1: *7–10*; *3* – по: L'Or des princes barbares, 2000. Cat. № 33.9; *5* – по: I Goti, 1994. Cat. III.23. Fig. III.64; *7, 8* – по: *Беспалый*, 2023. Табл. 561: *1, 6*; *9* – по: *Périn*, 1996. Abb. 164); *10, 11* – Гос. Эрмитаж, фото А. В. Мастыковой; *12* – по: *Périn*, 1972. Fig. 13

франкского короля Хильдерика в Турнэ (Tournai), в Валлонии (*Казанский, Мастыкова*, 2022. Рис. 1: *3, 5*), или же гепидские захоронения в Апахиде (Apahida), в Трансильвании (L'Or des princes barbares, 2000. № 29, 12; № 30, 8).

В европейском контексте часто пряжки с прямоугольной инкрустированной рамкой имеют почковидный (рис. 3: *9, 10*) или прямоугольный щиток (рис. 3: *1–3, 6*). Они хорошо известны в меровингских древностях. Время их появления – около 460–480 гг. (поздняя часть протомеровингской хронологической фазы), наибольшее распространение приходится на 470/480–520/530 гг. (раннемеровингская фаза 1), а время исчезновения соответствует 520/530–560/570 гг. (раннемеровингская фаза 2) (*Legoux et al.*, 2016. P. 18. № 142).

Такие пряжки хорошо известны в меровингской Галлии и Германии, в частности в Амьене, Кёльне, Брени (Breny), Арси-Сент-Реститю (Arcy-Sainte-Restitue), Арментьер (Armentières) (?), Лавуа (Lavoye) (рис. 3: *9*), Айо (Haillot), Шарлевиль – Мезьер (Charleville – Mezières) (рис. 3: *12*) (*Werner*, 1958. Taf. 11: *1, 2*. Abb. 1: *5*; *Périn*, 1972. Fig. 13; *Périn*, 1996. Abb. 164; *Kazanski*, 2002. P. 26). Восточнее, на территории Баварии подобные пряжки происходят из Пленинга (Pliening) (рис. 3: *1*) (*Giostra*, 2008. Fig. 7). Они известны на территории визиготского королевства, в Южной Галлии, например, в могильнике Эрп (Herpes) (рис. 3: *10, 11*). Встречаются такие вещи и на территории остроготского королевства, в Италии, в некрополе Аквасанта (Aquasanta), в Тортоне (Tortona), Ландриано (Landriano) (рис. 3: *2, 5, 6*) (*Giostra*, 2008. Fig. 1; 8; 10), а также в Словении, в могильнике Дравле-Любляна (Dravlje-Ljubliana) (рис. 3: *4*) (Ibid. Fig. 9). Показательно, что пряжка из Ландриано украшена двумя птичьими головками, развернутыми клювами друг к другу (рис. 3: *5*). Такой декор типичен для пряжек итало-остроготского типа Крайнбург (Krainburg). Последние известны по находкам в Италии и на территории современной Словении, тогда входившей в состав Остроготского королевства, а также в визиготской Испании и, наконец, в Керчи (*Bierbrauer*, 1975. S. 143–145. Taf. LXIV: *4*; LXIX; LXXVII: *2, 3*; I Goti, 1994. Cat. III.17). В Италии встречаются и их дериваты (*Bierbrauer*, 1975. Taf. LIV; LXIII: *3*). Вероятно, эти пряжки с птичьими головками производились в каких-то ателье итало-остроготского королевства.

В Центральной Европе прямоугольные инкрустированные пряжки встречаются реже. Можно назвать находки в «княжеской» могиле в Блучине (Blučina) (рис. 3: *3*), в Южной Моравии, занятой тогда герулами, и в Сентеш-Берекхат (Szentes-*Berekhát*), на территории Венгрии, в гепидском погребении (*Werner*, 1958. Abb. 5)

В целом, инкрустированные пряжки с прямоугольной рамкой характерны для мужского престижного костюма и часто попадают в погребения с оружием, в частности с «парадными» мечами, как, например, в Блучине, Лавуа, Айо, Шарлевиль – Мезьер, что указывает на высокий статус их владельцев (*Menghin*, 1983. № 3, 46, 50, 51). В Северной Галлии такие могилы «воинских» предводителей иногда образуют небольшие территориальные группы, что, вероятно, отражает географию центров власти в раннемеровингском королевстве в момент франкской экспансии. Например, в Пикардии, в долине р. Урк (Ourcq), где в могилах с престижным инвентарем в соседствующих некрополях Брени, Арси-Сент-Реститю и Арментьер найдены пряжки с инкрустированным декором

(*Vallet*, 1986. P. 115, 116. Fig. 66: *4, 7*). Однако танаисские погребения 604 и 722 являются вполне рядовыми и принадлежат, скорее всего, представителям «среднего класса».

Вероятно, к постгуннскому времени принадлежат и некоторые другие захоронения, исследованные в 2012 г. К ним относится погребение 27 – ингумация трехлетнего ребенка, судя по описанию, в яме с подбоем, головой на ССВ (рис. 4: *1*). В нижней части груди погребенного найдена бронзовая антропоморфная фигурка (рис. 4: *2*), в нижней части живота – цельнолитая бронзовая пряжка с овальной рамкой и вытянутым треугольным щитком (рис. 4: *3*), а также поясная бронзовая пряжка (рис. 4: *4*). Также в погребении найдены две бронзовые пряжки обувной гарнитуры (рис. 4: *5, 6*), в переотложенном состоянии и горло лепного сосуда в заполнении могильной ямы (рис. 4: *7*) (*Беспалый*, 2023. С. 23, 24. Табл. 24). Две находки – антропоморфная фигурка и цельнолитая пряжка – позволяют предположительно отнести данную могилу к постгуннскому времени, хотя оба этих предмета имеют несколько более широкую дату.

Антропоморфные фигурки уже неоднократно рассматривались при изучении древностей эпохи переселения народов. Они хорошо известны в Крыму и на Тамани, на Северном Кавказе, в Танаисе (*Шелов*, 1984), на Верхнем Дону, на Средней Волге (см.: *Гавритухин и др.,* 2022). Чаще всего они происходят из женских и детских захоронений (*Мастыкова*, 2009. С. 82, 83; 2020. С. 83; *Обломский*, 2019). Предполагается, что такие фигурки, как и некоторые другие элементы убора, характерны в первую очередь для групп оседлого населения, так или иначе связанных со степными кочевниками (*Мастыкова*, 2020. С. 83–85).

Дата этих фигурок является предметом дискуссии, их датируют от гуннского времени до VII в. (подробнее см.: *Мастыкова*, 2009. С. 82–83; *Обломский*, 2019). Считается, что они появляются уже в гуннское время. При этом цитируют находку в одном из сооружений Танаиса финального периода существования поселения (*Шелов*, 1984), предполагая, что жизнь поселения заканчивается в эту эпоху. Однако наиболее выразительная серия находок в закрытых комплексах приходится на постгуннское время, т. е. на середину V – середину VI в. Назовем такие погребения, как склеп 78.1907 г. в Керчи, наиболее вероятное время заполнения которого приходится на ранний VI в., погребение 4-К на могильнике Мокрая Балка в Пятигорье, погребение 13 некрополя Лермонтовская Скала 2, в том же регионе; погребение 4 некрополя Чми 1 в Северной Осетии, все с выразительным инвентарем постгуннского времени (*Мастыкова*, 2009. С. 82–83; *Обломский*, 2019. С. 215).

Цельнолитые полые пряжки с треугольным щитком и овальной или В-образной рамкой хорошо известны в широкой зоне от Кавказа до Скандинавии. Эти пряжки имеют позднеримские прототипы, а их поздние дериваты существуют до начала VII в. В гуннское время подобные находки представлены в кладе Сёсдала в Южной Швеции. Хотя данные пряжки имеют достаточно широкую хронологию, все же, надо отметить, что в постгуннское время они особенно часты. Для постгуннского периода показательны пряжки в погребении 110 могильника Борок-II на Оке, в могиле Хынысла с монетой 457–483 гг. (Азербайджан); в «княжеском» погребении Былым-Кудинетово в Кабардино-Балкарии;

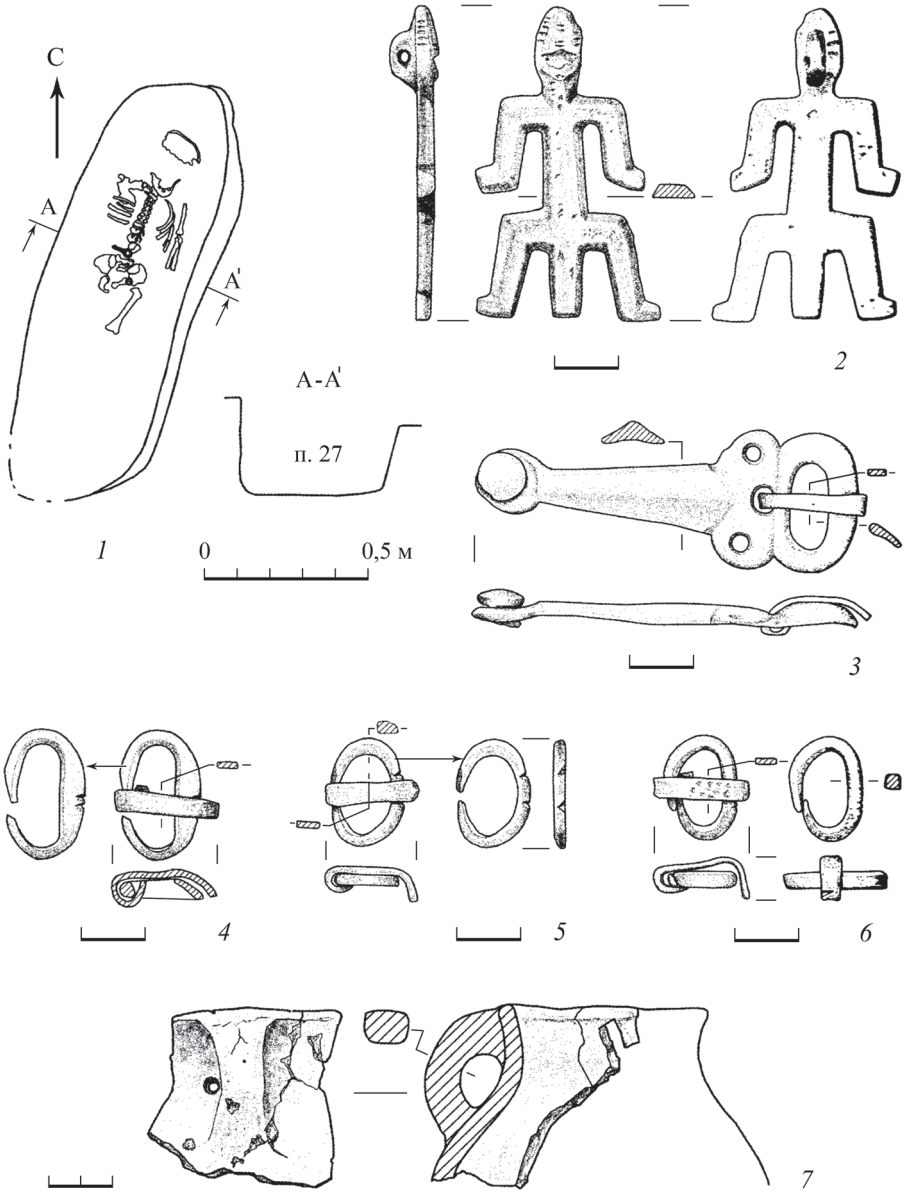

Рис. 4. Танаис, погребение 27 (по: *Беспалый*, 2023. Табл. 24)

в погребении 10 могильника Лермонтовская Скала-2 в Пятигорье; в конском погребении 9 на могильнике Дюрсо в Северо-Восточном Причерноморье, а также близкие, но не совсем идентичные пряжки в могильниках Дюрсо (конское погребение 5). Сахарная Головка в Юго-Западном Крыму и Хейлбронн-Бекинген (Heilbronn-Bekingen) на Рейне. Поздняя вариация этих пряжек отмечена для 590–620 гг. в погребении 153 аламаннского могильника Сонтхейм (Sontheim) (*Казанский, Мастыкова*, 2010. С. 98, там же библиография).

Два из трех погребений постгуннского времени совершены в небольших катакомбах Г-образной формы с небольшой входной ямой и камерой «каплевидной» формы. Погребенные положены головой чаще всего на З – ЮЗ и сопровождаются относительно скромным погребальным инвентарем (керамические, реже, стеклянные сосуды; предметы личного убора, ножи). По мнению Г. Е. Беспалого, эти погребения, скорее всего, связаны с появлением здесь группы населения из Предкавказья (*Беспалый*, 2023. С. 450), что, впрочем, требует более развернутой аргументации.

* * *

Итак, в постгуннское время поселение в Танаисе, если опираться на погребальные находки, продолжило свое существование. Вероятнее всего, как и в предшествующую эпоху, в нем проживало оседлое население, а степняки его использовали как зимник. А если принять во внимание близость «княжеского» могильника Морской Чулек, то, скорее всего, Танаис был одним из центров власти в степи, возможно, даже главной ставкой оногурских вождей (*Казанский*, 2018. С. 104, 105). Напомним, что подобная ситуация имела здесь место и в более раннее, гуннское время, как о том свидетельствуют находки в Синявке. Таким образом, несмотря на смену населения в нижнедонских степях, Танаис сохраняет свою важную роль как «ханская» ставка и зимник оногур.

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньева Т. М., 1977. Некрополь Танаиса. М.: Наука. 152 с.

Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В., 2001. Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф. 274 с.

Арсеньева Т. М., Науменко С. А., 1995. Танаис IV–V вв. (по материалам раскопок 1989–1992 г.) // Боспорский сборник. Вып. 6. М. С. 45–58.

Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.: Изд-во ГЭ. 524 с.

Батиева Е. Ф., 2001. Новые данные по антропологии некрополя Танаиса // *Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В.*, 2001. Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф. С. 223–260.

Безуглов С. И., Ильюков Л. С., 2007. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона / Ред. Ю. К. Гугуев. М., Иерусалим: Мосты культуры. С. 25–48. (Материалы и исследования по археологии Дона; вып. II.)

Безуглов С. И., Ильяшенко С. М., 2000. Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса // Донская археология. Вып. 1. С. 91–100.

Беспалый Г. Е., 2023. Некрополь Танаиса. Полевые исследования участка Западного некрополя в 2012 г. Т. 1. Описание комплексов. Т. 2. Альбом иллюстраций. Ростов-на-Дону: Альтаир. 454 + 564 с.

Гавритухин И. О. Обломский А. М., Торгоев А. И., 2022. Приложение 1. Антропоморфные амулеты-фигурки из Стаево на фоне находок из Евразии // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья / Ред. А. М. Обломский. М.; СПб.: Нестор-История. С. 170–226, 487–509, 542. (РСМ; вып. 21.)

Гадло А. В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 216 с.

Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С., 2007. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: ГЭ. 212 с.

Иордан, 2001. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя. 508 с.

Казанский М. М., 2016. Оногуры в пост-гуннское время на Дону // Дивногорский сборник. Вып. 6. Воронеж: Научная книга. С. 96–111.

Казанский М. М., 2017. Приазовские хунугуры, меховая торговля и водные пути // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь; Керчь: Науч.-исслед. центр истории и археологии Крыма Крымский федерал. ун-та: Деметра. С. 218–229.

Казанский М. М., 2018. Центры власти у гунно-болгар Причерноморья в постгуннское время // МАИЭТ. Вып. XXIII. С. 100–119.

Казанский М. М., 2020. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе // МАИЭТ. Вып. XXV. С. 90–167.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2010. Хронологические индикаторы древностей постгуннского времени на Северном Кавказе // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк. С. 93–104.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2022. Инкрустированные пряжки и накладки эпохи Великого переселения народов с декором в виде рельефных волют: Византия и Барбарикум // Античная древность и средние века. Вып. 50. С. 83–95.

«Космография» Равеннского Анонима // Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. С. 161–286.

Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.

Мастыкова А. В., 2020. Некоторые элементы женского убора оседлого населения пограничья в эпоху Великого переселения народов: миграция или мода? // SP. № 5. С. 73–90.

Мастыкова А. В., 2024. Золотые ожерелья гуннского времени типа Гранада-Альбайсин в Северном Причерноморье // КСИА. Вып. 274. С. 196–216.

Обломский А. М., 2019. Антропоморфные амулеты из верховьев р. Воронеж. К вопросу о южных связях населения региона в VI–VII вв. // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Т. 1 / Ред. А. Д. Васильев. М.: Пробел-2000. С. 212–217.

Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука. 198 с. (МИА; вып. 142.)

Плетнева С. А., 1982. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука. 190 с.

Подосинов А. В., 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик. 488 с.

Приск Панийский, 1890. Византийская история // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Греческие писатели / Сост. В. В. Латышев. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. С. 810–847.

Феофилакт Симокатта, 1957. История / Пер. С. П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР. 224 с.

Шелов Д. Б., 1961. Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.). М.: Изд-во АН СССР. 138 с. (МИА; вып. 98.)

Шелов Д. Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука. 352 с.

Шелов Д. Б., 1984. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука. С. 241–244.

Arsen'eva T. M., Böttger B., 1999. Griechen am Tanais. Die Grabungen in Tananis 1998 // EA. Bd. 5. S. 411–443.

Arsen'eva T. M., Böttger B., Fornasier J., Ulrich M., 2001. Grechen am Don. Die Grabungen im Tanaïs 2000 // EA. Bd. 7. S. 329–366.

Arsen'eva T. M., Domzalski K., 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais // EA. Bd. 8. S. 415–491.

Bezuglov S. I., 2001. «Danubian fashion» and Tanais (The early phase of the Migration Period // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D. / Eds.: E. Istvánovits, V. Kulcsár. Aszód; Nyíregyháza: Jósa András Museum: Osváth Gedeon Museum Foundation. P. 275–284.

Bierbrauer V., 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto medoevo. 368 S.

Gavritukhin I., Radiush O., 2018. A Polychrome Brooch from Konevo and Its Context // Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte. Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag. Band 1 / J. Drauschke et al. (Hrsg.). Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseums. S. 137–160. (Monographien des RGZM, 150-1.)

Giostra C., 2008. The Ostrogothic Buckle with cloisonné decoration from Tortona (Italy) // Archäologisches Korrespondenzblatt. Jg. 38, 4. S. 577–596.

I Goti. Milano: Electa Lombardia, 1994. 400 p.

Kazanski M., 1991. Les Goths. Paris: Errance. 148 p.

Kazanski M., 2002. La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne). D'après les collections et les archives du Musée des Antiquités Nationales. Montagnac: Editons Monique Mergoil. 269 p. (Europe médiévale; 4.)

Kazanski M., 2009. L'époque hunnique au Nord de la mer Noire // Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucarest; Brăila: Editura Academiei Române. P. 65–404. (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitatis et Medii Aevi; V.)

L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. 2002. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux. 223 p.

Legoux R., Péri P., Vallet F., 2016. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye: Assoviation française d'archéologie mérovingienne. 72 p.

Menghin W., 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Theiss. 367 s.

Périn P., 1972. Trois tombes de «chefs» du début de la période mérovingienne: les sépultures No. 66, 68 et 74 de la nécropole de Mezières (Ardennes) // Bulletin de la Société archéologique champenoise. № 4. P. 3–70.

Périn P., 1996. Die archäologischen Zuegnisse der fränkischen Expansion i n Gallien // Die Franken – Weibereiter Ruropas. I. Mainz: Verlag Phipipp von Zabern. S. 237–232.

Vallet F., 1986. Les tombes de chef, reflet de l'histoire de la conquête // La Picardie, berceau de la France. Amiens: Association des Conservateurs des Collections Publiques de Picardie, Direction des Antiquités de Picardie, Réunion des Musées Nationaux. P. 113–119.

Werner J., 1958. Eine ostrogotische Prunkschnalle von Köln-Severinstor // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 3. S. 55–60.

Сведения об авторе

Казанский Михаил Михайлович, Национальный центр научных исследований (Франция), Лаборатория UMR 8167 «Восток и Средиземноморье», 52, rue du cardinal Lemoine, 75005, Paris, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

M. M. Kazanskiy

POST-HUN TANAIS AND THE ONOGHURS

Abstract. Tanais is an ancient Greek city in the Don river delta that was devastated by the barbarians around 251. During the Hun period (the last third of the 4th – the middle of the 5th centuries) a fortified settlement occupied by heterogenous sedentary population as well as a necropolis appeared on the ruins of the ancient Greek city. Most likely, this settlement served as a winter camp of steppe nomads, and, probably, a center of power. For a long time the settlement in Tanais was believed to have ceased to exist at the end of the Hun period (450s–460s). However, recent publications on the Tanais necropolis provide evidence of graves from the post-Hun period (450/460s–530/550s), and, consequently, graves of the settlement. A «princely» necropolis of the post-Hun nomads has been recently discovered in Morskoy Chulek not far from Tanais. Presumably, like in the preceding period, Tanais was inhabited by sedentary population whereas nomads used it as a winter camp. Given the proximity of the 'princely' Morskoy Chulek cemetery, most likely, Tanais was one of the steppe centers of power and, probably, the main residence of the Onoghur chieftains.

Keywords: post-Hun period, Tanais, nomads, winter camp, necropolis, buckles.

REFERENCES

«Kosmografiya» Ravennskogo Anonima [«Cosmography» by Anonymous of Ravenna]. *Podosinov A. V. Vostochnaya Evropa v rimskoy kartograficheskoy traditsii [Eastern Europe in Roman cartographic tradition]*. Moscow: Indrik, 2002, pp. 161–286.

Arsen'eva T. M., 1977. Nekropol Tanaisa [Tanais necropolis]. Moscow: Nauka. 152 p.

Arsen'eva T. M., Bezuglov S. I., Tolochko I. V., 2001. Nekropol Tanaisa: Raskopki 1981–1995 gg. [Tanais necropolis: 1981–1995 excavations]. Moscow: Paleograf. 274 p.

Arsen'eva T. M., Naumenko S. A., 1995. Tanais IV–V vv. (po materialam raskopok 1989–1992 g.) [Tanais of IV–V cc. (based on excavation materials from 1989–1992)]. *Bosporskiy sbornik [Bosporus collection]*, 6. Moscow, pp. 45–58.

Artamonov M. I., 1962. Istoriya khazar [History of Khazars]. Leningrad: GE. 524 p.

Batieva E. F., 2001. Novye dannye po antropologii nekropolya Tanaisa [New data on anthropology of Tanais necropolis]. *Arsen'eva T. M., Bezuglov S. I., Tolochko I. V. Nekropol' Tanaisa: Raskopki 1981–1995 gg. [Tanais necropolis: 1981–1995 excavations]*. Moscow: Paleograf, pp. 223–260.

Bespalyy G. E., 2023. Nekropol' Tanaisa. Polevye issledovaniya uchastka Zapadnogo nekropolya v 2012 g. 1: Opisanie kompleksov, 2: Albom illyustratsiy [Tanais necropolis. Field studies of Western Necropolis site in 2012. 1: Description of complexes. 2: Album of illustrations]. Rostov-na-Donu: Altair. 454 + 564 p.

Bezuglov S. I., Il'yashenko S. M., 2000. Bogatoe pogrebenie gunnskoy epokhi bliz Tanaisa [A rich burial of Hunnic period near Tanais]. *Donskaya arkheologiya [The Don archaeology]*, 1, pp. 91–100.

Bezuglov S. I., Ilyukov L. S., 2007. Pamyatnik pozdnegunnskoy epokhi v ust'e Dona [A site of Late Hunnic period at the Don mouth]. *Srednevekovye drevnosti Dona [Medieval antiquities of the Don]*. Yu. K. Guguev, ed. Moscow, Ierusalim: Mosty kultury, pp. 25–48. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona, II.)

Feofilakt Simokatta, 1957. Istoriya [History]. Moscow: AN SSSR. 224 p.

Gadlo A. V., 1979. Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv. [Ethnic history of North Caucasus in IV–X cc.]. Leningrad: Leningradskiy universitet. 216 p.

Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M., Torgoev A. I., 2022. Prilozhenie 1. Antropomorfnye amulety-figurki iz Staevo na fone nakhodok iz Evrazii [Anthropomorphic figures-amulets from Staevo against the background of finds in Eurasia]. *Torgovo-remeslennyy kompleks u s. Staevo v verkhovyakh*

r. Voronezh (konets V – VII vv.) i nekotorye problemy arkheologii Verkhnego Podonya epokhi rannego Srednevekovya [Trade and production complex near village Staevo in upper reaches of Voronezh river (late V – VII cc.) and some issues of archaeology of Upper Don region in Migration period]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 170–226, 487–509, 542. (RSM, 21.)

Iordan, 2001. O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov. Getica [On origin and deeds of the Getae. Getica]. E. Ch. Skrzhinskaya, ed. St. Petersburg: Aleteyya. 508 p.

Kazanskiy M. M., 2016. Onogury v post-gunnskoe vremya na Donu [Onoghurs in post-Hunnic period on the Don]. *Divnogorskiy sbornik [Divnogorye collection]*, 6. Voronezh: Nauchnaya kniga, pp. 96–111.

Kazanskiy M. M., 2017. Priazovskie khunugury, mekhovaya torgovlya i vodnye puti [The Azov Hunughurs, fur trade and waterways]. *XVIII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Torgovlya: puti – tovary – otnosheniya [XVIII Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and barbarian world in Antiquity and Middle Ages. Trade: ways – goods – relationships]*. Simferopol, Kerch: Nauchno-issledovatel'skiy tsentr istorii i arkheologii Kryma Krymskogo federal'nogo universiteta: Demetra, pp. 218–229.

Kazanskiy M. M., 2018. Tsentry vlasti u gunno-bolgar Prichernomor'ya v postgunnskoe vremya [Centers of power of the Huns-Bulgarians of Pontic region in post-Hunnic period]. *MAIET*, XXIII, pp. 100–119.

Kazanskiy M. M., 2020. Drevnosti stepnykh kochevnikov postgunnskogo vremeni (seredina V – seredina VI v.) v Vostochnoy Evrope [Antiquities of steppe nomads of post–Hunnic period (mid V – mid VI c.) in Eastern Europe]. *MAIET*, XXV, pp. 90–167.

Kazanskiy M. M., Mastykova A. V., 2022. Inkrustirovannye pryazhki i nakladki epokhi Velikogo pereseleniya narodov s dekorom v vide relyefnykh volut: Vizantiya i Barbarikum [Incrusted buckles and plates of Migration period with decoration in shape of relief volutes: Byzatium and Barbaricum]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka [Antiquity and Middle Ages]*, 50, pp. 83–95.

Kazanskiy M. M., Mastykova A. V., 2010. Khronologicheskie indikatory drevnostey postgunnskogo vremeni na Severnom Kavkaze [Chronological indicators of post-Hunnic antiquities in North Caucasus]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik [Upper Don archaeological collection]*, 5. Lipetsk, pp. 93–104.

Mastykova A. V., 2009. Zhenskiy kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n. e. [Women's costume of Central and Western Fore Caucasus at the end of IV – mid VI c. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.

Mastykova A. V., 2020. Nekotorye elementy zhenskogo ubora osedlogo naseleniya pogranich'ya v epokhu Velikogo pereseleniya narodov: migratsiya ili moda? [Some elements of women's headdress among settled population of borderlands in Great Migration period: migration or fashion?]. *SP*, 5, pp. 73–90.

Mastykova A. V., 2024. Zolotye ozherel'ya gunnskogo vremeni tipa Granada-Al'baysin v Severnom Prichernomor'e [Gold necklaces of Hun period of Granada-Albaicín type in North Pontic region]. *KSIA*, 274, pp. 196–216.

Oblomskiy A. M., 2019. Antropomorfnye amulety iz verkhov'ev r. Voronezh. K voprosu o yuzhnykh svyazyakh naseleniya regiona v VI–VII vv. [Anthropomorphic amulets from upper reaches of Voronezh River. The issue of southern connections of the region's population in VI–VII cc.]. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka [Historical, cultural, interethnic, religious and political ties of Crimea with Mediterranean and countries of the Orient]*, 1. A. D. Vasil'ev, ed. Moscow: Probel-2000, pp. 212–217.

Pletneva S. A., 1967. Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura [From nomad camps to cities. Saltovo-Mayaki culture]. Moscow: Nauka. 198 p. (MIA, 142.)

Pletneva S. A., 1982. Kochevniki Srednevekov'ya. Poiski istoricheskikh zakonomernostey [Nomads of the Middle Ages. The search for historical patterns]. Moscow: Nauka. 190 p.

Podosinov A. V., 2002. Vostochnaya Evropa v rimskoy kartograficheskoy traditsii [Eastern Europe in Roman cartographic tradition]. Moscow: Indrik. 488 p.

Priscus Panites, 1890. Vizantiyskaya istoriya [Byzantine history]. *Izvestiya drevnikh pisateley grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze [Records of ancient Greek and Latin authors on Scythia and*

the Caucasus], I. Grecheskie pisateli [Greek authors]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, pp. 810–847.

Shelov D. B., 1961. Nekropol Tanaisa (raskopki 1955 – 1958 gg.) [Tanais necropolis (1955 – 1958 excavations)]. Moscow: AN SSSR. 138 p. (MIA, 98.)

Shelov D. B., 1972. Tanais i Nizhniy Don v pervye veka nashey ery [Tanais and Lower Don in the first centuries of our era]. Moscow: Nauka. 352 p.

Shelov D. B., 1984. Antropomorfnyy amulet iz Tanaisa [Anthropomorphic amulet from Tanais]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya [Antiquities of Eurasia in Scythian-Sarmatian period]*. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, V. G. Petrenko, eds. Moscow: Nauka, pp. 241–244.

Zasetskaya I. P., Kazanskiy M. M., Akhmedov I. R., Minasyan R. S., 2007. Morskoy Chulek: Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu [Morskoy Chulek: Burials of nobility from Azov Sea region and their place in history of North Pontic tribes in post-Hunnic period]. St. Petersburg: GE. 212 p.

About the author

Kazanski Michel M., Centre national de la recherche scientifique, UMR 8167 «Orient et Méditerranée», rue de cardinal Lemoine, 52, Paris, 75005, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Д. С. Коробов

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ЛЕВОПОДКУМСКИЙ 1 БЛИЗ КИСЛОВОДСКА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2024 г.[1]

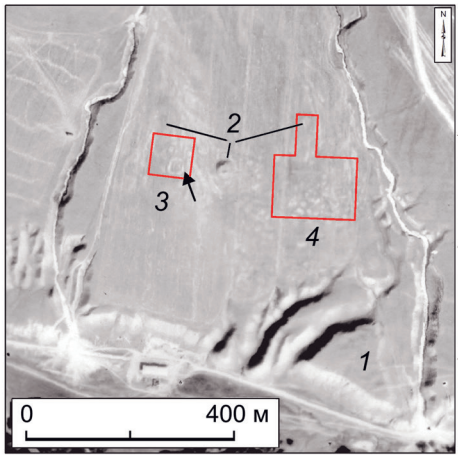
Резюме. Среди северокавказских древностей особое место занимает могильник Левоподкумский 1 близ Кисловодска, где сочетаются погребения, характерные как для аланской культуры, так и для предшествующего ему местного культурного субстрата (памятники типа «Подкумок-Хумара»). Данный уникальный для Центрального Предкавказья могильник был открыт автором и исследован в процессе ограниченных археологических раскопок в 2012–2013 гг. В статье публикуются предварительные результаты комплексных исследований 2024 г., проведенных на данном могильнике в рамках гранта РНФ № 24-28-01024. Нами были раскопаны две подкурганные катакомбы (погр. 1 кур. 18 и погр. 1 кур. 19), три двухкамерных бескурганных захоронения (погр. II–IV), одна бескурганная однокамерная катакомба (погр. V) и одно погребение в яме с заплечиками (погр. VI) (рис. 1: *В*). Все захоронения, кроме последнего, были ограблены в древности. Обнаруженные в некоторых погребениях детали обувных наборов и украшения относятся к первой половине – середине III в. н. э. Открытые двухкамерные погребения оставлены представителями культурной группы «Подкумок-Хумара». Культурная принадлежность остальных захоронений нуждается в уточнении.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кисловодская котловина, ранние аланы, культурная группа «Подкумок-Хумара».

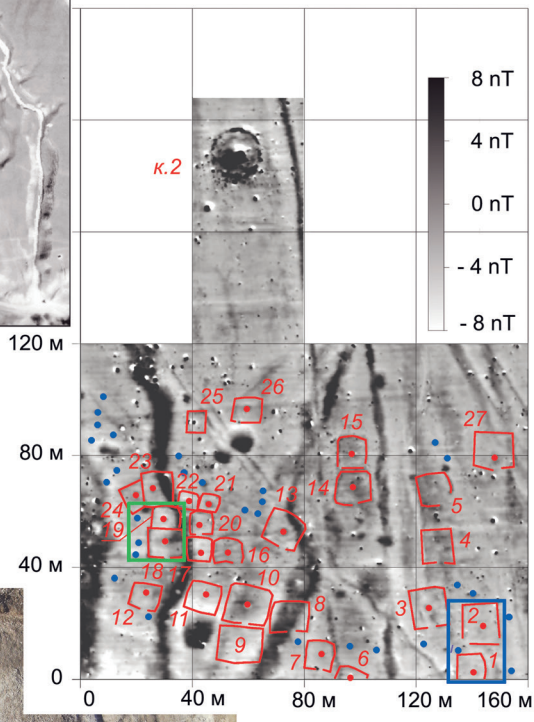
В последнее время чрезвычайную актуальность приобрела проблема происхождения аланской археологической культуры, решаемая на стыке археологии, антропологии и палеогенетики (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 144–162; *Малашев*, 2016. С. 62–65; *Афанасьев, Коробов*, 2018; *Коробов*, 2019. С. 48–54, 112–136).

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 24-28-01024 «Комплексное исследование могильника эпохи Великого переселения народов Левоподкумский 1 в Кисловодской котловине».

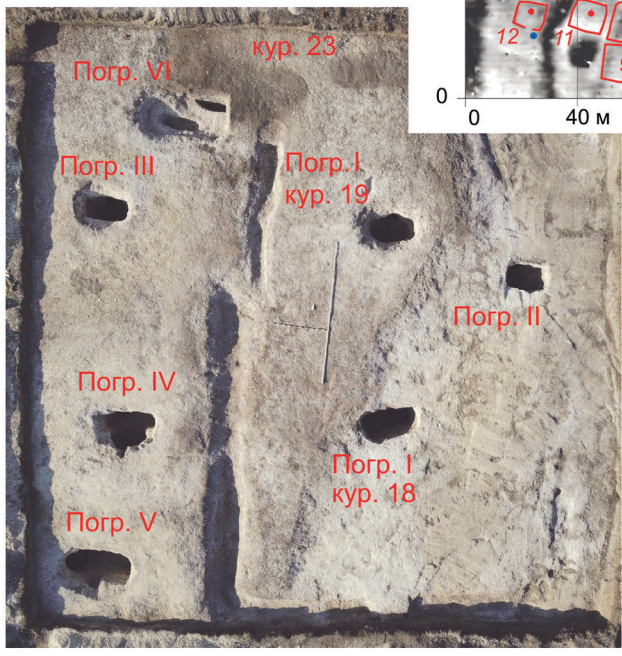
http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.261-274

N
2
3
4
1
0
400 м

А

8 nT
4 nT
0 nT
- 4 nT
- 8 nT
к.2
120 м
80 м
40 м
0
0
40 м
80 м
120 м
160 м

Б

кур. 23
Погр. VI
Погр. III
Погр. I
кур. 19
Погр. II
Погр. IV
Погр. I
кур. 18
Погр. V

В

Среди северокавказских древностей особое место занимает могильник Левоподкумский 1 близ Кисловодска, где сочетаются погребения, характерные как для аланской культуры, так и для предшествующего ему местного культурного субстрата (памятники типа «Подкумок-Хумара») (*Малашев*, 2021). Данный уникальный для Центрального Предкавказья могильник был открыт автором статьи и исследован в процессе ограниченных археологических раскопок в 2012–2013 гг. (*Коробов и др.*, 2014).

Курганный могильник Левоподкумский 1 располагается в Малокарачаевском районе Карачаево-Черкесской Республики, в 2,5 км к северо-западу от с. Красный Курган, на возвышенной плоской площадке, на левом берегу р. Подкумок. К юго-востоку от могильника находится городище Подкумское 2, оставленное носителями аланской культуры раннего этапа и датирумое на основании керамического материала и данных радиоуглеродного анализа второй половиной III – первой половиной IV в. н. э. (*Коробов*, 2017. С. 45–57). Вероятно, некоторые погребения могильника оставлены жителями этого городища.

Городище и могильник были выявлены в ходе анализа аэрофотосъемки Кисловодской котловины, сделанной 17 сентября 1970 г. На обширной территории, занятой распаханными курганными насыпями, находится видимая с воздуха структура в виде рва квадратной формы с перемычками с северной и южной сторон (рис. 1: *А*). Проведенные в мае 2012 г. профессором Мюнхенского университета Й. Фассбиндером геофизические исследования памятника на двух участках общей площадью около 2,9 га позволили выявить аномалии, маркирующие не менее 50 ровиков подкурганных катакомбных захоронений и примерно такое же количество грунтовых погребений (рис. 1: *Б*). Три погребения и один ритуальный комплекс были раскопаны, что позволило сделать предварительные выводы о времени возникновения могильника; определить его культурно-хронологическую атрибуцию; получить данные о краниологии и первую информацию о генетическом портрете населения, оставившего эти захоронения. Нами было установлено, что пространство курганного могильника использовалось в первой половине IV в. н. э. для захоронений представителями двух культурных групп – пришлым населением с погребальным обрядом, характерным для раннего этапа аланской археологической культуры, и автохтонными носителями культурной группы «Подкумок-Хумара». Для этих групп населения характерны различные погребальные традиции (*Коробов и др.*, 2014; *Малашев*, 2021) и антропологические характеристики (*Березина*

Рис. 1 (с. 262). Могильник Левоподкумский 1

А – аэрофотоснимок курганного могильника Левоподкумский 1 и его окрестностей (*1* – городище Подкумское 2; *2* – курганы курганной группы Джагинская 5; *3, 4* – участки 1 и 2 геофизического обследования могильника Левоподкумский 1. Стрелкой отмечен крупный ров); *Б* – результаты магнитометрического обследования 2012 г. участка 2 курганного могильника Левоподкумский 1. Синим квадратом обведен участок раскопок 2012 г., зеленым – 2024 г.; красными линиями и точками отмечены ровики и погребения курганных захоронений, синими точками – бескурганные погребения; *В* – аэрофотоснимок участка раскопок 2024 г. после окончания расчистки погребальных сооружений

и др., 2014), но с точки зрения палеогенетики они представляются достаточно близкими (*Коробов*, 2019. С. 131–132).

За прошедшие десять лет с момента наших работ на данном памятнике широкое распространение получили методы цифрового документирования, стремительное развитие наблюдается в области палеогенетики. Наши исследования, проведенные на могильнике в 2024 г., направлены на комплексное изучение Левоподкумского некрополя на принципиально новом уровне. С этой целью были осуществлены археологические раскопки ряда подкурганных и бескурганных катакомбных погребений, которые велись на основе имеющихся данных геофизического обследования, позволяющих с высокой точностью определять место каждого погребения. Сотрудниками лаборатории RSSDA и Института археологии РАН[2] на всех этапах полевых и камеральных работ осуществлялась цифровая документация методом фотограмметрии, от составления топографического плана памятника до цифрового моделирования раскопанных объектов и находок с целью объединения всех материалов в единую географо-информационную систему. Трехмерное компьютерное моделирование погребальных сооружений методом фотограмметрии позволило получить высококачественные цифровые представления о деталях погребальных сооружений каждой исследуемой культурной группы (рис. 2).

В ходе раскопок нами был вскрыт участок площадью около 400 кв. м, на котором по результатам магнитометрического обследования прослеживалось два подкурганных захоронения с ровиками подквадратной формы и не менее трех пятен бескурганных погребений (рис. 1: *Б*). В итоге были исследованы две подкурганные катакомбы (погр. 1 кур. 18 и погр. 1 кур. 19), три двухкамерных бескурганных захоронения (погр. II–IV[3]), одна бескурганная однокамерная катакомба (погр. V) и одно погребение в яме с заплечиками (погр. VI) (рис. 1: *В*). Все захоронения, кроме последнего, были ограблены в древности: закладные плиты были отброшены в сторону, входные отверстия в камеры расширены, камеры заполнены перемешанным грунтом, затекшим внутрь после ограбления. Кости погребенных и погребальный инвентарь были перемещены, в основном они обнаруживались в процессе разборки заполнения входных ям и погребальных камер.

Насыпи курганов 18 и 19 не сохранились. Вокруг них были сооружены ровики квадратной формы. От ровика кур. 19 сохранилась только западная часть, ровик кур. 18 прослеживался с западной, южной и частично восточной сторон (рис. 1: *В*). В южной стороне была устроена перемычка, маркирующая проход в ограниченное ровиком пространство. Подкурганные катакомбы имели параллельное соотношение длинных осей камеры и входной ямы, которая была

[2] Полевые и камеральные работа по созданию трехмерных компьютерных моделей топографии могильника, участка раскопок, погребальных конструкций и отдельных находок выполнены Е. В. Романенко, Ю. М. Свойским, Е. А. Галкиной, А. Н. Уральской (лаборатория RSSDA) и А. А. Пичугиной (Институт археологии РАН).

[3] Нумерация погребений продолжает нумерацию, принятую авторами раскопок 2012–2013 гг. Курганные погребения обозначаются арабскими цифрами, бескурганные – римскими.

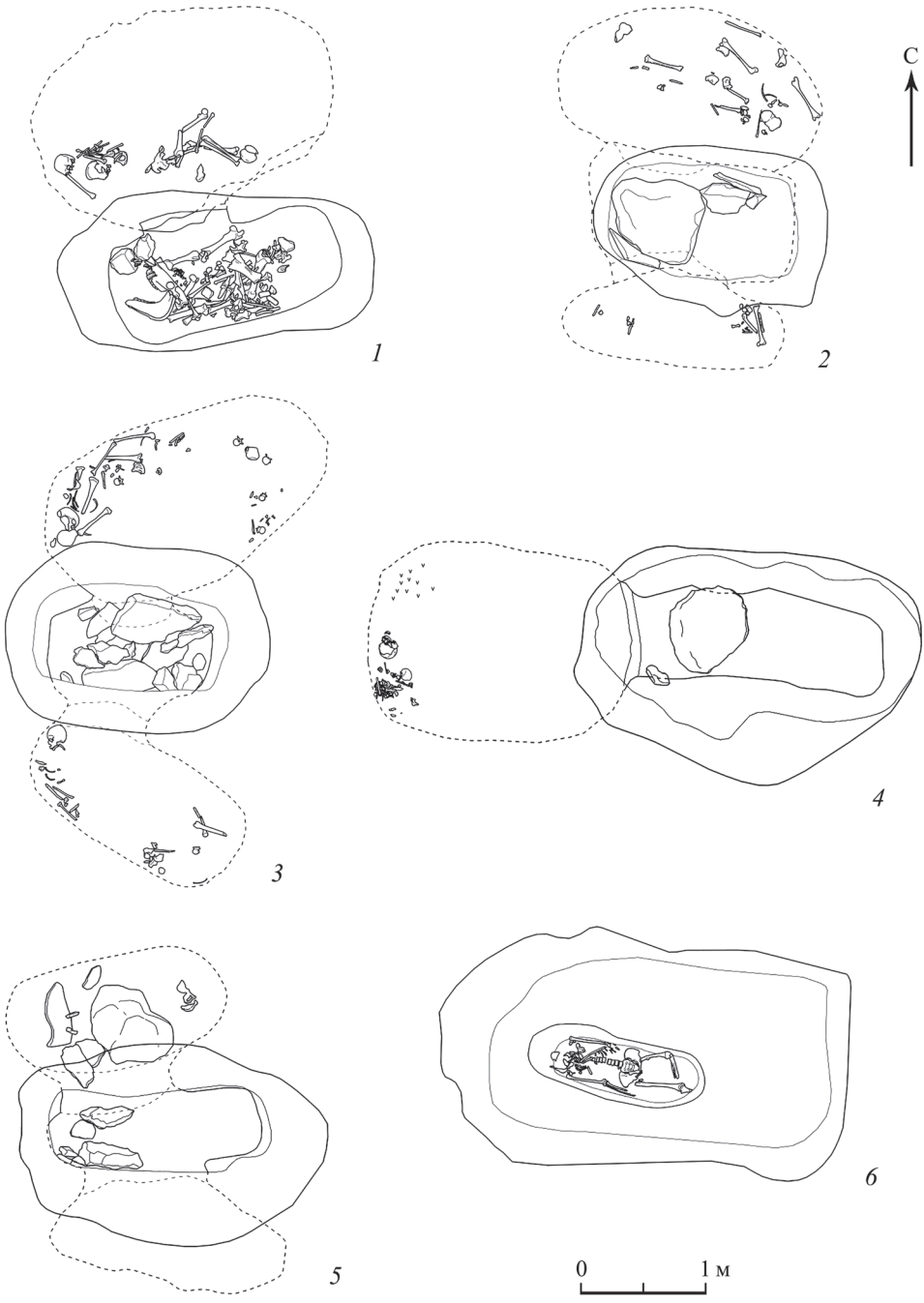

Рис. 2. Планы раскопанных погребений могильника Левоподкумский 1
1 – погр. 1 кур. 18; *2* – погр. II; *3* – погр. III; *4* – погр. V; *5* – погр. IV; *6* – погр. VI

ориентирована по линии запад – восток (тип IV, по К. Ф. Смирнову). Катакомба кур. 19 практически не содержала предметов погребального инвентаря, сохранились лишь кости одного погребенного – мужчины 45–55 лет[4]. Во входной яме погр. 1 кур. 18 было обнаружено захоронение лошади (рис. 2: *1*). Согласно определению, сделанному канд. биол. наук, ученым секретарем Зоологического музея МГУ им. М. В. Ломоносова Н. Н. Спасской, это был жеребец 8–9 лет, который интенсивно использовался как ездовой — верховой и/или тягловый. Жеребец был малорослый (128–136 см в холке), средненогий (по костям пясти и плюсны), шагового типа аллюра. Некоторые особенности пропорций костей задней конечности, сближающие его со скаковыми лошадьми, могут быть адаптацией к существованию в пересеченной местности.

В камере находились останки двух погребенных: мужчины 35–45 лет и женщины 45–55 лет. Среди инвентаря, разбросанного грабителями по входной яме и камере захоронения, встречались престижные предметы конского и воинского снаряжения, значимые для определения хронологии детали поясной гарнитуры и одежды (рис. 3: *1, 2, 4, 5, 18, 20, 21*). Детальный анализ данных предметов еще предстоит, но на данный момент можно прежде всего выделить уникальную бляшку сбруйного набора, выполненную тиснением из золотой фольги на заполненном белой пастой основании с тамгообразным знаком (рис. 3: *11*). Ближайшие аналогии данной бляшки находятся среди предметов сбруйного набора, найденного в тайнике входной ямы катакомбы кур. 186 Бесланского курганного могильника, где присутствует восемь подобных блях с тамгообразным знаком другого типа (*Дзуцев, Малашев*, 2015. С. 27. Рис. 9: *4*; 27: *2*; *Малашев, Дзуцев*, 2016. С. 168. Рис. 7: *4*). Погребение датируется авторами первой половиной – серединой III в. н. э. (*Дзуцев, Малашев*, 2015. С. 37–47; *Малашев, Дзуцев*, 2016. С. 173–175). Этой дате не противоречат находка бронзовой сильнопрофилированной фибулы с бусиной на конце приемника (рис. 3: *5*), которые в целом датируются серединой III – IV в. н. э. (*Малашев, Кадзаева*, 2021), и бронзового двухчастного наконечника ремня с фасетировкой по краям и скругленным окончанием (рис. 3: *1*) типа Н2, по В. Ю. Малашеву, относящегося к группе IIа с заходом в группу IIб, датируемые в пределах первой половины – середины III в. (*Малашев*, 2000. С. 197, 199–200, 207–209. Рис. 5: *А, 10*). Редкой находкой, происходящей из данного захоронения, представляется втульчатый наконечник копья с не выделенной боевой частью, напоминающей пику, и с отчетливо читающимся ребром жесткости (рис. 3: *18*). Из погребения помимо прочих находок происходят фрагмент железных пружинных ножниц (?) (рис. 3: *21*), три поясные бронзовые обоймочки (рис. 3: *2*), серебряная деталь ручки меча или кинжала (?) (рис. 3: *4*) и фрагмент железного ножа с сохранившейся костяной рукоятью (рис. 3: *20*).

Некоторое количество находок было сделано в разграбленных камерах двухкамерных захоронений II, III и IV. Погребения были устроены с северной и южной стороны, от широтно ориентированных входных ям, длинная ось которых располагалась параллельно длинным осям погребальных камер (тип VII-3,

[4] Здесь и далее используются полевые антропологические определения, сделанные О. С. Чагаровым (МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт археологии РАН).

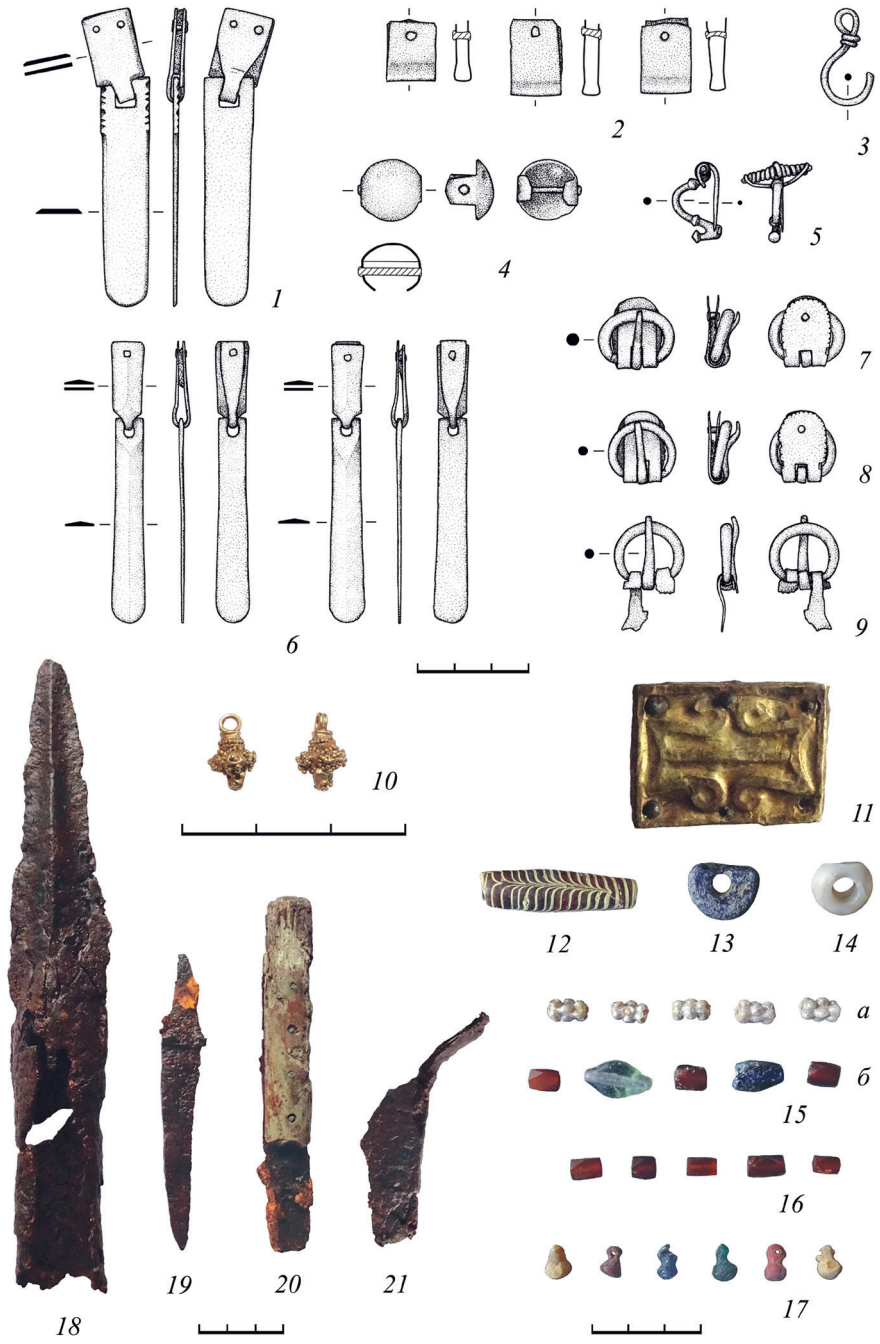

Рис. 3. Погребальный инвентарь из могильника Левоподкумский 1

1, 2, 4, 5, 11, 18, 20, 21 – погр. 1 кур. 18; *6–9, 16, 17* – погр. III, камера 2; *10, 15* – погр. II, камера 2; *3, 19* – погр. III, камера 1; *12–14* – погр. IV

по В. Ю. Малашеву) (рис. 2: *2, 3, 5*). Во входных ямах и камерах в заполнении в переотложенном состоянии найдены каменные закладные плиты, кости погребенных, керамика, некоторые предметы погребального инвентаря.

В камере 1 (южной) погр. II (рис. 2: *2*) были обнаружены кости одного индивида (скорее всего, женщины 35–45 лет), которые сопровождались отдельными фрагментами сосудов и неопределенных железных предметов. Большее количество инвентаря происходило из камеры 2 (северной) данного погребения. Здесь помимо костей женщины 20–29 лет были найдены золотая подвеска серьги в виде грозди из бусинки с зернью (рис. 3: *10*), возможно, закавказского происхождения, и более 80 бусин и бисерин, среди которых шесть золотостеклянных бугристой формы (пять целых и одна во фрагментах) (рис. 3: *15а*), три гранатовые четырнадцатигранные и две стеклянные монохромные из прозрачного и глухого синего стекла биконической и четырнадцатигранной формы (рис. 3: *15б*). Все эти бусины имеют аналогии среди бус из погребений первой половины II – середины III в. курганного катакомбного могильника Брут 2 (*Румянцева*, 2009).

Погребение III представлено двумя камерами (рис. 2: *3*), в первой из которых помимо фрагментов железного ножа (рис. 3: *19*), шила и других железных предметов, а также пяти стеклянных бусин был найден фрагмент бронзовой петлевидной застежки (рис. 3: *3*). Время бытования подобных деталей костюма, по мнению В. Ю. Малашева, не выходит за пределы середины III в. н. э. (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 138; *Малашев, Дзуцев*, 2016. С. 175). Эти предметы погребального инвентаря сопровождали погребенную женщину 45–55 лет. Во второй камере было погребено два индивида: мужчина и женщина 35–45 лет в погребальный набор которых входило более 60 бусин и 35 бисерин, в том числе пять гранатовых четырнадцатигранных (рис. 3: *16*) и шесть стеклянных одноцветных бусин-подвесок, бежевого, коричневого, зеленого, синего и красного цветов (рис. 3: *17*), также типичных для бусинных наборов первой половины II – середины III в. (*Румянцева*, 2009). В заполнении в виде грабительского перемеса был обнаружен набор из двух бронзовых обувных пряжек и наконечников ремней (рис. 3: *6–8*), еще одна отдельная бронзовая пряжка (рис. 3: *9*), кружечка (рис. 4: *2*) и фрагменты бронзовых и железных предметов. Обувные пряжки относятся к типу П2а, по В. Ю. Малашеву – пряжки с нефасетированными округлыми щитками и округлыми рамками с небольшим утолщением в передней части, с прогнутым язычком, не доходящим до середины сечения рамки, без уступа у основания; наконечники к типу Н4 – двухчастные нефасетированные наконечники-подвески с двускатной поверхностью на лицевой стороне (*Малашев*, 2000. С. 195, 197. Рис. 3: *В, 2, 3*; *Д, 4, 5*; 4: *А, 4; Г, 3, 4*; 6: *В, 7*). Сочетание этих типов обувной гарнитуры в одном комплексе позволяет отнести их к группе IIб, которая датируется второй половиной III в. н. э. (*Малашев*, 2000. С. 199–201, 207–209. Рис. 2).

Погребение IV было основательно разрушено при ограблении (рис. 2: *5*) – свод и входное отверстие небольшой по размерам камеры 1, очевидно, устроенной для детского погребения, не сохранились. В заполнении при входе в камеру на боку лежала кружка (рис. 4: *1*). На дне камеры ни костей погребенных, ни предметов инвентаря найдено не было. В заполнении камеры и входной ямы были найдены фрагменты керамики, железные предметы, в том числе пряжка,

Рис. 4. Керамика из могильника Левоподкумский 1
1, 3, 4 – погр. IV; *2* – погр. III

каменная бусина в виде псевдогеммы (рис. 3: *13*), стеклянная бусина. В камере 2 в переотложенном состоянии находились кости трех погребенных: мужчины 35–45 лет, женщины 25–35 лет и ребенка 6–8 лет, которые сопровождались железными предметами и их фрагментами (нож, пряжка, обойма). Были найдены две миски (рис. 4: *3, 4*) и кружечка, а также восемь бусин и бисерин, среди которых каменная псевдогемма из халцедона (рис. 3: *14*) и стеклянная крупная вытянутая бусина из темно-красного глухого стекла с перистым орнаментом (рис. 3: *12*). Хронологически значимых предметов здесь обнаружено не было.

Не были найдены подобные предметы и в погребении V, устроенном в виде катакомбы с соотношением длинных осей входной ямы и камеры на одной прямой (тип II, по К. Ф. Смирнову) (рис. 2: *4*). Здесь помимо черепа и костей подростка 8–10 лет, сложенных в отдельно лежащую кучку возле задней стенки камеры, было обнаружено лишь несколько фрагментов сосуда, железное кольцо и фрагменты железного ножа. Погребение VI было безынвентарным. Оно устроено в узкой яме, вытянутой в широтном направлении, которая была вырыта в более широкой погребальной конструкции в виде крупной, но неглубокой ямы (рис. 2: *6*). На дне узкой ямы на спине в вытянутом положении находился костяк погребенного мужчины 35–45 лет, ориентированный головой на запад. Разрушенный наклоненный на грудь череп немного свернут на правую сторону. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локтевом суставе и уложена на грудь. Правая нога вытянута, ниже колена она не сохранилась, поскольку выходит за пределы узкой могильной ямы. Левая нога согнута в колене и приподнята над уровнем заполнения могильной ямы, зачищенной по материку. Таким образом складывается впечатление, что тело покойного было буквально втиснуто в узкое пространство погребальной ямы. Инвентаря при погребенном не было, в заполнении ямы найдено несколько невыразительных фрагментов керамики. Следует отметить, что северо-восточный край данного погребения был потревожен при сооружении ровика кур. 23 (рис. 1: *3*), который пока что не раскапывался, однако при прокопке края ровика была встречена керамика, типичная для раннего этапа аланской культуры (венчики мисок с загнутым внутрь бортом).

Таким образом, обнаруженный в погр. 1 кур. 18 и в погр. II и III набор деталей обувных наборов и украшений, в котором присутствуют пряжки, наконечники-подвески ремней, подвеска серьги и петля-застежка, относится к первой половине, с большей вероятностью, – к середине III в. н. э.[5] Не противоречат этой дате находки сосудов, которые в целом датируются достаточно широко – миска из погребения IV (рис. 4: *3*) выполнена в керамической традиции раннего этапа аланской культуры II–IV вв., другая миска из этого же захоронения (рис. 4: *4*) и две кружки из погребений III и IV (рис. 4: *1, 2*) более характерны для местного предаланского керамического производства, описанного ранее в качестве набора посуды культурной группы «Подкумок-Хумара» (*Малашев*, 2021. С. 135–137. Рис. 5: *1, 2*; 6: *4, 6*), которая датируется в пределах I в. до н. э. – IV в. н. э.

[5] Выражаю глубокую благодарность старшему научному сотруднику Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН, к. и. н. В. Ю. Малашеву за ценные консультации по определению хронологии найденных предметов.

Отнесение двухкамерных катакомб II, III и IV к данной культурной группе сомнений не вызывает – присутствие двухкамерных захоронений является специфической чертой некрополей, оставленных этим населением. Грунтовая катакомба V типа II с расположением длинных осей входной ямы и камеры на одной прямой не является характерным погребальным сооружением для носителей этой культурной традиции (Там же. С. 135). Подобный вариант катакомб уже был зафиксирован в единичном случае для подкурганного сооружения в кур. 1 могильника Левоподкумский 1, который трактовался нами в качестве аланского захоронения (*Коробов и др.*, 2014. С. 133–134).

Сложнее определить культурную принадлежность подкурганных погребений. Ранее мы исходили из однозначной интерпретации подкурганных катакомбных захоронений, устроенных в пространстве, окруженном квадратными ровиками, как относящихся к аланской археологической культуре раннего этапа. Однако соотношение осей входной ямы и камеры двух раскопанных в сезоне 2024 г. подкурганных катакомб не позволяет сделать такого однозначного вывода – здесь камеры и входные ямы устроены параллельно, так же как и в захоронениях культурной группы «Подкумок-Хумара» (*Малашев*, 2021. С. 135). С другой стороны, такие катакомбы крайне редко, но встречаются в ареале аланской культуры на Среднем Тереке. Так, среди более трехсот подкурганных и бескурганных катакомбных погребений, раскопанных в последние годы под руководством В. Ю. Малашева, имеется три захоронения на курганном могильнике Октябрьский I, устроенных именно с таким соотношением осей входной ямы и камеры (*Малашев и др*., 2020. С. 444). Все они, однако, были бескурганными.

В настоящий момент представляется наиболее вероятной атрибуция раскопанных в сезоне 2024 г. подкурганных катакомб в качестве редких элитных захоронений населения, оставившего памятники типа «Подкумок-Хумара». Более подробная характеристика подобных захоронений – дело будущего исследования, которое предполагается провести с учетом как археологического контекста, так и с привлечением данных антропологии и палеогенетики. Однако уже сейчас можно отметить некоторые интересные черты влияния традиций представителей культурной группы «Подкумок-Хумара» на погребальный обряд аланской археологической культуры.

Так, очевидно, что истоки традиции устройства конских погребений во входных ямах катакомбных захоронений скорее всего могут принадлежать носителям культурной группы «Подкумок-Хумара». Эту особенность их погребального обряда уже отмечал В. Ю. Малашев (*Малашев*, 2021. С. 135). Примечательно, что на могильнике Левоподкумский 1 открыто уже три конских захоронения, исключительно в подкурганных катакомбах 1, 2 (*Коробов и др.*, 2014. С. 125, 129) и 18, тогда как на некрополях раннего этапа аланской культуры они встречаются крайне редко в единичных случаях.

Следует отметить еще одну интересную особенность погребального обряда людей, оставивших раскопанные нами погребения. Это присутствие в камерах кусочков смоловидного вещества. Нами обнаружено четыре таких образца в погр. 1 кур. 18, камере 1 погр. III, камере 2 погр. IV и в погр. V. Примечательно, что случаи использования в погребальном обряде этого вещества,

которое, по мнению одних исследователей, является остатками мумиё, а других – представляет собой сырец опиума, наиболее массово зафиксированы в катакомбных погребениях Кисловодской котловины в V–VIII вв. (*Коробов*, 2003. С. 99–100). Очевидно, что здесь мы имеем дело с глубокой традицией употребления данного вещества носителями культурной группы «Подкумок-Хумара» еще до появления на данной территории представителей аланской культуры, которые успешно переняли и использовали далее данную практику. Представляется необходимым проведение новых аналитических работ по определению состава данного вещества с использованием современных методов и технологий.

Таким образом, раскопками 2024 г. был вскрыт новый участок на курганном могильнике Левоподкумский 1, который дал интересные археологические и антропологические материалы в основном представителей населения культурной группы «Подкумок-Хумара», предшествующих аланской миграции в микрорегион. Не исключено, что, как и в раскопанной ранее части могильника, подкурганные катакомбы оставлены аланскими мигрантами из района Среднего Терека, однако данное предположение нуждается в проверке.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Г. Е., Коробов Д. С., 2018. Северокавказские аланы по данным палеогенетики // Этногенез и этническая история народов Кавказа: сб. материалов I Междунар. нахского науч. конгр. (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.) / Отв. ред.: Ш. А. Гапуров, С. С. Магамадов. Грозный: Грозненский рабочий. С. 180–191.

Березина Н. Я., Фризен С. Ю., Коробов Д. С., 2014. Антропологические материалы из курганного могильника Левоподкумский 1 (Кисловодская котловина) // Вестник антропологии. № 1 (27). С. 170–178.

Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС. 468 с.

Дзуцев Ф. С., Малашев В. Ю., 2015. Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи (некоторые итоги исследований 1988–2014 гг.). Владикавказ: Проект-Пресс. 112 с. (Алано-Кавказская б-ка.)

Коробов Д. С., 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб.: Алетейя. 380 с.

Коробов Д. С., 2017. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Т. 2. Каталог поселений Кисловодской котловины. М.; СПб.: Нестор-История. 312 с.

Коробов Д. С., 2019. Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. М.; СПб.: Нестор-История. 156 с.

Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й., 2014. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // КСИА. Вып. 232. С. 120–135.

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.

Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН. 208 с.

Малашев В. Ю., 2021. Памятники типа «Подкумок-Хумара» // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской / Отв. ред.: З. Х. Албегова, Д. С. Коробов, А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН. С. 127–144.

Малашев В. Ю., Дзуцев Ф. С., 2016. Парадные сбруйные наборы III в. н. э. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа // Малашев В. Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных

могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН. С. 164–206.

Малашев В. Ю., Кадзаева З. П., 2021. Сильнопрофилированные фибулы середины III – IV в. н. э. // РА. № 2. С. 54–72.

Малашев В. Ю., Магомедов Р. Г., Дзуцев Ф. С., Мамаев Х. М., Кадзаева З. П., 2020. Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе Республики Северная Осетия – Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 2. С. 439–460.

Румянцева О. С., 2009. Бусы могильника Брут 2 первой половины II – середины III в. // *Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС. С. 341–437.

Сведения об авторе

Коробов Дмитрий Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: dkorobov@mail.ru

D. S. Korobov

THE LEVOPODKUMSKY 1 KURGAN CEMETERY NEAR KISLOVODSK: PRELIMINARY RESULTS OF THE 2025 COMPREHENSIVE RESEARCH

Abstract. The Levopodkumsky 1 kurgan cemetery near Kislovodsk includes graves typical of both the Alan population and the preceding local ethnic substrate (Podkumok-Khumara cultural group). The burial ground occupies a special place among North Caucasus antiquities. The cemetery is unique for the central Ciscaucasia. It was discovered and investigated during the archaeological excavations conducted on a limited basis in 2012–2013. The paper publishes preliminary results of comprehensive research conducted at this burial ground in 2024 under RSF grant No. 24-28-01024. Two catacombs covered by the kurgans (burial 1, kurgan 18; and burial 1, kurgan 19), three two-chamber burials not covered by the kurgans (burials II–IV), one uni-chamber catacomb not covered by the kurgan (burial V) and one burial made in a stepped pit (burial VI) (Fig. 1: *B*) were excavated. All burials, save the last one, were looted in ancient times. Parts of footwear sets and jewelry found in some burials date to the first half – the middle of the 3rd century AD. The discovered two-chamber burials have been left behind by the representatives of the Podkumok-Khumara cultural group. The cultural attribution of other burials needs to be clarified.

Keywords: North Caucasus, Kislovodsk Basin, early Alans, Podkumok-Khumara cultural group.

REFERENCES

Afanas'ev G. E., Korobov D. S., 2018. Severokavkazskie alany po dannym paleogenetiki [North Caucasian Alans according to paleogenetic data]. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Kavkaza (I Mezhdunarodnyy nakhskiy kongress) [Ethnogenesis and ethnic history of peoples of the Caucasus (I International Nakh congress)]*. Sh. A. Gapurov, S. S. Magamadov, eds. Groznyy: Groznenskiy rabochiy, pp. 180–191.

Berezina N. Ya., Frizen S. Yu., Korobov D. S., 2014. Antropologicheskie materialy iz kurgannogo mogil'nika Levopodkumskiy 1 (Kislovodskaya kotlovina) [Anthropological materials from

Levopodkumsky 1 cemetery (Kislovodsk depression)]. *Vestnik antropologii [Bulletin of anthropology]*, 1 (27), pp. 170–178.

Dzutsev F. S., Malashev V. Yu., 2015. Beslanskiy arkheologicheskiy kompleks rannealanskoy epokhi (nekotorye itogi issledovaniy 1988–2014 gg.) [Beslan archaeological complex of Early Alan epoch (some research results from 1988–2014)]. Vladikavkaz: Proekt-Press. 112 p. (Alano-Kavkazskaya biblioteka.)

Gabuev T. A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentralnykh rayonov Severnogo Kavkaza [Sites of early Alans in central regions of North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.

Korobov D. S., 2003. Sotsialnaya organizatsiya alan Severnogo Kavkaza IV–IX vv. [Social organization of Alans of North Caucasus in IV–IX cc.]. St. Petersburg: Aleteyya. 380 p.

Korobov D. S., 2017. Sistema rasseleniya alan Tsentralnogo Predkavkaz'ya v I tys. n. e. (landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoy kotloviny) [Settlement system of Alans of Central Ciscaucasia in I mill. AD (landscape archaeology of Kislovodsk depression)], 2. Katalog poseleniy Kislovodskoy kotloviny [Catalog of settlements in Kislovodsk depression]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 312 p.

Korobov D. S., 2019. Alany Severnogo Kavkaza: etnos, arkheologiya, paleogenetika [Alans of the North Caucasus: ethnos, archaeology, paleogenetics]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 156 p.

Korobov D. S., Malashev V. Yu., Fassbinder J., 2014. Predvaritelnye rezultaty raskopok na kurgannom mogilnike Levopodkumskiy 1 bliz Kislovodska [Preliminary results from excavations of Levopodkumsky kurgan cemetery near Kislovodsk]. *KSIA*, 232, pp. 120–135.

Malashev V. Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt sets of late Sarmatian period]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbors on the Don]*. Yu. K. Guguev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232.

Malashev V. Yu., 2016. Pamyatniki srednesarmatskoy kultury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n. e. [Sites of middle Sarmatian culture of North Caucasian steppes and their traditions in kurgan cemeteries of Northeastern Caucasus in second half of II – mid V c. AD]. Moscow: IA RAN. 208 p.

Malashev V. Yu., 2021. Pamyatniki tipa «Podkumok-Khumara» [Sites of «Podkumok-Khumara» type]. *Epokha vsadnikov na Severnom Kavkaze [Age of horsemen in North Caucasus]*. Z. Kh. Albegova, D. S. Korobov, A. V. Mastykova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 127–144.

Malashev V. Yu., Dzutsev F. S., 2016. Paradnye sbruynye nabory III v. n. e. iz Beslanskogo mogilnika i problema slozheniya alanskoy kultury Severnogo Kavkaza [Ceremonial harness sets of III c. A.D. from Beslan cemetery and issues of formation of Alan culture of North Caucasus]. *Malashev V. Yu. Pamyatniki srednesarmatskoy kultury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n. e. [Sites of middle Sarmatian culture of North Caucasian steppes and their traditions in kurgan cemeteries of Northeastern Caucasus in second half of II – mid V c. AD]*. Moscow: IA RAN, pp. 164–206.

Malashev V. Yu., Kadzaeva Z. P., 2021. Silnoprofilirovannye fibuly serediny III – IV v. n. e. [Strongly profiled fibulae of mid III – IV c. AD]. *RA*, 2, pp. 54–72.

Malashev V. Yu., Magomedov R. G., Dzutsev F. S., Mamaev Kh. M., Kadzaeva Z. P., 2020. Okhranno-spasatelnye issledovaniya mogilnikov rannego etapa alanskoy kultury na Srednem Tereke Oktyabr'skiy I i Kievskiy I v Mozdokskom rayone Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya v 2019 g. [Protection and rescue studies of cemeteries of the early stage of Alan culture on Middle Terek Oktyabrsky I and Kievsky I in Mozdok district, Republic of North Ossetia-Alania in 2019]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza [History, archaeology and ethnography of the Caucasus]*, vol. 16, no. 2, pp. 439–460.

Rumyantseva O. S., 2009. Busy mogilnika Brut 2 pervoy poloviny II – serediny III v. [Beads of Brut 2 cemetery of first half of II – mid III c.]. *Gabuev T. A., Malashev V. Yu. Pamyatniki rannikh alan tsentralnykh rayonov Severnogo Kavkaza [Sites of early Alans in central regions of North Caucasus]*. Moscow: Taus, pp. 341–437.

About the author

Korobov Dmitriy S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: dkorobov@mail.ru

В. Е. Родинкова

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ БОНДАРЕВКА 2 В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕГО ПСЛА[1]

Резюме. Статья вводит в научный оборот раннеславянские материалы многослойного памятника Бондаревка 2 в Суджанском районе Курской области (рис. 1: *А–В*). С ним связано значительное количество случайных находок фибул, подвесок, браслетов, деталей ременных гарнитур и других украшений круга «древностей антов» I группы, конца VI – третьей четверти VII в. (рис. 1: *Г*; 2). Они могли входить в состав распаханного клада, иметь отношение к ювелирному производству или указывать на существование на рассматриваемой территории кремационного могильника колочинской культуры. В 2019–2020 гг. на памятнике проводились раскопки, в результате которых исследована часть производственного комплекса, предположительно относящегося к первым векам нашей эры (рис. 4–6). Он состоял из нескольких расположенных на склоне оврага округлых «очагов» из сильно обожженной глины. Назначение этих объектов, однако, неясно.

Ключевые слова: Днепровское лесостепное Левобережье, эпоха римских влияний, раннее Средневековье, украшения и предметы убора, лепная керамика, поселение, производственный комплекс.

В верхнем течении реки Псел известно большое количество раннеславянских памятников, датирующихся в широком диапазоне от позднезарубинецкого до сахновского и волынцевского времени (*Кашкин, Родинкова*, 2023). Их изучение во многом определило современное понимание ранних этапов славянского этногенеза, особенно его так называемой восточной ветви. При этом рассматриваемый регион – один из немногих, где полевые работы проводились вплоть до последних лет. Введение в научный оборот новых материалов позволяет расширить источниковую базу, выявить неизвестные ранее аспекты жизни и деятельности населения и особенности этнокультурных процессов, происходивших

[1] Статья написана в рамках выполнения темы НИР ИА РАН, № НИОКТР 122011200267-0.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.275-293

в период римских влияний и эпоху Великого переселения народов в бассейне Верхнего Псла и северной части лесостепной зоны Восточной Европы в целом.

Настоящая статья представляет собой публикацию результатов исследования поселения Бондаревка 2 в Суджанском районе Курской области, на севере Днепровского лесостепного Левобережья (рис. 1: *А*). Памятник входит в комплекс объектов археологического наследия, зафиксированных Суджанским отрядом ИА РАН в 2019 г. в поречье р. Смердица (левый приток р. Суджа – правого притока р. Псел – левого притока р. Днепр), где, по сообщениям местных жителей, найдены многочисленные изделия из цветных металлов, принадлежащие разным эпохам, от бронзового века до позднего Средневековья. Наряду с поселением Бондаревка 2, выявленный комплекс включает поселение и, вероятно, могильник Бондаревка 1, с которым связаны материалы эпохи бронзы, киевской и черняховской культур, а также Нового времени, поселение Бондаревка 3, предположительно срубной культуры, и Бондаревский клад круга «древностей антов» I группы (рис. 1: *Б*) (*Родинкова*, 2020. С. 144; 2021. С. 84).

Поселение Бондаревка 2 занимает мыс правого коренного берега р. Смердица на расстоянии около 1,6 км к северо-востоку от восточной окраины д. Бондаревка и 0,9 км к северу – северо-западу от северо-восточной оконечности хут. Агроном (рис. 1: *В*). Размеры памятника – около 200 × 230 м, высота над уровнем воды в реке – 4–20 м. С востока и юго-востока он ограничен заболоченной поймой Смердицы, с севера – крутым склоном впадающего в эту пойму оврага. С запада и юго-запада выраженной в рельефе границы не имеет. Поверхность плавно снижается с запада на восток, осложнена промоинами и ложбинами разных размеров. Наиболее крупная из них пересекает территорию поселения с запада – северо-запада на восток – юго-восток. В настоящее время она в значительной степени заполнена почвенными отложениями и снивелирована, но в древности, как показали проведенные работы, была более глубокой.

Большая часть памятника, расположенная на пологом склоне коренного берега, занята полем, которое ежегодно распахивается. Вдоль его края образовалась напашь высотой до 0,5–0,6 м, растут деревья и кустарники, проходит грунтовая дорога. Восточный и юго-восточный участки, находящиеся на более крутом и неровном спуске в пойму, задернованы.

На занимаемой памятником территории найдено значительное количество раннесредневековых украшений круга Мартыновского клада, или «древностей антов» I группы, по О. А. Щегловой (*Щеглова*, 1990). Все они изготовлены из сплавов на основе меди[2]. Среди принадлежностей женского убора обращают на себя внимание, прежде всего, фрагменты фибул. Это удлиненный щиток (ножка) с циркульным орнаментом, крючковидными выступами у дужки и округлыми – в месте наибольшего расширения; примыкающий к дужке обломок аналогичного щитка с одним боковым отростком; два зооморфных окончания ножек; бронзовая игла, один конец которой раскован и загнут в кольцо, – предположительно, деталь застежечного механизма (рис. 2: *1–5*). Изделия с циркульным орнаментом и крючковидными отростками у дужки принадлежат

[2] Определение сделано на основании визуального осмотра, анализ химического состава металла не производился.

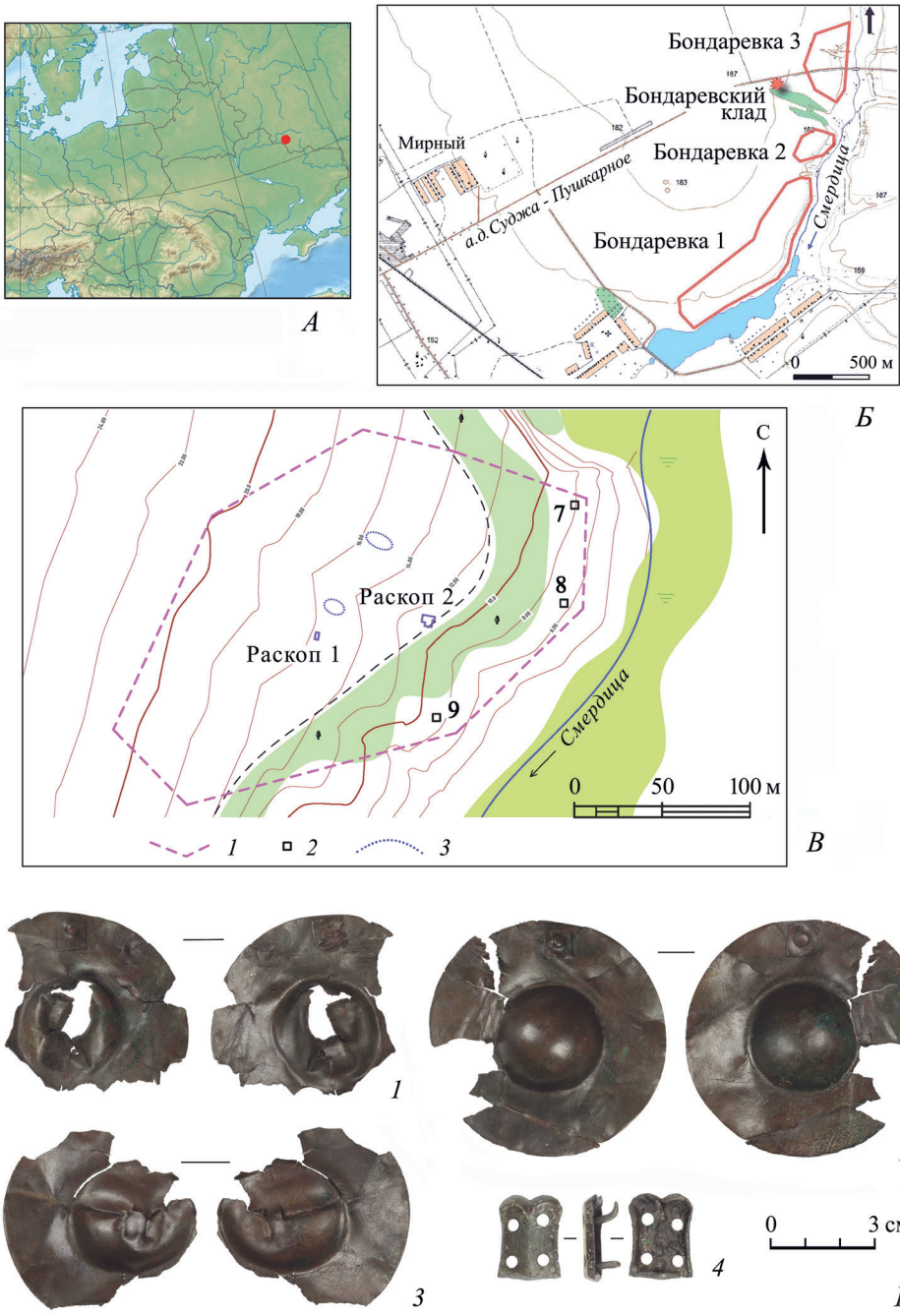

Рис. 1. Бондаревка 2

А – местоположение на карте Восточной Европы; *Б* – ситуационный план; *В* – топографический план (*1* – границы поселения; *2* – шурфы 2019 г.; *3* – границы участков концентрации находок круга днепровских раннесредневековых кладов I группы); *Г* – находки на территории памятника (фото Д. И. Киселева)

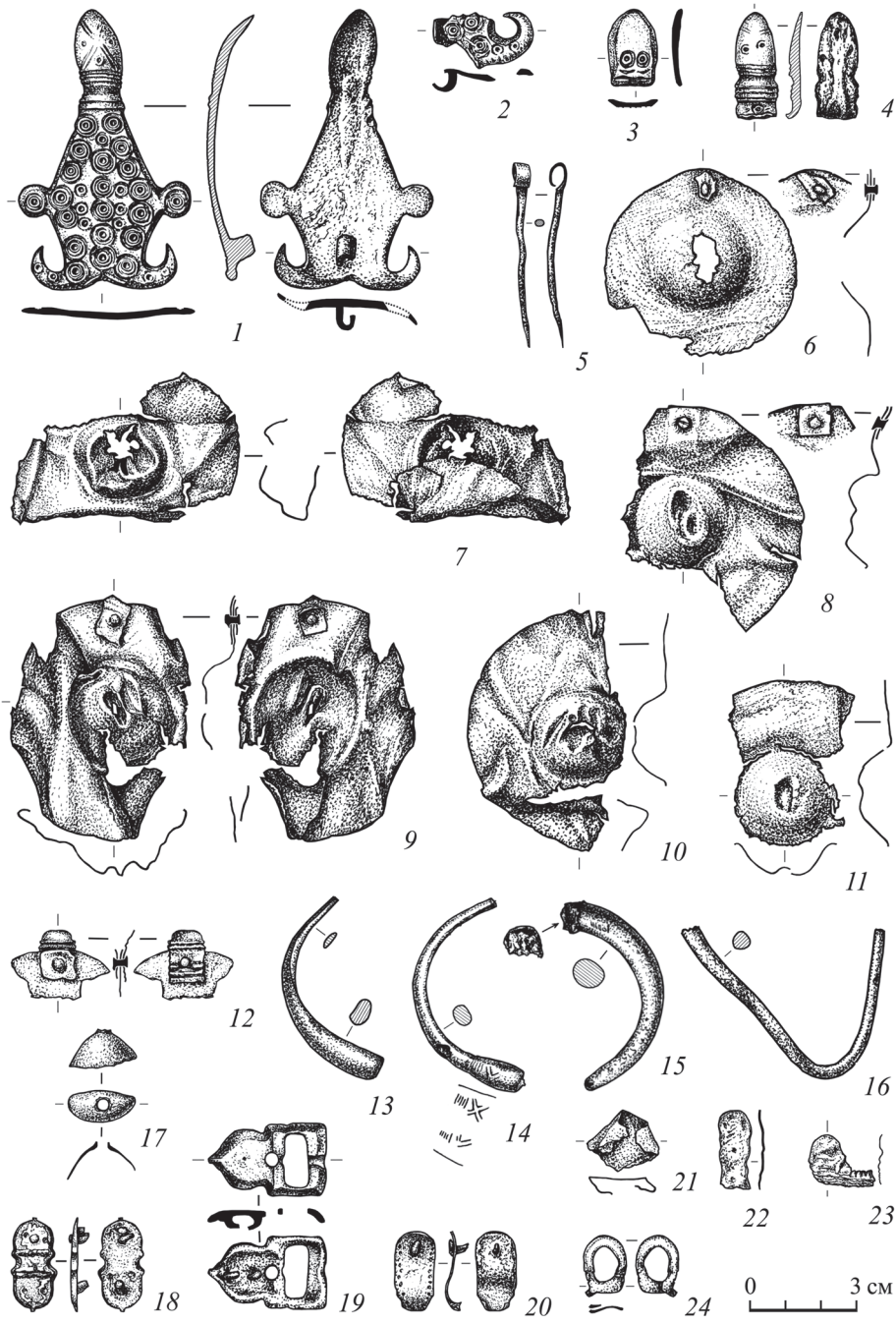

Рис. 2. Бондаревка 2. Находки на территории памятника, цветной металл (рисунки С. А. Смеричинской)

типу IV.C днепровской подгруппы поствосточногерманских пальчатых фибул, по И. О. Гавритухину. Они распространены в южной части ареала колочинской культуры, в основном на границе лесной и лесостепной зон на Днепровском Левобережье и в бассейне р. Оскол (*Гавритухин*, 1996а. С. 37, 38. Рис. 51). Обломки остальных застежек точному типологическому определению не поддаются.

В Бондаревке найдены не менее девяти фрагментированных умбоновидных подвесок диаметром 5,5–7 см (рис. 1: *Г: 1–3*; 2: *6–12*). На шести обломках сохранились остатки крепившихся при помощи маленьких гвоздиков пластинчатых обойм, в том числе рифленых (рис. 2: *12*). Такие украшения представлены в кладах из Козиевки/Новой Одессы, Суджи (1947 г.), Гапоново, Куриловки, Черкасской Конопельки, хут. Княжьего 1-го, Бондаревки, Гуево, Мирополья, Малой Рыбицы, известны также в Острогожском кладе на правобережье Дона и в могильниках юго-западного Крыма. Рифление на обоймах отмечено у образцов из Гапоново, Суджи (1947 г.) и Черкасской Конопельки (*Родинкова*, 2003. С. 42, 43. Рис. 12: *1–11*; 13; 2010. С. 82, 86. Рис. 4: *1–14*; 2023. С. 194–197. Рис. 2; 3; 6; *Березуцкий и др*., 2017. Рис. 2: *3, 5–9*; *Білинська, Володарець-Урбанович*, 2022. С. 124, 128; *Айбабин*, 1990. С. 58, 59. Рис. 19: *5*). Территориальное распределение материала свидетельствует, что умбоновидные подвески днепровского типа в целом имеют локальный характер и использовались преимущественно в «мартыновском» уборе населения междуречья Сейма и Псла. Интересно, что практически все бондаревские экземпляры в древности были преднамеренно испорчены: у восьми из них выпуклые центральные части вмяты, в том числе в четырех случаях пробиты насквозь тонким острым предметом.

Кроме того, на памятнике выявлены половины трех браслетов. Первый уплощен в средней части и обладает неправильно-овальным сечением расширенного конца (рис. 2: *13*). Согласно предложенной ранее классификации (*Родинкова*, 2003. С. 82–88), он представляет собой образец типа VII или, с меньшей вероятностью, подтипа неорнаментированных типа II. Морфологически ему близки находки из Пронозовки, Великобудковского клада, Градижска (Там же. С. 84, 86. Рис. 37: *11, 12*; 42: *3–5*), возможно, Комаровки (*Мельниковська, Симонович*, 1975. Рис. 1: *2*). Второй – неправильно-округлый в сечении, также имеет расширенный конец, украшенный неглубокой гравировкой в виде двойных косых крестов и линий, параллельных торцевой плоскости (рис. 2: *14*). На его поверхности заметны раковины – дефекты отливки. Относится к браслетам подтипа орнаментированных типа II. Точные аналоги ему не выявлены, хотя некоторую стилистическую близость, возможно, демонстрируют принадлежащие тому же подтипу находки из Менского клада, Староселья, Игрень-Подковы (*Родинкова*, 2003. Рис. 38: *1–3, 10*). Косые кресты в сочетании с параллельными прямыми линиями отмечены на изделиях типа V (с расширенными четырехугольными в сечении концами) из Козиевского/Новоодесского, Колосковского, Цепляевского кладов, Игрень-Подковы, Солонцов (*Родинкова*, 2003. Рис. 40: *1, 6–9*; 41: *8*; *Володарець-Урбанович*, 2015. Рис. 2: *4*). Вообще же такой элемент хорошо известен в декоре украшений лесной зоны Восточной Европы, преимущественно западной ее части. Не исключено, что браслеты с крестообразным орнаментом на концах свидетельствуют о знакомстве населения Поднепровья и бассейна Северского Донца с художественными традициями племен балтского круга

(*Розенфельд*, 1982. С. 84, 85. Рис. 19: *2, 3*; *Казанский*, 1999. С. 406. Рис. 3: *1, 6, 15, 16*; и др.).

Третий фрагмент[3] предположительно принадлежит изготовленному из неправильно-округлого в сечении дрота браслету с утонченными концами (рис. 2: *15*). В Поднепровье аналогии ему неизвестны. Близкие по форме украшения, характеризующиеся меньшей, чем у бондаревского, массивностью, происходят с памятников Среднего Поволжья, например из Армиевского и Кошибеевского могильников (*Полесских*, 1979. Рис. 28: *4*; *Шитов*, 1988. Табл. II: *21*)[4]. Возможно, этот браслет, как и предыдущий, следует рассматривать в контексте связей раннесредневекового населения Днепровского Левобережья и восточноевропейской лесной зоны.

Деформированное изделие в виде конуса из тонкого металлического листа с отверстием в верхней части (рис. 2: *17*), вероятно, представляет собой утративший язычок колокольчик. Сходные предметы зафиксированы в Пожнянском и Могрицком кладах (*Білинська, Володарець-Урбанович*, 2022. Рис. 5; 6).

Параллели в комплексах «древностей антов» I группы позволяют датировать все перечисленные находки, кроме браслета с утонченными концами, временем существования «мартыновского» набора вещей: концом VI – третьей четвертью VII в. (*Гавритухин*, 1996б. С. 89–95).

Среди элементов ременных гарнитур выделяется пряжка[5], у которой щиток «геральдической» формы с двумя штифтами на обороте отлит вместе с прямоугольной рамкой (рис. 2: *19*). В передней части рамки находится «ложе» для язычка. Язычок отсутствует, но у отверстия для его крепления заметна потертость, которая, как и загнутые штифты, указывает на то, что изделие находилось в употреблении. Подобные находки образуют многочисленную и широко распространенную разновидность украшений «геральдического» стиля. Аналогии из Крыма и с Северного Кавказа датируют пряжку из Бондаревки второй половиной VI – серединой / третьей четвертью VII в. (*Хайрединова*, 2003. С. 128. Рис. 1: *22, 28*; *Gavritukhin*, 2018. P. 59–62. Fig. 22).

Горизонтальносимметричная накладка из двух щитовидных частей соединялась с ремнем при помощи двух штифтов (рис. 2: *18*). Отлита из сплава на основе меди, но имеет луженую поверхность[6]. Один из щитков пробит железным стержнем, служившим, вероятно, для улучшения крепления изделия. Такие предметы выделены И. О. Гавритухиным в тип 3, вариант 3в, характерный,

[3] По мнению А. А. Белявского, которого я благодарю за консультацию, характер слома указывает, что он был совершен преднамеренно. Для этого изделие сильно нагрели, а затем сгибали. В результате производившегося при сгибании нажима возникла боковая деформация описываемого фрагмента на участке, прилегающем к слому.

[4] Благодарю Н. А. Биркину за консультацию и указание на литературу.

[5] Типологическое определение данного предмета и остальных ременных украшений выполнено О. С. Белявской и И. О. Гавритухиным, которым я выражаю искреннюю признательность.

[6] Благодарю И. А. Сапрыкину и А. А. Белявского за информацию о технике изготовления этой вещи. По мнению А. А. Белявского, луженой была как лицевая, так и оборотная сторона накладки.

прежде всего, для Северного Кавказа, хотя известный и в Восточном Крыму, около первой половины VII в. (*Гавритухин*, 1996а. С. 27, 28. Рис. 40: *39–41*; 1996б. С. 90, 91). Вероятно, эта накладка, в отличие от рассмотренных выше браслетов, отражает южные, точнее, северокавказские влияния в раннесредневековом вещевом комплексе Днепровского Левобережья.

Накладка с раздвоенной («рогатой») верхней частью и прямым нижним краем украшена четырьмя округлыми отверстиями. На обороте у нее расположены два штифта, один из которых загнут (рис. 1: *Г: 4*). Аналогии этой вещи известны на широкой территории от Прикамья и Приуралья до Крыма и Северного Кавказа. По данным И. О. Гавритухина, в Крыму и на Кавказе они обычны для комплексов, датируемых первыми десятилетиями VII в., а в Поволжье существуют в более широком временном интервале (*Гавритухин*, 1996б. С. 89–91. Рис. 89: *91, 144*; 90: *ИС-6*; 2001. С. 36, 37. Рис. 3: *12*; 5: *9*).

К раннесредневековой части коллекции может относиться еще фрагментированная загнутая прямоугольная пластина со скругленными углами, украшенная рядами пуансонных точек вдоль длинных сторон (рис. 2: *20*). По-видимому, она служила накладкой или оковкой, крепившейся к основе гвоздиком. Ее типологическое и хронологическое определение затруднено.

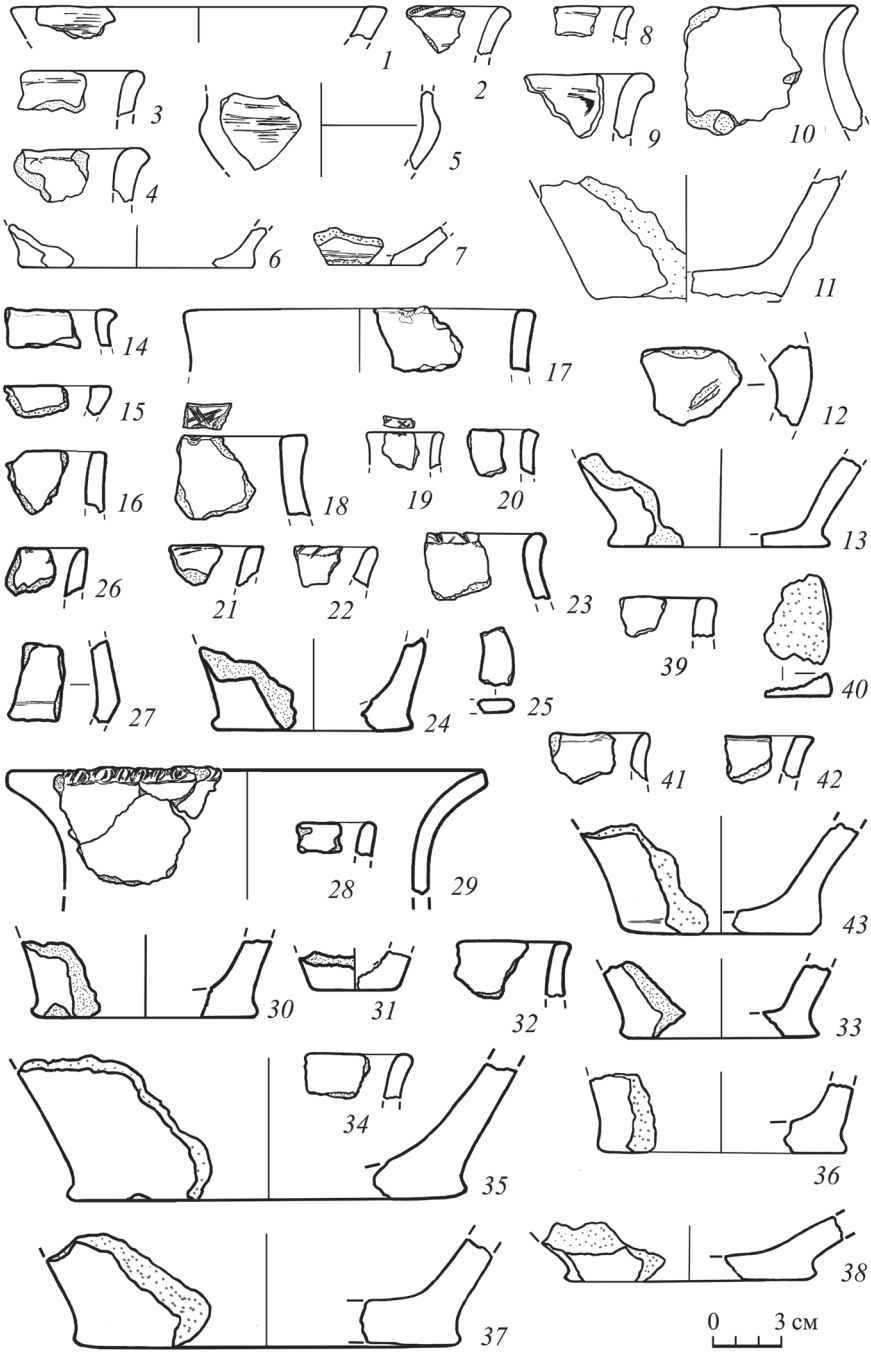
Рассмотренные вещи, наряду с древностями других эпох, были переданы в Суджанский краеведческий музей – филиал Курского областного краеведческого музея жителями д. Бондаревка и г. Суджа Г. Д. Прилепко и А. В. Скибиным. По их словам, находки, в частности умбоновидные подвески, концентрировались преимущественно на двух участках – на возвышенных северном и южном краях самой крупной из пересекающих территорию памятника ложбин (рис. 1: *В*).

Суджанским отрядом ИА РАН в 2019 и 2020 гг. на распахиваемой части поселения Бондаревка 2 собран подъемный материал. Среди предметов из цветного металла наиболее интересен фрагмент изделия из бронзового или латунного круглого в сечении гладкого дрота – возможно, часть шейной гривны (рис. 2: *16*). Кроме того, обнаружены маленькое раскованное колечко из сплава на основе меди и три фрагмента пластинчатых изделий из белого металла (рис. 2: *21–24*). Судя по состоянию поверхности, можно предположить, что фрагмент гривны, колечко и один из обломков пластин (рис. 2: *16, 22, 24*) побывали в огне[7].

Большая часть керамики в подъемном материале лепная (92 фр.). Сосудам эпохи бронзы принадлежат 5 обломков (рис. 3: *1, 2*), так называемой раннеславянской традиции, с примесью шамота в глиняном тесте, – 87 (рис. 3: *3–5*). Имеются ошлакованные черепки; найден кусок керамического шлака с остеклованной поверхностью. Круговая посуда (23 фр.) представлена фрагментами сосудов Нового времени и черняховской культуры (рис. 3: *6, 7*). Встречены несколько костей, в том числе кальцинированных. С окраинной части поселения происходит обломок каменного жернова.

На задернованном склоне берега Смердицы и на краю поля в 2019 г. заложены четыре рекогносцировочных шурфа (№ 5, 7–9 по полевой документации), в которых выявлены немногочисленные фрагменты лепной и круговой керамики. Наибольший интерес представляет обломок верхней части профилированного

[7] Благодарю за информацию В. П. Кузнецову, реставрировавшую коллекцию.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
0 3 см

лепного горшка с выделенной шейкой и отогнутым венчиком из нижней части культурного слоя шурфа 7 (рис. 3: *10*). Морфологически близкие сосуды встречаются на памятниках раннего этапа киевской культуры (Памятники киевской культуры…, 2007. Рис. 14: *4, 6, 7*; 37: *15*; 38: *5*; и др.). В шурфе 5 на глубине около 1 м от современной поверхности обнаружена часть какой-то конструкции из обожженной глины (см. ниже).

В 2020 г. на поселении Бондаревка 2 проведены раскопки. Общая вскрытая площадь составила 42 кв. м.

Раскоп 1 заложен на поле, на возвышенном южном краю широкой ложбины, где в подъемном материале, помимо фрагментов лепной керамики, были встречены кальцинированные кости (рис. 1: *В*). Его площадь – 8 кв. м. Установлено, что толщина гумусового горизонта здесь достигает 1 м. На глубину 0,3–0,4 м он полностью распахан, ниже сильно нарушен норами кротов и других землеройных животных, особенно в предматериковой части. Культурный слой слабо насыщен археологическим материалом: найдены всего 24 фрагмента лепной керамики «раннеславянской» традиции (рис. 3: *13*) и 5 – круговой, в том числе 3 обломка стенок черняховских сосудов. Среди лепных черепков имеется мелкий фрагмент венчика с пальцевыми вдавлениями по срезу. Еще один фрагмент принадлежит толстостенному изделию из сероглиняного теста с примесью большого количества песка (рис. 3: *12*). Возможно, это часть керамического тигля, не бывшего в употреблении. Кроме того, обнаружен обломок железного предмета, первоначальная форма и назначение которого неопределимы. Какие-либо объекты в раскопе 1 не выявлены.

Раскоп 2 площадью 34 кв. м располагался на краю поля, в нижней части пересекающей территорию поселения ложбины (рис. 1: *В*), на месте, где в 2019 г. был заложен шурф 5. Исследования показали, что вскрытый участок находится на бровке древнего оврага, в настоящее время заполненного гумусированными отложениями. Мощность напластований, содержащих антропогенные материалы, вдоль северной стенки раскопа составляет 1,03–1,08 м, вдоль южной, ниже по склону оврага – 1,56–1,7 м (рис. 4: *I*). Верхняя часть профиля представляет собой переотложенный пахотный слой, сползший по пологому берегу Смердицы за последние несколько сотен лет в результате интенсивной сельскохозяйственной обработки и эрозии почвы. Кусок мешковины, зафиксированный в северной стенке раскопа на глубине около 0,6 м, и плужные борозды, повредившие объект 4 на глубине более 0,95 м (см. ниже), свидетельствуют, что до начала активной распашки поверхность земли находилась ниже современной, вероятно, на 0,6–0,7 м.

Рис. 3 (с. 282). Бондаревка 2. Лепная (*1–5, 8–43*) и круговая (*6, 7*) керамика

1–7 – подъемный материал (*1, 2* – сосуды эпохи бронзы; *6, 7* – черняховские сосуды); *8* – шурф 8, пласт 3; *9–11* – шурф 7 (*9* – пласт 1; *10, 11* – пласт 3); *12, 13* – раскоп 1 (*12* – пласт 2; *13* – пласт 4); *14–43* – раскоп 2 (*14–16* – пласт 1; *17* – пласт 2; *18–25* – пласт 3; *26, 27* – пласт 4; *28–31* – пласт 5; *32, 33* – пласт 6; *34–36* – пласт 7; *37, 38* – пласт 8; *39* – под объектом 2; *40* – заполнение объекта 3; *41–43* – объект 4 (*41, 42* – верхняя часть заполнения; *43* – под объектом)). Рисунки В. Е. Родинковой

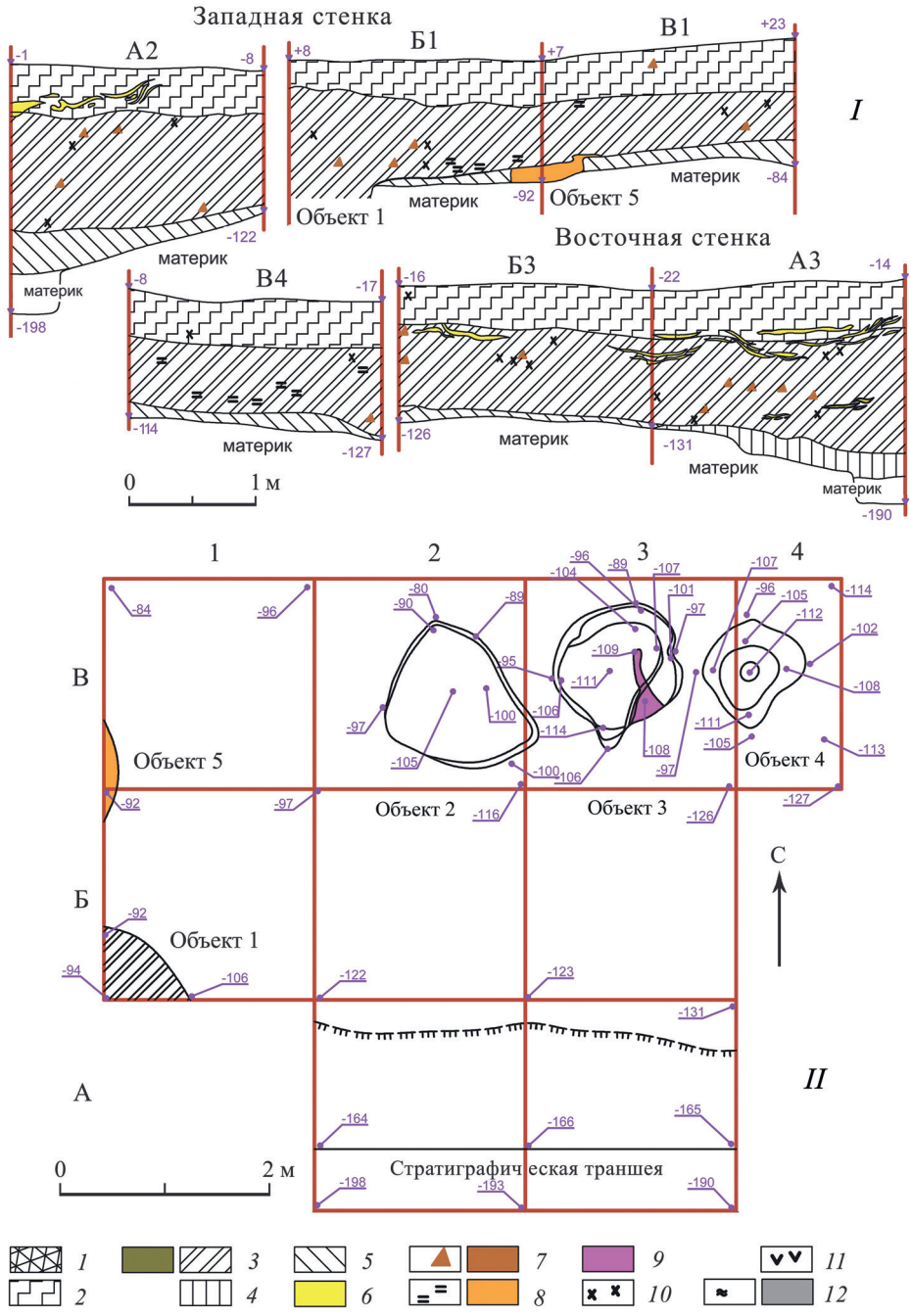

Рис. 4. Бондаревка 2

I – стратиграфия раскопа 2; *II* – план раскопа 2 на уровне материка

1 – мешаный слой; *2* – пашня; *3* – темно-серый культурный слой; *4* – темно-коричневый суглинок, предматерик; *5* – серо-желтый суглинок, предматерик; *6* – серый аллювиальный песок; *7* – керамика; *8* – обожженная глина; *9* – прокаленный грунт; *10* – мел; *11* – уголь; *12* – зола

Культурный слой содержит относительно небольшое количество находок. В нем (вне связи с объектами) выявлены 503 фрагмента керамики: 43 – круговой, 460 – лепной (табл. 1). Из круговых черепков 3 принадлежат черняховской посуде, 40 – Новому времени. Последние встречены не только в верхней, но и в нижней части отложений, что свидетельствует о перемешанности материала. В массиве лепной керамики имеются два мелких обломка венчиков с крестообразным орнаментом на срезе (рис. 3: *18, 19*), которые предположительно можно отнести к бронзовому веку. Остальные фрагменты (рис. 3: *14–17, 20–38*), судя по профилировке, составу теста и обработке поверхности, принадлежат сосудам «раннеславянского» типа, характерным для позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта, киевской, колочинской и волынцевской культур со второй половины I до VIII в. Некоторые из них вторично обожжены или ошлакованы. На нескольких венчиках зафиксированы косые насечки и пальцевые вдавления (рис. 3: *17, 21–23, 29*). Такой орнамент хорошо известен на позднезарубинецкой посуде. О наличии на памятнике слоев позднезарубинецкого или раннекиевского времени говорят и три черепка чернолощеных, возможно, ребристых сосудов, найденные в пластах 3 и 6.

Таблица 1. Бондаревка 2. Распределение массового материала по пластам и объектам раскопа 2

		Круговая керамика						Лепная керамика				Обмазка	Кости животных	Шлак	
		черняховская культура			Новое время									керамический	железный
		в	д	с	в	д	с	в	д	с	д-к				
Пласт 1		–	–	–	–	–	–	3	–	21	–	1	1	–	–
Пласт 2		–	–	–	–	–	3	1	–	31	–	2	2	2	–
Пласт 3		–	–	–	–	–	11	6	2	87	1	9	7	2	–
Пласт 4		–	1	1	2	–	10	2	1	90	–	10	12	–	1
Пласт 5		–	–	–	1	–	9	4	6	100	–	14	10	–	5
Пласт 6		–	1	–	1	–	1	1	1	60	–	3	5	–	3
Пласт 7		–	–	–	–	–	2	1	6	24	–	3	2	–	2
Пласт 8		–	–	–	–	–	–	1	3	8	–	–	–	–	–
Объект 2	стенки	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
	заполнение	–	–	–	–	–	–	–	–	6	–	–	2	–	–
	под подом	–	–	–	–	–	–	1	–	3	–	–	–	–	–
Объект 3	заполнение	–	–	–	–	–	–	–	–	4	1	1	1	–	–
	под подом	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	2	–	–
Объект 4	заполнение	–	–	–	–	–	–	2	1	8	–	1	6	–	4
	под подом	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–

Примечание: в – венчик; с – стенка; д – дно; д-к – диск

Помимо керамики коллекция массового материала раскопа 2 включает кости и зубы животных, в том числе обгоревшие, куски обмазки, керамические и железные шлаки.

Индивидуальные находки представлены железными костылем, иглой (?), кованым гвоздем, двумя маленькими кусками проволоки, обломками двух современных ножей, серией неопределимых предметов, а кроме того, декоративной заклепкой и двумя изделиями неизвестного назначения из цветного металла. Из предматерикового слоя в северной части раскопа происходит фрагмент какого-то глиняного изделия, внешняя поверхность которого слегка ошлакована.

Особый интерес вызывают исследованные в раскопе 2 объекты. Объект 2, часть которого была выявлена в шурфе 5 2019 г., оказался сооруженной в яме подковообразной печью размерами 0,76 × 0,68 м. От нее сохранились глинобитные стенки толщиной до 0,05 м и небольшая часть свода (рис. 4: *II*; 5). Под отсутствовал; основание печи маркировала углистая прослойка в грунте. Радиоуглеродный анализ[8] показал современную активность образца из объекта 2 (табл. 2), поэтому датировать конструкцию следует на основании археологических материалов. Из заполнения печи и грунта под ней происходят фрагменты лепных сосудов «раннеславянской» традиции (табл. 1; рис. 3: *39*), попавших сюда, вероятно, из культурного слоя. Кроме того, внутри стенок сооружения обнаружен кусок стекла, а в массиве образовывавшей эти стенки обожженной глины – маленький обломок кругового сосуда, предположительно, Нового времени. Эти находки позволяют определять хронологию объекта 2 в пределах конца XVII – XIX в.

Таблица 2. Бондаревка 2. Радиоуглеродные даты объектов раскопа 2

№	Лабораторный индекс IGAN	Объект	Материал	^{14}C-дата, BP/pMC, %	Калиброванная дата, AD
1	10346	Объект 2	уголь	105,39 % ± 3,35 %	95 % confidence [cal AD 1524.85:cal AD 1558.32]0.015 [cal AD 1566.43:cal AD 1569.28]0.001 [cal AD 1631.47:cal AD 1958.54]0.657 [cal AD 1990.91:cal AD 2019.27]0.327
2	10347	Объект 3	уголь	810 ± 80	68.3 (1 sigma) cal AD 1159–1282 1.000 95.4 (2 sigma) cal AD 1037–1301 0.989 1369–1378 0.011 Медианная дата: 1214
3	10348	Объект 4	уголь	106,37 ± 3,38 %	95% confidence [cal AD 1649.00:cal AD 1958.80]0.524 [cal AD 1990.18:cal AD 2019.27]0.476

[8] Радиоуглеродное датирование образцов угля из объектов 2, 3, 4 выполнено сцинтилляционным методом в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН. Калибровка дат произведена в программах CALIB REV 8.2 и CALIBomb. Благодарю Э. П. Зазовскую за консультации и помощь в работе.

Объекты 3 и 4, одинаковые по конструкции, но различающиеся по размерам и степени сохранности, представляли собой слегка углубленные в материк вогнутые глинобитные сильно обожженные «очаги» неправильно-округлой в плане формы размерами 0,9 × 1,1 и 0,75 × 0,95 м, с толщиной пода 0,1 и 0,04–0,06 м соответственно (рис. 4: *II*; 5; 6). У объекта 3 со всех сторон, за исключением южной, имелись глиняные бортики высотой до 0,06 м. У объекта 4 они практически не выражены. С юга к обоим сооружениям примыкали пятна прокаленного грунта, скопления золы и угля, отмечавшие зоны эвакуации остатков горения. Углисто-золистые прослойки мощностью 0,5–2 см фиксировались и на поверхности глиняных подов. При этом неровный, бугристый характер указанных поверхностей свидетельствует, видимо, о том, что «очаги» многократно очищали, не только удаляя угли и золу, но и выскребая фрагменты перекаленной глины, отделившиеся от общего массива. Объект 4 имел достаточно плохую сохранность, которая может быть следствием низкого качества строительства или длительного использования. Кроме того, его верхняя часть нарушена распашкой.

Оба объекта находились рядом друг с другом на краю оврага, ориентированы участками, куда происходил вынос золы и угля, вниз по склону. Еще одним подобным «очагом», расположенным на той же линии вдоль оврага западнее раскопа, вероятно, является объект 5 – скопление сильно обожженной глины толщиной 0,12–0,14 м, попавшее в пределы вскрытой площади лишь незначительной частью (рис. 4). Четкие ровные границы между материком, предматериковым и основным темно-серым горизонтами культурного слоя (рис. 4: *I*; западная стенка) позволяют предположить, что склон на данном участке подрезался, чтобы сделать поверхность горизонтальной и более удобной для эксплуатации.

Объекты 3–5, очевидно, имеют производственный характер. Находки железных шлаков в заполнении «очага» 4 могут, кажется, указывать на их связь с процессами металлообработки, но определение их конкретных функций затруднено отсутствием конструктивных аналогов. Открыт и вопрос о хронологической и этнокультурной принадлежности рассматриваемых сооружений. Образец угля из «очага» 4 имеет современную удельную активность, 14С-возраст образца из «очага» 3 – 810 ± 80 л. н. (табл. 2). При этом в заполнении объектов (в вогнутой части) и непосредственно под их подами найдена исключительно лепная керамика «раннеславянского» облика, в том числе обломок глиняного диска без закраины (табл. 1; рис. 3: *40–43*). Большинство черепков, происходящих из культурного слоя на уровне «очагов», также принадлежит «раннеславянским» сосудам. Среди них выделяется фрагмент отогнутого венчика горшка, украшенного ногтевыми вдавлениями по срезу (рис. 3: *29*), обнаруженный практически на материке на расстоянии около 0,6 м к северо-востоку от бортика «очага» 3. Сосуды такой формы встречаются среди древностей позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта (Позднезарубинецкие памятники…, 2010. Рис. 129: *11*; 139: *6*). Данная находка может быть косвенным аргументом, позволяющим относить исследованный комплекс к первым векам н. э. А поздние радиоуглеродные даты являются результатом активной антропогенной и биогенной турбации культурного слоя.

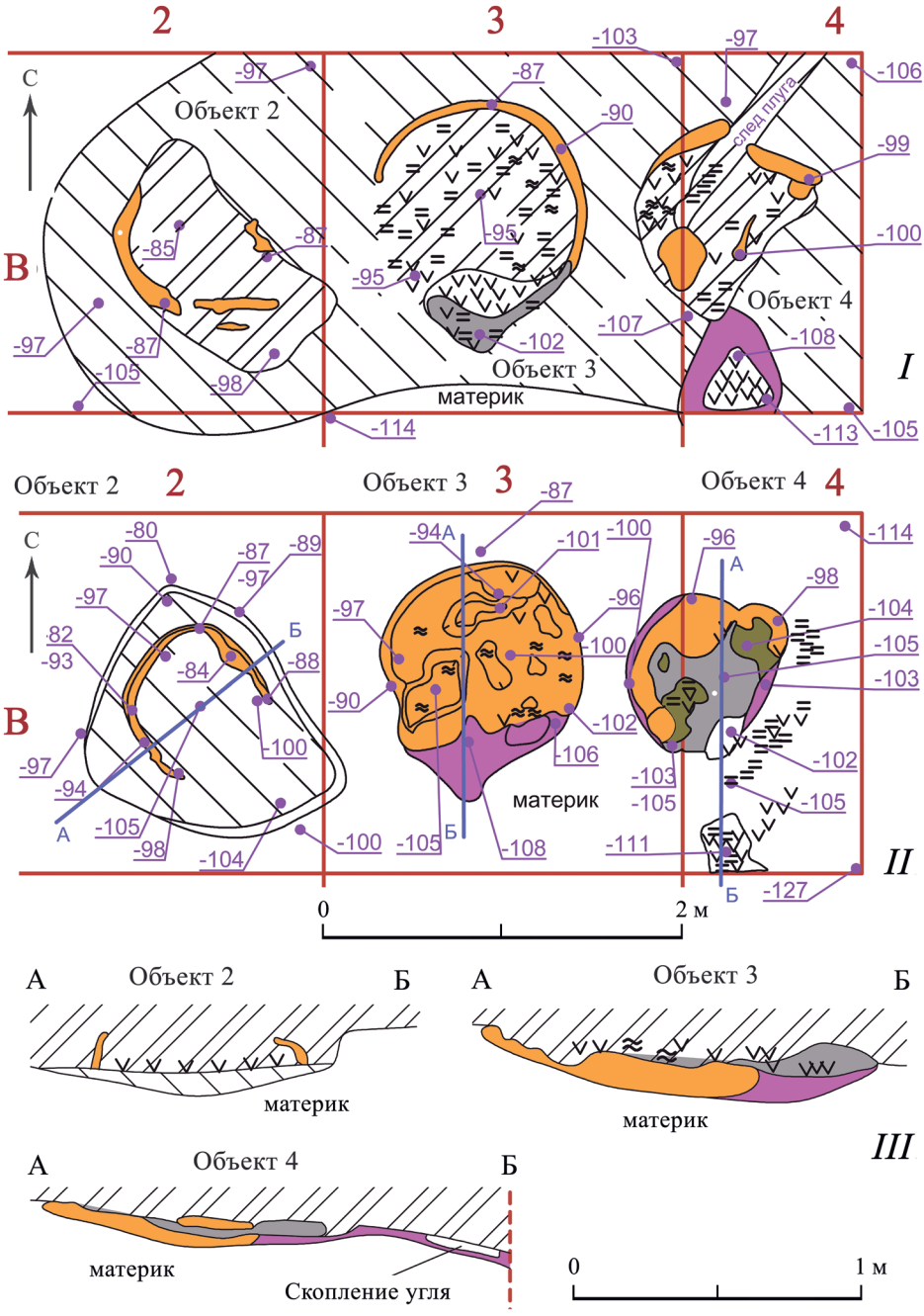

Рис. 5. Бондаревка 2. Объекты 2–4 в раскопе 2

I – на уровне выявления; *II* – в процессе исследования; *III* – разрезы. Условные обозначения – как на рис. 4

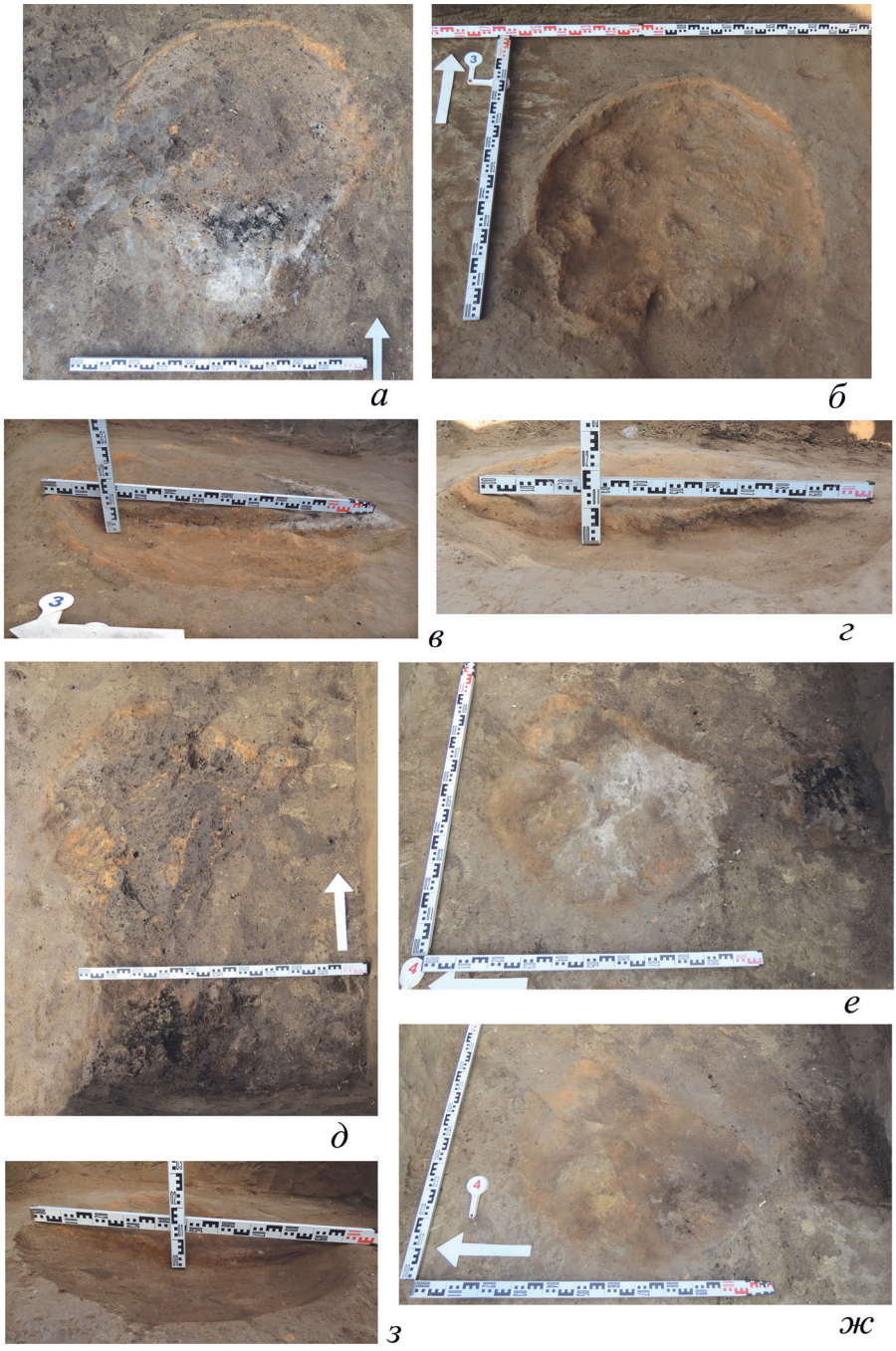

Рис. 6. Бондаревка 2. Объекты в раскопе 2

а–г – объект 3 (*а* – на уровне выявления; *б* – после выборки заполнения; *в* – разрез заполнения; *г* – разрез пода); *д–з* – объект 4 (*д* – на уровне выявления; *е* – в процессе исследования; *ж* – после выборки заполнения; *з* – разрез пода)

Таким образом, на памятнике Бондаревка 2, наряду с находками эпохи бронзы и Нового времени, выявлены материалы, свидетельствующие о нескольких этапах освоения территории носителями раннеславянских традиций. Первый связан с деятельностью позднезарубинецкого и/или раннекиевского населения. Не исключено, что в это время на берегу Смердицы существовал производственный комплекс, характер которого, однако, пока неясен. Еще один этап маркируют украшения и принадлежности убора «мартыновского» типа. Среди них представлены деформированные, сломанные, в том числе намеренно, побывавшие в огне предметы. Они могут входить в состав распаханного клада; иметь отношение к ювелирному ремеслу; являться погребальным инвентарем и указывать на локализацию кремационного могильника колочинской культуры, также распаханного. Для получения новой информации необходимы раскопки памятника на более широкой площади.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. С. 4–86.

Березуцкий В. Д., Золотарев П. М., Куцев Е. А., 2017. Острогожский клад (последняя треть – конец VII в. н. э.) // РА. № 1. С. 131–140.

Білинська Л. І., Володарець-Урбанович Я. В., 2022. Ранньосередньовічні скарби Сумщини: нові надходження та перспективи дослідження // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (43). С. 121–133.

Володарець-Урбанович Я. В., 2015. Браслети V – першої половини VIII ст. із Полтавщини: нові знахідки // Археологія. № 2. С. 92–107.

Гавритухин И. О., 1996а. Типологическое определение инвентаря. Детали ременной гарнитуры. Фибулы // *Гавритухин И. О., Обломский А. М. и др.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН. С. 22–40. (РСМ; вып. 3.)

Гавритухин И. О., 1996б. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // *Гавритухин И. О., Обломский А. М. и др*. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН. С. 58–95. (РСМ; вып. 3.)

Гавритухин И. О., 2001. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: Самарский областной краеведческий музей. С. 31–86.

Казанский М. М., 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // АВ. № 6. С. 404–419.

Кашкин А. В., Родинкова В. Е., 2023. Раннеславянские памятники в верхнем течении реки Псел // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 6. Междуречье Днепра и Дона: культурный слой, артефакт, интерпретация: к 30-летию Курского государственного областного музея археологии / Отв. ред. Г. Ю. Стародубцев. Курск: ИП Бескровный Александр Васильевич. С. 80–112.

Мельниковська О. М., Симонович Е. О., 1975. Розкопки в с. Комарівці на Посейм'ї // Археологія. Вип. 15. С. 75–87.

Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.), 2007 / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. 320 с. (РСМ; вып. 10.)

Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н. э.), 2010 / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. 332 с. (РСМ; вып. 12.)

Полесских М. Р., 1979. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Тр. НИИЯЛИЭ. Вып. 63. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 5–56.

Родинкова В. Е., 2003. Культурные связи населения Среднего Поднепровья в VII в. (по материалам женского убора): дис. … канд. ист. наук / ИА РАН. М. 216 с.

Родинкова В. Е., 2010. Куриловский клад раннесредневекового времени // РА. № 4. С. 78–87.
Родинкова В. Е., 2020. Исследования Суджанского археологического отряда ИА РАН // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2019 / Отв. ред.-сост. М. В. Ивашов. Липецк; Воронеж: Новый взгляд. С. 141–144.
Родинкова В. Е., 2021. Работы Суджанского отряда Института археологии РАН // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020 / Отв. ред.-сост. М. В. Ивашов. Липецк; Воронеж: Новый взгляд. С. 83–85.
Родинкова В. Е., 2023. Раннеславянские клады Верхнего Псла // Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций. Сб. статей в честь 70-летия М. Казанского / Отв. ред.: А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова. Симферополь: ООО «Антиква». С. 193–209.
Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука. 177 с.
Хайрединова Э. А., 2003. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Вып. X. С. 125–160.
Шитов В. Н., 1988. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н. э. / Отв. ред. М. Ф. Жиганов. Тр. НИИЯЛИЭ. Вып. 93. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 4–43.
Щеглова О. А., 1990. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья / Отв. ред. Р. В. Терпиловский. Курск. С. 162–204.

Gavritukhin I. O., 2018. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // *Belinskij A. B., Härke H*. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994−1996 in the Iron Age to early medieval cemetery. Archäologie in Eurasien, Bd. 36. Bonn: Habelt-Verlag. P. 49–96.

Сведения об авторе

Родинкова Власта Евгеньевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: vlasta2004@mail.ru

V. E. Rodinkova

EARLY SLAVIC MATERIALS FROM THE BONDAREVKA 2 SETTLEMENT IN THE UPPER PSEL BASIN

Abstract. The article introduces into scientific circulation the Early Slavic materials from the multilayer site Bondarevka 2 in Sudzha district, Kursk region (Fig. 1: *А–В*). The site is associated with a significant number of stray finds of fibulae, pendants, bracelets, belt sets details and other ornaments belonging to group I of «the Antes' antiquities» dating from the 6th – third quarter of the 7th century (Fig. 1: *Г*; 2). They could constitute a part of a destroyed hoard, be related to jewelry production, or indicate the existence of a cremation cemetery of the Kolochin culture in the area in question. In 2019–2020 excavations were carried out at the site, as a result a part of the production complex was investigated (Fig. 4–6) presumably dating back to the first centuries AD. It consists of several rounded «hearths» shaped of strongly baked clay located on the ravine slope. The function of these objects, however, remains unclear.

Keywords: Dnieper forest-steppe Left bank; Roman period; Early Middle Ages; ornaments and attire details; hand-made pottery; settlement; production complex.

REFERENCES

Aibabin A. I., 1990. Khronologiya mogilnikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Chronology of Crimea cemeteries of late Roman and Early Medieval times]. *MAIET*, 1, pp. 4–86.

Berezutskiy V. D., Zolotarev P. M., Kutsev E. A., 2017. Ostrogozhskiy klad (poslednyaya tret' – konets VII v. n. e. [The Ostrogozhsk hoard (last third – the end of 7th c. AD)]. *RA*, 1, pp. 131–140.

Bilin'ska L. I., Volodarets-Urbanovich Ya. V., 2022. Rann'oserednovichni skarbi Sumshchini: novi nakhodzhennya ta perspektivi doslidzhennya [Early medieval hoards in Sumy region: new finds and research perspectives]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini [Archaeology and early history of Ukraine]*, 2 (43), pp. 121–133.

Gavritukhin I. O., 1996a. Tipologicheskoe opredelenie inventarya. Detali remennoy garnitury. Fibuly [Typological definition of inventory. Strap set details. Fibulae]. *Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M. et al. Gaponovskiy klad i ego kulturno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoard and its cultural and historical context]*. Moscow: IA RAS, pp. 22–40 (RSM, 3.)

Gavritukhin I. O., 1996b. Datirovka dneprovskikh kladov pervoy gruppy metodom sinkhronizatsii s drevnostyami drugikh territoriy [Dating of Dnieper hoards of the first group by method of synchronization with antiquities from other territories]. *Gavritukhin I. O., Oblomskiy A. M. et al. Gaponovskiy klad i ego kulturno-istoricheskiy kontekst [Gaponovo hoard and its cultural and historical context]*. Moscow: IA RAS, pp. 58–95 (RSM, 3.)

Gavritukhin I. O., 2001. Evolutsiya vostochnoevropeyskikh psevdopryazhek [Evolution of East European pseudo-buckles]. *Kultury evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. [Cultures of Eurasian steppes of second half of I millennium AD]*. D. A. Stashenkov, ed. Samara: Samara regional museum of local lore, pp. 31–86.

Kashkin A. V., Rodinkova V. E., 2023. Ranneslavyanskie pamyatniki v verkhnem techenii reki Psel [Early Slavic sites in upper reaches of Psel river]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezhya [Materials and research on archaeology of Dnieper Left bank region],* 6. *Mezhdurechye Dnepra i Dona: kulturnyy sloy, artefact, interpretatsiya: k 30-letiyu Kurskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeya arkheologii [Interfluve of Dnieper and Don: cultural layer, artifact, interpretation: on 30th anniversary of Kursk state regional museum of archaeology]*. G. Yu. Starodubtsev, ed. Kursk: Beskrovnyy Aleksandr Vasilyevich, pp. 80–112.

Kazanskiy M. M., 1999. O baltakh v lesnoy zone Rossii v epokhu Velikogo pereselaniya narodov [On the Balts in Russia forest zone in Migration period]. *AV*, 6, pp. 404–419.

Khayredinova E. A., 2003. Obuvnye nabory V–VII vv. iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Shoe sets of V–VII cc. from Southwestern Crimea]. *MAIET*, X, pp. 125–160.

Melnikovs'ka O. M., Symonovich E. O., 1975. Rozkopki v s. Komarivtsi na Poseym'i [Excavations in village Komarovo in Seim region]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 15, pp. 75–87.

Pamyatniki kievskoy kultury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n. e.) [Sites of Kiev culture in forest-steppe zone of Russia (III – early V c. AD)], 2007. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAS. 320 p. (RSM, 10.)

Polesskikh M. R., 1979. Armievskiy mogilnik [Armievskiy cemetery]. *Arkheologicheskie pamyatniki mordvy pervogo tysyacheletiya nashey ery [Archaeological sites of Mordva of the first millennium AD]*. G. A. Fedorov-Davydov, ed. *Trudy NIIYaLIE [Proceedings of NIIYaLIE],* 63, pp. 5–56.

Pozdnezarubinetskie pamyatniki na territorii Ukrainy (vtoraya polovina I – II v n. e. [Late Zarubintsy sites in territory of Ukraine (second half of I–II c. AD)], 2010. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAS. 332 p. (RSM, 12.)

Rodinkova V. E., 2003. Kulturnye svyazi naseleniya Srednego Podneprovya v VII v. (po materialam zhenskogo ubora) [Cultural relations of Middle Dnieper region population in VII c. (based on materials of women's attire)]: PhD dissertation. Moscow: IA RAS. 216 p.

Rodinkova V. E., 2010. Kurilovskiy klad rannesrednevekovogo vremeni [The early medieval hoard from Kurilovka]. *RA*, 4, pp. 78–87.

Rodinkova V. E., 2020. Issledovaniya Sudzhanskogo arkheologicheskogo otryada IA RAN [Research of Sudzha archaeological team of IA RAS]. *Arkhelogicheskie issledovaniya v Tsentralnom Chernozemye 2019 [Archaeological research in Central Chernozem region 2019]*. M. V. Ivashov, ed. Lipetsk, Voronezh: Novyy vzglyad, pp. 141–144.

Rodinkova V. E., 2021. Raboty Sudzhanskogo otryada Institute arkheologii RAN [Works of Sudzha archaeological team of IA RAS] *Arkhelogicheskie issledovaniya v Tsentralnom Chernozemye 2020 [Archaeological research in Central Chernozem region 2020]*. M. V. Ivashev, ed. Lipetsk, Voronezh: Novyy vzglyad, pp. 83–85.

Rodinkova V. E., 2023. Ranneslavyanskie klady Verkhnego Psla [Early Slavic hoards on Upper Psel]. *Imperium et Barbaricum: vzaimodeystvie tsivilizatsiy* [*Imperium et Barbaricum: interaction of civilizations*]. *Sbornik statey v chest' 70-letiya M. Kazanskogo [Collection of articles in honor of 70th anniversary of M. Kazanskiy]*. A. I. Aybabin, E. A. Khayredinova, eds. Simferopol: Antikva, pp. 193–209.

Rozenfeldt I. G., 1982. Drevnosti zapadnoy chasti Volgo-Okskogo mezhdurechya v VI–IX vv. [Antiquities of western part of Volga-Oka interfluve in VI–IX cc.]. Moscow: Nauka. 177 p.

Shcheglova O. A., 1990. O dvukh gruppakh «drevnostey antov» v Srednem Podneprovye [On two groups of «Ants' antiquities» in Middle Dnieper region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezhya [Materials and research on archaeology of Dnieper Left bank region]*. R. V. Terpilovskiy, ed. Kursk, pp. 162–204.

Shitov V. N., 1988. Koshibeevskiy mogilnik (po materialam raskopok V. N. Glazova v 1902 g. [Koshibeevo cemetery (based on materials from V. N. Glazov's excavations in 1902)]. Voprosy etnicheskoy istorii mordovskogo naroda v I – nachale II tysyacheletiya n. e. [Issues of ethnic history of Mordovian people in I – early II millennium AD]. M. F. Zhiganov, ed. *Trudy NIIYaLIE [Transactions of NIIYaLIE],* 93, pp, 4–43.

Volodarets-Urbanovich Ya. V., 2015. Brasleti V – pershoi polovini VIII st. iz Poltavshchini: novi znakhidki [Bracelets of V – first half of VIII c. from Poltava region: new finds]. *Arkheologiya [Archaeology],* 2, pp. 92–107.

About the author

Rodinkova Vlasta E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: vlasta2004@mail.ru

Н. А. Кренке, И. Н. Ершов

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОДКОВООБРАЗНЫЕ ФИБУЛЫ С ЛИЧИНАМИ[1]

Резюме. В статье рассматривается одна из категорий древнерусских находок – фибулы с личинами. Предлагается выделение среди них двух основных групп, которые датируются XI в., обосновывается, что они являются дериватами скандинавских образцов X в. Отвергается существующее определение личин как изображений совы. Вместо этого обосновывается версия, что это схематизированные антропоморфные мужские изображения. Делается вывод, что данная категория находок демонстрирует развитие скандинавских традиций в материальной культуре Древней Руси.

Ключевые слова: фибулы с личинами, орнитоморфные, антропоморфные, XI в., Скандинавия.

Находка в Смоленске при раскопках на ул. Коненкова, 22, в 2018 г. (*Кренке*, 2019)[2] половинки относительно редкой для древнерусских древностей подковообразной фибулы с личной на конце дуги дает повод обратиться к этой категории находок. Данная категория украшений была описана в статьях А. Г. Шпилева (*Шпилев*, 2008; 2009), которому удалось собрать информацию о десяти подобных находках. Ранее отдельные фибулы публиковались исследователями, которые давали им свою интерпретацию (*Богомольников*, 1983; *Веретюшкин*, 2003; *Голубева*, 1964, 1967, 1973; *Клімаў*, 2011; *Макушников*, 2009; *Седова*, 1997). Имеются также случайные находки с приблизительной географической привязкой (*Андрощук*, 2022. С. 93). В обзорных вещеведческих исследованиях,

[1] Статья подготовлена в рамках плановой темы ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье». Руководитель: В. Ю. Коваль (№ НИОКТР 122011200266-3) и НИР ИИМК РАН на 2025-2027 гг.: FMZF-2025-0011 – «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний», руководитель В.А. Лапшин.

[2] Находка происходит из подъемных материалов возле раскопа.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.294-307

посвященных древнерусским украшениям, опубликованным в 1950–1990-х гг., данная категория не нашла отражения, так как к тому времени были известны лишь единичные экземпляры. После внедрения детекторов металла находок стало существенно больше, но, как правило, место и контекст остаются неизвестными. Данная категория фибул представлена на различных российских, украинских и белорусских кладоискательских сайтах, появился и термин для обозначения этой категории находок – «совиноголовые». Всего к настоящему моменту удалось собрать информацию о 34 находках. Наибольшая серия «осела» в Курском музее. При поиске аналогий помимо литературных источников использовались интернет-ресурсы, в том числе Госкаталог музейного фонда РФ (на запрос с ключевым словом «фибула» было получено 13,5 тыс. ответов, среди которых было семь находок интересующего нас типа, некоторые из них не представлены в публикациях).

Все исследователи, писавшие о данных фибулах, отмечали их родство со скандинавскими находками (Л. А. Голубева считала находку из Белоозера «несомненно скандинавской» – *Голубева*, 1964. С. 290), отмечая, как правило, что это необязательно вещи скандинавского производства, но, возможно, подражания им. Так, по А. Г. Шпилеву, «часть украшений могла быть выполнена непосредственно скандинавскими ювелирами, остальные являются древнерусскими подражаниями, по окружающему их археологическому контексту, бытовавшими в последней четверти X – начале XIII в.» (*Шпилев*, 2009. С. 235). Он считает, что прототипом являлось изображение совы в стиле Борре. Л. А. Голубева первой интерпретировала, правда, под вопросом, изображение на концах фибулы как сову (*Голубева*, 1964. С. 290). А. Г. Шпилев согласился с такой интерпретацией. Действительно, первое впечатление от этих находок позволяет предположить, что перед нами орнитоморфные изображения, а большие глаза отсылают к образу совы. Однако, скорее всего, эта интерпретация ошибочна. Этот вопрос позволяет прояснить сравнение с предположительными прототипами древнерусских фибул, о чем будет сказано далее.

Рассмотрим вначале такие вопросы, как особенности морфологии, орнаментации, хронологии и географии находок фибул с личинами.

Можно выделить две основные группы фибул с личинами (рис. 1; 2). Первая группа включает находки, у которых дуга имеет геометрический орнамент (рис. 1). В поперечном сечении дуги слегка выпуклые, тыльная сторона либо плоская, либо вогнутая (что чаще), из-за недолива металла. По середине дуги прослеживается линия фестонов, которые могут быть прямоугольными или треугольными (реже). Иногда на одном изделии сочетаются треугольные и прямоугольные фестоны. По внешнему контуру дуги – сплошной ряд маленьких выпуклых прямоугольных (иногда со скругленными углами) выступов, своего рода бахрома. Находки первой группы датируются XI в. Косвенное доказательство – состав керамических комплексов раскопов в Полоцке и Смоленске (находки фибул не сопровождались находками лепной или раннекруговой керамики). Более весомый аргумент – датировки погребений с фибулами группы 1. Это находки из кургана могильника Нисимковичи, расположенного в округе Гомеля, который датируется концом X – XI в. (*Богомольников*, 2004. С. 75), и кургана 27 могильника Плешково в Тверской области (с монетами 1014–1024; 995–1002

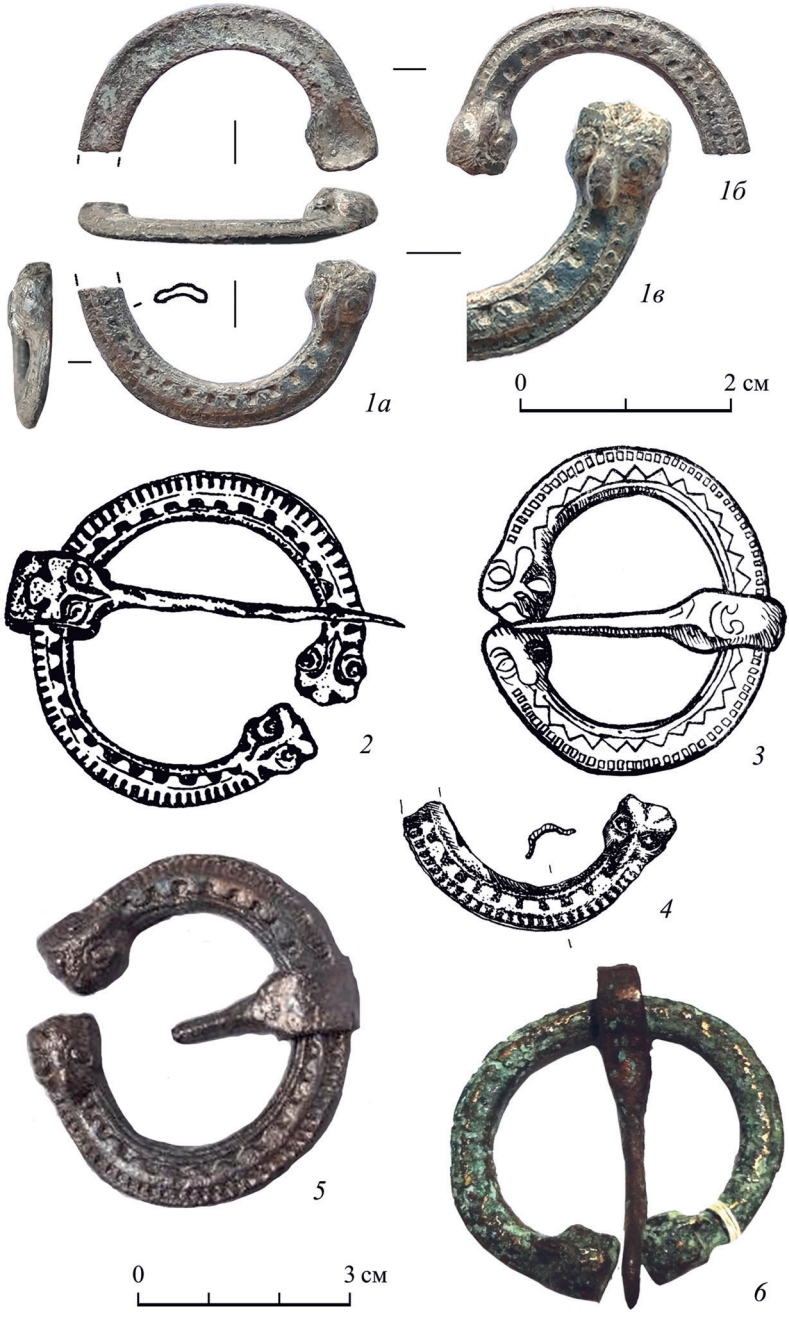

Рис. 1. Древнерусские фибулы с личинами XI в. Группа 1

1 – находка из Смоленска, ул. Коненкова, 22 (фото В. А. Раевой); *2* – находка у д. Чечевизня в Курской обл. (по: *Веретюшкин*, 2003); *3* – находка из Белоозера (по: *Голубева*, 1964); *4* – Великий Новгород (по: *Покровская*, 2021); *5* – курганный могильник Плешково (фото – госкаталог); *6* – находка с берега р. Пинега на ручье Ревомурдский (фото – госкаталог)

Рис. 2. Древнерусские фибулы с личинами XI в. Группа 2

1, 1а – курганный могильник Удрай-IV (рисунок, по: *Равдина*, 1988, фото – госкаталог); *2, 2а* – Суздаль, Кремль, раскопки М. В. Седовой 1981 г. (рисунок, по: *Седова*, 1997; фото – госкаталог); *3* – курганный могильник Плешково (по: *Комаров*, 2002)

и 996–1040 гг., использованными как подвески, *Комаров*, 2002. С. 176; *Момбекова и др.*, 2023. С. 31). Крайне важна также находка половинки фибулы в Великом Новгороде в слое конца XI в. (*Покровская*, 2021. С. 121).

География находок первой группы (рис. 3) показывает, что изделия распространены по всему ареалу Киевской Руси, но тяготеют к Верхнему Поднепровью и территории Черниговской земли, особенно Курскому Посемью, которое временами относилось к Переяславскому княжеству (*Насонов*, 1951; *Зайцев*, 2009); встречены также на сопредельных территориях – Киевщине, Смоленщине и Полоцке. Показательно, что на территории Северо-Восточной Руси находок мало (исключение – Белоозеро), хотя именно здесь проводились масштабные раскопки поселений и погребений XI в. Находка, сделанная на берегу р. Пинеги, хранящаяся в Пинежском краеведческом музее (№ 15 на карте), тоже связана с группой 1. В данном случае надо отметить, что эта вещь является дериватом фибул группы 1. Орнаментация дуг почти не видна, черты личины упрощены. То есть это отливка, прошедшая несколько циклов копирования (рис. 1: *6*). Мало находок и на северо-западе – при общем обилии материала Великий Новгород дал лишь одно изделие.

Вторая группа находок отличается от первой характером орнаментации дуг фибул и формой их окончаний (рис. 2). Орнамент дуг второй группы – растительный, на суздальских находках видны крины. Форма окончаний дуг также заимствована из растительного мира. Ближе всего они напоминают маковые головки. Имеется одна находка переходного типа, когда дуги орнаментированы, как у фибул группы 1, но на концах не личины, а стилизованные «маковые головки», как у фибул группы 2 (рис. 2: *3*). Находка из могильника Удрай-IV также демонстрирует связь между двумя группами: по дуге фибулы идет растительный орнамент, но по внешней кромке ряд округло-прямоугольных выступов – жемчужин, как на фибулах группы 1 (рис. 2: *1а*). Изображения личин на фибулах группы 2 представлены лишь на игле. Для изображения характерны большие глаза (но не круглые!), длинный нос и волосы, завивающиеся кверху.

Сравнение находок группы 2 между собой позволяет предположить, что фибула из курганного могильника Удрай IV являлась «исходной» для находок суздальской серии. Орнамент на дугах и личина на игле этой фибулы очень рельефны. Суздальские находки чуть меньше по размерам, орнамент и изображение личины сглажены.

Находок второй группы меньше, и география другая (рис. 3). Они, по большей части, встречены в северной части территории Древней Руси. Наиболее показательные находки из Суздаля. Здесь встречены две целые фибулы и игла. Причем игла является заготовкой, у которой тыльный конец прямой (*Седова*, 1997. Рис. 29: *9, 14*). В настоящее время, к сожалению, прямой тыльный конец утрачен, судя по фото из госкаталога. Присутствие заготовки – очень важный аргумент, позволяющий предполагать, что производство таких фибул находилось в Суздале. Находка аналогичной фибулы на селище Весь, расположенном рядом с Суздалем, подтверждает гипотезу о суздальском месте производства украшений. Это не означает, что они не производились также в других местах. Карельскую находку отличает очень сильная схематизированность изображения личины (*Равдоникас*, 1934. Табл. IV: *14*), очевидно, что это копия с копии,

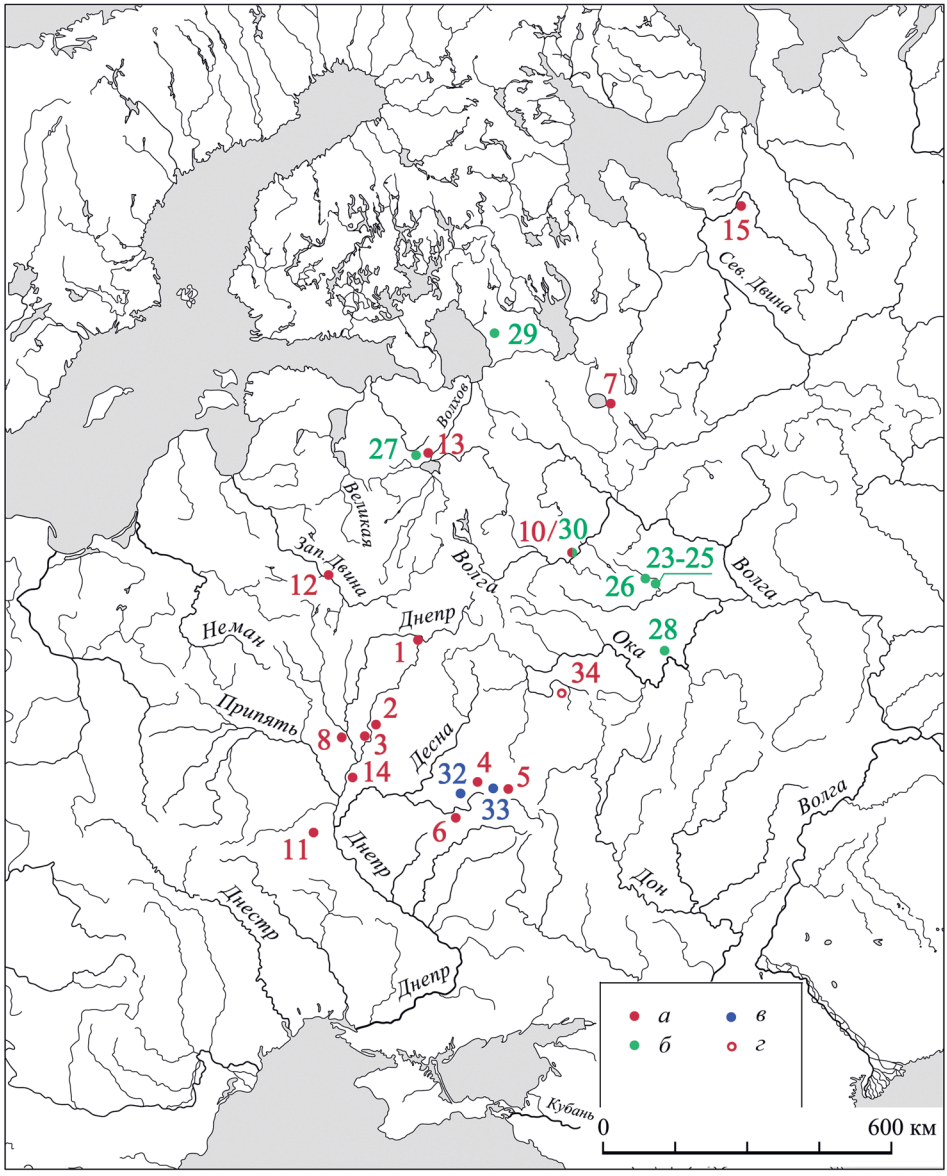

Рис. 3. Карта находок древнерусских фибул XI в. с личинами. Номера соответствуют списку в статье

а – фибулы группы 1; *б* – фибулы группы 2; *в* – схематизированные дериваты с несколькими личинами на дугах (группа 3); *г* – одна игла, типологическая группа фибулы неясна

возможно, местного производства. На это указывает широкое распространение растительных мотивов на типичных карельских овально-выпуклых фибулах.

Датировка фибул второй группы – XI в. В могильнике Плешково в п. 39 фибула переходного типа от группы 1 к группе 2 найдена с монетой 1002–1014 или 1024–1039 гг. (*Момбекова и др.*, 2023); в погребении могильника Удрай-IV фибула группы 2 была встречена с монетой 1059–1086 гг. (*Равдина*, 1988). Можно предположить, что вторая группа фибул с личинами несколько моложе первой группы, но в то же время хронологически пересекается с первой группой.

Имеются единичные находки, указывающие на существование вариантов форм. Так, в Рыльском районе Курской области была найдена фибула, имевшая личины не только на концах дуги, но еще две дополнительные в средней части, т. е. всего четыре (*Шпилев*, 2009. Рис. 1: *4*). На Липинском городище, расположенном также в Курском Посемье была найдена фибула, являющаяся дальнейшим развитием данного варианта. Выступов-личин на ней уже шесть, они крайне схематизированы (Там же. Рис. 2: *1*). Условно данные находки выделили в группу 3. Локализация в Курском Посемье дериватов фибул с личинами позволяет предполагать, что где-то в этом районе было место их производства.

Теперь рассмотрим вопрос о происхождении фибул и интерпретации личин. География находок однозначно указывает на то, что это древнерусская вещь, а не скандинавский импорт. Технологические особенности и металл также указывают на то, что перед нами дешевые реплики, где лужение имитировало покрытие серебром. Оригиналы для подражания, видимо, действительно были скандинавскими (рис. 4; 5). В качестве прототипов можно назвать фибулы двух вариантов: 1) великолепное бронзовое изделие с позолотой из погребения 735 могильника Бирка в Швеции (Стокгольмский исторический музей № 34000 Bj735. *Arbman*, 1940. Taf. 49: *3a*, grab. 735); 2) случайную находку из Хём, о. Зеландия, Дания (*Helmbrecht*, 2011. Abb. 58, i), и фибулу из Каупанга в Норвегии (*Blindheim et al.*, 1981. Taf. 62; *Helmbrecht*, 2011. Abb. 58: *j*). Все они датируются либо узко X в., либо более широко – «эпохой викингов» (*Helmbrecht*, 2011. S. 210). Эти фибулы отличаются от распространенных на территории Древней Руси более высокой техникой исполнения, проработкой деталей изображения, при этом по общей форме скандинавские и древнерусские фибулы сходны. Личина на скандинавских находках имеет ряд деталей, которые указывают, что перед нами изображение антропоморфное, мужское. Большие круглые глаза разделяет продолговатый нос, от которого расходятся в стороны усы, нависающие над чуть приоткрытым ртом, от подбородка начинается борода, которая передана на игле (заплетенная в «косички» борода идет до окончания иглы). Щеки и скулы покрыты морщинами, переданными рельефными рубчиками. На лбу в центре хохолок из волос. Пряди волос расходятся по бокам головы, напоминая уши животного. На норвежской находке из Каупанга эти пряди уже превратились в округлые уши, напоминающие уши кошачьего хищника, т. е. антропоморфное изображение приобрело черты смешанного антропозооморфного.

Сравнение скандинавских изделий с древнерусскими показывает с очевидностью, что это одна серия, но дериваты утрачивают детали исходных изображений. Так, исчезают тонкие рельефные рубчики, передающие волосы усов, бороды и головы, а также морщины лица, их рудименты можно разглядеть лишь

Рис. 4. Скандинавсие фибулы с личинами X в.

1 – могильник Бирка, погр. 735, Швеция (Шведский исторический музей, Стокгольм https://www.flickr.com/photos/historiska/13619395664 фото: Gabriel Hildebrandt); *2* – Хём, о. Зеландия, Дания, случ. находка (Исторический музей Копенгаген, фото: Lennart Larsen, https://samlinger.natmus.dk/do/asset/1992); *3* – Каупанг, Норвегия (Исторический музей, Осло, по: *Helmbrecht*, 2011)

на предмете из урочища Соловень бугор (*Шпилев*, 2009. Рис. 1: *3*). На некоторых экземплярах дериватов сохраняется лишь разделение верха головы на три части – бывший на скандинавских исходниках центральный клок волос и две боковые пряди. Центральный клок волос превращается в кружок с галочкой под ним, рот и усы исчезают. Бороду можно усмотреть лишь в извилистой форме иглы (*Богомольников*, 1983. С. 340). Таким образом, «орнитоморфность» изображений на древнерусских фибулах ложная, это просто сильно упрощенные исходные антропоморфные мужские личины в стиле Борре. Семантика этих изображений остается дискуссионной (*Helmbrecht*, 2011), хотя можно предполагать, что образ отсылал к конкретному мифологическому (?) персонажу.

Проанализированная выше серия находок фибул с личинами важна тем, что показывает «врастание» скандинавской ювелирной традиции X в. в древнерусскую материальную культуру XI в. Это далеко не единственный пример. Мы знаем о распространении на территории Древней Руси украшений, в которых были заимствованы некоторые элементы скандинавской ювелирной традиции (например, завязанные височные кольца). Имеются и технологические заимствования – трехслойные ножи-пакеты (подробнее см.: *Лесман*, 2014). Таким образом, пример с фибулами еще раз показывает, что взаимодействие скандинавской и аборигенной (славяно-балтско-финно-угорской) восточноевропейской культуры в X в. вылилось в появление продуктивных ростков, формирование дериватов местного древнерусского производства в XI в. Этот список

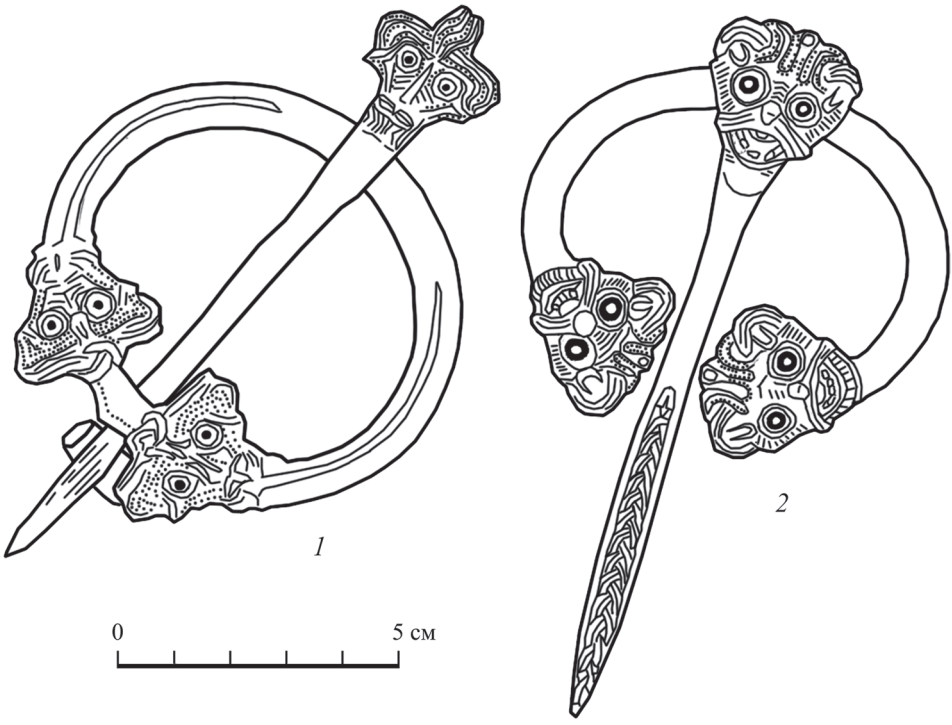

Рис. 5. Скандинавские фибулы из Бирки (1) и Хём (2).
Прорисовка Г. О. Моисеенкова

не ограничивается окраинами (с «киевоцентрической» точки зрения), ливскими или карельскими фибулами. В центре территории Древней Руси имеются также примеры – один из них представлен в данной статье.

Важно также отметить, что единичная находка фибулы с личиной из Смоленска не может указывать на континуитет скандинавских традиций в связке Гнёздово – Смоленск. Более вероятен другой сценарий. В XI–XII вв. в Смоленске наблюдалось значительное культурное влияние южных территорий Киевской Руси, что проявлялось в наборе керамики, каменном церковном строительстве. Возможно, фибула с личиной могла попасть в Смоленск с юга, где наблюдается концентрация их находок и, вероятно, находился центр производства.

Список находок
(номера соответствуют номерам на карте – рис. 3)

Группа 1

1. Смоленск (личина на конце дуги). Ул. Коненкова, 22, 2018 г. Подъемка.
2. Мог. Нисимковичи (Белоруссия) – в кургане № 10 конец X – XI в. сильная стилизация на концах и игле, на дугах, орнамент, как в Смоленске. В. В. Богомоль-

ников атрибутировал изображение следующим образом: «Фибула подковообразная пластинчатая, орнаментированная, с зооморфными концами и язычком в виде головы человека с длинной узкой бородой» (*Богомольников*, 1983. С. 340). Есть «хохолок» на голове, изображенной на игле.

3. Гомель – *Макушников*, 2009. С. 155 (в постройке XI в.)

4. Шатуновское городище (личины на концах, игла железная – заменена?), в орнаментике дужки – особенность – треугольные фестоны! Случайная находка (*Шпилев*, 2009).

5. Селище у д. Чечевизня (запад Курской обл.) личины на игле и концах, орнамент, как в Смоленске. Случайная находка А. А. Катунина (*Веретюшкин*, 2003; *Шпилев*, 2009). Рисунок в публикации неточен, на дужке треугольные и прямоугольные фестоны.

6. Городище в ур. Соловень бугор, Льговский р-н. Случайная находка. Личины на концах и игле. Особенности моделирования личин – ближе к скандинавским образцам! Выделены складки/волосы. Особенности в орнаментации дужки – узкие каплевидные фестоны (*Шпилев*, 2009).

7. Белоозеро (*Голубева*, 1964; 1967; 1973). 2-й горизонт раскопа XXXV. Личины на концах и игле, на дугах орнамент, как в Чечевизне и Смоленске, треугольные фестоны сочетаются с прямоугольными. На личине, изображенной на игле, верх головы (волосы) разделен на три части. По Голубевой, «круг скандинавских изделий» (*Голубева*, 1973. С. 69).

8. Речицкий у. раскопки В. З. Завитневича. Личины только на дугах, орнамент по центру дуги – «поребрик» (*Шпилев*, 2009).

9. Украина, случайная находка – личины на концах дуг, орнамент «поребрик», на игле личины нет (*Андрощук*, 2022. С. 93).

10. Плешково 1, Тверская область женское п. кург. № 27 с монетой начала XI в. (1014–1024 гг.) (*Комаров*, 2002).

11. Поднепровье, селище Дрогинка 3 на р. Ирпень (Південноруське село, 1997). Фибула, как в Нисимковичах, личины на концах дуг, иглы нет, орнамент на дугах, как в Смоленске.

12. Полоцк – находка аналогична смоленской, личина на конце дуги. Керамика на раскопе начиная с XI в. (*Клімаў*, 2011. С. 78).

13. Великий Новгород, слой XI в. (*Покровская*, 2021. Рис. 4: *8*).

14. Любеч, раскопки Б. А. Рыбакова 1957–1960 гг. (коллекция ГИМ).

15. Случайная находка на берегу р. Пинега у ручья Ревомургский (Пинежский краеведческий музей).

16–22. Семь (как минимум) грабительских находок неизвестно откуда (сайты кладоискателей, торговцев историческими репликами и пр.). Форма и декор находок аналогичен смоленской.

Группа 2

23–25. Суздаль, Кремль, раскопки 1981 г. (*Седова*, 1997. Рис. 29), личина лишь на игле, на концах дуг – «маковые головки», на дугах растительный орнамент; отдельная распрямленная (не свернутая) игла (раскопки 1979 г.), видимо, заготовка! В коллекции из Суздаля имеется очень схожая фибула из раскопок 1939 г. А. Ф. Дубынина (госкаталог).

Важно отметить, что шведские находки XIV в., с которыми сравнивала суздальскую фибулу М. В. Седова (*Седова*, 1997. С. 94), существенно отличаются от древнерусских по форме и изображению на игле, они не могут рассматриваться как аналогии (*Mårtenson, Wahlöö*, 1970. Abb. 85; *Søvsø*, 2011).

26. Селище Весь. Раскопки 1991 г. Н. Н. Мошениной. Находка аналогична суздальским (госкаталог).

27. Курганный могильник Удрай-IV на р. Удрайка, приток Луги (*Равдина*, 1988), личина на игле, на концах дуг – «маковые головки», на дугах растительный орнамент. Мог. 6 с монетой 1059–1086 гг.

28. Городище «Земляной Круг (Струг ? – *НК*)» (Рязанская обл. раскопки В. П. Челяпова, 2002 г. Личина на игле, на концах дуг – розетки или маковые головки, дуги – перевитье (*Шпилев*, 2009).

29. Карелия, р. Тулокса, д. Мергелы, курган (*Равдоникас*, 1934. Табл. IV: *14*), личины на концах и игле, орнамент растительный, как в Суздале или на карельских фибулах. Личины очень схематизированы.

30. Плешково, курган 39 с монетой первой половины XI в., определение которой спорно (1002–1014 гг., по: *Комаров*, 2002, или 1024–1039 гг., по: *Момбекова и др.*, 2023).

31. Фибула с кладоискательского сайта атрибутирована как викинги, локализована в Киеве.

Группа 3 (дериваты)

32. Случайная находка в СЗ части Рыльского р-на. Личины не только на концах, но и в серединах дуг, всего их четыре, моделированы очень условно (глаза + нос), на дуге орнамент ближе к растительному (*Шпилев*, 2009).

33. Липинское городище. Раскопки П. И. Засурцева в постройке XII–XIII вв. Очень высокая степень упрощения, выступов 6, орнамента на дуге нет, глаза и нос просматриваются лишь на окончаниях (Там же. Рис. 1: *4*).

Непонятная атрибуция, так как представлена лишь одна игла

34. Гор. Лобыньское (на р. Упа) – одна игла (*Колоколов*, 2023; 2024).

Авторы признательны рецензентам, а также С. Ю. Каинову, Е. В. Каменецкой, В. А. Лапшину, А. Е. Леонтьеву, Н. В. Лопатину, Л. В. Покровской и Ингмару Янссону за присланные материалы и замечания, сделанные при подготовке рукописи.

ЛИТЕРАТУРА

Андрощук Ф., 2022. Від вікінгів до Русі. Київ. 212 с.

Богомольников В. В., 1983. Раскопки в Чечерске и Нисимковичах // АО 1981. М.: Наука. С. 340–341.

Богомольников В. В., 2004. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). Гомель: Гомельский гос. ун-т. 226 с.

Веретюшкин Р. С., 2003. Разведки в Курчатовском районе Курской обл. // АО 2002 г. М.: Наука. С. 99–100.

Голубева Л. А., 1964. Белозерская весь и ее западные соседи в X – начале XI века // Скандинавский сборник. Вып. VIII. Таллин: Эстонское гос. изд-во. С. 285–296.
Голубева Л. А., 1967. Раскопки древнего Белоозера в 1961–1962 гг. // КСИА. Вып. 110. С. 92–97.
Голубева Л. А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука. 212 с.
Зайцев А. К., 2009. Черниговское княжество в X–XIII вв.: избранные труды. М.: Квадрига. 226 с.
Клімаў М. В., 2011. Новыя даныя аб Запалоцкім пасадзе ў Полацку (па выніках раскопак 2008 г.) // Материалы по археологии Беларуси. Вып. 21. Минск. С. 74–98.
Колоколов А. М., 2023. Хронология памятников X в. на территории Окско-Донского водораздела // Историко-географический журнал. Т. 2. № 1 С. 24–43.
Колоколов А. М., 2024. Поселение X в. на площадке городища у д. Лобынское в бассейне р. Упа // РА. № 4. С. 157–175.
Комаров К. И., 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: сб. участников Великой Отечественной войны. Тула: Гриф и К°. С. 141–189.
Кренке Н. А., 2019. Отчет о раскопках в г. Смоленск по адресам: ул. Кашена, 15-Б; ул. Коненкова, 22; 1-й Краснофлотский пер., 15 в 2018 г. по открытому листу № 1148 в 3-х томах // Архив ИА РАН. Р-1. № 60434.
Лесман Ю. М., 2014. Скандинавский компонент древнерусской культуры // SP. № 5. С. 43–87.
Макушников О. А., 2009. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв. Гомель: Гомельский гос. ун-т. 218 с.
Момбекова А. А., Ушанков Е. М., Чекунина Н. В., 2023. Нумизматические находки из раскопок курганных могильников Плешково-I и Плешково-II К. И. Комарова 1980 и 1986 годов // ТТЗ. Вып. 15. Тверь. С. 21–34.
Насонов А. Н., 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР. 261 с.
Південноруське село IX–XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури): навчально-методичний посібник / Ред.: О. П. Моця, В. П. Коваленко, В. О. Петрашенко. Київ: Інститут змісту і методів навчання, 1997. 124 с.
Покровская Л. В., 2021. Балтийские и прибалтийско-финские предметы на усадьбах Людина конца средневекового Новгорода // АВ. Вып. 31. СПб. С. 113–127.
Равдина Т. В., 1988. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: каталог. М.: Наука. 152 с.
Равдоникас В. И., 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. 53 с., 12 табл. (ИГАИМК. Вып. 94.)
Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.: Русский мир. 320 с.
Шпилев А. Г., 2008. Фибулы с зооморфным окончанием в Курской области // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: материалы тематич. науч. конф. (Санкт–Петербург, 16–19 дек. 2008 г.). СПб. С. 205–210.
Шпилев А. Г., 2009. Украшения круга «скандинавских древностей» из Курской области // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск. С. 232–250.

Arbman H., 1940. Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala: Almqvist & Wiksells. 529 c.
Blindheim C., Heyerdahl-Larsen B., Tollnes R., 1981. Kaupangfunnene. I. Oslo: Universitets oldsaksamling. 223 s. (Norske Oldfunn; XI.)
Helmbrecht M., 2011. Wirkmächtige Kommunikationsmedien: Menschenbilder der Vendel- und Wikingerzeit und ihre Kontexte. Lund: Grahns Tryckeri AB. 540 S. (Acta Archaeologica Lundensia. Series prima in 4°; 30.)
Mårtensson A. W., Wahlöö C., 1970. Lundafynd: en bilderbok. Lund: Kulturhistoriska museet. 114 s. (Archaeologica Lundensia: investigationes de antiqvitatibus urbis Lundae; IV.)
Søvsø M. H., 2011. Tro, håb og kærlighed – De middelalderlige ringspænders symbolic // Kuml. Vol. 60. P. 264–285.

Сведения об авторах

Кренке Николай Александрович, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия; e-mail: nkrenke@mail.ru; Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18 литер «А», Санкт-Петербург, 191181;

Ершов Иван Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: ershovin@yandex.ru

N. A. Krenke, I. N. Ershov

MEDIEVAL RUSSIA HORSESHOE-SHAPED FIBULAE FEATURING MASKS

Abstract. The paper reviews one of the categories of Medieval Russia finds, i.e. fibulae featuring human or animal face design or ‘mask’. We single out two groups dating to the 11th century, and provide evidence that they are derivatives of Scandinavian fibulae of the 10th century. The accepted view that interprets the discussed images as owl is rejected. Instead, we provide arguments for the idea that the ‘masks’ represent schematic anthropomorphic images of males. The analysis of this category of finds has lead us to the conclusion that these images demonstrate development of Scandinavian traditions in the material culture of Medieval Russia.

Keywords: fibulae, human or animal face design or ‘mask’, ornithomorphic images, anthropomorphic images, 11th century, Scandinavia.

REFERENCES

Androshchuk F., 2022. Vid vikingiv do Rusi [From the Vikins to Rus]. Kiiv. 212 p.

Bogomolnikov V. V., 1983. Raskopki v Checherske i Nisimkovichakh [Excavations in Chechersk and Nisimkovichi]. *AO 1981*. Moscow: Nauka, pp. 340–341.

Bogomolnikov V. V., 2004. Radimichi (po materialam kurganov X–XII vv.) [The Radimichi (based on materials from kurgans of X–XII cc.)]. Gomel: Gomelskiy gos. universitet. 226 p.

Golubeva L. A., 1964. Belozerskaya ves’ i ee zapadnye sosedi v X – nachale XI veka [The Belozersk Ves and its western neighbors in X – early XI century]. *Skandinavskiy sbornik [Scandinavian collection]*, VIII. Tallin: Estonskoe gos. izdatelstvo, pp. 285–296.

Golubeva L. A., 1967. Raskopki drevnego Beloozera v 1961–1962 gg. [Excavations of ancient Beloozero in 1961–1962]. *KSIA*, 110, pp. 92–97.

Golubeva L. A., 1973. Ves’ i slavyane na Belom ozere. X–XIII vv. [Ves’ and Slavs on Beloe Lakew. X–XIII cc.]. Moscow: Nauka. 212 p.

Klimau M. V., 2011. Novyya danyya ab Zapalotskim pasadze u Polatsku (pa vynikakh raskopak 2008 g.) [New data on Zapalotsky suburb of Polotsk (based on rezults of 2008 excavations]. *Materialy po arkheologii Belarusi [Materials on archaeology of Belarus]*, 21. Minsk, pp. 74–98.

Kolokolov A. M., 2023. Khronologiya pamyatnikov X v. na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Chronology of sites of X c. in territory of Oka-Don watershed]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical and geographical journal]*, vol. 2, no. 1, pp. 24–43.

Kolokolov A. M., 2024. Poselenie X v. na ploshchadke gorodishcha u d. Lobynskoe v basseyne r. Upa [Settlement of 10th century on the fortified site near Lobynskoye in the Upa River region]. *RA*, 4, pp. 157–175.

Komarov K. I., 2002. Raskopki kurgannogo mogilnika u d. Pleshkovo Tverskoy oblasti [Excavations of a kurgan cemetery near village Pleshkovo, Tver region]. *Arkheologicheskie stat’i i materialy [Archaeological articles and materials]*. Tula: Grif i Ko, pp. 141–189.

Krenke N. A., 2019. Otchet o raskopkakh v g. Smolensk po adresam: ul. Kashena, 15-B; ul. Konenkova, 22; 1-y Krasnoflotskiy per., 15 v 2018 g. po otkrytomu listu № 1148 v 3-kh tomakh [Report on excavations in Smolensk at the addresses: Kashena str., 15-B; Konenkova str., 22; 1st Krasnoflotsky per., 15 in 2018, license No. 1148, 3 vols.]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

Lesman Yu. M., 2014. Skandinavskiy komponent drevnerusskoy kultury [Scandinavian component in ancient Russian culture]. *SP*, 5, pp. 43–87.

Makushnikov O. A., 2009. Gomel'skoe Podneprov'e v V – seredine XIII vv. [Gomel Dnieper region in V – mid XIII cc.]. Gomel: Gomelskiy gos. universitet. 218 p.

Mombekova A. A., Ushankov E. M., Chekunina N. V., 2023. Numizmaticheskie nakhodki iz raskopok kurgannykh mogilnikov Pleshkovo-I i Pleshkovo-II K. I. Komarova 1980 i 1986 godov [Numismatic finds from excavations of Pleshkovo-I and Pleshkovo-II kurgan cemeteries by K. I. Komarov in 1980 and 1986]. *TTZ*, 15, pp. 21–34.

Nasonov A. N., 1951. «Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva [«Russian land» and formation of territory of ancient Russian state]. Moscow: AN SSSR. 261 p.

Pokrovskaya L. V., 2021. Baltiyskie i pribaltiysko-finskie predmety na usad'bakh Lyudina kontsa srednevekovogo Novgoroda [Baltic and Baltic-Finnish objects from manors of Lyudin end of medieval Novgorod]. *AV*, 31. St. Petersburg, pp. 113–127.

Pivdennorus'ke selo IX–XIII st. (Novi pam'yatki material'noi kul'turi [South Russian village in IX–XIII cc. (New monuments of material culture)]. O. P. Motsya, V. P. Kovalenko, V. O. Petrashenko, eds. Kiiv: Institut zmistu i metodiv navchannya, 1997. 124 p.

Ravdina T. V., 1988. Pogrebeniya X–XI vv. s monetami na territorii Drevney Rusi [Burials of X–XI cc. with coins in territory of Ancient Rus]. Moscow: Nauka. 152 p.

Ravdonikas V. I., 1934. Pamyatniki epokhi voznuiknoveniya feodalizma v Karelii i Yugo-Vostochnim Priladozhye [Sites of the period of feudalism formation in Karelia and Southeastern Ladoga region]. 53 p., 12 pl. (IGAIMK, 94.)

Sedova M. V., 1997. Suzdal v X–XV vv. [Suzdal in X–XV cc.]. Moscow: Russkiy mir. 320 p.

Shpilev A. G., 2008. Fibuly s zoomorfnym okonchaniem v Kurskoy oblasti [Fibulae with zoomorphic endings in Kursk region]. *Sluchaynye nakhodki: khronologiya, atributsiya, istoriko-kulturnyy kontekst [Stray finds: chronology, attribution, historical and cultural context]*. St. Petersburg, pp. 205–210.

Shpilev A. G., 2009. Ukrasheniya kruga «skandinavskikh drevnostey» iz Kurskoy oblasti [Ornaments of the circle of «Scandinavian antiquities» from Kursk region]. *Srednevekovyy gorod Yugo-Vostoka Rusi: predposylki vozniknoveniya, evolyutsiya, material'naya kul'tura [Medieval city of the South-East of Russia: background, evolution, material culture]*. Kursk, pp. 232–250.

Veretyushkin R. S., 2003. Razvedki v Kurchatovskom rayone Kurskoy oblasti [Exploration in Kurchatov district, Kursk region]. *AO 2002*. Moscow: Nauka, pp. 99–100.

Zaytsev A. K., 2009. Chernigovskoe knyazhestvo v X–XIII vv. [Chernigov principality in X–XIII cc.]. Moscow: Kvadriga. 226 p.

About the authors

Krenke Nikolay A., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetnyy per., 29, Moscow, 119017, Russian Federation; Institute for the History of Material Culture, Dvorcovaya nab., 18, Liter A, St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: nkrenke@mail.ru;

Ershov Ivan N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: ershovin@yandex.ru

Н. А. Баранов

ГРЕБНИ И РАСЧЕСКИ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СУЗДАЛЕ

Резюме. В статье проводится анализ простых и наборных гребней и расчесок, собранных в ходе археологических исследований в г. Суздаль с 1936 по 2022 г. Особое внимание уделяется пространственному распределению и контексту находок, исходному сырью, способам изготовления, строению, характеру орнаментации поверхности, а также периоду бытования.

Ключевые слова: Суздаль, период Средневековья, простые и наборные гребни и расчески.

Самой выразительной и, что немаловажно, многочисленной категорией костяных изделий из раскопок г. Суздаля являются предметы личной гигиены. К ним помимо копоушек (ухочисток, уховерток) относят костяные и роговые расчески и гребни. Эти индивидуальные предметы повседневного обихода использовались для ухода за волосами. Помимо очевидной утилитарно-бытовой функции роговые и костяные гребни и расчески являлись частым атрибутом погребального обряда Древней Руси (*Фехнер*, 1963. С. 39, 40; *Меснянкина*, 2008. С. 215, 218–229; *Кондратьева*, 2011. С. 130–133, и др.) и Западной Европы (*Ambrosiani*, 1981. P. 12–15; *Eckhoff*, 2014. P. 4, и др.), а также при проведении свадебной церемонии, помазании на царство и возведении духовного лица в сан (*Кондратьева*, 2011. С. 204).

Под *расческами* подразумеваются односторонние цельные и наборные изделия с чехлами или без (по О. И. Давидан), а под *гребнями* – двусторонние цельные и наборные предметы (по Б. А. Колчину). Это терминологическое разделение кажется довольно условным, и часто исследователи им пренебрегают, называя все находки этой категории «гребнями». В этом нет ошибки. «Малый академический словарь» А. П. Евгеньевой трактует значение слова расческа как «гребенку для расчесывания, причесывания волос» (Словарь…, 1999). Тем не менее для более дробной подачи материала в работе будет использоваться

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.308-327

археологическая терминология для данной категории находок, принятая со второй половины XX в.

За период с 1936 по 2022 г. на территории Суздальского кремля, Окольного города и его ближайшей округи (территория открытых посадов города) было найдено 182 предмета, отнесенных к гребням и расческам разной степени сохранности, а также к заготовкам (табл. 1). Несмотря на то что изучению Суздаля посвящено большое количество публикаций, в том числе монография М. В. Седовой (*Седова*, 1997), находки предметов из кости, в том числе гребни и расчески, специально не рассматривались и не систематизировались. Упоминания об этих предметах в публикациях носят общий ознакомительный характер. Статья призвана заполнить этот пробел.

Таблица 1. Гребни и расчески из археологических исследований Суздаля

№	Участок и год исследования	Автор раскопок	Кол-во и вид гребня
1	ул. Никольская, 1936	Воронин Н. Н.	1 п.д.г.
2	ул. Кремлевская, 1936	Воронин Н. Н.	1 п.д.г.
3	территория склада Райсельхоза, 1939	Варганов А. Д.	2 п.д.г.
4	ул. Лебедева, 1937, 1939, 1940	Дубынин А. Ф., Голубева Л. А.	9 п.д.г.; 3 н.д.г.
5	вблизи Рождественского собора, 1952	Воронин Н. Н.	1 о.н.г.
6	ул. Кремлевская (Южный и Северный тир), 1958	Воронин Н. Н.	1 п.д.г.; 1 н.д.г.
7	ул. Варганова, 1967	Седов В .В.	1 п.д.г.
8	ул. Кремлевская (у Ильина вала), 1970	Седов В. В.	3 п.д.г.
9	музей Деревянного зодчества, 1971–1972	Глазов В. П.	1 н.д.г.; 1 п.о.р.
10	ул. Торговая площадь, 1974–1976	Седова М. В.	5 п.д.г.; 3 н.д.г.
11	ул. Ленина (край Мытного рва), 1977	Седова М. В.	1 п.д.г.
12	ул. Кремлевская (вблизи от церкви Успения Пресвятой Богородицы), 1978–1990	Седова М. В.	51 п.д.г.; 7 н.д.г.; 1 з.п.д.г.; 1 п.о.р.; 7 н.о.р.
13	ул. Энгельса (Свято-Ризоположенский женский монастырь), 1991	Седова М. В.	8 п.д.г.; 1 н.д.г.
14	траншея возле Архиерейских палат, 1999	Седова М. В.	4 п.д.г.
15	ул. Теремки, д. 26, 2003	Бейлекчи В. В.	1 п.д.г.
16	Спасо-Евфимиевский монастырь, 2005	Бейлекчи В. В.	1 п.д.г.
17	ул. Ленина, д. 134, 136, 138, 2006	Федорина А. Н.	1 п.д.г.
18	ул. Варганова, д. 8, 2007	Федорина А. Н.	2 п.д.г.
19	ул. Ленина, д. 106, 2008	Несмиян О. А.	1 п.д.г.

Окончание табл. 1

№	Участок и год исследования	Автор раскопок	Кол-во и вид гребня
20	ул. Пушкарская, д. 11, 2008	Зайцева И. Е.	1 п.д.г.
21	ул. Слободская, д. 47–49, 2008	Кабаев Д. А.	1 п.д.г.
22	Спасо-Евфимиевский монастырь, 2008	Беляев Л. А.	1 п.д.г.
23	ул. Пушкарская, 2009	Сазонов С. В.	1 п.д.г.; 1 з.п.д.г.
24	ул. Слободская, д. 47–49, 2010–2011	Несмиян О. А.	3 п.д.г.
25	ул. Ленина, д. 76, 2011	Федорина А. Н.	6 п.д.г.; 2 н.о.р.
26	ул. Ленина, д. 82, 2012	Карпухин А. А.	7 п.д.г.; 1 н.д.г.; 1 о.н.г.
27	ул. Шевченко, д. 29а, 2013	Сазонов С. В.	1 п.д.г.
28	ул. Кремлевская, д. 17, 2014	Кабаев Д. А.	2 п.д.г.
29	ул. Теремки, д. 12, 2015	Баранов Н. А.	6 п.д.г.; 2 п.о.р.; 1 н.д.г.
30	ул. Гастева, 1б, 2017	Баранов Н. А.	1 п.д.г.
31	ул. Лебедева, д. 15–17, 2017	Баранов Н. А.	1 п.д.г.
32	ул. Торговая площадь, д. 20, 2017	Баранов Н. А.	5 п.д.г.
33	ул. Ленина, д. 62, 2019	Кабаев Д. А.	1 п.д.г.
34	ул. Старая, д. 6, 2020	Несмиян О. А.	1 п.д.г.
35	ул Торговая площадь, д. 12, 2020	Письмаркина А. И.	6 п.д.г.
36	ул. Кремлевская, д. 5, 2021	Карпухин А. А.	9 п.д.г.
37	ул. Кремлевская, д. 9, 2022	Очеретина С. В.	1 п.д.г.
38	ул. Ленина, д. 79, 2022	Свиридов А. Н.	1 п.д.г

Сокращения: п.д.г. – простой двусторонний гребень; п.о.р. – простая односторонняя расческа; н.д.г. – наборный двусторонний гребень; н.о.р. – наборная односторонняя расческа, з.п.д.г. – заготовка/брак простого двустороннего гребня; о.н.г. – обломок неопределенного гребня.

В работе использованы находки, хранящиеся в фондах и экспозициях Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного музея-заповедника, Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурылина, а также материалы из научных отчетов и публикаций исследователей Суздаля.

Все собранные предметы можно разделить по количеству рабочих сторон на две категории – односторонние и двусторонние. Предметы первой категории представляют собой аналог современной расчески. У двусторонних экземпляров рабочих сторон, как следует из названия, – две, и они обладают разным набором зубьев. В большинстве случаев это набор частого и редкого зуба, хотя встречаются и исключения.

Помимо этого, гребни и расчески различают по количеству деталей на простые (односоставные) и сложные (наборные/композитные). К первым относятся те находки, что сделаны в результате придания исходному материалу законченной формы, сложные изготавливались из одного или разных видов сырья посредством подгонки отдельных деталей друг к другу. Между собой детали соединялись при помощи боковых накладок и металлических штифтов или заклепок.

Известно, что гребни могли помещаться в футлярах и чехлах. В Суздале известно всего 5 таких находок, и все они представляют собой детали (торцевая планка, боковые панели) от двух съемных футляров односторонних наборных расчесок. Остальные предметы для ухода за волосами, судя по отсутствию отверстий для подвешивания, скорее всего могли иметь кожаные или тканевые чехлы (*Smirnova*, 2005. P. 108. Fig. 4: *2*), для предохранения ломких зубцов от механических повреждений.

Таким образом, за длительный период изучения г. Суздаля было найдено: 4 односторонние простые расчески, 9 односторонних наборных расчесок и их футляров, 18 двусторонних наборных гребней и их составных частей, 147 двусторонних простых гребней, 3 неопределимых обломка, 1 заготовка и 1 бракованный гребень[1].

Пространственное распределение находок в исторической части города

Наибольший объем предметов по уходу за волосами предсказуемо обнаружен на территории Суздальского кремля. Всего в историческом ядре города найдено 95 артефактов. Стоит отметить, что основным источником полученного материала являлись раскопки М. В. Седовой 1978–1990 гг., проходившие вблизи от «Ильинского вала» к северо-западу от Успенской церкви (ул. Кремлевская, д. 8). В границах Окольного города было обнаружено 62 предмета, основные сборы были произведены на участках по адресам: ул. Ленина, д. 76 (А. Н. Федорина, 2011 г.), ул. Ленина, д. 82 (А. А. Карпухин, 2012 г.), ул. Теремки, д. 12 (автор статьи, 2015 г.), ул. Торговая площадь, д. 12 (А. И. Письмаркина, 2020 г.) и ул. Торговая площадь, д. 20 (автор статьи, 2017 г.), а также ул. Кремлевская, д. 5 (А. А. Карпухин, 2021 г.). В ходе исследований неукрепленных посадов найдено всего 25 предметов, из которых 9 обнаружены М. В. Седовой на территории Свято-Ризоположенского женского монастыря в ходе работ 1991 г. На остальных участках обнаружение гребней и расчесок носило единичный характер (рис. 1).

[1] Стоит оговориться, что в данном исследовании не использовались материалы из исследований М. В. Седовой за 2001 г., что проходили на территории суздальского Свято-Ризоположенского женского монастыря, т. к. на момент написания статьи собранная коллекция предметов, в том числе из кости и плотного рога, находилась на стадии принятия на постоянное хранение в фонды Владимиро-Суздальского музея-заповедника и доступа к ним не было.

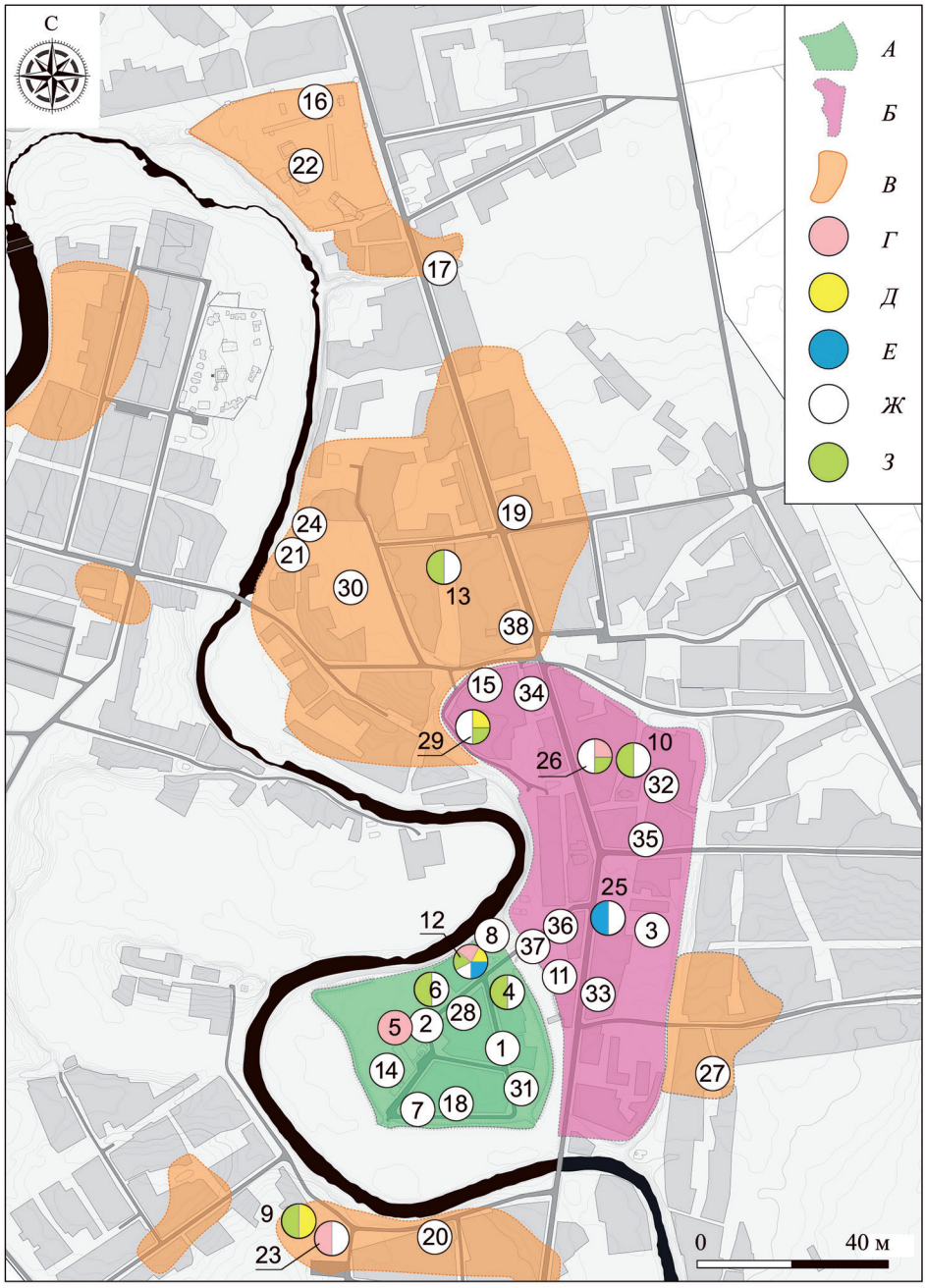

Рис. 1. Карта г. Суздаль с указанием мест обнаружения гребней и расчесок

А – территория Суздальского кремля; *Б* – территория Окольного города; *В* – неукрепленные посады и ближайшие села; *Г* – заготовки и неопределимые обломки гребней; *Д* – простые односторонние расчески; *Е* – наборные односторонние расчески; *Ж* – простые двусторонние гребни; *З* – наборные двусторонние гребни

Сырье

В выборе сырья для изготовления гребней и расчесок предпочтение отдавалось плотному рогу семейства оленьих, который обладал рядом заметных преимуществ перед животной костью. Из общего количества суздальских находок, у которых достоверно удалось определить материал изготовления, только 2 (двусторонние наборные гребни) сделаны с использованием трубчатых костей крупных копытных млекопитающих (корова, лошадь)[2] (рис. 2).

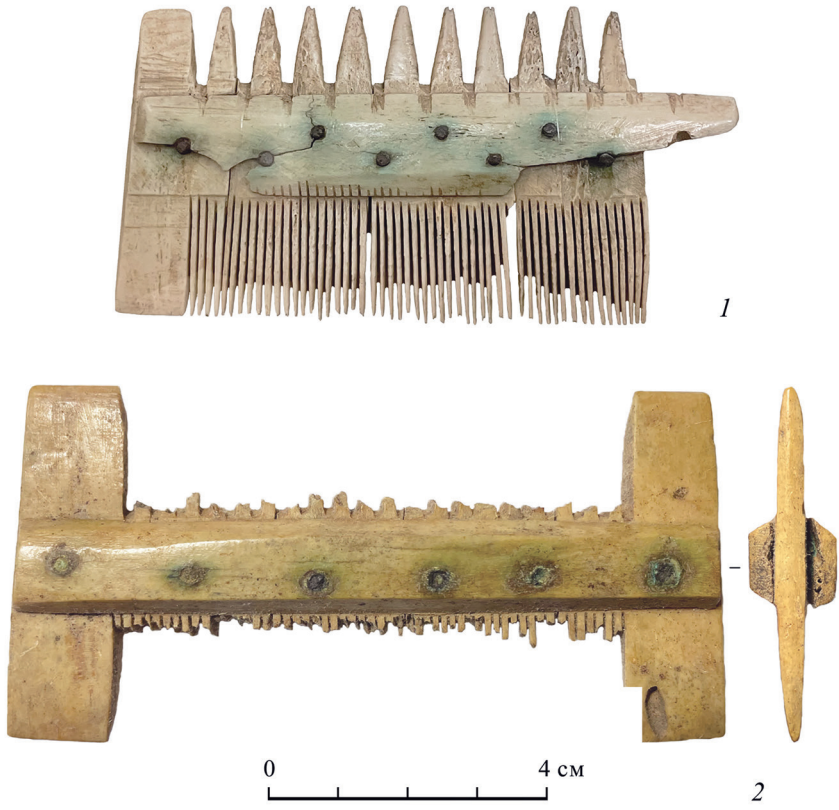

Рис. 2. Двусторонние наборные гребни, сделанные из трубчатых костей крупных копытных млекопитающих
1 – Глазов В. П., 1972, В-39975/58; *2* – Седова М. В., 1982, № 13/В-36942/845

[2] Определение видового состава коллекции предметов личной гигиены было проведено археозоологом Ольгой Сергеевной Лебедевой совместно с автором статьи.

Требовалась ли специальная подготовка изначального сырья перед обработкой, в настоящий момент доподлинно неизвестно, но, вероятно, некоторые операции, такие как вымачивание или распаривание (*Телецкий*, 1892. С. 7; *Федоров*, 1903. С. 6, 7; *Боруцкий*, 1913. С. 475), которые делали при обработке полого коровьего рога в конце XIX в., могли производиться средневековыми косторезами. Также в 50–70 гг. XX в. исследователи предполагали вываривание или обработку исходного сырья в различных щелочных растворах (*Колчин*, 1985. С. 271; *Пальцева*, 2020. С. 156) или кислотах, но впоследствии было доказано, что такой способ делает кость и рог непригодными для работы (*Смирнова*, 1995. С. 116). Согласно наблюдениям одного из современных косторезов (Алексей Шолош, владелец художественной мастерской «Харет» в д. Миленки Калужской области), для придания эластичности такому материалу, как плотный рог, необходимо его некоторое время вымачивать в воде. При этом такие методы обработки, как нанесение орнамента или пропил частого и редкого зуба, также могли сопровождаться помещением изделия в воду или во влажную среду для повторного размягчения (*Cnotliwy*, 1973. P. 54, 55). Могли для этого использовать влажные опилки или обертывать изделие в мокрую ткань. Также проводились манипуляции с установкой распиленных пластин плотного рога под груз для их выпрямления (*Сергєєва*, 2011, С. 87; *Кондратьева*, 2011. С. 114).

Способ изготовления

Самыми массовыми, прочными и простыми в изготовлении являлись простые двусторонние гребни. Они обладали трапециевидной, прямоугольной, реже закругленной формой, с линзовидным или прямоугольным сечением. После придания пластине плотного рога формы гребня на заготовку мог наноситься орнамент и, в последнюю очередь, пропиливались частые и редкие зубья. Последовательность операций по производству наглядно демонстрирует находка заготовки из Старой Рязани (*Монгайт*, 1955. С. 132. Рис. 95: *4*). На последовательность действий указывает и тот факт, что на некоторых готовых двусторонних гребнях и в том числе односторонних простых расческах следы от пилы незначительно «наползают» на нанесенный ранее на центральную площадку узор (рис. 3). Такая последовательность манипуляций использовалась в изготовлении односторонних простых гребней.

Изготовление наборных или композитных изделий требовало от резчика значительно большего опыта в работе не только с костным сырьем, но и с металлами, а также было растянуто по времени. К примеру, практические опыты по изготовлению односторонней наборной расчески от этапа разделки сырья до готового продукта, проделанные К. Амброзиани, показали, что неопытный мастер в среднем мог делать не больше одной поделки в день (*Ambrosiany*, 1981. P. 103–118). Эксперимент был проведен с использованием современных инструментов, поэтому не может являться полностью достоверным. Обращаясь к опыту современной обработки костного материала, в условиях производства широкой номенклатуры поделок одним человеком, на изготовление реплики средневековой наборной односторонней расчески может уходить

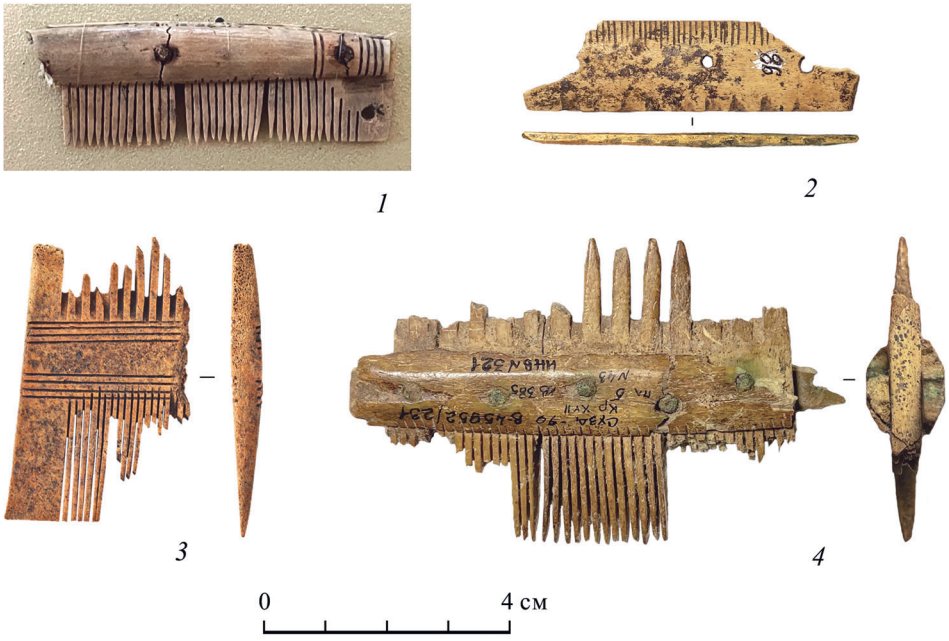

Рис. 3. Следы от пропиливания зубьев на боковых накладках и узоре наборных и простых гребней и расчесок

1 – Седова М. В., 1979, В-28863/383; *2* – Седова М. В., 1984, № 86/В-41243/98; *3* – Баранов Н. А., 2015, № 867; *4* – Седова М. В., 1990, № 59/В-45952/231

до двух дней с использованием современных методов работы с костью или рогом.

В западной и отечественной научной литературе приемы изготовления строения композитных гребней и расчесок изучены весьма подробно (*Ulbricht*, 1978. P. 29; *Ambrosiany*, 1981. P. 103–118; *MacGregor*, 1985. Fig. 42: *7*; *Кондратьева*, 2011. С. 114). После разделки первичного сырья на необходимые по форме, размеру и толщине пластины (боковые накладки, пластины с зубьями, торцевые планки) мастер подгонял их к друг другу, минимизируя зазоры, а после соединял боковыми накладками с помощью металлических заклепок или штифтов. Боковые накладки делались первыми, т. к. именно они определяли основную длину будущего изделия. При создании заготовок косторез обязательно должен был учитывать структуру исходного материала (направление волокон компактного вещества и т. д.), без чего изделие могло получится хрупким. Перед скреплением на боковые панели наносился орнамент, а после, по необходимости и не всегда симметрично, в них просверливались отверстия таким образом, чтобы каждая отдельная деталь была закреплена. Весьма очевидным примером последовательности проводимых операций являются суздальские находки расчески и боковых накладок футляра, а также двух наборных двусторонних гребней (рис. 3), где отверстия под заклепки высверлены поверх нанесенного на поверхность узора.

После того как все детали были закреплены, выступающие края пластин обрезались, пропиливались зубья и производилась окончательная отделка (шлифовка, заострение зубьев и т. д.). Для некоторого количества наборных односторонних расчесок финальным моментом было изготовление футляра для хранения, поверхность которого чаще всего соответствовала узору основного изделия (*Меснянкина*, 2008. С. 219; *Седов*, 2007. С. 283. Рис. 294).

Типологии гребней и расчесок

В настоящий момент для определения периода бытования гребней и расчесок Древней Руси отечественными исследователями широко используются две основные типологии, созданные О. И. Давидан и Б. А. Колчиным.

Для односторонних наборных расчесок отдельная типология разработана О. И. Давидан в середине XX в. на основе находок из Старой Ладоги (*Давидан*, 1962. С. 95–101). Согласно ей, все находки можно разделить на две большие группы, в основе дробления которых лежат размеры предметов, а точнее, пропорции боковых накладок и их узор. Гребенки первой группы, самой ранней, бытовали в Старой Ладоге с VII–VIII по XI в., второй – с IX по XI в., а отдельные экземпляры использовались вплоть до середины – рубежа XI–XII вв. (*Меснянкина*, 2008. С. 224; *Фисенко*, 2023. С. 56).

Для простых двусторонних и наборных двусторонних гребней специальная типология была разработана в 50-х гг. XX в. Б. А. Колчиным на основе находок с Неревского раскопа в Великом Новгороде (*Колчин*, 1958. С. 101, 102; *Колчин, Янин*, 1982. С. 166. Рис. 5). Изначально в основе дробления гребней по временным отрезкам лежали форма находок, пропорции, а также характер орнаментации поверхности. В типологии простых двусторонних гребней Б. А. Колчиным было выделено всего 6 разновидностей: типы Д, Л, М, Е, Н и П.П (прямоугольные плоские). Варианты гребней типов Д, М, Е и Н имели трапециевидную форму, и основные различия между ними лежали в форме изгиба боковых граней. Для типа Е помимо формы основным отличительным признаком являлся характерный декор поверхности. Гребни типа Л и П.П. (прямоугольные плоские) имели прямоугольные очертания и различались формой сечения, а также наличием или отсутствием узора. Самими ранними в таблице являются типы Д, Л и М – конец X – начало XIII в. Далее идут типы Е – вторая половина XI – конец XIII в. и Н – начало XII – конец XIV в. Самым поздними являлись прямоугольные плоские гребни, что существовали с начала XIV до конца XV в. Композитные или наборные двусторонние гребни, по Б. А. Колчину, были разбиты на 5 типов (типы О, Ж, З, К и И), в основе различий которых в широком плане лежала форма гребня, а в узком – внешний вид торцевых пластин. Согласно таблице, гребни бывают трапециевидные (типы Ж, З), прямоугольные (тип К) и со скругленными или подтреугольными боками (типы И и О). Типы О и Ж датировались началом XII – концом XIII в., тип З – серединой XII – концом XIII в., тип К – первой половиной XII – первой половиной XIV в. и тип И – концом XII / началом XIII – концом XIV в.

Серьезной критике типологию Б. А. Колчина подвергла Л. И. Смирнова (*Smirnova*, 2005. P. 109). Вновь обратившись к новгородским коллекциям, она

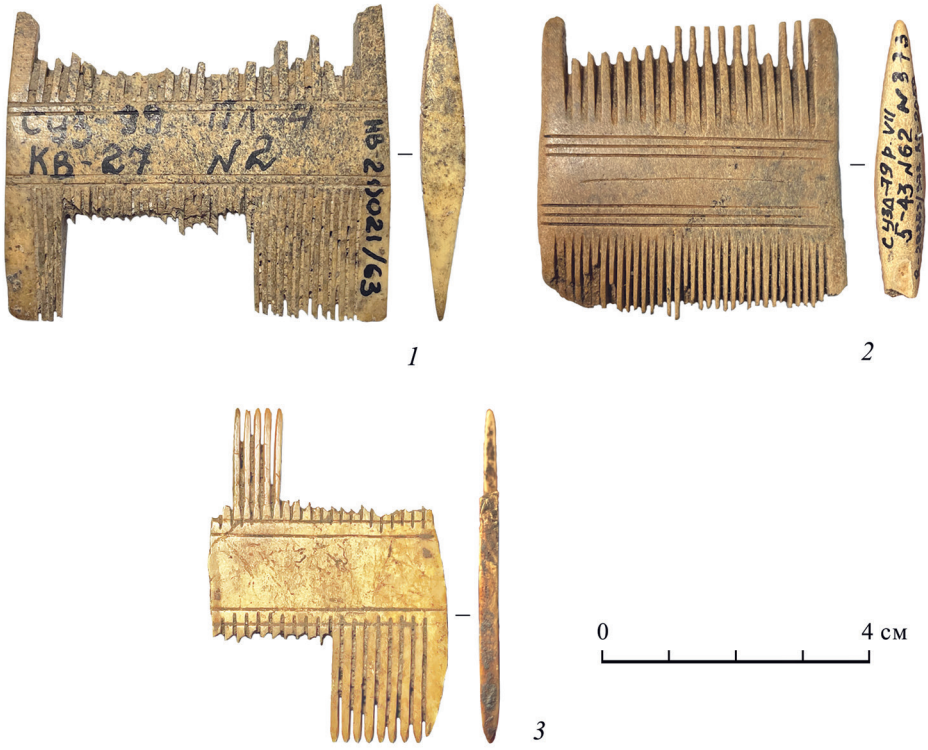

Рис. 4. Примеры неопределенных типов гребней

1 – Седова М. В., 1999, № 2/НВ-20021/63; *2* – Седова М. В., 1979, № 62/В-28863/373; *3* – Беляев Л. А., 2008, № 4

пришла к выводу, что основанная на материалах 50-х гг. XX в. типология нуждается в пересмотре и не может быть использована в существующем виде. Суть претензий заключалась в том, что с постепенным накоплением материалов по новгородским гребням появилось большое количество противоречий, одним из которых было несоответствие форм и характера декора. Она, в частности, указывала, что ранние формы гребней встречаются в более поздних напластованиях, а находки, что считались неорнаментированными, необязательно были лишены декора, и т. д.

Если обратиться с суздальской коллекции, среди общего объема находок также присутствуют помимо широко распространенных на территории Древней Руси форм гребней такие, которые не соответствуют ни одному из выделенных Б. А. Колчиным типов (рис. 4). В связи с этим кажется верным утверждение Л. И. Смирновой, что форма гребня находится в прямой зависимости от пропорций заготовок (*Смирнова*, 1996. С. 74, 75), т. е. от размера исходного сырья.

В свою очередь, Л. И. Смирнова в своей работе «Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An Industry and Transition», опубликованной в 2002 г.

и переизданной в 2005 г. (*Smirnova*, 2005), пришла к выводу, что ни одна из существующих типологий, в том числе созданная для европейский городов, на современном уровне не может считаться удовлетворительной для коллекций предметов личной гигиены из Великого Новгорода и, видимо, как следствие для всей территории Древней Руси.

В настоящее время разработка типологии и хронологии гребней является актуальной задачей, но, к сожалению, коллекция предметов из Суздаля не является для этого подходящим материалом, так как значительная часть находок происходит из перемешанных слоев и не имеет узких датировок.

В связи с этим для систематизации все суздальские двусторонние простые гребни были разделены по форме на две группы – трапециевидные (без учета изгиба боковых граней) и прямоугольные. Для сравнения параллельно будут указаны типологические определения по классификации Б. А. Колчина. Период бытования гребней определен согласно их положению в датированных культурных напластованиях и закрытых комплексах.

Размеры находок

Судить о размерах наборных односторонних расчесок довольно сложно, т. к. в суздальской коллекции они представлены только обломками предметов, боковыми скрепляющими накладками футляров, а также торцевыми и зубчатыми пластинами. Высота – 2,15–3,5 см, толщина зубчатых пластин – 0,19–0,3 см, толщина боковых накладок – 0,12–0,27 см. Не лучше ситуация обстоит и с двусторонними наборными гребнями, где относительно целыми предметами представлены только две находки из раскопок А. С. Дубынина 1939 г. и М. В. Седовой 1982 г. Длина изделий варьирует от 6,8 см до 10,5 см, высота 4,3–5,3 см, толщина торцевых и зубчатых пластин 0,2–0,5 см, толщина скрепляющих накладок – 0,18–0,4 см.

Более полно представлены размеры двусторонних простых гребней: ширина – от 2,8–9,2 см (нижней части) до 1,8–6,54 см (верхней), высота – 3,4–8,1 см, толщина – 0,3–1,3 см.

Для такой редкой категории находок, как односторонние простые расчески, размеры можно установить для двух изделий из раскопок М. В. Седовой 1985 г. в Суздальском кремле и автора статьи 2015 г. с исследований на территории Окольного города. Размеры первого предмета: длина 9 см, высота 3,4 см, толщина 0,3 см; второго – длина 4,7 см, высота 3,29 см, толщина 0,32 см.

Орнамент

Характер орнаментации поверхностей суздальских гребней и расчесок весьма традиционен для территории Древней Руси. Выделяются такие типы орнамента, как линейный (горизонтальные, вертикальные, наклонные и косые линии), кружковый (циркульный), тип «меандр» (от греч. «μαίανδρος», рус. «изгибающийся»), косые насечки, выпуклые каннелюры с циркульными окружностями, а также выступающий в центральной части валик. Отдельно стоит упомянуть о комбинированном узоре, что включал в себя как линейный, циркульный

способы украшения, так и боковые косые насечки, выпуклые каннелюры, образующие объемные окружности или подпрямоугольные плоскости.

У односторонних простых расчесок декорировалась только верхняя часть. Из 4 предметов один был украшен пояском из парных линий и чередующихся двойных кружков, два других – одиночными и парными поясками с орнаментом типа «меандр». Последняя находка не была орнаментирована.

У односторонних наборных расчесок декорировались только боковые накладки как самого предмета, так и его футляра. Они украшались поясками из парных линий с вписанными в них двойными кружками, вертикальными линиями (по краям боковых накладок). Единственным экземпляром представлен обломок боковой панели чехла от односторонней наборной расчески, на поверхности которого помимо вертикальных линий был нанесен узор из двух рядов двойных пересекающихся линий (похожих на букву Х). Близким типом орнамента был украшен обломок односторонней расчески, обнаруженный в Сарском городище (*Эдинг*, 1928. Табл. IV: *13*).

В наборных двусторонних гребнях украшались боковые скрепляющие накладки, реже торцевые пластины. В двух случаях на боковых скрепляющих накладках был встречен сложный комбинированный узор из чередующихся горизонтальных линий, кружкового орнамента, а также косых линий. Помимо этого, металлические заклепки на боковых панелях наборных двусторонних гребней также могли выступать в качестве декоративного элемента (*Smirnova*, 2005. P. 282).

У простых двусторонних гребней и односторонних расчесок украшению подвергалась центральная площадка. Реже узоры наносились на боковые и нижние части предметов.

Все собранные в коллекцию простые двусторонние гребни по способу орнаментации можно разделить на: неорнаментированные 17 %; с одиночными линиями по краям центральной площадки 7 %; с двойными линиями по краям центральной площадки 6 %; с тройными линиями по краям центральной площадки 13 %; с частым линейным орнаментом (четыре или более линий) 18 %; с циркульным орнаментом 5 %; с узором типа «меандр» 1 %; с комбинированным декором из линий и поясков с узором типа «меандр» 9 %; с комбинированным декором из линий и кружков (циркульный орнамент) 14 %; с комбинированным линейным декором (линии, зигзаги) 1 %; со сложным комбинированным декором (линии, циркульный орнамент, боковые косые насечки, противостоящие треугольные углубления, валики) 4 %; с тремя линиями 1 %; с резным орнаментом по торцевой части 1 % (рис. 5; 6).

Какого-то определенного типа орнаментации поверхности гребней и расчесок, присущей тому или иному хронологическому отрезку, выделить не удалось. Наиболее часто встречаемые формы декорирования фиксируются как на находках из ранних напластований XI–XII вв., так и в более поздних. Из общего числа выделяются только неорнаментированные предметы (исключая прямоугольные плоские гребни), основной объем которых был встречен только в слоях XII–XIV вв. На предметах, датированных XII–XIII вв., чаще встречаются простые формы орнамента, такие как линейный, а также его сочетание с циркульным и узором типа «меандр».

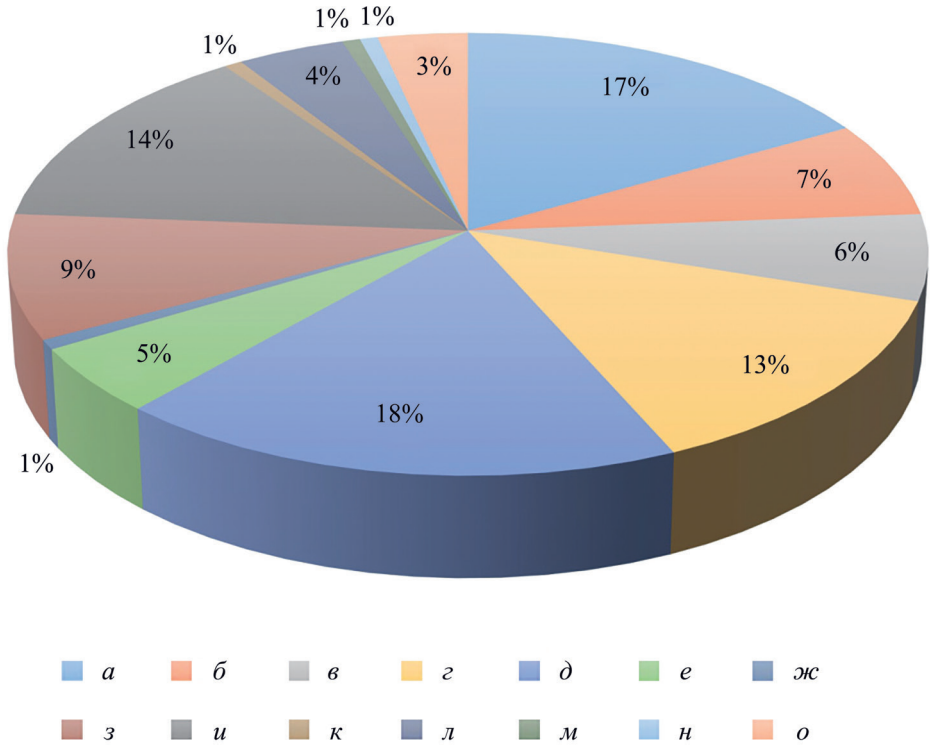

Рис. 5. Гистограмма орнамента двусторонних простых гребней

а – неорнаментированные; *б* – одиночные линии по краям; *в* – парные линии по краям; *г* – тройные линии по краям; *д* – частый линейный орнамент (четыре или более линий); *е* – циркульный (кружковый орнамент); *ж* – орнамент типа «меандр»; *з* – комбинированный (линейный, «меандр»); *и* – комбинированный (линейный, циркульный); *к* – комбинированный (линейный, зигзаг); *л* – сложный комбинированный (линейный, «меандр», циркульный, боковые насечки); *м* – три линии; *н* – резной орнамент торцевой части; *о* – остальные (обломки и заготовки гребней)

Хронология находок

Из четырех **односторонних простых расчесок** три были найдены в переотложенном состоянии и только одна из них происходит из заполнения ямы 7, что по сопутствующему материалу была датирована М. В. Седовой периодом XI в. (*Седова*, 1986. С. 56) (рис. 4).

Для **односторонних наборных расчесок** датировки определены для семи находок: четыре происходят из остатков сооружений и ям, датированных М. В. Седовой в рамках XI в. (*Седова*, 1980. С. 115, 159; *Седова*, 1997. С. 86, 87, 88–90. Рис. 21; 24), набор боковых панелей и торцевой планки от одного футляра (3 предмета) из объекта 8, датированного XI – первой половиной XII в. (*Федорина*, 2012. С. 50–52), оставшиеся предметы обнаружены в слоях XII–XIII вв. (Там же. С. 53–56)

и XII–XIV вв. (*Седова*, 1990. С. 30. Рис. 26), хотя с большей долей вероятности последние расчески находились в переотложенном состоянии.

Из 18 находок **двусторонних наборных гребней** датировки удалось установить для трех предметов, происходящих из раскопов по ул. Ленина, д. 82 (исследования А. А. Карпухина в 2012 г.), ул. Теремки, д. 12 (исследования автора в 2015 г.) и Свято-Ризоположенского женского монастыря (исследования М. В. Седовой в 1991 г.). Первая находка представлена обломком и происходит из заполнения средневекового объекта 8 XIII–XV вв. (*Карпухин*, 2013. С. 63). Вторая находка представлена обломком прямоугольного гребня (тип К, по Б. А. Колчину), что найден в крупном объекте 4 XII–XIV вв. (*Баранов*, 2016. С. 109. Рис. 365). Последняя была датирована по культурному слою конца XII – первой половины XIII в.

Из 147 **простых двусторонних гребней** 63 предмета найдены либо в техногенном балластном слое, либо в поздних культурных напластованиях, насыщенных находками Нового времени. Восемь находок имеют широкую датировку, ограниченную рамками более трех столетий.

Наиболее ранние находки трапециевидных гребней были встречены в напластованиях, датированных XI–XII вв. Всего их найдено 8 экз., из них 7 предметов можно отнести к типу Д и один к типу Н, по Б. А. Колчину. Основной пик выпадения трапециевидных гребней в культурный слой города приходится на отрезок XII – первая половина XIII в., где общее количество находок достигает 36 экз. (типы Д, Н, М). С середины – второй половины XIII в. количество находок трапециевидных гребней заметно сокращается, хотя единичные экземпляры встречаются в слоях XIII – конца XIV в.

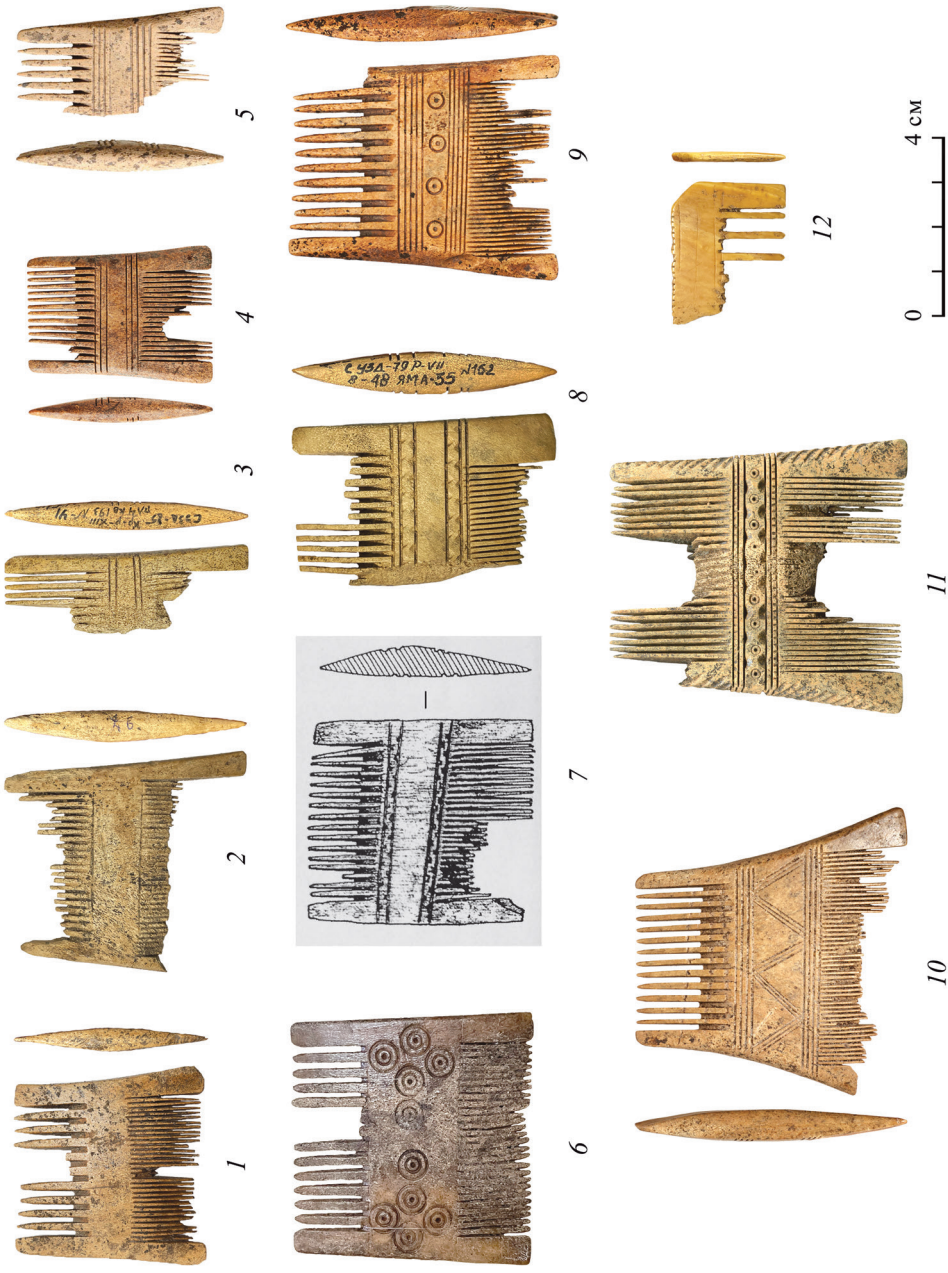
Небольшое количество простых двусторонних гребней прямоугольной формы (тип Л) были встречены только в слоях конца XII – XIII в.

Что же касается гребней с округлыми или незначительно скругленными боковыми гранями, то только две находки имеют датировки. Одна из них происходит из слоя XI–XII вв., а другая обнаружена в напластованиях XIII – первой половины XIV в.

Из общего числа прямоугольных плоских гребней (П.П.) датировки имеют два предмета. Находки обнаружены при исследованиях на ул. Торговая площадь, д. 20 (работы автора в 2017 г.) и на ул. Слободская д. 47–49 (работы О. А. Несмиян в 2010–2011 гг.). Первая происходит из верхней части заполнения объекта, датированного началом XIV – XV в. (*Баранов*, 2018. Рис. 183, 190), вторая из культурного слоя XV–XVII вв. (*Несмиян*, 2012. С. 71, 72. Рис. 463). Датировка последней находки не противоречит исследованиям на памятниках с поздним средневековым слоем XV–XVII вв., таким как, к примеру, Переславль Рязанский (современная Рязань) (*Козлова*, 2011. С. 146, 147; *Завьялов*, 2013. С. 28, 29, 42, 46).

Заключение

Собранная за долгие годы исследований коллекция предметов личной гигиены из Суздаля XI–XV вв. весьма представительна и информативна. Она включает почти все общерусские типы средневековых гребней, что были встречены

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
0
4 см

в ходе изучения таких крупных памятников, как Великий Новгород, Тверь, Старая Рязань, Смоленск и т. д., хотя уступает им как по общему количеству, так и по разнообразию форм.

Вне всякого сомнения, большую часть спроса на предметы по уходу за волосами удовлетворялась суздальскими ремесленниками, хотя полноценно отличить местные поделки от привозных на данном уровне изучения довольно сложно. На собственное локальное производство гребней указывают не только находки бракованного гребня и заготовки, но и обнаружение трех производственных площадок косторезов. Два участка открыты при исследовании кремлевской части города Н. Н. Ворониным в 1958 г. и М. В. Седовой в 1988 г. Здесь на основе собранного материала было установлено, что средневековые мастера занимались изготовлением костяных крестов-тельников, гребней и рукоятей ножей (*Седова*, 1997. С. 178). Местоположение еще одной мастерской было локализовано на неукрепленном посаде раскопками 1991 и 2001 гг. под руководством М. В. Седовой (территория Свято-Ризоположенского женского монастыря). На этом участке было зафиксировано совмещение ремесел: железоделательного, ювелирного и косторезного, где помимо прочих находок были найдены готовые костяные рукояти ножей, их полуфабрикаты, брак и производственный сброс, а также бракованные криновидные крестики (*Нестерова*, 2007. С. 119).

В плане пространственного распределения предметов для ухода за волосами ожидаемо основная масса находок была обнаружена в кремлевской части Суздаля и несколько меньше в примыкающем к нему Окольном городе. На территории открытых посадов за пределами укреплений общий объем заметно сокращается, где, за редким исключением, находки гребней и расчесок носят единичный характер или вовсе отсутствуют.

В выборе сырья для производства гребней и расчесок предпочтение отдавалось плотному рогу семейства оленьих и в наименьшей степени – трубчатым костям крупных копытных млекопитающих. В способе декорирования поверхности доминировали простые формы, такие как линия и круг, а также их сочетание.

Проведенный хронологический анализ предметов, основанный на архивных данных и научных публикациях, показал, что выпадение наибольшего количества находок в культурный слой приходится на XII–XIII вв. Этот отрезок времени характеризуется не только интенсивным ростом территории Суздаля и увеличением его населения, но и переориентацией местных мастеров-косторезов с обслуживания потребностей одной или нескольких привилегированных семей

Рис. 6 (с. 322). Примеры орнамента двусторонних гребней из Суздаля

1 – неорнаментированные; *2* – одиночные линии по краям; *3* – парные линии по краям; *4* – тройные линии по краям; *5* – четыре или более линий по краям; *6* – циркульный (кружковый орнамент); *7* – орнамент типа «меандр»; *8* – комбинированный (линейный, «меандр»); *9* – комбинированный (линейный, циркульный); *10* – комбинированный (линейный, зигзаг); *11* – сложный комбинированный (линейный, «меандр», циркульный, косые боковые насечки); *12* – три линии

к удовлетворению рыночного спроса со стороны городского населения. На это указывают массовость гребней простых форм, а также относительно однообразный способ украшения их поверхности.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов Н. А., 2016. Отчет о проведении научных изысканий (археологических раскопок) на ул. Теремки, д. 12 в Окольном городе г. Суздаля во Владимирской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. № 50042–50048.

Баранов Н. А., 2018. Отчет о проведении археологических исследований (раскопок) в г. Суздаль по адресам: ул. Алексея Лебедева д. 15–17 и ул. Торговая площадь, д. 20 во Владимирской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. № 56621–56623.

Боруцкий В., 1913. Кустарные промыслы по обработке рогов и костей // Кустарная промышленность в России. Т. 2. СПб.: Якорь. С. 473–490.

Давидан О. И., 1962. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник. Вып. 4. С. 95–108.

Завьялов В. И., 2013. Исследования житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского в (2007–2009 гг.) // Материала по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань: Рязанкий ист.-архитектур. музей-заповедник. С. 20–69.

Карпухин А. А., 2013. Отчет о результатах охранных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на участке застройки по адресу г. Суздаль, ул. Ленина, д. 82 в 2012 г. в 4-х томах // Архив ИА РАН. № 34774–3477.

Козлова Т. Н., 2011. Костяные изделия позднего средневековья // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань: Рязанкий ист.-архитектур. музей-заповедник. С. 139–146.

Колчин Б. А., 1958. Хронология новгородских древностей // СА. № 2. С. 92–111.

Колчин Б. А., 1985. Обработка кости // Древняя Русь: город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука. 431 с.

Колчин Б. А., Янин В. Л., 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 3–137.

Кондратьева О. А., 2011. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России // Археологические и этнографические очерки. СПб.: РЭМ. 242 с.

Меснянкина С. В., 2008. Изделия из кости и рога // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.: Наука. С. 215–253.

Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань. М.: АН СССР. 228 с.

Несмиян О. А., 2012. Отчет об археологических исследованиях в городе Суздале, улица Слободская, 47–49 в 2010–2011 гг. // Архив ИА РАН. № 30726–30728.

Нестерова Н. В., 2007. Косторезное ремесло древнего Суздаля по материалам раскопок // АВСЗ. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 116–121.

Пальцева Д. У., 2020. Костяные изделия городов Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой орды X–XIV вв.: дис. … канд. ист. наук. Казань. 208 + 194 с.

Седов В. В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука. 413 с.: ил.

Седова М. В., 1980. Отчет о раскопках в Суздале в 1979 г. // Архив ИА РАН. № 7425.

Седова М. В., 1986. Отчет Владимиро-Суздальской экспедиции об археологических раскопках во Владимирской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. № 11196, 11196а.

Седова М. В., 1990. Отчет о раскопках в г. Суздаль в 1989 г. // Архив ИА РАН. № 14564, 14565.

Седова М. В. 1997. Суздаль в X–XV вв. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир». 320 с.

Сергєєва М.С., 2011. Косторізна справа у Стародавньому Києві. Киев. 256 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. 4 т.

Смирнова Л. И., 1995. Состав сырья косторезов Древнего Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства по материалам Троицкого раскопа) // НИЗ. Вып. 9. Новгород. С. 114–129.

Смирнова Л. И., 1996. Новгородские гребни из моржового клыка // НИЗ. Вып. 9. Новгород. С. 70–80.

Телецкий Г. И., 1892. Производство роговых и костяных изделий. Екатеринослав: Типо-литогр. Губ. правл. 41 с.
Федорина А. Н., 2012. Отчет о проведении охранных археологических исследований по адресу г. Суздаль, ул. Ленина, д. 76 в 2011 г. // Архив ИА РАН. № 35841.
Федоров П. А., 1903. Выделка роговых и костяных изделий: практ. руководство для любителей по производству гребней и др. изделий из рога, кости, черепахи, перламутра и т. д. СПб.: М. П. Петров. 39 с., 25 ил.
Фехнер М. В., 1963. Изделия костерезного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. М.: Сов. Россия. С. 39–42
Фисенко А. В., 2023. Косторезная мастерская гребенщика XI–XII вв. на территории района Завеличье г. Пскова // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 19. № 1. С. 49–63.
Эдинг Д. Н., 1928. Сарское городище. Ростов Ярославский: Ростов. гос. музей. 107 с.

Ambrosiany K., 1981. Viking age combs, comb making and comb makers in the light of finds from Birka and Ribe. Stockholm. 175 p.
Cnotliwy E., 1973. Rzemiosło rogownicze na Pomorzu wczesnośredniowiecznym. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich. 331 s.
Eckhoff N. A., 2014. Tracing Paths. A Study of Combs from Viking Age Iceland. Oslo. 100 p.
MacGregor A., 1985. Bone antler ivory and horns. The technology skeletal materials since the Roman period. London: Croom Helm, Barnes & Noble. 245 p.
Smirnova L. I., 2005. Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450). An industry and transition. Oxford: Archaeopress. 334 p.
Ulbricht I., 1978. Die Geweihverarbeitung in Haithabu. Neumünster: Wachholtz. 151 p. (Die Ausgrabungen in Haithabu; Band 7.)

Сведения об авторе

Баранов Николай Анатольевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292, Россия; e-mail: dr.till2011@yandex.ru

N. A. Baranov

DOUBLE-SIDED COMBS AND ONE-SIDED COMBS FROM ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN SUZDAL

Abstract. The article analyzes simple and composite double-sided combs and one-sided combs. The artifects were collected during archaeological research in Suzdal from 1936 to 2022. Special attention is paid to the spatial distribution and context of the finds, the raw materials used, the methods of manufacture, the structure, the surface ornamentation patterns, as well as the period of their existence.

Keywords: Suzdal, medieval period, simple and composite double-sided and one-sided combs.

REFERENCES

Baranov N. A., 2016. Otchet o provedenii nauchnykh izyskaniy (arkheologicheskikh raskopok) na ul. Teremki, d. 12 v Okolnom gorode g. Suzdalya vo Vladimirskoy oblasti v 2015 g. [Report on scientific research (archaeological excavations) at 12 Teremki St. in Okolnyy gorod of Suzdal, Vladimir region in 2015]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Baranov N. A., 2018. Otchet o provedenii arkheologicheskikh issledovaniy (raskopok) v g. Suzdal' po adresam: ul. Alekseya Lebedeva d. 15–17 i ul. Torgovaya ploshchad', d. 20 vo Vladimirskoy

oblasti v 2017 g. [Report on archaeological research (excavations) in Suzdal at 15–17 Aleksey Lebedev St. and 20 Torgovaya Square St., Vladimir region in 2017]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Borutskiy V., 1913. Kustarnye promysly po obrabotke rogov i kostey [Handicrafts for processing horns and bones]. *Kustarnaya promyshlennost' v Rossii [Handicrafts in Russia]*, 2. St. Petersburg: Yakor', pp. 473–490.

Davidan O. I., 1962. Grebni Staroy Ladogi [Combs of Staraya Ladoga]. *ASGE*, 4. Leningrad, pp. 95–108.

Eding D. N., 1928. Sarskoe gorodishche [Sarskoe hillfort]. Rostov Yaroslavskiy: Rostovskiy gosudarstvennyy muzey. 107 p.

Fedorina A. N., 2012. Otchet o provedenii okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy po adresu g. Suzdal', ul. Lenina, d. 76 v 2011 g. [Report on conduct of archaeological rescue investigations at Suzdal, Lenin St., 76 in 2011]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Fedorov P. A., 1903. Vydelka rogovykh i kostyanykh izdeliy: prakticheskoe rukovodstvo dlya lyubiteley po proizvodstvu grebney i drugikh izdeliy iz roga, kosti, cherepakhi, perlamutra i t. d. [Antler and bone making: practical guide for hobbyists on production of combs and other products made of antler, bone, tortoise shell, mother of pearl, etc.]. St. Petersburg: M. P. Petrov. 39 p., 25 ill.

Fekhner M. V., 1963. Izdeliya kostereznogo proizvodstva [Bone-cutting products]. *Yaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. [Yaroslavl Volga region X–XI cc.]*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 39–42.

Fisenko A. V., 2023. Kostoreznaya masterskaya grebenshchika XI–XII vv. na territorii rayona Zavelich'e g. Pskova [Bone–cutting workshop of a comb-maker of XI–XII cc. in Zavelichye district of Pskov]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy [Bulletin of Laboratory of ancient technologies]*, vol. 19, no. 1, pp. 49–63.

Karpukhin A. A., 2013. Otchet o rezultatakh okhrannykh rabot Suzdalskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN na uchastke zastroyki po adresu g. Suzdal, ul. Lenina, d. 82 v 2012 g. v 4-kh tomakh [Report on results of rescue work of Suzdal archaeological expedition of IA RAS at construction site 82 Lenin St., Suzdal in 2012, in 4 vols.]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Kolchin B. A., 1958. Khronologiya novgorodskikh drevnostey [Chronology of Novgorod antiquities]. *SA*, 2, pp. 92–111.

Kolchin B. A., 1985. Obrabotka kosti [Bone processing]. *Drevnyaya Rus': gorod, zamok, selo [Ancient Rus: city, castle, village]*. B. A. Kolchin, ed. Moscow: Nauka. 431 p.

Kolchin B. A., Yanin V. L., 1982. Arkheologii Novgoroda 50 let [50 years of Novgorod archaeology]. *Novgorodskiy sbornik 50 let raskopok Novgoroda [Novgorod collection of 50 years of excavations in Novgorod]*. Moscow: Nauka, pp. 3–137.

Kondratyeva O. A., 2011. Grebni IX–XIX vv. v bytu, obryadakh, folklore, remesle i khudozhestvennom tvorchestve Drevney Rusi – Rossii [Combs of IX–XIX cc. in everyday life, rituals, folklore, crafts and artistic creativity of Ancient Rus – Russia]. *Arkheologicheskie i etnograficheskie ocherki [Archaeological and ethnographic essays]*. St. Petersburg: REM. 242 p.

Kozlova T. N., 2011. Kostyanye izdeliya pozdnego srednevekov'ya [Bone products of Late Middle Ages]. *Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo [Materials on archaeology of Pereyaslavl Ryazansky]*, 1. Ryazan: Ryazanskiy istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik, pp. 139–146.

Mesnyankina S. V., 2008. Izdeliya iz kosti i roga [Items made of bone and antler]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vv.: srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere [Archaeology of Northern Russian village of X–XIII cc.: medieval settlements and cemeteries on Kubenskoe Lake]*, 2. Moscow: Nauka, pp. 215–253.

Mongayt A. L., 1955. Staraya Ryazan [Staraya Ryazan]. Moscow: AN SSSR. 228 p.

Nesmiyan O. A., 2012. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v gorode Suzdale, ulitsa Slobodskaya, 47–49 v 2010–2011 gg. [Report on archaeological research in Suzdal, Slobodskaya St., 47–49 in 2010–2011]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Nesterova N. V., 2007. Kostoreznoe remeslo drevnego Suzdalya po materialam raskopok [Bone-cutting craft of ancient Suzdal based on excavation materials]. *AVSZ*, 1. Moscow: IA RAN, pp. 116–121.

Paltseva D. U., 2020. Kostyanye izdeliya gorodov Volzhskoy Bulgarii i Bolgarskogo ulusa Zolotoy ordy X–XIV vv.: dissertatsiya … kandidata istoricheskikh nauk [Bone products from cities of Volga Bulgaria and Bulgar ulus of Golden Horde of X–XIV cc.: PhD dissertation]. Kazan. 208 + 194 p.

Sedov V. V., 2007. Izborsk v rannem srednevekov'e [Izborsk in early Middle Ages]. Moscow: Nauka. 413 p.: ill.

Sedova M. V., 1980. Otchet o raskopkakh v Suzdale v 1979 g. [Report on excavations in Suzdal in 1979]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Sedova M. V., 1986. Otchet Vladimiro-Suzdalskoy ekspeditsii ob arkheologicheskikh raskopkakh vo Vladimirskoy oblasti v 1985 g. [Report of Vladimir-Suzdal expedition on archaeological excavations in Vladimir region in 1985]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Sedova M. V., 1990. Otchet o raskopkakh v g. Suzdal v 1989 g. [Report on excavations in Suzdal in 1989]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)
Sedova M. V., 1997. Suzdal v X–XV vv. [Suzdal in X–XV cc.] Moscow: Informatsionno-izdatelskoe agentstvo «Russkiy mir». 320 p.
Sergeeva M. S., 2011. Kostorizna sprava u starodavn'omu Kievi [Bone-cutting craft in ancient Kiev]. Kiev. 256 p.
Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. A. P. Evgen'eva, ed. 4th edition. Moscow: Russkiy yazyk: Poligrafresursy, 1999. 4 vols.
Smirnova L. I., 1995. Sostav syr'ya kostorezov drevnego Novgoroda (opyt analiza otkhodov kostoreznogo proizvodstva po materialam Troitskogo raskopa) [Structure of raw materials of bone-cutting craft of ancient Novgorod (experience in analyzing bone-cutting waste based on materials of Troitskiy excavation trench)]. *NNZ*, 9, pp. 114–129.
Smirnova L. I., 1996. Novgorodskie grebni iz morzhovogo klyka [Novgorod combs made of walrus tusk]. *NNZ*, 9. Novgorod, pp. 70–80.
Teletskiy G. I., 1892. Proizvodstvo rogovykh i kostyanykh izdeliy [Production of antler and bone items]. Ekaterinoslav: Tipo-litografiya Gubernskogo pravleniya. 41 p.
Zavyalov V. I., 2013. Issledovaniya Zhitnogo raskopa v kremle Pereyaslavlya Ryazanskogo v (2007–2009 gg.) [Studies of Zhitnyy dig in the Kremlin of Pereyaslavl Ryazansky (2007–2009)]. *Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo [Materials on archaeology of Pereyaslavl Ryazansky]*, 2. Ryazan: Ryazanskiy istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik, pp. 20–69.

About the author

Baranov Nikolay A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: dr.till2011@yandex.ru

А. М. Колоколов

НАХОДКА САБЛИ X–XI вв. В ПРИГОРОДЕ г. ТУЛЫ

Резюме. Сабля, анализ которой приведен в данной статье, – первая и на сегодняшний день единственная находка длинноклинкового оружия, относящегося к эпохе формирования древнерусского государства на территории Окско-Донского региона. Она обнаружена на северо-западной окраине городского округа Тулы, в окрестностях д. Конино, в бассейне р. Упки – правого притока р. Упы. Полевые работы на месте обнаружения сабли не выявили культурного слоя поселения, остатков захоронения либо следов ритуальных действий. На основании анализа конструктивных элементов и художественных особенностей оружия предмет можно датировать в рамках второй половины X – первой половины XI в. Таким образом, находка связана с группой памятников среднего и позднего периодов, возникших после гибели Супрутского городища. Ближайший памятник этого времени – городище у д. Кетри, расположенное в 3,6 км к западу от местонахождения сабли.

Ключевые слова: Верховья Оки и Дона, г. Тула, д. Конино, сабля, вторая половина X – первая половина XI в.

Находка, анализу которой посвящена эта статья, является первым и на сегодняшний день единственным экземпляром длинноклинкового оружия X–XI вв., обнаруженным на территории Окско-Донского региона за всю историю археологических исследований.

Административно место нахождения сабли расположено на территории Зареченского территориального округа муниципального образования г. Тула[1], в 750 м к юго-юго-востоку от д. Конино (рис. 1: *II: 3*; 2), сабля была обнаружена в 2022 г. на левом берегу безымянного оврага (левого притока р. Упки, правого притока р. Упы) в ходе сбора металлолома местными жителями (рис. 2). Находка была передана в музей-заповедник «Куликово поле» (Фонды ГМЗ «Куликово

[1] В недавнем прошлом, а также согласно Археологической карте России, эта территория входила в состав Ленинского района Тульской области.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.328-341

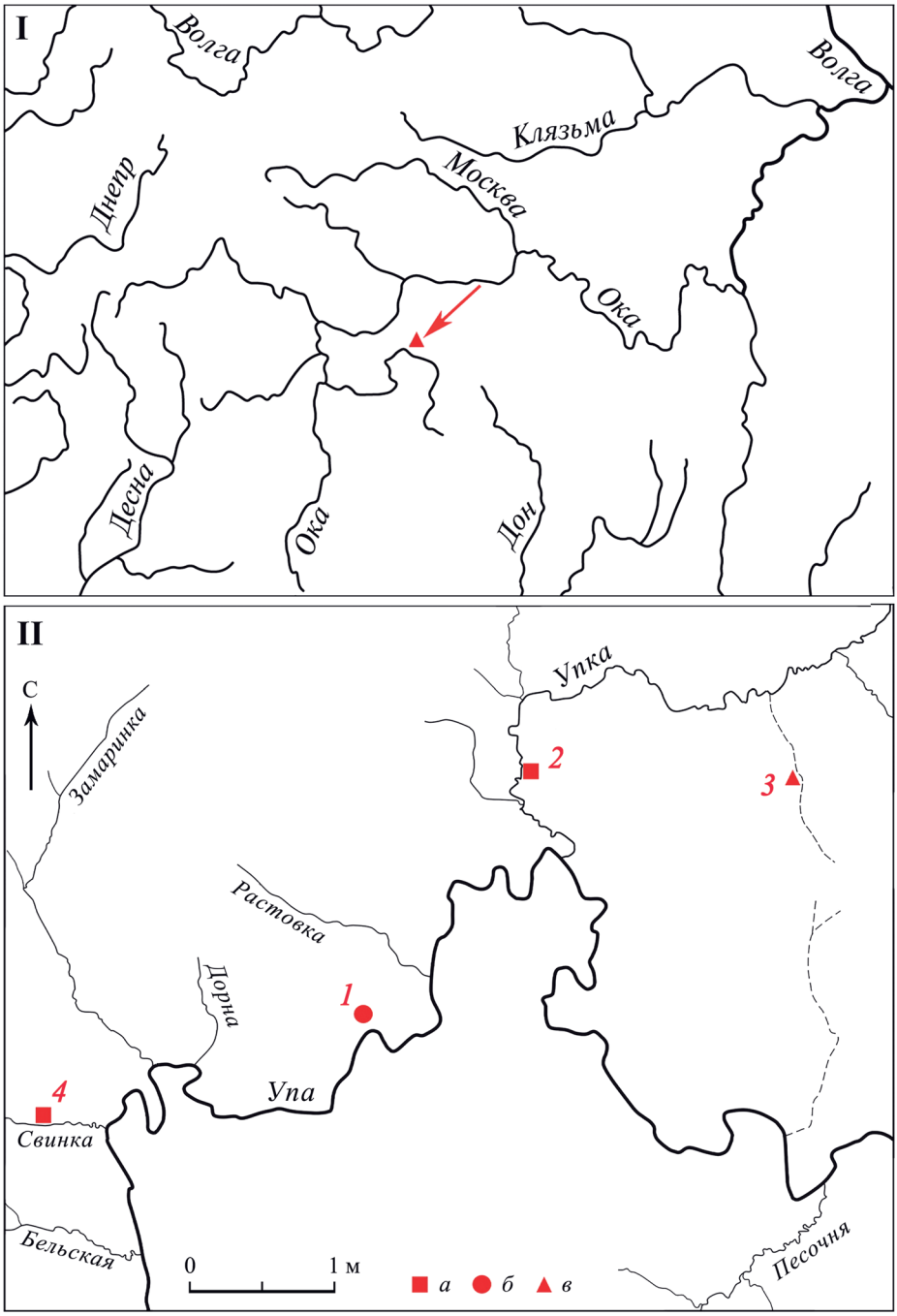

Рис. 1. Географическое расположение находки

I – место обнаружения сабли; *II* – памятники IX – середины XI в., расположенные в районе места нахождения сабли

1 – Изволь 1; *2* – Кетри; *3* – Конино; *4* – Першино

Условные обозначения: *а* – городище; *б* – селище; *в* – местонахождение

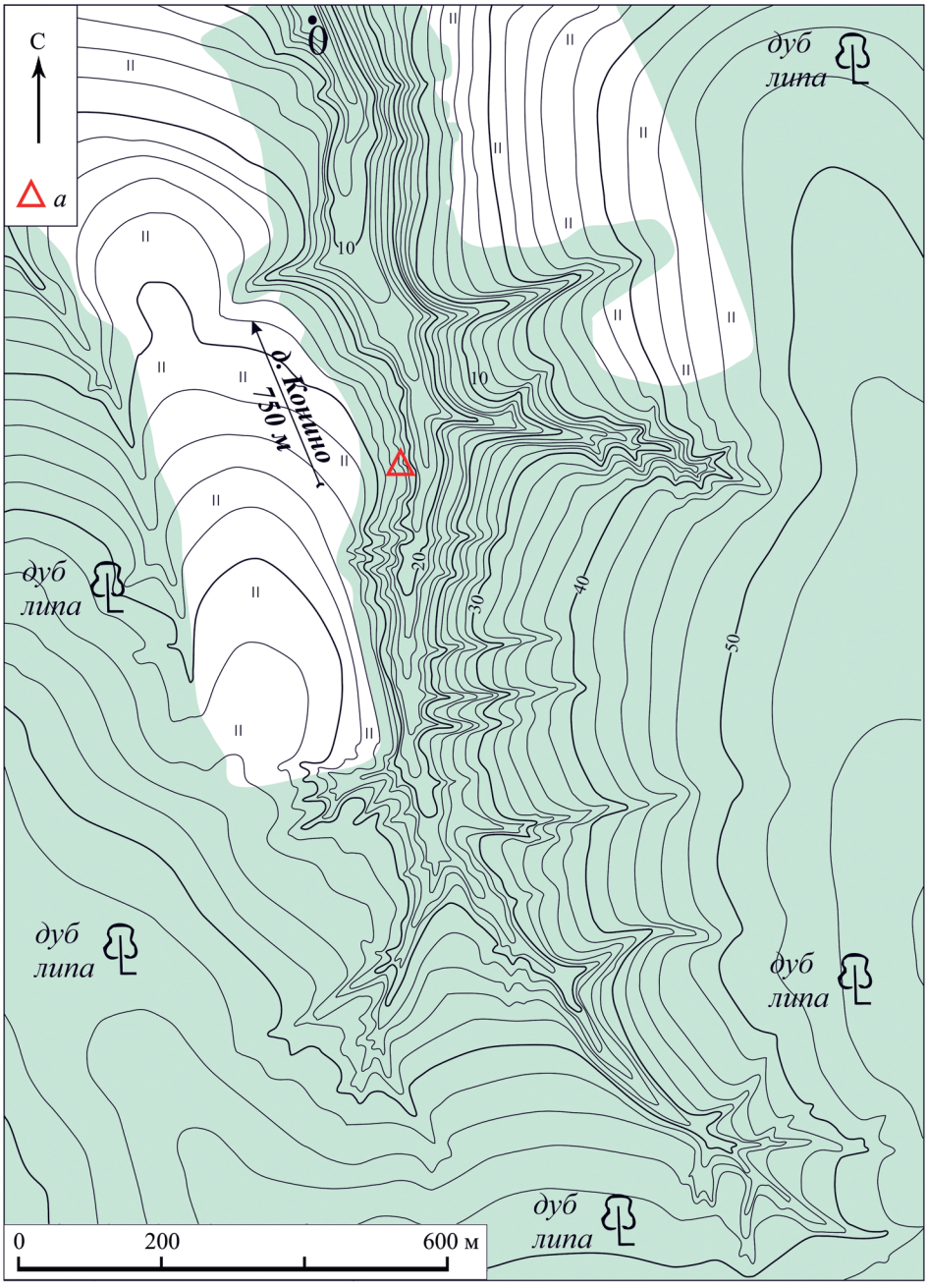

Рис. 2. Район местонахождения сабли. Топографический план

Сечение горизонталей – 2,5 м

Условные обозначения: *а* – местонахождение сабли

поле», ВХ-2381/18), с точным указанием места обнаружения[2]. По свидетельству нашедшего, подтвержденному затем осмотром места находки, предмет располагался в земле горизонтально, на глубине 15–20 см от уровня современной дневной поверхности. Судя по ориентировке разрытия, находка располагалась по линии север – юг, т. е. параллельно руслу оврага. Согласно архивным данным и списку выявленных объектов культурного наследия Тульской области[3], памятников археологии в районе обнаружения сабли известно не было (АКР…, 2002. С. 145–166). Сотрудниками ТАЭ (Тульской археологической экспедиции Государственного музея-заповедника «Куликово поле») было проведено тщательное обследование места находки, а также его окрестностей. В результате проведенных работ признаков памятника археологии не обнаружено. Непосредственно на месте обнаружения сабли был заложен шурф. Культурного слоя поселения, остатков захоронения либо следов ритуальных действий зафиксировано не было. Проведенные полевые работы, а также факт обнаружения сабли, отражены в научном отчете, который был рассмотрен и утвержден на заседании Научного совета по полевым исследованиям (*Простяков*, 2022. С. 31–32. Рис. 54–60).

Предмет представляет собой длинноклинковое холодное оружие колюще-рубящего действия[4]. Орудие имеет прямой клинок, длина которого составляет 81,5 см, ширина – 3,3 см, толщина – 0,5 см. В его нижней части расположена фигурная накладная обойма в виде двусторонней железной пластины (рис. 3: *1, 2*). Длина обоюдоострой части составляет 60,5 см (74 % общей длины клинка), при ее переходе в обух имеется выступ на 1,5 мм. Ширина дола – 1,3 см, в нижней части клинка он смещен в сторону обуха. Несмотря на тщательно проведенную реставрацию, клейм на клинке не обнаружено[5]. Рукоять прямоугольного сечения, с двумя сквозными отверстиями, в одном из которых сохранился фрагмент заклепки, имеет длину 7,8 см, угол наклона – 8°. Перекрестие сабли имеет челнокообразную форму с шарообразными окончаниями на концах и ромбическим расширением посередине. С внешней стороны перекрестие украшено серебряной плакировкой. Она сохранилась фрагментарно и представляет собой сложный растительный узор (рис. 3: *3*).

Следует отдельно остановиться на определении типа оружия, т. к. клинок, лишенный изгиба, позволяет применять к рассматриваемой находке термин «палаш», весьма популярный в научной литературе (см., например, *Комар*, 1999. С. 128–129). Дискуссия относительно разделения предметов раннесредневекового клинкового оружия с малым изгибом клинка на сабли и палаши длится

[2] Выражаю благодарность Александру Игоревичу Макарову и Юрию Юрьевичу Петрову за посредничество в передаче находки в музей, а также за помощь в проведении полевых работ на месте ее обнаружения.

[3] Приказ министра культуры и туризма Тульской области № 45 от 06.03.2014 г. (в ред. от 12.03.2015 г.) Приложение № 14.

[4] В настоящий момент находка экспонируется в составе выставки «Воины Великой степи. Юг русской равнины VIII–X вв.» Государственного музея-заповедника «Куликово поле».

[5] Выражаю благодарность Виталию Николаевичу Шмелеву за реставрацию и консервацию находки.

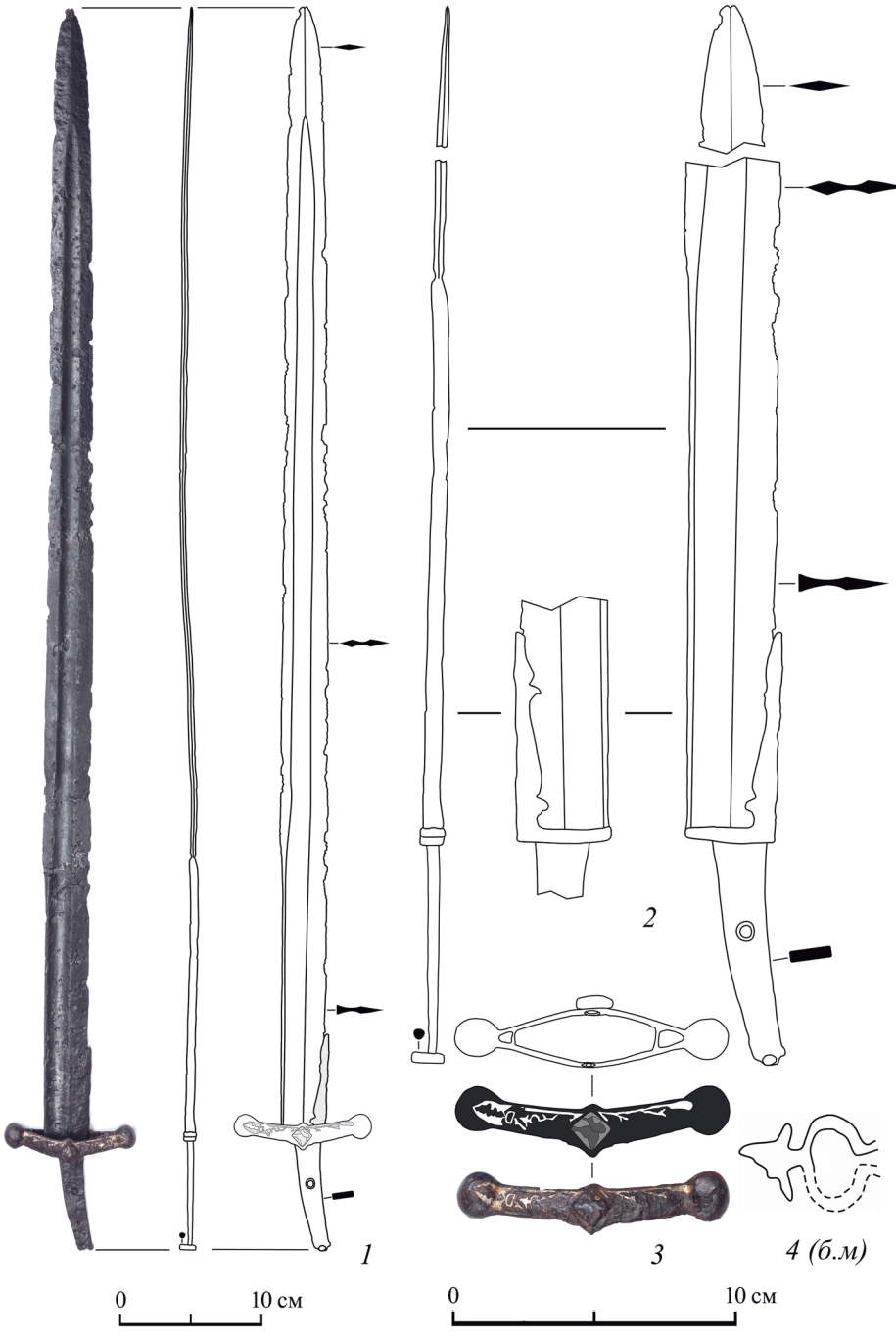

Рис. 3. Сабля, обнаруженная в окрестностях д. Конино, МО, г. Тула

1 – изделие целиком; *2* – верхняя четверть сабли с черешком и обоймой; *3* – перекрестие; *4* – основной художественный элемент орнаментации перекрестия

не одно десятилетие, и окончательного мнения на сегодняшний день нет (*Владимиров*, 2017. С. 56–59). Учитывая значительный угол наклона черенка рукояти к клинку, что является характерным признаком сабли, а также во избежание терминологической путаницы, здесь и далее в отношении нашей находки мы будем использовать наименование «сабля».

Отсутствие сопутствующего материала и надежного археологического контекста не позволяет уверенно датировать находку. Полной аналогии изделию обнаружить также не удалось, хотя схожие экземпляры вооружения в литературе известны. Например, очень близкую морфологию клинка и перекрестия имеет венгерская сабля, обнаруженная в окрестностях Аугсбурга (*Schulze-Dörrlamm*, 2006. P. 50. Fig. 11). Исследователи связывают эту находку с событиями битвы на реке Лех в 955 г. (*Schulze-Dörrlamm*, 2006. P. 51; *Grygiel*, 2023. S. 132). Тем не менее единственная возможность определить хронологическую позицию предмета – рассмотреть отдельные наиболее характерные его элементы в свете известных на сегодняшний день аналогий.

Прежде всего необходимо рассмотреть морфологию сабельного клинка. Наиболее дробная их типология предложена У. Ю. Кочкаровым, согласно которой рассматриваемая находка относится к типу I – «прямые клинки, длина которых колеблется от 57 до 80 см, ширина полосы клинка от 2,6 до 4,5 см, кривизна полосы не превышает 1 см» (*Кочкаров*, 2008. С. 26; 134. Табл. VI: *1*). Изделия этого типа встречаются как в степных древностях VIII–IX вв., так и в северокавказских комплексах с конца XI – XIII в. (Там же. С. 26).

Наиболее близкой морфологией к рассматриваемому изделию, обладает клинок из погр. 1 к. 2 адыгейского могильника Колосовка (*Дитлер*, 1961. Табл. XVII: *1*). По форме, метрическим показателям, ширине и конфигурации дола, размеру и углу наклона рукояти он практически идентичен клинку, обнаруженному в окрестностях д. Конино. (*Кочкаров*, 2008. С. 134. Табл. VI: *1*). Близки ему и клинки сабель из двух других захоронений этого кургана (*Дитлер*, 1961. Табл. XVIII–XIX).

В литературе приводятся различные варианты датировки захоронения, из которого происходит клинок. П. А. Дитлер – автор раскопок, указывает широкую дату как сабли, так и всего комплекса кургана – X–XI вв. (Там же. С. 164). В работе А. В. Пьянкова, И. В. Цокур предлагается более узкая датировка комплекса – в пределах второй половины X – первой половины XI в. (*Пьянков, Цокур,* 2011. С. 160). Она основана на анализе деталей креплений ножен, а также характера погребального обряда и является наиболее убедительной.

Главное отличие клинка из Колосовского могильника от обнаруженного в окрестностях д. Конино – длина обоюдоострой части: в первом случае она составляет ¼ от общей длины, тогда как во втором случае – около ¾. Такой размер обратной заточки клинка – явление достаточно редкое, и известно всего на нескольких экземплярах раннесредневековых сабель. Одна из них происходит из окрестностей Майкопа. Судя по изображениям, приведенным в литературе, эта сабля по типу весьма близка нашей находке: она имеет слабо искривленный клинок с широким долом, загнутую книзу рукоять и, главное, – обратную заточку на большей части клинка с выступом при переходе к обуху (*Zakharov, Arendt*, 1935. Abb. 24: *1*; *Gorelik*, 2002. Tab. X-6: *9*). Метрические данные сабли

из окрестностей Майкопа практически идентичны публикуемому изделию: она имеет длину 79,3 см, ширину 3,3 см, длину обоюдоострой части клинка – 66,5 см (около 4/5) (*Zakharov, Arendt*, 1935. P. 56–57). Не вполне очевидна датировка этой находки. М. В. Горелик указывает, что сабля датируется IX в. (*Gorelik*, 2002. Tab. X-6). Однако основания для такой датировки не ясны, т. к. находка не имеет надежного археологического контекста. Сабля с обратной заточкой на большую часть длины клинка известна и на территории Пермского Предуралья. Она происходит из погр. 436 Бояновского могильника (*Данич*, 2022. С. 139. Рис. 7: *5*). Параметры этой сабли близки к рассматриваемому изделию: прямой клинок имеет длину 78 см., ширину 3,8 см, длину обоюдоострой части 71 см, наклон черенка рукояти составляет 15° (Там же. С. 160. Табл. 3). К сожалению, узкой даты погребение не имеет и датируется автором широко – в рамках общей датировки могильника – IX–X вв. (Там же. С. 147. Табл. 1).

Наиболее узко датируемый экземпляр раннесредневековой сабли с обратной заточкой на большей части клинка – т. н. сабля Карла Великого. Длина ее обоюдоострой части составляет 49 см, при общей длине клинка 75,8 см, т. е. 64,6 %. (The Ancient Hungarians, 1996. P. 67–71). Наиболее убедительную датировку этого предмета приводит А. Н. Кирпичников – конец X – первая четверть XI в. (*Кирпичников*, 1965. С. 272; *Кирпичников, Коваленко*, 1993. С. 127). Она основывается на анализе художественных особенностей оформления декоративных деталей сабли и сабельного прибора.

Таким образом, на основании близости морфологии клинка к саблям из Колосовского могильника, а также схожести с «саблей Карла Великого» по длине обоюдоострой части можно выдвинуть предположение, что находка из окрестностей д. Конино датируется в рамках второй половины X – первой половины XI в.

Тем не менее необходимо учитывать, что морфология сабельных клинков дает весьма ограниченный материал для хронологических построений. Более надежные данные может дать конструкция и художественное оформление сабельного перекрестия.

Согласно типологии У. Ю. Кочкарова, перекрестие рассматриваемой сабли относится к типу II подтипу Б и датируется X–XI вв. (*Кочкаров*, 2008. С. 32; 144. Табл. XVI). По А. Н. Кирпичникову, это перекрестие соответствует типу 1 подтипу Б – с ромбическим расширением в средней части и шарообразными окончаниями (*Кирпичников*, 1966. Рис. 13: *1б*). Согласно этой типологии, перекрестия типа 1 с вариантами А и Б относятся к X – первой половине XI в. (Там же. С. 68–69). Встречаются такие формы перекрестий и в более раннее время – в комплексах первой половины – середины IX в. салтово-маяцкой культуры (*Голубев*, 2018. С. 388. Рис. 7: *1, 3*). Изделия этого типа наиболее часто демонстрируют богатую отделку. В том числе таким перекрестием снабжена упомянутая выше «сабля Карла Великого».

На внешней стороне рассматриваемого перекрестия частично сохранился узор, выполненный посредством плакирования – нанесения на поверхность железного изделия тонкого слоя серебра термомеханическим способом. Орнамент сохранился фрагментарно и представляет собой сложный растительный узор. Единственный элемент этого узора, который возможно уверенно проследить, – трехлепестковая пальметта со сходящимися стеблями в нижней части (рис. 3: *4*).

Причем мы видим повторение этого сюжета дважды: непосредственно на рамке перекрестия оно выполнено серебряной фольгой, а при переходе на шарообразные окончания изображение выполнено в виде негатива (рис. 3: *3*). К сожалению, выделить художественные детали композиции, важные для глубокого анализа стилистики изображения, невозможно. Оно выполнено весьма грубо и представляют собой скорее примитивную имитацию исходного сюжета. Тем не менее необходимо рассмотреть наиболее схожие по морфологии изделия, в орнаментации которых присутствует данный художественный мотив.

Мотив трехлепестковой пальметты с переплетающимися стеблями присутствует в орнаментальной композиции ряда сабельных перекрестий типа 1Б, по А. Н. Кирпичникову. Одно из них – уже упомянутое перекрестие «сабли Карла Великого» (*Кирпичников*, 1965. Рис. 4). Такой же сюжет можно наблюдать на двух бронзовых перекрестиях, обнаруженных на территории Древней Руси. Одно из них происходит из к. I Гочевского могильника (*Самоквасов*, 1915. Табл. IX: *6–9*), второе – из района Княжьей горы из коллекции Ханенко (*Ханенко, Ханенко*, 1902. С. 31. Табл. VI: *212*). А. Н. Кирпичников считал, что оба эти перекрестия отлиты в одной форме (*Кирпичников*, 1966. С. 69). Они обладают оригинальной морфологией, т. к. оттиск, по которому они были отлиты, включал не только само перекрестие исходной сабли, но и прочие съемные элементы: низ железной оковы полосы и нижнюю декоративную часть оправы рукояти (*Комар*, 2022. С. 59). Р. С. Орлов относил художественное оформление этих перекрестий к южнорусской «школе Б» и датировал их первой половиной XI в. (*Орлов*, 1983. С. 43. Рис. 11). Интересующий нас орнаментальный мотив прослеживается на перекрестии того же типа, которое принадлежит сабле из огузского погр. 1, к. 4, могильника Маяк Октября (*Хабарова*, 2001. С. 14: VII). Комплекс захоронения датируется началом XI в. (*Круглов*, 2016. С. 221–223).

Помимо сабельных перекрестий, изображение трехлепестковой пальметты с переплетающимися стеблями присутствует еще на ряде изделий из древнерусских комплексов, датировка которых укладывается в период второй половины X – первой половины XI в. В их числе оковка малого рога из Черной Могилы (*Корзухина*, 2017. С. 623. Рис. 6), а также большая бляшка из кургана 2 в Табаевке (*Орлов*, 1984. С. 49).

Еще один конструктивный элемент рассматриваемой сабли – железная фигурная обойма с язычком. Она расположена у основания клинка и прикрывает лезвие на длину 7,3 см (рис. 3: *2*). По мнению М. В. Горелика, клинки, снабженные обоймами с язычком, на территории Восточной Европы появляются в эпоху расцвета салтово-маяцкой культуры и концентрируются в районе западного Прикубанья (*Горелик*, 2004. С. 86). По У. Ю. Кочкарову, сабли с такими обоймами начинают появляться в Восточной Европе в IX в., серийное же их распространение приходится на X–XI вв. (*Кочкаров*, 2008. С. 30). Близкие по форме фигурные обоймы расположены на всех клинках из уже упомянутого кургана № 2 Колосовского могильника (вторая половина X – первая половина XI в.) (*Дитлер*, 1961. Табл. XVII: 6; XVIII: 2; XIX: 3; *Пьянков, Цокур*, 2011. С. 160). Наиболее морфологически близкая обойма принадлежит клинку из погребения 4 (*Дитлер*, 1961. Табл. XIX: *3*).

Таким образом, совокупность рассмотренных признаков, присущих конструктивным и художественным деталям изделия, позволяет с высокой долей

уверенности предположить, что время бытования сабли, обнаруженной в окрестностях д. Конино, укладывается в рамки второй половины X – первой половины XI в.

Помимо особенностей самого предмета не менее важным является вопрос о возможной интерпретации места находки. Поскольку на месте обнаружения сабли отсутствуют культурный слой поселения, следы захоронения или иных ритуальных действий, находку следует определять как «местонахождение», хотя формально в современной археологии России такой тип памятников не закреплен (*Загорулько*, 2019. С. 34–43). Под таким же наименованием объект обозначен и в отчетной документации (*Простяков*, 2022. С. 2). На территории Окско-Донского региона известны схожие по характеру объекты, также относящиеся к эпохе формирования древнерусского государства. Наиболее географически близким является местонахождение у с. Орлово. Там на небольшой площади были обнаружены несколько предметов: расколотый боевой топорик-чекан, два железных черешковых ножа, серебряный арабский дирхем (*Простяков*, 2022. С. 212. Рис. 174; *Колоколов*, 2023а. С. 271). Признаков поселения или могильника на этой и прилегающей территории выявлено не было (*Простяков*, 2022. С. 54–55). Однако следует учесть, что обнаруженные предметы имеют весьма скромные размеры и их потеря в повседневном обиходе вполне вероятна. Эти находки могут маркировать кратковременный воинский лагерь либо, учитывая водораздельный характер участка их обнаружения, – древнюю сухопутную дорогу. Сабля же имеет весьма внушительные габариты и высокую материальную ценность, так что незаметная утрата ее владельцем в ходе перемещения или локального боестолкновения маловероятна. Исходя из этого можно высказать предположение, что местонахождение сабли может являться простейшим поминальным комплексом. Такие объекты известны на территории Доно-Донецкой степи в Хазарское время. Один из них обнаружен в окрестностях с. Старая Покровка Чугуевского района Харьковской области: он представлял собой яму без следов захоронения, на дне которой обнаружен богатый вещевой комплекс, в том числе недеформированная сабля (*Колода, Аксенов*, 2020. С. 81–98).

Несмотря на отсутствие явной связи рассматриваемой сабли с поселенческим либо погребальным комплексом, можно попытаться определить ее культурно-исторический контекст, учитывая наиболее вероятную датировку находки. На протяжении IX – середины XI в. на территории Окско-Донского междуречья выделяется многочисленная группа памятников, материалы которых соотносимы с древностями роменской археологической культуры. Предметы вооружения, происходящие с них, делятся на три группы: изделия, характерные для восточноевропейского, североевропейского и степного круга древностей. Все находки обнаружены на поселениях; на настоящий момент захоронений этого времени, содержащих оружие, не выявлено (*Колоколов*, 2022. С. 190–191). Предметы вооружения степного круга, к которым традиционно относятся сабли, представлены наконечниками стрел, топорами-чеканами, элементами колчанной гарнитуры, фрагментами кольчужного плетения, а также единственным наконечником копья и фрагментом кинжала (*Колоколов*, 2023а). Все они обнаружены на поселениях раннего периода бытования славянских древностей

региона, ограниченного IX – первой половиной X в. В это время население верховий Оки и Дона испытывало значительное влияние салтово-маяцкой культурно-исторической общности.

Учитывая предложенную датировку находки в пределах второй половины X – первой половины XI в., ее можно соотнести со следующим этапом бытования славянских древностей Окско-Донского региона. Согласно их хронологии, поселения этого времени относятся к памятникам среднего и позднего периодов (*Григорьев*, 2005. С. 9–22; *Колоколов*, 2023б). Главная этнокультурная особенность этих памятников – смена вектора внешних связей со степного на древнерусский. Это проявляется во всех сферах материальной культуры – керамическом производстве, украшениях, предметах воинской культуры. Процесс этот во многом связан со сменой политического статуса региона: в ходе походов князя Святослава 964–966 гг. он переходит из даннической зависимости от Хазарского каганата под протекторат древнерусского государства (ПСРЛ, 1846. Т. I. С. 8, 27). Однако, хотя во второй половине X в. влияние степной материальной культуры значительно ослабевает, говорить о его прекращении не приходится. На памятниках этого времени встречаются некоторые предметы степного круга: украшения, элементы конского снаряжения и поясного набора с городищ Лобынское, Спицино, Акиньшино, а также финальных комплексов Супрут (*Колоколов*, 2023а; 2023в; *Колоколов, Простяков*, 2021. С. 51). При этом обращает на себя внимание ряд вещей, находящих наиболее близкие аналогии в древностях венгров, которые концентрируются в горизонте финала раннего – среднего периодов. Это позволяет говорить о второй волне влияния степной воинской культуры на население региона, приходящейся уже на древнерусский период (*Колоколов*, 2023а. С. 278). Учитывая наиболее вероятную датировку сабли, ее появление в регионе допустимо связывать именно с этой волной.

Не стоит также исключать и того, что находка может быть связана с внедрением сабли в вооружение древнерусского всадника. По мнению А. Н. Кирпичникова, этот процесс начался в первой половине XI в. (*Кирпичников*, 1966. С. 68–69). Наиболее ранние находки фрагментов сабель в составе древнерусского комплекса вооружения происходят из Гнёздовского могильника и датируются второй половиной X в. (*Каинов*, 2019. С. 117).

Ближайший к местонахождению сабли, синхронный ей поселенческий памятник – крупное городище у д. Кетри, расположен на том же, левом, берегу р. Упки, в 3,6 км к западу (рис. 1: *II: 2*). В ходе раскопок на городище был зафиксирован мощный слой конца X – первой половины XI в. (*Колоколов и др.*, 2021. С. 172–204). Не исключено, что находка сабли может быть связана с функционированием воинского контингента, расположенного на территории этого укрепленного поселения.

ЛИТЕРАТУРА

АКР. Тульская область. Ч. 2 / Отв. ред. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2002. 272 с.

Владимиров С. И., 2017. Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура): дис. … канд. ист. наук. Воронеж. 310 с.

Голубев А. М., 2018. Хронология салтовских памятников Верхнего Подонцовья в контексте венгерской проблематики // 3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti és Régészeti Konferencia (Budapest, 2016. június 6–10). Budapest. P. 367–400.

Горелик М. В., 2004. Об одной разновидности евразийских клинков эпохи развитого Средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1 / Ред.: Ю. С. Худяков, С. Г. Скобелев, А. С. Зуев. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т. С. 86–101.

Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 207 с.

Данич А. В., 2022. Сабли пермского Предуралья // Военная археология. Вып. 7. М.; Тула: ИА РАН: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 118–161.

Дитлер П. А., 1961. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II / Ред. Н. В. Анфимов. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во. С. 127–187.

Загорулько А. В., 2019. Местонахождение как археологический источник // Мультидисциплинарные исследования в археологии. № 1. С. 34–43.

Каинов С. Ю., 2019. Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI в. (по материалам Гнёздовского некрополя и поселения): дис. … канд. ист. наук. Т. 1. М. 342 с.

Кирпичников А. Н., 1965. Так называемая сабля Карла Великого // СА. № 2. С. 268–276.

Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. 179 с. (САИ; вып. Е1-36.)

Кирпичников А. Н., Коваленко В. П., 1993. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане) // АВ. № 2. СПб. С. 122–134.

Колода В. В., Аксенов В. С., 2020. Поминальный комплекс представителей всаднического сословия из Северо-Западной Хазарии // ПА. № 4. С. 81–98.

Колоколов А. М., 2022. Эпоха формирования Древнерусского государства // Археология Окско-Донского водораздела. Кн. 1. С древнейших времен до Средневековья / Ред. А. М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 184–202.

Колоколов А. М., 2023а. Находки предметов вооружения и конского снаряжения степного круга древностей с памятников IX–X вв. Окско-Донского водораздела // Уфимский археологический вестник. № 2. С. 265–283.

Колоколов А. М., 2023б. Хронология памятников X века на территории Окско-Донского водораздела // Историко-географический журнал. Т. 2. № 1. С. 24–43.

Колоколов А. М., 2023в. Элементы поясной гарнитуры с памятников VIII–X веков Окско-Донского водораздела // Археология евразийских степей. № 3. С. 268–281.

Колоколов А. М., Простяков И. С., 2021. Материальная культура горизонта X в. на городище у д. Спицино // ПА. № 4 (38). С. 50–66.

Колоколов А. М., Простяков И. С., Столяров Е. В., 2021. Городище X–XII вв. у бывшей деревни Кетри // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А. В. Григорьева. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 172–204.

Комар О. В., 2022. «Князівське поховання» з досліджень Йосифа Хойновського 1892 року в Старому Києві // Opus mixtum. № 10. Київ: Музей історії Десятинної церкви. С. 49–74.

Комар А. В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. № 2. С. 111–136.

Корзухина Г. Ф., 2017. Турьи рога Черниговских курганов // В камне и бронзе: сб. ст. в честь А. Песковой / Отв. ред. А. Е. Мусин. СПб.: Невская книжная типография. С. 620–634. (Тр. ИИМК РАН; т. XLVIII.)

Кочкаров У. Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: Таус. 176 с.

Круглов Е. В., 2016. Государство гузов в памятниках археологии и по данным Ибн Фадлана // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки. М.: Марджани. С. 187–225.

Орлов Р. С., 1983. Південноруський центр художньої металообробки X ст. // Археологія. № 44. С. 29–46.

Орлов Р. С., 1984. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города: сб. ст. / Отв. ред. И. П. Русанова. М.: Наука. С. 32–52.
ПСРЛ. Т. I. СПб.: Археогр. комис., 1846. 392 с.
Простяков И. С., 2022. Отчет об археологических разведках на территории г. Тулы, Белевского, Дубенского и Щекинского р-нов Тульской области в 2022 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.
Пьянков А. В., Цокур И. В., 2011. О реконструкциях сабли из могильника Колосовка-1 (Адыгея) // Военная археология. Вып. 2 / Отв. ред. О. В. Двуреченский. М.: Русская панорама. С. 153–167.
Самоквасов Д. Я., 1915. Атласъ гочевскихъ древностей: приложеніе къ Дневнику раскопокъ въ окрестностяхъ с. Гочева, Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи произведенныхъ Д. Я. Самоквасовымъ въ августѣ 1909 года. М.: Синод. тип. 40 с.
Хабарова Н. В., 2001. Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды. Волгоград: Волгоградский обл. краевед. музей. 36 с.
Ханенко Б. Н., Ханенко В. И., 1902. Древности Приднепровья. Вып. V. Эпоха славянская (VI–XIII в.). Киев: Тип. С. В. Кульженко. 78 с.

Gorelik M., 2002. Arms and Armour in South-Eastern Europe in the Second Half of the First Millennium AD // A Companion to medieval arms and armour. Woodbridge: Boydell. P. 127–147.
Grygiel M., 2023. Early Medieval Finds from Czechowice (Gliwice / PL) // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 53. № 1. S. 113–136.
Schulze-Dörrlamm M., 2006. Spuren der Ungarneinfälle des 10. Jahrhunderts // Heldengrab im Niemandsland. Ein frühungarischer Reiter aus Niederösterreich (exhibition catalogue) / Hrsg. F. Daim. Mainz: Römisch-Germanischen Zentralmuseum. S. 43–66.
The Ancient Hungarians. Exhibition Cataloque / Ed. by I. Fodor. Budapest: Hungarian National Museum, 1996. 479 p.
Zakharov A., Arendt V., 1935. Studia Levedica: Regeszeti adatok a magyarsag IX szazadi fortenetehez. Budapest. 80 p. (Arhaeologia Hungarica. A Magyar nemzeti muzeum Regeszeti kiadvanyai; № 16.)

Сведения об авторе

Колоколов Александр Михайлович, Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», просп. Ленина, 47, Тула, 300041, Россия; e-mail: kolokolofff.sasha@yandex.ru

A. M. Kolokolov

THE FIND OF THE SABER IN THE SUBURB OF TULA

Abstract. The saber reviewed in this paper is the first, and, presently, the only find of a long-bladed weapon in the Oka-Don region dating from the formation period of the Russian medieval state. It was discovered in the northwestern fringe of the Tula urban district in the vicinities of the Konino village in the Upka river basin (the Upka is the right tributary of the Upa river). The excavations at the saber findspot have not revealed an occupation deposit of a settlement, remains of a burial or traces of ritual practice. Based on the analysis of the structural elements and artistic features, this weapon can be dated to the second half of the 10th – first half of the 11th centuries. Therefore, the find is related to the group of sites dating to the middle period and the later period after the destruction of the Supruty fortified settlement. The closest site of the same period is a fortified settlement near the Ketri village located 3,6 km west of the saber findspot.

Keywords: Oka and Don upstream, Tula, Konino village, saber, second half of the 10th – first half of the 11th century.

REFERENCES

AKR. Tulskaya oblast [AKR. Tula region], 2. A. V. Kashkin, ed. Moscow: IA RAN, 2002. 272 p.

Danich A. V., 2022. Sabli permskogo Predural'ya [Sabers of Permian Cis-Urals]. *Voennaya arkheologiya [Military archaeology]*, 7. Moscow; Tula: IA RAN: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 118–161.

Ditler P. A., 1961. Mogilniki v rayone poselka Kolosovka na reke Fars [Cemeteries near village Kolosovka on Fars River]. *Sbornik materialov po arkheologii Adygei [Collection of materials on archaeology of Adygea]*, II. N. V. Anfimov, ed. Maykop: Adygeyskoe knizhnoe izdatelstvo, pp. 127–187.

Golubev A. M., 2018. Khronologiya saltovskikh pamyatnikov Verkhnego Podontsov'ya v kontekste vengerskoy problematiki [Chronology of Saltovo sites of Upper Donets region in context of Hungarian issues]. 3. *Nemzetközi Korai Magyar Történeti és Régészeti Konferencia (2016)*. Budapest, pp. 367–400.

Gorelik M. V., 2004. Ob odnoy raznovidnosti evraziyskikh klinkov epokhi razvitogo Srednevekov'ya [On one type of Eurasian blades from High Middle Ages]. *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii [Warfare of peoples of Siberia and Central Asia]*, 1. Yu. S. Khudyakov, S. G. Skobelev, A. S. Zuev, eds. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. universitet, pp. 86–101.

Grigor'ev A. V., 2005. Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v kontse I – nachale II tys. n. e. [Slavic population of Oka and Don watershed in late I – early II mill. AD]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole». 207 p.

Kainov S. Yu., 2019. Slozhenie kompleksa vooruzheniya Drevney Rusi X – nachala XI v. (po materialam Gnezdovskogo nekropolya i poseleniya) [Formation of weapons complex of Ancient Rus in X – early XI c. (based on materials from Gnezdovo necropolis and settlement)], 1. Moscow. 342 p.

Khabarova N. V., 2011. Kultura srednevekovykh kochevnikov i gorodov Zolotoy Ordy [Culture of medieval nomads and cities of the Golden Horde]. Volgograd: Volgogradskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey. 36 p.

Khanenko B. N., Khanenko V. I., 1902. Drevnosti Pridneprov'ya [Antiquities of Dnieper region], V. Epokha slavyanskaya (VI–XIII v.) [Slavic age (VI–XIII c.)]. Kiev: Tipografiya S. V. Kul'zhenko. 78 p.

Kirpichnikov A. N., 1965. Tak nazyvaemaya sablya Karla Velikogo [The so-called saber of Charlemagne]. *SA*, 2, pp. 268–276.

Kirpichnikov A. N., 1966. Drevnerusskoe oruzhie [Ancient Russian weapons], 1. Mechi i sabli IX–XIII vv. [Swords and sabers of IX–XIII cc.]. Moscow; Leningrad: Nauka. 179 p. (SAI.)

Kirpichnikov A. N., Kovalenko V. P., 1993. Ornamentirovannye i podpisnye klinki sabel' rannego srednevekov'ya (po nakhodkam v Rossii, na Ukraine i v Tatarstane) [Ornamented and inscribed saber blades from Early Middle Ages (based on finds from Russia, Ukraine and Tatarstan)]. *AV*, 2. St. Petersburg, pp. 122–134.

Kochkarov U. Yu., 2008. Vooruzhenie voinov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII–XIV vv. (oruzhie blizhnego boya) [Armament of warriors of North-Western Fore-Caucasus in VIII–XIV cc. (close combat weapons)]. Moscow: Taus. 176 p.

Koloda V. V., Aksenov V. S., 2020. Pominalnyy kompleks predstaviteley vsadnicheskogo sosloviya iz Severo-Zapadnoy Khazarii [Memorial complex of equestrian stratum representatives from Northwestern Khazaria]. *PA*, 4, pp. 81–98.

Kolokolov A. M., 2022. Epokha formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Period of formation of Ancient Russian state]. *Arkheologiya Oksko-Donskogo vodorazdela [Archaeology of Oka-Don watershed], 1. S drevneyshikh vremen do Srednevekov'ya [From ancient times to Middle Ages]*. A. M. Vorontsov, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 184–202.

Kolokolov A. M., 2023a. Nakhodki predmetov vooruzheniya i konskogo snaryazheniya stepnogo kruga drevnostey s pamyatnikov IX–X vv. Oksko-Donskogo vodorazdela [Finds of weapons and horse equipment of steppe circle of antiquities from sites of IX–X cc. in Oka-Don watershed]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik [Ufa archaeological bulletin]*, 2, pp. 265–283.

Kolokolov A. M., 2023b. Khronologiya pamyatnikov X veka na territorii Oksko-Donskogo vodorazdela [Chronology of sites of X century in territory of Oka-Don watershed]. *Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical and geographical journal]*, vol. 2, no. 1, pp. 24–43.

Kolokolov A. M., 2023v. Elementy poyasnoy garnitury s pamyatnikov VIII–X vekov Oksko-Donskogo vodorazdela [Belt set elements from sites of VIII–X centuries of Oka-Don watershed]. *AES*, 3, pp. 268–281.

Kolokolov A. M., Prostyakov I. S., 2021. Materialnaya kultura gorizonta X v. na gorodishche u d. Spitsino [Material culture of the horizon of X c. at settlement near village Spitsino]. *PA*, 4 (38), pp. 50–66.

Kolokolov A. M., Prostyakov I. S., Stolyarov E. V., 2021. Gorodishche X–XII vv. u byvshey derevni Ketri [Hillfort of X–XII cc. near former village Ketri]. *Slavyanskie drevnosti VIII–XI vekov na territorii lesnoy i lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy [Slavic antiquities of VIII–XI centuries in territory of forest and forest-steppe zone of Eastern Europe]*. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 172–204.

Komar O. V., 2022. «Knyazivs'ke pokhovannya» z doslidzhen' Yosifa Khoynovs'kogo 1892 roku v Staromu Kиevi [«Princely burials» from research of Iosif Khoynovsky in 1892 in Old Kiev]. *Opus mixtum*, 10. Kiev: Muzey istoriї Desyatinnoi tserkvi, pp. 49–74.

Komar. A. V., 1999. Predsaltovskie i rannesaltovskiy gorizonty Vostochnoy Evropy (voprosy khronologii) [Pre-Saltov and early Salrov horizons in Eastern Europe (issues of chronology)]. *Vita Antiqua*, 2, pp. 111–136.

Korzukhina G. F., 2017. Tur'i roga Chernigovskikh kurganov [Aurochs horns from Chernigov kurgans]. *V kamne i bronze [In stone and bronze]*. A. E. Musin, ed. St. Petersburg: Nevskaya knizhnaya tipografiya, pp. 620–634. (Trudy IIMK RAN, XLVIII.)

Kruglov E. V., 2016. Gosudarstvo guzov v pamyatnikakh arkheologii i po dannym Ibn Fadlana [The state of Ghuzs in archaeological sites and according to Ibn Fadlan]. *Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskiy put' ot Bagdada do Bulgara [Ibn Fadlan's journey: Volga Route from Baghdad to Bulgar]*. Moscow: Mardzhani, pp. 187–225.

Orlov R. S., 1983. Pivdennorus'kiy tsentr khudozhn'oї metaloobrobki X st. [South Russian center of artistic metalwork in X c.]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 44, pp. 29–46.

Orlov R. S., 1984. Srednedneprovskaya traditsiya khudozhestvennoy metalloobrabotki v X–XI vv. [Middle Dnieper tradition of artistic metalwork in X–XI cc.]. *Kultura i iskusstvo srednevekovogo goroda [Culture and art of medieval city]*. I. P. Rusanova, ed. Moscow: Nauka, pp. 32–52.

PSRL, I. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1846. 392 p.

Prostyakov I. S., 2022. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii g. Tuly, Belevskogo, Dubenskogo i Shchekinskogo r-nov Tul'skoy oblasti v 2022 g. [Report on archaeological exploration on territory of Tula, Belev, Dubensky and Shchekino districts of Tula region in 2022]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

P'yankov A. V., Tsokur I. V., 2011. O rekonstruktsiyakh sabli iz mogilnika Kolosovka-1 (Adygeya) [On reconstructions of a saber from Kolosovka-1 cemetery (Adygea)]. *Voennaya arkheologiya [Military archaeology]*, 2. O. V. Dvurechenskiy, ed. Moscow: Russkaya panorama, pp. 153–167.

Samokvasov D. Ya., 1915. Atlas gochevskikh drevnostey: prilozhenie k Dnevniku raskopok" v okrestnostyakh" s. Gocheva, Oboyanskago uezda, Kurskoy gubernii proizvedennykh" D. Ya. Samokvasovym v avguste 1909 goda [Atlas of Gochevo antiquities: an appendix to Diary of excavations in vicinity of village Gochevo, Oboyan district, Kursk province carried out by D. Ya. Samokvasov in August 1909]. Moscow: Sinodalnaya tipografiya. 40 p.

Vladimirov S. I., 2017. Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Dono-Donetskoy lesostepi vo vtoroy polovine VIII – nachale X vv. (saltovo-mayatskaya kultura) [Armament and warfare of population of Donets forest–steppe in second half of VIII – early X cc. (Saltovo-Mayaki culture)]. Voronezh. 310 p.

Zagorul'ko A. V., 2019. Mestonakhozhdenie kak arkheologicheskiy istochnik [Findspot as arcahaeological source]. *Multidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii [Multidisciplinary research in archaeology]*, 1, pp. 34–43.

About the author

Kolokolov Aleksandr M., Kulikovo Pole State military historical and natural museum-reserve, prosp. Lenina, 47, Tula, 300041, Russian Federation; e-mail: kolokolofff.sasha@yandex.ru

А. А. Казарницкий

О РАЗНЫХ МАСШТАБАХ МИГРАЦИЙ НОСИТЕЛЕЙ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО КРАНИОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

Резюме. Палеогенетические свидетельства о влиянии носителей ямной культуры на состав населения Центральной Европы и Южной Сибири многочисленны, но противоречивы. В статье предлагается взглянуть на тот же круг дискуссионных вопросов, опираясь на краниологические материалы. Используются девять краниометрических признаков в более чем 80 древних популяциях эпох мезолита, неолита и бронзы. Межгрупповой анализ проводится с помощью вычисления расстояний Махаланобиса между выборками черепов с дальнейшим многомерным шкалированием для получения двухмерных графиков. Интерпретируя результаты, автор приходит к выводу о разной степени влияния популяций ямной культуры на востоке и на западе от своего основного ареала. В очередной раз подтверждаются более ранние выводы о значительном сходстве доно-волжских ямных и южносибирских афанасьевских групп, свидетельствующие о несомненном родстве между ними. Наиболее западные краниологические серии культуры шнуровой керамики имеют облик предшествующего им населения Центральной и Юго-Восточной Европы эпохи неолита. Балтийские шнурокерамические и поволжские фатьяновские и балановская серии обладают общими с ямными группами чертами, которые при этом наблюдаются в некоторых локальных группах населения Восточной Европы уже с эпохи мезолита. Это свидетельствует скорее о наличии общего субстратного популяционного компонента в составе как лесного, так и степного восточноевропейского населения эпохи ранней бронзы, чем о прямом взаимодействии между ними.

Ключевые слова: краниология, краниометрия, ямная культура, популяционная история, эпоха бронзы, археология, Европа.

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.342-357

Введение

Интерес к истории формирования древних человеческих популяций Восточной Европы может быть удовлетворен сегодня исключительно на основе свидетельств палеогенетики, благодаря наличию большого количества соответствующих публикаций – ярких, широко цитируемых и с каждым годом все более многочисленных (*Orlando et al*., 2021; *Mallick et al*., 2024). В составе публикующих их научных коллективов часто присутствуют и специалисты по скелетной морфологии человека (*Allentoft et al*., 2015; 2024; *Damgaard et al*., 2018; *Fu et al*., 2016; *Järve et al*., 2019; *Jones et al*., 2015, 2017; *Haak et al*., 2015; *Lazaridis et al*., 2018, 2022; *Mathieson et al*., 2015, 2018; *Mittnik et al*., 2018; *Posth et al*., 2023; *Saag et al*., 2021; *Wang et al*., 2019), но вклад данных физической антропологии в моделирование популяционной истории в этих работах почти незаметен. При этом объем краниометрических материалов о населении некоторых регионов и исторических эпох может быть достаточным для статистической оценки сходства и различий между обсуждаемыми в палеогенетических работах популяциями. Правда, у краниологического подхода существуют недостатки. Один из них заключается в том, что выборки черепов за давностью публикации могут иметь отчасти устаревшую или приблизительную хронологическую привязку (например, только на уровне исторической эпохи – «неолит» или «эпоха бронзы»), которую не всегда возможно уточнить, особенно когда доступны только средние групповые данные. Это, конечно, резко контрастирует с почти обязательной радиоуглеродной датировкой палеогенетических образцов. И все же, возможно, не будет лишним взглянуть сквозь призму краниологического источника на спорные или противоречивые вопросы популяционной истории, учитывая известную корреляцию между генетическими и краниологическими данными (*Evteev et al*., 2021; *Manica et al*., 2007; *Relethford*, 1994).

Так, в последнее десятилетие регулярно упоминается масштабное переселение носителей ямной археологической культуры в Центральную Европу и Южную Сибирь, т. е. далеко за пределы своего и без того обширного ареала, охватывавшего всю степную зону Восточной Европы (*Allentoft et al*., 2015; *Jeong et al*., 2019, 2020; *Jones et al*., 2015; *Haak et al*., 2015; *Kristiansen et al*., 2017; *Mathieson et al*., 2018; *Narasimhan et al*., 2019; *Tassi et al*., 2017; *Racimo et al*., 2020; *Wang et al*., 2021). Однако краниометрические данные свидетельствуют о том, что масштаб участия носителей ямной культуры в формировании древних популяций в Центральной Европе и в Южной Сибири как минимум не был одинаков.

С середины XX в. известно краниологическое сходство между носителями ямной культуры Восточной Европы и афанасьевской культуры Алтая и Минусинской котловины (*Дебец*, 1948; *Алексеев*, 1961; 1989), которое легло в основу одной из гипотез о происхождении афанасьевской культуры в результате движения носителей ямной культуры далеко на восток (*Степанова, Поляков*, 2010). В последние десятилетия установлено, что среди локальных ямных краниологических серий почти идентичны афанасьевским конкретно поволжские и приуральские, а также черепа носителей среднестоговской культуры,

предшествовавшей ямной (*Солодовников*, 2003; 2009; 2010; *Солодовников и др*., 2018; *Хохлов и др*., 2016).

Между носителями ямной культуры и центральноевропейских культур шнуровой керамики антропологами, напротив, отмечались скорее различия, а не сходство из-за более широких лицевого и мозгового отделов черепа в ямных выборках (*Кондукторова*, 1978; 1979), а это признаки, хорошо дифференцирующие западных и восточных европейцев, как древних, так и современных (*Алексеев*, 1974; *Кондукторова*, 1973). Известна лишь одна неолитическая выборка из Центральной Европы (Осторф), поперечные размеры черепа в которой близки тем, что характерны для носителей ямной культуры (*Козинцев*, 2008; 2013; 2016; *Козинцев, Селезнева*, 2015), и объясняется эта особенность, вероятно, особым происхождением осторфской группы, восходящей к охотникам-собирателям эпохи мезолита, о чем свидетельствуют особенности погребального обряда и изотопного состава скелетов из Осторфа (*Lübke et al*., 2009) и сравнение с краниологическими материалами из мезолитических памятников Западной Европы (*Schwidetzky, Rösing*, 1990).

Разработанная на палеогенетических данных гипотеза о том, что большинство (до 75 %) предков носителей шнурокерамических культур состояло из представителей ямной культуры (*Haak et al*., 2015), в последние годы претерпела изменения. Теперь предполагается, что распространение генетических признаков степного населения в Центральной Европе могло происходить и без участия носителей ямной и шнурокерамических культур посредством контактов более раннего населения, оставившего памятники культуры шаровидных амфор, и энеолитических групп из восточноевропейских степей (*Allentoft et al*., 2024), хотя еще недавно среди носителей культуры шаровидных амфор не удавалось найти генетические черты степняков (*Mathieson et al*., 2018; *Tassi et al*., 2017), наоборот, – не исключалось наличие среди земледельцев, связанных с культурой шаровидных амфор, некоторого количества предков носителей ямной культуры Предкавказья (*Wang et al*., 2019). Заметное влияние предшествующих неолитических популяций Центральной Европы прослеживается теперь как у ранних, так и у поздних представителей культуры шнуровой керамики, генетическая характеристика которых оказалась весьма разнообразна (*Fernandes et al*., 2018; *Papac et al*., 2021), а влияние степных популяций отмечается в составе населения Юго-Восточной Европы уже в V–IV тыс. до н. э., т. е. задолго до формирования ямной культуры (*Nikitin, Ivanova*, 2022; *Penske et al*., 2023).

Попробуем взглянуть на этот круг проблем, используя данные краниологии.

Материалы и методы

Для межгрупповых сопоставлений использованы данные о десяти краниометрических признаках лицевого и мозгового отдела черепа человека (продольный, поперечный, высотный и скуловой диаметры, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, ширина и высота глазницы, ширина и высота грушевидного отверстия) в более чем 80 разных группах преимущественно европейского населения эпох мезолита, неолита, энеолита и бронзы, взятые из нескольких

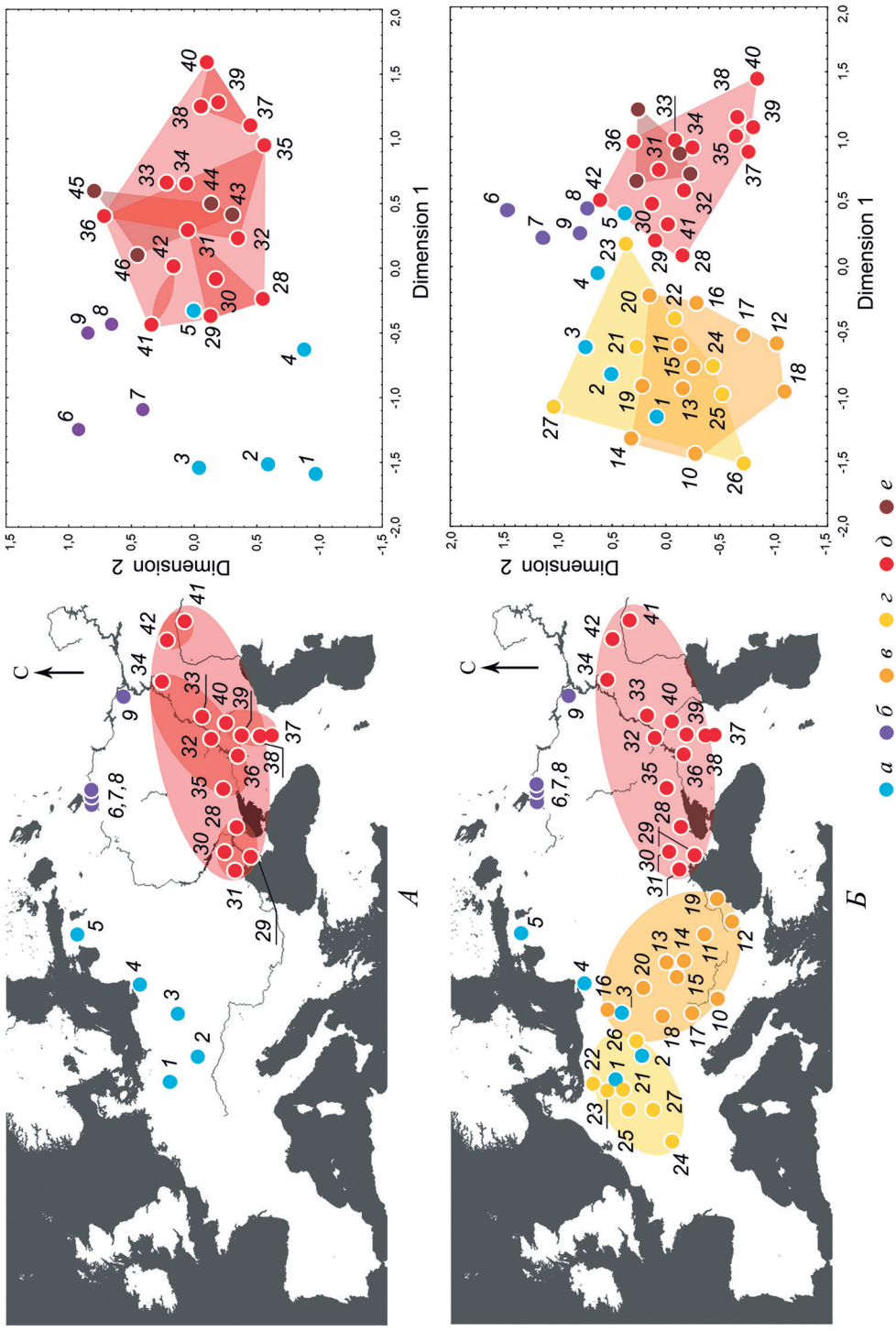
обобщающих публикаций (*Schwidetzky, Rösing*, 1990; *Казарницкий*, 2024; *Козинцев*, 2000; 2007, 2008; 2021)[1]. Сравнение проводилось традиционным методом расчета квадратов расстояний Махаланобиса (D^2) между группами по десяти признакам (с поправкой на численность) в программе Canon (*Козинцев*, 2007) с дальнейшим многомерным шкалированием полученных расстояний в программе Statistica для построения двухмерных графиков (рис. 1; 3).

Результаты и обсуждение

Прямое сопоставление серий черепов из памятников культур шнуровой керамики Германии, Чехии и Словакии, Польши, Восточной Пруссии, Эстонии, фатьяновской и балановской культур Верхнего и Среднего Поволжья (родственных кругу шнуровых культур) с пятнадцатью территориальными группами ямной культуры и четырьмя группами афанасьевской культуры (рис. 1: *А*) подтверждает многие обсуждавшиеся прежде мнения. Во-первых, это выразительное сходство афанасьевских серий (рис. 1: *А*, № 43–46) с доно-волжскими ямными (№ 32–36). Во-вторых, это краниологическое разнообразие ямных локальных групп: на противоположных окраинах ареала – в Северном Причерноморье (№ 28–31) и в Приуралье (№ 41–42) – расположены наименее широколицые из них, в доно-волжских (центральных) группах отмечаются более широкие мозговой и лицевой отделы черепа и более широкие глазницы; в прикаспийских (южных) – наибольшие значения тех же поперечных размеров (№ 37–40). В-третьих, это систематические различия между жителями лесной и степной зон: для первых (№ 1–9) в среднем характерны более длинный и узкий мозговой отдел черепа и более узкое лицо (ярче всего выраженные в наиболее западных группах). Однако одна лесная шнурокерамическая выборка – с территории Эстонии (рис. 1: *А*, № 5) – морфологически очень близка наименее широколицым ямным группам.

Если дополнить анализ материалами о неолитическом населении Центральной и Юго-Восточной Европы, относящимися к разным археологическим культурам и разделенными нами очень условно и приблизительно по территории современной Западной Польши (краниометрические различия между этими географическими группами популяций при используемом нами

[1] Набор используемых здесь южнокавказских серий также стандартен для нескольких моих недавних публикаций, за одним исключением. Это группа черепов из Самтаврского могильника, которая отличается от других кавказских групп самым узким лицом (128,3 мм при вариации этого размера в сериях из Южного и Восточного Кавказа от 132,6 до 136,8 мм), из-за чего при межгрупповых сопоставлениях она регулярно оказывается на графиках среди центральноевропейских серий. Не исключено, что это случайное отклонение, вызванное малочисленностью выборки, так как по не менее важным для дифференциации европеоидных групп признакам – горизонтальной профилированности лица и углу выступания носа – столь заметных отличий от других кавказских серий нет. Самтаврская группа среди привлеченных к анализу одна из самых поздних – XVI–XII вв. до н. э., но и в такой датировке есть сомнения (*Скаков*, 2005. С. 19). Поэтому она была исключена из перечня сравнительных материалов.

Dimension 2
Dimension 1
С
А
Б
а
б
в
г
д
е

наборе признаков, по-видимому, случайны), то именно среди них обнаруживаются ближайшие морфологические аналогии западным шнурокерамическим выборкам (рис. 1: *Б*). Это хорошо заметно и по расстояниям Махаланобиса в виде гистограмм для наиболее интересующих нас краниологических серий (рис. 2: *A, B, C*). Однако уже для восточно-прусской выборки расстояния до западных неолитических групп в среднем больше (рис. 2: *D*), а для эстонской (рис. 2: *E*) и фатьяновских и балановской – еще больше (рис. 2: *F-I*). Эстонская выборка более всего схожа со многими ямными группами, но и не лишена сходства с восточнопрусской шнурокерамической и с фатьяновскими, а среди более ранних западных – с выборками черепов из памятников с территории Польши: йордансмюльской культуры и культуры шаровидных амфор. Фатьяновские и балановская выборки на рис. 1Б расположены обособленно, хотя наименьшие расстояния Махаланобиса имеют тоже с наименее широколицыми ямными группами (рис. 2: *F-I*). Афанасьевские серии – снова среди доно-волжских ямных (рис. 1: *А, Б*).

Итак, часть шнурокерамических и культурно близких им групп действительно имеет общие черты в морфологии черепа с некоторыми ямными. Является ли это свидетельством взаимодействия между ними или следствием более ранних событий их популяционной истории? Для ответа на этот вопрос включим материалы из памятников линейно-ленточной керамики (рис. 3: *А*, № 47–50), предшествующей уже привлеченным западным неолитическим группам, и из энеолитических могильников среднестоговской и хвалынской культур (рис. 3: *А*, № 51, 52, 53) – предшественников ямной культуры. Выделим только шнурокерамические, фатьяновские и балановскую и добавленные на этом этапе

Рис. 1 (с. 346). Географическое положение европейских краниологических серий и результаты многомерного шкалирования расстояний Махаланобиса между ними, включая афанасьевские группы Южной Сибири (*А* – между носителями ямной, афанасьевской, фатьяновской, балановской и шнуровых культур; *Б* – с добавлением серий из неолитических памятников Центральной и Юго-Восточной Европы)

Условные обозначения: *а* – культуры шнуровой керамики (*1* – Центральная Германия; *2* – Чехия и Словакия; *3* – Западная Польша; *4* – Восточная Пруссия; *5* – Эстония); *б* – фатьяновская и балановская культуры (*6* – фатьяновская ранняя центральная; *7* – фатьяновская ранняя южная; *8* – фатьяновская поздняя; *9* – балановская); *в* – неолит Юго-Восточной Европы (*10* – культура Винча; *11* – культура Боян; *12* – Русенское городище; *13* – культура Бодрог-керештур; *14* – культура Тиса; *15* – культура Тисаполгар; *16* – культура Лендьель, Польша; *17* – культура Лендьель, Венгрия; *18* – культура Лендьель, Словакия; *19* – культура Хаманджия; *20* – культура шаровидных амфор); *г* – неолит Центральной Европы (*21* – культура Вальтерниенбург-Бернбург; *22* – Мекленбург; *23* – Осторф; *24* – рессенская культура, Франция; *25* – рессенская культура, Германия; *26* – йордансмюльская культура; *27* – михельсбергская культура); *д* – ямная культура (*28* – нижнеднепровская восточная; *29* – нижнеднепровская южная; *30* – нижнеднепровская западная; *31* – ингульская; *32* – волго-донская; *33* – нижневолжская левобережная; *34* – самарская; *35* – нижнедонская правобережная; *36* – нижнедонская левобережная; *37* – ставропольская; *38* – калмыцкая южная; *39* – калмыцкая; *40* – астраханская; *41* – приуральская (тамар-уткульская) левобережная; *42* – приуральская (тамар-уткульская) правобережная); *е* – афанасьевская культура (*43* – Алтай, суммарные данные 1984 г., *44* – Алтай, суммарные данные 2009 г.; *45* – Минусинская котловина, суммарные данные 1984 г.; *46* – Минусинская котловина, суммарные данные 2009 г.)

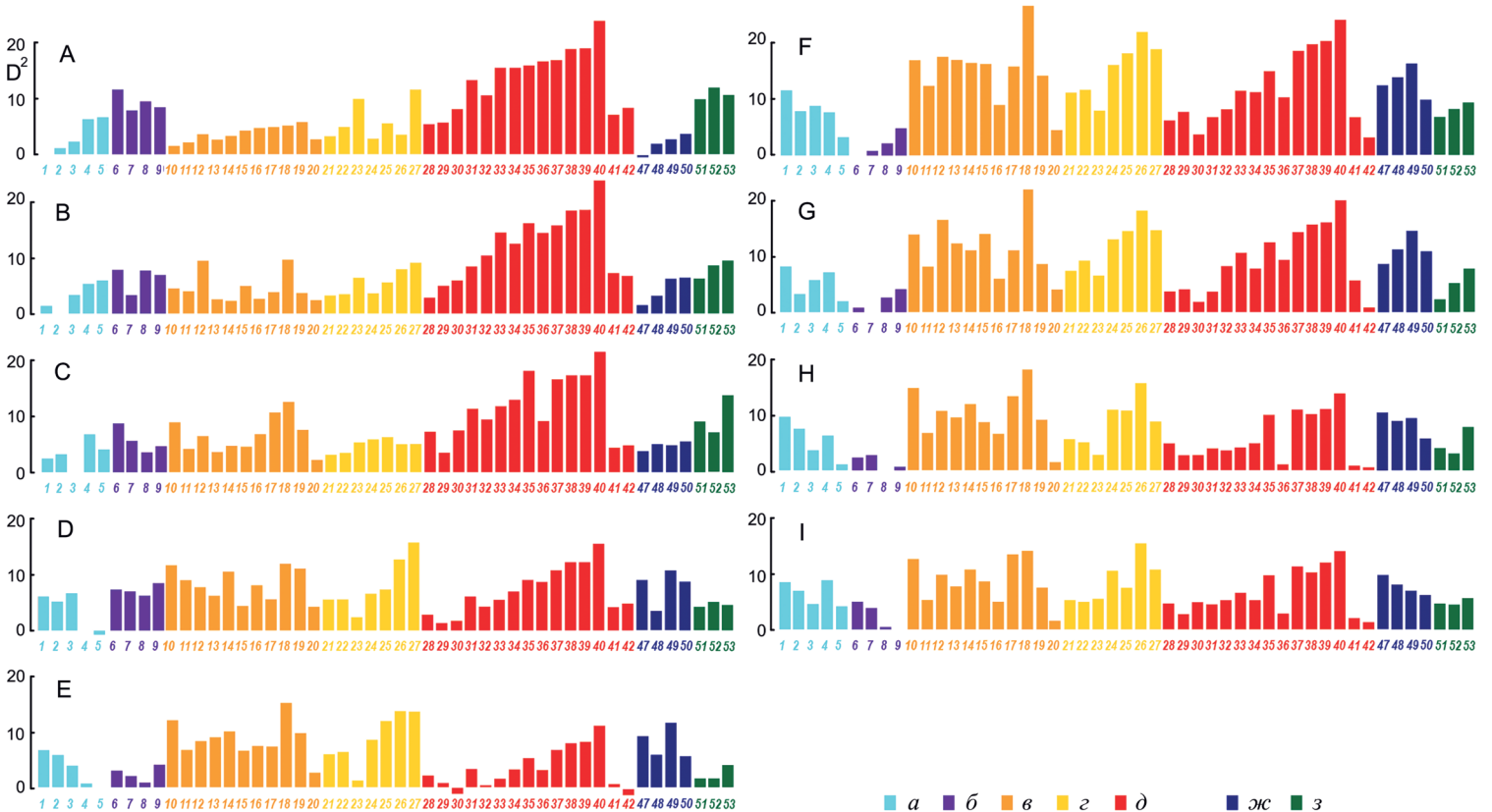

Рис. 2. Гистограммы расстояний Махаланобиса (D^2) между краниологическими сериями культур шнуровой керамики (*A* – Центральная Германия; *B* – Чехия и Словакия; *C* – Западная Польша; *D* – Восточная Пруссия; *E* – Эстония), фатьяновской (*F* – ранняя центральная; *G* – ранняя южная; *H* – поздняя) и балановской (I) и некоторыми другими, привлеченными к анализу

Условные обозначения и номера серий см. в подписи к рис. 1 и 3

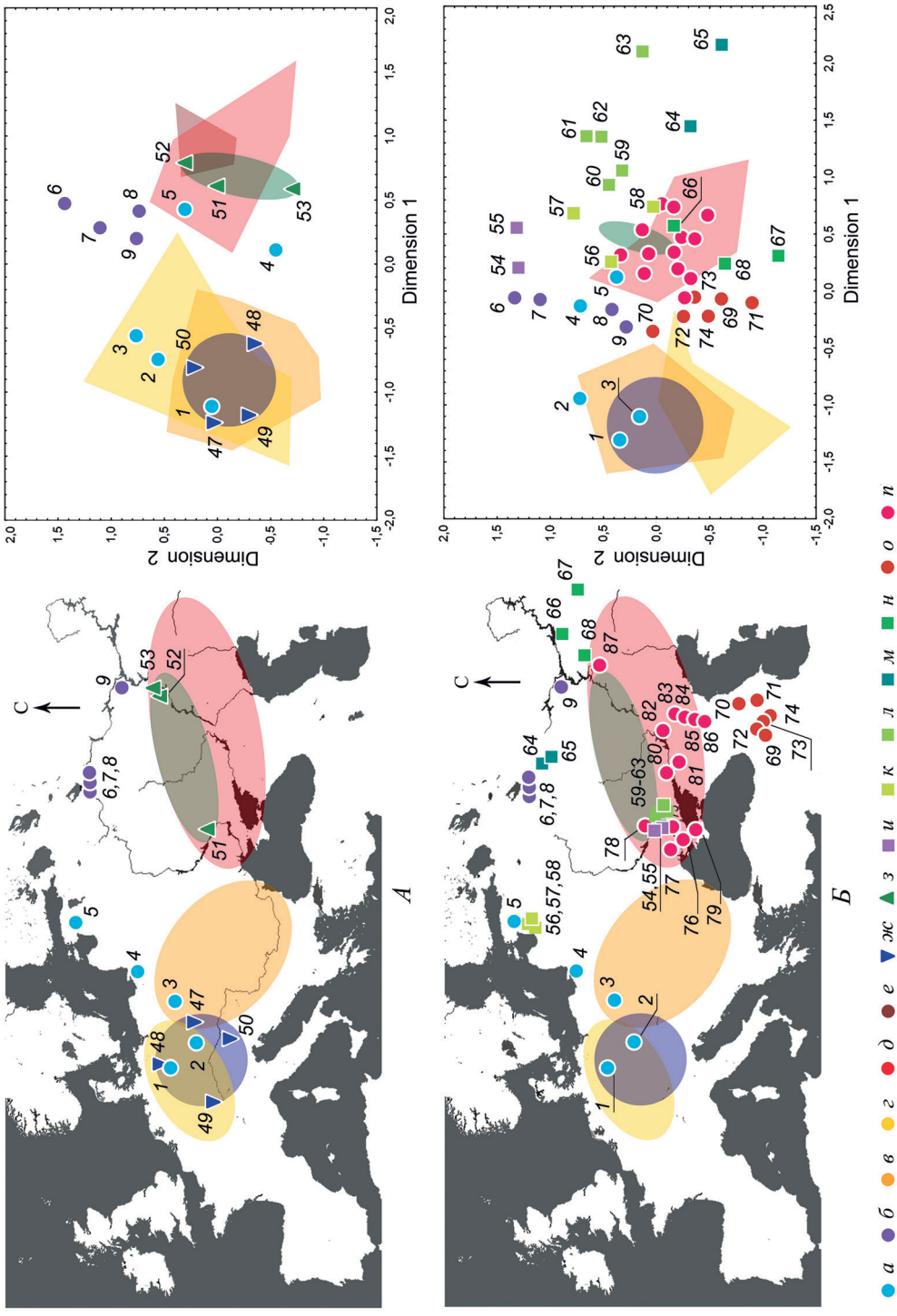
группы (рис. 3: *А*), для остальных обозначим только ареал (на карте) и масштаб межгрупповой вариации краниометрических признаков (на графике).

Две из трех восточных энеолитических выборок – среднестоговская и одна из хвалынских (рис. 3: *А*, № 51, 52) – демонстрируют значительное сходство с доно-волжскими ямными и афанасьевскими, в очередной раз подтверждая упоминавшиеся выше выводы краниологов о сходстве и родстве представителей этих популяций (*Хохлов и др*., 2016). Краниометрическая изменчивость носителей линейно-ленточной керамики оказалась в пределах вариации более поздних западных серий эпохи неолита. Три западные шнурокерамические группы в одинаковой степени схожи и с линейно-ленточными, и с большинством более поздних неолитических выборок Центральной и Юго-Восточной Европы (рис. 2: *A–C*). Восточно-прусская и эстонская группы и все фатьяновские и балановская, напротив, имеют больше сходства с хвалынскими и среднестоговскими, чем с линейно-ленточными сериями (рис. 2: *D–I*).

В пространстве расстояний Махаланобиса, преобразованных в двухмерные координаты (см. рис. 3: *А*), две восточные шнурокерамические группы морфологически ближе к ямным, хвалынским и среднестоговским, чем к территориально более близким западным группам. В то же время фатьяновские и балановская группы, будучи ближайшими соседями степных популяций, все же не столь к ним близки по морфологии черепа. Если бы носители ямной культуры непосредственно участвовали в формировании населения лесной зоны Европы, то степень этого влияния, вероятно, была бы пропорциональна географической удаленности лесных групп, однако наибольшее сходство с ямными и предшествующими им степными коллективами имеет население Балтии, а не соседнего Поволжья, в то время как носители центральноевропейских культур шнуровой керамики обладают краниометрическими признаками географически ближайших к ним популяций эпохи неолита. И все это резко контрастирует с почти идентичностью облика носителей доно-волжской ямной и южносибирской афанасьевской культур.

Сосредоточим наше внимание только на европейских материалах, среди которых фатьяновские и балановская группы выглядят пока наиболее специфичными, исключим афанасьевские и дополним анализ данными о населении Восточной Европы и Кавказа как более раннего, так и более позднего времени, начиная с памятников эпох мезолита и неолита и заканчивая катакомбными и полтавкинской культурами (рис. 3: *Б*).

Популяции мезолита и неолита Восточной Европы выглядят морфологически гораздо разнообразнее более позднего населения тех же территорий. Нео- и энеолитические выборки черепов из лесостепного Волго-Уралья (рис. 3: *Б*: н, № 66–68) имеют в среднем наименьшие размеры мозгового и лицевого отделов при столь же широких и низких орбитах, как и у остальных восточных европейцев. Неолитические группы волосовской и ямочно-гребенчатой культур из лесной зоны Верхнего Поволжья (рис. 3: *Б*: м, № 64, 65) своеобразны наибольшей относительной шириной черепа и лица, а выборки из неолитических могильников мариупольского типа в степном Приднепровье (рис. 3: *Б*: л, № 59–63) – максимальными абсолютными значениями размеров черепа, в особенности поперечных.

Dimension 2
Dimension 1
С
А
Б
а б в г д е ж з и к л м н о п

Три выборки из могильника Звейниеки в Латвии при большом хронологическом охвате (мезолит, неолит) и морфологическом разнообразии (рис. 3: *Б*: к, № 56–58) все же имеют ряд краниометрических характеристик, которые встречаются как в ямных сериях, так и в шнурокерамических из Восточной Пруссии и Эстонии, и в поздней фатьяновской (№ 8), и в балановской (№ 9): это длинный, узкий и высокий нейрокраниум, широкое лицо, низкие и широкие глазницы. Две степные мезолитические группы из приднепровских могильников Васильевка I и III (рис. 3: *Б*: и, № 54, 55) выделяются очень большими продольными и высотными размерами узкого мозгового отдела – именно эти черты, но несколько менее выраженные, наблюдаются в двух самых ранних фатьяновских выборках

Рис. 3 (с. 350). Географическое положение краниологических серий и результаты многомерного шкалирования расстояний Махаланобиса между ними (*А* – с добавлением серий из памятников энеолита Восточной Европы и раннего неолита Центральной Европы; *Б* – с добавлением серий из памятников эпохи бронзы, энеолита, неолита и мезолита Восточной Европы и Южного и Восточного Кавказа и с исключением афанасьевских)

Условные обозначения: *а* – культуры шнуровой керамики (*1* – Центральная Германия; *2* – Чехия и Словакия; *3* – Западная Польша; *4* – Восточная Пруссия; *5* – Эстония); *б* – фатьяновская и балановская культуры (*6* – фатьяновская ранняя центральная; *7* – фатьяновская ранняя южная; *8* – фатьяновская поздняя; *9* – балановская); *в* – неолит Юго-Восточной Европы (*10* – культура Винча; *11* – культура Боян; *12* – Русенское городище; *13* – культура Бодрог-керештур; *14* – культура Тиса; *15* – культура Тисаполгар; *16* – культура Лендьель, Польша; *17* – культура Лендьель, Венгрия; *18* – культура Лендьель, Словакия; *19* – культура Хаманджия; *20* – культура шаровидных амфор); *г* – неолит Центральной Европы (*21* – культура Вальтерниенбург-Бернбург; *22* – Мекленбург; *23* – Осторф; *24* – рессенская культура, Франция; *25* – рессенская культура, Германия; *26* – йордансмюльская культура; *27* – михельсбергская культура); *д* – ямная культура (*28* – нижнеднепровская восточная; *29* – нижнеднепровская южная; *30* – нижнеднепровская западная; *31* – ингульская; *32* – волго-донская; *33* – нижневолжская левобережная; *34* – самарская; *35* – нижнедонская правобережная; *36* – нижнедонская левобережная; *37* – ставропольская; *38* – калмыцкая южная; *39* – калмыцкая; *40* – астраханская; *41* – приуральская (тамар-уткульская) левобережная; *42* – приуральская (тамар-уткульская) правобережная; *е* – афанасьевская культура (*43* – Алтай, суммарные данные 1984 г.; *44* – Алтай, суммарные данные 2009 г.; *45* – Минусинская котловина, суммарные данные 1984 г.; *46* – Минусинская котловина, суммарные данные 2009 г.); *ж* – культура линейно-ленточной керамики (*47* – Чехия и Словакия; *48* – восточная Германия; *49* – юго-западная Германия; *50* – Австрия); *з* – степной энеолит (*51* – среднестоговская культура; *52* – Хвалынск II; *53* – Хвалынск I); *и* – мезолит Приднепровья (*54* – Васильевка I; *55* – Васильевка III); *к* – Звейниеки, Латвия (*56* – мезолит, *57* – ранний неолит; *58* – средний и поздний неолит); *л* – неолит Приднепровья (*59* – Никольский; *60* – Дереивка; *61* – Вовниги; *62* – Вильнянский; *63* – Васильевка II); *м* – неолит Верхнего Поволжья (*64* – волосовская культура; *65* – ямочно-гребенчатая культура); *н* – неолит и энеолит Волго-Уралья (*66* – Меллятамак, неолит; *67* – Лебяжинка, Царево-Александровский и Бурановская суммарно, неолит; *68* – Съезжее и Лебяжинка, энеолит); *о* – могильники эпохи бронзы Кавказа (*69* – Шенгавит; *70* – Гинчи; *71* – Мингечевир; *72* – Артик и Ором; *73* – Норадуз и Цамакаберд; *74* – Лчашен); *п* – катакомбные (к.) и полтавкинская культуры (*75* – к. запорожская; *76* – к. херсонская; *77* – к. ингульская; *78* – к. самарско-орельская; *79* – к. крымская; *80* – к. нижнедонская правобережная; *81* – к. нижнедонская левобережная; *82* – к. волго-донская; *83* – к. восточно-манычская северная; *84* – к. восточно-манычская центральная; *85* – к. восточно-манычская южная; *86* – к. предкавказская; *87* – полтавкинская)

(рис. 3: *Б*, № 6, 7). Таким образом, аналоги восточным представителям круга культур шнуровой керамики обнаруживаются не столько среди ямных, сколько среди существенно более ранних популяций Восточной Европы эпох мезолита и неолита.

Тенденция к снижению межгрупповой изменчивости в степной зоне продолжается и в более позднюю эпоху – катакомбные и полтавкинская группы в целом повторяют облик лишь части предшествующего им населения ямной культуры. Выборки из Южного и Восточного Кавказа эпохи бронзы имеют общие черты, отличающие их от восточноевропейских популяций: более длинный мозговой отдел, более высокое и менее широкое лицо, более высокие глазницы.

Выводы

Не вызывает сомнений давно установленное сходство краниологических серий доно-волжской ямной и южносибирской афанасьевской культур, связанное с формированием последней на основе восточноевропейских популяций. Краниологическая характеристика представителей круга культур шнуровой керамики различна: центральноевропейским выборкам обнаруживаются ближайшие морфологические аналогии в краниологических материалах неолита Центральной и Юго-Восточной Европы, но группы из Восточной Пруссии и Эстонии, а также поздняя фатьяновская и балановская имеют сходство со степными энеолитическими и балтийскими мезо- и неолитическими выборками. Ранние фатьяновские серии отличаются от других групп близкого им культурного круга набором признаков, которые наблюдаются в приднепровских могильниках эпохи мезолита. Сходство с населением ямной культуры имеют только восточные группы шнурокерамического круга культур, которое может объясняться тем, что в состав и тех и других вошли восточноевропейские популяции гораздо более ранних исторических эпох. Обсуждаемое в палеогенетических публикациях продвижение носителей ямной культуры в Центральную Европу по краниологическим данным не выглядит столь значительным, как их миграции в Южную Сибирь.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П., 1961. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник. 3. М. С. 107–206. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР; т. 71.)

Алексеев В. П., 1974. География человеческих рас. М.: Мысль. 351 с.

Алексеев В. П., 1989. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука. 446 с.

Дебец Г. Ф., 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 389 с. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия; т. 4.)

Казарницкий А. А., 2024. О краниологических признаках западных миграций в Восточную Европу в эпоху бронзы (на примере материалов абашевской культуры) // РА. № 1. С. 22–39.

Козинцев А. Г., 2000. Об антропологических связях и происхождении причерноморских скифов // АЭАЕ. № 3. С. 145–152.

Козинцев А. Г., 2007. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // АЭАЕ. № 4 (32). С. 143–157.

Козинцев А. Г., 2008. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // АЭАЕ. № 4 (36). С. 140–144.

Козинцев А. Г., 2013. Краниометрия населения южнорусских и украинских степей (в связи с индоевропейской проблемой) // Международная научная конференция «Население юга России с древнейших времен до наших дней». Ростов-на-Дону: Юж. науч. центр РАН. С. 34–36.

Козинцев А. Г., 2016. Начальный этап индоевропейской истории: свидетельства лингвистики, палеогенетики и археологии // Вестник Томского государственного университета. История. № 5 (43). С. 152–157.

Козинцев А. Г., 2021. Основные направления популяционной динамики в Северной Евразии от мезолита до эпохи ранней бронзы (по данным краниологии и генетики) // АЭАЕ. Т. 49. № 4. С. 140–151.

Козинцев А. Г., Селезнева В. И., 2015. Вторая волна миграции европеоидов в Южную Сибирь и Центральную Азию (к вопросу об индоиранском компоненте в окуневской культуре) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН. С. 418–429.

Кондукторова Т. С., 1973. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука. 128 с.

Кондукторова Т. С., 1978. Антропологический тип людей культур шнуровой керамики Украины // Вопросы антропологии. Вып. 59. С. 3–23.

Кондукторова Т. С., 1979. Антропологический тип людей культуры шаровидных амфор Украины // Вопросы антропологии. Вып. 60. С. 52–69.

Скаков А. Ю., 2005. К изучению хронологии колхидской культуры // РА. № 3. С. 16–24.

Солодовников К. Н., 2003. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. № 10. С. 3–27.

Солодовников К. Н., 2009. Антропологические материалы афанасьевской культуры: к проблеме происхождения // Вестник антропологии. Вып. 17. С. 117–135.

Солодовников К. Н., 2010. Черепа из погребений афанасьевской культуры средней и нижней Катуни // Афанасьевский сборник / Отв. ред.: Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука. С. 233–244.

Солодовников К. Н., Кравченко Г. Г., Рыкун М. П., 2018. Морфологические особенности населения энеолита – ранней бронзы как результат адаптации к географическим и биоклиматическим условиям Алтайской горной страны // ВААЭ. № 4 (43). С. 120–135.

Степанова Н. Ф., Поляков А. В., 2010. Афанасьевская культура: история изучения и современное состояние // Афанасьевский сборник / Отв. ред.: Н. Ф. Степанова, А. В. Поляков. Барнаул: Азбука. С. 4–15.

Хохлов А. А., Солодовников К. Н., Рыкун М. П., Кравченко Г. Г., Китов Е. П., 2016. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // ВААЭ. № 3 (34). С. 86–106.

Allentoft M. E. et al., 2015. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. Vol. 522, 7555. P. 167–172.

Allentoft M. E. et al., 2024. Population genomics of post-glacial western Eurasia // Nature. Vol. 625, 7994. P. 301–311.

Damgaard P. B. et al., 2018. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // Nature. Vol. 557, 7705. P. 369–374.

Evteev A. et al., 2021. Associations between human genetic and craniometric differentiation across North Eurasia: the role of geographic scale // Ancient connections in Eurasia. Tübingen: Kerns Verlag. P. 157–192.

Fernandes D. M. et al., 2018. A genomic Neolithic time transect of hunter-farmer admixture in central Poland // Scientific reports. Vol. 8. № 1. 14879.

Fu Q. et al., 2016. The genetic history of ice age Europe // Nature. Vol. 534, 7606. P. 200–205.

Haak W. et al., 2015. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // Nature. Vol. 522, 7555. P. 207–211.

Järve M. et al., 2019. Shifts in the genetic landscape of the western Eurasian steppe associated with the beginning and end of the Scythian dominance // Current Biology. Vol. 29. № 14. P. 2430–2441.

Jeong C. et al., 2019. The genetic history of admixture across inner Eurasia // Nature ecology & evolution. 3, 6. P. 966–976.
Jeong C. et al., 2020. A dynamic 6,000-year genetic history of Eurasia's Eastern Steppe // Cell. Vol. 183. № 4. P. 890–904.
Jones E. R. et al., 2015. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // Nature communications. Vol. 6. 8912.
Jones E. R. et al., 2017. The Neolithic transition in the Baltic was not driven by admixture with early European farmers // Current Biology. Vol. 27. № 4. P. 576–582.
Kristiansen K. et al., 2017. Re-theorising mobility and the formation of culture and language among the Corded Ware Culture in Europe // Antiquity. Vol. 91. Iss. 356. P. 334–347.
Lazaridis I. et al., 2018. Paleolithic DNA from the Caucasus reveals core of West Eurasian ancestry // BioRxiv. 423079.
Lazaridis I. et al., 2022. The genetic history of the Southern Arc: A bridge between West Asia and Europe // Science. Vol. 377. № 6609. eabm4247.
Lübke H., Lüth F., Terberger T., 2009. Fishers or farmers? The archaeology of the Ostorf cemetery and related Neolithic finds in the light of new data // Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. T. 88. C. 307–338.
Mallick S. et al., 2024. The Allen Ancient DNA Resource (AADR) a curated compendium of ancient human genomes // Scientific Data. Vol. 11. 182.
Manica A. et al., 2007. The effect of ancient population bottlenecks on human phenotypic variation // Nature. Vol. 448, 7151. P. 346–348.
Mathieson I. et al., 2015. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // Nature. Vol. 528, 7583. P. 499–503.
Mathieson I. et al., 2018. The genomic history of southeastern Europe // Nature. Vol. 555, 7695. P. 197–203.
Mittnik A. et al., 2018. The genetic prehistory of the Baltic Sea region // Nature communications. Vol. 9. 442.
Narasimhan V. M. et al., 2019. The formation of human populations in South and Central Asia // Science. Vol. 365. № 6457. eaat7487.
Nikitin A. G., Ivanova S. V., 2022. The Origins and Chronology of the Usatove Culture // Archaeologia Lituana. Vol. 23. P. 148–156.
Orlando L. et al., 2021. Ancient DNA analysis // Nature reviews methods primers. Vol. 1. № 1. 14.
Papac L. et al., 2021. Dynamic changes in genomic and social structures in third millennium BCE central Europe // Science Advances. Vol. 7. Iss. 35. eabi6941.
Penske S. et al., 2023. Early contact between late farming and pastoralist societies in southeastern Europe // Nature. Vol. 620, 7973. P. 358–365.
Posth C. et al., 2023. Palaeogenomics of upper Palaeolithic to Neolithic European hunter-gatherers // Nature. Vol. 615, 7950. P. 117–126.
Racimo F. et al., 2020. The spatiotemporal spread of human migrations during the European Holocene // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 117. Iss. 16. P. 8989–9000.
Relethford J. H., 1994. Craniometric variation among modern human populations // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 95. № 1. P. 53–62.
Saag L. et al., 2021. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain // Science advances. Vol. 7. Iss. 4. eabd6535.
Schwidetzky I., Rösing F., 1990. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit // Homo. Vol. 40. № 1/2. P. 4–45.
Tassi F. et al., 2017. Genome diversity in the Neolithic Globular Amphorae culture and the spread of Indo-European languages // Proceedings of the Royal Society. B: Biological Sciences. Vol. 284. № 1867. 20171540.
Wang C. C. et al., 2019. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // Nature communications. Vol. 10. 590.
Wang C. C. et al., 2021. Genomic insights into the formation of human populations in East Asia // Nature. Vol. 591, 7850. P. 413–419.

Сведения об авторе

Казарницкий Алексей Александрович, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: kazarnitski@mail.ru

A. A. Kazarnitskiy

THE SCALE OF YAMNAYA POPULATION MIGRATIONS (BASED ON CRANIOLOGICAL DATA)

Abstract. There is numerous paleogenetic evidence suggesting that the Yamnaya people left an impact across Central Europe and Southern Siberia transforming the make-up of the population groups that lived there; however, this evidence is contradictory. The paper presents the author's view on this range of debatable issues relying on craniological materials. Nine craniometric traits in more than 80 ancient populations of the Mesolithic, the Neolithic and the Bronze Age are used in the analysis. The intergroup analysis is conducted by calculating Mahalanobis distances between the skull samples followed by multidimensional scaling to produce two-dimensional graphs. Interpreting the results, the author comes to the conclusion that the degree of the impact made by the Yamnaya population varied depending on whether the Yamnaya groups moved west or east of the core of Yamnaya region. The conclusions on strong similarity between the Don-Volga Yamnaya and the Southern Siberian Afanasyevo groups have been reconfirmed, there is clear evidence that these groups shared ancestry. The westernmost craniological series of the Corded Ware culture have the traits of the preceding population which lived in Central and Southeastern Europe during the Neolithic. The Corded Ware series from the Baltics as well as the Fatyanovo series and the Balanovo series from the Volga basin share some traits with the Yamnaya groups that have also been identified in some local population groups in Eastern Europe since the Mesolithic. Most likely, such similarity in traits is an evidence of a common substrate population component in the make-up of the East European populations of the Early Bronze Age that inhabited the forest belt areas and the steppe areas rather than direct interaction between these groups.

Keywords: craniology, craniometry, Yamnaya culture, population history, Bronze Age, archaeology, Europe.

REFERENCES

Alekseev V. P., 1961. Paleoantropologiya Altae-Sayanskogo nagor'ya epokhi neolita i bronzy [Paleoanthropology of Altai-Sayan Highlands of Neolithic and Bronze Age]. *Antropologicheskiy sbornik [Anthropological collection]*, 3. Moscow, pp. 107–206. (Trudy Instituta etnografii AN SSSR, 71.)

Alekseev V. P., 1974. Geografiya chelovecheskikh ras [Geography of human races]. Moscow: Mysl. 351 p.

Alekseev V. P., 1989. Istoricheskaya antropologiya i etnogenez [Historical anthropology and ethnogenesis]. Moscow: Nauka. 446 p.

Debets G. F., 1948. Paleoantropologiya SSSR [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 389 p. (Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaya seriya, 4.)

Kazarnitskiy A. A., 2024. O kraniologicheskikh priznakakh zapadnykh migratsiy v Vostochnuyu Evropu v epokhu bronzy (na primere materialov abashevskoy kul'tury) [On craniological markers of western migrations to Eastern Europe in the Bronze Age (the case of Abashevo culture)]. *RA*, 1, pp. 22–39.

Khokhlov A. A., Solodovnikov K. N., Rykun M. P., Kravchenko G. G., Kitov E. P., 2016. Kraniologicheskie dannye k probleme svyazi populyatsiy yamnoy i afanas'evskoy kultur Evrazii nachalnogo etapa bronzovogo veka [Craniological data on relationship between populations of Yamnaya and Afanas'evo cultures of Eurasia at the initial stage of Bronze Age]. *VAAE*, 3 (34), pp. 86–106.

Konduktorova T. S., 1973. Antropologiya naseleniya Ukrainy mezolita, neolita i epokhi bronzy [Anthropology of Ukraine population of Mesolithic, Neolithic and Bronze Age]. Moscow: Nauka. 128 p.

Konduktorova T. S., 1978. Antropologicheskiy tip lyudey kultur shnurovoy keramiki Ukrainy [Anthropological type of people of the corded ware cultures in Ukraine]. *Voprosy antropologii [Issues of anthropology]*, 59, pp. 3–23.

Konduktorova T. S., 1979. Antropologicheskiy tip lyudey kultury sharovidnykh amfor Ukrainy [Anthropological type of people of globular amphorae culture in Ukraine]. *Voprosy antropologii [Issues of anthropology]*, 60, pp. 52–69.

Kozintsev A. G., 2000. Ob antropologicheskikh svyazyakh i proiskhozhdenii prichernomorskikh skifov [On anthropological links and origin of Pontic Scythians]. *AEAE*, 3, pp. 145–152.

Kozintsev A. G., 2007. Skify Severnogo Prichernomor'ya: mezhgruppovye razlichiya, vneshnie svyazi, proiskhozhdenie [Scythians of North Pontic region: intergroup differences, external relations, origin]. *AEAE*, 4 (32), pp. 143–157.

Kozintsev A. G., 2008. Tak nazyvaemye sredizemnomortsy Yuzhnoy Sibiri i Kazakhstana, indoevropeyskie migratsii i proiskhozhdenie skifov [So-called Mediterranean peoples of Southern Siberia and Kazakhstan, Indo-European migrations and origin of Scythians]. *AEAE*, 4 (36), pp. 140–144.

Kozintsev A. G., 2013. Kraniometriya naseleniya yuzhnorusskikh i ukrainskikh stepey (v svyazi s indoevropeyskoy problemoy) [Craniometry of population of South Russian and Ukrainian steppes (in relation with Indo-European problem)]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Naselenie yuga Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney» [International scientific conference «Population of Southern Russia from ancient times to the present day»]*. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 34–36.

Kozintsev A. G., 2016. Nachalnyy etap indoevropeyskoy istorii: svidetelstva lingvistiki, paleogenetiki i arkheologii [Initial stage of Indo-European history: evidence from linguistics, paleogenetics, and archaeology]. *Vestnik Tomskogo gos. universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk state university. History]*, 5 (43), pp. 152–157.

Kozintsev A. G., 2021. Osnovnye napravleniya populyatsionnoy dinamiki v Severnoy Evrazii ot mezolita do epokhi ranney bronzy (po dannym kraniologii i genetiki) [Main trends of population dynamics in North Eurasia from Mesolithic to Early Bronze Age (according to craniology and genetics data)]. *AEAE*, vol. 49, no. 4, pp. 140–151.

Kozintsev A. G., Selezneva V. I., 2015. Vtoraya volna migratsii evropeoidov v Yuzhnuyu Sibiri i Tsentral'nuyu Aziyu (k voprosu ob indoiranskom komponente v okunevskoy kul'ture) [Second wave of migration of Caucasoids to South Siberia and Central Asia (on Indo-Iranian component in Okunevo culture)]. *Radlovskiy sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty Muzeya antropologii i etnografii RAN v 2014 g. [Radlov collection: Scientific research and museum projects of Museum of Anthropology and Ethnography RAS in 2014]*. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 418–429.

Skakov A. Yu., 2005. K izucheniyu khronologii kolkhidskoy kultury [On study of chronology of Colchian culture]. *RA*, 3, pp. 16–24.

Solodovnikov K. N., 2003. Materialy k antropologii afanas'evskoy kul'tury [Materials for anthropology of Afanas'evo culture]. *Drevnosti Altaya [Antiquities of Altai]*, 10, pp. 3–27.

Solodovnikov K. N., 2009. Antropologicheskie materialy afanas'evskoy kultury: k probleme proiskhozhdeniya [Anthropological materials of Afanas'evo culture: the issue of origin]. *Vestnik antropologii [Bulletin of anthropology]*, 17, pp. 117–135.

Solodovnikov K. N., 2010. Cherepa iz pogrebeniy afanas'evskoy kultury sredney i nizhney Katuni [Skulls from burials of Afanas'evo culture of Middle and Lower Katun]. *Afanas'evskiy sbornik [Afanasyevo collection]*. N. F. Stepanova, A. V. Polyakov, eds. Barnaul: Azbuka, pp. 233–244.

Solodovnikov K. N., Kravchenko G. G., Rykun M. P., 2018. Morfologicheskie osobennosti naseleniya eneolita – ranney bronzy kak rezul'tat adaptatsii k geograficheskim i bioklimaticheskim usloviyam Altayskoy gornoy strany [Morphological features of Chalcolithic – Early Bronze Age population as

a result of adaptation to geographical and bioclimatic conditions of Altai mountain country]. *VAAE*, 4 (43), pp. 120–135.

Stepanova N. F., Polyakov A. V., 2010. Afanas'evskaya kultura: istoriya izucheniya i sovremennoe sostoyanie [Afanas'evo culture: history of study and current state]. *Afanas'evskiy sbornik [Afanasyevo collection]*. N. F. Stepanova, A. V. Polyakov, eds. Barnaul: Azbuka, pp. 4–15.

About the author

Kazarnitskiy Aleksej A., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: kazarnitski@mail.ru

С. А. Пантелеев, М. А. Балабанова, Е. В. Перерва

ПОГРЕБЕНИЕ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА «ПОСОЛЬСКИЙ»: АРХЕОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ [1]

Резюме. В статье вводятся в научный оборот археологические и антропологические материалы погребения 32 (раскоп 5) гуннского времени из грунтового могильника «Посольский», исследованного в 2020 г. археологической экспедицией Института археологии им. А. Х. Халикова (г. Казань). Могильник располагался в Приволжском районе Астраханской области в центральной части дельты реки Волги. Исследованное погребение по обряду и инвентарю может быть датировано концом IV – V в. н. э. Изучение антропологических материалов показало, что череп имеет следы сильной искусственной деформации, по типу высокий кольцевой, который встречается у синхронного населения Нижнего Поволжья, Крыма, Венгрии и т. д. Краниометрические данные указывают на смешанное монголоидно-европеоидное происхождение, что не противоречит как данным письменных источников, так и сравнительным данным. Степень патологических состояний костей скелета указывает на следы незначительных воспалительных процессов на черепе и в зубной системе. На костях посткраниального скелета наблюдаются признаки дегенеративных изменений.

Ключевые слова: дельта реки Волги, грунтовый могильник «Посольский», гуннское время, погребальный обряд, сосуд, хронология, антропология, искусственная деформация черепа.

Введение

Как свидетельствуют письменные источники, в истории Восточной и Центральной Европы гунны оставили глубокий след, но археологические комплексы, которые можно отнести к гуннскому времени, немногочисленны. Погребения

[1] Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 24-28-00772 «Исследование антропологии полиэтничных социумов Нижнего Поволжья в эпоху Средневековья».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.358-381

единичны и не образуют могильников. Они обычно обнаруживаются случайно и чаще всего – местным населением в процессе земляных работ. Перечень памятников с обширной территории, от Подунавья до Урала и Центральной Азии, приведен на рисунке 1 в томе «Степи Евразии в эпоху Средневековья» (1981. С. 11, 12. Рис. 1. С. 103). Всего на начало 80-х гг. XX столетия насчитывалось 66 комплексов с широкой датой – V – первая половина VIII в. Данные по 53 комплексам приводятся в статье М. М. Казанского и А. В. Мастыковой (2009. С. 115. Рис. 1). Территория охвата – Приуралье – Подунавье. Памятников с более узкой датой, конец IV – середина VI в., в Волгодонском регионе нам известно не более 10[2].

Погребения гуннского времени, найденные на территории Нижнего Поволжья, чаще «впускные» в более ранние курганы или без насыпи кургана, представляют собой грунтовые ямы прямоугольной формы, иногда подбойные. Умершие лежат на спине в вытянутом положении, с ориентировкой головы на север или северо-запад. В качестве напутственной пищи в погребениях, судя по обнаруженным костям, использовалось мясо лошади, овцы и других животных, находят также остатки шкур, лепные горшки, которые часто обнаруживаются у головы погребенного (*Плетнева*, 2003). В мужских погребениях присутствуют атрибуты, связанные с войной и верховой ездой. Это длинные мечи, костяные накладки на сложносоставной лук, характерные ромбовидные железные наконечники стрел, очень редко – копья, кинжалы, фрагменты кольчуг. Конская амуниция представлена железными удилами, бронзовыми и железными частями ременной гарнитуры, различными украшениями сбруи. Из элементов костюма в этих погребениях встречаются металлические детали наборных поясов и оружейных портупей – пряжки, наконечники ремней, накладки – из разных металлов и разной сложности исполнения в зависимости от богатства погребенного. С гуннской эпохой связывают так называемый полихромный стиль, которым украшали оружие, элементы костюма, конскую упряжь и др. (*Засецкая*, 1968).

В связи со спецификой данной статьи интересна информация о внешнем облике гуннов, которая содержится в письменных источниках. Авторы перечисляют признаки, набор которых можно соотнести с монголоидным комплексом: темная пигментация, небольшой рост, широкие плечи, почти полное отсутствие третичной обволошенности на лице, маленькие глаза, приплюснутый нос и т. д. (*Аммиан Марцеллин*, 2005. XXXI. 2–8; *Иордан*, 1997. 128; *Клавдий Клавдиан*, 1982. I, 325). Есть прямые указания и на различные манипуляции, связанные с обрядом скарификации, причиной которой могли быть посвящения (инициации) (*Иордан*, 1997. 128; *Аммиан Марцеллин*, 2005. XXXI.2.2 и др.), и обычаем преднамеренной искусственной деформации головы (*Латышев*, 1949. II. 235–298): «…над круглой массой тела поднимается узкая голова… Далее, для того, чтобы над щеками не выдавались две трубки носа, обвязанная кругом тесьма сдавливает нежные ноздри, чтобы они могли входить под шлем… ибо растянутая площадь щек становится шире, если посередине не возвышается нос».

[2] Список их нам любезно предоставил известный специалист по кочевникам тюркского времени Волго-Донского региона Е. В. Круглов, за что мы ему благодарны.

О наличии монголоидной примеси и практике обычая преднамеренной искусственной деформации черепа у населения этого времени свидетельствует и немногочисленный опубликованный краниологический материал (*Глазкова, Чтецов*, 1960; *Балабанова*, 2005; *Ходырева, Шкрибляк*, 2023, и др.).

Таким образом, ввиду большой редкости гуннских захоронений в Волго-донском регионе становится очевидной необходимость публикации погребения и проведения подробного палеоантропологического исследования обнаруженного скелета по широкому набору методик с привлечением сравнительных данных. Введение в научный оборот индивидуальных данных по костяку позволит увеличить сравнительную базу для дальнейших исследований.

Описание погребения и антропологических материалов

Археологический контекст. Погребение 32 было исследовано в 2020 г. в ходе спасательных археологических раскопок на грунтовом могильнике «Посольский» (раскоп 5), расположенном в южной части Приволжского района Астраханской области на бэровском бугре «Посольский», возвышенности естественного происхождения. Бугор находится на равнинном участке в междуречье рек: на западе Царев, на востоке Болда (рис. 1).

Погребение 32 в ходе раскопок могильника было обнаружено с материка на уровне горизонта зачистки подошвы второго пласта по пятну могильной ямы в северо-восточной части раскопа 5 и незначительно заходящего в расконсервированную часть раскопа 4 (2016 г.). Пятно могильной ямы практически не отличалось от окружающего грунта, поскольку в основном было заполнено этим же материковым плотным пересушенным суглинком. Могильная яма (до обрушения 3,1 × 1,15 × 1,05 × 1,1 м) вытянута по линии север – северо-запад и юг – юго-восток (рис. 2: *1–5*).

На глубине 1,41 м от поверхности горизонта зачистки подошвы второго пласта раскопа 5 обнаружен подбой, засыпанный однородным материковым грунтом. Погребальная камера (2,56 × 0,9 × 0,79 × 0,76 м) с высотой свода камеры до обрушения 0,52 м от входной ямы отделена ступенью высотой от 0,4 до 0,52 м (шириной от 0,8 до 0,71 м) (рис. 2: *1, 2, 4*). В процессе расчистки погребения в южной части ямы в грунте заполнения над ступенью были обнаружены компактно расположенные кости лошади (рис. 2: *2*). Череп лошади был уложен на левый бок костями «морды» по направлению на север, а с юга располагались хвостовые позвонки, заходящие на нижнюю челюсть. Вокруг черепа хаотично располагались две к югу и одна к северу, заходя под череп, кости ног (в сочленении путовая часть, бабка, венчик, копыто) (рис. 2: *2*; 3: *1*). При расчистке в южной части подбоя были обнаружены прислоненные к стенке ступени сползшие вниз кости ноги лошади (в сочленении путовая часть, бабка, венчик, копыто) (рис. 2: *2*; *4*; 3: *3*).

На дне погребальной камеры расчищен скелет мужчины около 35–45 лет, уложенный в положении вытянуто на спине головой на север – северо-запад (рис. 2: *3*; 3: *2*). Череп имеет преднамеренную искусственную деформацию с валиком в области точки *bregma* (рис. 5: *1–3*). Плечевая кость левой руки сдвинута со своего места и под углом в 110° упирается проксимальным эпифизом

Рис. 1. Место расположения грунтового могильника «Посольский», погребение 32

в нижнюю челюсть. Большая часть костей позвоночника и значительная часть левого крыла таза отсутствуют. Вероятно, это связано с деятельностью землеройных животных, так как на костях таза отмечены следы погрызов. С левой стороны (с востока) к костям грудной клетки вплотную располагались фрагменты черепа и плюсны овцы (задняя часть ноги, кухонный слом присутствует). Поверх левого предплечья ближе к запястью по диагонали находилась кость плюсны задней части ноги (кухонный слом присутствует) овцы. В районе локтевого сустава вплотную к правой руке по диагонали залегала кость пясти передней части ноги овцы.

Вдоль левой бедренной кости с востока и южнее кисти левой руки лежал железный нож во фрагментах (рис. 2: *3*). После произведенной реконструкции его размер составил 14 см, сохранившаяся длина черенка – 4,1 см, длина

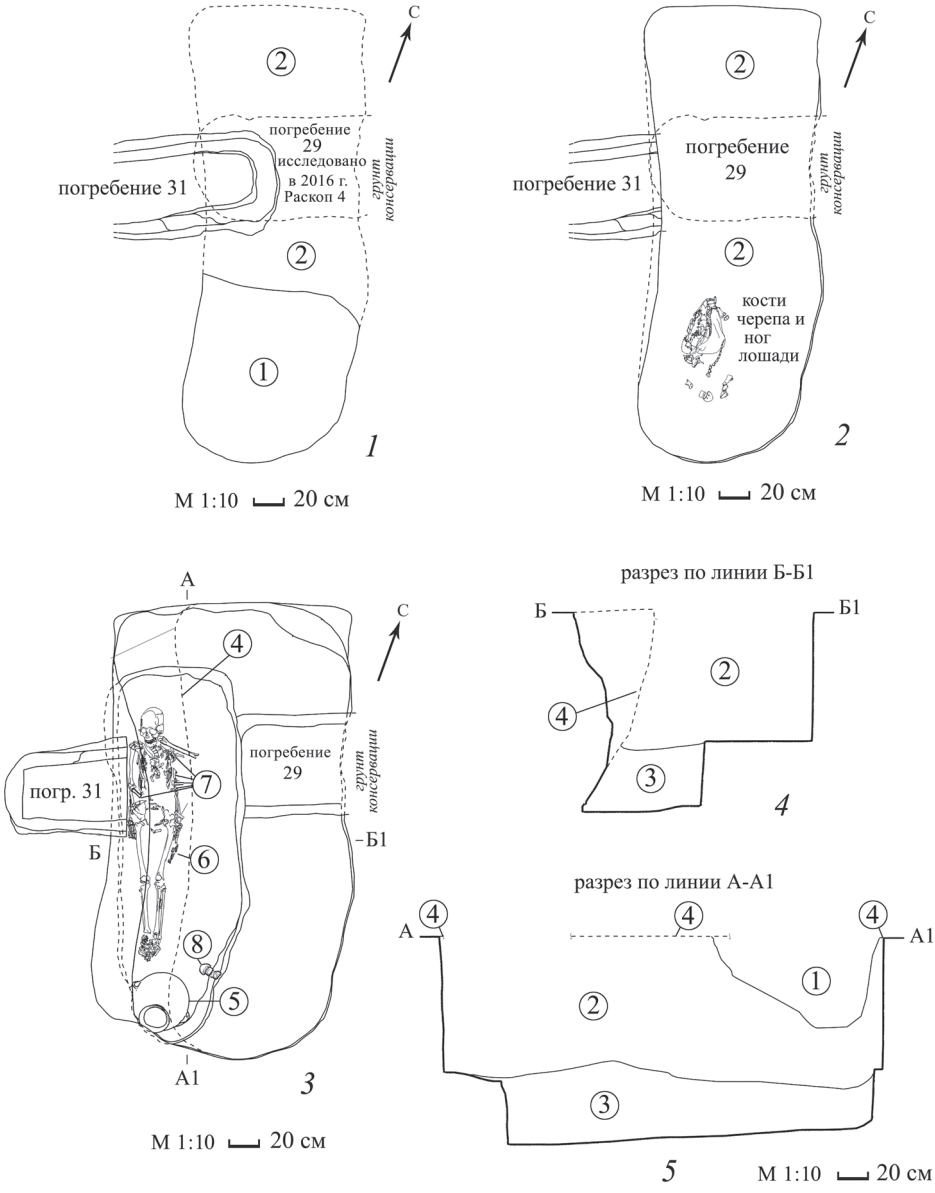

Рис. 2. План погребения 32

1 – ситуация 1 (пятно); *2* – ситуация 2 (на уровне костей черепа и ног лошади); *3* – ситуация 3; *4* – разрез по линии Б-Б1; *5* – разрез по линии А-А1

Условные обозначения (*цифры в кружках*): *1* – плотный желто-коричневый песок, мешанный с комьями коричневого (шоколадного) материкового суглинка; *2* – плотно слежавшийся пересушенный комковатый коричневый (шоколадный) материковый суглинок практически неотличим от окружающего грунта; *3* – рыхлый в мелкий комочек коричневый (шоколадный) материковый суглинок с песком; *4* – граница стенки рухнувшего подбоя; *5* – круговой сосуд с двумя ручками; *6* – фрагменты железного ножа; *7* – кости барана (ягненка?), ног, фрагменты черепа, зубы; *8* – кости ноги лошади (путовая часть, бабка, венчик, копыто)

1

2

3

Рис. 3. Погребение 32

1 – ситуация 2 (на уровне костей черепа и ног лошади); *2* – ситуация 3 (после полной произведенной расчистки); *3* – круговой сероглиняный сосуд с двумя ручками

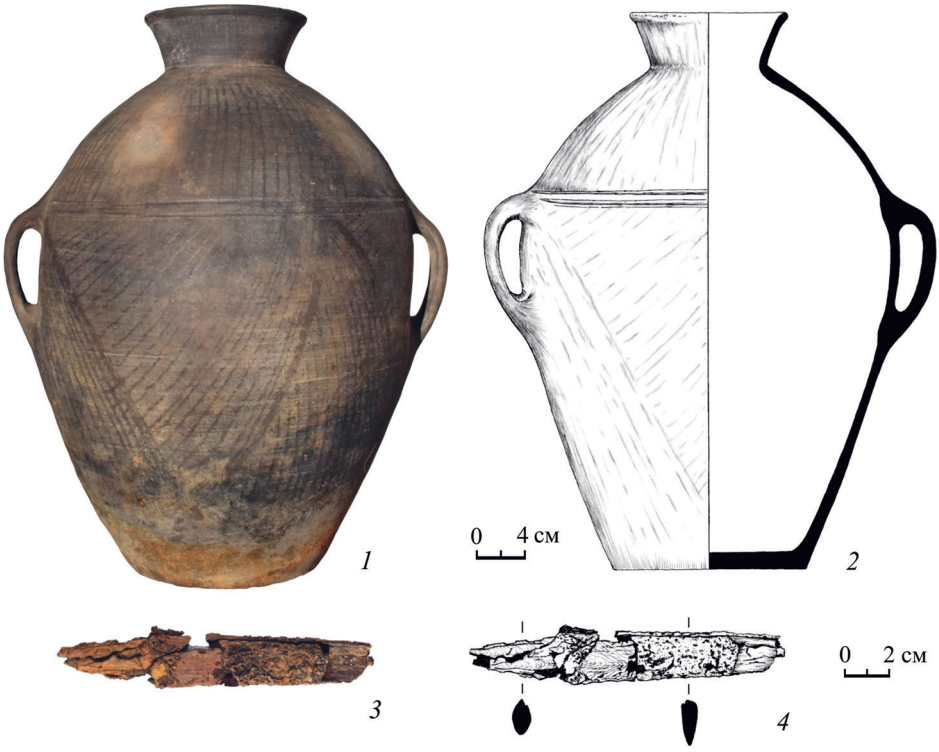

Рис. 4. Погребение 32

1, 2 – круговой сероглиняный сосуд с двумя ручками; *3, 4* – нож (железо, склейка)

лезвия – 9,9 см шириной от 2,5 до 1,8 см, лезвие сужается к утраченному концу, в сечении клиновидное (рис. 4: *3, 4*).

В ногах, к югу от погребенного, расчищен круговой сосуд с двумя продольными ручками (рис. 2: *3*; 3: *2, 3*), со следующими размерами: высота 44 см, донце плоское, диаметром 15,5 см, максимальный диаметр тулова – 30 см, горловина высотой 4,3 см (раструбовидная), 12,5 × 8 см, сужается к основанию (рис. 4: *1, 2*). Венчик округлый, оформлен в виде слабовыраженного валика. Верхняя часть прилепа обеих ручек расположена в месте максимального расширения тулова. В целом ручки находились в средней части сосуда. Ручки в сечении овальные, сильно уплощенные (сглажены из двух жгутов), размером 12 × 3,5 см. Сосуд тонкостенный восстановительного обжига, поверхность серого цвета с переходом в черный, имеет яйцевидное вытянутое тулово. Поверхность тулова от основания покрыта на 2/3 косыми линиями лощения, образующими треугольники. Линии проведены под разными углами, поэтому треугольники через раз обращены вершинами вверх или вниз. По плечу тулова в максимальной части его расширения нанесены две горизонтальные параллельные линии, которые прерываются в местах верхнего прилепа ручек. Между линиями нанесены короткие диагональные полосы лощения. Остальная часть

сосуда, от горизонтальных линий, включая и горловину, покрыта вертикальными полосами лощения.

Антропологический контекст. Изучались искусственно и посмертно деформированные и частично разрушенные в результате тафономических процессов череп и нижняя челюсть. Останки посткраниального скелета представлены диафизами длинных костей скелета в плохой сохранности. Также для исследования были доступны части подвздошных костей, лопаток, ребер, фрагменты отдельных позвонков и кости кистей и стоп в неполной комплектности. Идентификация пола костей скелета как мужского не вызвала сомнение, так как и на черепе, и на костях посткраниального скелета хорошо представлены признаки полового диморфизма. Сосцевидные отростки отличались относительной массивностью и заостренностью их вершины. Кроме того, хорошо выражена развитость и угловатость бугристостей и шероховатостей в местах прикрепления мышц как на черепе, так и на фрагментах костей посткраниального скелета. Наружный затылочный бугор был выражен умеренно. В лицевом отделе черепа выделялась нижняя челюсть, достаточно крупная, восходящие ветви расположены вертикально, нижнечелюстные углы почти прямые и развернуты наружу. На фрагментах тазовых костей также имелись мужские признаки: подлобковый угол острый, острый угол образует и большая седалищная вырезка.

Степень облитерации черепных швов и стертости зубов позволяет определить возраст мужчины в пределах 35–45 лет (*Алексеев, Дебец*, 1964. С. 29–40).

Как уже указывалось выше, мозговая коробка носит на себе следы преднамеренной кольцевой деформации (*Жиров*, 1940) (рис. 5: *1–3*). На костях свода черепа со стороны эндокрана наблюдаются следы высокого внутричерепного давления в виде хорошо развитого сосудистого рисунка и пальцевидных вдавлений. В орбитах мужчины присутствуют признаки вдавлений от сосудистых капилляров, что также видно и при изучении рентгенограммы черепа. На костях свода мозговой капсулы в области надбровных дуг, а также на затылочной части (теменные и затылочная кости) зафиксированы следы васкулярной реакции костной ткани по типу «апельсиновой корки». Степень развития данного состояния достигает 1 балла. На поверхностях, составляющих височно-нижнечелюстной сустав, имеются дегенеративные изменения в виде незначительной изношенности и потертостей. На затылочной кости в месте прикрепления мышц *m. occipitalis, m. rectus capitis posterior minor, m. rectus capitis posterior major* наблюдается увеличение костного рельефа и количества питательных отверстий. Также следует отметить признаки воспалительного процесса в виде костных наслоений, образования дополнительных перегородок и костных наростов, фиксирующихся в пазухах верхнечелюстных костей (вероятно, последствие синусита). В центральной части правой лобной пазухи зафиксировано костное образование округлой формы, размерами 5 × 5 мм, со следами воспалительного процесса по центру (*Перерва*, 2024. С. 100).

Изучение зубной системы показало, что на сохранившихся зубах верхней и нижней челюсти присутствуют минерализованные отложения 2-го балла светло-серого цвета. Корни зубов несколько оголены, что маркирует развитие пародонтита. На коронках зубов верхней и нижней челюсти с внешней стороны

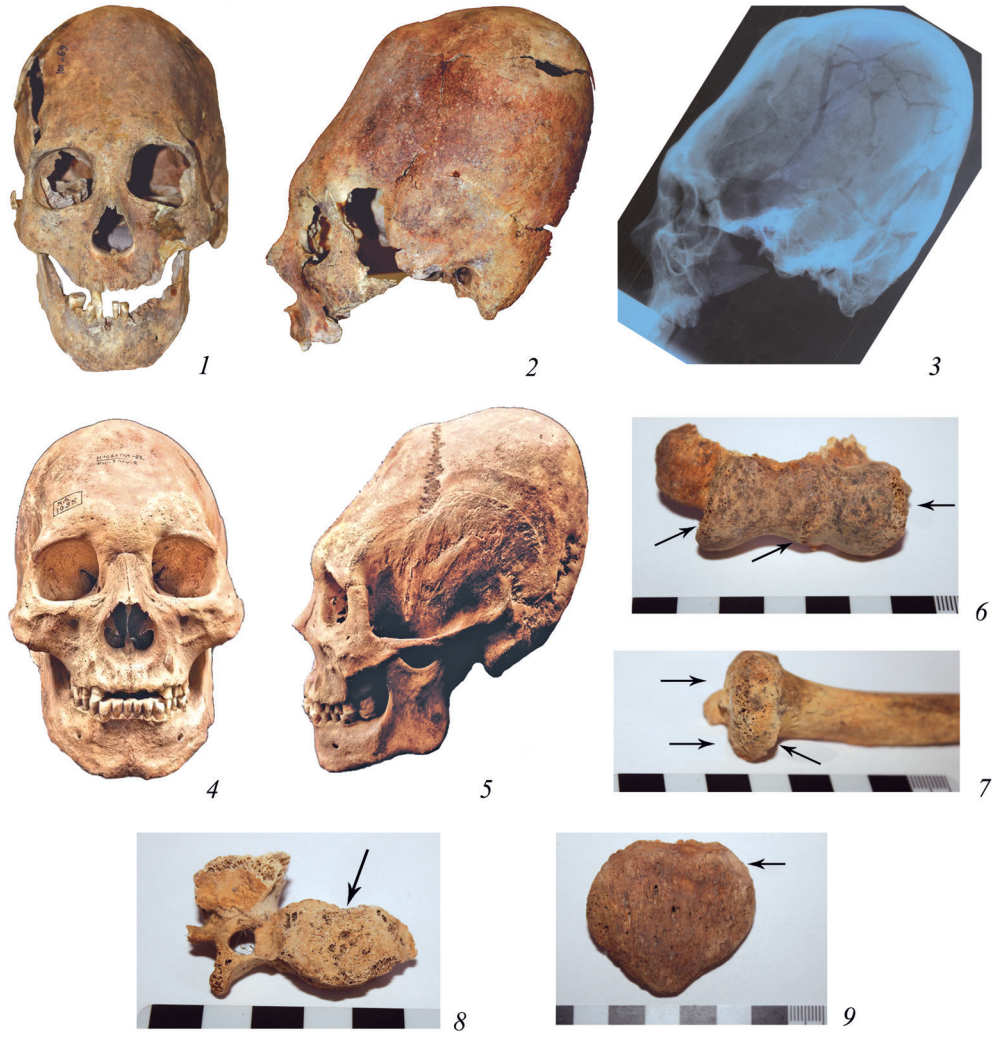

Рис. 5. Антропологические материалы

1, 2 – череп мужчины (35–45 лет) из погребения 32 могильника «Посольский» (лицевая и латеральная норма); *3* – рентгенограмма черепа (профильная проекция) из погребения 32; *4, 5* – череп мужчины из погребения 2 кургана 3 могильника Иловатка (лицевая и латеральная норма); *6* – дегенеративные изменения на мыщелке плечевой кости; *7* – деформирующий артроз головки и суставной поверхности локтевой кости; *8* – следы деструкций на нижней межпозвоночной поверхности шейного позвонка (остеохондроз); *9* – ямка на коленной чашечке от широкой мышцы бедра

фиксируются множественные сколы эмали. В области альвеолярного возвышения первого резца с правой стороны на нижней челюсти зафиксировано отверстие размером 3 × 2 мм, имеющее выход на наружную сторону, являющееся следствием развития пульпита (рис. 5: *1*). Резцы и клыки сильно стерты, местами обнажая пульпу.

Рентгенологическое исследование черепной капсулы позволило выявить неравномерное склеротизирование ячеек сосцевидных отростков, что может быть вызвано мастоидитом уха (рис. 5: *3*). Данное состояние возникает при воспалительном процессе в области сосцевидного отростка височной кости. Таким образом, перед смертью у индивида развивались воспалительные процессы слизистых лобных и скуловых пазух, а также в ячейках сосцевидных отростков, которые могли иметь инфекционную природу.

Изучение костей посткраниального скелета позволило установить следующее. Из аномалий в их строении следует выделить следы венозного застоя, которые локализуются в нижней части левой большеберцовой кости на латеральной поверхности. На обоих надколенниках зафиксированы ямки от широкой мышцы бедра «*Vastus fossa*» (рис. 5: *9*).

Из-за плохой сохранности антропологического материала не удалось определить характер поражения всех суставов посткраниального скелета. В то же время наблюдаются признаки дегенеративных изменений правой головки плечевой кости, дистального эпифиза левой плечевой кости (рис. 5: *6, 7*). Сильная деформация головки и суставной окружности наблюдается на правой локтевой кости. Имеются признаки изношенности в виде краевых разрастаний и сильной потертости в области обоих тазобедренных и коленных суставов.

На плечевых костях зафиксировано чрезмерное развитие мест прикрепления мышц *m. deltoideus*; на лучевых – *m. brachioradialis*; на ключицах – мест прикрепления связок *ligamentum cora coclaviculare*; на большеберцовых костях на задней поверхности – *m. popliteus*. На остальных диафизах верхних и нижних конечностей характер мезоморфии мышечного рельефа не превышает 2-го балла, по М. Б. Медниковой (1998).

Позвоночный столб сохранился также не полностью и представлен в основном фрагментами тел позвонков шейного и верхнего грудного отделов. На шейных и грудных позвонках наблюдаются краевые разрастания до 1–2 мм горизонтального типа. На 4-м и 6-м шейных позвонках на нижних межпозвоночных поверхностях выявлены следы разреженности костной ткани и множества хрящевых мелких грыж, которые, вероятнее всего, являются следствием развития остеохондроза (рис. 5: *8*).

Череп относительно хорошей сохранности, но с сильной искусственной деформацией, а затылочная область искажена и посмертной деформацией (табл. 1, см. в конце статьи; рис. 5: *1–3*), поэтому значения части признаков в табл. 1 приводятся со знаком вопроса. Отсутствие фрагментов костей, образующих основание черепа, небной и альвеолярной части верхней челюсти, небных костей не позволило измерить признаки: 5; 17; 40; 45; 60; 61; 63; 63 – они отсутствуют в таблице. Размеры отдельных признаков мозгового отдела черепа демонстрируют изменения, которые они претерпели под давлением деформирующей конструкции. Так, значение продольного диаметра находится в пределах очень

малых величин, а значение поперечного – средних. Черепной указатель брахикранный (*Алексеев, Дебец*, 1964. С. 118–122). Ушная высота очень большая. Рельеф на черепе развит умеренно: надпереносье, сосцевидные отростки, наружный затылочный бугор и передненосовая ость выражены ниже среднего – 2 балла, а надбровные дуги – 1 балл. Основание черепа широкое. Лобная кость очень узкая и по наименьшей ширине, и по наибольшей. Ее вертикальный профиль сильно покатый по углу назион-метопион, угол перечного изгиба лба очень большой, что свидетельствует о сильной уплощенности по линии фронтотемпоральных точек. Хорда и дуга лобной кости очень длинные, но высота его изгиба малая, а угол высоты изгиба большой, что демонстрирует уплощенность лобной кости по линии назион – брегма. У теменной кости хорда короткая, а дуга очень длинная. Затылочная кость средней ширины с очень длинной хордой и дугой средней длины. Высота изгиба затылочной кости небольшая, а сама область затылка сильно уплощенная, что является результатом давления деформирующей конструкции в этой области.

Лицевой скелет очень высокий, широкий и по верхней, и по средней ширине. Его горизонтальная профилировка ослабленная по значениям обоих углов, а вертикальный профиль лица – ортогнатный. Нос высокий и среднеширокий с антропинной формой нижнего края грушевидного отверстия, лепторинный по пропорции. Глазница крупная, очень широкая и высокая по абсолютным размерам и средней высоты по указателю (мезоконхная). Переносье узкое и низкое, а носовые кости средней ширины и низкие, резко выступающие. Клыковая ямка мелкая.

Из дискретно-варьирующих признаков на черепе присутствовала с обеих сторон кость астрерион, в лямбдовидном шве имелись дополнительные косточки, надглазничные отверстия с обеих сторон отсутствовали (*Мовсесян*, 2005).

Таким образом, вышеприведенная характеристика мужского черепа позволяет диагностировать как наличие следов сильной преднамеренной деформации, так и смешанный монголоидно-европеоидный набор признаков.

Обсуждение

Изучение археологического материала, полученного при раскопках погребения 32 могильника «Посольский», показало, что погребальный обряд (конструкция) довольно типичен для этого времени и представляет собой простую прямоугольную яму с прямыми стенками и подбоем. Согласно С. А. Плетневой (2003. С. 22), этот тип можно отнести к III группе погребений с трупоположением (ингумацией) без курганной насыпи, с останками коня первой подгруппы варианта «б» – отдельные кости конского скелета. Подобная аналогия имеется в погребении из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан), где отмечается как конструктивная схожесть, так и ее ориентировка, совпадает и ориентировка самого погребенного. Также наблюдается еще одно сходство, расположение на ступени костей коня с черепом, ориентированным «мордой» на север (*Бейсенов, Веселовская*, 2013. С. 446). Для данного анализа он вторичен, в связи с чем можно обратить внимание на вещи-хроноиндикаторы, к которым следует отнести сосуд. Рассмотрим некоторые аналогичные параллели обнаруженного в рассматриваемом нами погребении сосуда. Так, в ходе исследований на памятнике археологии

поселения Каракабак (исследуется с 2017 г.), расположенном на полуострове Мангышлак в Тупкурганском районе Мангистауской области Республики Казахстан, были встречены близкие аналогии (*Астафьев, Богданов*, 2019. С. 24, 25. Рис. 9: *1, 3, 4, 9*) рассматриваемому нами типу сосуда. Данный тип керамики был получен с раскопа 2 и происходит с основного горизонта датируемого хорезмийскими монетами концом IV – V в. (*Астафьев, Богданов*, 2019. С. 35). При этом авторами отмечается, что хронологический диапазон монет с поселения Каракабак приходится как раз на самый конец IV и V в. (Там же. С. 31). А. Е. Астафьев и С. Е. Богданов (2019. С. 26) также отмечают, что подобный тип сосуда был получен в одном из погребений джетыасарской культуры, который отнесли в группу «чужих сосудов» (*Левина*, 1996. С. 268. Рис. 73). Местоположение ремесленного центра, производившего данный тип сосудов, до сих не обнаружено.

Вышеприведенные хронологические рамки погребения подтверждаются результатами генетических исследований (из серии 2020 г.), проводимых на базе Harvard University Medical School Genetics Department Boston, MA USA laboratory под руководством David Reich, в рамках которых к биоматериалу был применен радиокарбонный метод на содержание изотопов C_{14} для уточнения хронологии погребальных комплексов. Этот метод дает очень близкие даты, получаемые особенно для последних 2000 лет.

По итогу данных исследований приводится заключение. Individual ID: 139518; Skeletal Code: PB 2020, 32; Average BP Date: 1500; Date: 400–500 CE; version release: 57; Date mean in BP: 1500; Full Date: 400–500 CE; Group ID: Russia, Hunnic, Ic.TW; Locality: Posolskiy-Bugor (Astrakhan Oblast, Kamyzyaksky District); mt DNA: Z3c; Data, Type: Twist1,4 M.

Таким образом, погребальный обряд и инвентарь исследуемого погребения позволяют датировать его гуннским временем (конец IV – V в.).

Анализ патологических состояний, выявленных на костных останках мужчины из погребения 32 раскопа 5 могильника «Посольский», позволяет с осторожностью отметить следующее. Большая часть диагностируемых заболеваний зубочелюстной системы и опорно-двигательного аппарата находит аналогии с кочевыми группами раннего железного века, раннего и позднего Средневековья Нижнего Поволжья. Данная ситуация вполне логична в связи с географической близостью и вероятным однотипным образом жизни. Из-за плохой сохранности костных останков сложно судить о характере физической активности индивида, однако наличие дегенеративных изменений на суставах, а также увеличение мышечного рельефа на затылочной области черепа и местах прикрепления мышц и связок может указывать на то, что индивид длительное время проводил в седле верхом на лошади.

Сравнительный анализ патологий скелетов, полученных из комплексов гуннского и постгуннского времени Нижнего Поволжья и других регионов, позволяет отметить сходство состояний, включая хронические нагрузки, связанных с частой ездой на лошади (*Пономарев*, 1999; *Перерва*, 2024).

Что касается краниологического материала из могильников Нижнего Поволжья, то есть публикации еще четырех черепов, у которых, как и у исследуемого, мозговая коробка искажена следами преднамеренной искусственной деформации. Все черепа были получены из погребений гуннского и постгуннского времени

(вторая половина IV – VI в.). Так, еще в советское время в результате раскопок Сталинградской археологической экспедиции в 1954–1955 гг. были получены три черепа: из погребения 2 кургана 11 могильника Калиновка, из погребения 3 кургана 3 могильника Иловатка; из погребения 1 кургана 1 могильника Политотдельское II. Два последних черепа были опубликованы в работе Н. М. Глазковой и В. П. Чтецова (1960. С. 289. Табл. 4.), а череп из Калиновки – В. В. Гинзбургом (1959). Череп из Калиновки отличается от остальной группы и типом деформации, и европеоидным обликом, поэтому он был исключен из сравнительного анализа. По определению автора публикации, антропологический тип андроновский, а тип искусственной деформации лобно-теменной (*Гинзубрг*, 1959. С. 590. Табл. 6).

Череп из Иловатки, по мнению авторов и как видно на профильной фотографии, был со следами сильной преднамеренной искусственной деформации и принадлежал мужчине, которому на момент смерти было 45–50 лет (рис. 5: *4, 5*). В таблице 4 публикации (*Глазкова, Чтецов*, 1960. С. 289, 288–290. Табл. 4) приведена короткая программа измерений краниологических признаков, которая дает общее представление о его краниотипе, сочетающем средние размеры длины и ширины мозговой коробки с очень высоким сводом, узким лбом и широким лицом, нос тоже широкий и высокий, глазницы крупные, переносье высокое. Авторы отмечают, что этот череп «…несет на себе ясные черты монголоидности; довольно широкое и высокое лицо, плоский нос, большой угол горизонтальной профилировки лица, высокие орбиты, сглаженный нижний край грушевидного отверстия, слабое развитие клыковой ямки».

Череп из погребения 1 кургана 1 могильника Политотдельское II был опубликован этими же авторами. Он принадлежал молодому мужчине, который на момент смерти не достиг 20 лет. По форме его череп мезокранный, с очень высоким сводом. Лоб и лицо узкие, с высоким носом и глазницей (*Глазкова, Чтецов*, 1960).

Череп со следами искусственной деформации кольцевого типа молодого мужчины из погребения 11 могильника 1 Хошеутово, бэровский бугор, был раннее опубликован (*Балабанова*, 2005). Мозговая коробка черепа из этого погребения некрупная, по форме долихокранная. Свод очень высокий, с узкой, слегка уплощенной и покатой лобной костью. В макрорельефе лицевого отдела диагностируется особенность, которая позволяет определить монголоидную примесь. Он широкий, высокий, среднепрофилированный по зигомаксилярному углу и углу выступания носа, а значение затылочно-теменного индекса > 100,0 (*Беневоленская*, 1980). К тому же на резцах определяется лопатообразность, степень 2.

Вышеприведенное описание черепов, полученных из относительно синхронных погребений, позволяет отметить на всех черепах наличие следов преднамеренной искусственной деформации по типу кольцевой или лобно-затылочный, давление которого отражается на значениях признаков мозгового отдела черепа и частично лицевого. Следы давления деформирующей конструкции, которая, видимо, представляла собой широкую ленту, определяет форму краниума в виде высокого конуса. Такая форма черепа образовалась в процессе деформирующего сжатия по кругу, что ограничивало рост черепа в ширину и в длину, и за счет этого ущемления череп увеличился в высоту. В результате такого давления свод черепа очень высокий как от базион-брегма, так и от порион-порион. Результатом

сильной деформации является заметный предвенечный валик и позадивенечное вдавление (рис. 5: *2, 3, 5*). Лобная кость в результате давления на нее конструкции покатая, рельеф сглажен, хорда и дуга больших размеров, индекс кривизны снижен. То же самое демонстрируют признаки затылочной кости. Теменные кости также испытали на себя давление. На фото хорошо заметно искривление ее в постбрегматической области, что привело к укорочению длины хорды и дуги.

Сравнительный анализ индивидуальных значений краниометрических признаков исследуемого черепа с немногочисленной группой деформированных черепов, полученных из синхронных погребений, позволяет отметить как сходство, так и различие (табл. 1). Прежде всего исследуемый череп отличается от всех остальных очень сильной преднамеренной деформацией (рис. 5: *1–3*; *Глазкова, Чтец*ов, 1960. С. 288–290. Табл. 4; *Балабанова*, 2005). Кроме наличия на всех четырех черепах деформации их сближает морфологический тип, который определяется как смешанный, монголоидно-европеоидный.

Очень похожие морфологические особенности: наличие преднамеренной деформации и смешанное монголоидно-европеоидное сочетание краниологических признаков отмечают авторы публикаций черепов гуннского времени с других территорий: Крыма, Дунайского бассейна (*Пономарев*, 1999; *Ходырева, Шкрибляк*, 2023; *Molnár et al*., 2014). Зачастую степень деформации очень сильная, как и на исследуемом черепе.

Усиление монголоидной примеси в степях Восточной Европы начиная с гуннского времени связано с миграциями тюркских кочевников. В предшествующую, позднесарматскую, эпоху население было носителем европеоидного длинноголового комплекса. Смешанные европеоидно-монголоидные черты встречаются эпизодически и чаще всего на материалах памятников Астраханского Правобережья (*Балабанова*, 2020. С. 156). У кочевого населения хазарского времени монголоидная примесь в большей степени присутствует в сериях, полученных из обрядовых групп типа Соколовского и Зливкинского (*Батиева*, 2005; *Балабанова*, 2013. С.77). Кочевники огузо-печенежского времени также оказались неоднородными по расовому типу и одним из компонентов был монголоидный (*Балабанова*, 2024. С. 27–29).

Выводы

Как показал анализ, погребения гуннского времени в Волго-Донском регионе являются большой редкостью, а публикация погребального обряда, вещевого комплекса и результатов палеоантропологического исследования позволит увеличить сравнительный материал. Обнаруженный в погребении инвентарь, в том числе сосуд, позволяет датировать его в пределах конца IV – V в. н. э. Данный тип сосуда – круговой двуручный сероглиняный яйцевидной вытянутой формы – отмечается в материалах исследований на поселении Каракабак, располагающемся на полуострове Мангышлак в Тупкурганском районе Мангистауской области Республики Казахстан. Данные по радиоуглеродному датированию не противоречат данной дате.

Использование широкого набора палеоантропологических методик и привлечение сравнительных данных позволили:

1) ввести в научный оборот индивидуальные данные по патологическому состоянию скелета исследуемого мужчины, а также дать перечень краниологических признаков и их производных, что позволит увеличить базу данных о редких находках;

2) отметить похожие техники деформирования головы с относительно синхронными материалами;

3) определить сходство морфологического типа населения, сочетающего смешанный монголоидно-европеоидный комплекс;

4) отметить усиление монголоидной примеси у степного населения гуннского и постгуннского времени Восточной Европы, которое является следствием миграционных процессов;

5) найти прямые аналогии по практике деформации и по внешнему облику гуннов, описанные в письменных источниках.

Наличие подобного погребения в дельте реки Волги может являться свидетельством вхождения этой территории в зону кочевых миграций, связанных с Великим переселением народов. Появилось, вероятно, доказательство существования в указанное время в данном регионе раннесредневекового кочевого населения, так как погребения гуннского времени в центральной части дельты реки Волги ранее не были известны, и поэтому полученный материал позволяет по-новому взглянуть на историю Нижневолжского региона, особенно в дельтовой его части.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука. 127 с.

Аммиан Марцеллин, 2005. Римская история / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. М.: Ладомир. 631 с.

Астафьев А. Е., Богданов С. Е., 2019. Древний город на восточном берегу Каспийского моря // SP. № 4. С. 17–38.

Балабанова М. А., 2005. Антропология населения Нижнего Поволжья (кон. V – 1-я пол. IX в.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк: Изд-во Донецкого нац. ун-та. С. 55–72.

Балабанова М. А., 2013. Антропологическая структура населения хазарского времени Восточно-Европейских степей // Международная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения) (26–30 авг. 2013 г., Ростов-на-Дону, Россия): сб. ст. / Отв. ред. Д. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во Юж. науч. центра РАН. С. 76–78.

Балабанова М. А., 2020. Культурные и морфологические характеристики мигрантов сарматского времени Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона // SP. № 4. С. 147–162.

Балабанова М. А., 2024. Кочевники огузо-печенежского времени Волго-Донского региона по данным антропологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 29, № 4. С. 20–42.

Батиева Е. Ф., 2005. Антропология населения Нижнего Подонья в хазарское время // Донская археология. № 3, 4. С. 71–101.

Бейсенов А. З., Веселовская Е. В., 2013. Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культурны Евразийских гуннов / Ред.: С. Г. Боталов, Н. Н. Крадин, И. Э. Любчанский. Челябинск: Юж.-Урал. гос. ун-т. С. 446–461.

Беневоленская Ю. Д., 1980. Мировое распределение затылочно-теменного указателя // Современные проблемы и новые методы в антропологии / Ред. И. И. Гохман. Л.: Наука. С. 70–90.

Гинзбург В. В., 1959. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (По антропологическим материалам Калиновского могильника) // Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. 1 / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 563–575. (МИА; № 60.)

Глазкова Н. М., Чтецов В. П., 1960. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. 2 / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 285–292. (МИА; № 78.)

Жиров Е. В., 1940. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. Вып. 8. С. 80–87.

Засецкая И. П., 1968. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. Вып. 10. Л. С. 35–53.

Иордан, 1997. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Пер. Е. Ч. Скржинской. СПб.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2009. «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем: сб. науч. статей / Науч. ред. А. Г. Фурасьев. СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ. С. 114–126.

Клавдий Клавдиан, 1982. Против Руфина // Поздняя латинская поэзия / Пер. с лат. М. Гаспарова. М.: Худож. лит. С. 215–240.

Латышев В. В., 1949. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Соллий Апполинарий Сидоний. Стихотворения // ВДИ. № 4 (30). С. 288, 289.

Левина Л. М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья, в I тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э. М.: Вост. лит. 396 с.

Медникова М. Б., 1998. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад. С. 151–165.

Мовсесян А. А., 2005. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Университетская книга. 272 с.

Перерва Е. В., 2024. К вопросу о палеопатологических особенностях населения V–VII вв. н. э. с территории Волго-Донских степей // НАВ. Т. 23, № 2. С. 94–111.

Плетнева С. А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 248 с.

Пономарев Д. Ю., 1999. Антропологическая характеристика и палеопатологические особенности скелета погребения гуннского времени Усть-Альминского могильника // ХСб. Вып. X. Севастополь. С. 203–205.

Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 301 с. (Археология).

Ходырева Д. С., Шкрибляк И. И., 2023. Краниологическое исследование черепов из двух гуннских погребений из Крыма (Усть-Альминский некрополь, IV–V вв. н. э.) // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. № 3. С. 111–126.

Molnár M., János I., Szűcs L., Szathmáry L., 2014. Artificially deformed crania from the Hun-Germanic Period (5th–6th century AD) in northeastern Hungary: historical and morphological analysis // Neurosurgical Focus. Vol. 36. № 4. E1.

Сведения об авторах

Пантелеев Сергей Александрович, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, ул. Бутлерова, 30, Казань, 420012, Россия; e-mail: pantastra@yandex.ru;

Балабанова Мария Афанасьевна, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, Волгоград, 400062, Россия; e-mail: mary.balabanova@volsu.ru;

Перерва Евгений Владимирович, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, Волгоград, 400062, Россия; e-mail: evgeniy.pererva@volsu.ru

S. A. Panteleev, M. A. Balabanova, E. V. Pererva

THE DUNE GRAVE OF THE HUN PERIOD FROM THE «POSOLSKY» CEMETERY: ARCHAEOLOGY AND ANTHROPOLOGY

Abstract. The paper introduces into scientific discourse archaeological and anthropological materials from grave 32 (excavation trench 5) of the Hun period at the Posolsky in-ground cemetery excavated by the archaeological expedition of the Khalikov Institute of Archaeology (Kazan) in 2020. The cemetery was located in the Privolzhsky district, Astrakhan region in the central part of the Volga estuary. Based on the ritual practice and offering goods, the examined grave can be dated to the 4th–5th centuries AD. The study of the anthropological materials has revealed a strongly deformed cranium; this type of artificial deformation is defined as high circular and it has been identified among contemporaneous populations inhabiting the Lower Volga region, Crimea, Hungary, etc. The craniometric data point to a mixed Mongoloid-Caucasoid origin, this conclusion is consistent both with the data of written sources and comparative data. The degree of pathological conditions of the skeleton bones reveals traces of subacute inflammation in the cranium and the dental system. The postcranial skeleton bones exhibit signs of degenerative changes.

Keywords: Volga estuary, in-ground Posolsky cemetery, Hun period, burial ritual, vessel, chronology, anthropology, artificial cranial deformation.

REFERENCES

Alekseev V. P., Debets G. F., 1964. Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Craniometry: Methodology of anthropological research]. Moscow: Nauka. 127 p.

Ammianus Marcellinus, 2005. Rimskaya istoriya [Roman history]. Yu. A. Kulakovskiy, A. I. Sonni, transl. Moscow: Ladomir. 631 p.

Astafyev A. E., Bogdanov S. E., 2019. Drevniy gorod na vostochnom beregu Kaspiyskogo morya [An ancient city on eastern shore of the Caspian Sea]. *SP*, 4, pp. 17–38.

Balabanova M. A., 2005. Antropologiya naseleniya Nizhnego Povolzh'ya (kon. V – 1-ya pol. IX v.) [Anthropology of population of Lower Volga region (late V – 1st half of IX c.)]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Europe in Middle Ages]*, 4. Donetsk: Donetskiy natsionalnyy universitet, pp. 55–72.

Balabanova M. A., 2013. Antropologicheskaya struktura naseleniya khazarskogo vremeni Vostochno-Evropeyskikh stepey [Anthropological structure of population of Khazar period in East European steppes]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya «Naselenie Yuga Rossii s drevneyshikh vremen do nashikh dney» (Donskie antropologicheskie chteniya) [International conference «Population of South Russia from ancient times to the present day» (Don anthropological readings)]*. D. G. Matishov, ed. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 76–78.

Balabanova M. A., 2020. Kulturnye i morfologicheskie kharakteristiki migrantov sarmatskogo vremeni Yuzhnogo Priural'ya, Nizhnego Povolzh'ya i Nizhnego Dona [Cultural and morphological characteristics of migrants from Sarmatian period in Southern Urals, Lower Volga region and Lower Don]. *SP*, 4, pp. 147–162.

Balabanova M. A., 2024. Kochevniki oguzo-pechenezhskogo vremeni Volgo-Donskogo regiona po dannym antropologii [Nomads of Oghuz-Pecheneg period in Volga-Don region according to anthropology data]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Volgograd state university. Series 4: History. Regional studies. International relations]*, vol. 29, no. 4, pp. 20–42.

Batieva E. F., 2005. Antropologiya naseleniya Nizhnego Podon'ya v khazarskoe vremya [Anthropology of population of Lower Don region in Khazar period]. *Donskaya arkheologiya [The Don archaeology]*, 3, iss. 4, pp. 71–101.

Benevolenskaya Yu. D., 1980. Mirovoe raspredelenie zatylochno-temennogo ukazatelya [Global distribution of occipital-parietal index]. *Sovremennye problemy i novye metody v antropologii [Modern problems and new methods in anthropology]*. I. I. Gokhman, ed. Leningrad: Nauka, pp. 70–90.

Beysenov A. Z., Veselovskaya E. V., 2013. Pogrebenie gunnskogo vremeni iz mogilnika Enbekshil (Tsentralnyy Kazakhstan) [Burial of Hun period from Enbekshil cemetery (Central Kazakhstan)]. *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kulturny Evraziyskikh gunnov [Hun forum. Issues of origin and identification of culture of Eurasian Huns]*. S. G. Botalov, N. N Kradin, I. E. Lyubchanskiy, eds. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskiy gos. universitet, pp. 446–461.

Claudius Claudianus, 1982. Protiv Rufina [Against Rufinus]. *Pozdnyaya latinskaya poeziya [Late Latin poetry]*. M. Gasparov, transl. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, pp. 215–240.

Ginzburg V. V., 1959. Etnogeneticheskie svyazi drevnego naseleniya Stalingradskogo Zavolzh'ya (Po antropologicheskim materialam Kalinovskogo mogilnika) [Ethnogenetic relations of ancient population of Stalingrad Trans-Volga region (Based on anthropological materials from Kalinovsky cemetery)]. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii) [Antiquities of Lower Volga region (results of work of Stalingrad archaeological expedition)]*, 1. E. I. Krupnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 563–575. (MIA, 60.)

Glazkova N. M., Chtetsov V. P., 1960. Paleoantropologicheskie materialy Nizhnevolzhskogo otryada Stalingradskoy ekspeditsii [Paleoanthropological materials of Lower Volga team of Stalingrad expedition]. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii) [Antiquities of Lower Volga region (results of work of Stalingrad archaeological expedition)]*, 2. E. I. Krupnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 285–292. (MIA, 78.)

Iordanes, 1997. O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov. Getica [The origin and deeds of the Getae. Getica]. E. Ch. Skrzhinskaya, transl. St. Petersburg: Aleteyya. 512 p.

Kazanskiy M. M., Mastykova A. V., 2009. «Tsarskie» gunny i akatsiry [«Royal» Huns and Akatziri]. *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunaem [Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and the Danube]*. A. G. Furas'ev, ed. St. Petersburg: Fakultet filologii i iskusstv SPbGU, pp. 114–126.

Khodyreva D. S., Shkriblyak I. I., 2023. Kraniologicheskoe issledovanie cherepov iz dvukh gunnskikh pogrebeniy iz Kryma (Ust'-Alminskiy nekropol, IV–V vv. n. e.) [Craniological study of skulls from two Hunnic burials from Crimea (Ust'-Alma necropolis, IV–V cc. AD)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII: Antropologiya [Bulletin of Moscow university. Series XXIII: Anthropology]*, 3, pp. 111–126.

Latyshev V. V., 1949. Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. Solliy Appolinariy Sidoniy. Stikhotvoreniya [Information of ancient writers on Scythia and the Caucasus. Sollius Apollinaris Sidonius. Poems]. *VDI*, 4(30), pp. 288, 289.

Levina L. M., 1996. Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya, v I tysyacheletii do n. e. – I tysyacheletii n. e. [Ethnocultural history of Eastern Aral Sea region, in I millennium BC – I millennium AD]. Moscow: Vostochnaya literatura. 396 p.

Mednikova M. B., 1998. Opisatel'naya programma ballovoy otsenki stepeni razvitiya relyefa dlinnykh kostey [Descriptive scoring program for degree of development of long bones relief]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy [Historical human ecology. Methodology of biological research]*. Moscow: Staryy sad, pp. 151–165.

Movsesyan A. A., 2005. Feneticheskiy analiz v paleoantropologii [Phenetic analysis in paleoanthropology]. Moscow: Universitetskaya kniga. 272 p.

Pererva E. V., 2024. K voprosu o paleopatologicheskikh osobennostyakh naseleniya V–VII vv. n. e. s territorii Volgo-Donskikh stepey [On paleopathological features of population of V–VII cc. AD from territory of Volga-Don steppes]. *NAV*, vol. 23, no. 2, pp. 94–111.

Pletneva S. A., 2003. Kochevniki yuzhnorusskikh stepey v epokhu srednevekov'ya (IV–XIII veka) [Nomads of South Russian steppes in Middle Ages (IV–XIII centuries)]. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet. 248 p.

Ponomarev D. Yu., 1999. Antropologicheskaya kharakteristika i paleopatologicheskie osobennosti skeleta pogrebeniya gunnskogo vremeni Ust'-Alminskogo mogilnika [Anthropological characteristics and paleopathological features of skeleton from Hunnic burial in Ust'-Alma cemetery]. *KhSb*, X, pp. 203–205.

Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya [Steppes of Eurasia in Middle Ages]. S. A. Pletneva, ed. Moskva: Nauka, 1981. 301 p. (Arkheologiya.)

Zasetskaya I. P., 1968. Polikhromnye izdeliya gunnskogo vremeni iz pogrebeniy Nizhnego Povolzh'ya [Polychrome artifacts of Hunnic period from burials of Lower Volga region]. *ASGE*, 10. Leningrad, pp. 35–53.

Zhirov E. V., 1940. Ob iskusstvennoy deformatsii golovy [On artificial head deformation]. *KSIIMK*, 8, pp. 80–87.

About the authors

Panteleev Sergey A., Khalikov Institute of Archaeology Tatarstan Academy of Sciences, ul. Butlerova, 30, Kazan, 420012, Russian Federation; e-mail: pantastra@yandex.ru;

Balabanova Maria A., Volgograd State University, prosp. Universitetsky, 100, Volgograd, 400062, Russian Federation; e-mail: mary.balabanova@volsu.ru;

Pererva Evgeniy V., Volgograd State University, prosp. Universitetsky, 100, Volgograd, 400062, Russian Federation; e-mail: evgeniy.pererva@volsu.ru

Таблица 1. Индивидуальные размеры и указатели мужских черепов из погребений гуннского и постгуннского времени (вторая половина IV – начало VI в.) со следами преднамеренной искусственной деформации

№ по: *Мартину и др.*	Признак	Посольский, погр. 32	Хошеутово, погр. 11	Политотдельское II, кург. 1, погр. 1	Калиновка, кург. 11, погр. 2	Иловатка кург. 3, погр. 2	X (n)
		35–45 лет	25–35 лет	16–18 лет	40–50 лет	35–45 лет	
1	Продольный диаметр	166	175	179	189	181,5	178,1 (5)
8	Поперечный диаметр	140	122	136	145	141	136,8(5)
8:1	Черепной указатель	84,3	69,7	76,0	76,7	77,7	76,9 (5)
17	Высотный диаметр (ba-br)	–	144	148	136	145	143,2 (4)
17:1	Высотно-продольный индекс	–	82,3	82,7	72,0	79,9	79,2 (4)
17:8	Высотно-поперечный индекс	–	118	108,8	93,8	102,8	105,8 (4)
ОРВ	Общеростовая величина	–	257,4	269,1	274,3	271,8	268,2 (4)
M2	Условное трансверсальное сечение	232,4	213,5	243,4	274,1	255,9	243,9 (5)
M3	Условный трансверсальный объем	–	1537,2	1801,5	1863,5	1855,4	1764,4 (4)
5	Длина основания черепа	–	107	116	105	101	107,2 (4)
20	Ушная высота (po-po)	133	120	123	121	131	125,6 (5)
9	Наименьшая ширина лба	84	88	86	105	93	91,2 (5)
h/9	Высота над ft-ft точками	11,0	18,5	–	–	–	14,0 (2)
h/9:9	Указатель профиля лба над ft-ft точками	13,1	19,9	–	–	–	16,2 (2)
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	150,6	137,8	–	–	–	144,2 (2)
9:8	Лобно-поперечный	60,0	72,1	63,2	72,4	66,0	66,7 (5)

Продолжение табл. 1

№ по: *Мартину и др.*	Признак	Посольский, погр. 32	Хошеутово, погр. 11	Политотдельское II, кург. 1, погр. 1	Калиновка, кург. 11, погр. 2	Иловатка кург. 3, погр. 2	X (n)
		35–45 лет	25–35 лет	16–18 лет	40–50 лет	35–45 лет	
9:10	Широтный лобный	90,3	80,0	–	89,7	–	86,7 (3)
10	Наибольшая ширина лба	93	110	–	117	–	106,7 (3)
11	Ширина основания черепа	131	134	–	135	–	133,3 (3)
12	Ширина затылка	110?	97	109	–	101	105 (2)
25	Сагитальная дуга	392	366	381	–	384	380,8 (4)
26	Лобная дуга	140	129	134	–	137	135 (4)
27	Теменная дуга	140	115	112	–	118	121,2 (4)
28	Затылочная дуга	112	122	135	–	129	124,5 (4)
29	Лобная хорда	136	121	127	–	127	127,8 (4)
30	Теменная хорда	101	100	95	–	97	98,2 (4)
31	Затылочная хорда	107	99	121	–	117	111,0 (4)
28:27	Затылочно-теменной индекс	80,0	106,1	120,5	–	109,3	104,0 (4)
29:26	Изгиб лба	97,1	93,8	94,8	–	92,7	94,6 (4)
30:27	Изгиб темени	92,1	87,0	84,8	–	82,2	81,5 (4)
31:28	Изгиб затылка	95,5	81,1	89,6	–	90,7	89,2 (4)
Syb.Nβ	Высота изгиба лба	10,2	20,1	–	–	–	15,2 (2)
Syb.Nβ.: 29	Индекс выпуклости лба	7,5	16,6	–	–	–	12,1 (2)
УИЛ	Угол изгиба лба	162,9	140,3	–	–	–	151,6 (2)

Продолжение табл. 1

№ по: *Мартину и др.*	Признак	Посольский, погр. 32	Хошеутово, погр. 11	Политотдельское II, кург. 1, погр. 1	Калиновка, кург. 11, погр. 2	Иловатка кург. 3, погр. 2	X (n)
		35–45 лет	25–35 лет	16–18 лет	40–50 лет	35–45 лет	
Syb.Nβ	Высота изгиба затылка	12,0	23,2	–	–	–	17,3 (2)
Syb.Nβ.:31	Индекс выпуклости затылка.	11,2	23,4	–	–	–	17,3 (2)
УИЗ	Угол изгиба затылка	154,7	129,8	–	–	–	142,2 (2)
45	Скуловой диаметр	–	137	129	142	138	136,5 (4)
45:8	Поперечный фацио-церебральный указатель	–	89,0	105,4	102,1	102,2	99,7 (4)
40	Ширина основания лица	–	100	92	100	102	98,5 (4)
40:5	Указатель выступания лица	–	93,4	79,3	95,2	101	92,2 (4)
48	Верхняя высота лица	79	74	–	73	–	75,3 (3)
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	–	51,4	57,9	51,4	–	51,4 (2)
48:45	Верхний лицевой указатель	–	51,4	56,6	53,7	–	52,5 (2)
43	Верхняя ширина лица	106	105	98	–	104	103,2 (4)
46	Средняя ширина лица	107	101	94	103	104	101,8 (4)
54	Ширина носа	26	28	26	29	28	27,4 (5)
55	Высота носа	58	59	54	53	56	56,0 (5)
54:55	Носовой указатель	44,8	47,5	48,1	54,7	50	49,0 (5)
51	Ширина орбиты (левая)	45	45	42	41	43	43,2 (5)
52	Высота орбиты (левая)	36,55	37	37	38	35	35,9 (5)
52:51	Орбитный указатель (левая)	81,1	82,2	88,1	89,5	81,4	83,5 (5)

Продолжение табл. 1

№ по: *Мартину и др.*	Признак	Посольский, погр. 32	Хошеутово, погр. 11	Политотдельское II, кург. 1, погр. 1	Калиновка, кург. 11, погр. 2	Иловатка кург. 3, погр. 2	X (n)
		35–45 лет	25–35 лет	16–18 лет	40–50 лет	35–45 лет	
MC	Максило-фронтальная ширина	19,1	16,8	22	23,0	25	21,2 (5)
MS	Максило-фронтальная высота	6,1	6,9	–	7,5	–	6,8 (3)
MS:MC	Максило-фронтальный указатель	31,9	41,1	–	32,6	–	35,2 (3)
DC	Дакриальная ширина	19	18,2	–	24,8	–	20,7 (3)
DS	Дакриальная высота	9,3	12,8	–	12,8	–	11,6 (3)
DS:DC	Дакриальный указатель	49,9	70,3	–	51,6	–	56,9 (3)
SC	Симотическая ширина	8,8	4,5	–	7,9	–	7,1 (3)
SS	Симотическая высота	2,2	3,0	–	3,4	–	3,0 (3)
SS:SC	Симотический указатель	28,4	66,7	–	43,6	–	46,2 (3)
FC	Глубина клыковой ямки (справа/слева)	/ 2,2	/ 6	–	–	–	4,1 (2)
43a	Бимолярная хорда fmo-fmo	100	98,2	–	103	–	100,4 (3)
	Высота назиона над б/м хордой	16,5	18,6	–	15,6	–	16,9 (3)
	Назо-малярный индекс	16,5	18,9	–	15,1	–	168 (3)
77	Назо-малярный угол	143,5	138,6	–	146,4	–	142,8 (3)
	Зиго-максилярная хорда (по Абиндеру)	108	98,9	–	106	–	104,3 (3)
	Высота subspinale над з/м хордой	22,8	21,3	–	23,3	–	22,5 (3)
	Зиго-максилярный индекс	21,1	21,5	–	22	–	21,5 (3)

Окончание табл. 1

№ по: *Мартину и др.*	Признак	Посольский, погр. 32	Хошеутово, погр. 11	Политотдельское II, кург. 1, погр. 1	Калиновка, кург. 11, погр. 2	Иловатка кург. 3, погр. 2	X (n)
		35–45 лет	25–35 лет	16–18 лет	40–50 лет	35–45 лет	
< zm’	Зиго-максилярный угол	134,2	133,5	–	133,0	–	133,6 (3)
32	Угол профиля лба от назиона	61	69	–	83	–	71 (3)
GM/FH	Угол профиля лба от глабеллы	54	64	–	70	–	62,7 (3)
72	Общий лицевой угол	87	88	–	88	–	87,7 (3)
73	Угол средней части лица	89	90	–	86	–	88,3 (3)
74	Угол альвеолярной части лица	–	79	–	87	–	83 (2)
75	Угол носовых костей к горизонтали	57	62	–	57	–	58,7 (3)
75–1	Угол носовых костей к линии профиля	30	26	–	31	–	29,7 (3)
Форма и рельеф черепа							
Надпереносье (по Мартину 1–6)		2	3	–	4	–	3
Надбровные дуги		1	2	–	2	–	1,7
Наружный затылочный бугор		2	3	–	–	–	2,5
Сосцевидный отросток		2	2	–	–	–	2
Нижний край грушевидного отверстия		Anthropina	fossa	–	Anthropina	–	–
Передненосовая ость		2	2	–	5	–	3

А. М. Юдина, Д. Ю. Бадеев

БИРИТУАЛЬНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАННО-ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА НОВЕНЬКОЕ-1. ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Резюме. Изучение структуры древнерусского сельского населения XII – первой половины XIII в. на материалах практически полностью раскопанного курганно-грунтового могильника перспективно не только в плане получения палеодемографических данных, но и в понимании культурных традиций. Помимо общего палеодемографического анализа населения, оставившего могильник Новенькое-1, в цели и задачи вошло сравнение половозрастной структуры погребенных в курганах и межкурганном пространстве, а также выявление закономерностей распределения мужчин, женщин и детей внутри этих погребальных комплексов. Всего было исследовано 76 индивидов: 32 из погребений под насыпями, 44 из грунтовых погребений межкурганного пространства. В грунтовых погребениях захоронено в 3 раза больше женщин и в 2 раза больше детей, тогда как количество мужчин в погребениях под насыпями и без сопоставимо. Демографическая ситуация характеризуется высокой детской смертностью и большим средним возрастом смерти индивидов из курганов. Население, оставившее могильник Новенькое-1, являлось единой популяцией, практиковавшей устройство как грунтовых погребений под насыпями, так и без, в зависимости от статуса, роли или родственных связей умершего.

Ключевые слова: половозрастная структура, погребальный обряд, древнерусское время, сельское население, Тверская область.

[1] Работа выполнена в рамках НИОКТР 122011200264-9 «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.382-395

Введение

Раскопки могильников сплошной площадью способствуют более качественному изучению объекта (*Молодин, Мыльникова*, 2022), а при необходимости повторного исследования памятников дополняют уже имеющиеся данные (*Макаров и др*., 2020; 2021; *Зайцева, Водясов*, 2018).

Коллекция антропологического материала, о которой пойдет речь, получена в ходе охранно-спасательных археологических работ 2022 г. в Калининском районе Тверской области на территории курганно-грунтового могильника Новенькое-1, известного также как «курганная группа Новенькое-1 (23 насыпи)», или «курганный могильник Новенькая (Жерновка)» (АКР, 2003. С. 65; *Рудников*, 1995; *Исланова*, 2008).

Всего в ходе работ 2022 г. было зафиксировано 42 кургана разной степени сохранности. В границы раскопа попали 33 насыпи. Исследование памятника сплошной площадью позволило обнаружить помимо погребений под курганными насыпями синхронные им грунтовые погребения в межкурганном пространстве. Причины (условия, факторы), определяющие наличие или отсутствие курганной насыпи над погребениями в пределах одного могильника, остаются предметом дискуссий. Так, в Суздальском ополье для могильника Шекшово (вторая половина X – XI в.), по мнению его исследователей, появление синхронных курганам бескурганных ингумаций с западной ориентировкой может отражать как «христианизацию этих удаленных территорий», так и рассматриваться в более широком плане – «как возникновение новых репрезентативных социально значимых форм погребального обряда» (*Макаров, Зайцева*, 2016. С. 197). Насыпи над погребениями X – начала XII в. на территории Подболотьевского могильника рассматривают как свидетельство славянской колонизации Нижнего Поочья (*Зеленцова, Милованов*, 2015), а наличие в Кемском некрополе подкурганных и бескурганных погребений объясняют разным социальным статусом погребенных (*Макаров*, 1990).

Кроме биритуальности захоронений на могильнике Новенькое-1 его исследователями было отмечено наличие единичных «каменных обкладок» из небольшого количества камней, хаотично уложенных непосредственно над могильными ямами или к востоку от них, у бескурганных погребений, и крупных валунов, зафиксированных в отдельных случаях как на поверхности насыпи курганов, так и в их ровиках. Подобный элемент погребальной обрядности является ярким признаком северо-западных русских земель, с территории которых в домонгольский период и осуществлялась активная колонизация тверского Поволжья, где до этого момента преобладал финно-угорский компонент (*Бадеев и др*., 2024).

Цель и задачи статьи: провести общий палеодемографическй анализ населения, оставившего могильник Новенькое-1, сравнить половозрастную структуру погребенных в курганах и межкурганном пространстве, выявить закономерности распределения мужчин, женщин и детей внутри этих погребальных комплексов.

На данный момент это одна из самых представительных антропологических коллекций с территории сельских могильников XII – первой половины XIII в.

на территории Верхнего Поволжья. Что подчеркивает важность данного материала для исследования демографической картины сельского населения округи Твери домонгольского времени.

Материалы и методы

Всего было исследовано 76 индивидов: 32 из погребений под насыпями, 44 из грунтовых погребений межкурганного пространства. Большая часть останков имела среднюю сохранность костной ткани (*Мамонова и др*., 1989) и разную комплектность.

Возраст половозрелых индивидов определялся по степени изношенности зубов верхней челюсти (*Герасимов*, 1955); морфологии лобкового симфиза (*Brooks, Suchey*, 1990); морфологии ушковидной поверхности тазовых костей (*Lovejoy*, 1985); морфологии грудинных концов ребер (*Işcan et al*., 1984; 1985); возрастным изменениям костей (*Рохлин*, 2013); окостенению хрящевых участков скелета в ходе роста организма (*Scheuer, Black*, 2000) и обозначался широким десятилетним интервалом, по возможности отражающим этапы развития биологического возраста.

Биологический возраст детей определялся по срокам прорезывания и формирования зубов (*White, Folkens*, 2005), по появлению центров окостенения, по размерным характеристикам отдельных костей (*Куфтерин*, 2024), по срокам сращения частей костей и прирастания эпифизов (*Schaefer et al*., 2009). В случае хорошей и средней сохранности возраст указывался короткими интервалами (1–2 года) благодаря особенностям роста и развития в течение ранних лет жизни.

Определение пола проводилось по останкам половозрелых индивидов по морфологии черепа, особенностям крестца и тазовых костей, а также отдельным признакам на посткраниальном скелете (Методика…, 2020).

Демографический анализ сделан с помощью компьютерной программы ACHERON Д. В. Богатенкова, разработанной на базе Excel (*Алексеева и др*., 2003). Чаще всего определенный нами биологический возраст исследованных индивидов не укладывался в границы одного пятилетнего возрастного интервала. В таком случае мы долями распределяли возраст индивида между двумя наиболее близкими интервалами. Этот метод сопоставления биологического и паспортного возрастов был назван Д. В. Богатенковым «принципом простой скользящей средней» и считается наиболее оптимальным (Археология северно-русской деревни…, 2009. С. 31–34).

Результаты

Общее распределение по полу получилось следующим: мужчины (23), женщины (15), дети (33), а также 5 взрослых индивидов без определения пола.

В курганных погребениях (32 индивида): 13 мужчин, 4 женщины, 11 детей, 4 индивида без определения пола.

Внутри этих погребальных комплексов можно проследить некоторые варианты сочетаний половозрастных признаков. Например, 11 из 13 мужчин имели

одиночные захоронения в курганах. В кургане № 10 были погребены мужчина, женщина и ребенок. Курган № 20 содержал одиночное женское захоронение. Два кургана – это женщина с ребенком (№ 14) или несколькими детьми (№ 42); в двух курганах (№ 6 и № 19) захоронено по 1 ребенку старше 7 лет. В кургане № 18 три погребения с детьми разных возрастов (1 год 4 месяца – 2 года 8 месяцев; 3–5 лет; 6–10 лет). В кургане № 12 в первом и третьем погребении – дети, а материалы еще одного погребения разрушены в ходе тафономических процессов. В четырех курганах – по одному взрослому индивиду без определения пола (табл. 1: *А*).

Таблица 1. Распределение мужчин, женщин и детей в грунтовых погребениях под насыпями (А) и без (Б)

	♂	♂ + ?	♂ + ♀	♂ + ♀ + ребенок	♀	♀ + ребенок (дети)	ребенок	несколько детей	дети + ?	взрослый
А	11	1	–	1	1	2	2	1	1	4
Б	9	–	1	–	8	2	13	3	–	1

Важно отметить, что в случае с курганами речь идет об отдельных погребениях под одной насыпью, кроме ситуации с курганом № 42, где в первом погребении находятся женщина с ребенком до трех лет, а во втором погребении – ребенок 3–9 месяцев.

В грунтовых погребениях (44 индивида): 10 мужчин, 11 женщин, 22 ребенка. Здесь больше всего одиночных детских (13), мужских (9) и женских (8) захоронений. В одном погребении (№ 11) обнаружены мужчина и женщина, в двух погребениях женщина с ребенком (№ 4) или несколькими детьми (№ 1), в трех погребениях больше одного ребенка (№ 15, 26, 37) и одно погребение взрослого индивида с широким возрастным интервалом без определения пола (№ 30) (табл. 1: *Б*).

Распределение индивидов между курганными и грунтовыми погребениями отличается в 3 раза большим количеством женщин и в 2 раза большим количеством детей, захороненных в грунтовых погребениях. Подобные различия даже на этой скромной выборке не выглядят случайными.

Палеодемографическое исследование

Как было сказано выше, изучена группа, состоящая из 76 индивидов, в которой 30,3 % (23) составляют мужчины, 19,7 % (15) – женщины и 43,4 % (33) от взрослого населения составляют дети. Для 5 (6,6 %) взрослых индивидов пол не установлен. Основные палеодемографические характеристики представлены в табл. 2.

Таблица 2. Основные палеодемографические характеристики в группе Новенькое-1

Основные палеодемографические характеристики	Total	Males	Females	All adults
Реальный объем выборки (N)	76,0	23,0	15,0	43,0
Средний возраст смерти в группе (A)	25,2	42,3	38,3	40,2
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	40,2	42,3	38,3	40,2
Процент детской смертности (PCD)	43,4	–	–	–
Процентное соотношение полов (SR)	153,3	–	–	153,3
Процент индивидов данного пола (PSR)	–	60,5	39,5	–
Процент индивидов старше 50 лет (C50 +)	16,3	32,6	30,0	28,9

Группа характеризуется высоким процентом детей и меньшим, чем мужчин, количеством женщин. Данная диспропорция полов может быть связана с сохранностью костного материала. Аналогичное распределение по полу мы можем наблюдать в популяции, оставившей могильник Никольское III (*Алексеева и др*., 1993).

Рассмотрим возрастную динамику всей выборки (табл. 3; рис. 1). Больше всего смертей среди детей приходится на период от рождения до четырех лет, причем новорожденных и младенцев до года только 2: один из слоя межкурганного пространства (погребение не было зафиксировано), а второй захоронен в кургане № 42 вместе с ребенком до трех лет. Несмотря на это, процент детской смертности составляет 43,4. Как правило, в палеопопуляциях самые большие показатели имеет именно младенческая смертность. Это дает нам основание предполагать, что процент умерших детей был еще выше.

Таблица 3. Показатели смертности в группе Новенькое-1

Возраст	Dx	dx	lx	qx	Lx	Tx	Ex
0–4	18,0	23,7	100,0	0,24	441	2520	25,2
5–9	9,0	11,8	76,3	0,16	352	2079	27,2
10–14	6,0	7,9	64,5	0,12	303	1727	26,8
15–19	0,4	0,5	56,6	0,01	282	1424	25,2
20–24	2,6	3,4	56,0	0,06	272	1143	20,4
25–29	6,1	8,0	52,6	0,15	243	871	16,6
30–34	6,2	8,2	44,6	0,18	202	628	14,1
35–39	5,6	7,3	36,4	0,20	164	426	11,7
40–44	5,7	7,5	29,1	0,26	127	262	9,0
45–49	4,0	5,2	21,6	0,24	95	136	6,3
50 +	12,4	16,3	16,3	1,00	41	41	2,5
Сумма	76,0				2520		

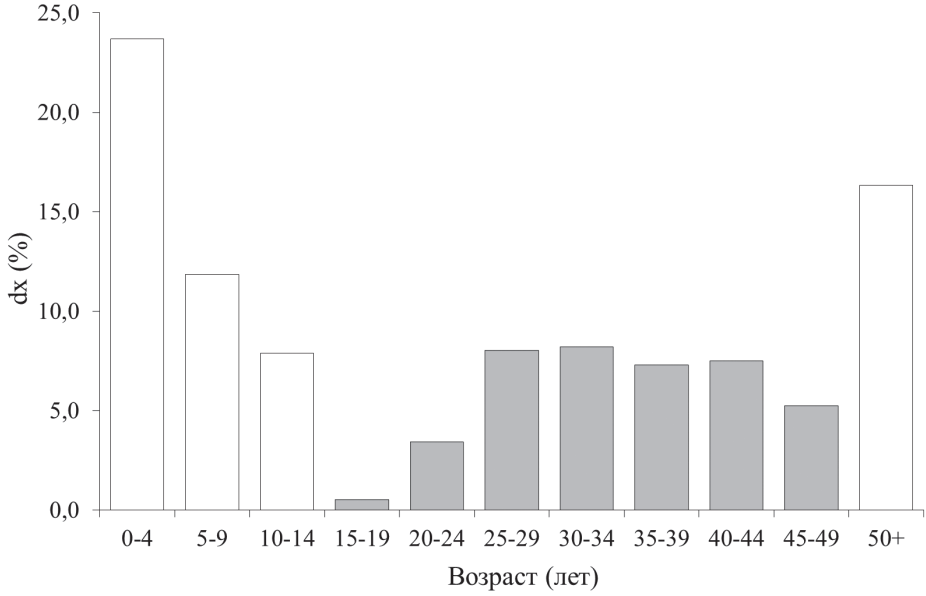

Рис. 1. Возрастная динамика таблиц смертности в группе индивидов из могильника Новенькое-1

dx (%) – процент выборки в каждой возрастной когорте

В группе взрослых число смертей увеличивается в интервалах 25–29, 30–34 лет, затем общая смертность незначительно снижается, но остается высокой. Средний возраст смерти взрослых (без учета детей), захороненных в могильнике Новенькое-1, входит в пределы возраста смерти для славянских могильников (33,6–45,6 для мужчин и 29,7–41,9 для женщин) (*Алексеева и др*., 1993; Археология севернорусской деревни…, 2009. С. 30–34) и составляет 40,2 года: 42,3 и 38,3 соответственно. Мужское население здесь демонстрирует относительно более «благополучные» демографические показатели, что присуще историческим антропологическим сериям.

В возрастной группе «старше 50» оказалось более 16 % общей численности индивидов (включая детей). Процент доживших до 50 лет взрослых без разделения по полу составил 28,9.

Рассмотрим показатели смертности для каждого пола отдельно (табл. 4; рис. 2). Можно заключить, что смертность среди женщин растет весь репродуктивный период, достигая своего максимума в 30–34 года с последующим постепенным снижением. В группе мужчин уровень смертности находится на высоком уровне в интервалах 35–39 и 40–44 лет, затем снижается и достигает своего максимума в интервале «старше 50». Получается, в данной возрастной группе остаются 32,6 % мужчин и 30 % женщин.

Таблица 4. Показатели смертности мужчин и женщин в группе Новенькое-1

Возраст	Males					Females				
	Dx	dx	lx	qx	Ex	Dx	dx	lx	qx	Ex
15–19	0,0	0,0	100,0	0,00	27,3	0,0	0,0	100,0	0,000	23,33
20–24	0,0	0,0	100,0	0,00	22,3	2,0	13,3	100,0	0,133	18,33
25–29	3,0	13,0	100,0	0,13	17,3	2,5	16,7	86,7	0,192	15,77
30–34	3,0	13,0	87,0	0,15	14,5	2,6	17,6	70,0	0,252	13,93
35–39	3,5	15,2	73,9	0,21	11,6	1,4	9,0	52,4	0,173	12,77
40–44	3,5	15,2	58,7	0,26	9,0	1,4	9,0	43,3	0,209	9,92
45–49	2,5	10,9	43,5	0,25	6,3	0,6	4,3	34,3	0,125	6,87
50 +	7,5	32,6	32,6	1,00	2,5	4,5	30,0	30,0	1,000	2,50
Сумма:	23,0					15,0				

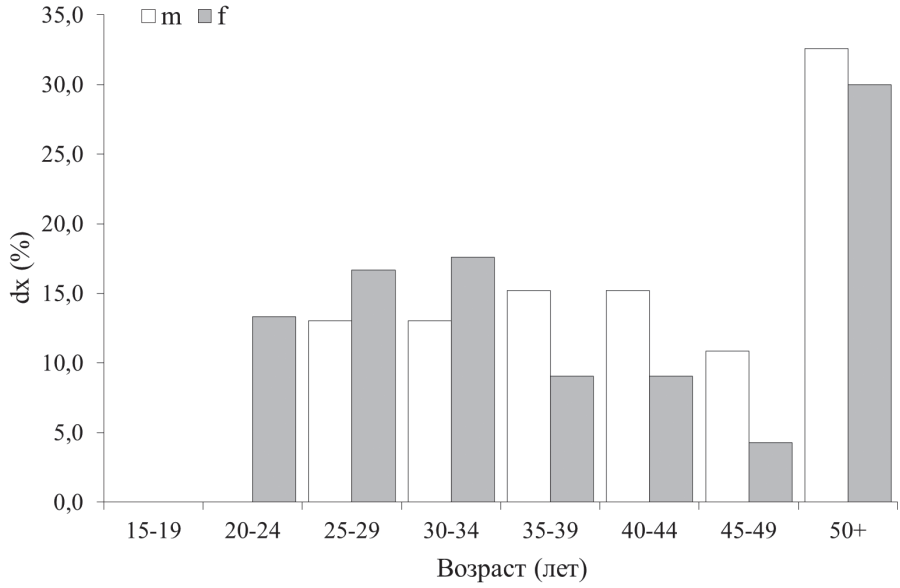

Рис. 2. Возрастная динамика таблиц смертности мужчин и женщин в группе могильника Новенькое-1

dx (%) – процент выборки в каждой возрастной когорте; светлый – мужчины, темный – женщины

В дополнение к анализу всей серии мы сравнили половозрастной состав индивидов из погребений в курганах (32 индивида) и грунтовых погребений (44 индивида) из межкурганного пространства. Обе эти погребальные традиции, по данным археологии, функционировали одновременно.

Отличия в основных палеодемографических характеристиках между группами проявляются слабо, в основном как ответ на малую численность. В качестве тенденции можно отметить чуть более высокий средний возраст смерти у индивидов из погребений под курганами в совокупности с большим процентом индивидов старше 50 лет. Процент детской смертности выше в погребениях из межкурганного пространства (табл. 5; рис. 3).

Таблица 5. Сравнение основных палеодемографических характеристик индивидов из курганных (А) и грунтовых (Б) погребений

Основные палеодемографические характеристики	Total		Males		Females		All adults	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
Реальный объем выборки (N)	32,0	44,0	13,0	10,0	4,0	11,0	19,0	21,0
Средний возраст смерти в группе (A)	28,2	22,5	42,7	42,3	40,6	37,5	41,6	39,8
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	41,6	39,8	42,7	42,3	40,6	37,5	41,6	39,8
Процент детской смертности (PCD)	36,7	51,2	–	–	–	–	–	–
Процентное соотношение полов (SR)	325,0	90,9	–	–	–	–	325,0	90,9
Процент индивидов данного пола (PSR)	–	–	76,5	47,6	23,5	52,4	–	–
Процент индивидов старше 50 лет (C50 +)	21,0	14,0	39,6	25,0	25,0	31,8	33,1	28,6

Динамика смертности мужчин и женщин в курганных и грунтовых погребениях отличается (рис. 4). У мужчин из курганов на интервалы 25–29, 30–34 и 50 + приходится 70,4 % смертей, из них 39,6 % – на финальную возрастную когорту. У мужчин из грунтовых погребений 65 % смертей приходится на интервалы 35–39, 40–44 и 50 +, на возраст 50 + приходится только 25 %. Данные по смертности женщин из курганных погребений неинформативны по причине малой численности. Можно только отметить, что гибель этих женщин приходится на возраст не младше 35 лет. Смертность в группе женщин из грунтовых погребений держится практически на одном уровне в интервалах от 20 до 34 (55,9 %) лет и достигает своего максимума в финальной возрастной когорте (31,8 %).

Таким образом, мы наблюдаем более высокий возраст смерти у мужчин и женщин из погребений под насыпями.

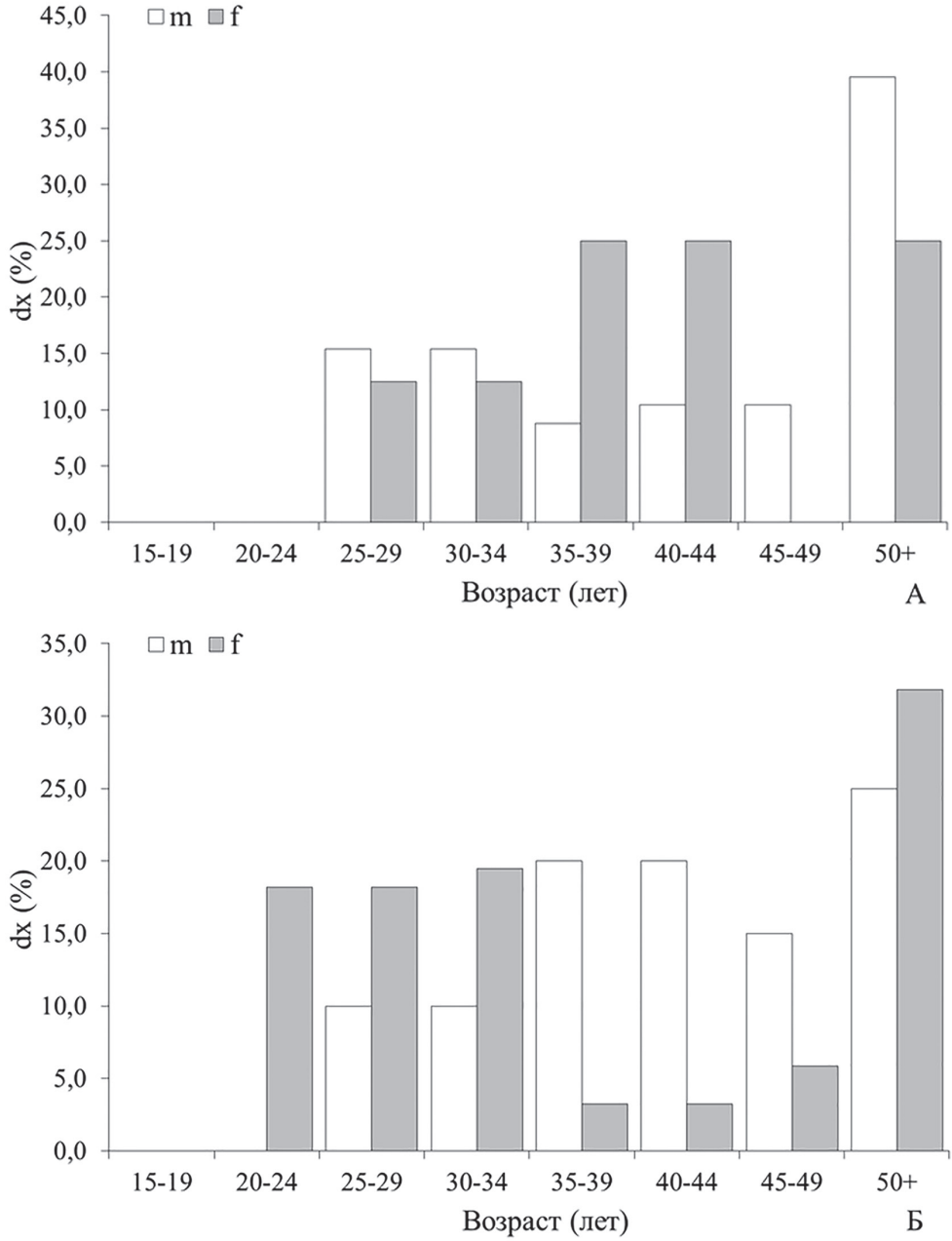

Рис. 3. Возрастная динамика таблиц смертности в группе индивидов из курганных (*А*) и грунтовых (*Б*) погребений могильника Новенькое-1

dx (%) – процент выборки в каждой возрастной когорте

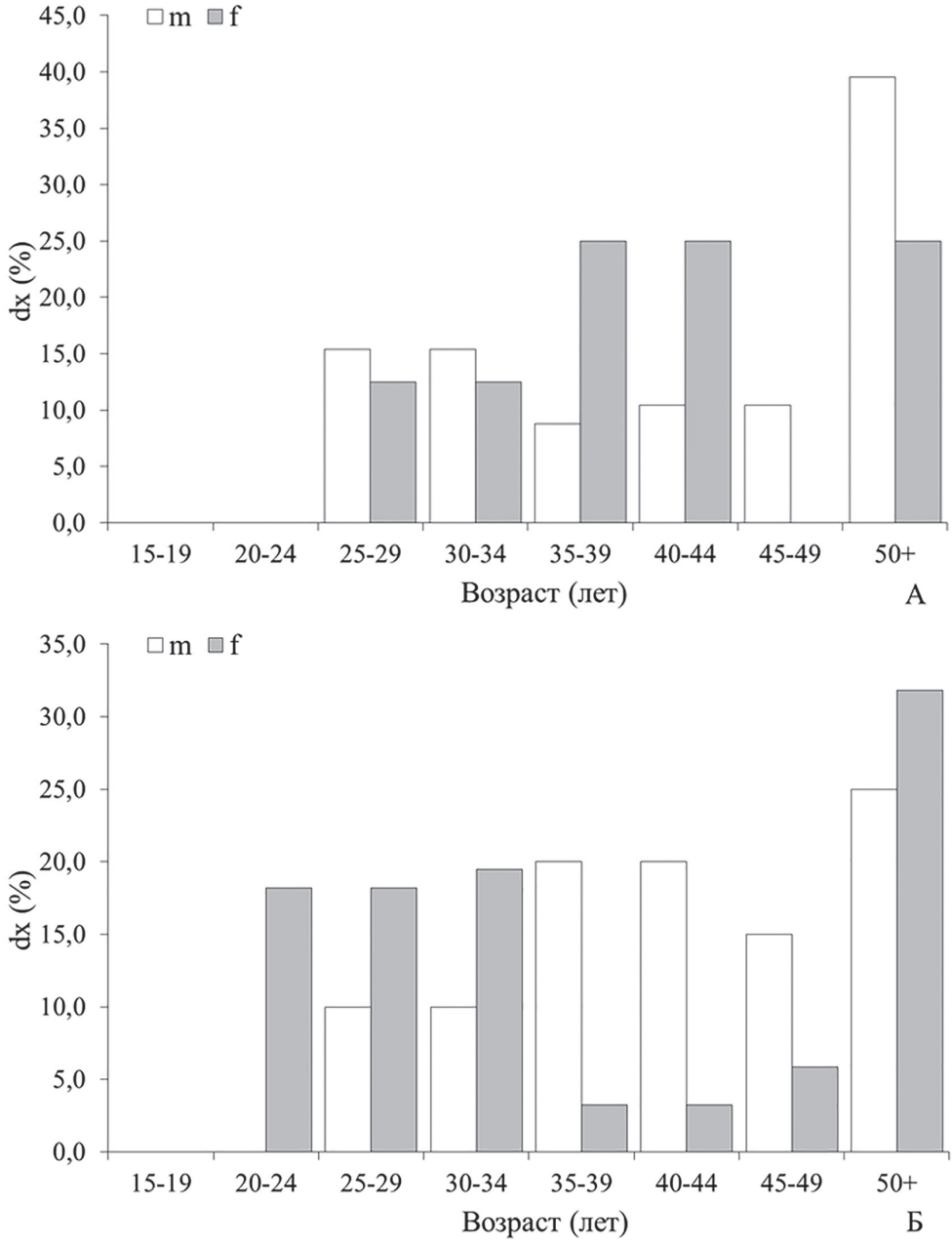

Рис. 4. Возрастная динамика таблиц смертности для мужчин и женщин из курганных (*А*) и грунтовых (*Б*) погребений могильника Новенькое-1

dx (%) – процент выборки в каждой возрастной когорте; светлый – мужчины, темный – женщины

Заключение

Демографическая ситуация, установленная для могильника Новенькое-1, характеризуется обычной для средневековых могильников высокой детской смертностью при условии единичных случаев новорожденных и детей до года (*Степанова и др*., 2009), меньшим, по сравнению с мужчинами, количеством женщин и более низкой их продолжительностью жизни, что не противоречит данным по сельскому населению домонгольского времени (*Алексеева и др*., 1993). Средний возраст смерти взрослых входит в пределы возраста смерти для славянских могильников, ближе к верхней границе значений признака, что может быть свидетельством относительного благополучия группы.

В результате изучения половозрастного состава индивидов из погребений в большей степени раскопанного курганно-грунтового могильника Новенькое-1 выявлены определенные различия между группами, представляющими эти два погребальных обряда. В грунтовых погребениях из межкурганного пространства захоронено в 3 раза больше женщин и в 2 раза больше детей, тогда как количество мужчин в погребениях под насыпями и без сопоставимо. Сравнение палеодемографических характеристик показало, что группу индивидов из погребений под курганами характеризует более высокий средний возраст смерти и, соответственно, больший процент индивидов финальной возрастной когорты.

Из всего перечисленного можно сделать вывод, что население, оставившее могильник Новенькое-1, является единой популяцией, практикующей устройство как грунтовых погребений под насыпями, так и без, в зависимости от статуса, роли или родственных связей умершего.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В., 2003. Влахи. Антропоэкологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный мир. 131 с.

Алексеева Т. И., Макаров Н. А., Балуева Т. С., Сегеда С. П., Федосова В. Н., Козловская М. В., 1993. Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: РАН. С. 3–78.

АКР. Тверская область. Ч. 1 / Под ред. А. В. Кашкина. М.: ИА РАН, 2003. 528 с.

Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура / Ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2009. 233 с.

Бадеев Д. Ю., Гаврилов К. Н., Еськова Д. К., Фатьков А. М., Юнкин Ж. А., 2024. Охранно-спасательные работы 2022 года на комплексе объектов археологического наследия у деревни Новенькое в Тверской области // АП. Вып. 20. С. 51–63.

Герасимов М. М., 1955. Восстановление лица по черепу: современный и ископаемый человек. М.: Изд-во АН СССР. 585 с.

Зайцева О. В., Водясов Е. В., 2018. Грунтовое погребение Тимирязевского-1 курганного могильника с комплексами миниатюрных предметов // Вестник Томского государственного университета. № 434. С. 113–118.

Зеленцова О. В., Милованов С. И., 2015. Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера. С. 122–134.

Исланова И. В., 2008. Охранные работы на комплексе памятников у д. Новенькая (Стоянка 2, селище 2, курганно-грунтовый могильник) // Архив ИА РАН. Р-1. № 42971. Отчет об охранных исследованиях в Кимрском и Калининском районах Тверской области в 2008 г. С. 29–41.

Куфтерин В. В., 2024. Атлас абрисов костей конечностей детей и подростков для возрастной экспресс-диагностики (по материалам Гонур-депе). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Старый сад. 166 с.

Макаров Н. А., 1990. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.: Наука. 216 с.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2016. Бескурганные ингумации в могильнике Шекшово: новые материалы к изучению древнерусского погребального обряда XI в. // АВСЗ. Вып. 6. С. 186–199.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Ерохин С. А., 2021. Первые результаты новых исследований могильника Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 264. С. 7–29.

Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., Добровольская М. В., 2020. Средневековый могильник Шекшово: «Владимирские курганы» в свете новых полевых исследований // РА. № 4. С. 121–140.

Мамонова Н. Н., Романова Г. П., Харитонов В. М., 1989. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований / Отв. ред. Д. Б. Шелов. Л.: Наука. С. 50–83.

Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях / Отв. ред. М. В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2020. 112 с. (Методика полевых археологических исследований; вып. 11.)

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., 2022. Исследования погребальных памятников сплошными площадями // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) (Санкт-Петербург, 07–11 ноября 2022 г.). СПб.: ИИМК РАН. С. 81–83.

Рохлин Д. Г., 2013. Болезни древних людей. М. 301 с.

Рудников С. А., 1995. Отчет о проведении археологических разведок в Калининском районе Тверской области по рекам Тверце и Тьмаке в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19470.

Степанова Ю. В., Пежемский Д. В., Жукова Е. Н., 2009. Древнерусское население Верхневолжья: погребальный обряд и палеоантропология (по материалам Избрижского могильника) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. № 12. Вып. 1. С. 90–107.

Brooks S., Suchey J. M., 1990. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsádi-Nemeskéri and Suchey-Brooks methods // Human evolution. Vol. 5. № 3. P. 227–238.

Işcan M. Y., Loth S. R., Wright R. K., 1984. Age estimation from the rib by phase analysis: white males // Journal of Forensic Science. Vol. 29. № 4. P. 1094–1104.

Işcan M. Y., Loth S. R., Wright R. K., 1985. Age estimation from the rib by phase analysis: white females // Journal of Forensic Science. Vol. 30. № 3. P. 853–863.

Lovejoy C. O., 1985. Dental wear in the Libben population: its functional pattern and role in the determination of adult skeletal age at death // American journal of physical anthropology. Vol. 68. № 1. P. 47–56.

Schaefer M., Black S., Scheuer L., 2009. Juvenile osteology. A laboratory and field manual. Amsterdam: Elsevier. 369 p.

Scheuer L., Black S., 2000. Developmental juvenile osteology. San Diego: Academic Press. 369 p.

White T. D., Folkens P. A., 2005. The human bone manual. Academic Press. 272 p.

Сведения об авторах

Юдина Анастасия Михайловна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: iudinaanmi@gmail.com;

Бадеев Денис Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: denisbadeev@mail.ru

A. M. Iudina, D. Yu. Badeev

BIRITUAL BURIALS AT THE NOVEN'KOE-1 KURGAN/IN-GROUND CEMETERY: PALEODEMOGRAPHIC ASPECTS OF THE STUDY

Abstract. The study of the composition of the Medieval Russia rural population that lived in 12th – first half of 13th centuries using the materials from almost completely excavated kurgan/in-ground cemetery is promising not only for obtaining paleodemographic data but also for understanding cultural traditions. Besides the general paleodemographic analysis of the population that has left behind the Noven'koe-1 cemetery, the tasks and the objectives of this study also included comparison of the age and sex structure of the individuals buried in the kurgans and the inter-kurgan areas as well as determination of the distribution patterns of males, females and children within these burial complexes. A total of 76 individuals were examined including 32 individuals from the burials beneath the kurgans and 44 individuals from the in-ground burials in the areas between the kurgans. The in-ground burials have three times more buried women and two times more buried children, while the number of buried men in the burials beneath the kurgans and the number of those in the burials without mounds are comparable. The demographic situation is characterized by a high mortality rate among children and an older average age at death of the individuals from the kurgans. The people who have left behind Noven'koe-1 constituted a single population group that buried the dead both in the in-ground burials beneath the kurgans and the burials not covered by the mounds depending on status, role or kinship relations of the deceased person.

Keywords: age and sex structure, burial rite, Medieval Russia period, rural population, Tver region.

REFERENCES

Alekseeva T. I., Bogatenkov D. V., Lebedinskaya G. V., 2003. Vlakhi. Antropoekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistikhali) [The Vlakhs. Anthropological research (based on materials from medieval necropolis of Mistikhali)]. Moscow: Nauchnyy mir. 131 p.

Alekseeva T. I., Makarov N. A., Balueva T. S., Segeda S. P., Fedosova V. N., Kozlovskaya M. V., 1993. Rannie etapy osvoeniya Russkogo Severa: istoriya, antropologiya, ekologiya [Early stages of development of Russian North: history, anthropology, ecology]. *Ekologicheskie problemy v issledovaniyakh srednevekovogo naseleniya Vostochnoy Evropy [Environmental problems in studies of medieval population of Eastern Europe]*. T. I. Alekseeva, ed. Moscow: RAN, pp. 3–78.

AKR. Tverskaya oblast [AKR. Tver region], 1. A. V. Kashkin, ed. Moscow: IA RAN, 2003. 528 p.

Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: srednevekovye poseleniya i mogilniki na Kubenskom ozere [Archaeology of Northern Russian village of X–XIII centuries: medieval settlements and cemeteries on Kubenskoe Lake], 3. Paleoekologicheskie usloviya, obshchestvo i kultura [Paleoecological conditions, society and culture]. N. A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, 2009. 233 p.

Badeev D. Yu., Gavrilov K. N., Eskova D. K., Fat'kov A. M., Yunkin Zh. A., 2024. Okhranno-spasatelnye raboty 2022 goda na komplekse ob"ektov arkheologicheskogo naslediya u derevni Noven'koe v Tverskoy oblasti [Protection and rescue operations in 2022 at complex of archaeological heritage sites near village Noven'koe, Tver region]. *AP*, 20, pp. 51–63.

Gerasimov M. M., 1955. Vosstanovlenie litsa po cherepu: sovremennyy i iskopaemyy chelovek [Reconstructing a face from a skull: modern and fossil man]. Moscow: AN SSSR. 585 p.

Islanova I. V., 2008. Okhrannye raboty na komplekse pamyatnikov u d. Novenkaya (Stoyanka 2, selishche 2, kurganno-gruntovyy mogilnik) [Protection work at site complex near village Noven'kaya (Site 2, settlement 2, kurgan and in-ground cemetery)]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Otchet ob okhrannykh issledovaniyakh v Kimrskom i Kalininskom rayonakh Tverskoy oblasti v 2008 g. [Report on protection research in Kimry and Kalinin districts, Tver region in 2008], pp. 29–41.

Kufterin V. V., 2024. Atlas abrisov kostey konechnostey detey i podrostkov dlya vozrastnoy ekspress-diagnostiki (po materialam Gonur-depe) [Atlas of extremities bones outlines for children and juveniles for age-related express diagnostics (based on Gonur-depe materials)]. 2nd edition. Moscow: Staryy sad. 166 p.

Makarov N. A., 1990. Naselenie Russkogo Severa v XI–XIII vv. [Heritage of Russian North in XI–XIII cc.]. Moscow: Nauka. 216 p.

Makarov N. A., Krasnikova A. M., Erokhin S. A., 2021. Pervye rezultaty novykh issledovaniy mogilnika Gnezdilovo pod Suzdalem [First results of new studies of Gnezdilovo cemetery near Suzdal]. *KSIA*, 264, pp. 7–29.

Makarov N. A., Krasnikova A. M., Zaytseva I. E., Dobrovolskaya M. V., 2020. Srednevekovyy mogilnik Shekshovo: «Vladimirskie kurgany» v svete novykh polevykh issledovaniy [Medieval cemetery of Shekshovo: «Vladimir kurgans» in the light of new field research]. *RA*, 4, pp. 121–140.

Makarov N. A., Zaytseva I. E., 2016. Beskurgannye ingumatsii v mogilnike Shekshovo: novye materialy k izucheniyu drevnerusskogo pogrebalnogo obryada XI v. [Inhumations without kurgans in Shekshovo cemetery: new materials for study of Ancient Russian burial rite of XI c.]. *AVSZ*, 6, pp. 186–199.

Mamonova N. N., Romanova G. P., Kharitonov V. M., 1989. Pervichnaya obrabotka i opredelenie antropologicheskogo materiala v polevykh usloviyakh [Primary processing and determination of anthropological material in field conditions]. *Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy [Methodology of field archaeological research]*. D. B. Shelov, ed. Leningrad: Nauka, pp. 50–83.

Metodika raboty s paleoantropologicheskimi materialami v polevykh usloviyakh [Methods of working with paleoanthropological materials in field conditions]. M. V. Dobrovolskaya, ed. Moscow: IA RAN, 2020. 112 p. (Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy, 11.)

Molodin V. I., Myl'nikova L. N., 2022. Issledovaniya pogrebalnykh pamyatnikov sploshnymi ploshchadyami [Research of burial sites in continuous areas]. *Evraziya v eneolite – rannem srednevekov'e (innovatsii, kontakty, translyatsii idey i tekhnologiy) [Eurasia in Eneolithic – Early Middle Ages (innovations, contacts, transmission of ideas and technologies)]*. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 81–83.

Rokhlin D. G., 2013. Bolezni drevnikh lyudey [Diseases of ancient people]. Moscow. 301 p.

Rudnikov S. A., 1995. Otchet o provedenii arkheologicheskikh razvedok v Kalininskom rayone Tverskoy oblasti po rekam Tvertse i T'make v 1995 g. [Report on archaeological exploration in Kalinin district, Tver region along Tvertsa and T'maka rivers in 1995]. *Archive of IA RAS.* (In Russian, unpublished.)

Stepanova Yu. V., Pezhemskiy D. V., Zhukova E. N., 2009. Drevnerusskoe naselenie Verkhnevolzh'ya: pogrebalnyy obryad i paleoantropologiya (po materialam Izbrizhskogo mogilnika) [Ancient Russian population of Upper Volga region: burial rite and paleoanthropology (based on materials from Izbrizhye cemetery)]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya [Bulletin of Tver state university Series: History]*, no. 12, iss. 1, pp. 90–107.

Zaytseva O. V., Vodyasov E. V., 2018. Gruntovoe pogrebenie Timiryazevskogo-1 kurgannogo mogilnika s kompleksami miniatyurnykh predmetov [In-ground burial of Timiryazevsky-1 kurgan cemetery with complexes of miniature objects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk state university]*, 434, pp. 113–118.

Zelentsova O. V., Milovanov S. I., 2015. Kurgannyy obryad pogrebeniya v Nizhnem Pooch'e v epokhu srednevekov'ya [Kurgan burial rite in Lower Oka region in Middle Ages]. *Goroda i vesi Srednevekovoy Rusi: arkheologiya, istoriya, kultura [Cities and villages of Medieval Rus: archaeology, history, culture]*. P. G. Gaydukov, ed. M.; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 122–134.

About the authors

Iudina Anastasiia M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: iudinaanmi@gmail.com;

Badeev Denis Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: denisbadeev@mail.ru

О. П. Бачура, Т. В. Лобанова, Н. В. Григорьева, В. А. Лапшин

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ XI–XVII ВЕКОВ ИЗ РАСКОПОК ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА В СТАРОЙ ЛАДОГЕ[1]

Резюме. В работе описана остеологическая коллекция из раскопок 2007 и 2011 гг. Земляного городища в Старой Ладоге. Изучено более 28 тыс. костных остатков из культурных отложений XI–XVII вв. Проведен анализ видового состава и соотношения костей животных, описан анатомический состав остатков, а также возрастная структура забоя домашнего скота. Показано, что основой хозяйства у населения Ладоги было домашнее хозяйство. Наибольшее значение для населения города имел крупный рогатый скот и свинья. Структура домашнего хозяйства типична для русских городских поселений XI–XVII вв. Охота и рыболовство имели место, но не играли большой роли в жизнеобеспечении населения. На протяжении XI–XVII вв. у жителей посада Ладоги наблюдается возрастание роли домашних животных в хозяйстве, а промысловая деятельность практически утрачивает свое значение. Кроме того, увеличивается молочное направление в скотоводстве.

Ключевые слова: Северо-Запад России, Старая Ладога, Земляное городище, древнерусское время, средние века, домашние животные, костные остатки.

Введение

Земляное городище в Старой Ладоге – многослойный археологический памятник, историю которого можно разделить на два периода: существование неукрепленного поселения VIII–XVI вв. и перекрывающее его укрепление бастионного типа конца XVI – XVII в. (отсюда и название Земляное городище, появившееся в XVII в.). Культурный слой поселения, в свою очередь, делится на верхние слои гумуса XI–XVI вв. и нижние слои так называемого мокрого

[1] Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 23-18-00515 «Формирование ранней городской структуры и культурного ландшафта Северной Руси на материале археологического комплекса Старой Ладоги».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.396-412

слоя VIII–X вв., сохранившего органику, в том числе остатки деревянных построек, что позволяет использовать метод дендродатирования (*Лапшин*, 2019). Археологические исследования на Земляном городище ведутся уже более ста лет. Традиционно наибольший интерес привлекала нижняя часть отложений. Это относится и к остеологическим находкам. В обобщенном виде была описана коллекция костей, собранная в ходе раскопок 1949 г. в культурном слое IX–X вв. В. И. Равдоникасом в центральной части городища (*Равдоникас*, 1949; *Цалкин*, 1956). Также остеологическим материалам раннего Средневековья посвящена статья А. К. Каспарова по результатам раскопок в северной части Земляного городища (*Каспаров*, 1997). В настоящей статье впервые дается описание остеологических материалов из верхней части культурного слоя XI–XVII вв. В начале этого периода Ладога начинает развиваться как городской центр древнерусского времени, превращаясь в типичный средневековый город Северо-Западного региона.

Хронология и стратиграфия

Представленная в данной публикации коллекция была собрана при археологических исследованиях раскопа 4 (2007 г.) и раскопа 5 (2011 г.) Староладожской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством А. Н. Кирпичникова. Последовательно исследованные площади располагаются в южной части Земляного городища, вдоль внутренней части деревоземляной стены. Культурный слой представлял собой сухой гумус черного и серого цвета с остатками деревянных конструкций разной степени сохранности.

В 2007 г. мощность исследованных напластований составила 35–50 см (*Кирпичников*, 2008а; 2008б). В 2011 г. была изучена толща около 1 м культурного слоя от самых поздних напластований до XI в. (*Кирпичников*, 2012).

Традиционно в Ладоге для описания напластований культурного слоя используется схема горизонтов, сформулированная В. И. Равдоникасом. Он ввел в научный оборот семь горизонтов: от «*а*» до «*ж*» (*Равдоникас*, 1949. С. 10–12), которые отражают культурно-хронологические изменения поселения. Поздний этап развития поселения и сооружение земляной крепости относятся к горизонтам *а–г* по схеме В. И. Равдоникаса. Впоследствии схема горизонтов была уточнена и дополнена в ходе продолжения исследовательских работ.

А. Н. Кирпичников при полевых и фиксационных работах также использовал литерные обозначения горизонтов. Его методика сводилась к тому, что все изученные за сезон слои и прослойки, пустые или содержащие строительные остатки, назывались горизонтами и получали буквенное обозначение, ежегодно начиная с литеры «А». Хотя, по сути, являлись просто уровнями полевой фиксации. Этот методический подход подробно изложен в одной из публикаций руководителя работ (*Кирпичников, Назаренко*, 1997. С. 63). В настоящей работе «горизонты», по В. И. Равдоникасу и А. Н. Кирпичникову, синхронизированы (табл. 1).

Таблица 1. Таксономический состав костных остатков животных из раскопок Земляного городища

Раскоп (год)	4 (2007)			5 (2011)				
Горизонт, по А. Н. Кирпичникову	В	Б	А	Г низ	Г верх	В	Б	А
Горизонт, по В. И. Равдоникасу	Горизонт погребений раннего могильника при Климентовской церкви, *г*			*г*				*б*
Хронология, вв.	XI–XIII			XIV–XV		XV–XVI		XVI–XVII
Крупный рогатый скот – *Bos taurus*	740	276	761	2636	830	3648	2289	672
Свинья – *Sus scrofa domecticus*	531	247	511	894	288	822	382	86
Мелкий рогатый скот – *Capra* et *Ovis*	84	56	132	594	147	562	251	73
Лошадь – *Equus caballus*	19	4	24	20	7	73	44	10
Собака – *Canis familiaris*	12	8	8	29	5	19	3	5
Кошка – *Felis catus*	–	1	1	9	2	14	7	1
Заяц-беляк – *Lepus timidus*	–	–	4	37	5	26	19	10
Белка – *Sciurus vulgaris*	–	–	–	2	1	–	–	–
Бобр – *Castor fiber*	18	2	18	72	8	9	7	1
Волк – *Canis lupus*	1	–	2	3	2	1	–	–
Лисица – *Vulpes vulpes*	16	6	20	45	3	5	3	3
Куница – *Martes martes*	–	–	–	7	–	–	–	–
Медведь бурый – *Ursus arctos*	–	–	1	4	–	1	2	–
Нерпа кольчатая – *Phoca hispida ladogensis*	–	–	1	2	–	3	1	–
Кабан – *Sus scrofa*	–	–	–	1	–	1	1	–
Олень северный – *Rangifer tarandus*	–	–	–	1	–	2	–	–
Лось – *Alces alces*	8	–	29	73	21	66	14	1
Млекопитающие, ближе неопределимые	264	43	405	2731	660	2447	1209	243
Рыба	80	110	217	397	63	172	131	20
Птица	135	122	198	330	59	137	73	12
Итого	1908	875	2332	7887	2101	8008	4436	1137

Материалы и методы

Общее количество исследованных остатков животных составило 28 595 экземпляров (табл. 1). Коллекция хранится в основных фондах музея Института экологии растений и животных УрО РАН под № 1852. Неопределимые остатки млекопитающих, а также кости птиц и рыб были идентифицированы до класса. Определимые кости млекопитающих были диагностированы до вида с помощью эталонной коллекции музея Института экологии растений и животных УрО РАН.

Для оценки раздробленности остатков было подсчитано количество целых и фрагментированных костей млекопитающих. К категории «целые» были отнесены действительно целые кости, а также кости от молодых животных, у которых отсутствует один или оба эпифиза, а также сами эпифизы. Наблюдаются некоторые различия в степени раздробленности костей млекопитающих между раскопами, даже в синхронных горизонтах. В раскопе 5 количество целых костей колеблется от 15 до 20 %, и в большинстве горизонтов высока доля неопределимых остатков (22–38 %). В раскопе 4 довольно много целых костей (26 %), а доля неопределимых не превышает 17 %. На наш взгляд, это обусловлено методикой сбора. В 2011 г. был собран весь остеологический материал, а в 2007 г. собирали преимущественно целые крупные кости. Об этом же свидетельствует малое общее количество костей, собранных с трех горизонтов в раскопе 4, а также малочисленность костей мелких видов диких животных, по сравнению с синхронными слоями раскопа 5 (табл. 1). Таким образом, объективную оценку раздробленности костей, соотношения элементов скелета и видового состава животных в данном случае нам дают только материалы 2011 г. из раскопа 5. В связи с этим при анализе состава элементов скелетов животных данные из раскопа 4 не были включены, т. к. дают искаженную картину.

Возрастная структура стада домашних животных определялась по степени стертости жевательной поверхности зубов по методике А. Грант (*Grant*, 1982). Эта методика, в отличие от данных по прирастанию эпифизов трубчатых костей, позволяет довольно точно определять возраст от рождения до смерти животного. Для анализа использовались нижние челюсти и зубы с одной стороны тела. Следовательно, расчеты процентов проводились для количества особей. Структура забоя показана для объединенных выборок: XI–XIV вв. (А-Г 2007 г. и Г верх 2011 г.) и XV–XVII вв. (все остальные горизонты).

Результаты

Собранные в ходе раскопок костные остатки в массе представляют собой т. н. кухонные отходы – фрагментированные или поврежденные кости от животных, которых употребляли в пищу («пищевые» виды) (*Цалкин*, 1956).

Кости домашних животных являются наиболее многочисленными среди млекопитающих во все временные периоды (табл. 1, 3).

Остатки *крупного рогатого скота* доминируют во всех горизонтах, их доля увеличивается от ранних периодов (XI–XIII вв.) к более поздним (XVI–XVII вв.) (табл. 2). Среди остатков представлены все элементы скелета (рис. 1). Можно

отметить, что количество остатков парных костей головы (нижних челюстей) сопоставимо с количеством остатков парных костей тела (табл. 3). Это свидетельствует о разделке туш прямо на поселении. Различий в степени раздробленности костей крупного рогатого скота по горизонтам нет. Целыми являются наименее ценные части туши – зубы, мелкие кости запястья и заплюсны, фаланги пальцев и хвостовые позвонки, а практически все крупные кости сильно раздроблены. Кости черепа, нижних челюстей и все трубчатые кости верхних частей ног были порублены на множество фрагментов. Ребра рубили на три части. Большая часть позвонков разрублена вдоль тела позвонка на две-три части. У тазовых костей сохранились в основном подвздошная кость и суставная впадина. Вероятно, при разрубании суставная часть тазовой кости отделялась вместе с бедром, а подвздошная кость оставалась в туловищном отделе. Некоторые кости коровы были обработаны человеком (7 экз.), имели следы пребывания в огне (71 экз.), были погрызены собаками (193 экз.). Среди остатков наименьшее количество составляют рога, а преобладают кости туловищного отдела и верхних отделов ног (рис. 1). Это самые мясные части туши животного. Доля костей нижних отделов ног в два раза меньше, чем доля верхних отделов. Это связано с разной степенью их раздробленности. Доли целых костей и фрагментов у трубчатых костей верхних отделов конечностей соотносятся как 2 % : 98 %, а у нижних частей ног как 58 % : 42 %.

Таблица 2. Соотношение остатков домашних и диких видов млекопитающих, птиц и рыб из раскопок Земляного городища, %

Категория	Века			
	XI–XIII	XIV–XV	XV–XVI	XVI–XVII
Крупный рогатый скот	58	65	73	80
Свинья	29	23	16	10
Мелкий рогатый скот	12	11	10	9
Лошадь	1	1	1	1
Всего	100	100	100	100
Домашние млекопитающие	79	89	93	95
Дикие млекопитающие	4	3	2	2
Птица	9	4	3	2
Рыба	8	4	2	1
Всего	100	100	100	100
Количество, экз.	9447	1461	8792	894

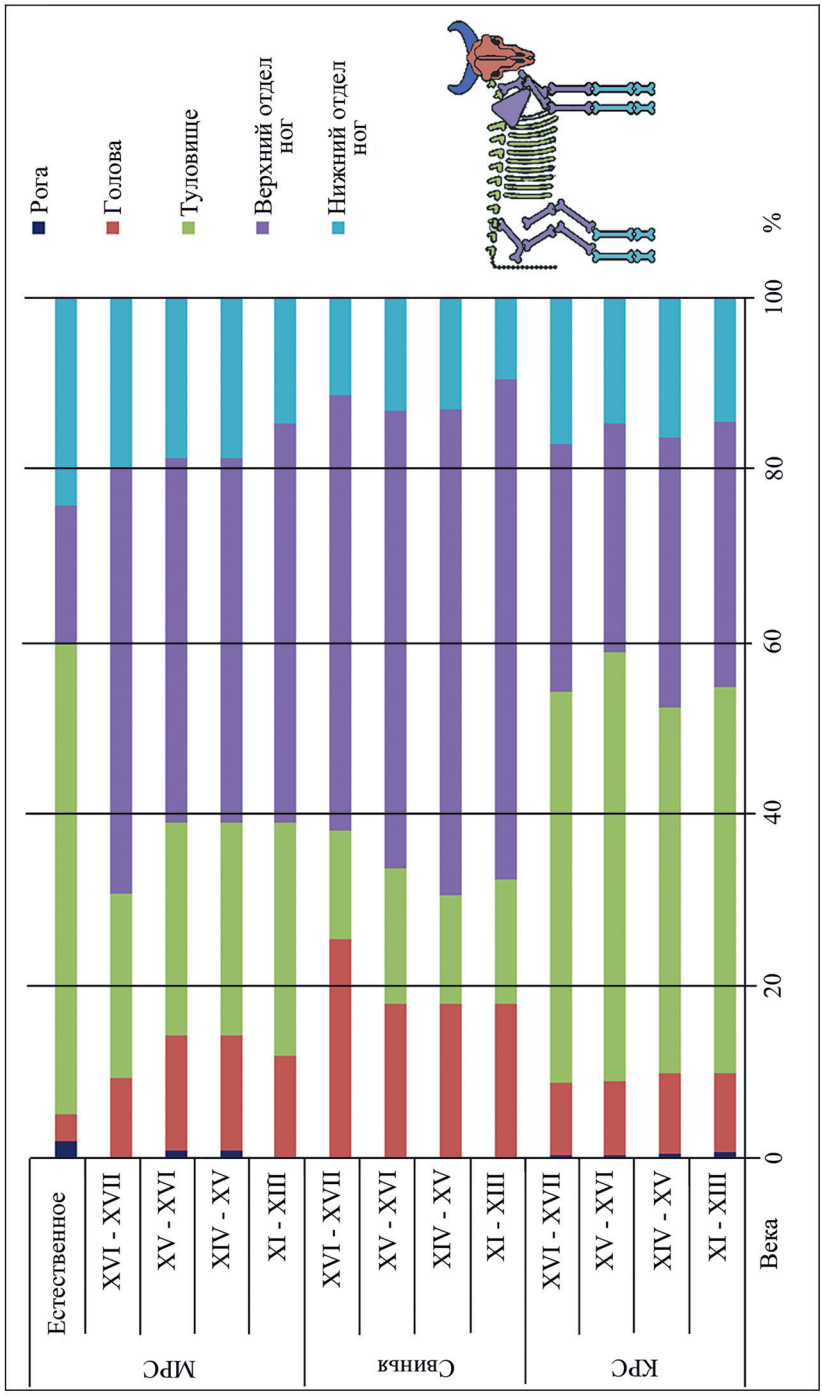

Рис. 1. Соотношение остатков различных отделов скелета домашних животных в материалах разных веков из раскопок Земляного городища и естественное соотношение в одном скелете

Таблица 3. Анатомический состав и количество остатков млекопитающих из раскопок Земляного городища в 2011 г.

Элемент скелета	КРС	Свинья	МРС	Лошадь	Собака	Кошка	Лось	Заяц	Бобр	Волк	Лисица	Норка
Рог	42	–	4	–	–	–	58	–	–	–	–	–
Череп	441	166	48	2	2	1	9	–	3	–	1	–
Нижняя челюсть	399	199	120	8	5	4	14	6	7	–	–	–
Подъязычная	29	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Изолированные зубы	655	221	183	16	4	–	20	2	24	1	–	–
Позвонки	1137	95	141	9	5	6	4	4	3	1	3	–
Грудина	16	2	2	2	–	–	–	–	–	–	–	–
Ребра	3029	210	185	10	7	1	4	1	5	–	–	–
Ключица	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–
Лопатка	538	202	79	9	2	1	2	6	2	–	1	–
Плечевая	517	221	134	9	4	6	9	8	13	–	–	1
Локтевая	216	159	34	2	5	2	2	10	4	–	3	1
Лучевая	274	144	106	13	6	2	2	11	4	–	1	–
Таз	427	156	72	7	1	4	–	12	8	1	–	2
Бедренная	347	157	116	2	–	3	5	7	7	–	–	–
Большая берцовая	463	194	142	9	6	2	3	9	11	–	–	1
Малая берцовая	–	38	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–
Коленная чашечка	22	1	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Кости пясти	147	–	64	2	–	–	3	–	–	–	–	–
Кости плюсны	169	–	66	3	–	–	4	–	–	–	–	–
Метаподии	57	82	19	7	12	–	2	20	1	1	41	1
Запястье, предплюсна	469	179	80	19	–	1	4	–	1	1	2	–
Фаланги	681	46	31	24	2	–	30	1	1	1	7	–
Скелет	–	–	–	–	–	4	–	–	–	–	–	–
Всего	10075	2472	1627	154	61	37	175	97	97	6	59	6

Возрастной состав забитых особей показывает преобладание остатков от взрослых особей старше 3 лет во все периоды (более 55 %; рис. 2). Общая доля молодых животных до 3 лет в материалах двух периодов одинаковая. В оба периода среди особей до одного года представлены только новорожденные особи до 3 месяцев, а телята от полугода до 1,5 лет практически отсутствуют (рис. 2). В XI–XIV вв. молодых животных забивали преимущественно в 2-летнем

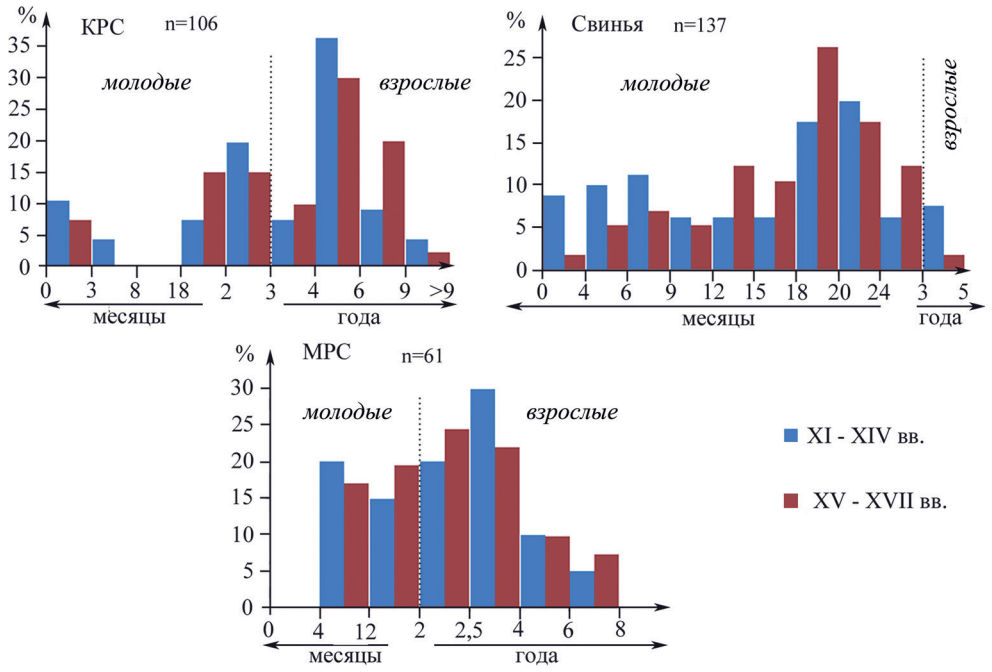

Рис. 2. Возрастная структура забитых на мясо домашних животных из раскопок Земляного городища, выявленная по степени стертости жевательной поверхности зубов нижней челюсти

возрасте, в то время как в XV–XVII вв. равномерно от 1,5 до 3 лет. Структура забоя взрослых животных в целом сходна в материалах двух периодов. Преобладают особи 4–6 лет (рис. 2), однако доля особей старше 6 лет в материалах позднего периода в два раза выше, чем в предыдущее время (рис. 2).

Свинья занимает второе место по количеству остатков в исследованной выборке. Доля костей свиньи постепенно уменьшается от ранних горизонтов к поздним (табл. 3). Характер раздробленности сходен с таковым у крупного рогатого скота. Найдено несколько костей со следами пребывания в огне (8 экз.) и обработки человеком (3 экз.). Есть кости, погрызенные собаками, а также со следами пребывания в желудочно-кишечном тракте (17 экз.). Среди остатков свиньи определены все элементы скелета, а преобладают кости верхних частей ног (табл. 3). Костей туловищного отдела почти в три раза меньше, чем у крупного рогатого скота (рис. 1). Это, вероятно, обусловлено меньшей степенью раздробленности мелких позвонков и ребер свиней по сравнению с коровой. В отличие от коров у свиней сохранилось почти в два раза больше фрагментов головы (рис. 1). Такое соотношение остатков характерно для этого вида во многих средневековых русских памятниках (*Бачура, Подопригора*, 2000; *Бобковская*, 2010; *Косинцев, Подопригора*, 1998; *Косинцев, Черная*, 2000; *Бачура и др.*, 2020) и, возможно, связано с тем, что головы свиней чаще используют в пищу, чем у других домашних животных.

По состоянию зубов свиней получено соотношение возрастных групп, среди которых в оба периода доминируют (85–86 %) молодые животные до 2 лет (рис. 2). Остатков свиней старше пяти лет в кухонных отбросах не обнаружено. Максимальную долю в оба периода составляет группа особей в возрасте 18–24 месяцев (рис. 2). В горизонтах XI–XIV вв. почти в два раза выше доля поросят в возрасте до одного года, чем в более поздних горизонтах (36 % и 19 % соответственно), но при этом заметно меньше особей от года до 2 лет (50 % и 67 % соответственно).

Мелкий рогатый скот занимает третье место среди млекопитающих по количеству остатков (табл. 1; 3). Доля этого вида оставалась неизменной на протяжении всего времени. Среди остатков представлены все элементы скелета (табл. 3). Характер раздробленности сходен с таковым у крупного рогатого скота (рис. 1). На основании морфологических особенностей нижних челюстей, плечевых, лучевых, таранных, пястных и плюсневых костей, а также первых фаланг проведена видовая диагностика костей козы и овцы (*Boessneck*, 1970; *Zeder, Lapham*, 2010; *Zeder, Pilaar*, 2010). Кости обоих видов были найдены во всех горизонтах, однако во все периоды доля козы не превышала 8 %.

Возрастная структура забоя овец на протяжении всего периода была одинаковая. Среди животных нет новорожденных и полугодовалых особей (рис. 2). Возрастные группы от 0,5 до 4 лет представлены в равном количестве остатков. Особей из более старших возрастных групп в 2–3 раза меньше (рис. 2). Отсутствуют животные старше 8 лет. Две челюсти козы принадлежали животным в возрасте 2,5–4 года.

Кости *лошади* составляют 1 % среди остатков домашних животных и представлены всеми элементами скелета (табл. 2; 3). Найдена одна фаланга от новорожденной особи, два фрагмента нижней челюсти животных, не достигших одного года, и трубчатые кости ног от полувзрослых особей (4 экз.), эпифизы у которых не приросли.

Собаке принадлежат отдельные целые кости от разных частей тела взрослых животных (табл. 3). Остатки собак немногочисленны во всех горизонтах памятника, однако их количество уменьшается от ранних слоев к поздним (табл. 1).

Почти все одиночные целые кости, а также фрагменты 4 скелетов *кошек* были найдены в раскопе 5 (табл. 1). Части трех скелетов найдены в межжилищном пространстве горизонта В. Фрагмент скелета задней лапы кошки был найден в юго-западной части постройки 5 горизонта Г. Все остатки принадлежали животным старше одного года, за исключением лучевой кости от молодой особи.

Промысловые млекопитающие в Ладоге представлены 11 видами (табл. 1). Общая доля их остатков крайне мала (2 %).

Среди диких животных наибольшее количество костей принадлежит *лосю*, однако почти 37 % всех его остатков – это обработанные фрагменты рогов, вероятно, срезанные в процессе изготовления изделий. А 73 % костей тела приходится на элементы головы и нижних частей ног (табл. 3), т. е. не мясные части туши.

Единичные кости головы *кабана* (два клыка и нижняя челюсть) были определены по размерам зубов (*Кисагулов*, 2018). Еще в начале XX в. были известны

заходы кабанов в районы Финского залива и юго-западного побережья Ладожского озера (*Гептнер и др*., 1961).

Северному оленю принадлежали две кости ног (пяточная и первая фаланга) и фрагмент черепа с основанием рога. Рог зашлифован человеком. До второй половины XIX в. в районе Ладожского озера проходила южная граница ареала северного оленя (Там же).

Единичные находки *кольчатой нерпы*, скорее всего, обусловлены случайным выловом во время промысла сига и судака в Волхове, куда тюлень поднимается в конце осени (*Труханова и др*., 2012).

Все остальные виды диких млекопитающих в той или иной мере можно отнести к «пушной» добыче. Большая часть костей этих видов происходит из нижних горизонтов памятника (табл. 1). В пищу могли использовать тушки *бобра,* а также *зайца-беляка.* Остатки этих видов наиболее многочисленны и в значительной мере представлены костями тела и верхних отделов конечностей (табл. 3). Вероятно, зайцев добывали в основном ради меха. На это указывает малое количество его остатков на поселении. Кроме того, у восточных славян в XIX в. существовали определенные запреты на употребление мяса зайцев в пищу (*Зеленин*, 1991. С. 147). Возможно, такие традиции существовали и в более ранние периоды.

Во всех стратиграфических горизонтах были найдены остатки *лисицы*, но большая часть в материалах XI–XIII вв. (табл. 1). Подавляющее большинство ее остатков – это кости нижних частей лап (метаподии и фаланги). В нижнем горизонте найдены отдельные фрагменты костей *волка* (табл. 3) и единичные кости ног *белки.* Только в материалах XI–XIII вв. (табл. 1) были найдены кости *куницы* (фрагмент черепа, клык, фрагмент локтевой кости и 4 метаподии). *Бурый медведь* представлен фрагментом черепа и 6 целыми когтевыми фалангами, найденными в различных горизонтах.

Обсуждение

Изменение соотношения костных остатков групп животных в разные хронологические периоды характеризует изменения структуры питания его жителей, которая обусловлена, в свою очередь, сменой направления хозяйства. Соотношение остатков домашних копытных в кухонных отходах типично для русских средневековых городских поселений, с доминантой в виде крупного рогатого скота. Как правило, в средневековых селах среди остатков доминирует свинья (до 50 %), а в городах – крупный рогатый скот (не менее 60 %) (*Антипина*, 2005). В XI–XIII вв. свинья играла существенную роль в хозяйстве населения Ладоги наряду с крупным рогатым скотом. На протяжении рассматриваемого периода поголовье свиней постепенно сокращалось, а поголовье крупного рогатого скота, напротив, увеличивалось. Поголовье мелкого рогатого скота оставалось практически неизменным на протяжении всего времени (табл. 2).

Основу мясного потребления в Ладоге составляло мясо крупного рогатого скота. Обращает на себя внимание минимальное количество телят среди забитых животных. Известно, что восточные славяне в XIX в. редко и неохотно употребляли в пищу телятину, что было обусловлено хозяйственными соображениями.

Во-первых, ее считали малопитательной и вообще вредной. Во-вторых, коровы перестают доиться без телят, а через 2–3 года из теленка выйдет «полнорослая скотина» (*Зеленин*, 1991. С. 147; *Даль*, 2003. С. 591). Возможно, в Ладоге телятину также практически не употребляли в пищу. Наличие новорожденных и 3-месячных телят среди забитых животных может объясняться их гибелью в первые месяцы жизни от неблагоприятных погодных условий, бескормицы и т. п. Позже окрепшие животные откармливались до достижения ими значительного веса.

Обычно коров и быков, выращиваемых специально на мясо, забивают до 3 лет. В нашем случае доля особей этой возрастной категории не превышает 40 %, а максимальную долю составляют особи репродуктивного возраста от 3 до 6 лет (рис. 2), когда коровы наиболее эффективны для получения молока. Такой возрастной состав говорит в пользу мясо-молочного направления эксплуатации крупного рогатого скота (*Антипина*, 2008. С. 72). Более высокая доля животных старше 6 лет в материалах XV–XVII вв. может свидетельствовать об увеличении времени содержания коров и, как следствие, увеличении молочной направленности эксплуатации этих домашних животных. Какое-то количество молочных коров, вероятно, содержали прямо на территории города. Основное мясное поголовье крупного рогатого скота, вероятно, разводили в сельской округе, а в город поставляли в виде туш, которые разделывали уже на месте. Среди кухонных отходов наиболее многочисленными оказались фрагменты ребер. Размеры фрагментов в большинстве случаев укладываются в 10 см. Возможно, это связано со способом приготовления грудинки крупного рогатого скота в горшках, который можно считать традиционным для русского населения в XVII в. (*Антипина*, 2011).

Вторым по значению пищевым видом была свинья. Свиней обычно держат 5–6 лет, т. к. с 7 лет свиньи теряют способность к размножению. Возрастная группа от 3 до 6 лет у свиней обычно отражает смену маточного стада (*Плеханов*, 1926; *Дмитриев и др*., 1989). В условиях Ладоги, возможно, эти сроки были несколько смещены – от 2 до 5 лет. Эта возрастная группа представлена здесь долей в 14 % в оба периода (рис. 2). Этого количества для свиньи – вида с коротким циклом воспроизводства и высокой плодовитостью – достаточно для устойчивого воспроизводства потребляемой на мясо части ее поголовья в рамках местного разведения. Судя по большому количеству особей всех возрастов от поросят до 5-летних животных, жители Ладоги в XI–XVII вв. сами разводили свиней для собственного пропитания. Вплоть до XIV в. чаще забивали поросят первого года жизни, а позже, в XV–XVII вв., большую часть свиней откармливали дольше, а массовый забой начинался уже со второго года жизни, после первого опороса. Скорее всего, такие различия связаны с сокращением поголовья свиней в XV–XVII вв. (табл. 2), что привело, в свою очередь, к сокращению их забоя в первый год жизни и/или к изменениям условий содержания.

Мелкий рогатый скот занимал третье место в хозяйстве жителей Старой Ладоги. Здесь держали преимущественно овец и небольшое количество коз. Численность и тех, и других оставалась неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода. Овец держали до 8 лет. Это максимальное время содержания этих животных и в современных хозяйствах (*Дмитриев и др*., 1989). Животных

забивали равномерно, начиная примерно с 4-месячного возраста и до 4 лет. Затем интенсивность забоя снижалась в несколько раз. Самый высокий прирост мышечной массы наблюдается у животных до 6-месячного возраста, после чего их целесообразно забивать на мясо. Кроме того, лучшие овчины получают от молодняка 5–6-месячного возраста (*Дмитриев и др*., 1989). Обычно при содержании овец преимущественно для получения шерсти среди забитых животных преобладают особи старше 4 лет, доля которых должна составлять 75–80 % (*Ерохин и др*., 2016). В случае Старой Ладоги доля таких особей не превышает 17 % (рис. 2). Очевидно, что овец использовали как для получения мяса, так и шкур и шерсти. Кроме того, возрастная группа этих копытных от 4 до 8 лет маркирует маточное стадо. Довольно большой процент особей данного возраста достаточен, чтобы обеспечить собственное разведение. Для получения молока содержать овец экономически невыгодно. А вот небольшое количество коз могли держать именно как дополнительный источник молока.

Лошади, вероятно, принадлежала более значительная роль в хозяйстве, чем это отражают немногочисленные костные остатки в материалах Земляного городища. Лошади, прежде всего, были ценны как транспортные животные. Половина остатков вида происходит от головы и нижних частей ног, т. е. не мясных частей тела (табл. 3), однако на трубчатых и костях осевого скелета есть следы порубов. Существовавшие запреты на потребление конины (*Зеленин*, 1991. С. 147) могли нарушаться в неурожайные, голодные годы.

В Ладоге держали небольшое количество собак и кошек, о чем свидетельствует малое количество их остатков. Незначительное количество погрызенных костей (1 %) говорит о том, что собаки жили во дворах и свободно по городу не перемещались. Поскольку промысловая деятельность занимала несущественное место в жизни населения Ладоги, собак держали исключительно для охраны дворов, а не для охоты.

Промысел птиц и рыболовство в XI–XIII вв. еще играли какую-то заметную роль в хозяйстве населения Ладоги, но уже к XV в., а особенно позднее, утратили свое значение (табл. 2). Тоже можно сказать и об охоте на диких животных. Доля диких видов млекопитающих и их разнообразие неуклонно снижаются от XI в. к XVII в. (табл. 2). Горожане охотились в основном на лосей, зайцев, бобров и лисиц (табл. 1). В редких случаях добывали кабанов, северного оленя и нерпу. Максимальное количество видов диких млекопитающих было найдено в горизонтах XI–XIII вв., а в материалах XVI–XVII вв. найдены лишь единичные кости (табл. 1). Кости пушных зверей – бобра, волка, белки, куницы и бурого медведя (табл. 1) – почти исчезают уже к XV в. Это может быть связано с общим сокращением их численности в окрестностях города в результате антропогенной нагрузки (охоты, расширения пахотных земель и т. п.). Однако, судя по малочисленности остатков, на протяжении всего рассматриваемого периода охота не играла заметной роли в экономике города, а пушной промысел если и имел место, то в отдалении от города, где и производилась первичная обработка добытых животных. Оценить масштабы этой деятельности сейчас довольно трудно. А некоторые кости головы или лап диких животных могли храниться у жителей Ладоги в качестве ритуальных прикладов или охотничьих трофеев.

Заключение

Изучение сельскохозяйственных видов из остеологической коллекции Земляного городища показало сходные результаты, полученные для древнерусских городов XI–XVII вв. (*Цалкин*, 1956; *Антипина*, 2005). Соотношение остатков домашних животных, где доминирует крупный рогатый скот, типично для городских поселений. На подворьях города для личных нужд содержали какое-то количество коров для получения молока, свиней, коз и овец, а также лошадей, кошек и собак. Большая часть говядины, скорее всего, поступала в город из близлежащих сельских поселений.

По мере развития хозяйства в период XI–XVII вв. у жителей посада Ладоги увеличивается роль домашних животных и сокращается промысловая деятельность. Начиная с конца XI в. к XVII в. происходит увеличение молочного направления в скотоводстве. Это приводит к постепенному сокращению поголовья свиней и увеличению поголовья крупного рогатого скота. Возможно, немаловажную роль в этом сыграло и увеличение роли сельского (пахотного) земледелия в экономике города (Человек и природная среда…, 2005. С. 77–103). Все это могло способствовать сокращению потребности в мясных продуктах и частичной их замене на молоко и растительные продукты. Развитие сельского хозяйства и сведение лесов в окрестностях Ладоги могли послужить причиной значительного сокращения местообитаний диких животных, что, в свою очередь, привело к сокращению промысловой деятельности населения.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина Е. Е., 2005. Мясные продукты в средневековом городе производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. М.: Языки славянской культуры. С. 181–190.

Антипина Е. Е., 2008. Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 6. М.: Параллели. С. 67–85.

Антипина Е. Е., 2011. Переяславль Рязанский, кремль, XVII век: остеологическая коллекция // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 204–213.

Бачура О. П., Лобанова Т. В., Визгалов Г. П., Мартынович Н. В., Гимранов Д. О., 2020. Хозяйственная деятельность населения посада города Березова в XVII–XVIII веках (по остеологическим материалам из раскопа 2) // ВААЭ. № 1 (48). С. 53–64.

Бачура О. П., Подопригора И. Н., 2000. Некоторые особенности питания русского населения городов Северного Урала (XVII–XX вв.) // Русские старожилы. Тобольск; Омск: Омский гос. пед. ун-т. С. 457–460.

Бобковская Н. Е., 2010. Животноводство в Березове (XVII в.) // ВААЭ. № 2 (13). С. 201–205.

Гептнер В. Г., Насимович А. А., Банников А. Г., 1961. Млекопитающие Советского Союза. Т. 1. М.: Высшая школа. 775 с.

Даль В. И., 2003. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. М.: ЭКСМО. 736 с.

Дмитриев Н. Г, Жигачев А. И., Нетеса А. И., 1989. Разведение сельскохозяйственных животных с основами частной зоотехнии и промышленного животноводства. Л.: Агропромиздат. 511 с.

Ерохин А. И., Карасев Е. А., Ерохин С. А., 2016. О возрасте овец при убое // Овцы, козы, шерстяное дело. № 3. С. 40–43.

Зеленин Д. К., 1991. Восточнославянская этнография. М.: Наука. 511 с.

Каспаров А. К., 1997. Остатки животных из городища Старая Ладога (предварительные итоги) // Древности Поволховья / Ред.: А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН. С. 26–30.

Кирпичников А. Н., 2008а. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2007 году // Научный архив ИИМК РАН. Рукописный отдел. Ф. 35. Оп. 1. 2007. Д. 30.

Кирпичников А. Н., 2008б. Новые археологические исследования раннесредневекового города Ладога (по данным раскопок 2007 г.) // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2008. Революционный терроризм и русская революция. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 329–362.

Кирпичников А. Н., 2012. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2011 г. // Научный архив ИИМК РАН. Рукописный отдел. Ф. 35. Оп. 1. 2011. Д. 21.

Кирпичников А. Н., Назаренко В. А., 1997. Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984–1991 г. // Древности Поволховья / Ред.: А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН. С. 63–82.

Кисагулов А. В., 2018. Таксономическая диагностика костных остатков Sus sp. Южного Зауралья // Экология: Факты, гипотезы, модели: материалы конф. молодых ученых. Екатеринбург: Реэкшен. С. 55–59.

Косинцев П. А., Подопригора И. Н., 1998. Домашние животные Верхотурья // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 81–91.

Косинцев П. А., Черная М. П., 2000. Костные остатки животных из Томского кремля // Русские старожилы. Тобольск; Омск: Омский гос. пед. ун-т. С. 488–492.

Лапшин В. А., 2019. Изучение Старой Ладоги: итоги и перспективы // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Ред. Ю. А. Виноградов и др. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 289–302.

Плеханов Н. Н., 1926. Свиноводство в условиях русского севера. Вологда: Северный печатник. 94 с.

Равдоникас В. И., 1949. Старая Ладога // СА. № 11. С. 5–54.

Труханова И. С., Сагитов Р. А., Веревкин М. В., Алексеев В. А., Андриевская Е. М., 2012. Ладожская кольчатая нерпа и рыбный промысел: почему возник конфликт? // Общество. Среда. Развитие. № 2. С. 232–238.

Цалкин В. И., 1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР. 186 с.

Человек и природная среда в истории России. Ч. I. Результаты междисциплинарных исследований и учебных практик Санкт-Петербургского государственного университета в Старой Ладоге и южном Приладожье. СПб., 2005. 140 с.

Boessneck J., 1970. Osteological differences between sheep (Ovis aries Linne) and goats (Capra hircus Linne) // Science in Archaeology / Eds.: D. Brothwell, E. Higgs. New York: Praeger. P. 331–358.

Grant A., 1982. The use of the tooth wear as guide to the age of domestic ungulates // Ageing and sexing animal bones from archaeological sites. P. 91–108. (BAR. British Series; 109.)

Zeder M. A., Lapham H. A., 2010. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, ovis, and goats, capra // JAS. Vol. 37. Iss. 11. P. 2887–2905.

Zeder M. A., Pilaar S. E., 2010. Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, ovis, and goats, capra // JAS. Vol. 37. P. 225–242.

Сведения об авторах

Бачура Ольга Петровна, Институт экологии растений и животных УрО РАН, ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144, Россия; e-mail: olga@ipae.uran.ru;

Лобанова Татьяна Владимировна, Институт экологии растений и животных УрО РАН, ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144, Россия; e-mail: lota_64@mail.ru;

Григорьева Наталья Владимировна, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mak-kon4@yandex.ru;

Лапшин Владимир Анатольевич, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru

O. P. Bachura, T. V. Lobanova,
N. V. Grigoryeva, V. A. Lapshin

ARCHAEOZOOLOGICAL MATERIALS OF THE 11th–17th CENTURIES FROM THE EXCAVATIONS OF THE ZEMLYANOE HILLFORT IN STARAYA LADOGA

Abstract. The paper describes an osteological assemblage from the 2007 and 2011 excavations of the Zemlyanoe Hillfort in Staraya Ladoga. A total of more than 28 000 bone remains from the occupation layers dating to the 11th–17th centuries have been examined. The analysis of the animal species composition and percentages of animal bones has been performed. The anatomical composition of the remains and the age groups of the slaughtered domestic animals have been described. The paper shows that economy of the Ladoga population was based on household production. Cattle and pigs were most important animals for the urban population. The components of household production are typical of Russian urban settlements of the 11th–17th centuries. Local population was also engaged in hunting and fishing; however, these activities did not play a major role in subsistence economy. Throughout the 11th–17th centuries the role of domestic animals in the economy of the people who lived in the trading quarter around the city increased, while importance of fishing and hunting basically declined. Besides, the number of domestic animals raised for milk increased.

Keywords: North-West of Russia, Staraya Ladoga, Zemlyanoe Hillfort, Medieval Russia period, Middle Ages, domestic animals, bone remains.

REFERENCES

Antipina E. E., 2005. Myasnye produkty v srednevekovom gorode proizvodstvo ili potreblenie? [Meat products in medieval city production or consumption?]. *Arkheologiya i estestvennonauchnye metody [Archaeology and natural science methods]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 181–190.

Antipina E. E., 2008. Sostav drevnego stada domashnikh zhivotnykh: logicheskie approksimatsii [Structure of ancient herd of domestic animals: logical approximations]. *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii [OPUS: interdisciplinary research in archaeology]*, 6. Moscow: Paralleli, pp. 67–85.

Antipina E. E., 2011. Pereyaslavl Ryazanskiy, kreml, XVII vek: osteologicheskaya kollektsiya [Pereyaslavl Ryazanskiy, kremlin, 17th century: osteological collection]. *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical studies of Laboratory of natural science methods]*, 2. Moscow: IA RAN, pp. 204–213.

Bachura O. P., Lobanova T. V., Vizgalov G. P., Martynovich N. V., Gimranov D. O., 2020. Khozyaystvennaya deyatel'nost' naseleniya posada goroda Berezova v XVII–XVIII vekakh (po osteologicheskim materialam iz raskopa 2) [Economic activity of population of Berezov in XVII–XVIII centuries (based on osteological materials from excavation trench 2)]. *VAAE*, 1 (48), pp. 53–64.

Bachura O. P., Podoprigora I. N., 2000. Nekotorye osobennosti pitaniya russkogo naseleniya gorodov Severnogo Urala (XVII–XX vv.) [Some peculiarities of nutrition of Russian population in cities of Northern Urals (XVII–XX cc.)]. *Russkie starozhily [Russian old-timers]*. Tobolsk; Omsk: Omskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 457–460.

Bobkovskaya N. E., 2010. Zhivotnovodstvo v Berezove (XVII v.) [Animal husbandry in Berezov (XVII c.)]. *VAAE*, 2 (13), pp. 201–205.

Chelovek i prirodnaya sreda v istorii Rossii [Man and natural environment in history of Russia], I. Rezultaty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy i uchebnykh praktik Sankt-Peterburgskogo gos. universiteta v Staroy Ladoge i yuzhnom Priladozh'e [Results of interdisciplinary research and educational practices of St. Petersburg state university in Staraya Ladoga and Southern Ladoga region]. St. Petersburg, 2005. 140 p.

Dal V. I., 2003. Pover'ya, sueveriya i predrassudki russkogo naroda [Beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people]. Moscow: Eksmo. 736 p.

Dmitriev N. G., Zhigachev A. I., Netesa A. I., 1989. Razvedenie selskokhozyaystvennykh zhivotnykh s osnovami chastnoy zootekhniki i promyshlennogo zhivotnovodstva [Breeding of farm animals with basics of private animal husbandry and industrial animal husbandry]. Leningrad: Agropromizdat. 511 p.

Erokhin A. I., Karasev E. A., Erokhin S. A., 2016. O vozraste ovets pri uboe [On sheep age at butchering]. *Ovtsy, kozy, sherstyanoe delo [Sheep, goats, wool business]*, 3, pp. 40–43.

Geptner V. G., Nasimovich A. A., Bannikov A. G., 1961. Mlekopitayushchie Sovetskogo Soyuza [Mammals of the Soviet Union], 1. Moscow: Vysshaya shkola. 775 p.

Kasparov A. K., 1997. Ostatki zhivotnykh iz gorodishcha Staraya Ladoga (predvaritelnye itogi) [Animal remains from ancient settlement of Staraya Ladoga (preliminary results)]. *Drevnosti Povolkhov'ya [Antiquities of Volkhov region]*. A. N. Kirpichnikov, E. N. Nosov, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 26–30.

Kirpichnikov A. N., 2008a. Otchet o raskopkakh Staroladozhskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK RAN v poselke Staraya Ladoga Volkhovskogo rayona Leningradskoy oblasti v 2007 godu [Report on excavations of Staraya Ladoga archaeological expedition of IIMK RAS in village Staraya Ladoga, Volkhov district, Leningrad region in 2007]. *Nauchnyy arkhiv IIMK RAN. Rukopisnyy otdel [Scientific archive of IIMK RAS. Manuscript department]*.

Kirpichnikov A. N., 2008b. Novye arkheologicheskie issledovaniya rannesrednevekovogo goroda Ladoga (po dannym raskopok 2007 g.) [New archaeological investigations of early medieval city Ladoga (according to excavation data of 2007)]. *Sankt-Peterburgskiy mezhdunarodnyy letniy kul'turno-istoricheskiy universitet 2008. Revolyutsionnyy terrorizm i russkaya revolyutsiya [St. Petersburg international summer cultural and historical university 2008. Revolutionary terrorism and Russian Revolution]*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 329–362.

Kirpichnikov A. N., 2012. Otchet o raskopkakh Staroladozhskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Instituta istorii materialnoy kultury RAN v s. Staraya Ladoga Volkhovskogo rayona Leningradskoy oblasti v 2011 g. [Report on excavations of Staraya Ladoga archaeological expedition of Institute for the History of Material Culture RAS in village Staraya Ladoga, Volkhov district, Leningrad region in 2011]. *Nauchnyy arkhiv IIMK RAN. Rukopisnyy otdel [Scientific archive of IIMK RAS. Manuscript department]*.

Kirpichnikov A. N., Nazarenko V. A., 1997. Derevyannye sooruzheniya Staroy Ladogi po raskopkam 1984–1991 g. [Wooden structures of Staraya Ladoga during 1984–1991 excavations]. *Drevnosti Povolkhov'ya [Antiquities of Volkhov region]*. A. N. Kirpichnikov, E. N. Nosov, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 63–82.

Kisagulov A. V., 2018. Taksonomicheskaya diagnostika kostnykh ostatkov Sus sp. Yuzhnogo Zaural'ya [Taxonomic diagnosis of bone remains of Sus sp. Of Southern Trans-Urals]. *Ekologiya: Fakty, gipotezy, modeli [Ecology: Facts, hypotheses, models]*. Ekaterinburg: Reekshen, pp. 55–59.

Kosintsev P. A., Chernaya M. P., 2000. Kostnye ostatki zhivotnykh iz Tomskogo kremlya [Animal bone remains from Tomsk kremlin]. *Russkie starozhily [Russian old-timers]*. Tobolsk; Omsk: Omskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 488–492.

Kosintsev P. A., Podoprigora I. N., 1998. Domashnie zhivotnye Verkhotur'ya [Domestic animals of Verkhtur'ye]. *Arkheologicheskie i istoricheskie issledovaniya g. Verkhotur'ya [Archaeological and historical research of Verkhotur'ye]*. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, pp. 81–91.

Lapshin V. A., 2019. Izuchenie Staroy Ladogi: itogi i perspektivy [Exploring Staraya Ladoga: results and prospects]. *Proshloe chelovechestva v trudakh peterburgskikh arkheologov na rubezhe tysyacheletiy (k 100-letiyu sozdaniya rossiyskoy akademicheskoy arkheologii) [The past of mankind in works of St. Petersburg archaeologists at the turn of millennia (on 100th anniversary of establishment*

of Russian academic archaeology)]. Yu. A. Vinogradov, ed. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 289–302.

Plekhanov N. N., 1926. Svinovodstvo v usloviyakh russkogo severa [Pig breeding in Russian North]. Vologda: Severnyy pechatnik. 94 p.

Ravdonikas V. I., 1949. Staraya Ladoga [Staraya Ladoga]. *SA*, 11, pp. 5–54.

Trukhanova I. S., Sagitov R. A., Verevkin M. V., Alekseev V. A., Andrievskaya E. M., 2012. Ladozhskaya kolchataya nerpa i rybnyy promysel: pochemu voznik konflikt? [Ladoga ringed seal and fishing: why did the conflict arise?]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie [Society. Environment. Development]*, 2, pp. 232–238.

Tsalkin V. I., 1956. Materialy dlya istorii skotovodstva i okhoty v Drevney Rusi [Materials for history of cattle breeding and hunting in Ancient Russia]. Moscow: AN SSSR. 186 p.

Zelenin D. K., 1991. Vostochnoslavyanskaya etnografiya [East Slavic ethnography]. Moscow: Nauka. 511 p.

About the authors

Bachura Olga P., Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch Russian Academy of Sciences, ul. 8 Marta, 202, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: olga@ipae.uran.ru;

Lobanova Tatyana V., Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch Russian Academy of Sciences, ul. 8 Marta, 202, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: lota_64@mail.ru;

Grigoryeva Natalia V., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: mak-kon4@yandex.ru;

Lapshin Vladimir A., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru

Д. В. Селин, Л. А. Чиндина

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ С ПОСЕЛЕНИЯ МАЛГЕТ 6[1]

Резюме. Проведен технико-технологический анализ керамики кулайской культурно-исторической общности с поселения Малгет 6 по методике, предложенной А. А. Бобринским. Установлено, что гончары выбирали ожелезненное слабозапесоченное исходное пластичное сырье и использовали песок как основную искусственную добавку. Определено пять рецептов формовочной массы. Полое тело шести сосудов было изготовлено с помощью лоскутов, на одном изделии был установлен ленточный налеп. Венчик мог дополнительно оформляться с внутренней стороны жгутом. Обработка поверхностей включала заглаживание различными инструментами и лощение, выделено восемь разных комбинаций. Обнаружены случаи заглаживания с внутренней стороны места перехода от венчика к тулову зубчатым орудием. На внутренней стороне трех сосудов выявлены горизонтальные ряды ногтевых засечек. Обжиг проводился в восстановительной или восстановительно-окислительной среде. Выявлено, что поселение Малгет 6 и Саровское городище образуют отдельную группу памятников кулайской культурно-исторической общности в Томско-Нарымском Приобье, для которой характерно использование ожелезненных слабозапесоченных глин, песка в качестве основной искусственной добавки и лоскутного налепа. Эта группа не была изолированной и активно взаимодействовала с другими локальными образованиями кулайской культурно-исторической общности из Томско-Нарымского и Сургутского Приобья. В результате такого взаимодействия в разные регионы проникли несвойственные для них технологические гончарные навыки.

Ключевые слова: Западная Сибирь, ранний железный век, кулайская культурно-историческая общность, керамика, технико-технологический анализ.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01192, https://rscf.ru/project/23-78-01192/

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.413-428

Введение

Многослойный археологический комплекс Малгет расположен в Колпашевском районе Томской области (Западная Сибирь) на мысу, который образован поймой р. Шудельки и оз. Малгет (Шапочное; рис. 1). Первые раскопки на нем были проведены в 1961 г. В. Е. Добычиным, с 1964 по 1985 г. масштабные полевые работы выполнены под руководством Л. А. Чиндиной. Зафиксированы слои и объекты от неолита до позднего Средневековья. В соответствии с обнаруженными хронологическими пластами были выделены отдельные комплексы, обозначаемые Малгет 1–10. К кулайской культурно-исторической общности (далее – КИО) относятся поселения Малгет 5, 6, расположенные в восточном и центральном участках мыса (*Чиндина*, 1984; *Ожередов, Яковлев*, 1990. С. 75).

Посуда, обнаруженная на поселении Малгет 5, отнесена Л. А. Чиндиной ко второй группе керамики васюганского типа, для которой характерны открытые и закрытые чаши, банки, широкогорлые горшки с низкой, чаще слегка отогнутой, шейкой, с мягкой профилировкой высокого плечика, округлым, реже ребристым туловом, круглым или приостренным дном (*Чиндина*, 1984. С. 84).

К Малгету 6 причислены 7 полуземных сооружений, локализующихся двумя группами. Котлованы имели подквадратную или подпрямоугольную форму площадью 9–18 кв. м, глубина составляла 0,25 м. Основные находки – фрагменты керамики и лощила из них (Там же. С. 45). Морфологически керамика представляет собой остродонные, круглодонные, плоскодонные банки, чаши, широкогорлые горшки с низкой и высокой горловиной, высоким плечом. По сравнению с более ранним васюганским типом увеличивается процент банок (на 50 %) и чаш (на 55 %). В целом керамический комплекс поселения Малгет 6 вписывается в общие традиции формообразования, характерные для саровского типа (Там же. С. 88–94).

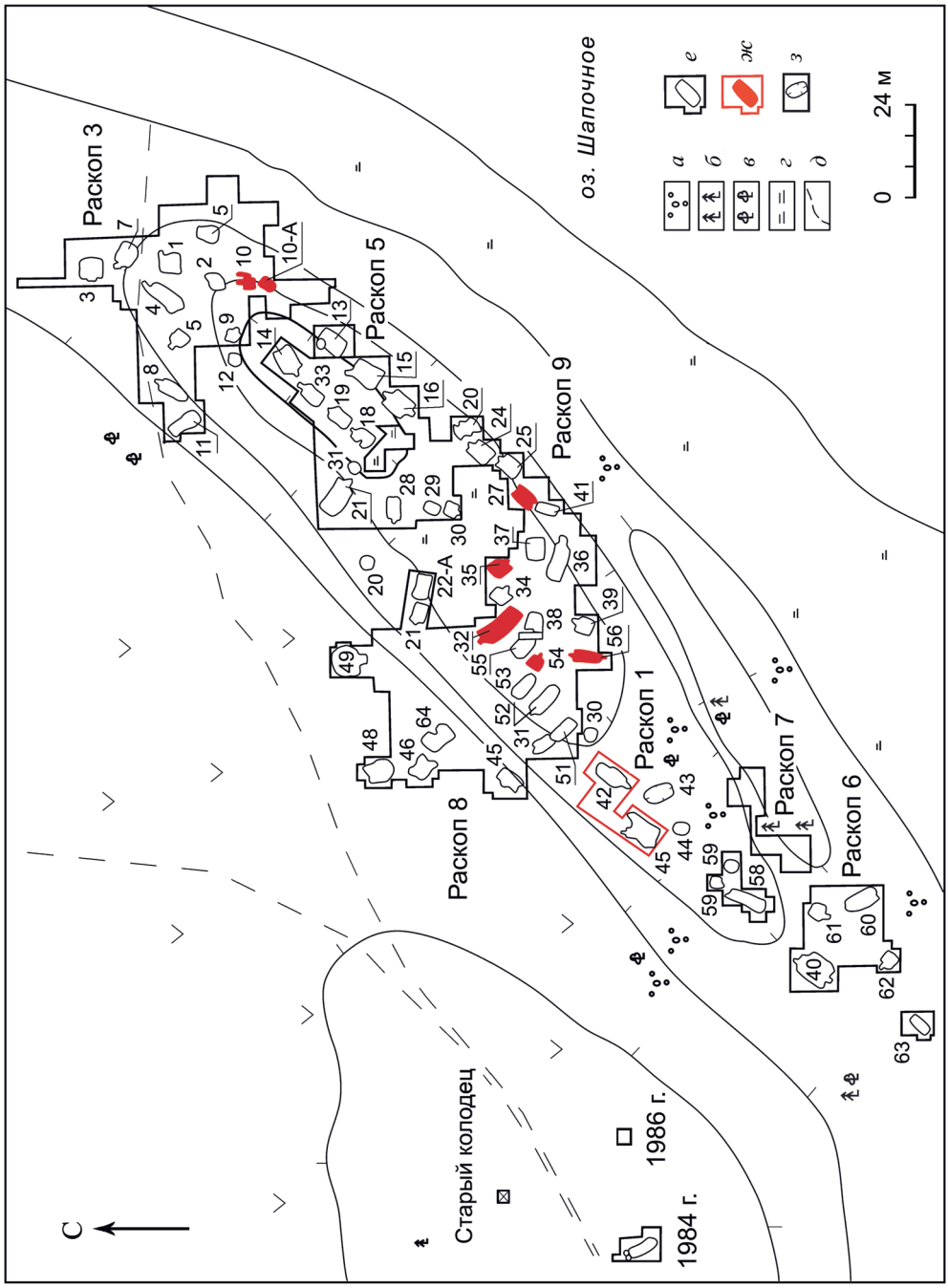
Малгет 6 является одним из наиболее детально и полно изученных поселений кулайской КИО в Томско-Нарымском Приобье (рис. 2), однако технология изготовления керамики ранее не попадала в поле зрения исследователей. Проведение технико-технологического анализа посуды к настоящему моменту представляется актуальной задачей, поскольку керамика является самой массовой категорией находок на памятниках кулайской КИО и она обеспечена методическими разработками для выделения технологической информации и ее перевода в историко-культурный контекст (*Бобринский*, 1978; 1999; *Цетлин*, 2012; 2017). Кроме того, к настоящему моменту по единой методике выполнен анализ керамики раннего железного века с территорий Новосибирского, Томско-Нарымского, Сургутского Приобья (см., напр.: *Селин*, 2021; *Селин, Чемякин*, 2021; 2022; *Степанова, Рыбаков*, 2019; *Степанова и др.*, 2021 и др.). Керамика поселения Малгет 6 также изучена с использованием этой процедуры, что позволяет корректно сравнивать особенности гончарной технологии изготовления посуды раннего железного века с разных памятников Приобья.

Источниковой базой являются фрагменты венчиков, стенок и придонных частей керамики саровского типа с поселения Малгет 6 из жилищ 10, 10а, 27, 32, 35, 54, 56 и из раскопа 1. Было исследовано максимальное количество фрагментов от индивидуальных сосудов, обнаруженных на этом памятнике.

Рис. 1. Местоположение многослойного археологического комплекса Малгет и Саровского городища

1 – местоположение памятников на карте Евразии (*а* – указание места выноски ситуационной карты); *2* – местоположение многослойного археологического комплекса Малгет и Саровского городища на ситуационной карте

Раскоп 3
Раскоп 5
Раскоп 9
Раскоп 1
Раскоп 8
Раскоп 7
Раскоп 6
оз. Шапочное
Старый колодец
1986 г.
1984 г.
С
0
24 м
а
б
в
г
д
е
ж
з

Для технико-технологического анализа посуды использована методика, разработанная А. А. Бобринским (*Бобринский*, 1978; 1999). Следы на поверхностях и изломах фрагментов сосудов изучались с помощью бинокулярного микроскопа (Leica M51), после чего проводилось сравнение с экспериментальной коллекцией технологических следов. Выделение технологической информации осуществлялось с учетом специализированной научной литературы и «Каталога эталонов по керамической трасологии», созданного И. Н. Васильевой и Н. П. Салугиной (см., напр.: *Бобринский*, 1978; 1999; *Цетлин*, 2012; 2017; *Васильева, Салугина*, 2010; 2020; 2021 и др.). При разделении естественного и искусственного песка авторы основывались на следующих критериях: концентрация превышала соотношение 1:4; искусственный песок характеризовался менее равномерным распределением в изломе, с участками, содержащими больше включений, чем другие; на поверхности частиц искусственного песка отсутствовала мутная патина и прилипшие частицы глинистого сырья (по: *Цетлин*, 2017. С. 176).

Цель – реконструкция историко-культурных процессов у носителей кулайской КИО с поселения Малгет 6.

Результаты исследования керамики

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья. Посуда была изготовлена из ожелезненного сырья. На основании того, что в исходном пластичном сырье было обнаружено разное количество естественного песка и других природных примесей, было выделено два вида – глины и илистые глины. Глина также неоднородна по своему составу, поэтому было определено два ее подвида.

Глина 1 (30 изд.) – слабозапесоченная с естественным содержанием пылеватого песка (разм. менее 0,1 мм). Выявлены включения бурого железняка (размер 0,5–2 мм; 1–10 вкл. на 1 кв. см). В 16 изделиях выявлены только окатанные фракции, в двух – только угловатые, в трех – они зафиксированы совместно. В одном сосуде найден бурый железняк диаметром 5 мм.

Глина 2 (2 изд.) – высокозапесоченная с естественным содержанием пылеватого песка (разм. менее 0,1 мм) в концентрации около 1:4. Зафиксирован окатанный бурый железняк (0,2–2 мм; 1 вкл. на 1 кв. см).

Илистая глина (8 изд.) – по степени запесоченности близка глине первого подтипа. В этом сырье обнаружены единичные включения фрагментов раковин моллюсков (2 изд.; 1–2 мм), стеблей растительности (4 изд.; 0,5–2 мм), костей рыб (2 изд.; 0,5–1 мм). В шести сосудах выявлен окатанный бурый железняк (0,2–2 мм; до 4 вкл. на 1 кв. см). По составу и особенностям может быть

Рис. 2 (с. 416). План поселения Малгет (сводный план составлен Л. А. Чиндиной, топографический выполнен П. А. Марковым, дополнен авторами)

а – кустарники; *б* – хвойный лес; *в* – лиственный лес; *г* – болото; *д* – тропа; *е* – раскопы с объектами разных лет; *ж* – раскопы и объекты с керамикой, для которой выполнен технико-технологический анализ; *з* – нераскопанные западины

интерпретирован как илистая глина (*Цетлин*, 2017. С. 88). Этот подвид добывался из выходов, расположенных у водоема или в пойме.

Для изготовления посуды гончары отбирали слабозапесоченное сырье, из которого слеплено 95 % керамики. Часть глинищ располагалась у водоемов или в пойме, в результате чего в сырье содержатся естественные органические включения.

По результатам анализа встречаемости подвидов глин в разных объектах и раскопе 1 Малгета 6 определено, что глина 1 и илистая глина использовались практически во всех жилищах (табл. 1). Илистая глина чаще всего употреблялась в жилище 32. Редкая глина 2 выявлена в посуде из жилища 54 и в раскопе 1. По результатам анализа встречаемости видов исходного пластичного сырья в разных объектах и раскопе 1 Малгета 6 определено, что глина 1 и илистая глина использовались для изготовления посуды практически во всех жилищах (табл. 1). Илистая глина чаще всего – для посуды жилища 32. Редкая глина 2 – для сосудов из жилища 54 и в раскопе 1.

Таблица 1. Встречаемость исходного пластичного сырья в разных жилищах и раскопе поселения Малгет 6

Жилища и раскоп	Глина 1	Глина 2	Илистая глина	Всего изделий
ж. 10, 10а	11	–	1	12
ж. 27	–	–	1	1
ж. 32	9	–	3	12
ж. 35	3	–	1	4
ж. 54	1	1	1	3
ж. 56	2	–	–	2
Раскоп 1	4	1	1	6
Всего изд.	30	2	8	40

Составление формовочных масс. Определено пять рецептов (рис. 3): 1) глина + песок (26 изд.); 2) глина + песок + органический раствор (10 изд.); 3) глина + песок + шамот (2 изд.); 4) глина + песок + шамот + органический раствор (1 изд.); 5) глина + органический раствор (1 изд.).

Искусственная добавка песка обнаружена практически во всей керамике (рис. 3). Определены окатанные (преобладают) и угловатые прозрачные и глухие (преобладают) фракции. Основной концентрацией является 1:1 (38 изд.). Размер включений составляет 0,5–3 мм. В трех сосудах обнаружен шамот (0,1–3 мм; рис. 3: *1*), добавленный в концентрации 1:6–7. Во всем шамоте установлен песок. Органический раствор зафиксирован в виде аморфных пустот размером 1–2 мм с глянцевым черным налетом внутри и натеками (рис. 3: *4*). В одном сосуде раствор выявлен в виде мелких округлых пустот 0,1–0,2 мм в диаметре.

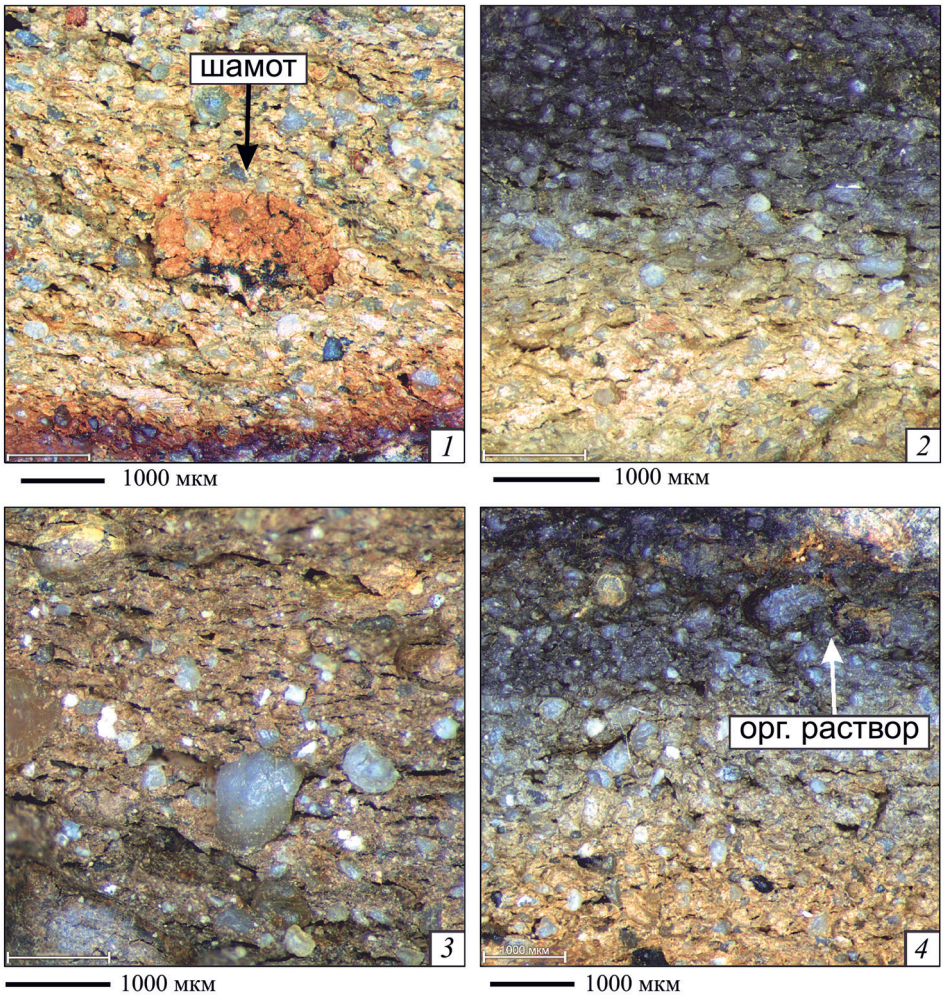

Рис. 3. Микрофотографии изломов керамики кулайской культурно-исторической общности поселения Малгет 6

1 – шамот и искусственно добавленный песок; *2, 3* – искусственно добавленный песок; *4* – органический раствор и искусственно добавленный песок

Анализ встречаемости рецептов формовочной массы в разных жилищах и раскопе показал, что между ними имеется разница (табл. 2). Так, в керамике из жилищ 32, 35, 54, 56, расположенных в центральной части памятника, доминирует рецепт глина + песок, в то время как в жилищах 10, 10а, расположенных на северо-восточном участке, рецепты с использованием органического раствора составили 42 %. На площади раскопа 1, расположенного на южном участке памятника, выявлено максимальное разнообразие рецептов формовочной массы

и применяемого исходного пластичного сырья, что свидетельствует о попадании на эту площадь посуды, изготовленной по разным традициям.

Таблица 2. Встречаемость рецептов формовочной массы в разных жилищах и раскопе поселения Малгет 6

Жилища и раскопы	Г + П	Г + П+ ОР	Г + П + Ш	Г + П+ Ш + ОР	Г + ОР	Всего изделий
ж. 10, 10а	6	5	1	–	–	12
ж. 27	1	–	–	–	–	1
ж. 32	10	2	–	–	–	12
ж. 35	4	–	–	–	–	4
ж. 54	2	1	–	–	–	3
ж. 56	1	1	–	–	–	2
Раск. 1, 2	2	1	1	1	1	6
Всего изд.	26	10	2	1	1	40

Примечание: *Г* – глина; *Д* – дресва; *Ш* – Шамот; *П* – песок; *ОР* – органический раствор.

Конструирование полого тела и формообразование. Из-за сильной фрагментированности определить способ конструирования удалось у части изделий. Шесть сосудов из жилищ 10, 10а, 32, 35, 56 изготовлены при помощи лоскутов (рис. 4: *2, 3*). Одно изделие из жилищ 10, 10а слеплено лентами по рецепту глина + песок (рис. 4: *1*). У двух сосудов венчик с внутренней стороны был оформлен дополнительным жгутом диаметром до 3 мм (рис. 4: *6*).

Обработка поверхностей. Отделка проходила заглаживанием различными инструментами и лощения. Внешняя поверхность заглаживалась гладким (30 изд.) или зубчатым (8 изд.) орудиями. На двух изделиях эти орудия использовались совместно. Внутренняя поверхность заглаживалась зубчатым орудием (23 изд.), иногда в сочетании с гладким приспособлением (7 изд.). У 12 сосудов применялся только гладкий инструмент. Выделено восемь разных комбинаций приспособлений и способов обработки поверхностей (табл. 3). У двух сосудов переход от венчика к тулову был заглажен зубчатым орудием. На трех изделиях на внутренней поверхности обнаружены ногтевые засечки в один-два ряда под жемчужинами (рис. 4: *4, 5*).

Придание изделиям прочности и влагонепроницаемости. Зафиксированы следующие гаммы изломов: одноцветные – коричневый (5 изд.), черный (3 изд.), темно-серый (2 изд.); многоцветные – светло-коричневые края, черный центр (1 изд.), светло-коричневые края, темно-коричневый центр (1 изд.), светло-коричневые края, темно-серый центр (5 изд.), коричневые края, серый центр (1 изд.), коричневый внешний край, черный внутренний (11 изд.), коричневый внешний край, темно-серый внутренний (10 изд.), светло-коричневый внешний

край, темно-серый внутренний (1 изд.). Вся посуда была обожжена в восстановительной или восстановительно-окислительной среде.

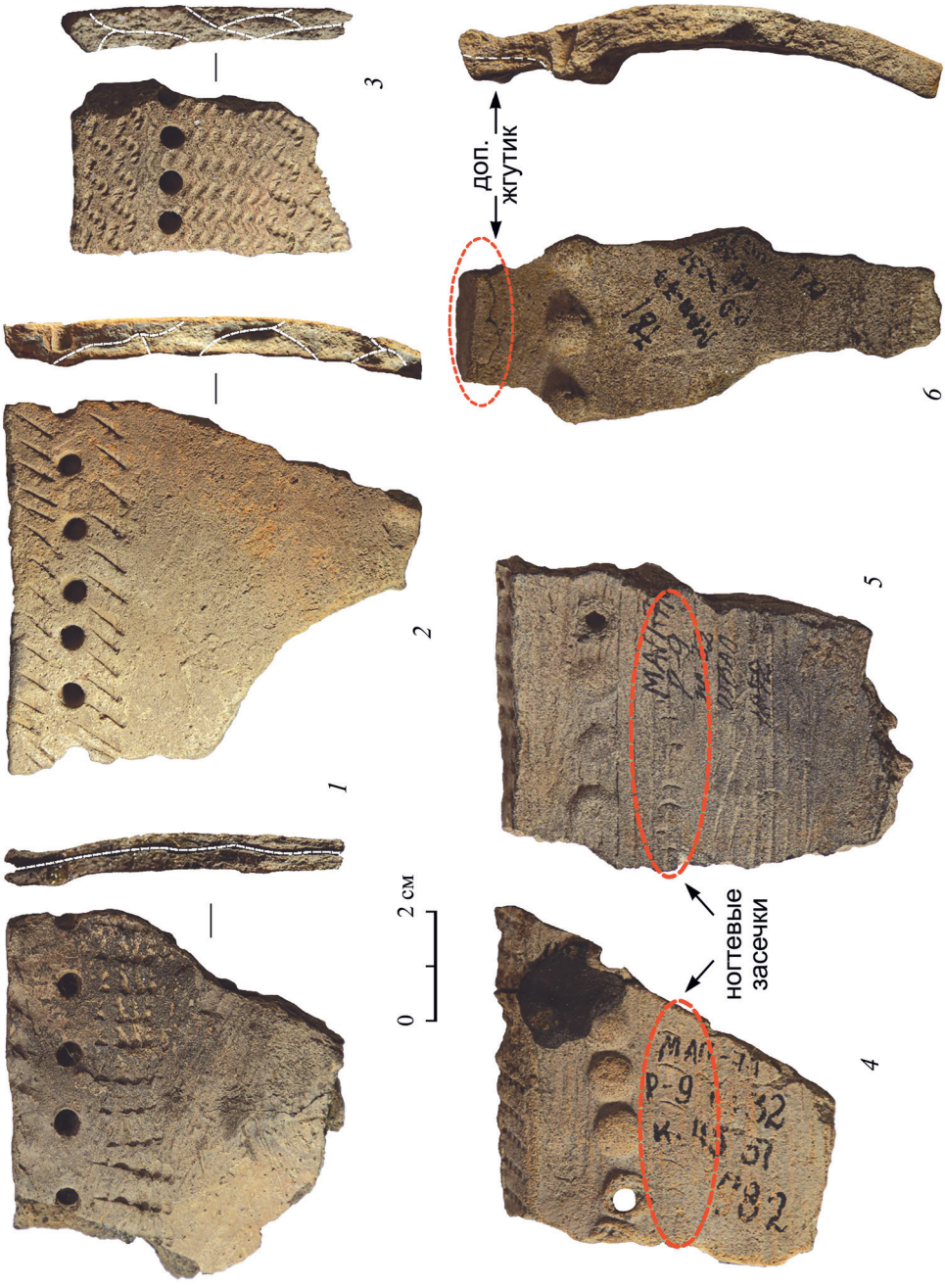
Таблица 3. Соотношение инструментов обработки внешней и внутренней поверхности керамики на поселении Малгет 6

Внешняя поверхность	Внутренняя поверхность	Всего изд.
Заглажена гладким орудием	Заглажена зубчатым орудием	12
Заглажена гладким орудием		10
Заглажена гладким орудием	Заглажена зубчатым и гладким орудием	7
Заглажена зубчатым орудием		6
Заглажена зубчатым и гладким орудием	Заглажена зубчатым орудием	2
Заглажена гладким орудием и залощена	Заглажена гладким орудием	1
Заглажена зубчатым орудием	Заглажена гладким орудием	1
Заглажена зубчатым орудием	Заглажена зубчатым орудием, венчик дополнительно заглажен твердым орудием	1

Обсуждение результатов

Технико-технологический анализ керамики с поселения Малгет 6 показал, что у гончаров из разных жилищ существовали различия в отдельных приспособительных навыках. Так, группа, обитавшая в северо-восточной части памятника (жилища 10, 10а), использовала практически наравне с рецептом глина + песок и состав с песком и органическим раствором. Здесь же был обнаружен сосуд с шамотом и изделие, изготовленное лентами. При производстве керамики из жилищ, расположенных в центральной части, раствор использовался в 2,5 раза реже, полое тело изготавливалось только лоскутами. Наибольшее разнообразие подвидов глин и рецептов формовочных масс зафиксировано в керамике из раскопа 1 вне объектов, расположенных в юго-западной части памятника. Это указывает на то, что на площадь поселения могла попадать керамика, чья технология изготовления была отлична от посуды, обнаруженной в жилищах.

Содержание ступеней гончарной технологии населения Малгета 6 очень близко традициям носителей кулайской КИО с Саровского городища, которое расположено на расстоянии около 80 км к юго-востоку (*Селин, Чиндина*, в печати; рис. 1). Для керамики обоих памятников характерно применение ожелезненных слабозапесоченных глин, доминирование несмешанного рецепта с песком, использование лоскутного налепа, вариативность в обработке поверхностей. При этом на поселении Малгет 6 нет случаев использования дресвы, тогда как на Саровском городище эта примесь выявлена в 16 % изделий и входит в состав

доп. жгутик
ногтевые засечки
0
2 см
1
2
3
4
5
6

смешанных и несмешанных рецептов. Кроме того, на обоих памятниках обнаружены единичные сосуды, изготовленные лентами.

Посуда кулайской КИО из серии других памятников Томско-Нарымского Приобья была изучена коллективом исследователей (см.: *Степанова, Рыбаков*, 2019; *Степанова и др*., 2021 и др.). Установлено, что гончары выбирали слабоожелезненные и неожелезненные пластичные глины. Средне- и высокоожелезненные глины использовались реже. Иногда смешивались две глины. Наиболее распространенным был рецепт глина + дресва + органика. Шамот редко выступал единственным минеральным компонентом, чаще его использовали вместе с дресвой в смешанных рецептах. На Карбинском городище I, расположенном в Прикетье, наблюдается иная картина: 73 % изученной керамики слеплено по рецепту глина + шамот + органика (*Степанова, Рыбаков*, 2021). Исследования керамики Нововасюганского городища и поселения показали, что минеральные примеси почти не применялись при составлении формовочной массы. Шамот был обнаружен в 13 % изученной керамики в концентрации от 1:8 и ниже. Наиболее распространенный рецепт – глина + органика (77 %) (по: *Степанова и др*., 2022).

К настоящему моменту можно говорить о том, что в Томско-Нарымском Приобье у носителей кулайской КИО существовало несколько групп, различающихся между собой отдельными гончарными навыками и оставивших разные памятники. К одной из таких групп относятся поселение Малгет 6 и Саровское городище, для гончарного производства которых характерно доминирование ожелезненных слабозапесоченных глин и рецептов с песком, что ярко отличает их от других памятников кулайской КИО региона. Эта группа не существовала изолированно, о чем свидетельствует обнаружение на Саровском городище добавок дресвы и шамота. Важно отметить, что на обоих памятниках обнаружены случаи использования ленточного налепа. Этот способ конструирования встречается на ряде кулайских памятников Барсовой Горы и наиболее распространен в Нижнем Приобье. Так, вся посуда кулайской КИО из сакрально-производственного центра Усть-Полуй изготовлена ленточным налепом (*Селин и др*., в печати). Это свидетельствует о том, что между носителями кулайской КИО, проживавшими в разных регионах, существовали двусторонние контакты (торгово-обменные, ритуальные, брачные), в результате которых происходило взаимопроникновение разных технологических приемов, которые для этих территорий не характерны. К ним можно отнести применение нетипичных искусственных примесей и рецептов формовочных масс, способов конструирования начина и полого тела, комбинирование разных способов и приспособлений для обработки поверхностей (см.: *Селин, Чемякин*, 2021; 2022 и др.).

Рис. 4 (с. 422). Сосуды кулайской культурно-исторической общности с технологическими следами с поселения Малгет 6

1 – следы ленточного налепа; *2, 3* – следы лоскутного налепа; *4, 5* – ногтевые засечки на внутренней поверхности; *6* – оформление венчика с внутренней стороны дополнительным жгутиком

Для гончарства новосибирского варианта кулайской КИО характерно использование ожелезненных глин средней пластичности. Основной минеральной добавкой является дресва, на долю несмешанных рецептов с шамотом приходится не более 12 % (*Селин*, 2021; 2022). Ни на одном проанализированном поселении и могильнике на этой территории не выявлено сосудов с искусственной добавкой песка. По всей видимости, в Новосибирское Приобье проникала иная группа носителей кулайской КИО, для которой было характерно использование дресвы, а не группа, оставившая Малгет 6 и Саровское городище.

Заключение

Технико-технологический анализ, проведенный по методике, предложенной А. А. Бобринским, показал, что для производства посуды с поселения Малгет 6 гончары отбирали ожелезненное слабозапесоченное исходное пластичное сырье, часть глинищ могла располагаться у водоемов или в пойме. Песок служил основной искусственной добавкой, определено пять рецептов формовочной массы. Полое тело слеплено при помощи лоскутов, на одном сосуде установлен ленточный налеп. Венчик мог дополнительно оформляться с внутренней стороны жгутом. Обработка поверхностей включала заглаживание различными инструментами и лощение, выделено восемь разных комбинаций. Обнаружены случаи заглаживания с внутренней стороны места перехода от венчика к тулову при помощи зубчатого орудия. На внутренней поверхности трех сосудов присутствовали следы разметки орнамента в виде ногтевых засечек. Обжиг производился в восстановительной или восстановительно-окислительной среде.

Малгет 6 и Саровское городище составляют отдельную группу памятников кулайской КИО в Томско-Нарымском Приобье, для которой характерно использование ожелезненного слабозапесоченного исходного пластичного сырья, песка как основной искусственной добавки, лоскутного налепа. Она не существовала изолированно, а активно взаимодействовала с другими группами кулайской КИО из Томско-Нарымского и Сургутского Приобья. В результате подобных взаимоконтактов в разные регионы проникали не характерные технологические гончарные навыки. На поселении Малгет 6 к ним относится использование шамота и ленточного налепа. Применение лент характерно для более северных кулайских групп и зафиксировано на Барсовой Горе. Через Барсову Гору эта традиция, по всей видимости, и проникала в более южные районы. О взаимоконтактах носителей кулайской КИО с Малгета 6 и Саровского городища с населением Барсовой Горы также свидетельствует то, что на серии поселений Барсовой Горы обнаружены смешанные рецепты формовочной массы с песком, доля которых не превышает 15 % (*Селин, Чемякин*, 2021; 2022). Кроме того, эта группа не принимала участия в генезисе новосибирского варианта кулайской КИО, о чем свидетельствует полное отсутствие в керамике из Новосибирского Приобья искусственной примеси песка.

Продолжение изучения керамики эпохи палеометалла на территории Приобья позволит реконструировать исторические и культурные процессы, опреде-

лить маршруты перемещения носителей различных археологических культур, установить направления торгово-обменных путей и выявить механизмы взаимодействия различных культур друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.

Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Самарский гос. пед. ун-т. С. 5–109.

Васильева И. Н., Салугина Н. П., 2010. Лоскутный налеп // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 72–88.

Васильева И. Н., Салугина Н. П., 2020. Электронный каталог эталонов по керамической трасологии [Электронный ресурс] // Самарская областная общественная организация «Самарское археологическое общество». URL: http://archsamara.ru/katalog (дата обращения: 23.03.2025).

Васильева И. Н., Салугина Н. П., 2021. Не боги горшки обжигают. Самара: Слово. 328 с.

Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А., 1990. Археологическая карта Томской области. Т. 1. Томск: Изд-во Томского ун-та. 340 с.

Селин Д. В., 2021. Керамическое производство кулайской культуры в Новосибирском Приобье: по материалам могильника Каменный Мыс // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 20. № 7: Археология и этнография. С. 86–96.

Селин Д. В., 2022. Поселенческая керамика кулайской культурно-исторической общности в Новосибирском Приобье: особенности технологии // КСИА. Вып. 268. С. 146–160.

Селин Д. В., Максимова А. А., Гусев А. В., 2025. Керамика раннего железного века из сакрально-производственного центра Усть-Полуй: особенности технологии // АЭАЕ. № 2. С. 80–88.

Селин Д. В., Чемякин Ю. П., 2021. Особенности керамики кулайской культуры (сургутский вариант) городища Барсов городок I/32 (Сургутское Приобье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 20. № 5: Археология и этнография. С. 116–128.

Селин Д. В., Чемякин Ю. П., 2022. Технологические традиции в керамике кулайской культурно-исторической общности Барсовой Горы (по материалам городищ Барсов Городок I/5 и I/7) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 21. № 5: Археология и этнография. С. 71–88.

Селин Д. В., Чиндина Л. А., в печати. Технология производства керамики кулайской культуры с Саровского городища // ПА.

Степанова Н. Ф., Кирюшин Ю. Ф., Рыбаков Д. Ю., 2022. Результаты технико-технологического анализа керамики кулайской культуры с Нововасюганского городища и поселения из Нарымского Приобья // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Вып. 2 (36). С. 160–172.

Степанова Н. Ф., Плетнева Л. М., Рыбаков Д. Ю., 2021. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. № 69. С. 55–61.

Степанова Н. Ф., Рыбаков Д. Ю., 2019. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского и Нарымского Приобья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV. Новосибирск. С. 607–613.

Степанова Н. Ф., Рыбаков Д. Ю., 2021. Предварительные результаты изучения керамики Карбинского городища I раннего железного века Прикетья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск. С. 662–668.

Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 379 с.

Цетлин Ю. Б., 2017. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 346 с.

Чиндина Л. А., 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Томский гос. ун-т. 256 с.

Сведения об авторах

Селин Дмитрий Вадимович, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: selin@epage.ru;

Чиндина Людмила Александровна, Томский государственный университет, пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия; e-mail: chindina37@mail.ru

D. V. Selin, L. A. Chindina

THE TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF THE KULAIKA CERAMICS FROM THE MALGET 6 SETTLEMENT

Abstract. We have conducted the technical and technological analysis of the Kulaika ceramics from the Malget 6 settlement using methodology developed by A. A. Bobrinskiy. It was found that potters selected iron-rich, slightly sandy clay and used sand as the main artificial temper added to the paste. Five paste formulas have been determined. Concave forms of six vessels were produced by patch-making method, and one vessel with coiling method. The rim could be additionally formed from the inner side with a coil. The surface could be treated by smoothing with various tools and burnishing, eight various combinations of the treatment operation have been identified. We have found that some areas where the rim turns into the body were smoothed with a toothed tool. Horizontal lines of nail imprints in the inner side of three vessels, presumably, served for pattern outlining. Roasting was done in the reducing environment or the reducing and oxidizing environment. Our analysis has shown that the Malget 6 settlement and Sarovskoe fortified settlement form a separate group of the Kulaika culture in the Tomsk-Narym Ob region characterized by use of iron-rich, lightly sandy clay and sand as the main artificial temper as well as patch-making method. This group was not isolated, it maintained active contacts with other local kulaika population groups in the Tomsk-Narym and Surgut Ob regions. Because of this interaction, pottery-making technological skills penetrated various regions of which such skills were not typical.

Keywords: Western Siberia, Early Iron Age, Kulaika culture, ceramics, technical and technological analysis.

REFERENCES

Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka. 272 p.

Bobrinskiy A. A., 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak ob”ekt istoriko-kul’turnogo izucheniya [Pottery-making technology as an object of historical and cultural study]. *Aktual’nye problemy izucheniya drevnego goncharstva [Topical problems of studying ancient pottery-making]*. Samara: Samarskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 5–109.

Chindina L. A., 1984. Drevnyaya istoriya Srednego Priob’ya v epokhu zheleza. Kulayskaya kul’tura [Ancient history of Middle Ob region in Iron Age. Kulaika culture]. Tomsk: Tomskiy gos. universitet. 256 p.

Ozheredov Yu. I., Yakovlev Ya. A., 1990. Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti [Archaeological map of Tomsk region], 1. Tomsk: Tomskiy universitet. 340 p.

Selin D. V., 2021. Keramicheskoe proizvodstvo kulayskoy kultury v Novosibirskom Priob'e: po materialam mogilnika Kamennyy Mys [Ceramic production of Kulay culture in Novosibirsk region: based on materials from Kamenny Mys cemetery]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Series: History, Philology]*, vol. 20, no. 7, pp. 86–96.

Selin D. V., 2022. Poselencheskaya keramika kulayskoy kulturno-istoricheskoy obshchnosti v Novosibirskom Priob'e: osobennosti tekhnologii [Kulay ceramics from settlements in Novosibirsk Ob region: technological distinctive traits]. *KSIA*, 268, pp. 146–160.

Selin D. V., Chemyakin Yu. P., 2021. Osobennosti keramiki kulayskoy kultury (surgutskiy variant) gorodishcha Barsov gorodok I/32 (Surgutskoe Priob'e) [Features of ceramics of Kulay culture (Surgut variant) of Barsov Gorodok hillfort I/32 (Surgut Ob region)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Series: History, Philology]*, vol. 20, no. 5, pp. 116–128.

Selin D. V., Chemyakin Yu. P., 2022. Tekhnologicheskie traditsii v keramike kulayskoy kulturno-istoricheskoy obshchnosti Barsovoy Gory (po materialam gorodishch Barsov Gorodok I/5 i I/7) [Technological traditions in ceramics of Kulay cultural and historical community of Barsovaya Gora (based on materials from Barsov Gorodok hiillforts I/5 and I/7)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Series: History, Philology]*, vol. 21, no. 5, pp. 71–88.

Selin D. V., Chindina L. A., in print. Tekhnologiya proizvodstva keramiki kulayskoy kultury s Sarovskogo gorodishcha [Technology of ceramics production of Kulay culture from Sarov hillfort]. *PA*.

Selin D. V., Maksimova A. A., Gusev A. V., 2025. Keramika rannego zheleznogo veka iz sakralno-proizvodstvennogo tsentra Ust'-Poluy: osobennosti tekhnologii [Early Iron Age ceramics from the sacral production center of Ust'-Poluy: technology features]. *AEAE*. 2, pp. 80–88.

Stepanova N. F., Kiryushin Yu. F., Rybakov D. Yu., 2022. Rezultaty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki kulayskoy kultury s Novovasyuganskogo gorodishcha i poseleniya iz Narymskogo Priob'ya [Results of technical and technological analysis of the Kulay culture ceramics from Novovasyuganskoe hillfort and settlement from Narym Ob region]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk journal of linguistic and anthropological research]*, 2 (36), pp. 160–172.

Stepanova N. F., Pletneva L. M., Rybakov D. Yu., 2021. Osobennosti iskhodnogo syr'ya i formovochnykh mass drevney keramiki iz Tomskogo Priob'ya [Features of raw materials and molding pastes of ancient ceramics from Tomsk Ob region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk state university. History]*, 69, pp. 55–61.

Stepanova N. F., Rybakov D. Yu., 2019. Osobennosti iskhodnogo syr'ya i formovochnykh mass drevney keramiki iz Tomskogo i Narymskogo Priob'ya [Features of raw materials and molding pastes of ancient ceramics from Tomsk and Narym Ob region]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]*, XXV. Novosibirsk, pp. 607–613.

Stepanova N. F., Rybakov D. Yu., 2021. Predvaritelnye rezultaty izucheniya keramiki Karbinskogo gorodishcha I rannego zheleznogo veka Priket'ya [Preliminary results of study of ceramics from Karpinskoe I hillfort of Early Iron Age in Priketye]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]*, XXVII. Novosibirsk, pp. 662–668.

Tsetlin Yu. B., 2012. Drevnyaya keramika: Teoriya i metody istoriko-kulturnogo podkhoda [Ancient ceramics: Theory and methods of historical and cultural approach]. Moscow: IA RAN. 379 p.

Tsetlin Yu. B., 2017. Keramika. Ponyatiya i terminy istoriko-kulturnogo podkhoda [Ceramics. Concepts and terms of historical and cultural approach]. Moscow: IA RAN. 346 p.

Vasil'eva I. N., Salugina N. P., 2010. Loskutnyy nalep [Patch making]. *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya [Ancient pottery-making: results and prospects of study]*. Yu. B. Tsetlin, ed. Moscow: IA RAN, pp. 72–88.

Vasil'eva I. N., Salugina N. P., 2020. Elektronnyy katalog etalonov po keramicheskoy trasologii (Elektronnyy resurs) [Electronic catalog of standards for ceramic tracology (Electronic resource)].

Samarskaya oblastnaya obshchestvennaya organizatsiya «Samarskoe arkheologicheskoe obshchestvo» [Samara regional public organization «Samara archaeological society»]. URL: http://archsamara.ru/katalog.

Vasil'eva I. N., Salugina N. P., 2021. Ne bogi gorshki obzhigayut [It's not the gods who burn pots]. Samara: Slovo. 328 p.

About the authors

Selin Dmitriy V., Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of RAS, pr. Akademika Lavrentyeva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: selin@epage.ru;

Chindina Lyudmila A., Tomsk State University, prosp. Lenina, 36, Tomsk, 634050, Russian Federation; e-mail: chindina37@mail.ru

Л. Р. Халимуллина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОРФОМЕТРИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕСУРСНЫХ ЗОН ПАМЯТНИКОВ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ V–VII вв. В БАССЕЙНЕ р. СВИЯГА И ПАМЯТНИКОВ КИЕВСКОГО ТИПА В БАССЕЙНЕ р. БОЛЬШОЙ ЧЕРЕМШАН III–IV вв.[1]

Резюме. В статье приводится анализ морфометрических показателей потенциальных ресурсных зон двух групп памятников оседлого населения I тыс. н. э. в Среднем Поволжье. Сравниваются показатели для памятников именьковской культуры бассейна р. Свияга (V–VII вв.) и памятников средневолжского варианта киевской культуры бассейна р. Большой Черемшан (III–IV вв.). На основе анализа плотности распределения памятников, создания моделей их потенциальных ресурсных зон, расчета соотношений склоновых и экспозиционных типов ландшафтов, а также анализа расстояния до воды выделены характерные группам памятников черты.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, именьковская культура, памятники киевского типа, геоинформационные системы, пространственный анализ, морфометрический анализ.

Именьковская культура была выделена в 50-е гг. XX в. (*Старостин*, 1967. С. 4, 6), однако исследования этих памятников, хотя и носили чаще всего случайный характер, велись с начала прошлого столетия. Ареал памятников именьковской культуры достаточно широк – от р. Суры на западе до р. Белая на востоке, от верхней Камы на севере и до Самарской Луки на юге. Позднее из массы памятников именьковской культуры было выделено несколько культурно-хронологических групп (История Самарского Поволжья…, 2000. С. 227–229), в числе которых были и памятники киевского типа (*Сташенков*, 2005. С. 43–46).

[1] Статья подготовлена в рамках НИР «Современные методы пространственного анализа в археологии: потенциал геоинформационных систем в исторических исследованиях и реконструкциях».

http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.278.429-443

На сегодняшний день в Среднем Поволжье известно более 700 памятников именьковской культуры (V–VII вв.) и 168 памятников киевского типа (III–V вв.). Большая часть их исследована разведками, проводившимися в 60-е гг. прошлого столетия в связи с составлением археологических карт регионов. В 1970–1980-х гг. ряд исследователей обследовали берега рек Сульча и Баранка, а также правый берег р. Малый Черемшан (Археологические памятники…, 1990. С. 5–7). В 1990–2020-х гг. небольшими раскопками и разведками со вскрытием было исследовано 12 селищ: Курманаево IV (*Губайдуллин*, *Газимзянов*, 1999. С. 15), Новокиереметское II (*Истомин*, 2015. С. 43), Полянкинское (*Казаков, Рафикова*, 1990. С. 31), Салдакаево I и II (*Галимова*, 2000. С. 1–4) и др.

Памятники киевского типа в Среднем Поволжье концентрируются в бассейне р. Большой Черемшан (левого притока Волги). Они отличаются от классических именьковских особенностями материальной культуры, а также хронологически. На разность керамики памятников бассейна р. Большой Черемшан и именьковских впервые указал Р. Г. Фахрутдинов (*Фахрутдинов*, 1992. С. 60). А отличия стратегий выбора мест населением обеих групп памятников отмечал еще П. Н. Старостин (*Старостин*, 1967. С. 29–32), хотя тогда памятники киевского типа не были выделены в самостоятельную группу.

Цель работы заключается в сравнительном анализе доминирующих морфометрических показателей ресурсных зон обеих групп памятников.

Стоит отметить, что изучение поселенческих памятников с использованием пространственного анализа имеет длительную историю как за рубежом, так и в России и связано с влиянием методов «новой географии». История применения ГИС-методов насчитывает более 50 лет (*Коробов*, 2017. С. 83). Введение в научный оборот результатов, полученных методами пространственного моделирования, открывает ряд возможностей для изучения памятников Среднего Поволжья.

Пространственное положение памятников отражает стратегии древнего населения, используемые им при выборе мест поселений. Ключевая модель сельского поселения предполагает выбор территории с учетом экономических, социальных и политических факторов (*Roberts*, 1996. P. 11. Fig. 1.5). Взаимосвязи между поселением и его территорией следует искать в особенностях размещения памятников и пространственной организации округи, т. е. в первую очередь в пределах той местности, где он расположен и где его население могло бы обеспечивать себя. Робертс приводит шесть важных условий, которые могут повлиять на выбор участка: экспозиция, укрытие, равнина, свободный дренаж, водоснабжение и локальная доступность (Ibid. С. 33). Физическая среда обитания никогда не дает нам точных критериев для определения типов поселений, однако рельеф, климат, почва, растительность влияют на образ жизни, которому могут следовать проживающие здесь общества. Несомненно, относительная значимость этих условий варьируется от памятника к памятнику и т. д., соответственно доминирующие условия одного региона будут отличаться от другого.

Ареал памятников именьковской культуры достаточно обширен, однако часть их, а также ландшафт оказались разрушены в результате затопления

Куйбышевским водохранилищем. Поэтому для сравнительного анализа было принято решение привлечь только группу поселений именьковской культуры, расположенную в бассейне р. Свияга, поскольку и ландшафт, и памятники не подвергались столь серьезным разрушениям. Не подвергся разрушению водохранилищем и район расположения поселений киевской группы в бассейне р. Большой Черемшан.

Таким образом, группа киевского типа (III–V вв.) представлена 131 неукрепленным поселением (укрепленных поселений в регионе не выявлено); а именьковская культура (V–VII вв.) в свияжском регионе – 109 поселениями: 91 неукрепленным и 18 укрепленными.

Первоначально проводился «анализ плотности» (kernel density) распределения памятников путем создания модели при помощи инструмента плотности ядер, который вычисляет плотность точечных объектов, попадающих в окрестность каждой ячейки. Анализ плотности распространения памятников позволяет проследить пространственные взаимоотношения, например – распределены ли памятники равномерно или формируют группы.

Следующий этап работы – моделирование потенциальных ресурсных зон. Выделение и моделирование потенциальных ресурсных зон памятников не раз описывались в работах, посвященных ландшафтной археологии (*Коробов*, 2010; *Никулина и др.*, 2021). Построение потенциальных ресурсных зон памятников (site catchment analysis) представляет собой пространственное моделирование территорий вокруг мест обитаний населения при разных типах хозяйства. Для полученных моделей зон хозяйственного освоения проанализированы морфометрические показатели – прежде всего, выделения склоновой и экспозиционной приуроченности и расчета доступа к водным ресурсам – как одни из основных факторов выбора мест. Все аналитические процедуры проводились на базе программного обеспечения Esri ArcGIS. Результаты этих аналитических процедур служат основой для определения характерных морфометрических признаков рассматриваемых культурных групп.

Один из основных методов – построение полигонов Тиссена – Вороного. Подробное описание возможностей и ограничений этого метода можно найти в статье Д. С. Коробова (*Коробов*, 2008). Первое его ограничение – использование двумерной модели, когда не учитываются затраты при пересечении рельефа местности, а также естественные препятствия, например реки. Поэтому анализ проводился с использованием ограничительных масок, выделенных по наиболее крупным притокам рек Большой Черемшан и Свияга соответственно. Второе ограничение – отсутствие внешних границ по периметру анализируемой территории. Для преодоления этого ограничения использовался максимальный радиус в процессе моделирования.

Согласно схеме Б. К. Робертса, основные пахотные и сенокосные угодья располагаются на расстоянии 0,8–1,6 км от поселения, а пастбищные и лесные – 1,8–3,3 м. (*Roberts*, 1996. P. 30. Fig. 2.5). Поэтому для анализа было решено использовать полигональные зоны хозяйственного освоения усредненных значений в 1,5 и 3 км для обеих групп рассматриваемых памятников. Моделирование ресурсных зон памятников бассейна р. Большой Черемшан проводилось при помощи инструмента Cost Allocation.

1. В данной работе ограничение, связанное с «весом» памятника при создании полигонов, не решено. Само ограничение метода основано на ограничении потенциальных ресурсных зон памятников равнозначно для каждого памятника, без учета их размеров и «центральности». Для памятников бассейна р. Большой Черемшан это ограничение преодолеть не удалось за неимением достаточной археологической информации о «весе» памятников. Полученные растры были конвертированы в векторные полигональные слои, каждая строка таблицы атрибутов которых содержит информацию о площади каждого полигона в метрах, затем при помощи инструмента вычисления геометрии площадь была пересчитана в гектары.

Расчет приуроченности ресурсных зон к склоновым и экспозиционным уклонам также проводился на основе ЦМР и заключался в моделировании склоновых поверхностей при помощи инструмента «уклон» (slope). Полученный растровый слой был классифицирован согласно принятой в геоморфологии классификации склонов на 5 классов (*Жучкова, Раковская*, 2004. С. 133, 134):

1) поверхность, не являющаяся уклоном, – 0–2º (плоскость);
2) очень пологий уклон – 2–4º;
3) пологий уклон – 4–8º;
4) сильнопокатый уклон – 8–10º;
5) крутой уклон – 10–20º.

Для расчета экспозиционных уклонов использовался инструмент «экспозиция» (aspect), определяющий направление максимальной скорости изменения значений уклона от каждой ячейки до соседних. Выходной растр содержит значения ячеек, указывающих компасное направление в градусах, к которому обращена поверхность в этом местоположении.

Для вычисления соотношения склоновых и экспозиционных уклонов использовался инструмент «зональная гистограмма», отображающий количество точек растра для каждого типа уклона и экспозиции в пределах буферной зоны памятника в табличной форме. Полученные значения отражены в долях от общей площади выделенных ранее полигональных объектов зон потенциального освоения.

Расчет доступности водных ресурсов проводился инструментом «оптимальный путь» (cost path), который строит выходной растр, содержащий маршрут или маршруты с наименьшей стоимостью перемещения из выбранных местоположений до ближайшей ячейки источника по поверхности совокупной местности. В данном случае – от памятника к реке.

Моделирование плотности распределения памятников киевского типа демонстрирует три крупных региона плотного освоения на р. Большая Сульча и в среднем течении р. Большой Черемшан. Кроме того, анализ показал дисперсное расположение памятников вокруг этих групп плотного освоения. Как уже упоминалось, среди рассматриваемых памятников нет городищ. Все это могло бы служить основанием выделения «центральности» этих микрорегионов, однако отсутствие достоверных археологических данных не позволяет делать такой вывод. Но все же нельзя не отметить привлекательность именно этих микрорегионов для населения, вероятно, в хозяйственном отношении (рис. 1).

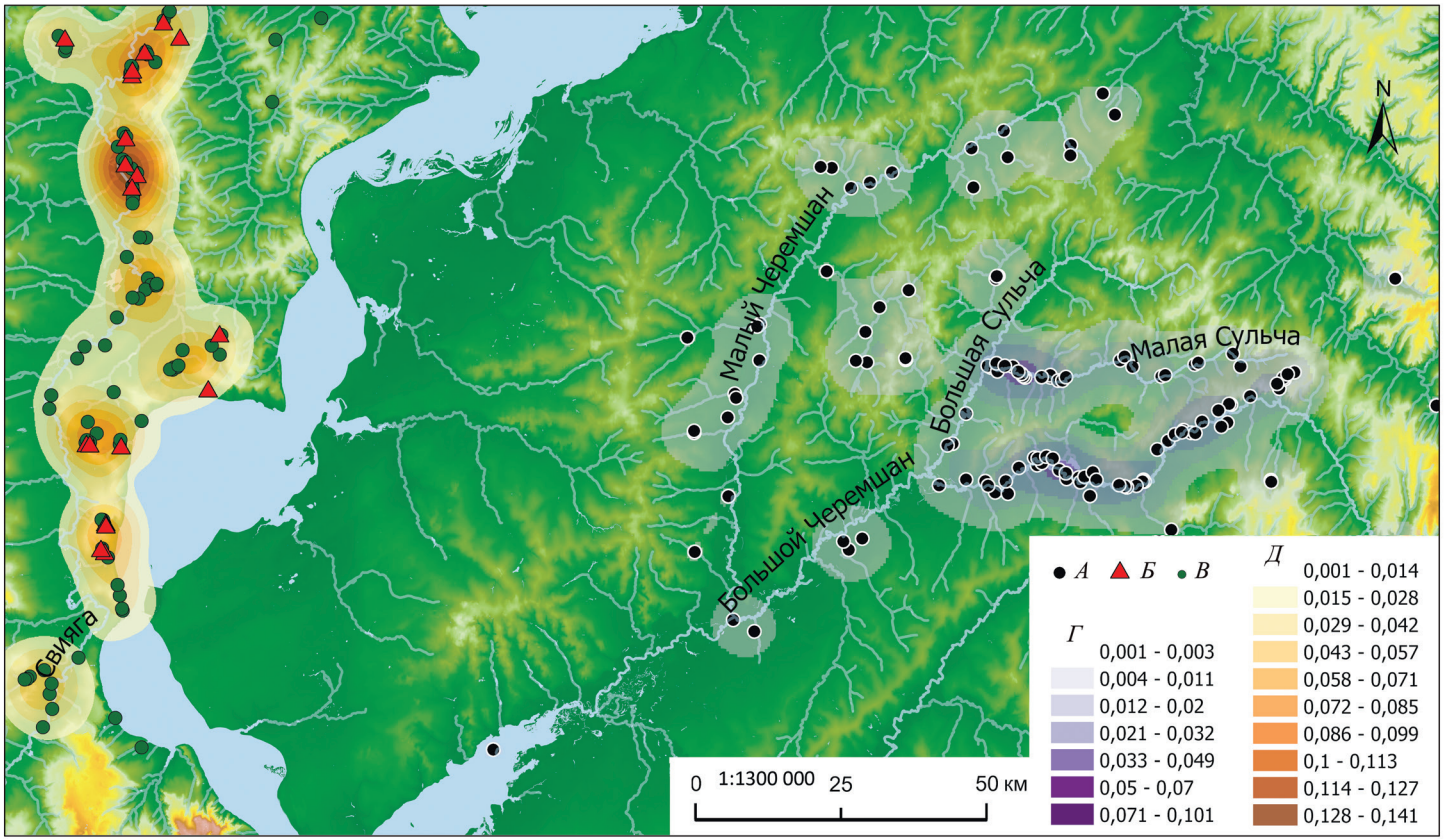

Рис. 1. Карты плотности поселений средневолжского варианта киевской культуры в бассейне р. Большой Черемшан, а также суммированная карта плотности памятников именьковской культуры в бассейне р. Свияга

А – памятники бассейна р. Большой Черемшан; *Б* – городища именьковской культуры; *В* – селища именьковской культуры; *Г* – плотность распространения памятников бассейна р. Большой Черемшан на кв. км; *Д* – плотность распространения памятников именьковской культуры бассейна р. Свияга

Для рассматриваемой группы памятников именьковской культуры анализ плотности памятников несколько отличался. Поскольку свияжская группа памятников представлена как городищами, так и селищами, анализ плотности распространения был проведен отдельно для каждого типа. Инструментом суммирования растра была получена общая модель плотного освоения территории, которая наглядно демонстрирует несколько наиболее крупных центров плотного освоения территории, достаточно равномерно распределенных вдоль р. Свияги. Концентрация селищ вокруг одного/нескольких городищ именьковской культуры не раз описана и является характерной чертой расселения именьковского населения (*Старостин*, 1967. С. 9, 10). Расстояние между группами плотного освоения около 20 км (рис. 1). Такое расположение памятников демонстрирует традиции выбора территории и стратегии заселения.

Полученные модели потенциальных ресурсных зон памятников выражены в полигонах и содержат информацию об их площадях в гектарах. Для памятников бассейна р. Большой Черемшан площадь полигонов с радиальным ограничением 1,5 км составляет почти 293,7 га. Ожидаемо, что наименьшие по площади полигоны встречены в местах плотного освоения территории, а наиболее крупные – по периферии. Площади потенциальной зоны выпаса рассчитаны путем вычитания из полигонов с радиальным ограничением в 3 км полигонов с ограничением в 1,5 км. Среднее значение таких полигонов составило 972,3 га, две трети потенциальных пастбищных зон имеют площадь от 27,6 до 944 га, в основном они сосредоточены в зонах плотного освоения территории. Зоны, чьи площади превышают эти значения, тяготеют к периферии (рис. 2).

Среднее значение полигонов с радиальным ограничением 1,5 км памятников именьковской культуры на р. Свияга составляет 195,3 га. Логично, что площадь ресурсных зон памятников будет уменьшаться в зависимости от плотности памятников, поскольку моделирование базируется на методе Тиссена – Вороного, что и демонстрируют полученные результаты. Наибольшие площади ресурсных зон имеют памятники на периферии зон плотного освоения (рис. 2). Аналогичная ситуация с моделями потенциальной зоны выпаса для памятников именьковской культуры на р. Свияга, где средние значения полигонов составляют 665,1 га.

Потенциальные пашенные зоны памятников бассейна р. Большой Черемшан в абсолютном большинстве располагаются на плоских ландшафтах. Более 85 % площадей имеют уклон от 0 до 2º, 10,5 % – от 2 до 4º, 3,5 % – от 4 до 8º. Площади потенциальных зон выпаса также в большинстве своем расположены на плоских участках (87,1%) (рис. 3).

Потенциальные пашенные зоны памятников именьковской культуры бассейна р. Свияга расположены также на плоских участках 69 % территории, доля очень пологих уклонов (2–4º) составляет около 22 %, а пологих (4–8º) – около 8 %. Доля участков потенциальных зон выпаса, занимаемых на плоском рельефе, выше и составляет 73%, на очень пологих участках – 20 %, а на пологих – почти 6 % (рис. 3).

Экспозиционно (рис. 4) площади ресурсных зон памятников бассейна р. Большой Черемшан на 15–20 % территории тяготеют к северо-западным и юго-восточным уклонам. Это, вероятно, можно объяснить расположением большей

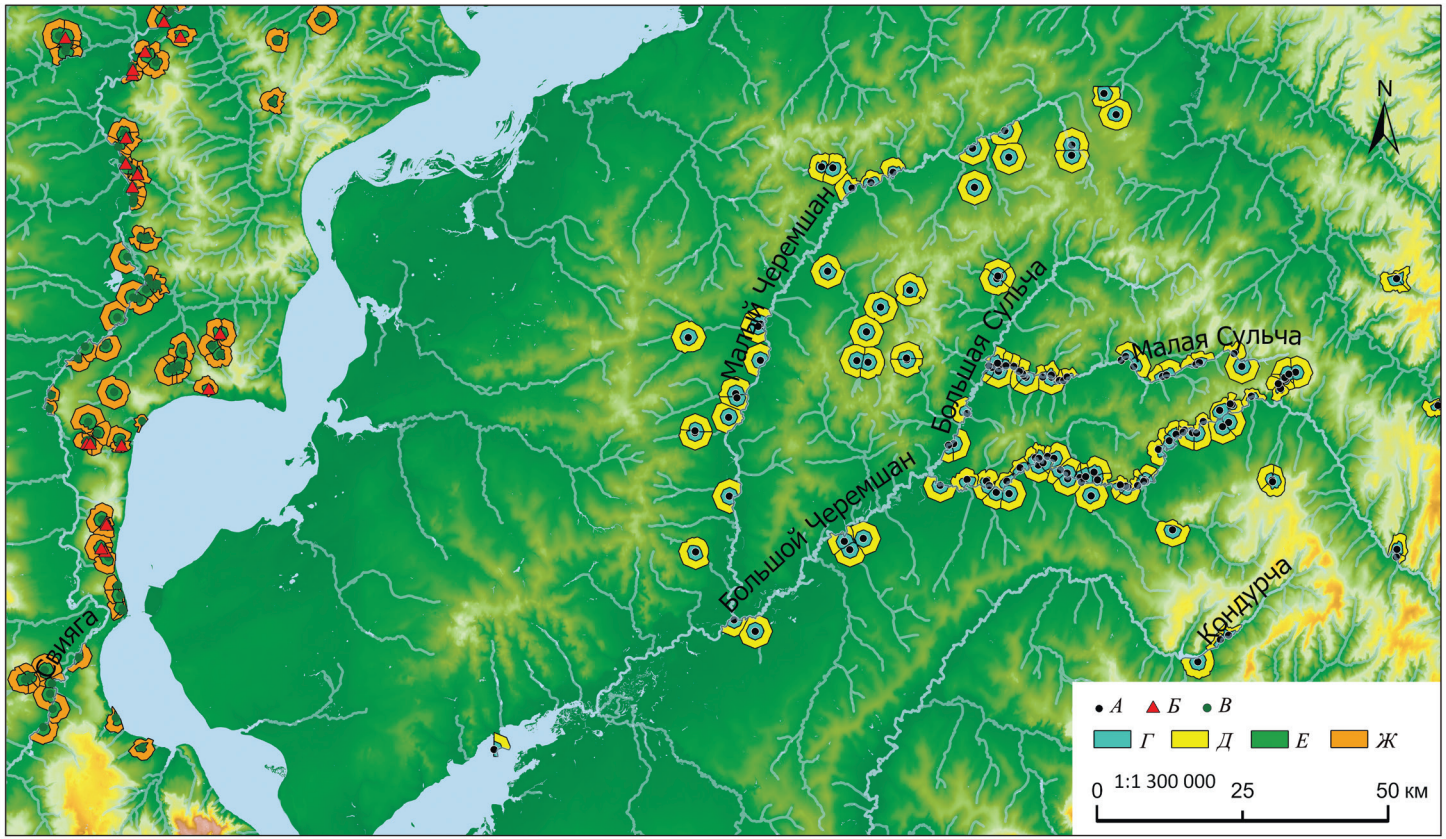

Рис. 2. Модели потенциальных ресурсных зон рассматриваемых памятников

А – памятники бассейна р. Большой Черемшан; *Б* – городища именьковской культуры; *В* – селища именьковской культуры; *Г* – потенциальная зона пахоты для памятников бассейна р. Б. Черемшан; *Д* – потенциальная зона выпаса для памятников бассейна р. Б. Черемшан; *Е* – потенциальная зона пахоты для памятников именьковской культуры бассейна р. Свияга; *Ж* – потенциальная зона выпаса для памятников именьковской культуры бассейна р. Свияга

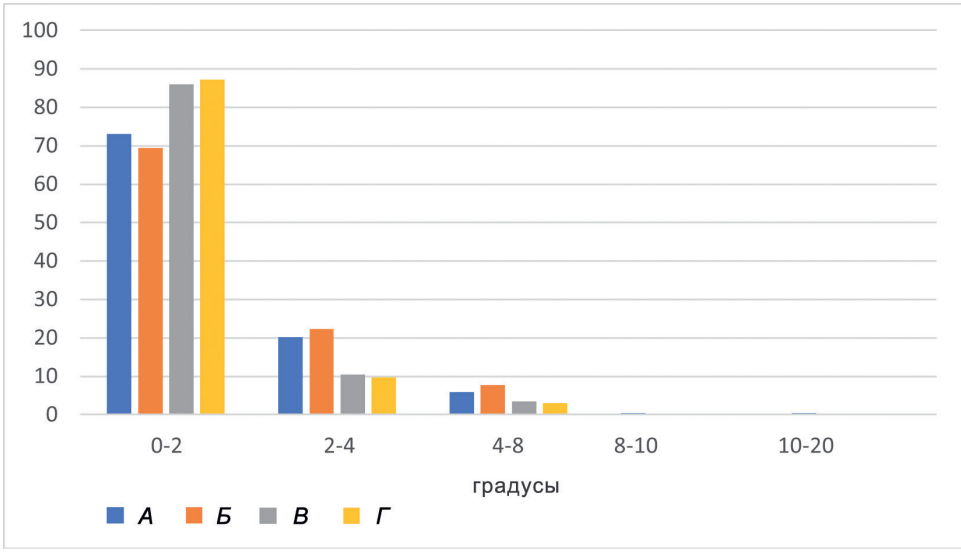

Рис. 3. Зональная статистика долей склоновых типов ресурсных зон памятников, %

А – потенциальная зона выпаса для памятников именьковской культуры бассейна р. Свияга; *Б* – потенциальная зона пахоты для памятников именьковской культуры бассейна р. Свияга; *В* – потенциальная зона выпаса для памятников бассейна р. Б. Черемшан; *Г* – потенциальная зона пахоты для памятников бассейна р. Б. Черемшан

части памятников плотной цепочкой на берегах рек, ориентированных по течению с северо-востока на юго-запад. Оставшееся процентное соотношение экспозиционных уклонов соотносится с другими сторонами света, за исключением северо-восточных и юго-западных. Экспозиции обоих типов потенциальных ресурсных зон памятников именьковской культуры, расположенных на р. Свияга, почти идентичны. Наибольшая доля приходится на восточные, северные, северо-западные, западные и юго-восточные уклоны.

Расчет доступа к водным ресурсам от памятников бассейна р. Большой Черемшан показал, что лишь два памятника из 131 не имеют доступа к воде в радиусе 1,5 км и только 19 находятся вне доступа к рекам на расстоянии 1 км; 28 из 109 памятников именьковской культуры в бассейне р. Свияга не имеют доступа к рекам на расстоянии 1 км.

Памятники обеих исследуемых групп долгое время рассматривались в рамках единой культуры, однако проведенный анализ в очередной раз продемонстрировал отличия. В первую очередь стоит еще раз подчеркнуть, что для группы памятников бассейна р. Большой Черемшан отсутствуют укрепления. Памятники имеют несколько зон плотного освоения, расположенных вдоль реки Большой Черемшан и ее притока Большая Сульча. Часть памятников не формирует подобных групп и расположена достаточно дисперсно по периферии основного ареала. Площади потенциальных ресурсных зон памятников достаточно велики,

несмотря на то что сложно оценить ситуацию в районах плотного освоения. Почти 90 % процентов территории потенциальных ресурсных зон памятников представляют собой плоские участки. Относительно экспозиции территории ресурсных зон почти не попадают на северные участки. В большинстве это юго-восточные и северо-западные склоны. Около 15 % памятников имеют доступ к рекам на расстоянии 1 км.

Расположенные на р. Свияга памятники именьковской культуры представлены как укрепленными, так и неукрепленными поселениями, формирующими группы плотного освоения из одного-двух городищ и нескольких селищ. Расположение этих групп достаточно равномерно относительно друг друга, в среднем расстояние между ними около 20 км. Эти группы, видимо, имеют единую ресурсную базу. Площади потенциальных ресурсных зон меньше тех, что представлены в бассейне р. Большой Черемшан.

Разница в размерах рассчитанных потенциальных ресурсных зон предположительно может быть объяснена двумя факторами. Первый – особенности расположения памятников и метода моделирования потенциальных ресурсных зон. Моделирование потенциальных ресурсных зон памятников выполняется методом Тиссена – Вороного, где между двумя зонами двух функциональных центров проводится граница. Это накладывает ограничение потенциальной ресурсной зоны. Для более корректного использования этого метода необходима информация о единовременности поселений. Поскольку памятники именьковской культуры формируют группы плотного освоения, состоящие из неукрепленных поселений, расположенных в округе одного-двух укрепленных поселений, возникает вопрос о единовременности их функционирования.

Второй фактор – это разница ландшафтов. В физико-географическом отношении бассейн рек Большой и Малый Черемшан занимает южную часть Западного Закамья. Рельеф слабо расчлененный, что определяется небольшой высотой равнины и молодостью слагающих ее отложений. Долины рек Кармала и Большой Авраль – притоков Большого Черемшана – характеризуются хорошей эрозионной разработанностью, значительной шириной и широкой поймой (Физико-географическое районирование…, 1964. С. 147–151). В то время как бассейн р. Свияга, где расположены памятники рассматриваемой группы именьковской культуры, находится в границах Приволжской возвышенности. Это высокая ступенчатая равнина (плато), глубоко расчлененная речной овражно-балочной сетью, глубины вертикального расчленения рельефа на большей части территории колеблются от 100–200 до 200–300 м (Природные условия…, 1978. С. 73–79).

Судя по всему, для населения, оставившего памятники средневолжского варианта киевской культуры в бассейне р. Большой Черемшан, были важны плоские низкие участки территории, вблизи рек. Установлено, что поселения основного ареала киевской культуры расположены в пойме, на останцах первых надпойменных террас, на высоте 3–5 м над уровнем воды (*Исаев, Родинкова*, 2023).

Н. Г. Рябчевский с соавторами предложил гипотезу о ведении населением северо-восточной части деснинского варианта киевской культуры долинного (пойменного) земледелия. Особенности расположения памятников киевской

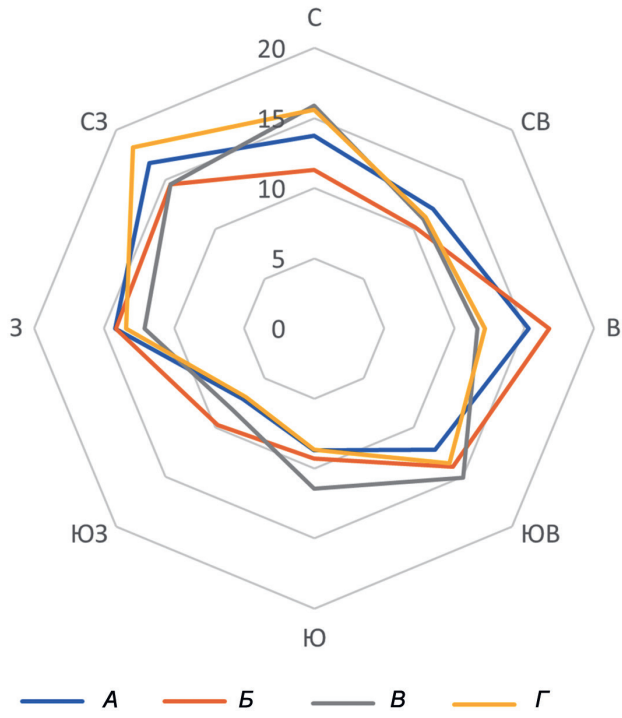

Рис. 4. Зональная статистика долей экспозиционных уклонов ресурсных зон памятников, %

А – потенциальная зона выпаса для памятников именьковской культуры бассейна р. Свияга; *Б* – потенциальная зона пахоты для памятников именьковской культуры бассейна р. Свияга; *В* – потенциальная зона выпаса для памятников бассейна р. Б. Черемшан; *Г* – потенциальная зона пахоты для памятников бассейна р. Б. Черемшан

культуры этого региона на невысоких участках, часто в поймах, авторы объясняют спецификой земледелия. Здесь были найдены целиком деревянные кривогрядельные рала, датируемые временем бытования киевской культуры, а в более южных районах киевской культуры известны железные узколезвийные наральники для бесполозных рал (*Рябчевский и др.*, 2018). Однако проведенный анализ морфометрической приуроченности памятников средневолжского варианта киевской культуры на данном этапе не позволяет реконструировать тип хозяйства.

Для памятников именьковской культуры характерны более высокие участки с более выраженным ландшафтом и наличием большего соотношения склоновых поверхностей относительно памятников на Черемшане. Источником воды, вероятно, могли служить ручьи, однако принципиальным все же является наличие вблизи крупного водного источника в виде реки. Демонстрируется преобладание восточных, северо-восточных, северо-западных, западных и юго-восточных уклонов (рис. 4).

Экспозиции склонов имеют большое значение для жизненного цикла растений. Самыми холодными и сырыми являются северные склоны, по поверхности

которых солнечные лучи скользят, слабо прогревая почву и воздух и незначительно испаряя влагу. Южные склоны наиболее жаркие и сухие. Если склоны ориентированы на восток, то максимальная температура достигается утром, а если на запад – то вечером. Значительную роль также играет ориентированность склонов в сторону определенных ветров (*Соколова*, 2016). Ресурсным зонам обеих рассматриваемых групп характерна малая доля как северных, так и южных экспозиций. Видимо, продуктивность таких «экстремальных» экспозиционных поверхностей не удовлетворяла потребности населения.

Больший процент пологих склонов потенциальных ресурсных зон памятников именьковской культуры гипотетически мог быть обусловлен подсечным земледелием. Археологические материалы однозначно указывают на то, что хозяйственная система всех групп оседлого населения Среднего Поволжья в I тыс. н. э. строилась на сочетании земледелия, животноводства и промыслов. На сегодняшний день можно утверждать, что для населения именьковской культуры характерна технология обработки почвы, подразумевающая первичную подсеку с последующей обработкой орудием типа рала (*Вязов и др.*, 2020).

В. П. Петров в вышедшей в 1970-е гг. монографии о подсечном земледелии отмечает, что места для расчистки подсеки выбирались на пологих склонах. Подсечному участку при его выборе предъявлялось несколько условий: открытость, приуроченность к высоким сухим излучинам речного берега, свободным от затенения и доступным для ветров, солнечного тепла и света, это должны быть пологие склоны. Средние годовые температуры на возвышенностях значительно выше, чем в долинах, а вегетационный период теплее и дольше (*Петров*, 1968. С. 55–61).

Проведенный анализ морфометрической приуроченности памятников и их потенциальных ресурсных зон демонстрирует схожие и несхожие черты двух рассматриваемых групп. Для поселений именьковской культуры в свияжском регионе характерными чертами можно назвать формирование памятников группами плотного освоения. Укрепленные и неукрепленные поселения расположены на высокой ступенчатой равнине с глубоко расчлененной речной овражно-балочной сетью. Большая часть памятников имеет доступ к рекам на расстоянии 1 км, хотя в качестве источника воды, более вероятно, использовались ручьи. Характерно также наличие пологих склонов в рельефе моделируемых потенциальных ресурсных зон, а также экспозиционная приуроченность в большей степени к северо-западным и восточным склоновым типам.

Памятники бассейна р. Большой Черемшан не формируют, подобно именьковским, «гнезд». Однако выявлено две наиболее крупные группы плотного освоения на реках Большая Сульча и Большой Черемшан, где они расположены цепочкой вдоль рек, а часть памятников – достаточно дисперсно вокруг этих групп. Очевидно, для населения являлся приоритетным выбор места на достаточно равнинной территории, на низких участках в непосредственной близости рек. Экспозиционная приуроченность потенциальных ресурсных зон памятников достаточно равномерна, наибольшие доли приходятся на северо-западные и юго-восточные склоны, что неудивительно в условиях, где преобладающий склоновый тип является плоскостью.

В ходе проведенного анализа было получено несколько моделей потенциальных ресурсных зон памятников для двух культурных групп I тыс. н. э. в Среднем Поволжье. Несмотря на большую разницу геоморфологии регионов, где расположены эти группы, наблюдаются некоторые сходства морфометрических показателей ресурсных зон, свидетельствующие о стратегии землепользования. На текущем этапе полученные данные не позволяют реконструировать тип хозяйства, однако пространственный анализ рассмотренных групп памятников показывает высокий потенциал применения методов ГИС. Привлечение к полученным результатам палеопочвенных исследований позволит уточнить данные о хозяйственном освоении территории и стратегии при ведении комплексного хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

Археологические памятники бассейна р. Черемшан / Ред. А. Х. Халиков. Казань: Ин-т языка, литературы и истории, 1990. 122 с.

Вязов Л. А., Пономаренко Е. В., Ершова Е. Г., Салова Ю. А., 2020. Между подсекой и пахотой: применение рыхлящих орудий в исторических системах земледелия Восточной Европы и его следы в почве // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 6. Материалы VI Междунар. науч. конф. / Отв. ред.: Н. П. Матвеева, Н. Е. Рябогина. Тюмень: Тюменский науч. центр СО РАН. С. 143–149.

Галимова М. Ш., 2000. Отчет об охранных исследованиях Второго Саладкаевского поселения эпохи бронзы, расположенного в Нурлатском районе Республики Татарстан в 2000 году // Научный фонд Института археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 135.

Губайдуллин А. М., Газимзянов И. Р., 1999. Отчет об археологических исследованиях в округе села Курманаево Нурлатского района РТ. Казань // Научный фонд Института археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан. Казань. 15 с.

Жучкова В. К., Раковская Э. М., 2004. Методы комплексных физико-географических исследований. М.: Академия. 368 с.

Исаев Д. И., Родинкова В. Е., 2023. Гидрология и археология – точки соприкосновения // Исторический подход в географии и геоэкологии: материалы VII Междунар. научн.-образоват. конф. по ист. Географии (Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2023 г.) / Отв. ред. Л. Б. Вампилова. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т. С. 31–36.

Истомин К. Э., 2015. Отчет об археологических охранных работах на Новокиреметском II селище в зоне реконструкции автодороги «Аксубаево – Емилькино» – Новая Киреметь» в Аксубаевском районе Республики Татарстан в 2015 г. // Научный фонд Института археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан. Казань. 105 с.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред.: И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. 422 с.

Казаков Е. П., Рафикова З. С., 1990. Очерки древней истории Восточного Закамья. Казань: Дом печати. 720 с.

Коробов Д. С., 2008. Применение методов пространственного анализа при изучении системы расселения алан Кисловодской котловины [Электронный ресурс] // Археология и геоинформатика. Вып. 5. URL: https://archaeolog.ru/media/periodicals/ agis/AGIS-5/Korobov_1/page1.html (дата обращения: 22.03.2025).

Коробов Д. С., 2010. ГИС-моделирование сельскохозяйственных угодий эпохи раннего средневековья в Кисловодской котловине [Электронный ресурс] // Археология и геоинформатика. Вып. 6. М.: ИА РАН. URL: https://archaeolog.ru/media/periodicals/ agis/AGIS-6/Korobov/page1.html (дата обращения: 17.04.2025).

Коробов Д. С., 2017. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н. э.: в 2 т. Т. I. Ландшафтная археология Кисловодской котловины. М.; СПб.: Нестор-История. 384 с.

Никулина А. В., Зольников И. Д., Новикова О. И., 2021. Результаты анализа потенциальных ресурсных зон вокруг поселений эпох энеолита – средних веков в центральной части Барабинской низменности // РА. № 1. С. 47–58.

Петров В. П., 1968. Подсечное земледелие. Киев: Наукова думка. 228 с.

Природные условия Ульяновской области / Ред. А. П. Дедков. Казань: Казанский ун-т, 1978. 329 с.

Рябчевский Н. Г., Шинаков Е. А., Лобанов Г. В., 2018. Топография и хозяйство поселений северо-восточной части Деснинского варианта киевской культуры. (Постановка проблемы) [Электронный ресурс] // Вестник Брянского государственного университета. № 3 (37). С. 135–149. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/topografiya-i-hozyaystvo-poseleniy-severo-vostochnoy-chasti-desninskogo-varianta-kievskoy-kultury-postanovka-problemy (дата обращения: 14.06.2024).

Соколова Г. Г., 2016. Влияние высоты местности, экспозиции и крутизны склона на особенности пространственного распределения растений // Acta Biologica Sibirica. Т. 2. № 3. С. 34–45.

Старостин П. Н., 1967. Памятники именьковской культуры. М.: Наука. 95 с. (САИ; вып. Д1-32.)

Сташенков Д. А., 2005. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н. э. М.: ИА РАН. 150 с.

*Фахрутдинов Р. Г.,*1992. Мелодия камней: записки археолога. Казань: Таткнигоиздат. 175 с.

Физико-географическое районирование Среднего Поволжья / Ред. А. В. Ступишин. Казань: Казанский ун-т, 1964. 199 с.

Roberts B. K., 1996. Landscapes of Settlement. Prehistory to the present. London: Routledge. 191 p.

Сведения об авторе

Халимуллина Лилия Рамилевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: khalimullina.liliya@mail.ru

L. R. Khalimullina

THE ANALYSIS OF THE MORPHOMETRIC CHARACTERISTICS OF THE SITES FROM THE SECOND QUARTER OF THE I MILLENNIUM AD IN THE BOLSHOI CHEREMSHAN RIVER BASIN

Abstract. The paper analyzes morphometric characteristics of potential resource areas relating to two groups of sites left behind by the sedentary population which lived in the Middle Volga in the I millennium AD. It compares the characteristics of the Imenkovo culture sites located in the Sviyaga river basin (5th–7th centuries) and the sites of the Middle Volga variant of the Kiev culture situated in the Bolshoi Cheremshan basin (3rd–4th centuries). Features characteristic of these groups of sites were identified based on the analysis of site distribution density, models of site potential resource areas, estimates of slope landscapes of various exposures as well as distance-to-water analysis.

Keywords: Middle Volga region, Imenkovo culture, Kiev-type sites, GIS, spatial analysis, morphometric analysis.

REFERENCES

Arkheologicheskie pamyatniki basseyna r. Cheremshan [Archaeological sites of Cheremshan river basin]. A. Kh. Khalikov, ed. Kazan’: IYaLI, 1990. 122 p.

Fakhrutdinov R. G., 1992. Melodiya kamney: zapiski arkheologa [Melody of stones: notes of an archaeologist]. Kazan’: Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo. 175 p.

Fiziko-geograficheskoe rayonirovanie Srednego Povolzh'ya [Physical and geographical zoning of the Middle Volga region]. A. V. Stupishin, ed. Kazan': Kazanskiy universitet, 1964. 199 p.

Galimova M. Sh. Otchet ob okhrannykh issledovaniyakh Vtorogo Saladkaevskogo poseleniya epokhi bronzy, raspolozhennogo v Nurlatskom rayone Respubliki Tatarstan v 2000 godu [Report on conservation studies of Bronze Age Second Saladkaeovskoe settlement located in Nurlatsky district, Republic of Tatarstan in 2000]. *Nauchnyy fond Instituta arkheologii imeni A. Kh. Khalikova Akademii nauk Respubliki Tatarstan [Scientific foundation of A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of Academy of Sciences, Republic of Tatarstan]*.

Gubaydullin A. M., Gazimzyanov I. R., 1999. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v okruge sela Kurmanaevo Nurlatskogo rayona Respubliki Tatarstan [Report on archaeological research in Kurmanaevo village vicinity, Nurlatsky district, Republic of Tatarstan]. *Nauchnyy fond Instituta arkheologii imeni A. Kh. Khalikova Akademii nauk Respubliki Tatarstan [Scientific foundation of A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of Academy of Sciences, Republic of Tatarstan]*. Kazan'.

Isaev D. I., Rodinkova V. E., 2023. Gidrologiya i arkheologiya – tochki soprikosnoveniya [Hydrology and archaeology – points of contact]. *Istoricheskiy podkhod v geografii i geoekologii (VII konferentsiya) [Historical approach in geography and geoecology (VII Conference)]*. L. B. Vampilova, ed. Petrozavodsk: Petrozavodskiy gos. universitet, pp. 31–36.

Istomin K. E., 2015. Otchet ob arkheologicheskikh okhrannykh rabotakh na Novokiremetskom II selishche v zone rekonstruktsii avtodorogi «Aksubaevo – Emil'kino – Novaya Kiremet'» v Aksubaevskom rayone Respubliki Tatarstan v 2015 g. [Report on archaeological rescue work at Novokiremetskoe II settlement in reconstruction area of Aksubaevo – Emilkino – Novaya Kiremet'» highway, Aksubaevsky district, Republic of Tatarstan in 2015]. *Nauchnyy fond Instituta arkheologii imeni A. Kh. Khalikova Akademii nauk Respubliki Tatarstan [Scientific foundation of A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of Academy of Sciences, Republic of Tatarstan]*. Kazan'. 105 p.

Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e [History of Samara Volga region from ancient times to the present day. Early Iron Age and Middle Ages]. I. N Vasilieva, G. I. Matveeva, eds. Moscow: Nauka, 2000. 422 p.

Kazakov E. P., Rafikova Z. S., 1999. Ocherki drevney istorii Vostochnogo Zakam'ya [Essays on ancient history of Eastern Trans-Kama region]. Kazan: Dom pechati. 120 p.

Korobov D. S., 2008. Primenenie metodov prostranstvennogo analiza pri izuchenii sistemy rasseleniya alan Kislovodskoy kotloviny (Elektronnyy resurs) [Application of spatial analysis methods in study of Alan settlement system in Kislovodsk depression (Electronic resource)]. *Arkheologiya i geoinformatika [Archaeology and geoinformatics]*, 5. URL: https://archaeolog.ru/media/ periodicals/agis/AGIS-5/Korobov_1/page1.html.

Korobov D. S., 2010. GIS-modelirovanie sel'skokhozyaystvennykh ugodiy epokhi rannego srednevekov'ya v Kislovodskoy kotlovine [GIS-modelling of the Early Medieval agricultural landscapes in the Kislovodsk depression (Electronic resource)]. *Arkheologiya i geoinformatika [Archaeology and geoinformatics]*, 6. URL: https://archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-6/Korobov_1/page1.html.

Korobov D. S., 2017. Sistema rasseleniya alan Tsentralnogo Predkavkaz'ya v I tys. n. e. [Alan settlement system in Central Fore-Caucasus in I mill. AD], I. Landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoy kotloviny [Landscape archaeology of Kislovodsk depression]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 384 p.

Nikulina A. V., Zolnikov I. D., Novikova O. I., 2021. Rezul'taty analiza potencial'nykh resursnykh zon vokrug poseleniy epokh eneolita – srednikh vekov v tsentral'noy chasti Barabinskoy nizmennosti [Site catchment analysis of eneolithic – medieval settlements in the central Baraba lowland]. *RA*, 1, pp. 47–58.

Petrov V. P., 1968. Podsechnoe zemledelie [Slash and burn agriculture]. Kiev: Naukova dumka. 228 p.

Prirodnye usloviya Ul'yanovskoy oblasti [Natural conditions of Ulyanovsk region]. A. P. Dedkov, ed. Kazan: Kazanskiy universitet, 1978. 329 p.

Ryabchevskiy N. G., Shinakov E. A., Lobanov G. V., 2018. Topografiya i khozyaystvo poseleniy severo-vostochnoy chasti Desninskogo varianta kievskoy kultury. (postanovka problemy) (Elektronnyy resurs) [Topography and economy of settlements in northeastern part of Desna variant of Kiev culture (raising the problem) (Electronic resource)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*

[Bulletin of Bryansk state university], 3 (37). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/topografiya-i-hozyaystvo-poseleniy-severo-vostochnoy-chasti-desninskogo-varianta-kievskoy-kultury-postanovka-problemy.

Sokolova G. G., 2016. Vliyanie vysoty mestnosti, ekspozitsii i krutizny sklona na osobennosti prostranstvennogo raspredeleniya rasteniy [Influence of terrain height, exposure, and slope steepness on spatial distribution of plants]. *Acta Biologica Sibirica*, vol. 2, no. 3, pp. 34–45.

Starostin P. N., 1967. Pamyatniki imen'kovskoy kul'tury [Sites of Imenkovo culture]. Moscow: Nauka. 95 p. (SAI.)

Stashenkov D. A., 2005. Osedloe naselenie Samarskogo lesostepnogo Povolzh'ya v I–V vv. n. e. [Settled population of Samara forest-steppe Volga region in I–V cc. AD]. Moscow: IA RAN. 150 p.

Vyazov L. A., Ponomarenko E. V., Ershova E. G., Salova Yu. A., 2020. Mezhdu podsekoy i pakhotoy: primenenie rykhlyashchikh orudiy v istoricheskikh sistemakh zemledeliya Vostochnoy Evropy i ego sledy v pochve [Between slash – burn system and plowing: use of loosening tools in historical farming systems of Eastern Europe and its traces in the soil]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv [Ecology of ancient and traditional societies], 6. Materialy VI konferentsii [Proceedings of VI conference]*. N. P. Matveeva, N. E. Ryabogina, eds. Tyumen': Tyumenskiy nauchnyy tsentr SO RAN, pp. 143–149.

Zhuchkova V. K., Rakovskaya E. M., 2004. Metody kompleksnykh fiziko-geograficheskikh issledovaniy [Methods of complex physical and geographical research]. Moscow: Akademiya. 368 p.

About the author

Khalimullina Lilia R., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: khalimullina96@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести. СПб.
АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли. М.
АЕС – Археология евразийских степей. Казань
АКР – Археологическая карта России. М.
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АПО – Археологические памятники Оренбуржья
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БИ – Боспорские исследования. Керчь
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А. П. Карпинского
ГВСМЗ – Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИИАК (ИАК) – Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.; М.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики. Саранск
ННЗ – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
ПА – Поволжская археология. Казань

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РСМ – Раннеславянский мир. М.
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СНВ – Самарский научный вестник. Самара
СО РАН – Сибирское Отделение РАН
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТАС – Тверской археологический сборник
ТТЗ – Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УрО РАН – Уральское Отделение РАН
ХСб – Херсонесский сборник. Севастополь, Симферополь

AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
AES – Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archaeology of Eurasian steppes]. Kazan'
AKR – Arkheologicheskaya karta Rossii [Archaeological map of Russia]. Moscow
AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
AN SSSR [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. Moscow: IA RAN
APO – Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya [Archaeological sites of Orenburg region]
ASGE – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg: IIMK RAN
AVSZ – Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli [Archaeology of Vladimir-Suzdal land]. Moscow
BAR – British Archaeological Reports
BI – Bosporskie issledovaniya [Bosporan studies]. Kerch
CP – Camera praehistorica
DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus: International annual on history, archaeology, epigraphics, numismatics and philology of Cimmerian Bosporus]. Moscow: IA RAN
EA – Eurasia Antiqua
ERAUL – Étude et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège
GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]
GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]
GMII – Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina [Pushkin Museum of Fine Arts]
GVSMZ – Gosudarstvennyy Vladimiro-Suzdalskiy muzey-zapovednik [State Vladimir-Suzdal museum-reserve]
IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
IIAK (IAK) – Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Proceedings of Imperial archaeological commission]. St. Petersburg
IGAIMK – Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii materialnoy kultury [Bulletin of the State academy of the history of material culture]. Leningrad; Moscow
IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
IYaLI – Institut yazyka, literatury i istorii [Institute of language, literature and history]
JAS – Journal of Archaeological Science

KGPI – Kuybyshevskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut [Kuybyshev State pedagogical institute]
KhSb – Khersonesskiy sbornik [Chersonese collection]. Sevastopol, Simferopol'
KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad
MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
MIAK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani [Materials and investigations on archaeology of the Kuban]. Krasnodar
NAV – Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]. Volgograd
NIIYaLIE – Nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury, istorii i ekonomiki [Scientific-research institute for language, literature, history and economy]. Saransk
NNZ – Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and Novgorod land. History and archaeology]. Veliky Novgorod
PA – Povolzhskaya Arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]. Kazan'
PIFK – Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]. Magnitogorsk
QI – Quaternary International
RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RSM – Ranneslavyanskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
SNV – Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara scientific bulletin]. Samara
SO RAN – Sibirskoe Otdelenie RAN [Siberian Branch of RAS]
SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]
TAS – Tverskoy arkheologicheskiy sbornik [Tver' archaeological transactions]
TTZ – Tver, tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, Tver Land and adjacent territories in Middle Ages]. Tver
TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition]. Ashkhabad
UrO RAN – Uralskoe Otdelenie RAN [Uralian Branch of RAS]
VAAE – Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]. Tyumen'
VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow
VSEGEI – Vserossijskiy nauchno-issledovatelskiy geologicheskiy institut im. A. P. Karpinskogo [All-Russian Karpinskiy Scientific Research geological institute]

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН»

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала.
2. Рукопись подается в электронном формате (Microsoft Word).
3. Материалы должны состоять из: а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисуночных подписей, г) резюме (до 0,5 с.) и ключевых слов (до 10), д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторах.
4. Общий объем рукописи – не свыше 0,8 авторского листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций.
5. Форматирование текста должно быть автоматическим (не использовать клавишу пробела для установки абзацного отступа). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов, название прописными не набирать.
6. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения отдельных изображений, учитывая, что в печатном виде размер иллюстраций составляет 13 × 19 см. Условные обозначения сопровождаются малыми кириллическими буквами и расшифровываются в подрисуночной подписи. Черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – 600 dpi. При необходимости возможна публикация цветных иллюстраций.
7. Таблицы представляются в отдельных файлах (не вставлять в текст) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.
8. Ссылки на литературу даются в тексте в круглых скобках: указываются фамилия автора (на языке издания), год издания, страницы, рис., табл. (*Седов*, 1979. С. 50) или сокращенное название (если издание автора не имеет). Список литературы составляется в алфавитном порядке. Например:

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Седов В. В., 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Чернов С. З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1, № 6695.

Mellaart J., 1979. Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? // Antiquity. Vol. 53. P. 6–22.

Более подробно см. на сайте журнала: ksia.iaran.ru

Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Выпуск 278

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Редакторы: И. А. Агапьева, Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники: Н. С. Сафронова, А. В. Голикова
Оригинал-макет подготовлен Е. А. Морозовой

Подписано в печать 03.03.2025. Формат 70×100 1/16.
Уч.-изд. л. 35. Тираж 250. Заказ №

На задней стороне обложки –
пиксида с изображением Психеи (к статье О. А. Васильевой)

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс Е11907

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30.
E-mail: ksia@iaran.ru

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ISSN 0130-2620